РУССКАЯ ИСТОРІЯ

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ТОМЪ 3

ИЗДАНІЕ Т-ВА „МІРЪ"
МОСКВА

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

М. Н. ПОКРОВСКАГО,

ПРИ УЧАСТІИ

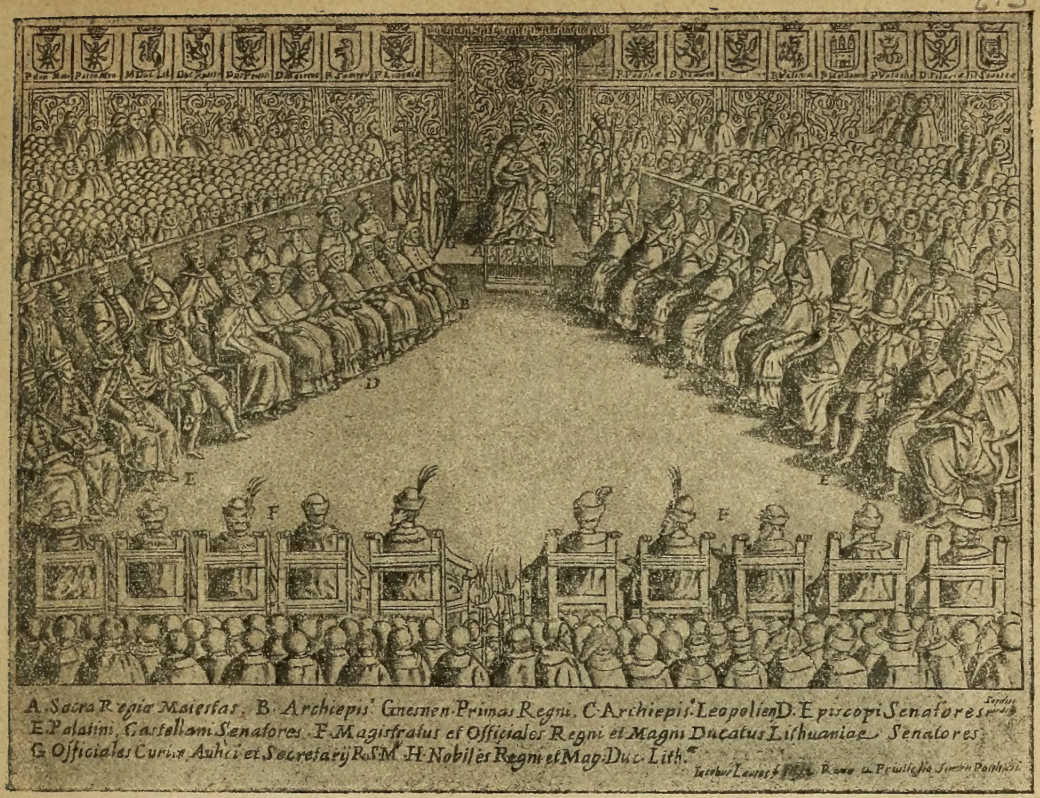
Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева.

Томъ III.

Изданіе Т-ва „МІРЪ“.
МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва — 1914.

947
9P761GB
t.3



A. Sacra Regia Maiestas. B. Archiepis. Gnesnen. Primas Regni. C. Archiepis. Leopolien. D. Episcopi Senatores. E. Palatini, Castellani Senatores. F. Magistratus et Officiales Regni et Magni Ducatus Lithuaniae Senatores. G. Officiales Curiae Aulici et Secretarij R. S. M. H. Nobiles Regni et Mag. Duc. Lith.

ГЛАВА XIII.

Борьба за Малороссію.

1. Западная Русь XVI—XVII вѣковъ.

Господство средняго помѣщика опредѣляло не только внутреннюю, а и внѣшнюю политику московскаго государства послѣ Смуты. Боярская Русь XVI вѣка остерегалась обострять свои отношенія съ Западомъ—и была, по-своему, права: ливонская война при Грозномъ кончилась неудачей; феодальныя ополченія московскаго царя не выдерживали схватки грудь съ грудью противъ регулярныхъ армій новой Европы. Надо было искать врага по себѣ,—какимъ казались крымскіе и поволжскіе татары. Отъ нихъ умѣли, по крайней мѣрѣ, отбиваться: а когда подъ Москву въ 1610 году пришла польская армія, ей сдались сразу, и не пытаясь завязывать неравной борьбы. Дворянское ополченіе, собранное торговыми

городами, уничтожило ореолъ непобѣдимости, окружавшій до тѣхъ поръ польское „рыцарство“. Раньше полякамъ случалось проигрывать отдѣльныя сраженія: то, что произошло подъ Москвой въ 1612 году, было проигрышемъ цѣлой кампаніи. Правда, дальнѣйшій переходъ въ наступленіе не удался побѣдителямъ. А когда противъ московскаго государства оказались еще шведы, и вовсе пришлось сдаваться. Къ 1620-мъ годамъ московская Русь была отброшена на востокъ дальше, чѣмъ это было когда бы то ни было со временъ Ивана III. Не только у Москвы не было теперь ни одного порта на Балтійскомъ морѣ, но всѣ выходы въ это море были наглухо для нея заперты: въ XVII вѣкѣ стало чужимъ даже то, что цѣлыя столѣтія было „своимъ“ для Великаго Новгорода. А сухопутная западная граница, съ Литвой, подошла почти къ предѣламъ нынѣшней Московской губерніи. Днѣпръ на всемъ протяженіи сталъ не русской рѣкой, а Вязьма стала первымъ пограничнымъ русскимъ городомъ съ Запада. Такой разгромъ, казалось, долженъ былъ бы надолго отбить охоту отъ всякихъ предпріятій въ эту сторону. На самомъ дѣлѣ, XVII-ое столѣтіе оказалось вѣкомъ „западныхъ“ войнъ по преимуществу — какъ XVI-ое было по преимуществу вѣкомъ войнъ восточныхъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что причины этого явленія были чисто стратегическія: съ польской арміей подъ Вязьмой, со шведской—подъ Новгородомъ московскому государству жить было нельзя: для того, чтобы оно могло когда-нибудь приспособиться къ такой границѣ, его жизненные центры должны были бы стоять южнѣе и восточнѣе. Имѣя столицу гдѣ-нибудь на средней Волгѣ, можно было помириться съ границей на верховьяхъ Днѣпра—но Москва не могла же оставаться въ постоянномъ рискѣ польской осады. Стратегическія причины—стремленіе „поворотить“ обратно къ Москвѣ отобранные у нея города, если не всѣ, то хотя Смоленскъ съ Дорогобужемъ,—всего больше выступаютъ на видъ въ мотивахъ первой же, послѣ Смуты, войны московскаго государства съ польско-литовскимъ. Но рядомъ со стратегическими мотивами еще раньше, уже въ 20-хъ годахъ, выступаютъ другіе—современникамъ менѣе замѣтные, но на самомъ дѣлѣ болѣе непосредственные. Уже на соборѣ 1621 года указывалось, что въ пограничныхъ уѣздахъ: Путивльскомъ, Брянскомъ, Великолуцкомъ и Торопецкомъ—„Литовскіе люди начали въ государеву землю вступаться, остроги и слободы ставятъ, села и деревни, лѣса и воды осваиваютъ, селитру въ Путивльскомъ уѣздѣ въ семи-

десяти мѣстахъ варятъ, будники золу жгутъ, рыбу ловятъ и звѣрь всякій бьютъ, на пограничныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ наѣзжаютъ, бьютъ, грабятъ, побиваютъ, съ помѣстій сгоняютъ...“ Шелъ споръ о томъ, чья колонизація возьметъ верхъ въ краяхъ, отчасти искони пустыхъ, отчасти запустошенныхъ Смутой. И едва ли нужно говорить, что медаль имѣла двѣ стороны. Тотъ же Путивльскій уѣздъ, гдѣ „литовскіе люди“ контрабандой варили селитру, бывалъ свидѣтелемъ и другихъ картинъ. Въ началѣ 40-хъ годовъ путивльскій воевода писалъ въ Москву, что къ нему приходятъ „литовскіе люди бѣлоруссы“ и бьютъ челомъ, чтобы имъ дали хлѣбное и денежное жалованье, и землю—и они тогда будутъ вѣрно служить московскому государству. Московское правительство весьма охотно исполняло такія просьбы, и всячески наказывало своимъ агентамъ, „чтобы въѣзжимъ черкасамъ (такъ называли тогда этихъ литовскихъ эмигрантовъ) ни отъ какихъ людей продажи и налоговъ и убытковъ никакихъ не было, и лошадей и всякія животины у черкасъ никто не отнималъ и не кралъ, и самому воеводѣ къ черкасамъ держать ласку и привѣтъ добрый, чтобы черкасъ жесточью въ сомнѣнье не привесть“. До какой внимательности къ „черкасамъ“ доходило суровое къ своимъ московское начальство, видно изъ того, что даже бродившихъ по Москвѣ „межъ дворъ“, совсѣмъ нищихъ эмигрантовъ охотно подбирали, снабжали деньгами, давали имъ хлѣбную подмогу и устраивали ихъ въ южныхъ уѣздахъ, поручая спеціальному вниманію мѣстнаго воеводы. На что способны были закрыть глаза въ Москвѣ, когда дѣло шло о „черкасахъ“, покажетъ одинъ характерный случай. По южному рубежу, на границѣ степи, сохранились еще обширные, дѣвственные лѣса: ихъ нарочно берегли, такъ какъ они служили естественнымъ барьеромъ противъ татарской конницы, не рѣшавшейся углубляться въ ихъ чащу. Лѣса были объявлены заповѣдными, и за порубку ихъ полагалась, на бумагѣ, смертная казнь, а на дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, били кнутомъ; даже за простой „въѣздъ“ въ такой лѣсъ, безъ надобности и разрѣшенія начальства, подвергали наказанію. Что, казалось бы, должны были сдѣлать съ людьми, которые „заповѣдный“ лѣсъ распахивали и устраивали въ немъ пасѣки и винокурни? Но когда за такимъ дѣломъ заставали „черкасъ“, то ограничивались тѣмъ, что приводили ихъ „ко кресту“—къ присягѣ на вѣрность московскому государю, да рекомендовали имъ устраиваться на „русской“, т.-е. противоположной отъ степи, сторонѣ лѣса.

И если сломали ихъ винокурню, то только въ виду явнаго намѣренія поселившихся курить вино не только для своего обихода, а и для продажи: такого нарушенія казеннаго интереса въ Москвѣ снести не могли. Не нужно, конечно, думать, что эти „черкасы“ были бездомными людьми, не имѣвшими надъ собою никакого начальства. Это были „подданные“ пограничныхъ польскихъ пановъ, которые могли бы въ этомъ смыслѣ составить не менѣе длинный списокъ жалобъ, чѣмъ какой читали на соборѣ 1621 года. Въ 1638 году лубенскій староста писалъ путивльскому воеводѣ: „подданные князя Іереміи Вишневецкаго, поднявся въ нынѣшнюю свою казацкую войну отъ мѣста Гадяцкаго (города Гадяча), нѣсколько тысячъ, ушли въ Путивль“. Граница была такъ неопредѣленна, впрочемъ, что и самъ князь Іеремія не былъ вполнѣ увѣренъ, кому принадлежатъ земли, населенныя его „подданными“—Москвѣ или Польшѣ. Когда заключали поляновскій миръ (въ 1634 году, послѣ неудачнаго русскаго похода подъ Смоленскъ), Вишневецкій очень хлопоталъ о томъ, чтобы какъ-нибудь не отмежевали части его „Лубенщины“ къ московскому государству. И лишь когда побитые на войнѣ москвичи „безъ спору“ уступили спорную территорію „въ королевскую сторону“, хозяинъ Лубенщины осмѣлѣлъ и сталъ требовать, чтобъ московское правительство пустило его агентовъ уже въ завѣдомо московскіе уѣзды—разыскивать его бѣглыхъ крѣпостныхъ. Москва была тогда въ такомъ угнетенномъ настроеніи, что согласилась и на это, по крайней мѣрѣ, на словахъ. Велѣно было „князь Еремѣя подданныхъ съ государевой земли ссылать безпрестанно тихостью“: послѣднее слово должно было показать московскому начальству на мѣстахъ, что энергіи особенной въ этомъ дѣлѣ отъ него не требовали.

Колонизаціонная подкладка русско-польской борьбы и сдѣлала главнымъ театромъ ея не верховья Днѣпра, стратегически наиболѣе важныя для московскаго государства, а земли къ востоку отъ его средняго теченія—„лѣвобережную Украину“, нынѣшнія Черниговскую и Полтавскую губерніи. Борьба съ Польшей въ XVII вѣкѣ стала борьбою за Малороссію. Національная по формѣ, національно-религіозная по своей идеологіи, въ сознаніи самихъ боровшихся, борьба эта была, въ сущности, соціальной. Боролись два типа колонизаціи—воплощенные въ двухъ общественныхъ группахъ: казачествѣ, съ одной стороны, крупномъ землевладѣніи—съ другой. Такъ какъ первое рекрутировалось пре-

имущественно изъ людей русскаго языка и православной вѣры, а представителями второго были люди польскаго языка и польской культуры—католичество же въ Польшѣ этой эпохи стало чѣмъ-то въ родѣ сословной религіи всѣхъ людей „порядочнаго общества“ и „хорошаго“ происхожденія: то національно-религіозная оболочка происходившей здѣсь классовой войны была довольно естественна. Ее не приходилось выдумывать позднѣйшимъ ученымъ, какъ это въ значительной степени случилось съ дворянско-посадскимъ возстаніемъ, закончившимъ Смуту. Но, болѣе плотная и прочная, чѣмъ въ московскомъ государствѣ начала вѣка, это была все же лишь оболочка. Казакъ ненавидѣлъ польскаго пана, прежде всего другого, потому, что ему, мелкому землевладѣльцу-хуторянину, не было больше мѣста среди росшихъ со сказочной быстротой и отовсюду надвигавшихся на казацкую землю панскихъ фольварковъ. А московскій помѣщикъ потому оказывался союзникомъ этого казака, что онъ и самъ въ этихъ мѣстахъ былъ такимъ же мелкимъ землевладѣльцемъ-хуторяниномъ, какъ и казакъ—значитъ, и такимъ же, какъ онъ, соціальнымъ врагомъ панскихъ латифундій. Что въ борьбѣ приняли дѣятельное участіе пробивавшіеся въ казачество верхніе слои п о с п о л ь с т в а, крѣпостного крестьянства, это было опять вполнѣ естественно—такъ же естественно, какъ и то, что въ 1606—8 годахъ крѣпостное крестьянство боярскихъ вотчинъ шло рука объ руку съ мелкопомѣстными дворянами. Но и тамъ, и тутъ союзъ былъ до поры, до времени. Когда врагъ былъ выбитъ съ поля, все пришло въ норму: казачество осталось казачествомъ, поспольство—поспольствомъ, и даже тотъ фактъ, что казацкая старшина превратилась уже въ настоящихъ помѣщиковъ, не далъ ничего новаго: и въ началѣ вѣка казацкіе атаманы ни къ чему такъ не стремились, какъ къ тому, чтобы быть поверстанными государевыми помѣстьями и стать „настоящими“ дворянами—чего болѣе удачливые изъ нихъ и достигали. Великорусскія событія начала вѣка были не такъ ярки и шумны, какъ малорусскія лѣтъ сорокъ спустя — на сѣверѣ все было сѣрѣе и молчаливѣе, югъ былъ красочнѣе, а кромѣ того, югъ былъ ближе къ Европѣ — значитъ, культурнѣе и сознательнѣе. Но основныя тенденціи движенія были сходны, и нѣтъ ничего удивительнаго, что экспансивные украинцы, нашумѣвъ и наговоривъ гораздо больше своихъ великорусскихъ собратьевъ, кончили тѣмъ же, чѣмъ и они: въ 1654 году стали „подъ высокую руку“ той са-

мой династіи, что сидѣла на московскомъ престолѣ уже съ 1613 года.

Мы оставили юго-западную Русь въ тотъ моментъ, когда татарское нашествіе добило послѣдніе остатки древнѣйшей русской „государственности“, экономическимъ базисомъ которой была „разбойничья торговля“, а главнымъ театромъ—бассейнъ Днѣпра. Здѣсь старая общественная постройка подгнила больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и послѣдствія толчка, даннаго татарами, были разрушительнѣе. Правда, ходячее мнѣніе, что Кіевъ послѣ Батыева нашествія превратился не въ очень большую деревню, съ большимъ жаромъ и большой ученостью оспаривалось въ новѣйшей литературѣ. Но споръ привелъ лишь къ тому, что люди стали правильнѣе оцѣнивать непосредственные результаты монгольскаго погрома вообще—и прежде всего научились отличать судьбу города отъ судьбы земли. Мы уже упоминали въ своемъ мѣстѣ *), что татары, прежде всего другого, были разрушителями городовъ, и что это неслучайное обстоятельство было логическимъ выводомъ изъ ихъ стратегіи столько же, какъ и изъ ихъ политики. Болѣе живые города сѣверо-восточной Руси оправились довольно быстро послѣ погрома. Уже ранѣе нѣсколько разъ опустошавшійся и съ каждымъ десятилѣтіемъ все болѣе падавшій, въ хозяйственномъ и политическомъ отношеніяхъ, Кіевъ подняться изъ своихъ развалинъ не смогъ. Допустивъ даже, что извѣстный разсказъ Плано-Карпини о „большомъ и населенномъ городѣ“, „обращенномъ почти въ ничто“—въ немъ осталось не болѣе 200 домовъ—относится и не къ Кіеву: остаются еще извѣстія русскихъ лѣтописей о томъ, что населеніе Кіева, если не непосредственно послѣ Батыя, то въ концѣ XIII вѣка „все разбѣжалось“. Одинъ фактъ, точно установленный, именно, критикомъ общераспространеннаго мнѣнія, особенно ярко подчеркиваетъ запустѣніе города Кіева: во второй половинѣ XIII столѣтія здѣсь вовсе не было князей, а когда въ слѣдующемъ вѣкѣ они появились, то это были „владѣтели весьма не высокаго полета“, промышлявшіе разбоемъ по большимъ дорогамъ **). Представлять себѣ, какъ это готовъ сдѣлать нашъ авторъ, что кіевляне этого времени были счастливыми республиканцами, значитъ переносить въ XIII вѣкъ понятія и отношенія гораздо болѣе поздняго времени. Князья изъ Кіева ушли. очевидно, потому,

*) См. т. I, стр. 143.
**) М. Грушевскій, „Очеркъ исторіи Кіевской земли“, стр. 468.

что имъ нечѣмъ было тамъ жить—княжескіе доходы были слишкомъ незначительны, чтобы можно было держать тамъ княжескій столъ, какъ были слишкомъ незначительны церковные доходы, чтобы можно было сохранить въ Кіевѣ митрополію. Насчетъ послѣдняго мы имѣемъ документальныя свидѣтельства,—а первое, по аналогіи, гораздо болѣе вѣроятно, нежели Кіевская республика XIII вѣка. Но запустѣніе „матери городовъ Русскихъ“ вовсе еще не обозначаетъ запустѣнія и всей Кіевщины—въ этомъ критики стараго мнѣнія вполнѣ правы. Сельскую Русь татары опустошили ровно настолько, насколько это было неизбѣжно при тогдашнемъ способѣ веденія войны. Безтолковаго истребленія жителей они не могли допустить уже потому, что собирались ихъ эксплуатировать—и дѣйствительно эксплуатировали, между прочимъ, и населеніе Кіевщины. Мы довольно точно знаемъ натуральныя повинности, установленныя для населенія этихъ мѣстъ татарами, и уже самая наличность этихъ повинностей предполагаетъ, какъ само собою разумѣющееся, что здѣсь въ достаточномъ количествѣ имѣлись живые люди: тѣ „мертвыя кости“, о которыхъ говоритъ Плано-Карпини, и которыя, съ его словъ, фигурируютъ во всѣхъ учебникахъ, не могли бы доставлять татарамъ пшеницу и звѣриныя шкуры. А разъ страна была достаточно заселена, хотя, вѣроятно, и гораздо рѣже, нежели въ цвѣтущія времена Кіевщины, долженъ былъ, со временемъ, заселиться вновь и ея главный городъ: этимъ вполнѣ объясняются противорѣчивыя, на первый взглядъ, показанія лѣтописей и документовъ о „процвѣтаніи“ и „красотѣ“ Кіева еще въ XV вѣкѣ, о его тогдашней торговлѣ и новыхъ разгромахъ (особенно въ 1416 и 1482 годахъ), тогда какъ послѣ Батыя громить тамъ, казалось, было уже и нечего. Настоящее, хотя все же и въ это время не абсолютное, запустѣніе Кіевщины относится, повидимому, именно, къ концу XV вѣка, когда стали посѣщать страну крымскіе татары, приходившіе за живымъ товаромъ, и потому опустошавшіе гораздо энергичнѣе, чѣмъ Батый.

Территорія древне-русскихъ княжествъ къ западу отъ Днѣпра ни въ одинъ моментъ древне-русской исторіи не являлась, такимъ образомъ, совершенной пустыней. Переходъ ея подъ главенство Литвы въ половинѣ XIV вѣка (наиболѣе правдоподобной датой занятія литовцами Кіева является, какъ извѣстно, 1362 годъ: старые разсказы о завоеваніи Кіева Гедиминомъ, около 1320 года, новѣйшей критикой признаются легендарными), если что-нибудь измѣнилъ въ поло-

женіи дѣлъ, то только къ лучшему. Въ лицѣ литовскаго великаго князя Кіевщина получила очень сильнаго сюзерена, отъ котораго, въ случаѣ надобности, можно было ждать поддержки, но который, какъ и всякій феодальный сюзеренъ, во внутреннія дѣла своихъ вассаловъ не вмѣшивался. „Въ Литовско-Русскомъ государствѣ“, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ этого послѣдняго: „установился соціально-политическій строй, сильно напоминающій средневѣковый западно-европейскій феодализмъ. Въ тогдашней канцелярской латыни это сходство стало отмѣчаться западно-европейскою феодальною терминологіей еще ранѣе, чѣмъ названный строй установился окончательно. Въ различныхъ грамотахъ, писанныхъ въ первой половинѣ XV вѣка, встрѣчаются упоминанія о „баронахъ“, „рыцаряхъ“, „вассалахъ“, „присяжникахъ“ (homagiales), „феодальныхъ службахъ“. Позже эта терминологія проникла и въ русскій канцелярскій языкъ великаго княжества“ *). Феодальныя отношенія составляютъ не „западно-европейское“, а „обще-европейское“ или даже общечеловѣческое явленіе, какъ мы знаемъ. Но литовскій феодализмъ былъ, дѣйствительно, ближе къ западному типу, нежели, напримѣръ, московскій. Здѣсь были рѣзче выражены какъ феодальный иммунитетъ, такъ и іерархичность феодальнаго строя, дѣлавшая изъ господствующаго общественнаго слоя нѣкоторое подобіе лѣстницы. Литовскій великій князь вовсе не собиралъ податей въ вотчинахъ своихъ вассаловъ—тогда какъ сѣверо-восточные князья всегда собирали, по крайней мѣрѣ, татарскую дань—и вовсе не имѣлъ тамъ права суда, тогда какъ его великорусскіе современники всегда оставляли себѣ наиболѣе лакомые куски судебнаго дохода. Арръеръ-вассалы, которые въ московской Руси только встрѣчаются, въ литовской составляютъ общераспространенное явленіе—нельзя себѣ представить большое западно-русское имѣніе безъ своихъ „земянъ“ и своихъ „бояръ“, зависѣвшихъ всецѣло отъ своего непосредственнаго сюзерена и вполнѣ отрѣзанныхъ отъ сюзерена верховнаго, великаго князя Великокняжескому суду они подлежали лишь въ томъ случаѣ, если ихъ ближайшій сюзеренъ не давалъ на нихъ суда и управы; но и въ этомъ случаѣ, получивъ челобитье отъ обиженнаго, великій князь всегда начиналъ съ вѣжливыхъ напоминаній, пуская въ ходъ свою власть только въ крайней необходимости. Феодализмъ, вообще, равнодушенъ къ націо-

*) М. Любавскій, „Литовско-Русскій сеймъ“, Москва, 1901, стр. 101.

Смерть Іосафата Кунцевича.

Оригиналъ картины польскаго художника Зиммлера († 1868 г.) *Смерть Іосафата Кунцевича, полоцкаю уніатскаю архіепископа, 1623 г.* находится въ московской галлереѣ Румянцовскаго музея (№ 1133). Внизу картины справа имѣется подпись: Józef Simmler. 1861. Интересна и въ высокой степени характерна легенда этой картины, приведенная на 120—121 стр. каталога галлереи (по изд. 1909 г.): «Во время бывшаго въ царствѣ Польскомъ мятежа 1863 г. картина эта была поставлена ревнителями польско-католической пропаганды въ греко-уніатской монастырской церкви города Бялы. Въ 1864 г. по распоряженію Н. А. Милютина и кн. В. А. Черкасскаго картина эта взята оттуда и передана въ Румянцовскій Музей». Такимъ образомъ картина Зимлера является не только исторической по сюжету, но также исторической по своей судьбѣ, знаменуя собой историческіе нравы половины XIX вѣка и отлично объясняя, почему совершился уходъ многихъ польскихъ древностей и памятниковъ изъ предѣловъ русской Польши за границу, въ Краковъ и другія мѣста. Изъ другихъ картинъ Зимлера на историческіе мотивы наиболѣе извѣстны еще *Смерть королевы Варвары Радзивиллъ* и *Присяга королевы Ядвиги*.

Отъ Зимлера вѣетъ духомъ старой романтики; историзмъ его очень условенъ; концепція его работы не претендуетъ на нормальность позъ и сценъ. Его интересъ однако, какъ представителя извѣстной школы и выразителя польскихъ думъ о старой Польшѣ, безспоренъ и цѣненъ. Въ картинѣ *Смерть Іосафата Кунцевича* Зимлеръ выступаетъ наиболѣе характерно, а сама картина сыграла видную историческую роль; на ней испробовалъ свои либеральные вкусы и Н. А. Милютинъ. Картина Зимлера, не считаясь съ требованіями историческаго реализма, изображаетъ одинъ изъ эпизодовъ борьбы между православіемъ и уніатствомъ въ первой четверти XVII столѣтія. Рѣзкій фанатизмъ обѣихъ сторонъ характеризуетъ эту борьбу въ западномъ краѣ точно такъ, какъ онъ же окрашиваетъ борьбу никоніанства и раскола въ московской Руси второй половины XVII в. И если московскій расколъ выставилъ священномученика Аввакума, то весьма понятно, что западная Русь выставила священномученика Кунцевича, убійство котораго православными въ Витебскѣ 12 ноября 1623 года и составляетъ сюжетъ картины Зимлера.

Архіепископъ полоцкій Іосафатъ Кунцевичъ явился страстнымъ борцомъ за унію. Въ своей политикѣ онъ столько же придавалъ значеніе проповѣди, сколько насилію. Не въ меньшей степени тактика Кунцевича была повторена въ Москвѣ Никономъ: только Никонъ погибъ въ своемъ столкновеніи съ царемъ Алексѣемъ, не жалѣвшимъ для раскольниковъ жестокихъ мѣръ, а Кунцевичъ—отъ православной толпы, не пожелавшей терпѣть его притѣсненій. Разница заключается только въ томъ, что свѣтская власть въ Москвѣ поощрительно относилась къ *крутости* Никона, а польскія власти осуждали *лютость* Кунцевича *). Стоитъ заглянуть въ переписку канцлера Льва Сапѣги, чтобы убѣдиться насколько отрицательно относился Сапѣга къ этой лютости. Въ письмѣ къ уніатскому митрополиту Іосифу Рутскому Сапѣга откровенно писалъ, что «ксендзъ владыка полоцкій слишкомъ жестоко началъ поступать въ дѣлахъ вѣры, и очень надоѣлъ и омерзѣлъ народу какъ въ Полоцкѣ, такъ и вездѣ». «Давно я предостерегалъ его, просилъ и увѣщевалъ, чтобы онъ такъ жестоко не дѣйствовалъ; но онъ, имѣя свои соображенія, болѣе упрямыя, нежели основательныя, не хотѣлъ слушать нашихъ совѣтовъ», продолжаетъ Сапѣга въ письмѣ

*) Волынскій депутатъ Л. Древинскій на сеймѣ 1620 г. попрекалъ Іосафата Кунцевича тѣмъ, что онъ сынъ сапожника.

9 февраля 1621 г. Даже русскіе церковные историки не считаютъ неудобнымъ для себя оговорить, что послѣ сейма 1621 г. польское правительство стало «нѣсколько внимательнѣе и справедливѣе относиться къ просьбамъ и жалобамъ православныхъ». Постановленія сейма 1623 г. уже не оставляютъ въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній. 12 марта 1622 г. Сапѣга писалъ лично Кунцевичу въ отвѣтъ на его оправданія, что онъ никакъ не можетъ согласиться съ рѣзко насильственной политикой послѣдняго и считаетъ ее въ данный моментъ вредной для Рѣчи Посполитой. И если Аввакумъ признавался, что дѣлаетъ чудеса и пытался опредѣлить мѣсто, которое онъ займетъ по смерти въ сонмѣ святыхъ, то Іосафатъ Кунцевичъ также постоянно мечталъ о мученической смерти и пожалуй искалъ ея, доводя до конца послѣдствія своей ревности не по разуму. Письма Сапѣги и Кунцевича требуютъ, конечно, и пересмотра и новаго перевода, но сущность ихъ содержанія не противорѣчитъ условіямъ тогдашней дѣйствительности. Кунцевичъ къ тому же былъ неподкупенъ въ своей политикѣ и не поддавался никакимъ сильнымъ вліяніямъ. Однажды населеніе Могилева попыталось предложить Кунцевичу 30 тысячъ польскихъ флориновъ, чтобы онъ прекратилъ преслѣдованія православныхъ. Кунцевичъ отвергъ эту попытку купить за деньги свободу православія, заявивъ, что онъ ищетъ лишь спасенія душъ черезъ унію.

Кунцевичъ зналъ, что его хотятъ убить; на него уже покушались въ Могилевѣ, Полоцкѣ и Витебскѣ; Кунцевичъ не стѣснялся появляться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему угрожала смерть. Въ концѣ октября 1623 г. Кунцевичъ появился въ Витебскѣ, а въ воскресенье 12 ноября на всѣхъ церквахъ раздался набатъ и на архіерейскій домъ со всѣхъ сторонъ города бросились толпы народа. Толпа избила и перераниля слугъ и свиту архіепископа, вторглась въ комнату, гдѣ находился онъ самъ. Одинъ ударилъ Кунцевича палкою по головѣ, другой разсѣкъ ее топоромъ, третій, четвертый сталъ бить его, кто чѣмъ попалъ. Разграбивъ весь архіерейскій домъ, православные вытащили трупъ Кунцевича на площадь, надъ трупомъ надругались всѣ, не исключая женщинъ и дѣтей, и послѣ мерзкихъ эксцессовъ надруганія тѣ же православные бросили тѣло искалѣченнаго архіепископа полоцкаго въ Двину...

В. Стор.

нальнымъ перегородкамъ—національнымъ появляется лишь на слѣдующей ступени соціальнаго развитія. Уже поэтому нельзя было ожидать какого-нибудь гнета со стороны литовскаго сюзерена по отношенію къ его русскимъ подданнымъ, только потому, что онъ—литовецъ, а они—русскіе. Присутствіе въ „господарской радѣ"—куріи или боярской думѣ наслѣдниковъ Гедимина—русскихъ бояръ изъ бывшихъ удѣльныхъ княжествъ, аннексированныхъ Литвою, достаточно засвидѣтельствовано для самыхъ первыхъ десятилѣтій послѣ аннексіи: совершенно не видно, чтобы здѣсь была какая-нибудь борьба за національное право—очевидно, и мысли объ этомъ не приходило въ голову ни завоевателямъ, ни завоеваннымъ. Католическая церковь, явившаяся въ Литву послѣ уніи съ Польшей (въ 1386 году), пыталась провести другую границу—запереть дверь въ великокняжескую думу „схизматикамъ", сдѣлавъ изъ православныхъ, такъ сказать, вассаловъ второго сорта. Сравнительно малое число „пановъ радныхъ" русскаго происхожденія и православной вѣры и, въ особенности, блѣдная роль въ господарской радѣ православныхъ архіереевъ—рядомъ съ выдающимся вліяніемъ въ ней высшаго католическаго духовенства—долгое время поддерживали у историковъ убѣжденіе, что попытка эта католической церкви удалась. Впечатлѣнія отъ позднѣйшей религіозной борьбы, въ дни католической реакціи второй половины XVI вѣка, когда притомъ боровшіяся стороны не останавливались и передъ поддѣлкою документовъ, укрѣпили этотъ предразсудокъ еще болѣе. Теперь, однако, можно считать доказаннымъ, что тенденціи католицизма не нашли себѣ воплощенія въ литовско-русской дѣйствительности. Знаменитый Городельскій привилей 1413 года, устранявшій вассаловъ не-католическаго исповѣданія отъ высшихъ должностей въ великомъ княжествѣ, въ этомъ своемъ пунктѣ остался мертвой буквой, а въ 1432 году всѣ преимущества, данныя этимъ привилеемъ боярамъ-католикамъ, были формально распространены и на бояръ-православныхъ. Позднѣйшіе документы, содержавшіе ограниченія этого рода, повидимому, просто были сочинены іезуитами въ концѣ XVI вѣка. Православное же меньшинство въ господарской радѣ достаточно объясняется тѣмъ, что католицизмъ уже тогда успѣлъ сдѣлаться фешенебельной вѣрой, которую поспѣшило усвоить все, что претендовало на знатность: всѣ крупнѣйшіе землевладѣльцы, за единичными исключеніями, оказались католиками, а непосредственными вассалами великаго князя были, разумѣется,

именно, крупные землевладѣльцы. И въ то время, какъ католическая церковь въ краѣ рекрутировалась изъ сливокъ мѣстнаго общества, „православные архіереи выходили большею частью изъ мелкаго люда, изъ духовенства или простонародья, мѣщанъ и крестьянъ, и изрѣдка изъ мелкой или средней шляхты“ *). То, что казалось историкамъ религіозной перегородкой, на самомъ дѣлѣ было соціальной, и религіозной борьбы въ западной Руси не было до конца XVI вѣка точно такъ же, какъ не было національной.

Не вызвало такой борьбы и формальное присоединеніе юго-западной Руси къ Польскому королевству, по Люблинской Уніи 1569 года. Исторія этой уніи представляетъ собою чрезвычайно поучительный примѣръ того, какъ подъ національнымъ конфликтомъ скрывается, въ сущности, соціальный. Въ старой литературѣ, напримѣръ, у Соловьева, дѣло изображалось такъ, что унію поляки навязали Литвѣ, литовцы же „сильно упорствовали, но потомъ должны были согласиться на соединеніе, когда увидѣли, что не поддерживаются русскими“. Мотивомъ, заставлявшимъ „русскихъ“ держать нейтралитетъ въ спорѣ, были притѣсненія, которыя они якобы испытывали отъ „литовскихъ вельможъ“. Что послѣдніе не пользовались никакими особенными привилегіями, сравнительно съ „вельможами“ русскими, это мы уже знаемъ. Несомнѣнный фактъ, что и русская знать относилась къ уніи такъ же враждебно, какъ и паны радные литовскаго происхожденія: въ числѣ крупныхъ землевладѣльцевъ непосредственно аннексированнаго Польшею Подляшья (восточный уголъ позднѣйшаго „царства Польскаго“), устроившихъ настоящую обструкцію въ борьбѣ съ уніей, мы находимъ коренныя русскія фамиліи: Ходкевичей и Сопегъ. Причины, дѣлавшія этихъ „вельможъ“ различныхъ національностей патріотами автономной Литвы, очень любопытны и гораздо сложнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Дѣло было не только въ нежеланіи дѣлиться своей властью съ „вельможами“ польскими. „Автономное великое княжество Литовское было предпріятіемъ, на которое магнаты затратили огромные фамильные капиталы въ формѣ ссудъ скарбу (великокняжеской казнѣ), и имъ естественно хотѣлось по прежнему хозяйничать и распоряжаться въ этомъ предпріятіи. Унія, какъ ее понимали поляки, угрожала положить конецъ этому хозяйничанью, и потому магнаты такъ и противились

*) М. Любавскій, назв. сочин., стр. 363.

ей. Самые ярые противники уніи были какъ разъ тѣ именно паны, которые потратили такъ много своихъ денегъ на нужды великаго княжества, въ родѣ, напр., пана Яна Еронимовича Ходкевича, старосты Жмудскаго, или подканцлера Остафія Воловича. Очевидно, они боялись не только за свое значеніе въ будущей соединенной Рѣчи Посполитой, но и за свои „пенязи“, отданные въ ссуду скарбу и гарантированные заставами (залогомъ) господарскихъ имѣній“ *). Какимъ образомъ государство этого времени могло стать своего рода капиталистическимъ предпріятіемъ, это мы увидимъ позже: здѣсь мы найдемъ одинъ изъ характернѣйшихъ показателей экономическаго переворота, совершавшагося въ эту именно эпоху. Сейчасъ мы должны отмѣтить другое: если „капиталисты“ знатнаго происхожденія косо смотрѣли на унію, къ ней совсѣмъ иначе должны были относиться незаинтересованные въ „предпріятіи“ средніе и мелкіе землевладѣльцы. Такъ оно и было. Поляки всегда имѣли на своей сторонѣ „литовское рыцарство“, безъ различія происхожденія, а противились уніи только литовскіе „потентаты“, по словамъ польскихъ делегатовъ, докладывавшихъ о ходѣ переговоровъ на Петроковскомъ сеймѣ въ 1565 году. Оттого стремленіе отдѣлить это „рыцарство“ отъ его „потентатовъ“ и вступить съ нимъ въ непосредственныя сношенія было однимъ изъ главныхъ пріемовъ польской политики, а стремленіе не допустить этого—однимъ изъ главныхъ пріемовъ литовской „рады“. Но литовско-русская шляхта не ограничивалась платоническими симпатіями къ уніи—она проявляла въ этомъ отношеніи иниціативу, весьма смущавшую литовскихъ „потентатовъ“. Около 1563 года „рыцарство“, находившееся тогда въ походѣ противъ Москвы, составило между собою особое соглашеніе съ цѣлью добиваться уніи во что бы то ни стало, даже вопреки желанію офиціальнаго литовскаго правительства; отступившіе отъ этого соглашенія, напомнившаго русскому изслѣдователю классическія „конфедераціи“ польской шляхты, должны были считаться измѣнниками и, въ случаѣ побѣды сторонниковъ уніи, подлежали изгнанію, а если бы „паны радные“ вздумали преслѣдовать какого-нибудь „земянина“ за участіе въ соглашеніи, остальные должны были за него вступиться, какъ одинъ человѣкъ. Польша шла впереди Литвы въ процессѣ соціальнаго развитія—въ ней переходъ политической власти въ руки сред-

*) М. Любавскій, цит. сочин., стр. 821.

няго помѣщика (въ Польшѣ величавшагося „народомъ“, какъ въ московскомъ государствѣ такой же помѣщикъ былъ „всей Землей“) совершился уже въ первой половинѣ XVI вѣка. Глядя на это, литовско-русская шляхта не могла не „разлакомиться“, и никакія попытки литовской аристократіи купить себѣ миръ со своимъ дворянствомъ соціальными уступками не достигали цѣли. На Бѣльскомъ сеймѣ 1564 года феодальная знать отказалась отъ своихъ судебныхъ привилегій, согласившись подчиняться одинаково со всѣми „земянами“ выборному земскому суду: это было, помимо всего другого, тяжелой матеріальной жертвой, потому что непосредственные вассалы литовскаго великаго князя лишились теперь крупной доли своего судебнаго дохода. Но для „рыцарства“ этой уступки было мало. Статутъ 1566 года повелъ дѣло дальше: этимъ статутомъ законодательная власть съ „рады“ (боярской думы) была перенесена на „вальный сеймъ“ (земскій соборъ), безъ согласія котораго великій князь обязался не издавать никакихъ уставовъ. Собственно, шляхетскій „народъ“ Литвы уже держалъ верховную власть въ своихъ рукахъ, но ему было мало и теоретическаго признанія его верховенства: ему нужно было свое, шляхетское правительство, а этого онъ не надѣялся достигнуть безъ помощи польской шляхты. Люблинская унія, поставившая весь ходъ дѣлъ въ объединенной Рѣчи Посполитой подъ контроль общаго польско-литовскаго сейма, гдѣ не было ни литовскихъ „княжатъ“, ни иныхъ членовъ по личному праву, а только „послы, избранные литовскимъ и польскимъ рыцарствомъ“, осуществила это желаніе. Насколько оно было главнымъ, а всѣ другія стороны уніи второстепенными, видно изъ того, что отдѣльныя „земли“ не остановились передъ перспективой стать непосредственными подданными „короны“, какъ только явилось сомнѣніе, удастся ли провести планъ объединенія на шляхетскихъ условіяхъ для всей Литвы. „Захватъ“ поляками Подляшья и Волыни, а затѣмъ Подолья и Кіевщины, при совершенно явномъ попустительствѣ мѣстной шляхты, которая все время хлопотала объ оборонѣ не отъ „захватчиковъ“-поляковъ, а отъ своей, туземной аристократіи (доходившей до угрозъ татарами!) представляетъ собою одну изъ любопытнѣйшихъ сторонъ Уніи 1569 года. Онъ лучше всего другого показываетъ, что образованіе единой Рѣчи Посполитой было послѣдствіемъ не какихъ-нибудь дипломатическихъ шахматныхъ ходовъ—такъ часто изображались дѣла въ старые годы, а политическимъ закрѣпленіемъ общаго

какъ для „короны“, такъ и для „княжества“ соціальнаго явленія: перехода фактическаго вліянія въ обществѣ отъ крупной феодальной знати къ среднему землевладѣнію. Въ Польшѣ и Литвѣ въ половинѣ XVI вѣка произошло то же, что въ иныхъ политическихъ формахъ случилось на три четверти столѣтія позже въ московской Руси.

Въ этой послѣдней, какъ мы знаемъ, основу соціальной перемѣны составляла перемѣна экономическая: зарожденіе раннихъ формъ мѣнового хозяйства и въ связи съ этимъ превращеніе феодальнаго землевладѣльца въ сельскаго хозяина-предпринимателя. Въ Польшѣ и Литвѣ этотъ процессъ выступаетъ передъ нами еще отчетливѣе. Всѣ основныя его черты: замѣна натуральнаго оброка денежнымъ, появленіе барской запашки и въ связи съ нею барщины, уменьшеніе крестьянскаго надѣла въ пользу барской пашни — все это прекрасно знакомо и западно-русскимъ писцовымъ книгамъ XVI вѣка, которыя притомъ гораздо богаче такимъ матеріаломъ, чѣмъ ихъ московскія современницы. Въ Московской Руси этого времени денежный оброкъ былъ, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, очень распространенъ: въ Руси Литовской и аннексированныхъ польскою короною русскихъ областяхъ онъ рѣшительно господствовалъ, при чемъ мы имѣемъ рядъ характернѣйшихъ случаевъ превращенія невинныхъ натуральныхъ поборовъ патріархальнаго средневѣковья въ очень серьезную денежную подать. Такова была, напримѣръ, исторія медовой дани. Въ королевскихъ имѣніяхъ львовскаго староства—части старинной Галицкой Руси, присоединенной къ Польшѣ еще въ XIV вѣкѣ—по инвентарю 1545 года тѣ крестьяне, „кто имѣлъ пчелъ“, давали ежегодно по пяти полумѣрокъ меду. „Люстрація“ 1565 года показываетъ намъ „медовую дань“ уже какъ постоянный налогъ, по 30, въ среднемъ, грошей съ хозяйства (отъ 2 до 3 рублей на теперешнія деньги): и всего черезъ 5 лѣтъ, къ 1570 году, этотъ налогъ доходитъ до 50 грошей на хозяйство (болѣе 4 рублей). Въ то же время въ имѣніяхъ Пинскаго повѣта—нынѣшней Минской губерніи — та же „медовая дань“ была главнымъ платежомъ крестьянъ и составляла на каждое хозяйство отъ 20 до 127 грошей литовскихъ (которые были крупнѣе польскихъ); чтобы правильно оцѣнить эти цифры, надо имѣть въ виду, что въ эти годы и въ этихъ мѣстахъ двухдневная барщина выкупалась, обыкновенно, 1 злотымъ—24 грошами. Минимальные размѣры „медовой дани“ были немногимъ меньше, а максимальные въ пять разъ больше этого. Одинаковыя

условія въ нынѣшней Минской губерніи и въ нынѣшней Галиціи не должны, однако, вводить насъ въ заблужденіе, будто всюду было одно и то же. Даже въ самой Галичинѣ различія были довольно рѣзкія и не случайныя. Въ то время, какъ въ восточныхъ старостахъ можно было найти, въ довольно чистомъ видѣ, „первоначальные элементы, изъ которыхъ складывались крестьянскіе платежи“, въ западныхъ большая часть натуральнаго оброка переведена на деньги, а въ Самборщинѣ мы видимъ денежные платежи за всѣ „данины“ *). Ту же особенность мы замѣчаемъ и въ распространеніи барщины. Она есть уже всюду; но на востокѣ, въ земляхъ великаго княжества литовскаго, въ началѣ второй половины XVI вѣка она только что заводилась; извѣстный „уставъ о волокахъ“ короля Сигизмунда Августа (1557 года) только еще высказываетъ пожеланіе, чтобы во всѣхъ королевскихъ имѣніяхъ въ Литвѣ заводились „фольварки“ — усадьбы съ барской запашкой. Подъ послѣднюю отводилась $^1/_8$ всей культурной площади: на каждую „волоку“ дворцовой пашни должно было приходиться не менѣе 7 волокъ крестьянскихъ, съ вполнѣ устроеннымъ хозяйствомъ, „з волы и съ клячами“ на каждой, такъ какъ обрабатывать хозяйскую пашню предполагалось крестьянскимъ инвентаремъ. Какъ и въ дворцовыхъ имѣніяхъ Московской Руси того же времени, хозяйство пытались поставить раціонально: изъ „устава о волокахъ“ мы выносимъ очень живое представленіе о томъ, какъ была организована крестьянская „робота“ въ большомъ благоустроенномъ имѣніи юго-западной Руси. Староста—„войтъ“—въ воскресенье назначалъ каждому изъ „подданныхъ“ его урокъ на всю недѣлю. За исправнымъ выполненіемъ этого урока слѣдили строго: кто не выходилъ на работу во-время, въ первый разъ платилъ грошъ, во второй разъ барана, въ третій его „бичомъ на лавкѣ карали“; если манкировка была злонамѣренная, напримѣръ, по причинѣ пьянства, тѣлесное наказаніе полагалось сразу. Зато можно было избавиться отъ наказанія вовсе, если предварительно заявить начальству объ уважительной причинѣ, мѣшающей выйти на работу; только отъ самой работы ни въ какомъ случаѣ нельзя было избавиться — пропущенные дни должны были быть отработаны во что бы то ни стало. Регламентировано было употребленіе времени и въ теченіе самой работы: кто работалъ со скотомъ—воломъ или лошадью—имѣлъ

*) М. Грушевскій, въ предисловіи къ I тому „Источниковъ Украинско-русской исторіи“ („Жерела до Історіи Украіни-Руси“).

право отдыхать три часа въ продолженіе рабочаго дня,—часъ передъ обѣдомъ, часъ въ полдень и часъ передъ вечеромъ; пѣшій работникъ отдыхалъ всѣ эти три раза по получасу. Выходить на барскую работу обязательно было „якъ солнце всходить“, а уйти можно было только на заходѣ солнца. Но, строго регламентированная, количественно барщина была еще не велика, какъ можно было бы догадаться уже по относительнымъ размѣрамъ барской и крестьянской запашки: у крестьянина брали въ Литвѣ 2 дня въ недѣлю, т.-е. $^1/_3$ его рабочаго времени. Въ Галичинѣ мы встрѣчаемъ гораздо болѣе высокія нормы работы: двухдневная барщина спускается чуть не на послѣднее мѣсто, наиболѣе распространенной является обязанность работать 3 дня въ недѣлю или же каждый день по полудню; и не рѣдки — нисколько не рѣже двухдневной барщины — четырех- и пятидневная: это былъ максимумъ эксплуатаціи, такъ какъ два дня въ недѣлю, воскресенье и базарный день, крестьянамъ оставляли всегда. Такіе порядки были въ галицкихъ „королевщинахъ“, т.-е. имѣніяхъ совершенно того же типа, какъ и тѣ, о которыхъ говоритъ „уставъ о волокахъ“. На частновладѣльческихъ земляхъ эксплуатація была гораздо сильнѣе: это мы можемъ видѣть очень наглядно, когда какая-нибудь „королевщина“ попадаетъ „въ держанье“ къ частному лицу. Одно дворцовое село львовскаго староства еще въ 1534 году не несло никакихъ повинностей, кромѣ натуральной „данины“, по барану и по свиньѣ съ каждаго хозяйства; пашня была даже не мѣряна. Но вотъ въ немъ явился „державецъ“, Станиславъ Жолкевскій, и тотчасъ же завелись новые порядки. Пашня была тщательно вымѣряна, и часть ея отошла къ усадьбѣ (прежде тутъ барской усадьбы не было), для обработки этой земли была заведена барщина, но натуральный оброкъ не только не былъ отмѣненъ, а къ нему прибавился еще денежный. „Жизнь и хозяйство села измѣнились до неузнаваемости. Въ 1534 году здѣсь было 28 хозяйствъ на немѣряной землѣ, дававшихъ 28 барановъ и столько же свиней, при чемъ тѣхъ и другихъ у каждаго хозяйства было значительное стадо... Въ 1565—70 гг. здѣсь было уже 62 тяглыхъ хозяйства на 10 ланахъ (по-московски „вытяхъ“) и 26 загородниковъ (по-великорусски „бобылей“), при чемъ крестьянскія земли уменьшились, по малой мѣрѣ, втрое... Упало и скотоводство: въ 1565 г. съ 62 хозяйствъ получено только 20 штукъ свиней и 1 баранъ—далеко меньше, чѣмъ раньше получалось съ 28 хозяйствъ“ *). Какъ отнеслись къ этой

*) „Жерела“, т. VII, предисловіе, стр. 7.

перемѣнѣ сами обитатели села, источники не говорятъ. Но мы имѣемъ одинъ случай, показывающій, что заведеніе новыхъ порядковъ не всегда было простымъ и легкимъ дѣломъ. Въ томъ же Львовскомъ старостве было село Добряны, по привилею короля Владислава, отъ 1439 года, дававшее ежегодно 8 дней барщины, 24 гроша „чиншу“ (денежнаго оброка) и колоду овса съ „лана“. Тогда въ немъ считалось 14 лановъ; къ XVI вѣку, благодаря распашкѣ новыхъ земель, оказалось уже 36. Но главнымъ фактомъ было расширеніе барской запашки въ Добрянахъ: 8 дней въ годъ для ея обработки стало не хватать, и приходилось сгонять крестьянъ изъ дальнихъ имѣній. Въ виду этого дворцовое управленіе, произведя въ 1530 годахъ новое обмежеваніе земель, постановило, чтобы добрянцы работали на барщинѣ по два дня въ недѣлю (тогдашняя норма въ королевскихъ имѣніяхъ). Но селяне „противились этому силой, не приняли новаго межеванія и не хотѣли работать барщины“, и до 1570 года ихъ не удавалось къ этому принудить. Попытка посадить въ Добряны новыхъ „осадниковъ“, чтобы получить рабочихъ для барской пашни, не удалась—мѣстное населеніе ихъ выжило. Люстрація 1570 года ввела опять двухдневную барщину, понизивъ чиншъ до 18 грошей, но добрянцы и теперь не послушались и до 1578 года не приняли „реформы“. Что съ ними далѣе случилось—неизвѣстно *).

Понижать „чинши“, вводя барщину, приходилось очень часто: но это вовсе не обозначало обыкновенно облегченія крестьянскихъ повинностей. Въ Теребовльскомъ старостве до 1550 годовъ работали по 8 дней въ годъ и платили 48 грошей чиншу. Новый староста уменьшилъ чиншъ до 30 грошей, но ввелъ двухдневную барщину: по тогдашней цѣнѣ рабочихъ рукъ она обошлась бы, примѣняя вольнонаемный трудъ, не дешевле 60 грошей—иными словами, крестьянскія повинности, въ переводѣ на деньги, выросли почти вдвое. Но чиншъ никогда не исчезалъ вовсе, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне работали ежедневно; были случаи, что ежедневная барщина сочеталась даже съ довольно высокимъ денежнымъ оброкомъ—до 24 грошей съ хозяйства въ годъ. При такихъ условіяхъ крестьянскій надѣлъ уже въ XVI вѣкѣ превращался въ то, чѣмъ онъ долженъ былъ стать впослѣдствіи, при „капиталистической“ барщинѣ—въ особую форму натуральной заработной платы барскаго батрака. Въ

*) Ibid, стр. 7—9.

тѣсной связи съ ростомъ барщины стоитъ поэтому другое явленіе: дробленіе крестьянскихъ надѣловъ, поощряемое барской экономіей. Географическій законъ этого явленія тотъ же, что и двухъ предыдущихъ. „Вообще говоря, крестьянскіе участки уменьшались по направленію съ востока на западъ и съ юга на сѣверъ". „На востокѣ въ половинѣ XVI вѣка господствуютъ хозяйства на цѣлыхъ дворищахъ, или на дворищѣ сидятъ по два хозяйства... дальше на западъ число хозяйствъ, приходящихся на одно дворище, увеличивается..." *). Паденіе размѣровъ хозяйства идетъ чрезвычайно правильно: если ѣхать съ востока на западъ, путешественникъ встрѣтилъ бы на самой восточной границѣ Галичины крестьянъ, сидѣвшихъ на полной выти („дворищѣ" или „ланѣ"), дальше начинали попадаться полудворищныя хозяйства; еще дальше они преобладали, и попадались ужъ четверть-дворищныя; и, наконецъ, еще западнѣе начинали встрѣчаться „вісімки" — хозяйства на $^1/_8$ лана. Начало дробленія весьма точно совпадаетъ съ началомъ изучаемаго нами экономическаго процесса— полу- и четверть-дворищныя хозяйства начинаютъ появляться съ конца XV—начала XVI вѣка.

Былъ, однако, предѣлъ дробленія, ниже котораго неудобно было спускаться и съ точки зрѣнія барской выгоды: мы уже видѣли, какъ измельчаніе хозяйствъ вліяло на скотоводство, а барскія пашни обрабатывались крестьянскими волами и лошадьми. Но тутъ двѣ тенденціи барщиннаго хозяйства сталкивались. Барину нуженъ былъ не только крестьянскій скотъ для обработки земли — ему прежде всего нужна была сама земля, и если для „фольварка" ея не хватало, не у кого было взять ея, кромѣ крестьянъ. Отдѣльные случаи сгонянья крестьянъ съ надѣла мы наблюдали и въ восточной Россіи. Но тамъ это не болѣе, чѣмъ симптомъ процесса, во всей широтѣ никогда не развертывавшагося. Не то было въ Руси западной. Здѣсь эти явленія были настолько распространенными, что начинали внушать правительству опасенія чисто-финансоваго характера: можно было бояться въ иныхъ мѣстахъ, что скоро не съ кого будетъ брать такихъ спеціально-крестьянскихъ налоговъ, какъ „надѣльные" — прямая подать съ каждаго крестьянскаго хозяйства. Сухія „люстраціи" (переписи) становятся почти сантиментальными, разсказывая, какъ тотъ или иной панъ „скупилъ" крестьянина. „Служебники (вассалы) нынѣшняго староства (Саноцкаго) скупили въ

*) Грушевскій, ibid, т. I, стр. 15—16.

этомъ году трехъ селянъ", говоритъ одна люстрація: „не безъ розлива слезъ; а они были очень хорошими хозяевами, на тѣхъ пашняхъ родились и состарились, и было подъ ними полтора вымѣрянныхъ лана пашни, съ которыхъ они аккуратно платили чиншъ и тягло, какъ разсказываютъ о нихъ сосѣди. Про эти ланы Змѣевскій (одинъ изъ „скупившихъ" вассаловъ) сказалъ, что ихъ далъ ему король, уволивши ихъ отъ права и отъ власти города, и отъ уплаты всякихъ чиншей. Такъ осиротѣли убогіе люди, а тягло и чиншъ съ этихъ земель пропадетъ". Богъ вѣсть, заинтересовался ли бы судьбою „убогихъ людей" королевскій ревизоръ, если бы тягло и чиншъ не пропали: но его словамъ о „розливѣ слезъ" можно повѣрить, и нельзя считать очень преувеличеннымъ заключительное его замѣчаніе,—что „коли такъ каждый годъ будутъ скупать по нѣскольку крестьянъ, ихъ немного останется въ старостве". Но крестьянъ не только „скупали" — у нихъ и просто отбирали землю „неизвѣстно по какому праву", какъ отмѣчаетъ люстрація въ другомъ мѣстѣ. Обезземеливали не только отдѣльныхъ „селянъ", но и цѣлыя селенія. Въ одномъ селѣ Перемышльскаго староства, гдѣ еще въ 1553 году было 36 тяглыхъ хозяйствъ, сидѣвшихъ на полудворищахъ, въ 1565 г. оставалось лишь 20 „загородниковъ" — безземельныхъ бобылей, работавшихъ на барской пашнѣ. Люстрація глухо замѣчаетъ, что это случилось „по винѣ самихъ крестьянъ", но трудно ли было найти „вину" въ подобномъ случаѣ?

Что дѣлали обезземеленные? Въ однихъ случаяхъ, какъ мы уже видѣли, параллельно съ экспропріаціей крестьянства росъ разрядъ „загородниковъ"—росъ, кажется, даже быстрѣе, чѣмъ шло обезземеленіе. Въ одномъ изъ селъ Перемышльскаго староства за 70 лѣтъ, съ 1497 по 1565 годъ, изъ 22 лановъ крестьянской земли успѣли оттягать только $1^1/_2$ лана, а рядомъ съ 40 хозяевами мы видимъ здѣсь уже 14 загородниковъ, не имѣвшихъ своей пашни. Въ другомъ селѣ въ 1497 году былъ всего одинъ ланъ земли, а въ 1565 г. мы находимъ здѣсь 5 хозяевъ и 24 загородника. Впрочемъ, наиболѣе энергичное обезземеленіе падаетъ на среднія десятилѣтія вѣка— и на нихъ же приходится максимальный ростъ загородничества, такъ что предыдущія десятилѣтія можно, пожалуй, и не считать: съ 1553 по 1565 годъ въ 21 селеніи Перемышльскаго староства число загородниковъ съ 66 увеличилось до 141—на 133%. Въ Саноцкомъ старостве за еще меньшій періодъ, съ 1558 по 1565 годъ, число загородниковъ

удвоилось; здѣсь загородники составляли, къ этому послѣднему году, 11% всего населенія, а въ перемышльскомъ даже 26%. Но далеко не всѣ обезземеленные попадали въ эту категорію. То, что крестьянъ довели до потери своего хозяйства, ясно указывало на избытокъ въ данномъ имѣніи рабочихъ рукъ: но если были избыточныя рабочія руки, естественно было использовать ихъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ были „великіе и густые лѣса“. О томъ, чтобы „осаживать“ людьми лѣса, „на волоки размѣренные“, заботится даже уставъ Сигизмунда Августа, въ сравнительно просторной еще Литвѣ. Новымъ поселенцамъ давалась льгота на пять, на шесть, даже на десять лѣтъ—а гдѣ были „черные лѣса, тяжкіе къ вырубленію“, и еще больше. На западной окраинѣ должны были заботиться о томъ же еще ревностнѣе: и дѣйствительно, добрая доля Саноцкихъ „королевщинъ“ „была свѣжимъ колонизаціоннымъ пріобрѣтеніемъ“; въ началѣ XVI вѣка здѣсь было не болѣе 30 селъ, принадлежавшихъ коронѣ—въ серединѣ до 54. Прибыль падала здѣсь, какъ и въ перемышльской землѣ, почти исключительно на „горскія села“, villae submontaneae, врѣзавшіяся въ лѣсную чащу Карпатъ, куда уходили „копать лѣсъ“ люди, не примирявшіеся дома съ положеніемъ огородниковъ. Какъ быстро шло здѣсь заселеніе, видно изъ того, что на верховьяхъ Вислока люстрація 1565 г. застала 18 селъ съ 311 хозяйствами на 200 ланахъ земли,—о которыхъ и помину не было въ началѣ столѣтія. Нѣтъ надобности говорить, что здѣсь условія крестьянской жизни были совсѣмъ иныя, чѣмъ на старыхъ мѣстахъ—о барщинѣ здѣсь и во второй половинѣ XVI вѣка иной разъ ничего не слыхали, развѣ что ходили въ горячую пору на помочи. Но перейти на другую землю того же хозяина —это было еще полсвободы. Просторныя земли на востокѣ манили больше, нежели „тяжкіе лѣса“ Карпатовъ. Переписи нерѣдко сообщаютъ намъ, какъ крестьяне, у которыхъ сосѣдніе паны оторвали добрый кусокъ пашни и сѣнокоса, кинули оставшуюся землю и „пошли себѣ“ — пошли невѣдомо куда. И такіе невѣдомо куда ушедшіе люди встрѣчались уже въ изобиліи не только на западѣ, а и на востокѣ: „уставъ о волокахъ“ много вниманія удѣляетъ бѣглымъ, видимо, очень заботясь о томъ, чтобы не отрѣзать имъ дороги назадъ, ежели захотятъ вернуться. Среди восточныхъ пановъ были особые спекуляторы на такихъ бѣглыхъ: ими, главнымъ образомъ, Вишневецкіе колонизовали свое Посулье— гдѣ на мѣстѣ пустыни, бывшей здѣсь еще въ началѣ XVI в., къ концу его были десятки селъ, а къ серединѣ слѣдую-

щаго—довольно густо заселенная мѣстность, съ порядочными городскими центрами. По инвентарямъ 1640 годовъ въ „Вишневеччинѣ“ было до 40.000 хозяйствъ—въ томъ числѣ въ ея столицѣ, Лубнахъ, 2646 дворовъ: а владѣлецъ всего этого, уже поминавшійся нами выше князь Іеремія, могъ затратить на свою свадьбу 250.000 злотыхъ (почти 300.000 рублей на теперешнія деньги). При этомъ цѣлые города, напримѣръ, Пирятинъ, были заселены бѣглыми *). Замки Вишневецкихъ давали этому пришлому люду оборону отъ татаръ. Но кто былъ похрабрѣе, въ своихъ поискахъ воли и лучшей жизни не останавливался, конечно, на подданствѣ Вишневецкимъ: на восточной окраинѣ панская колонизація сталкивалась съ другой колонизаціонной струей — съ колонизаціей вольной, казацкой.

Романтическое представленіе о казачествѣ, какъ о союзѣ вольныхъ людей, не стерпѣвшихъ крѣпостного ига и ушедшихъ въ вольную степь—строить себѣ новый міръ, гдѣ всѣ равны, гдѣ нѣтъ крѣпостныхъ и господъ,—это представленіе очень живуче въ исторической литературѣ даже до сего дня. Знакомясь съ фактами, вы, однако же, напрасно ищете той „демократической, пролетарской дружины“, о которой вы столько читали и слышали. Подъ именемъ „казаковъ“ вы вездѣ встрѣчаете мелкихъ землевладѣльцевъ, очень напоминающихъ тогдашняго окраиннаго помѣщика и цѣлыми рядами незамѣтныхъ переходовъ связанныхъ съ землевладѣльческимъ классомъ вообще. Мы уже упоминали объ этомъ, не приводя подробностей, по поводу роли казачества въ Смутѣ. Вотъ нѣсколько образчиковъ того, что представляли собою великорусскіе казаки южной окраины. Подъ Бѣлгородомъ было село Стариково, населенное бѣломѣстными атаманами и казаками. У каждаго изъ первыхъ было по 30 четвертей пашни „въ полѣ“—т.-е. по 45 десятинъ пахатной земли всего—и по 150 копенъ сѣна; у каждаго изъ вторыхъ—по 20 четвертей (30 десятинъ) и по 100 копенъ. Кромѣ казаковъ, въ томъ же селѣ жило 34 человѣка бобылей, работавшихъ на этой самой казацкой землѣ. То же самое было и подъ Воронежемъ. Писцовая книга говоритъ: „на Воронежѣ (рѣка) на атаманскихъ и на казачьихъ придаточныхъ земляхъ деревни, въ тѣхъ деревняхъ дворы атаманскіе и казацкіе, поставлены на пріѣздъ, а за ними же живутъ бобыли, пашутъ ихъ землю“.

*) Спеціальный изслѣдователь Лубенщины и Вишневецкихъ относится къ этимъ цифрамъ подозрительно — не безъ основаній. Но другихъ нѣтъ. Колоссальный же ростъ Вишневеччины и онъ признаетъ. См. Лазаревскій, „Лубенщина“.

Въ двухъ деревняхъ Оскольскаго уѣзда тоже жили казаки. Но они „мало чѣмъ отличались отъ дѣтей боярскихъ“. По крайней мѣрѣ, въ одной челобитной они писали, что „какъ были въ Осколѣ дозорщики и писцы, и ту... землю писали за ними, и въ сошное письмо въ уѣздѣ писали съ Осколяны дѣтьми боярскими врядъ“ и что они „четвертныя деньги въ ямской приказъ и стрѣлецкіе кормы и всякія государевы подати платятъ съ Осколяны дѣтьми боярскими врядъ ежегодъ“ и врядъ же съ ними служили всякую службу *). Но, скажетъ читатель, это казаки „городовые“, „служилые“,—а были особые, „вольные“—на Дону, напримѣръ. Къ тому же всѣ эти данныя относятся уже къ XVII вѣку. Мы, однако, тщетно стали бы искать между „служилыми“ и „неслужилыми“ казаками той демаркаціонной черты, которую обыкновенно проводятъ съ такою увѣренностью—и раннее казачество ничѣмъ въ этомъ случаѣ не отличалось отъ позднѣйшаго. Въ половинѣ XVI вѣка ѣхалъ изъ Москвы въ Константинополь посолъ Новосильцевъ. Провожать его до Азова должны были донской атаманъ Мишка Черкашенинъ, съ 50 атаманами и казаками „своего прибору“: это была, стало быть, вольная казацкая дружина, временно порядившаяся въ службу къ московскому правительству. По дорогѣ одинъ изъ членовъ этой дружины дезертировалъ, о чемъ посолъ доносилъ государю такъ: „Мишкина прибора казакъ помѣстный (такой-то) на твою государеву службу не пошелъ, воротился изъ Рыльска къ себѣ на вотчину Рыльскую“. Можно было быть служилымъ государевымъ казакомъ и въ то же время присоединиться къ одному изъ вольныхъ казацкихъ отрядовъ—одно другому вовсе не мѣшало. Въ данномъ случаѣ помѣстный казакъ пошелъ за вольнымъ атаманомъ (котораго мы скоро видимъ ведущимъ на свой страхъ и рискъ войну съ турками) съ цѣлью, такъ сказать, благонамѣренной: съ тѣмъ, чтобы охранять царскаго посла. Но благонамѣренная цѣль вовсе не была обязательна. Незадолго передъ тѣмъ шестеро путивльскихъ—т.-е. „городовыхъ“—казаковъ примкнули къ отряду „черкасовъ“ и съ ними вмѣстѣ ограбили крымскаго гонца, шедшаго изъ Москвы. Дѣло это казалось имъ настолько естественнымъ, что затѣмъ четверо изъ нихъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулись къ себѣ въ Путивль. Правда, въ отвѣтъ на жалобы крымскаго правительства, царь отрекся отъ этихъ

*) И. Миклашевскій, „Къ исторіи хозяйств. быта Московскаго государства“, I, стр. 77, 83, 111.

своихъ „слугъ“ и честилъ ихъ „разбойниками“. Но это была обычная фразеологія, разъ навсегда выработанная для случаевъ подобнаго рода. И въ Крыму, и въ Константинополѣ по аналогичнымъ поводамъ всегда говорили: „сами знаете, что на Терскѣ и на Дону живутъ воры бѣглые люди, безъ вѣдома государева, не слушаютъ они никого...“ Но когда обращались къ самимъ казакамъ, говорили совсѣмъ другое. Когда въ концѣ XVI вѣка донскихъ казаковъ заставляли безъ выкупа отдать назадъ „черкасъ“—т.-е. литовскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ ими во время набѣга (среди полнаго офиціальнаго мира, разумѣется), а казаки въ отвѣтъ стали грозить, что они уйдутъ съ московской службы, царскій посолъ говорилъ: „отъѣздомъ вамъ государю грозити непригоже, холопы вы государевы и живете на государевой отчинѣ“. Но, не считая этого спеціальнаго повода къ разрыву, казаки и не думали отрицать своихъ обязанностей по отношенію къ Москвѣ: „тебя, посланникъ, провожать и государю служить мы готовы“, говорили они. Ихъ только очень обижало, что хотятъ отнять у нихъ плѣнныхъ, которыхъ они добыли „своей кровью“ — и которые представляли, конечно, значительную хозяйственную цѣнность въ этихъ пустыхъ краяхъ, гдѣ даже и бобылей найти было уже нельзя. А подъ конецъ Смуты, когда казацкая служба въ этихъ мѣстахъ стала особенно нужна, въ одномъ офиціальномъ документѣ писалось даже, что „ихъ атаманскою и казачьею службою, радѣніемъ и дородствомъ, московское государство очистилось и учинилось свободно“. Московскій дипломатическій стиль отличался большой гибкостью, и понимать его буквально было бы очень неосторожно: тѣ, къ кому обращались московскіе дипломаты непосредственно, турецкіе паши и крымскіе мурзы, никогда бы себѣ такой неосторожности не позволили. „Вы говорите: донскіе казаки—вольные люди, воруютъ безъ вѣдома вашего государя“, отвѣчалъ русскому послу великій визирь въ 1592 г.: „Крымскіе и Азовскіе люди такіе же вольные. Впередъ только государь вашъ не сведетъ съ Дону казаковъ, и я вамъ говорю по Богу: не только крымскимъ съ нагаями велимъ ходить, но сами пойдемъ своими головами съ многою ратью сухимъ путемъ и водянымъ, съ нарядомъ и городомъ, хотя и себѣ досадимъ, а ужъ сдѣлаемъ это, и тогда миру не будетъ“. Въ отвѣтъ на эти воинственныя рѣчи великаго визиря московское правительство, которое только что увѣряло, что съ казаками оно не имѣетъ ничего общаго, послало на Донъ грамоту, гдѣ, между прочимъ, говорилось: „вы бы службу

свою показали: перебравъ лучшихъ атамановъ и молодцовъ конныхъ, послали на Калміусъ, на Арасланов улусъ, улусъ его погромили бы...".

Что было на Дону, то было и на Днѣпрѣ. Въ этомъ отношеніи „черкасскіе" казаки, городовые и запорожскіе, были родными братьями великорусскихъ казаковъ „верховыхъ" и „низовыхъ". И тутъ, и тамъ экономической основой было промысловое хозяйство: охота, рыболовство и, въ очень большой степени, бортничество. О послѣднемъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Охотничьи промыслы казаковъ слишкомъ хорошо извѣстны—отмѣтимъ только, что на Днѣпрѣ въ это время они пріобрѣтаютъ особое значеніе, такъ какъ, съ уплотненіемъ населенія Западной Руси, охота тамъ становится все больше и больше панской привилегіей: уже въ 1557 году, по „уставу о волокахъ", за убійство серны или другого крупнаго звѣря крестьянину угрожала смертная казнь—такъ же, какъ и тому, кто попадется въ предѣлахъ „пущи", заповѣднаго королевскаго лѣса, съ „рушницею"—огнестрѣльнымъ оружіемъ. Экономическая роль бортничества была никакъ не менѣе значительна, чѣмъ охоты или рыбной ловли. Въ Путивльскомъ уѣздѣ незадолго передъ Смутой одного „медвянаго оброку" собиралось 2320 пудовъ—да еще къ тому 100 рублей деньгами. „Литовское разореніе" уменьшило натуральный оброкъ почти вдвое—но зато скоро послѣ него въ краѣ появляется болѣе интенсивная форма пчеловодства, занесенная все тѣми же „черкасами": вмѣсто „бортныхъ ухожаевъ" появляются пасѣки—иными словами, пчелъ начинаютъ водить искусственно, не довольствуясь тѣмъ, что можно было найти готовымъ въ лѣсу. То, что мы знаемъ о людяхъ, принесшихъ съ собою это техническое новшество, не оставляетъ сомнѣнія, что то были эмигрировавшіе изъ польскихъ предѣловъ казаки. „Тѣхъ пасѣкъ литовскіе люди,—жаловались обитатели Вольновскаго уѣзда,—у насъ на Вольномъ лошадей крадутъ и сильно отнимаютъ и насъ бьютъ и смертное убойство намъ чинятъ и по дорогамъ проѣзду отъ нихъ нѣтъ". По сыску оказалось, что эти „черкасы" пришли изъ Ахтырки, Гадяча, Миргорода, Полтавы и т. под. Какъ всегда, московское правительство не захотѣло примѣнять къ литовскимъ эмигрантамъ крутыхъ мѣръ. Сначала велѣно было „сослать ихъ съ государевой земли, безъ бою и безъ задору",—а когда и пришельцы, со своей стороны, повели себя корректно и подали царю челобитныя, прося оставить ихъ на занятыхъ ими земляхъ, въ Москвѣ не затруднились испол-

нить эту просьбу. Пасѣчники-казаки встрѣчаются намъ и въ западной, правобережной, Украйнѣ—еще въ половинѣ XVI вѣка. Одна петиція Вѣницкихъ земянъ, 1546 года, упоминаетъ, что, по мѣстному обычаю, паны брали съ казаковъ, „имѣющихъ 30 пчелъ“ копу грошей „поклону“: упоминаніе объ этой пошлинѣ рядомъ съ крестьянскимъ „выходомъ“ бросаетъ свѣтъ на положеніе казаковъ въ ту эпоху; они, очевидно, сидѣли не всегда на вольной, а иногда и на панской землѣ. Въ Вишневеччинѣ мы встрѣчаемъ позже сплошныя и очень крупныя казацкія поселенія на землѣ Вишневецкихъ. Это приводитъ насъ къ вопросу о происхожденіи западнорусскаго казачества—выясненному, въ соотвѣтствующей литературѣ, гораздо лучше, чѣмъ происхожденіе казачества великорусскаго.

Мы не будемъ останавливаться на этимологіи слова „казакъ“ (или „козакъ“, какъ пишутъ и говорятъ на юго-западѣ). Нѣтъ ничего болѣе шаткаго, чѣмъ этимологическія толкованія. Можно себѣ представить, что будетъ, если какой-нибудь историкъ XXX, положимъ, вѣка вздумаетъ путемъ этимологическихъ сближеній опредѣлять, что такое были наши сибирскіе „стрѣлковые полки“ времени русско-японской войны. Изъ того, что корень одинъ со словомъ „стрѣла“, онъ заключитъ, вѣроятно, что то были отряды пѣхоты, вооруженной луками и стрѣлами, а такъ какъ полки назывались „сибирскими“, то дѣло ясно—это были вспомогательныя дружины дикихъ сибирскихъ инородцевъ на русской службѣ. Мы ничего не извлечемъ для исторіи казачества ни изъ того факта, что такъ назывались отряды легкой татарской конницы, ни изъ того, что въ половецкомъ словарѣ 1303 года „козакъ“ значитъ „сторожъ“. Слово пришло, конечно, съ востока: но понятіе было вполнѣ мѣстное, и обозначавшаяся словомъ вещь существовала въ дѣйствительности ранѣе, чѣмъ къ ней пріурочили, именно, это слово. Въ основѣ западнорусскаго казачества, какъ и восточнаго, лежала обязательная военная служба всего пограничнаго населенія—нельзя даже сказать „служба“, потому что съ этимъ словомъ связывается представленіе о нѣкоторомъ принужденіи сверху, а здѣсь, на окраинѣ степи, откуда ежегодно появлялись татары, человѣку естественно было быть военнымъ: безоружный человѣкъ здѣсь жить не могъ. Нужно было или отказаться отъ колонизаціи этихъ мѣстъ, или идти сюда не только съ сохой, косой и топоромъ, но и съ ружьемъ. Ружье было такъ же необходимо здѣшнему поселенцу XVI—XVII вѣковъ, какъ и южно-afри-

Баторій передъ Псковомъ.

Оригиналъ картины польскаго художника Яна Матейко *Стефанъ Баторій передъ Псковомъ* былъ выставленъ въ парижскомъ салонѣ въ 1874 году. Эта картина, богатая по своей композиціи и археологически-бытовымъ деталямъ, отдаетъ модернизаціей лицъ и нѣкоторыхъ позъ и живо подчеркиваетъ различіе культуръ польской и московской. Многіе справедливо скажутъ, что она нѣсколько тенденціозна, но въ этой исторической тенденціозности—ея сила, подчеркивающая былое столкновеніе двухъ культуръ, столкновеніе двухъ интересовъ сосѣднихъ общественныхъ союзовъ. Избранный на польскій престолъ седмиградскій князь Стефанъ Баторій 17 апрѣля 1576 года имѣлъ уже торжественный въѣздъ въ Краковъ. Въ 1577 г. московскій царь Иванъ IV, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ быть избраннымъ на польскій престолъ, воевалъ Ливонію, захватывалъ города... Покуда у короля съ царемъ шли пересылки черезъ пословъ и гонцовъ, въ февралѣ 1578 г. въ Варшавѣ былъ созванъ сеймъ, на которомъ рѣшили воевать съ Москвой и захватить Ливонію. Ливонская война принимала дурной оборотъ для царя Ивана, послы его были задержаны въ Литвѣ, а въ іюнѣ 1579 г., подготовившись къ борьбѣ, король Стефанъ отправилъ въ Москву гонца съ объявленіемъ войны. Царь Иванъ, который съ такимъ презрѣніемъ отзывался о королѣ Стефанѣ, скоро долженъ былъ узнать о томъ, что король взялъ Полоцкъ и Соколъ, и лавры царя Ивана увяли совсѣмъ... Отправляя новыхъ пословъ, приказывая имъ *все* терпѣть и на *все* соглашаться, оскорбленный въ своемъ военномъ ничтожествѣ царь могъ только на письмѣ язвить своего полнаго энергіи и подвижного соперника, говоря: «мы, смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всеа Руси, по Божьему изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію». Въ августѣ 1581 г. Стефанъ Баторій осадилъ Псковъ, гдѣ во главѣ осажденныхъ стояли князь Вс. Ѳ. Скопинъ-Шуйскій и князь Ив. П. Шуйскій. Во время этой осады царь снова началъ переговоры о мирѣ, при чемъ въ качествѣ посредника между царемъ Иваномъ и королемъ Стефаномъ выступилъ папскій посолъ Антоній Поссевинъ. 6 января 1582 г. и было заключено десятилѣтнее перемиріе съ потерею для московскаго царства всей Ливоніи, но царь Иванъ все-таки очень долго не могъ примириться съ мыслью, что у Москвы нѣтъ ни клока изъ береговъ Балтійскаго моря; онъ потерялъ въ борьбѣ старинные русскіе города по Финскому заливу и Ладожскому озеру... и завоеваніе береговъ Балтійскаго моря досталось въ наслѣдство уже XVIII столѣтію. С. Соловьевъ, характеризуя царя Ивана, прямо говоритъ, что «несчастная война съ Баторіемъ, потеря Ливоніи, униженіе, претерпѣнное Іоанномъ, должны были также разрушительно подѣйствовать на его здоровье». Изъ Полоцка, отвоеваннаго Стефаномъ, царь получилъ два посланія князя Курбскаго. Легко себѣ представить весь гнѣвъ царя Ивана, когда онъ прочитывалъ заключеніе перваго изъ нихъ: «писано во преславномъ градѣ *Полоцку* государя нашего свѣтлаго короля Стефана, паче же преславна суща въ богатырскихъ вещахъ, въ третій день по взятію града», или второго: «писано въ Полоцку государя нашего короля Стефана по сущему преодолѣнію подъ *Соколомъ* въ 4 день». Легко себѣ представить московскаго самодержца читающимъ въ дни пораженій отъ польскаго короля это послѣднее посланіе князя Курбскаго, призывающее царя покаяться и исправиться, пока не все еще погибло и не исчезъ весь домъ его. Прежде, говоритъ Курбскій, мы видѣли покореніе царствъ, трепетъ враговъ, побѣды, — а теперь? Теперь видимъ «вмѣсто крѣпкихъ стратиговъ и стратилатовъ — прегнуснодѣйныхъ и богомерзкихъ Бѣльскихъ съ товарищи, и вмѣсто храбраго воинства — кромѣшниковъ или опришницовъ кровоядныхъ, тмы тмами горшихъ, нежели палачей». «Воспомяни дни своя первіи, въ нихъ же блаженнѣ царствовалъ еси! Не губи къ тому себя и дому твоего. Очутися и воспряни»,—взываетъ князь Курбскій, попрекая царя и тѣмъ, что онъ живетъ «дѣвицъ чистыхъ четы собирающе, за собою ихъ подводами волочаще и нещадно чистоту ихъ растлѣвающе, не удовлився уже своими пятью или шестью женами». Но было уже поздно, нація не могла спасти западной политики Грознаго — и польскій художникъ XIX вѣка выразительно, рѣзко и зло продолжалъ месть ковельскаго князя Курбскаго.

В. Стор.

„Русская исторія".

Изд. Т-ва „Міръ".

канскому колонисту XIX-го: причемъ и тамъ, и тутъ роль этого орудія производства отнюдь не была только пассивная, какъ часто изображается. Грабежи татарскихъ стадъ, „лупленіе чабановъ татарскихъ“, а въ болѣе удачныхъ случаяхъ „лупленіе“ и сосѣднихъ турецкихъ городковъ—входили въ кругъ обычныхъ промысловъ въ южно-русской степи точно такъ же, какъ грабежи туземцевъ—въ кругъ „промысловъ“ южно-африканскихъ. Если житомірскіе мѣщане 1552 года обязаны были „рушницы мать и стреляти добре уміти“, а ихъ сельскій сосѣдъ, волынскій крестьянинъ, по словамъ одного писателя конца XVI вѣка, „идя на работу, несъ на плечѣ ружье, а до боку чеплялъ шаблю або мечь“,—то это, конечно, не значило, что всѣ эти люди представляли собою нѣчто въ родѣ современной швейцарской милиціи. Надоѣло пахать или торговать, можно было отправиться и „козаковать“: кто былъ помоложе и попредпріимчивѣе, тотъ это и дѣлалъ. Когда „козакованье“ становилось неудобно польскому правительству, оно и взывало, обыкновенно, къ старшему поколѣнію: требовало, „абы отцове сыновъ своихъ на козацтво не выпущали“. Благодаря этому, отсутствіе тамъ или сямъ названія казаковъ вовсе еще не указываетъ на отсутствіе и самаго явленія. Въ Барскомъ старостві середины XVI вѣка мы не встрѣчаемъ казаковъ, какъ особой общественной категоріи, а это было „одно изъ казацкихъ гнѣздъ“ того времени. „Козаковала“ здѣсь, главнымъ образомъ, мелкая шляхта, преимущественно русская. „Въ правительственныхъ актахъ, напримѣръ, въ грамотѣ кіевскому воеводѣ 1541 года, казаки разумѣются подъ общимъ названіемъ мѣщанъ“ *).

Это отсутствіе рѣзкой соціальной отграниченности малороссійскаго казачества отъ другихъ общественныхъ классовъ продолжается и въ позднѣйшую эпоху, когда казачество становится революціоннымъ элементомъ. Одинъ изъ предводителей казацкаго возстанія 1590-хъ годовъ, Шаула, былъ черкасскимъ мѣщаниномъ, и притомъ не изъ бѣдныхъ, судя по тому, что у него занималъ деньги Кіево-Печерскій монастырь. Въ Кіевѣ, по поводу того же возстанія, было конфисковано нѣсколько домовъ, принадлежавшихъ казакамъ-„зрайцамъ“ (мятежникамъ). Но тѣснѣе всего казачество было связано, конечно, съ землевладѣніемъ. Въ 70-хъ годахъ XVI-го вѣка мы находимъ большія земли на р. Ворсклѣ,

*) Грушевскій, „Примітки до історії козачини“, (Записки науковаго товариства имени Шевченка, XXII).

принадлежащія „козаку-земянину“ Омеляну Ивановичу: королевская грамота титулуетъ этого „казака-дворянина“ „шляхетнымъ“. Въ 90-хъ годахъ другой казакъ, Тимко Волевичъ, имѣлъ большія помѣстья въ Чигиринщинѣ, „издавна принадлежавшія его предкамъ, купившимъ ихъ на свои деньги“. За то же возстаніе 1596 года былъ конфискованъ цѣлый рядъ имѣній, принадлежавшихъ „казацкимъ особамъ“: мы узнаемъ объ этомъ изъ жалованной грамоты короля знакомому намъ по исторіи Смуты гетману Жолкевскому, которому были отданы эти имѣнія. Наконецъ, одинъ изъ главныхъ вождей того же возстанія, знаменитый гетманъ Лобода, „несомнѣнно, былъ богатымъ человѣкомъ: на это указываютъ многочисленныя справки объ его имуществѣ, которое искали по монастырямъ, у евреевъ (нѣкоего Леона Перцовича), и у помѣщиковъ (Семена Бутовскаго, кіевскаго войскаго)“. Будучи уже гетманомъ, Лобода купилъ себѣ село Сотники. Въ слѣдующемъ столѣтіи земельная собственность становится даже соціальной основой для партійной группировки казачества. Когда впервые введенъ былъ реестръ, т.-е. сдѣлана была попытка ограничить казацкія привилегіи сравнительно небольшимъ, тѣснымъ кругомъ болѣе зажиточныхъ казаковъ, реестръ приняли и держались, относительно польскаго правительства, лояльно, „дуки“,—партія, къ которой „принадлежали, главнымъ образомъ, казаки богатые“. „Между ними бывали въ тѣ времена богачи, что могли смѣло равняться съ земянами; нѣкоторые были шляхетскаго происхожденія. Имъ было что терять, и они должны были оглядываться на польское правительство“. Иначе совсѣмъ относились къ этому послѣднему „нетяги“, казаки бѣдные, для которыхъ „козакованье“ было промысломъ: „запрещеніе грабежей для нихъ было отобраніемъ главнаго источника дохода“ *).

Какъ видимъ, мы весьма далеки отъ „пролетарскихъ, демократическихъ дружинъ“, принципіально враждебныхъ наличному общественному строю. Въ казачествѣ и польскихъ помѣщикахъ мы видимъ двухъ классовыхъ противниковъ внутри одного и того же общества. Это были два разныхъ

*) См. того же автора „Матеріяли до історіі казацкихъ рухів 1590-хъ рр.“ (ibid. XXXI—XXXII) и Рудницкаго, „Украинськи козаки в 1625—30 рр.“ (тамъ же). Мѣсто не позволяетъ намъ здѣсь коснуться исторіи р е е с т р а: она подробно разсмотрѣна въ цитированной на предыдущей страницѣ статьѣ проф. Грушевскаго. Тамъ вполнѣ убѣдительно доказывается, что, во-первыхъ, при Стефанѣ Баторіи никакого реестра не было, а во-вторыхъ, что попытка „реестра“ преслѣдовала, главнымъ образомъ, одну цѣль: избавиться отъ дипломатическихъ затрудненій съ Турціей, порождавшихся казацкими набѣгами.

способа ликвидаціи древнѣйшаго, „натуральнаго“, феодализма. Польскимъ панамъ лучше удалась задача, на которой сломало себѣ шею московское боярство XVI вѣка. Ихъ латифундіи болѣе успѣшно превращались въ сельскохозяйственныя предпріятія, съ обширной барской запашкой и массовымъ примѣненіемъ крѣпостного труда. Здѣсь мы имѣемъ уже въ XVI вѣкѣ тотъ „восточно-европейскій“ типъ хозяйства, который въ великорусскія области сталъ проникать лишь въ XVIII-мъ. Но и противникъ у польской латифундіи былъ болѣе европейскій. Если не бояться характеризовать сложное явленіе по одному признаку, казацкую земельную собственность, въ массѣ среднюю или мелкую, знавшую батраковъ и „подсусѣдниковъ“—но не знавшую ни организованной барщины сотенъ крестьянъ, ни сеньеріальныхъ правъ землевладѣльца, ни иммунитета, ни права суда, ни мелкихъ земянъ-вассаловъ—можно бы назвать „буржуазной“. Казацкая буржуазія, въ лицѣ Богдана Хмельницкаго, и подняла знамя возстанія противъ польскаго феодализма. Какъ и всякая другая буржуазія, она не могла обойтись безъ „чернорабочихъ“, безъ массы „поспольства“—и, благодаря этому, она была въ своихъ лозунгахъ демократичнѣе своей соціальной сущности. Но, когда боевой моментъ прошелъ, экономическія отношенія взяли свое: казачество размѣстилось наверху, поспольство осталось внизу.

2. Казацкая революція.

Съ послѣдней четверти XVI вѣка тотъ антагонизмъ мелкаго и крупнаго землевладѣнія, который воплотился въ украинскихъ казакахъ и польскихъ панахъ, пріобрѣтаетъ свою окончательную форму. Первые находятъ идеальное оправданіе своихъ классовыхъ требованій, выступая защитниками православія противъ уніи; вторые, проводя эту унію, стараются сдѣлать православную церковь орудіемъ въ рукахъ крупнаго землевладѣнія. А на попытку польскихъ помѣщиковъ подчинить всецѣло казачество польской „государственности“, взять его цѣликомъ на коронную службу и точно регламентировать его положеніе на этой службѣ, казаки отвѣ-

чаютъ тѣмъ, что создаютъ себѣ заграничный центръ, независимый отъ польскаго государства, въ образѣ Запорожской Сѣчи.

Мы видѣли выше, что православная церковь въ предшествующее время не пользовалась въ юго-западной Руси особымъ почетомъ и уваженіемъ, но и не была въ то же время предметомъ гоненій. Руководящіе общественные слои просто не обращали на нее вниманія, предоставляя эту „хлопскую вѣру“ хлопамъ. Этимъ объясняется и демократическій составъ православной церковной іерархіи, о которомъ тоже говорилось выше. Демократическое происхожденіе русскихъ архіереевъ вовсе, однако, не означало, что православная церковь въ юго-западной Руси была организована демократически. Напротивъ, и въ то время она, какъ всякая церковь въ феодальномъ обществѣ, зависѣла отъ крупнаго замлевладѣнія. Церкви и монастыри стояли на боярской и княжеской землѣ, и владѣльцы этой земли были ихъ патронами: назначеніе священниковъ, игуменовъ и архіереевъ зависѣло отъ нихъ. Но при натуральномъ хозяйствѣ это право не давало имъ почти никакой выгоды. Церковные доходы состояли изъ тѣхъ же продуктовъ, что и натуральный оброкъ, платившійся помѣщику, и увеличивая количество этихъ продуктовъ выше извѣстной мѣры было, какъ мы знаемъ, безсмысленно при условіяхъ натуральнаго хозяйства, при отсутствіи рынка и сбыта. Положеніе стало быстро мѣняться по мѣрѣ того, какъ въ западную Русь стало проникать денежное хозяйство. Два факта мѣстной церковной жизни тѣсно связаны съ этимъ новымъ явленіемъ. Оба давно обратили на себя вниманіе историковъ, но брались они не съ той стороны, которая была для нихъ характерной: потому они оставались изолированными другъ отъ друга и несвязанными съ общимъ ходомъ историческаго процесса. Очень извѣстенъ, даже изъ „Тараса Бульбы“, фактъ отдачи въ аренду православныхъ церквей въ западной Россіи этого времени. Но и въ повѣсти Гоголя, и въ историческихъ работахъ стараго времени подчеркивалось при этомъ только то обстоятельство, что арендаторами, обыкновенно, были евреи: какъ будто отдача церкви въ аренду лицу другого исповѣданія что-нибудь здѣсь мѣняла. Суть дѣла была здѣсь въ томъ, что возможность быстро превращать продукты въ деньги соблазняла и на церковныя учрежденія смотрѣть, какъ на выгодныя предпріятія. Еще больше церквей соблазняли въ этомъ отношеніи монастыри, эксплуатировавшіе не одинъ какой-нибудь отдѣльный приходъ, а

цѣлую округу. До насъ дошелъ отъ конца XVI вѣка цѣлый рядъ документовъ, относящихся къ монастырю Святого Спаса во Владимірѣ на Волыни. Изъ этихъ документовъ мы видимъ, что монастырь составлялъ частное имущество одной дворянской семьи, нѣкоего Михаила Оранскаго съ тремя сыновьями. Въ составъ этого имущества входила и „церковь со всѣми речми (вещами) церковными, съ книгами, съ образами, съ уборами священническими и со всѣмъ тѣмъ, что только въ той церкви и монастырѣ есть, и ключи церковные“. При этомъ одна изъ королевскихъ грамотъ спеціально оговаривала, что никто изъ владѣльцевъ этихъ священныхъ предметовъ не обязанъ быть самъ духовнымъ лицомъ—„въ станъ духовный становиться и стричься“. Они обязаны были только держать въ томъ монастырѣ викарія, „человѣка духовнаго, хорошо свѣдущаго въ священномъ писаніи, для отправленія церковныхъ требъ“. Разъ монастырь могъ быть предметомъ частнаго освоенія, онъ могъ, разумѣется, и арендоваться, и закладываться: въ томъ же собраніи документовъ мы имѣемъ, напримѣръ, „заставную запись“, удостовѣряющую, что кн. Чарторыйскій отдалъ въ закладъ „земянину“ (помѣщику) Лазарю Иваницкому „монастырь Честный Крестъ, съ церковью и островомъ всѣмъ, на которомъ монастырь и церковь Честнаго Креста стоятъ“. А дальше, здѣсь же мы встрѣчаемъ арендную запись на одно имѣніе холмскаго повѣта, гдѣ въ числѣ арендnаго имущества мы находимъ, рядомъ съ садами, огородами и виноградами, съ коровами и ихъ приплодомъ, и церкви „съ подаваньемъ ихъ“—съ церковными доходами. Арендаторовъ было двое—одинъ изъ нихъ былъ еврей, другой же мѣстный помѣщикъ. Нужно имѣть въ виду, что превращеніе церкви въ предпріятіе сопровождалось такимъ же усиленіемъ эксплуатаціи, какъ и превращеніе въ предпріятіе обыкновеннаго имѣнія. Арендаторъ старался вытянуть изъ „подаванья церковнаго“ возможно больше денегъ, и населеніе не могло не почувствовать этой перемѣны. А такъ какъ народная ненависть всегда обращается на ближайшій источникъ зла, не стараясь докопаться до его корней, то совершенно естественно, что въ народныхъ пѣсняхъ XVII вѣка „жиды-рандари“ (арендаторы) занимаютъ такое выдающееся мѣсто, совершенно заслоняя собою пановъ-собственниковъ церквей и монастырей, въ чей карманъ шло, въ конечномъ счетѣ, „церковное подаванье“.

Но тѣ же новыя экономическія отношенія вызвали къ жизни и явленіе совершенно иного порядка и противополож-

наго значенія. Денежное хозяйство какъ въ московской Руси, такъ и въ западной выдвигало, если не на первое, то на очень видное мѣсто буржуазію. Смиренно подчинявшаяся феодальной церкви раньше, эта послѣдняя начинаетъ теперь поднимать голову и въ церковныхъ дѣлахъ—и, именно, въ своихъ денежныхъ капиталахъ находитъ опору для своей церковной самостоятельности. Положеніе православной вѣры, какъ вѣры хлопской, въ литовско-русскомъ государствѣ очень помогало буржуазіи въ этомъ случаѣ. Здѣсь не успѣла сложиться та прочная, централизованная церковная организація, опиравшаяся на всю силу государственной власти, какая образовалась къ XVI вѣку въ Москвѣ, напримѣръ. Въ Москвѣ было свое, мѣстное, церковное начальство—святѣйшій патріархъ московскій и всея Руси, безъ разрѣшенія котораго никто и подумать не могъ что-либо предпринять въ церковныхъ дѣлахъ. Въ западной Руси были отдѣльные владыки—луцкій, львовскій, кіевскій и другіе,—сильные каждый у себя въ епархіи, но когда передъ ними являлся какой-нибудь изъ восточныхъ патріарховъ, хотя бы изъ далекаго Іерусалима или же совсѣмъ проблематичной въ XVI вѣкѣ Антіохіи, западно-русскій епископъ въ глазахъ своей собственной паствы отходилъ на второе мѣсто. Но восточные патріархи, паствой которыхъ у себя дома являлась по большей части мѣстная буржуазія, давно стояли на почвѣ мѣнового хозяйства. Церковныя привилегіи на турецкомъ востокѣ были настолько практически-цѣнной вещью, что ихъ давно продавали и покупали, какъ всякое другое благопріобрѣтенное право. Отчего было не торговать ими и въ другихъ мѣстахъ, если находились покупатели? И вотъ, какой-нибудь антіохійскій патріархъ, пріѣхавшій за милостыней на Русь, проѣзжая городъ Львовъ, весьма охотно и безъ малѣйшаго стѣсненія продаетъ мѣстному „мѣщанству“ ни болѣе ни менѣе, какъ полный иммунитетъ по отношенію къ мѣстному, львовскому, архіерею. Братство, образованное львовской буржуазіей (она упомянута въ грамотѣ на первомъ мѣстѣ, но членами братства могли быть и шляхтичи, и крестьяне), получало право не только ставить себѣ священника, котораго епископъ не могъ отказаться посвятить, но и слѣдить за нравственностью всего вообще духовенства, не исключая и самого епископа, а если бы епископъ вздумалъ не подчиниться этому контролю, „таковому епископу сопротивляться всѣмъ, какъ врагу истины“. Можно себѣ представить лицо львовскаго владыки, когда онъ читалъ этотъ документъ, противъ котораго, юридически, онъ былъ.

однако, безсиленъ, такъ какъ патріархъ, хотя бы и антіохійскій, былъ въ церковной іерархіи старше его. Притомъ восточные владыки наѣзжали за милостыней часто—можно было, въ подкрѣпленіе антіохійской грамоты, добыть такую же отъ іерусалимскаго патріарха или, еще лучше, отъ константинопольскаго: это было не сложнѣе, нежели въ наши дни купить какой-нибудь экзотическій орденъ, въ родѣ Льва и Солнца. Можно было отмежеваться отъ мѣстной церковной власти еще рѣшительнѣе: рекордной, по-теперешнему выражаясь, является въ этомъ случаѣ одна грамота константинопольскаго патріарха Кирилла, гдѣ епископъ, который осмѣлился бы посягнуть на привилегіи Крестовоздвиженской церкви (Луцкаго братства), приравнивается къ „святокрадцамъ“, и ему сулится отлученіе отъ церкви не только на этомъ свѣтѣ, но и „по смерти“—навѣки вѣчные. Какъ было западно-русскому архіерейству не заскучать по „своемъ“ начальствѣ, которое могло бы оградить его отъ подобныхъ непріятностей и возстановить годъ отъ года все болѣе утрачивавшуюся имъ монополію „вязать и рѣшать“? Но выработать мѣстный патріархатъ было не такъ легко, при отсутствіи туземной государственной власти,—и при такомъ отсутствіи единодушія между самими владыками, что одинъ изъ нихъ, случалось, выгонялъ другого изъ его резиденціи пушками. Оставалось одно—опереться на сосѣднюю церковную организацію, по силѣ и дисциплинированности далеко оставлявшую за собой не только мѣстную, но даже и московскую церковь. Такой организаціей былъ католицизмъ. На этой почвѣ и возникла Брестская унія 1596 года.

Этотъ основной мотивъ уніи—борьба западно-русскаго епископата съ „засильемъ“ восточныхъ патріарховъ—чрезвычайно отчетливо звучитъ во всѣхъ уніатскихъ документахъ эпохи, и, прежде всего, въ самомъ главномъ изъ нихъ—въ томъ посланіи, съ которымъ обратились къ королю Сигизмунду III западно-русскіе владыки въ декабрѣ 1594 года. Ихъ уполномоченный долженъ былъ говорить королю: „Видя въ старшихъ нашихъ, патріархахъ, великія нестроенія и нерадѣнія о церкви Божіей и Законѣ Святомъ, видя ихъ неволю, видя, что вмѣсто четырехъ патріарховъ сдѣлалось восемь, видя, какъ они живутъ на патріаршествахъ, какъ одинъ подъ другимъ подкупается... какъ, сюда къ намъ пріѣзжая, они никакихъ диспутацій съ иновѣрными не чинятъ, только поборы съ насъ берутъ и, набравши откуда ни попало денегъ, одинъ подъ другимъ тамъ, въ землѣ поганской, подкупают-

ся,—видя все это, мы, епископы, не желая далѣе оставаться въ такомъ безпорядкѣ и подъ такимъ ихъ пастырствомъ, единодушно согласившись, хотимъ приступить къ соединенію вѣры и пастыря единаго, главнаго, которому самимъ Искупителемъ мы ввѣрены, святѣйшаго папу римскаго пастыремъ своимъ признать". Въ офиціальномъ документѣ, какимъ было это обращеніе къ королю, нельзя же было обойтись безъ патетическихъ фразъ о развращеніи восточной церкви — въ частной перепискѣ говорили проще и откровеннѣе. Одинъ изъ творцовъ уніи, убѣждая одного изъ своихъ товарищей, писалъ ему уже безъ всякихъ претензій на моральный пафосъ: „Патріархи будутъ часто ѣздить въ Москву за милостынею, а ѣдучи назадъ, насъ не минуютъ; Іеремія (константинопольскій патріархъ) уже свергнулъ одного митрополита, братства установилъ, которыя будутъ и уже суть гонители владыкъ: чего и нѣтъ,—и то взведутъ и оклевещутъ; удастся имъ свергнуть кого-нибудь изъ насъ съ епископіи—самъ посуди, какое безчестье! Господарь король даетъ должности до смерти и не отбираетъ ни за что, кромѣ уголовнаго преступленія, а патріархъ по пустымъ доносамъ обезчеститъ и санъ отниметъ,—самъ посуди, какая неволя! А когда поддадимся подъ римскаго папу, то не только будемъ сидѣть на епископіяхъ нашихъ до самой смерти, но и въ лавицѣ сенаторской засядемъ, вмѣстѣ съ римскими епископами и легче отыщемъ имѣнія, отъ церкви отобранныя". Особенно не давали жить епископату братства: по словамъ тогдашняго кіевскаго митрополита, львовскій владыка (во Львовѣ было самое старое и самое сильное братство), „будучи въ крайнемъ томленіи отъ братства", готовъ былъ поддаться не только что папѣ, а хотя бы самому дьяволу—„врага душевнаго радъ былъ бы на помощь взять". Но братства были органами церковнаго вліянія буржуазіи, а епископы были ставленниками крупнаго землевладѣнія. Иниціатива уніи какъ разъ и принадлежала церковнымъ феодаламъ: Кириллу Терлецкому, одному изъ епископовъ, отстаивавшихъ свои права артиллеріей, Ипатію Потѣю, въ міру, до постриженія, сенатору и брестскому каштеляну (коменданту), Гедеону Балобану, получившему львовскую каѳедру по наслѣдству отъ своего отца, тоже епископа львовскаго. Сведеніе Гедеона съ епископіи по жалобѣ братства и было тѣмъ событіемъ, которое дало непосредственный поводъ къ уніи. Дальше нечего было ждать—не дожидаться же было, когда братства начнутъ выбирать своихъ епископовъ. Церковный конфликтъ сводился, такимъ образомъ, къ

классовому, и православные по-своему были правы, когда они впослѣдствіи со злорадствомъ указывали уніатамъ, что безъ буржуазіи и уніатская церковь все-таки обойтись не можетъ, и что самый энергичный уніатскій епископъ, Іосафатъ Кунцевичъ,—сынъ сапожника. Зато потомки знатныхъ фамилій попадали теперь на каѳедры двадцати лѣтъ и могли, не проявляя особой энергіи, просидѣть на нихъ до глубокой старости, не боясь мѣщанскихъ „братствъ“. До конца XVI вѣка буржуазія наступала, а церковный феодализмъ оборонялся. Теперь стало наоборотъ. Волынскій депутатъ на сеймѣ 1620 года разсказывалъ о томъ же Львовѣ—центрѣ буржуазнаго движенія: „кто не уніатъ, тотъ въ городѣ жить, торговать и въ ремесленные цехи принятъ быть не можетъ, мертвое тѣло погребать (по православному обряду), къ больному съ тайнами Христовыми идти открыто нельзя“. Вести легальную борьбу съ уніатской церковью, за спиной которой стоялъ весь полицейскій аппаратъ польской „государственности“, было немыслимо. А попытки борьбы революціонной встрѣчали немедленную и свирѣпую репрессію. Мятежъ витебскихъ мѣщанъ, во время котораго былъ убитъ Кунцевичъ, кончился тѣмъ, что болѣе ста горожанъ изъ самыхъ зажиточныхъ были приговорены къ смерти—двадцать изъ нихъ, въ томъ числѣ два бургомистра, были дѣйствительно казнены, остальнымъ удалось бѣжать, но все имущество ихъ было конфисковано; ратуша и православныя церкви были разрушены. Нѣтъ ничего мудренаго, что западно-русское мѣщанство въ такомъ положеніи все чаще и чаще начинало вспоминать о казакахъ.

Въ обычномъ представленіи запорожскіе казаки рисуются до такой степени противоположными всему, что мы связываемъ со словомъ „буржуазія“, что классовое родство казачества и мѣщанства теперешнему читателю, смотрящему сквозь призму исторической романтики, разглядѣть не легко. Современникамъ, для которыхъ казаки были вполнѣ реальной вещью, это удавалось лучше. Посолъ германскаго императора, Эрихъ Лясота, бывшій въ Запорожской Сѣчи въ концѣ XVI вѣка, говорилъ сѣчевикамъ, жаловавшимся ему, что у нихъ нѣтъ лошадей для похода въ Молдавію, куда звалъ ихъ императоръ: „поднимитесь вверхъ по Днѣпру—и вы сможете достать лошадей въ своихъ городахъ и селахъ, гдѣ вы родились и выросли, и гдѣ у каждаго изъ васъ есть родные и знакомые“. А двумя десятками лѣтъ раньше польскій хронистъ Мартинъ Бѣльскій такъ описывалъ

низовое казачество: „Эти посполитые люди обыкновенно занимаются на низу Днѣпра ловлею рыбы, которую тамъ же, безъ соли, сушатъ на солнцѣ и тѣмъ питаются въ теченіе лѣта, а на зиму расходятся въ ближайшіе города, какъ-то: Кіевъ, Черкасы и другіе, спрятавши предварительно на какомъ-нибудь днѣпровскомъ островѣ, въ укромномъ мѣстѣ, свои лодки и оставивши тамъ нѣсколько человѣкъ на куренѣ или, какъ они говорятъ, на стрѣльбѣ". Эти показанія вполнѣ сходятся съ тѣмъ, что мы знаемъ о запорожцахъ изъ документовъ: въ древнѣйшемъ изъ нихъ, грамотѣ литовскаго великаго князя Александра (1499 года), фигурируютъ казаки, приходящіе сверху, отъ Кіева и Черкассъ, на низовья Днѣпра рыбу ловить; часть улова они должны были отдавать кіевскому воеводѣ—по этому случаю дана и грамота. Черезъ сто лѣтъ связь Запорожья съ Кіевомъ была еще настолько прочна, что въ Кіевѣ дѣлалась запорожская политика: иниціатива союза казаковъ съ императоромъ принадлежала нѣкоему Хлопицкому, который въ своемъ проектѣ основывался, именно, на томъ, что онъ слышалъ въ Кіевѣ. Въ самой Сѣчи проектъ наткнулся на затрудненіе, но совсѣмъ особаго рода. Болѣе подвижные демократическіе низы казачества были за походъ въ Молдавію, но болѣе зажиточные слои, среди которыхъ видную роль играли „владѣльцы челновъ", и къ которымъ принадлежала запорожская старшина, не обнаруживали никакой охоты къ сухопутной авантюрѣ. Изъ описанія этого эпизода у Лясоты мы узнаемъ, что „демократическая, пролетарская дружина" была организована весьма аристократически. Запорожское вѣче состояло изъ двухъ „колъ": одного, въ которомъ совѣщалась старшина, и другого „изъ простого народа, называемаго у нихъ чернью" (!). Въ это послѣднее коло членовъ запорожской демократіи асаулы загоняли палками. Рѣшенія здѣсь постановлялись быстро и провозглашались съ большой экспансивностью: съ перваго же совѣщанія „чернь" стала величать германскаго императора, бросая вверхъ шапки и изъявляя готовность принять всѣ условія, предлагавшіяся его посломъ. Но это не имѣло никакого практическаго значенія: дѣловые переговоры все же таки пришлось вести со старшиной. Та была несравненно менѣе уступчива, и дѣло затянулось; тѣмъ временемъ „владѣльцы челновъ" повели свою агитацію, и скоро „чернь" высказывалась съ такою же экспансивностью противъ союза съ имперіей, какъ раньше за него. Въ концѣ концовъ Лясотѣ такъ и пришлось уѣхать, не добившись никакого практиче-

скаго результата: онъ долженъ былъ удовольствоваться „принципіальнымъ“ обѣщаніемъ низового казачества помогать императору противъ турокъ, да и за это пришлось заплатить 8.000 золотыхъ дукатовъ. Запорожская аристократія умѣла блюсти интересы Сѣчи, гдѣ она была хозяйкой не только въ политическомъ отношеніи, конечно. Роль „владѣльцевъ челновъ“ мы уже видѣли: помимо ихъ, Лясота упоминаетъ, въ числѣ „зажиточныхъ казаковъ“, еще „охотниковъ“, а современные документы—„хуторянъ“. Казакъ, какъ мелкій землевладѣлецъ, проникъ, такимъ образомъ, и за пороги, но здѣсь, въ этихъ нетронутыхъ мѣстахъ, онъ перемѣшивался еще съ промышленникомъ, вовсе, однако же, не походившимъ на горьковскаго босяка. Сѣчь была достойной представительницей мелкой казацкой буржуазіи.

Особенности географическаго положенія Запорожья создавали здѣсь, помимо земледѣлія, охоты и рыболовства, еще одинъ промыселъ, который всего больше опредѣлялъ собою физіономію низового казачества. „Владѣльцы челновъ“ совсѣмъ не потому только дѣлали въ Сѣчи и дождь, и хорошую погоду, что суда были необходимы для рыбной ловли—рыболовная лодка далеко не была такимъ цѣннымъ „орудіемъ производства“, какъ мореходная чайка, необходимая отнюдь не для одного рыболовства. Сѣверные берега Чернаго моря уже тогда были покрыты турецкими и татарскими поселеніями, достаточно богатыми и культурными, чтобы тамъ было, что взять. Въ „Бѣлградѣ“ (Аккерманѣ, нынѣшней Бессарабской губерніи) былъ, по словамъ польскаго хроникера, „большой портъ, изъ котораго до самаго Кипра пшеницу съ Подоліи возили; теперь черезъ тотъ городъ сухимъ путемъ на Очаковъ къ Москвѣ ходятъ только караваны“. Авторъ тутъ же и объясняетъ,—кажется, самъ того не замѣчая,—почему упала аккерманская торговля: „изъ Бѣлграда пролегаетъ широкая дорога, на которой казаки часто турецкихъ купцовъ разбиваютъ, и если хотятъ добыть языка, то добываютъ его скорѣе всего, именно, тамъ“. „Они (казаки) причиняютъ очень часто большую бѣду татарамъ и туркамъ и ужъ нѣсколько разъ разрушали Очаковъ, Тягинку, Бѣлгородъ и другіе замки, а въ поляхъ немало брали добычи, такъ что теперь и турки, и татары опасаются далеко выгонять овецъ и рогатый скотъ на пастбище, какъ они прежде пасли, также не пасутъ они скота нигдѣ и по той (лѣвой) сторонѣ Днѣпра на разстояніи десяти миль отъ берега...“ Такъ, случайное указаніе польскаго лѣтописца вскры-

вастъ передъ нами спеціальную причину постоянныхъ столкновеній уже не казачества, а именно Запорожья съ поляками: морскіе разбои низовыхъ казаковъ лишали крупное польское землевладѣніе ближайшаго рынка для продуктовъ его имѣній. Споръ шелъ, дѣйствительно, между „культурой“ и „дикостью“, какъ склонны изображать дѣло новѣйшіе польскіе писатели*): вѣрнѣе сказать, между двумя ступенями культуры—къ сѣверу отъ пороговъ была уже полукапиталистическая Европа XVI вѣка, къ югу процвѣтали нравы временъ Святослава Игоревича. Стремленіе подчинить Запорожье государственной опекѣ и прекратить губившее польскую торговлю пиратство, съ одной стороны, стремленіе не допустить этой опеки и обезпечить за собою исконный „національный промыселъ“, съ другой, составляютъ исходную точку всѣхъ столкновеній Польши съ Запорожьемъ, начиная съ бунтовъ Косинскаго и Наливайки до возстанія Хмельницкаго. Суть конфликта опять-таки очень хорошо и опять-таки безсознательно намѣчена тѣмъ же польскимъ хронистомъ, котораго мы уже цитировали выше (Мартиномъ Бѣльскимъ). „Казаки насъ наибольше ссорятъ съ турками“, говоритъ онъ: „сами татары говорятъ, что если бъ не казаки, то мы могли бы хорошо съ ними жить; но только татарамъ вѣрить не слѣдуетъ: хорошо было бы, чтобъ казаки были, но нужно, чтобы они находились подъ начальствомъ и получали жалованье... Если бы мы захотѣли привести въ порядокъ казаковъ, то это легко можно было бы сдѣлать: нужно принять ихъ на жалованье и построить города и замки по самому Днѣпру и по его притокамъ, что очень легко сдѣлать, такъ какъ лѣса на островахъ имѣется весьма достаточно,—было бы лишь къ тому желаніе...“

Въ то время, когда писались эти строки, „желаніе“ было ужъ обнаружено въ достаточной мѣрѣ—уже въ 1572 году король Сигизмундъ Августъ назначилъ „старшаго и судью“ надъ запорожскими казаками, подчиненнаго, въ свою очередь, коронному гетману (главнокомандующему польской арміей). Нѣсколько позже началась постройка и замковъ (сначала въ Кременчугѣ), откуда польскіе гарнизоны могли бы „держать въ порядкѣ“ Запорожье. Но политика польскаго правительства въ этомъ пунктѣ не отличалась выдержанностью: среднее землевладѣніе, „шляхта“, господствовавшая въ это время

*) А слѣдомъ за ними и увлекшіеся ихъ взглядами малорусскіе историки, напр., покойный Кулишъ.

на сеймахъ, не склонна была очень принимать къ сердцу интересы украинскихъ магнатовъ. Тѣмъ приходилось самимъ заботиться о себѣ,—и первое казацкое возстаніе, Косинскаго, носитъ чрезвычайно характерную физіономію дуэли низового „рыцарства“ съ отдѣльными феодалами, сначала Острожскимъ, потомъ, когда Острожскій оказался сильнѣе, чѣмъ думали его противники, съ Вишневецкимъ, на побѣдѣ котораго движеніе и оборвалось. Позднѣйшіе малорусскіе лѣтописцы уже этому моменту казацкой революціи усваивали ту религіозную идеологію, которая должна была неразрывно связаться съ казацкимъ движеніемъ позднѣе. Но на самомъ дѣлѣ, Косинскій и п его товарищи не выставляли еще никакихъ ни религіозныхъ, ни соціальныхъ лозунговъ; ихъ движеніе даже не было движеніемъ всего казачества, а съ другой стороны, въ немъ видную роль играли и не казацкіе элементы: самъ Косинскій былъ шляхтичъ. Наиболѣе опредѣленный пунктъ его программы заключался въ требованіи казацкаго „присуда“, т.-е. упраздненія феодальнаго суда, и предоставленія казачеству того же права выбирать себѣ судей, какого давно добилась западно-русская шляхта *). Но не прошло двухъ лѣтъ со смерти Косинскаго, какъ мы имѣемъ передъ собою уже весьма типичный казацкій бунтъ, со всѣми его классическими признаками—участіемъ панскихъ „подданныхъ“, крестьянъ, погромами католиковъ и уніатовъ и т. д. То было разыгравшееся въ 1595—6 годахъ и захватившее все Поднѣпровье, отъ Могилева до Черкассъ, возстаніе Наливайки и Лободы. Лозунгъ „за православіе противъ католицизма и уніи“ былъ поднятъ впервые Наливайкой; его дѣятельнымъ помощникомъ былъ православный священникъ, его братъ, Демьянъ. Какъ понимали они борьбу за православную вѣру, показываетъ ихъ первое выступленіе, направленное противъ извѣстнаго намъ иниціатора уніи Терлецкаго. Не будучи въ состояніи достать его самого (тотъ былъ тогда въ Римѣ, именно, по дѣлу уніи), Наливайко со своими казаками, во-первыхъ, до тла ограбилъ имѣніе его брата и жены этого послѣдняго, забравъ у нихъ все, что только было въ ихъ усадьбахъ цѣннаго; а затѣмъ экспропріировалъ ризницу Терлецкаго, предусмотрительно спрятанную послѣднимъ передъ отъѣздомъ въ одномъ частномъ домѣ, что, однако же, не спасло ея отъ казаковъ. Затѣмъ, по очереди, были ограблены всѣ тянувшіе къ уніи духовные и свѣтскіе феодалы, попадавшіеся на пути возстав-

*) См. выше, стр. 12.

шихъ. Но мы напрасно стали бы искать какихъ-нибудь положительныхъ шаговъ со стороны Наливайки, съ цѣлью возстановить господство православія: рѣдко въ исторіи такъ называемыхъ „религіозныхъ войнъ“ религія болѣе наивно выдвигалась, какъ простой предлогъ, чѣмъ здѣсь. Врагами православія очень быстро оказывались всѣ, у кого было что взять—рядомъ съ епископами-уніатами и католическими костелами Наливайко грабилъ и торговцевъ-караимовъ, и православныхъ мѣщанъ, которые сами, какъ мы видѣли, были противниками уніи. Формулируя свои требованія въ письмѣ къ королю Сигизмунду, Наливайко, въ сущности, все сводилъ къ тому, чтобы польское правительство взяло его казаковъ на жалованье, а самого Наливайку сдѣлало надъ казаками гетманомъ. И еще болѣе откровенно та же мысль проводится въ замѣчательномъ письмѣ другого героя возстанія 1595—6 годовъ, запорожскаго кошевого Лободы, къ гетману Замойскому. „Ты не требуешь отъ насъ услугъ великому княжеству литовскому и всей Рѣчи Посполитой“, писалъ вождь низового казачества: „ты указываешь на миръ со всѣхъ сторонъ, со всѣми непріятелями короны польской. За это да будетъ хвала Господу Богу за такой миръ люду христіанскому, что онъ смягчилъ сердце каждому непріятелю креста святого. Но если мы пришли въ этотъ край, то причина этого для всякаго очевидна: въ это зимнее непогодное время, когда ты насъ никуда не требуешь на услугу, Богъ знаетъ, куда намъ направиться; поэтому покорно и униженно просимъ, благоволи не заборонять намъ хлѣба-соли“. А такъ какъ на это гетманъ могъ бы отвѣтить, что „хлѣба-соли“ достаточно забралъ себѣ Наливайко, то Лобода спѣшитъ откреститься отъ этого союзника-конкурента: „что же касается того своевольнаго человѣка Наливайка, который, забывши почти страхъ Божій и пренебрегши всѣмъ на свѣтѣ, собралъ по своему замыслу людей своевольныхъ и чинилъ большіе убытки коронѣ польской, то мы объ немъ никогда не знали и знать не желаемъ“.

Письмо Лободы съ совершенной опредѣленностью ставитъ передъ нами причину собственно запорожскаго движенія. Какъ разъ передъ 1595 годомъ адресатъ этого письма, гетманъ Замойскій, въ интересахъ молдавской политики Польши избѣгая разрыва съ Турціей, строжайше запретилъ низовымъ казакамъ безпокоить турокъ. „Національный промыселъ“ Запорожья вдругъ былъ пресѣченъ: надо было найти гдѣ-нибудь вознагражденіе за это. О томъ же, что сдѣлало экспедицію низового рыцарства за жалованьемъ (за „стаціями“, какъ это

тогда называлось въ Польшѣ) народнымъ мятежомъ крупнаго масштаба, мы узнаемъ совершенно случайно изъ одного описанія конца возстанія. Когда казацкій лагерь былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ коронными войсками, и осажденные вынуждены были вступить въ переговоры, польскій военачальникъ, уже не разъ намъ встрѣчавшійся на этихъ страницахъ, гетманъ Жолкевскій, потребовалъ отъ казаковъ, чтобы они по указаніямъ находившихся въ польскомъ войскѣ помѣщиковъ, выдали всѣхъ бѣглыхъ крѣпостныхъ, приставшихъ къ казачеству. Казаки отказались, и лагерь былъ взятъ штурмомъ, со страшнымъ кровопролитіемъ—по одной версіи; по другой—были выданы только казацкіе предводители, съ Наливайкой и Шаулой во главѣ (Лободу передъ этимъ убили сторонники Наливайки), и за это Жолкевскій уступилъ по остальнымъ пунктамъ.

Возстаніе Наливайки даетъ намъ уже стереотипную картину казацкихъ „руховъ“ вплоть до Хмельницкаго. Картина очень не сложна и складывается, приблизительно, изъ такихъ элементовъ: прелюдіей всегда является запрещеніе со стороны польскаго правительства „національнаго промысла“, страшно дорого обходившагося Польшѣ, такъ какъ за каждый набѣгъ запорожцевъ турки платили жестокими репрессаліями по отношенію къ южнымъ областямъ королевства: запрещеніе морского разбоя вынуждаетъ низовыхъ рыцарей искать „хлѣба-соли“ въ другомъ мѣстѣ, и они почти инстинктивно вмѣсто того, чтобы спускаться по Днѣпру внизъ къ Черному морю, начинаютъ „выгребаться“ кверху, въ направленіи Кіева. Здѣсь они быстро находятъ себѣ массу союзниковъ въ придавленномъ новыми хозяйственными условіями крѣпостномъ крестьянствѣ и озлобленномъ уніей мѣщанствѣ; начинается борьба „за православную вѣру“ и, фактически, за свободу сельскаго люда: „посполитые“ массами превращаются въ казаковъ. Польское правительство всегда оказывается неготовымъ, и полуразрушенные замки Кіевщины, Подолья и Волыни, съ ихъ слабыми гарнизонами, становятся на первыхъ порахъ легкой добычей возставшихъ. Но проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, и на сценѣ появляется медленно мобилизуемая коронная армія. Къ этому времени первое увлеченіе народной массы успѣваетъ уже остыть; она начинаетъ смутно сознавать, что у казачества свои интересы, отдѣльные отъ поспольства, а казачество начинаетъ такъ же смутно чувствовать, что превращеніе всѣхъ посполитыхъ въ казаковъ было бы весьма невыгодно для самого казачества. Военныя неудачи въ столк-

Запорожцы.

Оригиналъ картины И. Е. Рѣпина *Запорожцы* находится въ Третьяковской галлереѣ (№ 776); варіантъ этой картины имѣется въ Русскомъ Музеѣ императора Александра III въ Спб. (№ 259); кромѣ того въ Третьяковской галлереѣ есть эскизъ (№ 775) той же картины съ подзаголовкомъ въ каталогѣ: «на высокопарно-грозную грамоту турецкаго султана Магомета IV кошевой Иванъ Дмитровичъ Сирко съ товарищами отвѣчаютъ насмѣшками». Кажется, что въ снимкахъ наиболѣе распространенъ варіантъ, находящійся въ Русскомъ Музеѣ. Нашъ снимокъ сдѣланъ съ оригинала Третьяковской галлереи (въ одномъ мѣстѣ нѣсколько попорченаго), какъ болѣе характернаго и выразительнаго. На оригиналѣ вся сцена болѣе оживлена и, въ виду сосредоточенности фигуръ, болѣе выразительна; на варіантѣ царитъ нѣкоторая разбросанность, менѣе удачно скомпанованъ писарь, молодой запорожецъ слѣва изображенъ черезчуръ нѣжно и неестественно деликатенъ, а въ центрѣ, на ряду съ удивительно типичной головой осклабившагося во всю старика, сидитъ нѣсколько нескладно совсѣмъ современный хохолъ. На оригиналѣ мощно выдвигается центральная фигура кошевого атамана, тогда какъ на варіантѣ она пропадаетъ. Оригиналъ Третьяковской галлереи представляется такимъ образомъ предпочтительнѣе для воспроизведенія. Художникомъ удачно выбранъ и превосходно изображенъ тотъ бытовой моментъ въ жизни запорожья, который, быть можетъ, наиболѣе ярко представляетъ всю политическую беззаботность запорожской вольницы, обусловленную примитивнымъ состояніемъ ея хозяйственнаго строя. Упоенные крупнымъ (хотя бы и минутнымъ) успѣхомъ въ борьбѣ съ крымскимъ ханомъ, запорожцы пишутъ султану насмѣшливо-ядовитое посланіе, исполненное грубой брани и дикости примитивной культуры:

«Запорожскіе козаки турецкому султану. Ты—шайтанъ (т.-е. чортъ) турецькій, проклятого чорта братъ и товарышъ, и самого люцыперя секретарь! Якій ты въ чорта лыцарь? Чортъ выкидае, а твое вийско пожирае. Не будешъ ты годенъ сынивъ хрестіянськихъ подъ собою мати (т.-е. имѣть): твого вийська мы не боимось, землею и водою будемъ бытыця зъ тобою. Вавилонскій ты кухарь, македонскій колесныкъ, єрусалимскій броварныкъ (т.-е. пивоваръ), александрійскій козолупъ, вевеликого й Малого Египта свынарь, армянська свыня, татарскій сагайдакъ (т.-е. козелъ), каменецькій катъ (т.-е. намекъ на разореніе султаномъ Магометомъ IV Каменца-Подольскаго), подолянській злодіюка, самого гаспида (т.-е. дьявола) внукъ и всего свиту и пидсвиту блазень (т.-е. глупецъ), а нашого Бога дурень, свыняча морда, кобыляча с . . . а, ризныцька собака, нехрещеный лобъ, хай бы взявъ тебе чортъ! Оттакъ тоби козаки видказали, плюгавче! Невгоденъ еси матери вирныхъ хрестіянъ! Числа не знаемъ, бо календаря не маемъ, мисяць у неби, годъ у кнызи, а день такій у насъ, якъ и у васъ, поцилуй за те ось—куды насъ! Кошовый атаманъ Иванъ Сирко зо всимъ кошомъ запорожськимъ». Это *легендарное* письмо запорожскихъ козаковъ турецкому султану Магомету IV, которое можно найти у нѣкоторыхъ любителей южно-русской старины, было, по преданію, написано въ отвѣтъ на письмо (тоже легендарное) самого султана войску запорожскому въ 1675 г. съ угрозой разорить Сичу до основанія и съ требованіемъ добровольно покориться ему, какъ непобѣдимому рыцарю. Историческая дѣятельность Ивана Дмитріевича Сирко падаетъ на 1654—1680 гг. и окружена довольно густымъ туманомъ легенды. Не зная, когда появился на свѣтъ Сирко, старые историки запорожья разсказываютъ, что онъ родился съ зубами и что, какъ только баба повитуха поднесла его къ столу, онъ тотчасъ же схватилъ со стола пирогъ съ начинкою и съѣлъ его. Это былъ человѣкъ безграмотный, всю жизнь проведшій на войнѣ и среди постоянной грызни элементовъ московскаго, польскаго, запорожскаго, татарскаго и турецкаго; въ старомъ преданіи онъ представляется величайшимъ и непобѣдимымъ героемъ Запорожья. Самъ Сирко, по преданію, сказалъ «кто ляже рядомъ зо мною, то ще братъ, а кто выше мене—тотъ проклятъ». Художникъ, естественно, могъ залюбоваться наполовину сказочной фигурой кошевого атамана и изобразить ее въ сценѣ, мало похожей на дѣйствительный фактъ, но, несомнѣнно, очень живо, ярко и правдиво характеризующей запорожскій нравъ половины XVII вѣка.

В. Стор.

новеніяхъ съ польскими регулярными силами поспѣваютъ какъ разъ во-время, чтобы быстро довести этотъ процессъ разложенія до конца. Возставшіе капитулируютъ, а польское правительство облегчаетъ эту капитуляцію, стараясь не доводить противника до крайности. Свирѣпо карая отдѣльныхъ „здрайцевъ“ (мятежниковъ), оно не стремится уничтожить тотъ порядокъ, который создаетъ мятежи; остается казачество, верхи котораго прямо берутся на коронную службу; остаются панскія имѣнія съ ихъ барщиной и поборами, остается унія съ ея безконечной церковной склокой. Проходитъ нѣсколько лѣтъ, пары въ котлѣ вновь накопляются, и, когда правительство Рѣчи Посполитой, въ вѣчной заботѣ о хорошихъ отношеніяхъ къ Турціи, вновь затыкаетъ клапанъ,—закрываетъ запорожцамъ дорогу на югъ,—происходитъ новый взрывъ.

Нужно отдать справедливость польскому правительству: оно принимало всѣ мѣры къ тому, чтобы казацкая революція стала своего рода perpetuum mobile. Но „вѣчное движеніе“ на одномъ мѣстѣ такъ же немыслимо въ исторіи, какъ и въ механикѣ. Экономическое развитіе автоматически, безъ чьего-либо сознательнаго вмѣшательства, обостряло „классовыя противорѣчія“ въ деревнѣ—раздувало ненависть хлопа къ пану. То же экономическое развитіе такъ же автоматически поднимало значеніе буржуазіи и дѣлало для нея все болѣе невыносимой ту своеобразную форму феодальнаго гнета, которая звалась „уніей“ и, какъ мы видѣли, черезъ церковь захватывала области, не имѣвшія ничего общаго съ религіей, мѣшала ремесленнику работать, а купцу торговать. То же экономическое развитіе, наконецъ, все больше и больше стѣсняло казачество, стѣсняло чисто-территоріально, прежде всего, такъ какъ пустыхъ земель становилось все меньше, и панскому фольварку некуда было раздвигаться, не затрагивая казацкихъ хуторовъ. Захватъ казацкихъ земель панами стоитъ на одномъ изъ первыхъ мѣстъ въ жалобѣ, поданной послами Хмельницкаго на варшавскомъ сеймѣ лѣтомъ 1648 года. Но и тамъ, гдѣ у казаковъ ничего не отнимали прямо, имъ становилось тѣсно хозяйничать: денежное хозяйство всѣ промыслы—и охоту, и рыбную ловлю, и даже „національный промыселъ“ запорожцевъ—превратило въ выгодныя статьи дохода, арендовавшіяся не хуже церквей и монастырей. Народныя пѣсни надолго запомнили, какъ казаку нельзя было ни рыбки въ рѣкѣ поймать, ни лисичку убить, не заплативъ предварительно „жиду-рандарю“, и жалоба на то, что у казаковъ отнимаютъ „ихъ добычу—татаръ и татарчатъ молодыхъ“, стоитъ не на

послѣднемъ мѣстѣ въ спискѣ обидъ, привезенномъ въ Варшаву послами Хмельницкаго. На послѣднемъ мѣстѣ здѣсь стоитъ православная вѣра... Надежда польскаго правительства найти среднюю линію среди этой отчаянной борьбы двухъ крайностей, экономически исключавшихъ другъ друга, была полнѣйшей утопіей. И хотя министры и генералы Рѣчи Посполитой, можно думать, искренно желали быть умѣренными, объективныя условія дѣлали и ихъ радикалами противъ ихъ воли. Принявъ рѣшительную мѣру, они обыкновенно пугались; сдѣлавъ два шага впередъ, они дѣлали полтора шага назадъ, но, поминутно запинаясь, жалѣя о собственномъ радикализмѣ, они все же наступали на казачество все ближе и ближе и, невольно являясь акушерами исторіи, дѣлали рѣшительный взрывъ все неизбѣжнѣе.

Въ этомъ наступленіи польскаго „уряда“ на казаковъ, вообще, и на Запорожье, въ частности, можно насчитать четыре этапа. Первымъ была попытка созданія окончательнаго казацкаго „реестра“, попытка выдѣлить изъ жидкой массы казачества нѣкоторый твердый осадокъ, „настоящихъ казаковъ“, за которыми и оставить всѣ казацкія права и привилегіи, сливъ остальныхъ съ массою „штатскаго“ населенія. Эта болѣе алхимическая, нежели химическая, операція имѣла мѣсто послѣ такъ называемаго „Куруковскаго дѣла“—возстанія казаковъ (вызваннаго, разумѣется, запрещеніемъ похода на Турцію) въ 1625 году. Побѣжденные на Куруковомъ озерѣ (около нынѣшняго посада Крюкова, на Днѣпрѣ), казаки должны были согласиться на то, чтобы казацкое войско было ограничено 6.000 человѣкъ, внесенныхъ въ „реестръ“, которые и получили самоуправленіе и всѣ казацкія права по части охоты и другихъ промысловъ. Остальные, не вошедшіе въ реестръ (выписанные изъ него, отсюда „выписчики“) должны были сравняться съ „поспольствомъ“ и быть обезоруженными. Но такъ какъ въ это время у Польши шла война со шведами, и профессіональные солдаты, какими были казаки, были крайне цѣнны, то само же польское правительство вербовало „выписчиковъ“ на коронную службу, уничтожая лѣвою рукою то, что оно только что сдѣлало правою. Затѣмъ настоянія турецкаго правительства, все чаще и чаще грозившаго войной за казацкіе набѣги, заставили правительство польское отъ платоническихъ запрещеній набѣговъ перейти къ мѣрамъ болѣе практическимъ: въ 1635 году въ началѣ Запорожья по планамъ французскихъ инженеровъ была построена крѣпость Кодакъ, гдѣ постоянный польскій гарнизонъ долженъ былъ бдительно

слѣдить, чтобы ни одна запорожская „чайка“, безъ разрѣшенія начальства, не смѣла пробраться къ Черному морю. Первый комендантъ Кодака велъ дѣло такъ рѣшительно, что не позволялъ запорожцамъ ѣздить даже на рыбную ловлю. Но при первомъ же возстаніи крѣпость была моментально взята,— и это повторялось при всѣхъ слѣдующихъ возстаніяхъ. Бунтъ Павлюка и Остряницы (1638 годъ) далъ толчокъ къ слѣдующему этапу: „ординаціей“ этого года было упразднено казацкое самоуправленіе, и казаки были подчинены полковникамъ, назначеннымъ Рѣчью Посполитой. Вліяніе этой мѣры можно оцѣнить по тому, что поведеніе назначеннаго правительствомъ старшины было однимъ изъ главныхъ предметовъ жалобы, поданной казаками, возставшими подъ начальствомъ Хмельницкаго. И, наконецъ,—это былъ послѣдній ударъ—видя, что Кодакъ не помогаетъ, у запорожскихъ казаковъ отняли и уничтожили ихъ мореходныя суда („челны“), оставивъ имъ только рѣчныя рыболовныя лодки. Послѣ этой мѣры, которая, по мнѣнію польскихъ политиковъ, должна была окончательно умиротворить низовое рыцарство, новое общее возстаніе было совершенно неизбѣжно.

Возстаніе Хмельницкаго въ своемъ первоначальномъ періодѣ, не отступало отъ обычной схемы. Личныя обиды чигиринскаго сотника, которымъ такъ много мѣста отдаютъ историки, въ дѣйствительности имѣли очень мало значенія рядомъ съ основной обидой, нанесенной запорожскому войску истребленіемъ челновъ, закрытіемъ для низового казачества дороги къ Черному морю. Польская администрація поняла это сразу, и первое, что предложилъ королю Владиславу коронный гетманъ Потоцкій, какъ только пришли первые слухи о начинающемся въ Запорожьи движеніи, это „позволить казакамъ выдти въ море“. Объ этомъ отлично знали и сами казаки: „была воля королевская, чтобы мы на море шли“, говорили послы Хмельницкаго въ Варшавѣ: „и деньги даны намъ на челны“. Но организовать сразу морскую экспедицію было немыслимо послѣ того разгрома, который произвели сами поляки, и Потоцкій долженъ былъ это признать: „Въ одинъ часъ этого не сдѣлается“, писалъ онъ: „одни челны еще не готовы, другіе готовы, но не въ такомъ порядкѣ, чтобы на нихъ можно было въ море идти“. А запорожцамъ приходилось выбирать быстро, ибо они оказывались между двухъ огней. Было два новыхъ условія, обострявшихъ положеніе такъ, какъ этого не было ни въ одномъ изъ предшествующихъ „руховъ“. Первое заключалось въ томъ, что отмѣна казацкаго самоуправленія

„ординацiей“ 1638 года временно погасила всякую партiйную рознь внутри самого казачества, во всемъ его объемѣ. Передъ лицомъ назначенныхъ польскимъ правительствомъ полковниковъ не было больше ни „дуковъ“, ни „нетягъ“—первымъ, зажиточному слою, теперь даже больше доставалось, потому что у нихъ больше можно было отнять. Личная исторiя самого Богдана Хмельницкаго характерна именно для перiода послѣ 1638 года: до того времени этотъ крупный хуторянинъ отлично уживался съ „лядской неволей“ и дѣлалъ карьеру въ рядахъ реестроваго, состоявшаго на королевскомъ жалованьи, казацкаго войска. Но эта карьера была теперь заперта для него и его сверстниковъ—въ старшину попадали теперь не тѣ, кого выдвигало зажиточное казачество, а тѣ, кого хотѣли видѣть во главѣ казаковъ польскiе паны. А исторiя съ Чаплинскимъ показала ему—и показывала опять-таки всѣмъ его односословникамъ, такимъ же крупнымъ хуторянамъ, какъ онъ,—что дѣло идетъ не просто о прекращенiи „политической дѣятельности“ для нихъ, что и „уйти въ частную жизнь“ невозможно—и тамъ достанутъ польскiе „урядники“ и обидятъ, когда захотятъ. Потерявъ и хуторъ, и сына, и любимаго коня, ограбленный и обиженный, Богданъ Хмельницкiй долженъ былъ понять, что никакая „легальная“ борьба съ администрацiей была невозможна, и, что было важнѣе, это поняли всѣ. Почти моментальный переходъ всѣхъ „реестровыхъ“, т.-е. всей болѣе зажиточной части казачества, на сторону возстанiя самъ по себѣ не давалъ выбора запорожцамъ.

Другимъ условiемъ, заставлявшимъ низовое казачество спѣшить, былъ новый факторъ, который Хмельницкому удалось ввести въ игру: этимъ новымъ факторомъ была Крымская орда. Дружба крымцевъ съ казаками была очень не новымъ явленiемъ: еще въ 20-хъ годахъ польскому правительству приходилось много хлопотать, чтобы разстроить казацко-татарскiй союзъ. Но тогда эти отношенiя больше были использованы ордою, чѣмъ Запорожьемъ. Мы часто видимъ казаковъ въ Крыму, на службѣ той или другой изъ боровшихся тамъ за власть партiй. Но никогда раньше крымцы не приходили на Украину бороться за казацкiя вольности. Чтобы поставить дѣло такъ, нужна была недюжинная моральная отвага. Было бы наивностью думать—а Хмельницкiй совсѣмъ не былъ наивнымъ человѣкомъ,—что татары даромъ, изъ симпатiи къ казачеству, вмѣшаются въ междоусобную войну. Открытыми воротами въ Поднѣпровье они, конечно, должны были воспользоваться для своего обычнаго дѣла: для того, чтобы вер-

нуться въ Крымъ „ополонившеся челядью“, какъ возвращались изъ похода древне-русскіе князья. „Ясырь“, невольники и, опять, какъ въ то старое время, въ особенности невольницы для крымцевъ составляли главное, приходили ли они на Русь съ Хмельницкимъ или безъ него, ибо это была главная статья ихъ отпускной торговли. За участіе татаръ въ игрѣ приходилось платить нѣсколькими десятками тысячъ украинской молодежи, которая пошла на невольничьи рынки Средиземнаго моря и Малой Азіи. И украинцы хорошо запомнили эту сторону войны Хмельницкаго: до XIX вѣка дожили пѣсни, полныя горькаго сарказма по адресу того, кто призвалъ татаръ на Русь. „Погляди, Васпль, на Украину“, говоритъ одна изъ такихъ пѣсенъ: „вонъ Хмельницкаго войско идетъ, все парубочки (юноши) да дѣвушки, молодыя молодицы да несчастныя вдовицы. Парубочки идутъ—на дудочкахъ играютъ, дѣвушки идутъ—пѣсни поютъ, а вдовы идутъ—сильно рыдаютъ да Хмельницкаго проклинаютъ, чтобы того Хмельницкаго первая пуля не минула, а другая ему въ самое сердце попала!“ Но зато военные результаты достигнуты были этимъ отчаяннымъ шагомъ самые рѣшительные: съ ордой вмѣстѣ казаки на первыхъ порахъ были безусловно сильнѣе коронной арміи. Ни Желтыхъ Водъ, ни Корсуни нельзя себѣ представить безъ Тугай-бея, начальника вспомогательнаго крымскаго отряда. И недаромъ такъ цѣнилъ дружбу этого татарина „старшій войска запорожскаго“, какъ подписывался Хмельницкій въ эту пору. „Тугай-бей братъ мой, душа моя, одинъ соколъ на свѣтѣ“, говорилъ Богданъ во время своей знаменитой бесѣды съ польскими послами (въ Переяславлѣ, въ февралѣ 1649 года): „готовъ все сдѣлать, что я захочу. Вѣчная наша казацкая дружба, которой всему свѣту не разорвать!“ А когда эта „вѣчная дружба“ дала трещину, когда поляки пообѣщали хану такой же „ясырь“ безъ всякой войны, Богданъ на самомъ верху своей военной славы, подъ Збаражемъ, оказался безсиленъ и долженъ былъ капитулировать на другой день послѣ блестящей побѣды. До самаго союза съ Москвой вопросъ о томъ, на чьей сторонѣ татары, былъ совершенно равносиленъ вопросу: кто сильнѣе на полѣ битвы?

Этотъ успѣхъ дала Хмельницкому не только его дипломатическая ловкость, разумѣется; моментъ былъ благопріятный, какъ никогда: Крымъ переживалъ тяжелый экономическій кризисъ, богатый „ясырь“ выводилъ орду изъ тупика, ордѣ, значитъ, нужна была война. Съ другой стороны, по мѣрѣ того какъ Польша укрѣплялась на низовьяхъ Днѣпра, запо-

рожцы становились регулярнымъ войскомъ на королевской службѣ, Крымъ чувствовалъ у себя на шеѣ врага, куда болѣе опаснаго въ будущемъ, чѣмъ казаки. „Лупленье чабановъ“ казацкой молодежью было дѣло вполнѣ терпимое сравнительно съ возможностью, что татарскіе „шляхи“ будутъ перехвачены регулярной польской силой. Словомъ, экономика и прямо, и косвенно, одинаково толкала крымцевъ на этотъ союзъ. Старые малорусскіе историки стыдились его: Антоновичъ и Драгомановъ весьма неохотно напечатали приведенную нами выше пѣсню и, видимо, не прочь были внушить читателю мысль, что, быть можетъ, она еще и не подлинная. Новые историки склонны, пожалуй, даже преувеличивать значеніе факта, и Грушевскій, напримѣръ, видитъ въ татарскомъ союзѣ главную причину „неслыханнаго въ исторіи казацкихъ войнъ успѣха“ Хмельницкаго. Самъ Богданъ, кажется, лучше видѣлъ причины своего успѣха, лучше понималъ, что татары гарантируютъ только военную сторону дѣла, и союзъ съ ними только военный успѣхъ, а успѣха политическаго нужно искать инымъ путемъ. „Поможетъ мнѣ вся чернь“, говорилъ онъ въ томъ же разговорѣ съ польскими послами: „до Люблина, до Кракова. Какъ она не измѣняла (православной вѣрѣ), такъ и я ей не измѣню, это правая рука наша“. Причина „неслыханнаго успѣха“ въ томъ и заключалась, что на Украинѣ поднялась „вся чернь“, и только когда союзъ Хмельницкаго съ чернью былъ разорванъ, ему не оставалось другого выхода, кромѣ татарскаго, турецкаго, шведскаго или московскаго союза *). Войны Хмельницкаго съ поляками рѣзко распадаются на два періода: демократическую, крестьянско-мѣщанско-казацкую революцію 1648—49 годовъ и чисто казацкія кампаніи послѣдующихъ лѣтъ. Разрывъ Богдана съ „чернью“ служитъ гранью обоихъ періодовъ и въ то же время мѣткой его напвысшаго успѣха; послѣ этого его вліяніе идетъ на убыль, какъ и его слава.

Хлопское движеніе точно такъ же было лишь использовано Хмельницкимъ, а началось оно самостоятельно раньше, чѣмъ запорожцы и крымцы пришли на Украину, и тамъ, куда они еще и не заходили. Еще Богданъ сидѣлъ въ Запорожьи и велъ переговоры съ сѣчевиками, а въ вотчинахъ Вишневецкаго было больше, чѣмъ простое броженіе: Потоцкій доносилъ королю, что воевода русскій (Іеремія Вишневецкій)

*) Это признаетъ и проф. Грушевскій: но, весьма характерно, онъ дастъ этому не объективное объясненіе—отъ несовмѣстимости интересовъ казаковъ и „поспольства“, а субъективное—отъ неумѣнія Хмельницкаго оцѣнить значеніе народной массы.

отобралъ у своихъ людей „нѣсколько десятковъ тысячъ самопаловъ“, съ которыми они собирались идти къ Хмельницкому. Движеніе въ Галиціи началось задолго до того, какъ въ этихъ краяхъ показались первые отряды казаковъ: масса возставшаго крестьянства была, наоборотъ, „авангардомъ арміи Хмельницкаго“, по словамъ одного историка *). Организаціонно этотъ авангардъ совсѣмъ не былъ связанъ съ главными силами: отъ одного изъ его вождей, Кривоноса, Богданъ открещивался не хуже, чѣмъ въ свое время Лобода отъ Наливайка. Возставшіе крестьяне уже въ это время, въ глазахъ казацкаго предводителя, были бунтовщики, которыхъ онъ не усмирялъ еще только потому, что они били поляковъ, значитъ, въ военномъ отношеніи, какъ никакъ, ему помогали. Одинъ современный документъ рисуетъ намъ живую картину этой, не имѣвшей соціально ничего общаго съ казачествомъ, украинской пугачевщины. Въ одномъ галиційскомъ селѣ отряды возставшихъ, „разбойницкія хоругви“, начали съ того, что захватили замокъ, ограбили его и добромъ подѣлились. Потомъ вернулись на село, одни на телѣгахъ, другіе пѣшкомъ, съ женами и дѣтьми. Вся эта орда добиралась не столько до личности, сколько до имущества пановъ: убѣгавшихъ помѣщиковъ не тронули, но забрали сундуки съ ихъ вещами, выпорожнили двѣнадцать сусѣковъ съ мукой, пшеномъ, горохомъ, солодомъ, житомъ, на лошадяхъ въѣхали въ гумно, забрали и оттуда овесъ, ячмень, горохъ, а самое строеніе разобрали и бревна увезли. А чего не смогли увезти, собрали въ огромную кучу на дворѣ и зажгли. Это былъ, собственно, погромъ, а не вооруженное возстаніе, но погромщиковъ было столько, что небольшіе отряды польской регулярной конницы были безсильны противъ нихъ, а главныя силы были связаны борьбою съ Хмельницкимъ и съ татарами. Но движеніе не ограничивалось деревенскими низами: уже и они имѣли своихъ организаторовъ въ лицѣ духовенства. Почти въ каждомъ погромѣ мы видимъ въ качествѣ руководителя православнаго священника. Если вѣрить показаніямъ одного попавшаго въ польскія руки казацкаго шпіона, и высшее духовенство не было движенію чуждо: владыка луцкій Аѳанасій посылалъ будто бы казакамъ порохъ и пули, владыка львовскій — три бочки пороху. Одинъ священникъ говорилъ разсказчику: „у насъ лучше вѣсти, чѣмъ у васъ, мы одинъ другому пишемъ, и такъ вѣсти доходятъ до самаго Кіева“.

*) С. Томашевскій, „Народні рухи в галицкой Руси 1648 р.“. Записки науков. товар. імени Шевченка, т. XXIII—XXIV, стр. 16.

Письма важныхъ духовныхъ лицъ ходили будто бы по рукамъ между казаками. Еще сильнѣе было революціонное движеніе среди буржуазіи. Мѣщане копили тоже порохъ и пули для казаковъ, другіе портили городскія пушки, чтобы помѣшать оборонѣ противъ казаковъ, третьи не останавливались даже передъ обѣщаніемъ зажечь городъ въ случаѣ надобности для той же цѣли. Львовъ Хмельницкій взялъ при помощи тамошнихъ мѣщанъ, указавшихъ ему, гдѣ идетъ городской водопроводъ, и какъ его перерѣзать. А въ то время, какъ земля всюду тряслась, громадное народное движеніе разрасталось часъ отъ часу. Хмельницкій писалъ униженныя просьбы польскому королю, увѣряя его въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ, и клялся всѣми святыми, что только нарушеніе казацкихъ привилегій и вольностей заставило его, Хмельницкаго, взяться за оружіе и призвать къ себѣ на помощь крымскаго хана. Стоитъ Рѣчи Посполитой уважить законныя требованія казаковъ, и все сразу прекратится. А въ этихъ требованіяхъ нѣтъ ни звука ни о мѣщанахъ, ни о крестьянахъ, и только православная вѣра упомянута на самомъ концѣ, какъ бы для соблюденія приличія.

Требованія Богдана Хмельницкаго не оставались, правда, на одномъ уровнѣ за все это время. Первая ихъ редакція, относящаяся къ лѣту 1648 года, не идетъ дальше огражденія казацкихъ интересовъ въ самомъ узкомъ пониманіи этого слова. Первый пунктъ жалобы, поданной на варшавскомъ сеймѣ, резюмируетъ ихъ всѣ: „польское начальство обращается съ нами, людьми рыцарскими, хуже, чѣмъ съ невольниками“. Казаки протестуютъ не вообще противъ тяжести податей, а противъ того, что подати берутся и съ нихъ, казаковъ; не вообще противъ непомѣрно высокаго оброка, а противъ того, что оброкъ берутъ съ матерей и отцовъ казацкихъ, хоть ихъ сыновья и на службѣ, „какъ съ другихъ хлоповъ“; не вообще противъ барщины, а лишь противъ того, чтобъ на барщину гоняли „наравнѣ съ мѣщанками“ казацкихъ женъ; не вообще противъ стѣсненій права охоты, а на то, что даже на Запорожьи право казака охотиться обусловлено тяжелыми поборами. „И здѣсь, на Запорожьи, не даютъ намъ покою“, писалъ королю Хмельницкій тѣмъ же лѣтомъ: „не обращая никакого вниманія на права и привилегіи, которыя мы имѣли отъ вашего королевскаго величества, вольности наши войсковыя и насъ самихъ обратили въ ничто“. Въ февралѣ слѣдующаго 1649 года мы слышимъ уже другое. Главной причиной зла оказываются уже не польскіе

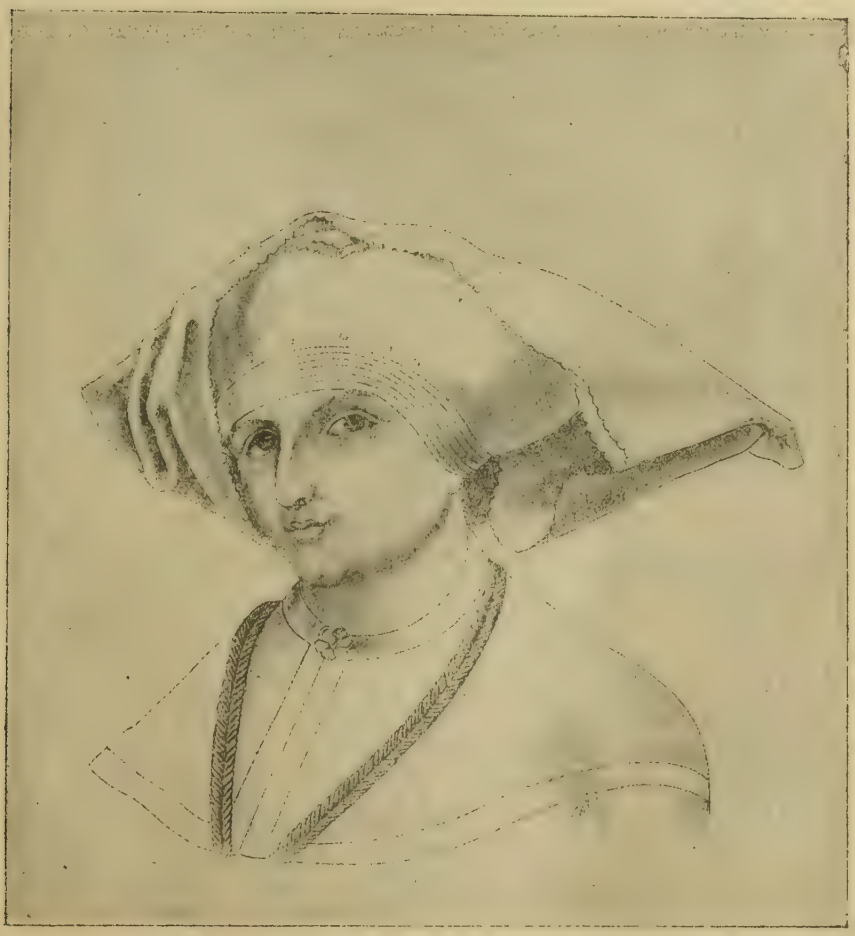
„урядники“ съ ихъ злоупотребленіями, а унія: „неволя, горше турецкой, которую терпитъ нашъ народъ русскій“; унія должна быть упразднена: пусть остаются по-старому греческая вѣра и римская вѣра; что́ принадлежало православнымъ до уніи, пусть вернется къ нимъ. Воевода кіевскій чтобы былъ „русскаго народу“ и православной вѣры, каштелянъ тоже; и чтобы они оба, какъ и митрополитъ кіевскій, имѣли мѣсто въ сенатѣ. Къ этому прибавляются л и ч н о е требованіе, касающееся только Хмельницкаго: выдача его ворога Чаплинскаго, и одно общеказацкое требованіе, тоже личнаго характера,—чтобы короннымъ гетманомъ не былъ Іеремія Вишневецкій.

За полгода передъ тѣмъ требованія были „сословными“, казацкими: теперь они становятся національно-религіозными. Причина перемѣны совершенно ясна: за это время Хмельницкій побѣдителемъ вступилъ въ Кіевъ, гдѣ его встрѣчали „какъ Моисея“, „спасителя и освободителя народа отъ неволи ляшской“, встрѣчала кіевская академія и духовенство, какъ и слѣдовало для полноты картины, съ однимъ изъ восточныхъ іерарховъ, патріархомъ іерусалимскимъ, во главѣ. Движеніемъ завладѣла малорусская интеллигенція—буржуазная интеллигенція, ибо и борьба съ уніей была, какъ мы видѣли, прежде всего, мѣщанскимъ дѣломъ. Но мы напрасно стали бы искать въ офиціальныхъ заявленіяхъ Хмельницкаго демократическихъ требованій, выражавшихъ настроеніе той „черни“, которая была „правой рукой“ Богдана по его собственнымъ словамъ. Когда нужно было похвастать своей силой передъ польскими послами, „чернь“ сыграла въ послѣдній разъ свою роль. Но даже въ этой замѣчательной рѣчи, которую до сихъ поръ сочувственно цитируютъ малорусскіе историки, Хмельницкій договаривается до обѣщаній, которыя немало удивили бы хлоповъ, если бы тѣ ихъ услышали. Пообѣщавъ сначала, что ни одного князя и ни одной шляхетки ноги на Украинѣ не останется, Богданъ затѣмъ и съ ними готовъ былъ примириться—„пусть съ нами хлѣбъ ѣдятъ“: только бы войска запорожскаго слушали да на короля не „брыкались“. Намъ еще ни разу не приходилось останавливаться на этой чертѣ „демократической, пролетарской дружины“—ея глубокомъ монархизмѣ. Хмельницкій не могъ представить себѣ казаковъ безъ короля, какъ его донскіе собратья не могли бы представить себѣ Руси безъ царя всѣхъ православныхъ. Королевскія привилегіи, подлинныя или фантастическія, составляли въ его глазахъ юридическую основу всѣхъ его требованій. Онъ непрестанно увѣрялъ въ

своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ и Владислава, и позже Яна Казимира. Когда послѣдній прислалъ ему знаки гетманскаго достоинства—булаву и знамя—онъ былъ этимъ весьма польщенъ, не меньше, нежели какой-нибудь варварскій король эпохи переселенія народовъ, получивши отъ императора консульскія инсигніи. Побѣда надъ королевскими войсками внесла въ этотъ монархизмъ только то новаго, что Богданъ сталъ чувствовать себя немножко ровней своему владыкѣ: „хотя плохой я и ничтожный человѣкъ, а все же Богъ меня учинилъ единовластцемъ, самодержцемъ русскимъ“. Но даже и въ эту минуту, хотя онъ и пьянъ былъ, по собственному признанію, онъ не забывалъ, что „король королемъ будетъ, чтобы карать и казнить шляхту, дуковъ, князей, но чтобы былъ онъ въ этомъ воленъ: согрѣшитъ князь, отрубить ему голову; согрѣшитъ казакъ—и ему то же сдѣлать“. Если у Хмельницкаго былъ какой-нибудь политическій идеалъ, шедшій дальше знакомыхъ ему по опыту формъ „государственности“, то это былъ идеалъ не народоправства, хотя бы самаго примитивнаго, а централизованной абсолютной монархіи, съ военной диктатурой во главѣ, наподобіе той, о которой мечталъ Иванъ Пересвѣтовъ. Только такіе идеалы и могло выращивать Запорожье.

Въ практической политикѣ онъ руководился, однако же, даже и не этимъ идеаломъ, а просто ближайшими, насущными интересами того класса, который онъ представлялъ—буржуазіи казацкой и не казацкой. Когда измѣна крымскаго хана подъ Збаражемъ поставила на карту всѣ казацкія завоеванія, Хмельницкій очень скоро пошелъ на основное польское требованіе, которое красной нитью проходитъ черезъ всѣ переговоры на протяженіи этихъ двухъ лѣтъ—„отступиться отъ черни, чтобы хлопы пахали, а казаки воевали“. Добившись утвержденія королемъ Яномъ Казимиромъ всѣхъ казацкихъ вольностей, запорожское войско очень охотно согласилось „вмѣстѣ съ короннымъ войскомъ, общими силами, какъ давать отпоръ всякому пограничному непріятелю, такъ и усмирять всяческіе бунты“. И это не были пустыя слова. До насъ дошло нѣсколько универсаловъ Хмельницкаго, показывающихъ, что обѣщаніе „усмирять бунты“, т.-е. помогать панамъ обращать обратно въ крѣпостное состояніе только что завоевавшихъ себѣ свободу хлоповъ, понималось имъ вполнѣ серьезно. Въ этихъ универсалахъ „Богданъ Хмельницкій, гетманъ, съ войскомъ его королевской милости запорожскимъ“ предписывали, чтобы „подданные“ и „не-

реестровые“ (т.-е. не внесенные въ реестръ казаки—даже и они!) „панамъ своимъ были послушны, какъ прежде, и никакихъ бунтовъ и своевольныхъ поступковъ не учиняли“. А кто вздумалъ бы учинить какую ни есть кривду, того полковники кіевскій и черниговскій должны были казнить смертью безъ всякаго промедленія. Другой универсалъ предоставляетъ право смертной казни и самимъ панамъ, только подъ надзоромъ казацкихъ полковниковъ. При чемъ для вящаго вразумленія тутъ прибавляется, что не одинъ мятежный хлопъ уже и казненъ. Не будемъ удивляться, что украинскій народъ въ своихъ пѣсняхъ такъ плохо поминаетъ Хмельницкаго и такъ славитъ полковника Нечая, убитаго поляками именно въ то время, когда коронныя войска явились на Украину снова, чтобы вмѣстѣ съ запорожцами возстановлять порядокъ.



3. Украина подъ московскимъ владычествомъ.

Разрывъ съ „чернью“ и ненадежность хана, который за хорошій „ясырь“ готовъ былъ продать кого и что угодно—это послѣ Берестечка *) было уже совершенно очевидно, но достаточно ясно было это и подъ Зборовымъ—дѣлали для Хмельницкаго неизбѣжнымъ союзъ съ одной изъ „великихъ державъ“ восточной Европы. Не считая Польши, съ которою Хмельницкій велъ войну, такихъ державъ было двѣ: москов-

*) Передъ этой битвой (20 іюня 1651 года) московскій агентъ доносилъ изъ Крыма: „Татары говорятъ: если поляки окажутся сильнѣе насъ и казаковъ, то мы противъ нихъ стоять не будемъ, а заберемъ за выходъ у казаковъ женъ и дѣтей въ полонъ и приведемъ въ Крымъ“.

ское государство и Швеція. Можетъ показаться, что упоминать эту послѣднюю страну, какъ возможную союзницу казаковъ въ борьбѣ съ Польшею,—своего рода историческій педантизмъ, объясняемый суетнымъ стремленіемъ перечислить всѣ „историческія возможности“, хотя бы и крайне далекія отъ осуществленія. На самомъ дѣлѣ, оба союза, съ Москвою и съ Швеціей, объективно были одинаково возможны и Хмельницкій дѣйствительно колебался между ними до послѣднихъ дней своихъ—при чемъ въ эти послѣдніе дни шведскій союзъ былъ большею реальностью, чѣмъ московскій. Но онъ совсѣмъ не былъ новостью. „Отъ шведскаго короля“, говорилъ въ 1657 году Богданъ московскому послу: „я никогда отлученъ не буду, потому что у насъ дружба давняя, больше шести лѣтъ“: начало союза со шведами довольно точно совпадаетъ, такимъ образомъ, съ Берестечкомъ и съ окончательнымъ разочарованіемъ въ крымскомъ союзѣ. Своимъ скандинавскимъ союзникомъ Хмельницкій былъ очень доволенъ: „Шведы—люди правдивые“, говорилъ онъ въ той же бесѣдѣ съ окольничимъ Бутурлинымъ: „всякую дружбу и пріязнь додерживаютъ, слово свое держатъ“. Правда, говорилось это не безъ того, чтобы уколоть москвичей, которые слова своего не додерживали. Но Карлъ X могъ, дѣйствительно, обѣщать казацкому гетману нѣчто такое, чего отъ царя Алексѣя тотъ дожидался тщетно: положеніе вассальнаго государя, „удѣльнаго князя кіевскаго“, въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ независимаго отъ кого бы то ни было, а по внѣшнему положенію равнаго герцогу курляндскому или даже курфюрсту бранденбургскому. И такія обѣщанія на самомъ дѣлѣ были даны и приняты: въ началѣ 1657 года союзъ, считавшій уже шесть лѣтъ фактическаго существованія, былъ окончательно оформленъ. „Измѣнникъ“ Мазепа могъ бы найти весьма авторитетный примѣръ въ подтвержденіе своего образа дѣйствій по отношенію къ Карлу XII. Если въ концѣ концовъ Украина осталась въ зонѣ московской политики и, за исключеніемъ короткаго эпизода при Мазепѣ, никогда не была шведскимъ вассаломъ, здѣсь, очевидно, виноватъ былъ не Хмельницкій лично. Идеалистическая исторіографія, конечно, всегда готова была дать этому факту субъективное объясненіе: русское и православное казачество не могло примириться съ зависимостью отъ иновѣрнаго и иноземнаго государя. Но мы скоро увидимъ, что представительница православія на Украинѣ, кіевская митрополія съ зависѣвшимъ отъ нея духовенствомъ, была самымъ упорнымъ врагомъ,

какого встрѣчало здѣсь московское владычество. Что касается русскихъ симпатій Хмельницкаго и его товарищей, то не надо забывать, что въ рядахъ сражавшагося съ ними польско-литовскаго войска было сколько угодно русскихъ. Вся шляхта Волыни, Подоліи, польской Галиціи и литовской Бѣлоруссіи была русской крови и, по большей части, русскаго языка; главные дѣятели со стороны поляковъ, въ области дипломатіи—Адамъ Кисель, на полѣ битвы—знакомый намъ Іеремія Вишневецкій, были русскіе, а первый даже и православный. Казаки и сами заявляли, что считаютъ Киселя „своимъ“: но это нисколько не прибавило ему авторитета въ глазахъ казаковъ и не помѣшало его переговорамъ съ Хмельницкимъ кончиться полной неудачей. А въ припадкахъ гнѣва на Москву, тому же Хмельницкому случалось говаривать, что онъ отдастся въ подданство турскому царю и вмѣстѣ съ турками и крымцами будетъ ходить войною на московское государство. Хоть и сказанныя въ гнѣвѣ, это не были пустыя слова: до насъ дошла грамота султана Магомета IV (отъ декабря 1650 года), гдѣ Богданъ титулуется „голдовникомъ“ (вассаломъ) Турціи, въ знакъ чего ему и жалуется отъ султана почетная шуба. А ужъ кто бы, казалось, дальше былъ отъ казачества и по національности, и по вѣрѣ, и по всему историческому прошлому, чѣмъ невѣрные турки? Союзы государствъ и въ XVII вѣкѣ, какъ теперь, опредѣлялись не симпатіями народныхъ массъ, а политическими расчетами руководящихъ слоевъ—симпатіи же очень легко инсценировались и тогда, какъ теперь, если руководящимъ слоямъ то было нужно. Когда Богдану былъ нуженъ московскій союзъ, посланцы царя Алексѣя отовсюду слышали хвалы московскому государству и выраженія горячаго желанія „въ государеву сторону перейти“. Но переговоры и послѣ этого шли не только съ Москвой, а и съ Швеціей, и съ султаномъ, и съ венгерскимъ правителемъ Ракочи, и если въ концѣ концовъ ближе всѣхъ оказалась все же Москва, то это былъ результатъ своего рода „естественнаго отбора“. Почему въ этой борьбѣ союзовъ московскій оказался „наиболѣе приспособленнымъ“, хотя личныя симпатіи Хмельницкаго и руководящихъ круговъ казачества къ нему вовсе и не лежали, это становится ясно, когда мы читаемъ переписку Богдана съ Москвой съ первыхъ же шаговъ возстанія. Въ первыхъ же письмахъ передъ нами стоитъ чудовищный, съ точки зрѣнія традиціи, образъ—польско-московскаго союза противъ казаковъ: едва узнавъ о возстаніи запорожцевъ, московское правительство

сосредоточило подъ Путивлемъ 15.000 человѣкъ. Формальнымъ предлогомъ для этого былъ союзъ Хмельницкаго съ крымскимъ ханомъ, и возможность нападенія беззастѣнчивыхъ по части международнаго права крымцевъ на сосѣднія русскія области. Но казаки этому не вѣрили, и говорили, что москвичи „въ рѣчи на татаръ, а болѣе на самихъ насъ хотѣли ляхамъ помогать", какъ писалъ Богданъ (20 іюня 1648 года, вскорѣ послѣ корсунской битвы) Хотмыжскому воеводѣ кн. Семену Болховскому. Мѣсяцъ спустя онъ писалъ путивльскому воеводѣ еще прямѣе: „Не надѣялись мы того отъ васъ, чтобы вы ляхамъ, недовѣркамъ, на насъ православныхъ христіанъ, на братію свою, помощь войсками своими давали..." Но московское правительство, по-своему, было право: даже и позднѣе, когда Украина уже признала московскую власть, бѣглые боярскіе люди и крестьяне собирались въ глухихъ лѣсахъ цѣлыми ватагами и хотѣли идти къ Хмельницкому, надѣясь найти на Украинѣ и землю, и волю. Но въ это время московская администрація, въ союзѣ и единеніи съ казацкой, могла ихъ хватать и вѣшать, а что было бы дѣлать, если бы казацкое государство стало совсѣмъ независимымъ? На Москвѣ значеніе того факта, что „чернь"— „правая рука" Хмельницкаго, понимали едва ли не лучше, чѣмъ самъ Богданъ. Поскольку московское государство было дворянскимъ, а не боярскимъ, оно было ближе къ казакамъ, нежели къ польскимъ панамъ: но поскольку казацкая революція, въ начальномъ своемъ періодѣ, была и крестьянской, она была одинаково страшна и панской, и дворянской „государственности". Хмельницкій долженъ былъ дать извѣстный залогъ своей благонадежности, чтобы въ Москвѣ согласились хотя бы разговаривать съ нимъ. Въ 1653 году, когда запорожское войско дало видѣнные уже нами блестящіе примѣры „возстановленія порядка", вопросъ былъ только объ условіяхъ союза: принципіально дѣло могло считаться рѣшеннымъ. Но въ 1649 году для Москвы разумнѣе было держаться выжидательной политики: а чѣмъ осторожнѣе были въ Москвѣ, тѣмъ настоятельнѣе нуженъ былъ Хмельницкому московскій союзъ, или, по крайней мѣрѣ, благожелательный нейтралитетъ московскаго государства. Какъ польское возстаніе 1863 года было раздавлено между Россіей и Пруссіей, такъ казацкое возстаніе XVII вѣка было бы, внѣ всякаго сомнѣнія, раздавлено между Москвою и Польшей, дѣйствуй эти послѣднія вмѣстѣ. Разъединить ихъ было основной дипломатической задачей гетмановъ и послѣ Хмельницкаго: но тѣ

иногда разрѣшали эту задачу, становясь на сторону Польши, какъ это сдѣлалъ Выговскій. Въ разгарѣ же борьбы съ поляками, Хмельницкому не оставалось другого выхода, какъ искать московской дружбы, независимо отъ того, былъ онъ самъ, внутренно, другомъ Москвы или нѣтъ.

Московскій союзъ былъ политической необходимостью для казачества, какъ крымскій былъ необходимостью военной. Находясь въ различныхъ плоскостяхъ, они, какъ это ни кажется на первый взглядъ странно, и не мѣшали другъ другу. Получивъ 27 марта 1654 года, въ качествѣ „вѣчнаго подданнаго“ царя Алексѣя, жалованную грамоту на городъ Гадячъ, Богданъ черезъ три недѣли, 16 апрѣля, писалъ крымскому хану, что и ему присяги онъ не нарушитъ „на вѣки вѣчные“, и самъ, и всѣ потомки его. Хана онъ называетъ въ этомъ письмѣ „своимъ всемилостивѣйшимъ государемъ“, а насчетъ московскаго союза объясняетъ, что хану нечего отъ того бояться: вѣдь всякій ищетъ „имѣть побольше пріятелей“—поляки заключили же союзъ съ венграми и волохами, отчего же ему, Богдану, не подкрѣпить себя, съ своей стороны, московской дружбой? Но уже изъ этого совпаденія двухъ союзовъ съ двумя, обычно враждовавшими между собою государями видно, что „подданство“ на Украинѣ понималось совсѣмъ не такъ, какъ понимали его обычно въ Москвѣ. Въ первое время подчиненіе Украины московскому царю представлялось Хмельницкому въ очень своеобразной формѣ. Мы знаемъ, что „сильный король“ Рѣчи Посполитой былъ его завѣтной мечтой: ему казалось, что когда властная рука сверху обуздаетъ пановъ, послѣдніе сразу притихнутъ и станутъ для казаковъ безвредны. Но у выборныхъ польскихъ государей у самихъ не было другой опоры, кромѣ этихъ же пановъ: могли ли они обуздать тѣхъ, отъ кого сами зависѣли? Иное дѣло, если король будетъ имѣть собственную силу, независимую отъ польской аристократіи—такому королю легко будетъ справиться съ панами. Вотъ, если бы королемъ сталъ государь московскій: онъ бы показалъ панамъ, какъ обижать казаковъ! „Мы бы желали себѣ такого государя-самодержца въ своей землѣ, какъ ваша царская вельможность“, писалъ Богданъ въ первомъ своемъ письмѣ царю Алексѣю (8 іюня 1648 года): „если бы была на то воля Божія, да твое царское желаніе, сейчасъ же, не мѣшкая, на панство то наступати—мы бы со всѣмъ войскомъ запорожскимъ готовы были услужить вашей царской вельможности!“ Въ этомъ водвореніи „православнаго хрестьянскаго царя“ на

Московскія женщины и дѣвушки въ церкви (XVII столѣтіе).

Оригиналъ картины А. П. Рябушкина *Московскія женщины и дѣвушки въ церкви—XVII столѣтіе* (1899 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ (№ 1750), гдѣ помѣщена и картина того же художника *Потѣшные Петра I въ кружалѣ* (1892 г.). Какъ и въ картинѣ *Ѣдутъ*, здѣсь изображена толпа, толпа женщинъ и дѣвушекъ въ старой московской церкви. Художникъ на этой картинѣ превращается въ археолога; художественное творчество отсутствуетъ здѣсь вовсе; красивая на глазъ, богатая подробностями стараго женскаго туалета въ Москвѣ, интересная для внѣшняго описанія стараго русскаго быта картина нѣсколько смущаетъ черезчуръ монгольскимъ типомъ лица, помѣщеннаго какъ разъ въ ея центрѣ. Исторической можно назвать ее болѣе, чѣмъ условно, но для характеристики такъ называемаго историческаго жанра въ русской живописи она столь же цѣнна, какъ и *Ѣдутъ* того же художника.

В. Стор.

польскій престолъ руками запорожскаго войска казацкій гетманъ (въ перепискѣ съ Москвой онъ уже тогда подписывался такъ, чего еще тщательно избѣгалъ, пиша полякамъ) видѣлъ даже исполненіе какого-то „предвѣчнаго пророчества Христова“, хотя едва ли самъ сумѣлъ бы сказать, гдѣ его можно найти. Вначалѣ Москва, такъ недавно сама избавившаяся отъ польскаго царя, относилась, однако же, къ „предвѣчному пророчеству“ довольно холодно. За пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ Смоленскъ не удалось добыть обратно у поляковъ—гдѣ ужъ тутъ, казалось бы, мечтать о польскомъ престолѣ? Только неожиданно блестящіе успѣхи московскихъ войскъ въ начавшейся въ 1654 году войнѣ (въ первыхъ числахъ іюня сдался первый „литовскій“ городъ, Дорогобужъ, а въ августѣ московскіе воеводы стояли уже на старой литовской территоріи, подъ Могилевомъ; годъ спустя московскій царь вступалъ въ Вильну и, съ благословенія патріаршаго, сталъ писаться „великимъ княземъ литовскимъ“) вдвинули вопросъ о польской кандидатурѣ Алексѣя Михайловича въ область практической политики. Но тутъ сейчасъ же и обнаружилось, какъ близоруки были надежды запорожскаго войска. Одна мысль о томъ, что московскій царь, можетъ быть, сдѣлается и королемъ Польши, крайне ослабила энергію Москвы въ борьбѣ съ этой послѣдней. Польскіе дипломаты систематически манили царя Алексѣя престоломъ Рѣчи Посполитой и очень удачно вымѣнивали на эти туманныя надежды вполнѣ реальные куски занятой московскими войсками территоріи. А къ Украинѣ будущій православный государь Польши сталъ такъ относиться, что Хмельницкому пришлось искать подмоги у Карла X шведскаго и Ракочи венгерскаго.

Надежды на всемогущаго короля-царя, который смиритъ гордыхъ пановъ, поблекли у Хмельницкаго, впрочемъ, еще гораздо раньше. Не нужно забывать, что онъ, по собственному признанію, „сдѣлалъ то, чего не мыслилъ“. Казацкія возстанія до сихъ поръ всегда кончались неудачей, какъ только на театрѣ войны появлялась регулярная коронная армія: теперь случилось неслыханное—вся эта армія, съ двумя ея главными командирами, гетманами, оказалась въ казацкомъ плѣну. По той же перепискѣ Богдана съ царемъ Алексѣемъ видно, до какой степени самому казацкому предводителю трудно было освоиться съ такимъ неожиданно-счастливымъ оборотомъ дѣла: взятіе въ плѣнъ гетмановъ Хмельницкій прямо приписываетъ татарамъ, уменьшая свою военную славу къ явной невыгодѣ для своей конечной цѣли—

союза съ Москвой. Рядъ новыхъ побѣдъ пріучилъ его къ тому, что онъ сильнѣе, чѣмъ мыслилъ когда бы то ни было. Тонъ его переговоровъ съ московскими дипломатами становится все увѣреннѣе. Москва ему еще очень нужна, но онъ говоритъ съ нею уже почти, какъ съ равнымъ. Въ началѣ онъ, и бунтуя противъ Рѣчи Посполитой, не могъ себѣ представить себя иначе, какъ польскимъ подданнымъ—мы видимъ, что даже еще въ разгарѣ революціи онъ не переставалъ увѣрять короля Яна-Казиміра въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ. Но это было въ офиціальныхъ документахъ, гдѣ каждое слово взвѣшивалось: въ застольной бесѣдѣ, когда языки развязывались, Богданъ уже въ февралѣ 1649 года начинаетъ называть себя „единовластцемъ русскимъ“. Эта мысль, что онъ, Хмельницкій—государь, государь новой страны, независимой, казацкой Украины, мысль, которой раньше онъ самъ испугался бы въ трезвомъ видѣ, начинаетъ сквозить все отчетливѣе въ его внѣшней политикѣ—и въ мелочахъ, въ родѣ подыскиванія для своего сына невѣсты непремѣнно изъ владѣтельнаго дома, хотя бы и не важнаго, Молдавскаго, сквозитъ и въ крупномъ—въ его договорѣ съ Москвой. „Борони Боже смерти на пана гетмана (ибо всякій человѣкъ смертенъ—и безъ того не можетъ быть)...“ читаемъ мы въ одномъ изъ пунктовъ этого договора: и вы чувствуете, что это не только договоръ казацкаго войска съ московскимъ правительствомъ, но и договоръ двухъ государей, гетмана Богдана съ царемъ Алексѣемъ. Наиболѣе полнаго выраженія эта идея достигаетъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ документовъ, грамотѣ Хмельницкаго обывателямъ пинскаго повѣта, прибѣгнувшимъ къ покровительству войска запорожскаго. Проф. Грушевскій справедливо отмѣтилъ, что въ этой грамотѣ нѣтъ ни звука о Москвѣ (если не считать титула: „гетманъ войска его царской милости Запорожскаго“)—и это, безъ сомнѣнія, характерно для тѣхъ отношеній, въ какихъ стоялъ тогда къ московскому правительству гетманъ: но, можетъ быть, еще характернѣе обѣщаніе пинчанамъ протекціи гетмана „съ потомками нашими и всѣмъ войскомъ запорожскимъ“. Богданъ чувствовалъ себя въ эту минуту не только монархомъ, но и наслѣдственнымъ монархомъ, несмотря на выборы гетмана—которые онъ, конечно, признавалъ теоретически, но это такъ же мало дѣлало его демократомъ, какъ раньше казацкій „республиканизмъ“ мало мѣшалъ его вѣрноподданническимъ чувствамъ къ Яну-Казимиру. Конечно, гетмана выбираютъ—но выбрать должны,

разумѣется, моего сына: въ этой формулѣ было мало логики, но психологически она, какъ нельзя быть болѣе понятна.

Защита казачества отъ пановъ уступаетъ теперь мѣсто защитѣ своей внутренней политической самостоятельности отъ своихъ союзниковъ и покровителей. Объективное основаніе такой перемѣны не нужно долго искать. Паны были сметены народной революціей такъ чисто, что, когда они понадобились, пришлось ихъ завести заново. Прибѣгать противъ нихъ къ помощи земного провидѣнія, въ образѣ царя-короля, передъ которымъ всѣ равны, не имѣло смысла. А Московскій воевода былъ реальностью, которую можно было видѣть необычайно близко, въ сосѣднемъ Путивлѣ, откуда этой реальности ничего не стоило передвинуться немного на западъ и очутиться въ Переяславлѣ или Кіевѣ. Богданъ - инсургентъ 1648-го года, можетъ быть, и не поднялъ бы вопроса о предѣлахъ воеводской власти на Украинѣ—не поднялъ бы, по крайней мѣрѣ, до той поры, пока не столкнулся бы съ этой властью на практикѣ. Богданъ-государь 1653—4 годовъ былъ подозрительнѣе и предусмотрительнѣе. Петиціи Хмельницкаго царю Алексѣю,—которыя, юридически, можетъ быть, и не совсѣмъ правильно называть „договоромъ“, потому что представители Московскаго царя, какъ извѣстно, отказались по нимъ присягнуть, къ великому смущенію казацкой старшины—и носятъ, прежде всего, этотъ политически-оборонительный характеръ. Обороняются, во-первыхъ, само собою разумѣется, права и преимущества казачества: „сначала изволь, твое царское величество, подтвердить права и вольности войсковыя, какъ отъ вѣку было въ войскѣ Запорожскомъ, которое по своимъ правамъ судилось и вольности свои имѣло—чтобъ въ имѣнья и суды его ни воевода, ни бояринъ, ни стольникъ не вступались, въ войсковые суды: пусть товарищество такъ судитъ,—гдѣ три человѣка казаковъ, двое судятъ третьяго“. Ближе всего къ казачеству стояла шляхта: „скасовавъ шаблею козацкою“ права и привилегіи крупнаго феодальнаго землевладѣнія, польскаго по культурѣ, католическаго по вѣрѣ, казацкая революція не тронула средняго землевладѣнія, русскаго и православнаго: около 300 шляхтичей присягнуло въ январѣ 1654 года царю Алексѣю вмѣстѣ съ казаками. Естественно было позаботиться и о нихъ. Гетманъ просилъ, чтобы „они (шляхтичи) при своихъ шляхетскихъ вольностяхъ пребывали и между собою выбирали старшихъ на судебныя должности (мы знаемъ, что добиться выборнаго дворянскаго суда было крупнымъ успѣ-

хомъ литовско-русской шляхты еще до уніи съ Польшей) и имѣнія свои и вольности имѣли, какъ при короляхъ польскихъ было, чтобы и другіе, видя такую милость твоего царскаго величества, стремились подъ державу и могущую великую руку" московскаго царя. Сохраненіе шляхетствомъ своихъ „добръ" въ прежнемъ видѣ само собою предполагало и сохраненіе въ прежнемъ видѣ крестьянскихъ повинностей въ этихъ „добрахъ"—другими словами, крѣпостного права. Казачество, использовавъ хлопское возстаніе въ борьбѣ съ Польшей, вовсе не собиралось закрѣплять результаты этого возстанія, ломая традиціонный общественный строй Украины: оно ограничилось тѣмъ, что вобрало въ себя экономически болѣе сильные элементы поспольства, увеличивъ „реестръ" до 60.000—но сохранивъ его все-таки. Это сохраненіе реестра, введеннаго нѣкогда польскимъ правительствомъ противъ казаковъ, теперь, когда польское господство было свергнуто, необычайно характерно. Казаки меньше всего желали, чтобы права и вольности войсковыя сдѣлались общимъ достояніемъ: реестръ игралъ роль новѣйшаго ценза, держа въ сторонѣ отъ власти слишкомъ уже черную „чернь". „Можнѣйшіе пописались въ казаки, а подлѣйшіе остались въ мужикахъ" — такими словами одного документа XVIII вѣка можно охарактеризовать соціальные результаты возстанія Хмельницкаго. Но, оставивъ при своихъ „звічніхъ обовязкіхъ" массу поспольства, казачество не могло не позаботиться о своемъ давнемъ союзникѣ—городской буржуазіи: „чтобы въ городахъ начальство выбиралось изъ нашихъ людей (т.-е. украинцевъ), на то способныхъ, которые и обязаны будутъ управлять подданными твоего царскаго величества и правильно вносить въ казну твоего царскаго величества слѣдуемые доходы". Всѣ эти „урядники"—„войты, бурмистры, райцы и лавники"—должны были, очевидно, остаться такими же, какими были они при польскомъ господствѣ: какъ шляхетство осталось при своихъ „вольностяхъ", такъ и города Украины—при своемъ „магдебургскомъ правѣ". Но „политической страной" оставалось одно казачество: въ случаѣ смерти гетмана, новаго выбирали не всѣ украинцы, а только одно запорожское войско, притомъ оно выбирало совершенно самостоятельно, только „извѣщая его царское величество"—„чтобы не было это для его царскаго величества тайной". А гетманъ имѣлъ даже право, хотя и ограниченное (Хмельницкій желалъ неограниченнаго), ссылаться съ иностранными государствами: Москва монополизи-

ровала только дипломатическія сношенія Украины съ главными московскими соперниками, Польшей и султаномъ; пословъ отъ нихъ гетманъ не имѣлъ права принимать, ни къ нимъ посылать: со всѣми остальными онъ могъ сноситься, опять-таки извѣщая Москву.

Въ свое время, въ дни казацкаго самоуправленія, польское правительство играло на противорѣчіяхъ классовыхъ интересовъ внутри самого казачества—на враждѣ „дуковъ“ и „нетягъ“. Ошибка ординаціи 1638 года въ томъ и заключалась, съ польской стороны, что ординація, уничтоживъ казацкое самоуправленіе вовсе, на время отодвинула на старый планъ всякія внутреннія казацкія разногласія—и „дуки“ выдвинули изъ своей среды гетмана Богдана. Возстановленіе казацкой,—а не украинской—автономіи должно было возстановить и прежнія отношенія внутри автономнаго казачества: и московское правительство не хуже польскаго сумѣло использовать классовую вражду казацкаго верха съ казацкимъ низомъ. Постепенное превращеніе казацкаго государства въ московскую провинцію, только управляемую на особыхъ условіяхъ, было ближайшимъ результатомъ этого. Въ три гетманства—Выговскаго, Юрія Хмельницкаго и Брюховецкаго—процессъ былъ почти законченъ. Бояринъ-Брюховецкій былъ уже не столько „казацкимъ государемъ“, сколько просто намѣстникомъ государя московскаго съ особыми полномочіями. А къ началу XVIII вѣка это положеніе стало считаться настолько нормальнымъ, что попытка Ивана Мазепы подражать Хмельницкому въ дѣлѣ шведскаго союза значительной долѣ даже самого казачества показалась настоящей государственной измѣной.

Москвѣ необходимо было ассимилировать Украину по той простой причинѣ, что иначе московская „польская Украйна“ превращалась въ бездонную бочку, и основная задача, изъ-за которой только и стоило вмѣшиваться въ казацко-панскую войну, колонизація пристепныхъ южныхъ уѣздовъ московскаго государства, становилась задачей неразрѣшимой. Въ Москвѣ на каждаго прибылого черкаса смотрѣли, какъ на цѣнную добычу и даже по поводу Хмельницкаго одно время питали надежду, что, можетъ быть, онъ со всѣмъ „войскомъ запорожскимъ“ перекочуетъ въ московскіе предѣлы, на Донецъ: а теперь Украина начала полниться на счетъ этихъ самыхъ московскихъ предѣловъ. То явленіе, которое мы отмѣчали уже выше, бѣгство великорусскихъ крестьянъ въ казаччину, продолжалось неудержимо и послѣ смерти Хмельницкаго. „Въ

это время", говоритъ Костомаровъ о гетманствѣ Юрія Хмельницкаго, „Малая Русь сдѣлалась притономъ бѣглыхъ людей и крестьянъ изъ Великой Руси. Изъ уѣздовъ Брянскаго, Карачевскаго, Рыльскаго и Путивльскаго отъ вотчинниковъ и помѣщиковъ бѣгали боярскіе люди и крестьяне въ Малую Русь, составляли шайки около Новгорода-Сѣверскаго, Почепа и Стародуба, нападали на имѣнія и усадьбы своихъ прежнихъ владѣльцевъ, и дѣлали имъ всякія „злости и неисправимыя разоренія" *). Любопытно, что интересы „можнѣйшихъ" и московскаго правительства въ этомъ пунктѣ совпадали: для казачества и свои „гультяи", просившіеся въ его ряды, были не малой докукой, что же было сказать о тѣхъ, кто старался пробраться на Украину изъ-за московскаго рубежа? Гетманъ Выговскій (заступившій мѣсто Хмельницкаго послѣ смерти послѣдняго, 27 іюля 1657 г.) билъ челомъ царю Алексѣю, чтобъ великій государь послалъ сдѣлать перепись между казаками, написать 60.000, и впередъ бы гультяямъ въ казаки писаться было не вольно. Очень хорошо, что рѣшено царскихъ воеводъ посылать по украинскимъ городамъ: „этимъ въ войскѣ бунты усмирятся; да хотя бы государь и въ иныхъ городахъ изволилъ воеводамъ быть, то у нихъ бы въ войскѣ было гораздо лучше и смирнѣе; изволилъ бы великій государь послать въ войско Запорожское своихъ воеводъ и ратныхъ людей для искорененія своеволія" **). Найдя московское правительство въ дѣлѣ „искорененія своеволія" недостаточно энергичнымъ, Выговскій ушелъ къ полякамъ: кто его поддерживалъ, достаточно ясно изъ договора, заключеннаго имъ съ Рѣчью Посполитой въ Гадячѣ (6 сентября 1658 года). По одной изъ этихъ знаменитыхъ „гадячскихъ статей" король обязывался „нобилитовать", возвести въ шляхетское званіе казаковъ, которыхъ представитъ ему гетманъ; по другой, всѣ уряды и чины въ воеводствахъ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ должны были остаться въ рукахъ шляхты. Казацкая старшина и мѣстное дворянство сливались теперь, и фактически, и юридически, въ одинъ классъ. Въ первую минуту Москва такъ испугалась неминуемой, казалось, потери Украины, что московскому главнокомандующему, князю Трубецкому, было дано полномочіе— просто переписать гадячскія статьи на царское имя, если Выговскій согласится. Но Москва напрасно безпокоилась: если

*) „Историческія монографіи и изслѣдованія", т. XII, стр. 170—171.
**) Соловьевъ, изд. „Общ. Пользы", кн. III, стр. 20.

царскіе воеводы не хотѣли покончить со „своевольниками“, дабы не нарушать необходимаго для нихъ на Украинѣ неустойчиваго равновѣсія, всегда дававшаго поводъ для московскаго вмѣшательства, то поляки не могли этого сдѣлать. Занятые въ это время войной на другихъ театрахъ, они не въ состояніи были предоставить въ распоряженіе Выговскаго болѣе 1,500 человѣкъ коронnаго войска. Съ москвичами преемникъ Хмельницкаго справился только при классической помощи татаръ, лишній разъ оправдавъ поговорку: „За кого ханъ, тотъ и панъ“. Крымцы уничтожили московское войско (подъ Конотопомъ, весною 1659 года), но оставить ихъ въ странѣ для „поддержанія порядка“ не пришло бы въ голову самымъ жаднымъ до шляхетскаго званія казакамъ. А между тѣмъ, безъ жандарма они обходиться уже не могли. „Благоразумнѣйшіе изъ старшинъ казацкихъ молятъ Бога, чтобы кто-нибудь или ваша королевская милость, или царь, взялъ ихъ въ крѣпкія руки и не допускалъ грубую чернь до такого своеволія“, писалъ польскому королю его генералъ, начальствовавшій небольшимъ коронnымъ войскомъ на Украинѣ. Пришлось обратиться опять къ Москвѣ, и Выговскій уступилъ булаву сыну Хмельницкаго, Юрію. Условія, предъявленныя Москвѣ при этомъ случаѣ казацкой старшиною, представляютъ собою послѣднюю попытку отстоять казацкую автономію, какъ понималась она при отцѣ новаго гетмана. Мы опять видимъ передъ собой казацкое государство, самостоятельно сносящееся съ иными странами — только съ вѣдома своего союзника и покровителя; опять находимъ просьбу, чтобы царскихъ воеводъ на Украинѣ не было,—развѣ въ одномъ Кіевѣ. Но въ 1659 году выяснились уже кое-какіе новые пункты, о которыхъ при Хмельницкомъ еще не думали. Царь русскій и православный, принявшій подъ свою высокую руку Украину, именно, ради того, чтобы тамъ не терпѣла большихъ обидъ православная вѣра—это была офиціальная мотивировка войны съ поляками—долженъ бы, казалось, имѣть въ малороссійскомъ православномъ духовенствѣ своихъ ревностнѣйшихъ слугъ, главную опору своего вліянія. На дѣлѣ, какъ только зашла рѣчь о присягѣ московскому государю украинцевъ, первые, кто отъ этого уклонился, были шляхта и дворовые люди митрополита кіевскаго. Самъ митрополитъ, хотя и признавалъ свою обязанность „за государево многолѣтнее здоровье Бога молить“, одобрялъ, однако же, поведеніе своего вассалитета въ вопросѣ о присягѣ и упорно избѣгалъ личнаго свиданія съ представителемъ московскаго царя. Такое

начало не обѣщало ничего добраго: и дѣйствительно, довольно скоро въ Москвѣ узнали, что кіевскій митрополитъ и остальное высшее украинское духовенство присылали къ Яну-Казиміру тайно двоихъ монаховъ „съ объявленіемъ, что имъ (митрополиту и другимъ малорусскимъ архіереямъ) быть съ московскими людьми въ союзѣ невозможно, и они этого никогда не желали; Москва хочетъ ихъ перекрещивать: такъ чтобы король, собравши войско, высвобождалъ ихъ, а они изъ Кіева московскихъ людей выбьютъ, и будутъ подъ королевскою рукою по прежнему“ *). Московскіе люди, въ свою очередь, не оставались въ долгу, и первый же московскій комендантъ Кіева началъ съ того, что отобралъ часть земли у митрополита и различныхъ кіевскихъ монастырей для постройки на этой землѣ укрѣпленій. Хмельницкому приходилось въ одно и то же время искоренять крамолу среди украинскаго духовенства и защищать это духовенство отъ слишкомъ круто наступавшихъ на него московскихъ порядковъ. Приходилось рядомъ съ автономіей войска запорожскаго ставить автономію украинской церкви: это и выполняли статьи, предъявленныя казацкими полковниками князю Трубецкому въ Переяславлѣ, въ октябрѣ 1659 года; малороссійское духовенство должно было остаться такимъ же выборнымъ, какъ и казацкая старшина, а въ духовномъ отношеніи зависѣть отъ патріарха не московскаго, а константинопольскаго, къ которому привыкли, и съ которымъ знали, какъ ладить. Но единаго казачества уже давно не существовало, это и въ Москвѣ отлично знали, да этого и старшина въ своихъ пунктахъ не умѣла скрыть. Она сама признавалась, какъ плоха у нея, дома, дисциплина, прося, чтобы царь не принималъ челобитій изъ Украйны иначе, какъ черезъ гетмана или его представителя, и чтобы онъ прислалъ въ распоряженіе гетмана московское войско. Но два требованія: „не мѣшайтесь въ наши внутреннія дѣла“ и „защитите насъ отъ нашихъ внутреннихъ враговъ“ взаимно исключали другъ друга, и Москва отлично поняла это. Коли гетманъ не можетъ обойтись безъ московскаго войска, чего же онъ чурается московскихъ воеводъ? Нужно тебѣ войско, бери воеводу съ нимъ. „Быть царскимъ воеводамъ съ войскомъ въ городахъ Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Бреславлѣ, Умани“ отвѣтили изъ Москвы на пунктъ о воеводахъ. А затѣмъ, явно нелогично было ставить гетмана независимымъ правителемъ автономной Украины, и въ то же время признаваться, что

*) Соловьевъ, II, 1674.

безъ московской поддержки ему не усидѣть: тотъ, при чьей помощи гетманъ только и можетъ быть гетманомъ, очевидно, и есть настоящій хозяинъ Украины. Москва должна же была знать, кого она должна будетъ поддерживать: пусть гетмана выбираютъ, но подъ контролемъ московскаго правительства; пусть, если угодно, мѣняютъ, но только съ его разрѣшенія. А что примѣнимо къ главѣ всей казацкой старшины, примѣнимо и къ ней вообще: судить и казнить полковниковъ гетманъ могъ, опять-таки, только съ вѣдома и разрѣшенія Москвы. Очевидно, при такой постановкѣ дѣла, что сношеній отдѣльныхъ казаковъ и казацкихъ „урядниковъ“ съ Москвой, мимо гетмана, никакъ нельзя было запретить. „Если кто изъ войска запорожскаго къ царскому величеству безъ гетманскаго листа и пріѣдетъ, то царское величество велитъ дѣло разсмотрѣть“, поучали въ Москвѣ казацкихъ депутатовъ: „и если которые люди станутъ пріѣзжать по своимъ дѣламъ, а не для смутъ, то царское величество и указъ имъ велитъ чинить по ихъ дѣламъ; отъ которыхъ же объявятся ссоры, то государь никакимъ ссорамъ не повѣритъ и велитъ отписать объ этомъ къ гетману. Такъ гетманъ бы ничего не опасался; если же исполнитъ эту ихъ просьбу, то вольностямъ ихъ будетъ нарушенье, этимъ они вольности свои замыкаютъ“. Точно такъ же, ограждая „вольности“ украинскаго духовенства, въ Москвѣ не согласились и на его автономію. „Митрополиту кіевскому быть подъ благословеніемъ патріарха московскаго, потому что духовенство на переяславской радѣ приговорило такъ“. А о томъ, что переяславская рада 1659 года совѣщалась, окруженная со всѣхъ сторонъ московскими войсками,—обезпечивавшими свободу преній, само собою разумѣется, чтобы какіе-нибудь смутьяны ея не нарушили—объ этомъ что же было вспоминать? Вѣдь, самъ же гетманъ просилъ, чтобы войскъ царскихъ изъ Украины не уводить.

Москва имѣла теперь противъ себя не только верхи казачества, но и малороссійскую буржуазію—ибо западно-русская церковь, какъ мы видѣли, была прежде всего буржуазной организаціей. За это московское правительство поплатилось еще одной военной неудачей: благодаря тому, что и Юрій Хмельницкій, подобно Выговскому, вынужденъ былъ „измѣнить“ и присягнуть королю, повторился Конотопъ, и даже въ увеличенномъ масштабѣ. Въ октябрѣ 1660 года вся московская украинская армія, подъ командой Шереметева, при Чудновѣ (около Житоміра), должна была положить оружіе. Но политически Москва вела безпроигрышную игру: чѣмъ

рѣзче проявляли свою антипатію къ московскому режиму верхи, тѣмъ преданнѣе были низы Москвѣ. А единственная опора верховъ послѣ „измѣны“, польское войско, оказалась такъ же слаба при Юріи Хмельницкомъ, какъ и при Выговскомъ: на другой день послѣ Чуднова татары (безъ которыхъ и здѣсь, конечно, не обошлось) ушли, а коронное войско, не получая жалованья, стало бунтовать. Старшина опять, волей-неволей, начала думать о примиреніи съ Москвой; и на радѣ, гдѣ не было „черни“ (какъ наивно объясняли собравшіеся, чтобы избѣжать черезчуръ большихъ расходовъ), былъ выбранъ гетманомъ Самко, дядя постригшагося въ монахи Юрія Хмельницкаго, тотчасъ же начавшій увѣрять царя Алексѣя въ своей преданности. Но для Москвы подобные союзники были уже не нужны: это была пройденная ступень, и простого повторенія исторіи Выговскаго теперь было мало. Нужно было нанести старшинѣ такой ударъ, послѣ котораго ей осталось бы только сдаться на милость побѣдителю. Предлогъ же не утвердить Самка гетманомъ—что безъ утвержденія московскаго государя гетманомъ быть нельзя, объ этомъ теперь уже не спорили—былъ превосходный: гетмана должно выбирать все казачество, „какъ старшіе, такъ и меньшіе“: а гдѣ же эти послѣдніе? Кто ихъ видѣлъ на выборахъ Самка? Повести на этой почвѣ демагогическую агитацію было крайне легко — и весьма скоро мы находимъ депутатовъ отъ запорожской „черни“ въ очень дружескихъ разговорахъ съ московскимъ воеводою княземъ Ромодановскимъ—тутъ же, при нихъ, третировавшимъ Самка и его сторонниковъ. Депутаты эти, подпивъ, откровенно говорили, что они „сошлись затѣмъ, чтобы перебить городовую старшину, которая обогащается на счетъ простого народа“ *).

Подъ видомъ демократической, „черной“, рады подготовляли, такимъ образомъ, просто погромъ старшины казацкими низами: и программа эта была выполнена, какъ не надо лучше. Казацкая демократія выдвинула кандидатомъ въ гетманы Брюховецкаго, который сразу сталъ и офиціальнымъ кандидатомъ московскаго правительства: царскій представитель разбилъ свой шатеръ рядомъ съ его ставкой, и Самко со своими сторонниками долженъ былъ идти во вражескій станъ для того, чтобы принять участіе въ выборахъ. „Ихъ кармазинные, вышитые золотомъ жупаны, богатые уборы на коняхъ, составляли противоположность съ сермяжными сви-

*) Костомаровъ, ibid. 280.

тами и лохмотьями пѣшихъ, обнищалыхъ, разоренныхъ сторонниковъ Брюховецкаго, сбѣжавшихся отовсюду на добычу". Оставшаяся еще на сторонѣ Самка часть „черни", увидавъ своихъ у Брюховецкаго, стала массами покидать кандидата старшины. Самка прогнали съ мѣста выборовъ—не безъ содѣйствія и московскихъ войскъ, а потомъ отпраздновали свою побѣду грандіознымъ грабежомъ всѣхъ его богатыхъ сторонниковъ, которыхъ тутъ же, на радѣ, ободрали до гола. „Брюховецкій исполнилъ свое обѣщаніе, которое сообщали черному народу его пособники: онъ дозволилъ грабить богатыхъ и потѣшаться вообще надъ „знатными" въ теченіе трехъ дней. По этому дозволенію, безобразное пьянство, грабежи, насилія продолжались три дня; „знатныхъ" мучили безпощадно, никто за нихъ не взыскивалъ, все обращалось въ шутку, говоритъ самовидецъ. Все имѣніе тѣхъ, которые сидѣли въ замкѣ подъ стражею, было расхищено, такъ что у нихъ во дворахъ не осталось ровно ничего. Худо было всякому, кто носилъ кармазинный жупанъ; иныхъ убивали, а многіе тѣмъ спасли себя, что одѣлись въ сермяги" *). На мѣсто ограбленныхъ, убитыхъ и казненныхъ—къ числу послѣднихъ принадлежалъ самъ Самко съ ближайшими сторонниками—поставлена была новая старшина, полковники „изъ гультяйства запорожскаго", которые, изъ „голоты" ставши начальниками, прежде всего стремились матеріально использовать возможно скорѣе доставшуюся имъ—богъ вѣсть, на долго ли?—власть и отъ того „имѣяху всегда на мысли разграбленіе". Главные вожди „черной" рати были пожалованы дворянами московскими, а ихъ начальникъ, Брюховецкій, сталъ боярином. За такую царскую милость нельзя было не отблагодарить, и новый гетманъ ударилъ государю челомъ—всей Украиной: пріѣхавъ въ Москву, просилъ, чтобы великій государь пожаловалъ, велѣлъ малороссійскіе города со всѣми принадлежащими къ нимъ мѣстами принять и съ нихъ денежные и всякіе доходы сбирать въ свою государеву казну, и послать въ города своихъ воеводъ и разныхъ людей. А насчетъ церкви Брюховецкій оказался радикальнѣе самой Москвы: прямо предложилъ, чтобы кіевскимъ митрополитомъ былъ „святитель русскій изъ Москвы". Московскій государь нашелъ, что это уже слишкомъ—и пообѣщалъ только снестись объ этомъ съ патріархомъ константинопольскимъ.

Мы очень ошиблись бы, если бы подумали, что этотъ демократическій гетманъ отсутствіе „сепаратизма" выкупалъ

*) Ibid. 295, 301—302.

какими-либо соціальными новшествами, проведенными цѣною уступокъ Москвѣ. Ничуть не бывало. Въ этомъ отношеніи Брюховецкій рѣшительно ничѣмъ не отличался отъ своихъ предшественниковъ. Отдавая московскому царю доходы съ украинскихъ городовъ, онъ и себя не забывалъ. Вдобавокъ къ Гадячу—гетманскому домену со временъ Хмельницкаго, онъ просилъ себѣ еще въ личное, не по гетманской должности, наслѣдственное владѣніе цѣлую „сотню“ (волость) въ Стародубскомъ полку, да еще мельницу подъ Переяславлемъ. Всѣмъ полковникамъ своимъ новый гетманъ выпросилъ по селу. И, наконецъ, не довольствуясь московскими войсками, которымъ теперь и не суждено было уходить изъ Украины, хлопоталъ объ организаціи постоянной гетманской гвардіи „изъ московскихъ людей“: „безъ такихъ людей мнѣ никакими мѣрами быть нельзя въ шаткое время — меня уже разъ хотѣли погубить, да свѣдалъ во время“, говорилъ онъ приставленному къ нему московскому дворянину Желябужскому. Москва могла быть довольной — несмотря на полный разгромъ старшины, Брюховецкій не остался безъ противниковъ. Буржуазія съ духовенствомъ во главѣ ненавидѣла новую старшину и боялась ея. Бояринъ Шереметевъ писалъ изъ Кіева: „Теперь епископъ, архимандритъ Печерскій и всѣхъ малороссійскихъ монастырей архимандриты и игумены, и приходскіе попы съ мѣщанами въ большомъ совѣтѣ и соединеніи, а съ гетманомъ, полковниками и казаками совѣту у нихъ мало за то, что гетманъ во всѣхъ городахъ многія монастырскія мѣстности, также и мѣщанскія мельницы отнимаетъ, да онъ же, гетманъ, со всѣхъ малороссійскихъ городовъ, которыми великому государю челомъ ударилъ, съ мѣщанъ беретъ хлѣбъ и стацію большую грабежомъ, а съ иныхъ за правежемъ“. А Брюховецкій на вопросъ, чѣмъ успокоить „шатость“ въ малороссійскихъ городахъ, отвѣчалъ: „одно средство—когда эти города будутъ взяты государевыми ратными людьми (послѣ бунта, подразумѣвалось), то надобно всѣ ихъ высѣчь и выжечь, и всячески разорить, также и села около нихъ, чтобы впередъ въ этихъ городахъ и селахъ жителей не было“ *). При такихъ отношеніяхъ вождя голоты и зажиточнаго мѣщанства (включая сюда и зажиточныхъ казаковъ, проживавшихъ въ городахъ, которые теперь охотнѣе писались мѣщанами, чѣмъ казаками) пожива для московской дипломатіи оставалась богатая.

*) Соловьевъ, часть III, стр. 151, 158.

Если этой дипломатіи пришлось по Андрусовскому перемирію (1667 года) отказаться отъ цѣлой половины захваченной было добычи,—отъ всей правобережной Украины, кромѣ Кіева—въ этомъ виноваты были не внутреннія малороссійскія условія, а тѣ тиски, въ которыя извнѣ схватили Москву съ сѣвера шведы, съ юга турки, призванные правобережнымъ гетманомъ Дорошенкомъ. Чего стоила московскому государству тринадцатилѣтняя война, мы увидимъ въ слѣдующей главѣ: начинать новую кампанію съ противниками посильнѣе расшатанной казацкими и крестьянскими возстаніями Рѣчи Посполитой думать не приходилось. Оставалось пользоваться тѣмъ, что въ тѣхъ же тискахъ была и сама Польша; но предложеніе—подѣлить Украину Днѣпромъ, и тѣмъ покончить споръ—шло изъ Москвы. И даже уступка Кіева была для московскихъ дипломатовъ пріятнымъ сюрпризомъ: „свыше человѣческой мысли“, писалъ объ этомъ нежданномъ пріобрѣтеніи Ординъ-Нащокинъ. Насколько Москвѣ былъ нуженъ миръ, видно изъ того, что она не отказалась заплатить бывшимъ польскимъ помѣщикамъ лѣвобережной Украины за ихъ „скасованныя козацкою шаблею“ права, правда, не совсѣмъ по ихъ оцѣнкѣ: паны желали получать по 3 милліона злотыхъ въ годъ, а московскій государь отпустилъ имъ одинъ милліонъ единовременно. Но принципіально конфискація латифундій Вишневецкаго и другихъ магнатовъ была все же не безъ выкупа.

Къ этому времени, впрочемъ, не было уже недостатка въ новыхъ магнатахъ—крупное землевладѣніе возродилось такъ же быстро, какъ и пропало. Объ имѣніяхъ гетмановъ, не уступавшихъ Конецпольскимъ и Вишневецкимъ, мы уже неразъ упоминали мимоходомъ. Но за гетманомъ шла и остальная старшина. „...Пожалуй меня, подданнаго своего“, билъ челомъ царю Алексѣю нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко (мартъ 1660 г.): „и ихъ, ясаула Леонтія Бута и сотниковъ Романа и Филиппа, за ихъ къ тебѣ, государь, вѣрную службу, и за радѣнье, и за давнюю и за нынѣшнюю работу: вели, государь, имъ дать вновь—Леонтію Буту, ясаулу, сельцо Киселевку и Адамовку... а крестьянскихъ дворовъ въ нихъ съ сорокъ, опричь казаковъ... сотника Романа въ Нѣжинскомъ полку селомъ Кистеръ... а въ немъ крестьянскихъ дворовъ, опричь казаковъ, со сто; глуховскаго сотника Филиппа селомъ, называемымъ Гремячи... и въ томъ селѣ крестьянскихъ дворовъ съ шестьдесятъ, опричь казаковъ...“ Брюховецкій въ то время, когда еще онъ не былъ гетманомъ, а

былъ въ оппозиціи и обличалъ неправды Самка и его друзей, говорилъ московскому посланнику Ладыженскому: „У насъ въ войскѣ запорожскомъ отъ вѣка не бывало того, чтобы гетманы, полковники, сотники и всякіе начальные люди безъ королевскихъ привилегій владѣли мѣщанами и крестьянами въ городахъ и селахъ, развѣ кому король за великія службы на какое-нибудь мѣсто привилье дастъ: тѣ только и владѣли. А гетманской, полковницкой и казацкой, и мѣщанской вольности только и было, что если кто займетъ пустое мѣсто земли, лугу, лѣсу, да огородитъ или окопаетъ, да поселится со своею семьей—тѣмъ и владѣетъ въ своей городьбѣ; а крестьянъ держать на такихъ земляхъ, кто самъ собою занялъ, никому не было вольно,—развѣ позволялось мельницу поставить; да и виномъ въ чарки казаки не торговали: одни мѣщане торговали тогда и съ того платили королю или панамъ, за кѣмъ кто жилъ... А теперь гетманъ, полковники и прочіе начальные люди самовольно позабирали себѣ города, и мѣста, и пустовыя мельницы, а черныхъ людей отяготили такъ, что подъ бусурманомъ въ Царьградѣ христіанамъ такой тягости не наложено“ *).

Характеристика тѣхъ экономическихъ условій, которыя, въ свою очередь, „скасовали“ завоеванія казацкой сабли на Украинѣ во второй половинѣ XVII вѣка, такъ хорошо сдѣлана одной новѣйшей изслѣдовательницей, что мы можемъ воспроизвести эту характеристику здѣсь дословно, съ небольшими оговорками, читатель увидитъ, какими. „Хлѣбъ, почти единственный продуктъ южной полосы края, не имѣлъ сбыта ни внутренняго, т. к. населеніе, вообще говоря, не нуждалось въ покупномъ хлѣбѣ, ни внѣшняго: хлѣбъ, по своей дешевизнѣ и по затруднительности транспорта, не выносилъ сколько-нибудь отдаленной перевозки. Чтобы обратить хлѣбъ въ деньги, необходимо было его переработать. И вотъ, первою страстною заботой каждаго пана стало всѣми правдами и неправдами завладѣть возможно бо́льшимъ числомъ мельницъ и мѣстъ, для нихъ удобныхъ, а затѣмъ и понастроить винокуренъ съ возможно большимъ числомъ казановъ, т.-е. винокуренныхъ котловъ. Свобода винокуренія, предоставленная московскимъ правительствомъ украинскому народу, была такой важной привилегіей, что, конечно, та болѣе обезпеченная часть населенія, которая могла извлекать изъ этой привилегіи непосредственныя выгоды, дорожила ею

*) Памятники, изданныя Кіевской Археогр. комиссіей, III, стр. 425. Костомаровъ, цит. соч., стр. 284.

не менѣе, чѣмъ всѣми своими политическими правами и преимуществами. Водка распродавалась и на мѣстѣ по шинкамъ, выдерживала и отдаленную перевозку; паны даже брали ее для распродажи съ собой въ походы, и куда бы случайности войны ни загоняли нашихъ воиновъ—всюду находилъ себѣ рынокъ этотъ ходкій товаръ. Вторымъ предметомъ торговыхъ оборотовъ былъ скотъ, главнымъ образомъ, волы, которые такъ отлично выпасались „вольны, не хранимы“ на безграничномъ свободномъ степу. Скотъ гоняли въ Москву, въ Петербургъ, гоняли и за границу. Главными заграничными мѣстами были Гданскъ и Шленскъ (Данцигъ и Силезія). Иной хозяйственный складъ представляла сѣверная полоса края, собственно, такъ называемый Стародубскій полкъ. Здѣсь имѣло мѣсто разведеніе промышленныхъ растеній, главнымъ образомъ, конопли; болѣе скудная почва, песчаная и болотистая, покрытая лѣсами, давала побужденіе искать въ землѣ иныхъ источниковъ дохода. Предпріимчивость обратилась на устройство руденъ (заводы для добыванія и обработки желѣзной руды), будъ (поташныхъ) и гутъ (стеклянныхъ заводовъ); бортное пчеловодство, исконный мѣстный промыселъ, также обратило на себя вниманіе пановъ, которые стали захватывать въ свои руки борти. Уряды Стародубскаго полка, въ особенности, конечно, стародубское полковничество, стали считаться завиднѣйшими изъ урядовъ. Пунктами сбыта, въ особенности для пеньки, служили Рига и Кенигсбергъ. Наконецъ, для всего края издавна были проторены торговые пути на югъ, въ Крымъ, куда также находили свой сбытъ различные продукты и откуда вывозилась, главнымъ образомъ, соль“ *).

Къ серединѣ XVIII вѣка крупное землевладѣніе на Украинѣ, если и уступало по размѣрамъ имѣніямъ прежнихъ польскихъ магнатовъ, то съ вотчиннымъ землевладѣніемъ „Великой Россіи“ смѣло могло помѣряться. Въ одномъ спискѣ малороссійской старшины, отъ начала царствованія Елизаветы Петровны, мы находимъ Андрея Полуботка, владѣющаго 1269 дворами, Кочубеевъ съ 1193 дворами, Галагановъ и Лизогубовъ—съ тремя-четырьмя сотнями дворовъ. Все это—потомство гетмановъ, полковниковъ, судей, есауловъ и другихъ казацкихъ начальныхъ людей; съ другой стороны, и старшина XVIII вѣка сплошь состоитъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ; за однимъ „енеральнымъ судьею“, Горленкомъ, числится

*) А. Ефименко. „Малороссійское дворянство и его судьба“, „Вѣстникъ Европы“, 1891 г., августъ.

232 двора, за другимъ, Лисенкомъ, даже 415, за „подскарбіемъ енеральнымъ“, Скоропадскимъ, 405 дворовъ. Казацкая Украина Хмельницкаго за сто лѣтъ успѣла превратиться въ такую же дворянскую страну, какою было московское государство XVII вѣка. Правда, это дворянство не было настолько старымъ, чтобы его генеалогію можно было возводить до временъ миѳическихъ и, по словамъ малороссійскаго генералъ-губернатора Румянцева, когда два украинскихъ шляхтича начинали считаться знатностью, одинъ у другого безъ большого труда находилъ въ предкахъ „мѣщанина либо жида“. Но деньги все исправляли—и какой-нибудь мелкій торговецъ-грекъ, ходившій по Украинѣ съ коробомъ на спинѣ, по заказу его правнука легко превращался въ знатнаго греческаго выходца, ведшаго свой родъ чуть не отъ Палеологовъ. Сказочно-быстрый ростъ новыхъ латифундій на почвѣ, довольно основательно нивеллированной революціей, даетъ намъ зато великолѣпный случай наблюдать образованіе крупной земельной собственности безъ всякой помощи феодальной традиціи. Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ украинское крупное землевладѣніе второй половины XVII вѣка было простымъ продолженіемъ того, что было до хмельничины. Таковы были, главнымъ образомъ, церковныя имѣнія. Уже самъ Богданъ очень заботился о томъ, чтобы въ нихъ все оставалось по-старому, и чтобы православная церковь отъ революціи только выиграла, ничего не потерявъ. Въ одномъ документѣ 1652 года гетманъ требуетъ, чтобы казаки, поселившіеся на земляхъ Никольскаго пустыннаго монастыря въ Кіевѣ, обязательно отбывали въ пользу владѣльца земли всѣ тѣ повинности, на которыя игуменъ монастыря показывалъ Хмельницкому „листы, права и привилеи давніе“, выданные еще польскими королями: тамъ, въ остальной Украинѣ, какъ хочешь, а въ монастырскихъ имѣніяхъ все должно было быть такъ, какъ при „ляшской неволѣ“. Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ „права и привилеи“ приходилось создавать заново. Самымъ простымъ средствомъ созданія новыхъ имѣній было, конечно, ростовщичество—средство классическое и универсальное, одинаково знакомое какъ античной Греціи и античному Риму, такъ и современной Россіи. Вотъ одинъ случай, приводимый, какъ типичный примѣръ, нѣсколькими историками. Одинъ изъ Лизогубовъ далъ казаку Шкуренку въ долгъ 50 злотыхъ (10 рублей)—и взялъ у него „въ арештъ“ его „грунтикъ“. Казакъ имѣлъ чѣмъ заплатить въ срокъ,—у него былъ скотъ, который онъ сцеціально „выго-

Утро стрѣлецкой казни.

Оригиналъ картины В. И. Сурикова «Утро стрѣлецкой казни» (1881 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ (№ 737); она принадлежитъ къ числу живописныхъ произведеній, которыя принято въ собственномъ смыслѣ слова называть *историческими* картинами. Это—введеніе въ исторію петровской эпохи и новой Руси-имперіи; это—страшное воспоминаніе о такомъ массовомъ избіеніи людей, которому позавидовалъ бы самъ царь Иванъ IV. 30 сентября 1698 г. Красная площадь стала нѣмою свидѣтельницей борьбы безумно разгорѣвшихся страстей между *старымъ* и *новымъ*, какъ обыкновенно любили когда-то изображать историки, и въ томъ числѣ С. М. Соловьевъ, потрясающее по обстановкѣ избіеніе стрѣльцовъ. Терроръ петровскаго правительства не разъ изображался какъ нѣчто великое и героическое, и даже Соловьевъ, который такъ любилъ щеголять въ тогѣ историческаго объективизма, описывая потрясающія событія и кровавыя сцены рубежа XVII и XVIII вѣковъ, съ паѳосомъ изобразилъ, какъ Петръ прогналъ отъ себя патріарха Адріана съ иконою, пришедшаго по древнему обычаю печаловаться за опальныхъ стрѣльцовъ. Быть можетъ, Петру вспомнился въ этотъ моментъ царь Иванъ IV и митрополитъ Филиппъ, и ему вздумалось освѣжить подсохшіе лавры одного изъ его предшественниковъ... И Соловьевъ величаво и гордо заявляетъ (кн. III, стр. 1191): «но *богатырь* расходился, никто и ничто его не удержитъ». Богатырь накричалъ на патріарха, отрубилъ собственноручно головы пятерымъ стрѣльцамъ; за то же самое принялись, какъ выразился бы князь И. М. Катыревъ Ростовскій, и рабы, Богомъ ему данные, А. Д. Меншиковъ, Ромодановскій и др. Историкъ Соловьевъ, очевидно, нѣсколько ошибся въ терминологіи, хотя страницей далѣе и замѣчаетъ, что иностранцы Блюмбергъ и Лефортъ отказались отъ исполненія обязанностей палача, говоря, что въ ихъ земляхъ этого не водится. А *богатырь*, если сказать въ угоду старому историку, дѣйствительно расходился: устроена была цѣлая недѣля казней, стрѣльцамъ рубили головы, колесовали, устраивали невыразимыя пытки... Богатырь говорилъ при этомъ патріарху: «Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него умышлявшихъ». Вотъ какъ описываетъ это богоугодное дѣло Корбъ: «А у пущихъ воровъ и заводчиковъ ломаны руки и ноги колесами, и тѣ колеса воткнуты были на Красной площади на колья, и тѣ стрѣльцы за ихъ воровство ломаны живые, положены были на тѣ колеса и живы были на тѣхъ колесахъ немного не сутки, и на тѣхъ колесахъ стонали и охали. А попы, которые были съ тѣми стрѣльцами у нихъ въ полкахъ, одинъ передъ тіунскою избою повѣшенъ, а другому отсѣчена голова и воткнута на колъ, и тѣло его положено на колесо»... Передъ глазами зрителя—эта *историческая* Красная площадь съ Покровскимъ соборомъ и Лобнымъ мѣстомъ, мѣстомъ всенародныхъ казней; большая часть картины занята «несчастнымъ» народомъ. На правой сторонѣ виднѣется богатырь и сзади него висѣлицы. Наше вниманіе привлекаетъ народъ; что это за лица, что это за муки... Суриковъ такъ или иначе, но обезсмертилъ своей картиной богатырскую реформу и показалъ въ ея пріемахъ то, что всегда такъ пропадаетъ въ историческихъ повѣствованіяхъ историковъ, поставившихъ своей задачей апоѳеозу государства. Историки пишутъ еще, что время Петра I есть время такъ называемаго «просвѣщеннаго абсолютизма» на русской почвѣ. Картина Сурикова развертываетъ передъ нами первые шаги просвѣтительной роли государства, вступавшаго въ XVIII вѣкъ и начинавшаго съ бритья бородъ и смѣны длиннополаго костюма на нѣмецкій кафтанъ. Въ реформѣ Петра I характерны не только пріемы, но и лица, которыя были проводниками его затѣй, и среди нихъ прежде всего Меншиковъ, котораго представитъ намъ далѣе тотъ же Суриковъ.

В. Стор.

товилъ“ для продажи; но Лизогубъ принялъ мѣры, чтобы его должникъ не могъ во-время достать денегъ и оказался, такимъ образомъ, неисправнымъ. Когда пришелъ срокъ, онъ попросту арестовалъ Шкуренка у себя на дворѣ и держалъ двѣ недѣли—тотъ скота продать и не смогъ. А затѣмъ управляющій Лизогуба оцѣнилъ казацкій „грунтикъ“ и отвелъ несчастнаго владѣльца къ конотопскому попу, который и написалъ отъ имени Шкуренка купчую на имя Лизогуба. Вырвавшись, наконецъ, на свободу, злосчастный казакъ прежде всего поспѣшилъ достать денегъ и принесъ ихъ „пану“; но панъ сослался на купчую и заявилъ, что земля теперь его, панская, казаку на ней дѣлать нечего *). Рядомъ съ этимъ универсальнымъ способомъ примѣнялись и болѣе спеціально-украинскіе. Превративъ Украину въ военный лагерь, хмельничина все управленіе поставила на военную ногу: полковники и сотники совмѣщали въ своей округѣ всѣ власти въ своемъ лицѣ—и судебную, и исполнительную, и даже законодательную. Какъ всѣми этими полномочіями пользовалась старшина уже во времена, весьма недалекія отъ Хмельницкаго, показываетъ такой разсказъ о полтавскомъ полковникѣ Витязенкѣ, относящійся къ 1667 году. Тотъ полковникъ „козаковъ многихъ напрасно зневажаетъ, а иныхъ и бьетъ напрасно; а жена де его полковникова жонъ козацкихъ напрасно же бьетъ и безчеститъ. А кто де, козакъ или мужикъ, упадетъ хоть въ малую вину, и ихъ де полковникъ животы всѣ, и лошади, и животину, емлетъ на себя. Да онъ же со всего полку согналъ мельниковъ и заставилъ на себя работать, а мужики де изъ села возили ему, полковнику, на дворовое строеніе лѣсъ и устроили де отъ себя домъ такой, что де у самого гетмана такого дому и строенія нѣтъ“. Витязенко грабилъ, преимущественно, движимость, но это былъ его вкусъ: другіе полковники, при подобныхъ же условіяхъ, отбирали и земельные участки **). Кромѣ того, каждый „урядъ“, каждая войсковая должность давала право на извѣстныя натуральныя повинности крестьянъ—вначалѣ небольшія: помочи при покосѣ, перевозка зерна на мельницу (мельницы были весьма обычнымъ натуральнымъ вознагражденіемъ за службу) и т. под. Но при полномъ отсутствіи контроля легко было сдѣлать изъ этихъ повинностей каторгу, заставлявшую населеніе разбѣгаться, куда глаза глядятъ. „Обнявши они селцо Хмелевку въ под-

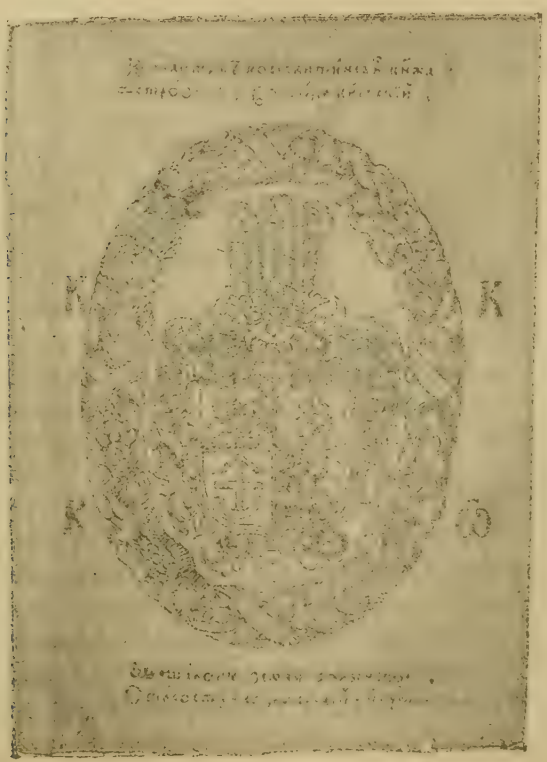
*) Цѣлый рядъ другихъ примѣровъ въ назв. статьѣ г-жи Ефименко, ibid., стр. 532.
**) Лазаревскій, „Очерки“, I, стр. 94 и въ другихъ мѣстахъ.

данство", жаловались крестьяне на одного изъ подобныхъ пановъ: „немѣрными и несносными работизнами и податками насъ утѣснили для того, чтобы смо по слободкамъ расходились, а ему чтобы грунта наши и дворы остались, яко съ десяти тяглыхъ человѣкъ одинъ только остался человѣкъ; прочіе по слободамъ, оставивши свои осѣдлости, мусѣли (должны были) разволоктися".

Какъ видимъ, въ большинствѣ случаевъ рѣчь шла не только о землѣ, а о землѣ плюсъ повинности сидѣвшихъ на ней крестьянъ: возрождалось, какъ мы уже упоминали, не только крупное землевладѣніе, а и крѣпостное право. И это возрожденіе крѣпостного права началось еще во времена Хмельницкаго: его послы въ Москвѣ, Зарудный и Тетеря, выпрашивая себѣ имѣнія, желали, чтобы они „были вольны въ своихъ подданныхъ, какъ хотя ими урежати и обладати". Дискреціонная власть казацкой старшины не только надъ военнымъ, но и надъ штатскимъ населеніемъ своего околодка, надъ „посполитыми", чрезвычайно облегчала созданіе новаго подданства въ пользу новыхъ пановъ—мы уже видѣли достаточно примѣровъ этого. Къ началу XVIII вѣка почти всѣ повинности и поборы съ посполитыхъ, существовавшіе передъ возстаніемъ Хмельницкаго, дѣйствовали снова въ полной силѣ *). Гораздо любопытнѣе, что и процессъ закрѣпощенія казаковъ, начатый Вишневецкими и ихъ собратьями въ концѣ XVI вѣка, послѣ небольшого перерыва продолжался съ прежней интенсивностью. Закрѣпощеніе было здѣсь, прежде всего, неизбѣжнымъ спутникомъ обезземеленія: лишенный земли казакъ не имѣлъ возможности отбывать военную службу и уже тѣмъ самымъ падалъ до положенія посполитаго, изъ шляхтича второго сорта становился мужикомъ. Съ чрезвычайной простотой и выразительностью обрисовано это превращеніе въ одной купчей начала XVIII столѣтія. „Мы, нижепоименованные, чинимъ вѣдомо симъ нашимъ писаніемъ,—читаемъ мы здѣсь,—что хотя покойные отцы наши, а по нихъ и мы, козацко, а не посполито служачи, воинскую повинность до сихъ временъ отбывали, однако же теперь, до крайняго убожества и скудости пришедши и не будучи въ силахъ впредь службы козацкой отбывать, продали мы его милости Игнатію Галагану, полковнику прилуцкому, дворовую землю нашу, на которой хаты наши построены, гдѣ

*) См. ихъ перечень по даннымъ малороссійской коллегіи и верховнаго тайнаго совѣта, приводимый г. Л. Ч. въ его ст. „Украина після 1654 року", Записки тов. Шевченки, т. XXX, стр. 38.

мы, продолжая жить, обязываемся служить пану полковнику посполито, а не козацко и всякія повинности отбывать, и на будущее время не повинны ужъ будемъ ссылаться на нашъ козацкій чинъ, чего ради и сіе наше писаніе до рукъ его милости пана полковника прилуцкаго выдаемъ". Мы не знаемъ, дожидался ли этотъ Галаганъ естественной смерти казацкаго званія у своихъ будущихъ подданныхъ,—но у одного изъ его родственниковъ на это не хватило терпѣнія, и онъ посылалъ своихъ „куренчиковъ" (нѣчто среднее между вѣстовыми и вассалами, но у новаго панства были и настоящіе вассалы, называвшіеся постарому „боярами") „съ оружіемъ, какъ надлежитъ воинскому человѣку, по козачьимъ дворамъ и дворы ихъ разорялъ: въ хатахъ двери и окна снималъ, забиралъ скотъ и взятымъ скотомъ—лозу, колоду дерева, что найдетъ во дворѣ и что ему понадобится, въ свой дворъ перевозить приказывалъ. А кто съ того принужденія ему, Галагану, быть подданнымъ подпишется, тому все забратое возвращается".



ГЛАВА XIV.

Петровская реформа.

1. Торговый капитализмъ XVII вѣка.

Къ очень старыя времена тотъ культурный переворотъ, который пережило московское государство на порогѣ XVII — XVIII столѣтій, разсматривали исключительно, такъ сказать, съ педагогической точки зрѣнія: Россія „училась“, Западъ „училъ“, мы стали „учениками“ западной Европы. Что насъ сдѣлало учениками, было ясно само собой: любовь къ просвѣщенію. „Ученье—свѣтъ, неученье—тьма“; пока свѣтъ былъ отъ насъ закрытъ, пока русскіе люди не видали просвѣщенной Европы, они еще могли коснѣть въ своемъ невѣжествѣ. Но вотъ русскіе стали ѣздить за границу (при этомъ всегда разсказывалось нѣсколько анекдотовъ, показывающихъ, какіе они тогда были смѣшные), иностранцы стали ѣздить

въ Москву—такъ какъ рѣчь шла о просвѣщеніи, то изъ иностранцевъ на первый планъ выдвигались врачи, аптекаря, художники и техники всякаго рода; мало-по-малу началось „культурное взаимодѣйствіе“, благополучно приведшее при Петрѣ къ тому, что московскіе дикари, сбривъ волосы, естественно росшіе у нихъ на подбородкѣ, увеличили запасъ волосъ на головѣ большой искусственной накладкой, въ видѣ кудряваго, волнистаго парика. Въ то же время они построили флотъ и завели сначала элементарныя школы, а потомъ и академію наукъ, послѣ чего въ Россію стали пріѣзжать ужъ не только аптекаря и врачи, но и свѣтила европейской науки.

Тѣмъ читателямъ, которые скажутъ, что это—грубая карикатура, мы можемъ посовѣтовать заняться изученіемъ многочисленныхъ писаній покойнаго Брикнера, несомнѣнно, лучшаго знатока „культурнаго взаимодѣйствія“ Россіи и Европы петровскихъ временъ, какого только имѣла русская наука. Тамъ обширный—и иногда очень цѣнный—фактическій матеріалъ объединенъ именно этой точкой зрѣнія, и популярная русская исторіографія довольствовалась ею чуть не до вчерашняго дня. Не очень далеко отъ этого наивнаго школярства ушелъ даже Соловьевъ, и первый шагъ къ дѣйствительно научному пониманію „европеизаціи Россіи“ былъ сдѣланъ—довольно рѣдкое событіе—историкомъ литературы. Раньше другихъ Н. С. Тихонравовъ въ нѣсколькихъ строкахъ своей знаменитой рецензіи на „Исторію русской словесности“ Галахова намѣтилъ параллелизмъ русскаго и западнаго культурнаго развитія XV—XVII вѣковъ. Тѣ же литературныя темы, тѣ же идейныя тенденціи сами собой наводили на мысль, что мы имѣемъ здѣсь не заимствованіе, а сходство самостоятельныхъ, оригинальныхъ переживаній,—вѣрнѣе, что внѣшнее заимствованіе, только благодаря этому внутреннему сходству, и было возможно. Тихонравовъ не нашелъ непосредственныхъ продолжателей на этомъ пути, а самъ, по обыкновенію, не развилъ мимоходомъ брошенныхъ имъ замѣчаній. Но скоро уже и „русскимъ историкамъ“, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, уподобленіе московской Руси гимназическому классу стало казаться слишкомъ прѣснымъ. И такъ какъ туманная метафизика, въ которую спасались отъ этой прѣсноты Соловьевъ и Чичеринъ, тѣмъ временемъ вышла изъ моды, пришлось искать конкретныхъ, осязательныхъ корней европеизма въ московской почвѣ. Ученикамъ Соловьева и Чичерина вполнѣ естественно было начать эти поиски съ того конца, который былъ ими лучше всего изученъ—

съ „государственности“. Объективная необходимость переворота впервые была демонстрирована, какъ необходимость военно-финансовая. Россія должна была стать Европой потому, что иначе она не могла бы выдержать конкуренціи съ европейскими государствами: такъ можно вкратцѣ резюмировать новую схему. Внимательный читатель уже уловилъ, что въ этой схемѣ осталось отъ чичеринско-соловьевской метафизики. Заранѣе предполагалось, что Россія для чего-то должна существовать, что въ этомъ одна изъ цѣлей мірового процесса. Но пока планъ этого послѣдняго намъ не извѣстенъ, и есть даже большія основанія сомнѣваться въ самомъ существованіи этого плана, объясненіе виситъ въ воздухѣ. Оно напоминаетъ извѣстную тавтологію. Россія уцѣлѣла, потому что сумѣла стать Европой, а Европой она стала для того, чтобы уцѣлѣть: опіумъ усыпляетъ, потому что онъ обладаетъ усыпительной силой, а не будь въ немъ этой усыпительной силы, онъ не былъ бы опіумомъ. Но вотъ, столѣтіе спустя, Польша не сумѣла стать централизованной бюрократической монархіей—и оттого погибла, говорятъ намъ тѣ же историки; отчего же Польша не могла стать тѣмъ, чѣмъ ей было нужно, а Россія могла? Почему опіумъ обладаетъ усыпительной силой? Ощупью дойдя до границы какъ разъ тѣхъ фактовъ, которые помогли бы сорвать завѣсу съ тайны, новая схема, схема Ключевскаго и Милюкова, тутъ именно и останавливалась. Правда, чтобы научно обосновать дальнѣйшіе шаги, русской академической исторіографіи пришлось бы выйти изъ заколдованнаго круга, въ которомъ она вращалась до 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія: пришлось бы перестать быть исторіей приказовъ и канцелярій и стать исторіей народнаго хозяйства. Мало того, ей пришлось бы даже выйти за географическія рамки своихъ привычныхъ темъ, такъ какъ ключа къ петровской реформѣ—читатель это увидитъ ниже — приходится искать, въ конечномъ счетѣ, въ условіяхъ европейской торговли XVII вѣка. Именно эти условія и даютъ отвѣтъ на знаменитый вопросъ г. Милюкова: что сдѣлало неизбѣжнымъ появленіе Россіи въ кругу европейскихъ государствъ того времени? Но самая форма вопроса, взваливающая заботу о его разрѣшеніи на кого-то другого (повидимому, на сосѣдей автора по каѳедрѣ — „всеобщихъ“ историковъ), ясно показывала, какъ, всего 15—20 лѣтъ назадъ, склонны были люди довольствоваться тою истиной, что опіумъ дѣйствительно обладаетъ усыпительной силой. Понадобилась помощь со стороны каѳедры, повидимому, не преду-

сматривавшейся въ числѣ союзниковъ г. Милюковымъ, когда онъ писалъ о государственномъ хозяйствѣ Россіи въ эпоху Петра Великаго. Лѣтъ шесть спустя послѣ появленія его книги, въ одной диссертаціи по политической экономіи впервые было опредѣленно указано на торговый капитализмъ, какъ экономическую основу петровской реформы. Это былъ одинъ изъ первыхъ случаевъ вліянія идей Маркса въ той области, которая до тѣхъ поръ была въ безраздѣльномъ владѣніи историческаго идеализма въ различныхъ его ипостасяхъ.

Изслѣдованіе г. Туганъ-Барановскаго по исторіи русской фабрики—читатель ужъ догадался, что рѣчь идетъ о немъ—лишь очень немногими, общими штрихами нарисовало картину до-петровской экономики. Авторъ, видимо, спѣшилъ покончить съ этимъ отдѣломъ и перейти къ дальнѣйшимъ, болѣе для него интереснымъ, а для XVII вѣка ограничился простой констатаціей факта, бѣглой и поэтому даже не вполнѣ точной. Выписавъ замѣчаніе Кильбургера, что всѣ русскіе, отъ высшихъ до низшихъ, любятъ торговлю, и что въ Москвѣ больше лавокъ, нежели въ Амстердамѣ или даже въ цѣломъ иномъ государствѣ, онъ опустилъ дальнѣйшія слова того же автора: „мы не будемъ отрицать, что эти лавки малы и ничтожны по своимъ оборотамъ: мы хотимъ только доказать, что русскіе любятъ торговлю, и не дѣлаемъ никакихъ сравненій—иначе пришлось бы согласиться, что изъ одной амстердамской лавки можно сдѣлать десять и даже больше московскихъ“ *). Если бы онъ привелъ цитату до конца, и ему, и его читателямъ было бы ясно, что это мѣсто въ пользу его тезы еще ничего пока не говоритъ, и что отъ такой чисто ремесленной и типично средневѣковой формы торговли еще очень далеко до торговаго капитализма. Нужно прибавить, что именно слабое развитіе этого послѣдняго въ Россіи того времени — Кильбургеръ писалъ около 1674 года—и заставило взяться за перо шведскаго автора: основная идея „Краткаго сообщенія о русской торговлѣ“ въ томъ и состоитъ, что въ „Московіи“ налицо все, что нужно для крупной торговли европейскаго типа—а ея самой-то вотъ и нѣтъ, по тупости московитовъ. А такъ какъ въ то же время они производили на Кильбургера впечатлѣніе людей необыкновенно коварныхъ и искусившихся во всякихъ мошенничествахъ, то добрый шведъ останавливается въ совершенномъ

*) Ср. въ другомъ мѣстѣ: „большая часть (московскихъ) лавокъ такъ малы и узки, что продавецъ еле можетъ повернуться среди своихъ товаровъ“.

недоумѣніи передъ этой загадкой—и приводитъ такой образчикъ хитрости и тупости русскихъ, въ одно и то же время, при видѣ котораго ему самому остается только развести руками. Именно, часто бываетъ, говоритъ онъ, что русскіе, вымѣнявъ у нѣмцевъ на свои товары заграничныя матеріи, атласъ или бархатъ, „тотчасъ же снова продаютъ это какому-нибудь нѣмцу, и такъ дешево, что ихъ безъ убытка можно снова послать въ Гамбургъ или Амстердамъ“. Предшественникъ — и, во многомъ, источникъ для Кильбургера—рижскій купецъ и шведскій комиссаръ де-Родесъ, писавшій на 20 лѣтъ раньше, приводитъ другой примѣръ такой же хитрой тупости, отлично поясняющій первый. Русскіе, говоритъ де-Родесъ, крайне упрямо стоятъ на своей цѣнѣ—и не стѣсняются тѣмъ, что изъ-за своего упрямства иногда пропускаютъ сезонъ: бываютъ случаи (де-Родесъ приводитъ одинъ такой), что имъ изъ-за этого удается сбыть товаръ только на пятый годъ. Если бы они съ самаго начала уступили за ту цѣну, которую предлагали имъ иностранные купцы, то эта сумма, съ % за пять лѣтъ, была бы выше той, которую они требовали: „но они не считаютъ процентовъ, пропадающихъ изъ-за того, что капиталъ лежитъ у нихъ безъ движенія“. Въ противоположность капиталисту, русскій купецъ XVII вѣка гнался не за прибылью, не по безкорыстію, а потому, что не имѣлъ этого понятія: прибыли на капиталъ. Онъ стремился выручить то, что казалось ему „справедливымъ“ вознагражденіемъ за труды и хлопоты по доставкѣ товара на рынокъ. Оттого привезенный изъ Персіи шелкъ онъ цѣнилъ очень высоко, не соображаясь съ тѣмъ, что цѣны на европейскомъ шелковомъ рынкѣ зависѣли отъ цѣны шелка, привезеннаго моремъ, черезъ Турцію. А купленные на мѣстѣ, въ Архангельскѣ, атласъ или бархатъ не стоили ему никакихъ хлопотъ, и онъ спѣшилъ сбыть ихъ, за что попадется, чтобы поскорѣе выручить нѣкоторое количество наличныхъ денегъ, въ которыхъ этотъ типичный средневѣковый торговецъ чувствовалъ живую нужду.

Итакъ, внутренняя, а отчасти даже и заграничная торговля московской Руси носила еще ремесленный характеръ, такой точно, какой носила она въ Руси кіевской *). Это вполнѣ отвѣчало общей физіономіи московской экономики. Мы видѣли, что въ деревнѣ этой поры рѣшительно брало верхъ мелкое хозяйство крестьянскаго типа **): въ промышленности также

*) См. „Русская Исторія“, т. I, стр. 98 и сл.
**) См. „Русская Исторія“, т. II, стр. 229.

Самодержица Софья.

Царевна Софья снята съ гравюры, на которой читается подпись «Гравировалъ Пятова воз: уче: А: Афанасьевъ». Извѣстенъ и другой экземпляръ такой же гравюры, нѣсколько болѣе тонко сдѣланной и со всѣми надписями на латинскомъ языкѣ. Надпись вокругъ персоны Софьи гласитъ слѣдующее:

«Софіа Алексѣевна Божіею милостію благочестивѣйшая и вседержавнѣйшая великая государыня царевна и великая княжна всеа великія, малыя и бѣлыя Росіи *самодержица*: московская, киевская, володимерская, новгородцкая,—царевна казанская, царевна астараханская, царевна сибирская,—государыня псковская, и великая княжна смоленская, тверская, югорская, пермская, вятцкая, болгарская и иныхъ,—государыня и великая княжна новагорода низовскихъ земель, черниговская, резанская, ростовская, ярославская, белоозерская, удорская, обдорская, кондинская и всеа сѣверныя страны повелительница,—и государыня иверскіе земли карталинскихъ и грузинскихъ царей и кабардинскіе земли черкаскихъ и горскихъ князей и иныхъ многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отечественныхъ дѣдичствъ государыня и наслѣдница и обладательница».

Гравюра представляетъ высокій интересъ. Это довольно элементарный апоѳеозъ *самодержицы*, какъ назвала Софью надпись, идущая кругомъ ея «парсуны». Софья изображена какъ первая русская царица, фактически стоявшая во главѣ правительства, какъ предшественница самостоятельныхъ императрицъ XVIII столѣтія. Характерно, что непосредственно надъ ея головой помѣщена эмблема разума въ видѣ горящей въ подсвѣчникѣ свѣчи, разливающей кругомъ себя свѣтъ и сливающейся съ могучимъ свѣтомъ съ небесъ; ангелы спѣшно трубятъ славу самодержицы во всѣ стороны міра. Другія эмблемы, окружающія потретъ Софьи, благочестіе, щедрота, цѣломудріе, правда, великодушіе, надежда божественная менѣе интересны, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ исторически характерны. Подъ изображеніемъ Софьи читаемъ тяжеловѣсные стихи старыхъ временъ, сочиненные Сильвестромъ Медвѣдевымъ. Гравюра Аѳ. Аѳ. Аѳанасьева (род. 1758) скопирована въ 1777 г. съ современнаго Софьѣ оригинала, сработаннаго въ Москвѣ Леонтіемъ Тарасевичемъ въ 1689 году; тогда же послѣднимъ былъ выгравированъ другъ самодержицы Софьи князь Василій Голицынъ, а также ея сторонникъ Ѳед. Шакловитый въ видѣ святого мученика Ѳедора Стратилата. Гравюра Тарасевича такъ усердно арестовывалась по приказу Петра, что до насъ не дошло теперь ни одного ея экземпляра. Единственный экземпляръ Академіи Художествъ, съ котораго работалъ Аѳанасьевъ, исчезъ неизвѣстно куда и неизвѣстно когда.

В. Стор.

разѹмъ
Софїа Алеѯѣевна бжїею милостїю благовѣрнѣйшая і всепресвѣтлѣйшая великая гдрня царевна
благочестїе
целомѹдрїе
щедрота
правда
велинодѹшїе
надежда бжественная
Какова вцрскомъ лицы премрсть сиаетъ.
Какова честь всѡчестѣхъ ипѹстѣ блистаетъ.
Та твоймъ ѡросїа: цртвамъ обещанна,
Ѡдревнихъ дѣдо тебе защищать созданна
Та имени твоего крѣпкаа защита,
внесѡраннѣй варвару землѣ знакомита,
Клавто преступныхъ знаменъ полки преломивша
Инеукрощаемыхъ срца умагчивша.
Вначалѣ еа трїе монархи случились
Садріацкимъ лвомъ вкрѣпки рати ополчились.
Благочестье, надежда оъ божїей десницы,
Ту крайно прославляютъ дѣвестїи лицы
Правдодержанна срцемъ велико желанна
Икрѣпки рати вполе вести немотчанна,
Ибо ревнителенъ смыслъ, ипобѣдоносенъ.
Даровавьми своими зѣло чюдоносенъ,
Великодушна тщанья мраморы являютъ
Щедру руку зданные храмы прославляютъ,
Такова семирамись уефрата жила
Яже вовѣки памятно дѣло сотворила,
Елисавефъ британска скипетродержащи.
Пулхерія таковымъ умомъ бѣсмыслящи,
Россїю аще црствы многими почтенна
Преблгочестивою еси умаленна.
Гравировалъ Пятова воз: ...: А. Афанасьевъ

господствовало исключительно мелкое, ремесленное производство. Теперь съ большимъ трудомъ поддерживаютъ и спасаютъ русскаго кустаря—и стараются проложить ему дорогу за границу, устраивая кустарные музеи и кустарные отдѣлы на международныхъ выставкахъ. Тогда безъ всякихъ ухищреній европейцы, вообще знавшіе во второй половинѣ XVII в. Россію не хуже, чѣмъ мы теперь знаемъ, напримѣръ, Китай—знали и цѣнили русское ремесленное мастерство, занимавшее въ тогдашнемъ мірѣ приблизительно такое же мѣсто, какое теперь принадлежитъ различнымъ „восточнымъ“ базарамъ. И кругъ товаровъ былъ отчасти тотъ же. Кильбургеръ перечисляетъ, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ, патронташи, разныя дорожныя вещи—сундуки, котомки, саквояжи, кошельки, шелковые шарфы, башлыки изъ верблюжьей шерсти и тому подобное. Очень часто и пріемы были заимствованы съ востока. Одинъ польскій авторъ, бывшій свидѣтелемъ еще Смуты, писалъ о современныхъ ему русскихъ кустаряхъ: „Всѣ русскіе ремесленники превосходны, весьма искусны и такъ смышлены, что все, что съ роду не видывали, не только не дѣлывали, съ перваго взгляда поймутъ и сработаютъ столь хорошо, какъ будто съ малолѣтства привыкли, въ особенности турецкія вещи: чепраки, сбруи, сѣдла, сабли съ золотой насѣчкой. Всѣ эти вещи не уступаютъ турецкимъ“. Но позже они также удачно подражали и западнымъ образчикамъ. Бывшій въ Москвѣ на четверть столѣтія позднѣе знаменитый Олеарій, подтверждая то, что говорилось объ искусствѣ рукъ и способности къ подражанію русскихъ ремесленниковъ, приводитъ, какъ примѣръ, что ихъ точеныя и рѣзныя вещи не хуже„ и даже лучше самыхъ лучшихъ изъ тѣхъ, которыя дѣлаютъ въ Германіи“. „Иностранцы, которые хотятъ сохранить про себя секретъ ихъ искусства, не должны заниматься имъ въ присутствіи московитовъ“, прибавляетъ онъ, и разсказываетъ, какъ быстро проникли русскіе во всѣ тайны литейнаго мастерства, несмотря на то, что заграничные литейщики, приглашенные московскимъ правительствомъ, всячески прятались отъ туземцевъ. Нѣкоторые продукты русскаго ремесла не только не уступали привознымъ изъ за границы, но и находили себѣ сбытъ за-границу; таковы были, въ особенности, всякаго рода кожаныя издѣлія. Уже Олеарій, въ 30-хъ годахъ, говоритъ о „русской кожѣ“, какъ предметѣ экспорта, главнымъ образомъ изъ Новгорода. Исключительной репутаціей пользовалась русская юфть, которую московское государство поставляло, кажется, на всю

Европу. Во времена де-Родеса (1650-ые годы) она занимала первое мѣсто въ русскомъ отпускѣ и ея вывозилось за границу ежегодно до 75.000 свертковъ, на 335.000 рублей (не менѣе пяти милліоновъ рублей на теперешнія деньги), тогда какъ общая сумма вывоза немногимъ превышала милліонъ тогдашнихъ рублей. Другимъ предметомъ оптовой заграничной торговли были рукавицы: онѣ продавались въ Москвѣ на сотни, и шли въ большомъ числѣ въ Швецію. Надо замѣтить при этомъ, что скотоводство тогда было въ самомъ московскомъ государствѣ въ плохомъ состояніи, и кожа русскаго скота не годилась въ дѣло. „Самыя красивыя и большія кожи собираются и скупаются русскими отовсюду", говоритъ де-Родесъ. „Они пользуются для этого саннымъ путемъ, когда скупщики кожи и заготовители юфти отправляются въ Польшу, а въ особенности въ Подолію и на Украину, и скупаютъ тамъ, что только могутъ достать". Кожи затѣмъ мокли до весны—когда начиналась горячая, лихорадочная работа, чтобы изготовить ихъ къ отпуску по полой водѣ, отъ Вологды, по Сухонѣ и Двинѣ, на архангельскую ярмарку.

На этомъ примѣрѣ хорошо видно, какъ и въ какой, именно, области торговый капитализмъ завладѣвалъ русскимъ ремесломъ: этой областью была заграничная торговля. Внутри страны русскій ремесленникъ, какъ и русскій торговецъ, продолжали стоять на средневѣковой точкѣ зрѣнія. Иностранцы съ удивленіемъ разсказываютъ о дешевизнѣ русскихъ кустарныхъ издѣлій: по Кильбургеру, серебряныя пуговицы въ Москвѣ продавались за столько серебряныхъ копеекъ, сколько вѣсили сами пуговицы; онъ могъ объяснить это только тѣмъ, что серебро русскихъ ювелировъ было очень невысокой пробы,—но нужно сказать, что и тогдашняя серебряная копейка дѣлалась изъ очень плохого серебра. Олеарій былъ ближе къ правильному пониманію дѣла, когда онъ объяснялъ дешевизну русскихъ издѣлій дешевизной съѣстныхъ припасовъ въ Россіи: ремесленникъ не цѣнилъ своего труда и требовалъ только, чтобы работа его кормила,—а для этого достаточно было самой незначительной прибыли. Если добавить къ этому, что ремесло часто было подсобнымъ занятіемъ — имъ, какъ и мелкой торговлей, въ большомъ числѣ занимались, напримѣръ, стрѣльцы—, то дешевизна русскаго ремесленнаго производства будетъ вполнѣ понятна. Но стоило какимъ-нибудь видомъ этого ремесла заинтересоваться Западной Европѣ, въ дѣло вторгался крупный капиталъ—и картина рѣзко мѣнялась.

Торговый капитализмъ шелъ къ намъ съ Запада; мы уже тогда были для Западной Европы той колоніей, характеръ которой во многомъ мы сохранили доселѣ. Для исторіи нашей „колоніальности“ чрезвычайно интересна попытка голландцевъ въ первой половинѣ XVII вѣка — сдѣлать Россію своей „житницей“. На эту попытку до недавняго времени обращали очень мало вниманія — и крайне любопытные переговоры правительства Нидерландовъ съ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ по этому поводу стали извѣстны во всѣхъ подробностяхъ лишь въ началѣ текущаго столѣтія *).

Родоначальникомъ русско-нидерландской торговли былъ преподобный Трифонъ, основатель Печенгскаго монастыря, самаго сѣвернаго изъ монастырей Россіи. Монастырь велъ обширное промысловое хозяйство, сбывая продукты — рыбу, тресковый жиръ и прочее—норвежцамъ въ сосѣднемъ Вардэ. Случайно попавшій туда голландскій купецъ оказался болѣе выгоднымъ покупателемъ, а такъ какъ ревнивые къ своей монополіи норвежцы мѣшали ему торговать въ Вардэ, то монахи пригласили новаго знакомаго къ себѣ, въ Печенгскую губу. Уже въ слѣдующемъ году (дѣло происходило какъ разъ около того времени, когда Грозный создавалъ свою опричнину) образовалась цѣлая компанія нидерландскихъ купцовъ, выхлопотавшихъ себѣ привилегію на торговлю съ русскимъ сѣверомъ отъ Филиппа II испанскаго, владѣвшаго еще тогда всѣми Нидерландами. Дѣло оказалось на первыхъ порахъ сложнѣе, чѣмъ думали обѣ стороны: на мурманскомъ побережьѣ были живы традиціи „разбойничьей торговли“ временъ викинговъ, и первый же нидерландскій торговый караванъ былъ ограбленъ русскими, а экипажъ его вырѣзанъ. Но сношенія на этомъ не прервались. Нидерландскіе корабли продолжали регулярно, изъ году въ годъ, посѣщать Мурманъ,—и обитель преподобнаго Трифона стала крупнымъ торговымъ центромъ. Въ годъ перваго знакомства монаховъ съ голландцами монастырь считалъ всего 20 монаховъ и 30 послушниковъ; а уже всего пять лѣтъ спустя первыхъ было 50, а вторыхъ—вмѣстѣ съ рабочими—до 200. На Печенгу пріѣзжали торговцы изъ Холмогоръ и Каргополя, — а монастырскія рыболовныя ладьи забирались даже въ норвежскія воды, такъ что московское начальство должно было вмѣшаться и обуздать промысловую предпріимчивость

*) См. изслѣдованіе В. Кордта, напечатанное, какъ введеніе къ документамъ о посольствѣ Бурха и Фелтдриля, 1630—1631 гг., въ 116 томѣ „Сборника Русскаго Историческаго Общества“.

печенгскихъ отшельниковъ. Но и того, что удавалось послѣднимъ добывать въ русскихъ водахъ, было достаточно для очень широкаго сбыта; не довольствуясь первоначальными своими контрагентами, упоминавшейся выше антверпенской компаніей, печенгская братіязаключила еще договоръ съ однимъ амстердамскимъ торговымъ домомъ. Послѣднее, впрочемъ, могло быть результатомъ нѣкоторой передвижки къ сѣверу самой нидерландской торговли: съ освобожденіемъ сѣверныхъ Нидерландовъ отъ испанскаго ига, эта торговля все болѣе и болѣе становилась голландской въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Тѣмъ временемъ, нидерландскіе корабли тоже перестали ограничиваться одной печенгской губой, и, продвигаясь постепенно къ югу, добрались сначала до Колы—гдѣ въ годъ перваго пріѣзда голландцевъ было всего три дома, а черезъ семнадцать лѣтъ это былъ порядочный городокъ, съ особымъ воеводой и „острогомъ“, т.-е. крѣпостью,—а потомъ и до Архангельска. Послѣдній самымъ своимъ возникновеніемъ былъ обязанъ, какъ обнаружили новѣйшія изслѣдованія, именно голландцамъ. Норвежцы продолжали очень косо смотрѣть на своихъ конкурентовъ, а норвежскій государь, онъ же и король Датскій, имѣлъ еще особыя причины не поощрять русско-нидерландской торговли на Бѣломъ морѣ: это былъ „обходъ“ его таможни, которая до тѣхъ поръ собирала обильную дань со всѣхъ кораблей, шедшихъ на Русь и изъ Руси Балтійскимъ моремъ, черезъ Зундъ. Онъ объявилъ тогда, что море между берегами Норвегіи и Исландіей — тоже „Зундъ“, тоже проливъ, и что корабли, идущіе этимъ „проливомъ“ вокругъ Нордкапа, должны платить датчанамъ таможенную пошлину. А такъ какъ голландцы отказывались признать датской собственностью половину Атлантическаго океана, то они были объявлены контрабандистами, и датскіе крейсеры стали преслѣдовать „контрабанду“ до самыхъ русскихъ береговъ, благо у московскаго государства флота не было, и оно могло спорить съ датчанами только на бумагѣ. Спасаясь отъ датчанъ, одинъ голландскій капитанъ поднялся по Двинѣ до Пуръ-Наволокскаго мыса, гдѣ стоялъ тогда только монастырь Михаила Архангела. Нечаянно открытая гавань оказалась гораздо удобнѣе прежней англійской стоянки въ бухтѣ св. Николая, куда большія морскія суда не могли входить, и скоро вся заграничная торговля Москвы перешла, по слѣдамъ голландцевъ, въ „Новогородокъ“ Архангельскій. Но первое мѣсто прочно осталось за тѣми, кому принадлежала честь открытія новаго порта.

Уже въ 1603 году одинъ англійскій авторъ писалъ: „Мы (англичане) вели въ теченіе 70 лѣтъ значительную торговлю съ Россіей и еще 14 лѣтъ тому назадъ отправляли туда большое количество кораблей; но три года тому назадъ мы отправили въ Россію четыре корабля, а въ послѣднемъ году только два или три. Нидерландцы же посылаютъ туда уже отъ 30—40 кораблей, изъ которыхъ каждый въ два раза больше нашихъ“. А какое значеніе сами голландцы придавали торговлѣ съ Россіей, видно изъ одного проекта, представленнаго генеральнымъ штатамъ въ концѣ XVI вѣка. „Богатство нашихъ Нидерландовъ основывается на торговлѣ и мореплаваніи“, говоритъ авторъ этого проекта: „если мы не будемъ заниматься ими, то намъ не только не хватитъ средствъ вести войну (съ Испаніей), но весь нашъ народъ оскудѣетъ, и могутъ вспыхнуть безпорядки. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что всемогущій Богъ не допуститъ этого и насъ не оставитъ, такъ какъ онъ указываетъ намъ новую дорогу, которая столь же прибыльна, какъ и плаваніе въ Испанію, а именно дорогу въ Московію“. Но торговля съ Испаніей для нидерландцевъ была торговлей съ Новымъ Свѣтомъ—со сказочно богатыми въ глазахъ тогдашнихъ европейцевъ Мексикой и Перу: вотъ на чье мѣсто должна была теперь стать „Московія“. Допуская, что, какъ всякій сочинитель подобныхъ проектовъ, голландскій авторъ нѣсколько увлекался, нельзя же однако думать, чтобы генеральные штаты стали серьезно заниматься сумасбродными мечтаніями досужаго фантазера. Очевидно, что, когда онъ говорилъ, что „ни Германіи, ни наши Нидерланды не могутъ обойтись безъ торговли съ Россіей“, и что торговля эта — „дѣло величайшей важности для нашей страны и ея жителей“, онъ высказывалъ вещи, которыя многимъ казались разумными. Четверть столѣтія спустя уже не отдѣльные прожектеры, а само нидерландское правительство дѣлаетъ столь радикальную попытку повести всю голландскую торговлю въ восточной Европѣ черезъ „Московію“, что „величайшая важность“ новаго рынка для Нидерландовъ не могла уже быть предметомъ спора. Оставался только вопросъ—признаетъ ли „величайшую важность“ для себя въ этихъ сношеніяхъ другая сторона, — сама „Московія“.

Для того, чтобы понять происхожденіе этой первой попытки европейскаго торговаго капитализма „завоевать Россію“, надо имѣть въ виду, какъ складывались тогда торговыя отношенія на дальнемъ—для Москвы—Западѣ. Къ XVII вѣку

предметомъ международнаго обмѣна стали не только продукты ремесленнаго производства и нужное для этого производства сырье (шерсть или кожи, напримѣръ), но и жизненные припасы: начиналъ уже складываться международный хлѣбный рынокъ. Цѣна ржи въ Данцигѣ опредѣляла стоимость жизни въ Мадридѣ или Лиссабонѣ. Ежегодно громадныя массы зерна передвигались изъ земледѣльческихъ странъ восточной Европы, главнымъ образомъ Пруссіи и Польши, во Францію, Испанію и Италію. Посредниками въ этомъ обмѣнѣ были голландцы, участіе которыхъ въ хлѣбной торговлѣ мѣрялось тысячами кораблей,—такъ что для процвѣтанія нидерландскаго флота она имѣла едва ли меньше значенія, чѣмъ гораздо болѣе извѣстная торговля съ колоніями. „Морская хлѣбная торговля находится почти исключительно въ рукахъ нашей націи“, говорили въ Москвѣ въ 1631 году нидерландскіе послы. Но заинтересованъ былъ здѣсь не одинъ голландскій флотъ: сами Нидерланды, давно перешедшіе отъ хлѣбопашества къ культурѣ промышленныхъ растеній (что, по словамъ нидерландскихъ дипломатовъ, было несравненно выгоднѣе) не могли уже прокормиться собственнымъ хлѣбомъ. „Наша страна такъ плотно населена, слава Богу, что собственнаго зерна не хватаетъ“, говорили послы: „и намъ приходится ввозить хлѣбъ изъ за границы для прокормленія населенія и торговать имъ“. Но обычный источникъ, откуда новая республика пополняла свои хлѣбные запасы, представлялъ два неудобства. Во-первыхъ, и въ Пруссіи, и въ Польшѣ, и въ Прибалтійскомъ краѣ уже достаточно была развита собственная обрабатывающая промышленность, почему произведенія нидерландскихъ мануфактуръ уже въ концѣ XVI вѣка находятъ тамъ плохой сбытъ. По крайней мѣрѣ, цитировавшійся нами выше авторъ голландскаго проекта весьма рѣшительно утверждаетъ, что „каждый корабль, отправляемый въ Россію или оттуда въ Нидерланды, приноситъ больше, чѣмъ 7, 8 и даже 10 кораблей, приходящихъ, напримѣръ, изъ Данцига, потому что корабли, которые идутъ въ Московію, нагружаются цѣннымъ товаромъ, а не баластомъ, какъ тѣ, которые ходятъ въ Данцигъ, Ригу или Францію“. Очевидно, во всякомъ случаѣ, что количество хлѣба, вывозившагося изъ Риги или Данцига, было во много разъ больше количества ввозившихся туда нидерландскихъ фабрикатовъ, такъ что „торговый балансъ“ получался для нидерландцевъ невыгодный. Невыгодность эта до чрезвычайности усиливалась вто-

рымъ условіемъ балтійской торговли, намъ уже знакомымъ,— „зундскими пошлинами“, которыя взималъ въ свою пользу съ каждаго входящаго въ Балтійское море и выходящаго оттуда корабля датскій король. Пошлины эти еще можно было терпѣть ради дешевизны польскаго или лифляндскаго хлѣба: но цѣна на хлѣбъ росла, по мѣрѣ роста его международнаго значенія, съ чрезвычайной быстротой. „Въ началѣ 1606 г. ластъ ржи (=120 пудовъ) стоилъ въ Данцигѣ только 16 гульденовъ; въ десятилѣтіе 1610—1620 гг. цѣна колебалась отъ 45 до 65 гульд.; въ сентябрѣ слѣдующаго года она поднялась до 80 гульд., а въ 1622 до 120 гульд.“. Въ 1628 г. ластъ ржи въ Амстердамѣ дошелъ до 250 гульд. „и затѣмъ цѣна уже не падала, а достигла небывалой высоты“ *). Тутъ нидерландцы вспомнили, что „русская земля велика и хлѣбомъ богата“, и что на Руси „на монастырскихъ и другихъ земляхъ постоянно лежатъ большіе запасы зерна и часто даже гніютъ“, какъ объяснялъ въ Москвѣ представитель Морица Оранскаго, извѣстный Исаакъ Масса. Нидерландскій штатгальтеръ—или его представитель—старался найти у московскаго государя разныя чувствительныя струны: онъ обращалъ вниманіе московскаго правительства на то, что „усиленный вывозъ зерна увеличитъ доходы царя отъ пошлинъ“. „Примѣромъ въ данномъ случаѣ можетъ служить Польша, откуда каждый годъ прибываетъ въ Нидерланды по полуторы и по двѣ тысячи кораблей съ хлѣбомъ. Въ одномъ только Амстердамѣ изъ Данцига и Кенигсберга ежегодно получается больше ста тысячъ ластовъ хлѣба“. А благодаря тому, что доходовъ будетъ больше, можно будетъ и начать опять войну съ Польшей: благодаря хлѣбнымъ пошлинамъ только польскій король и имѣетъ возможность воевать, да и сами Нидерланды, „только благодаря тому, что сумѣли добывать себѣ лишніе доходы, были въ состояніи воевать со своимъ сильнымъ недругомъ“. А сколько выиграетъ отъ этого населеніе московскаго государства—и говорить нечего: къ полякамъ, въ обмѣнъ на ихъ хлѣбъ, приходитъ изъ Нидерландовъ ежегодно по сту тысячъ угорскихъ червонцевъ. Упоминаніе о монастырскихъ земляхъ, гдѣ хлѣбъ понапрасну гніетъ, тоже было сдѣлано недаромъ: Масса особенно разсчитывалъ въ Москвѣ на патріарха Филарета Никитича, имѣя въ виду заинтересовать въ своихъ проектахъ крупнѣйшаго земельнаго собственника, церковь.

*) Кордтъ, назв. соч., стр. CLXXVII—CLXXIX.

Массѣ не удалось довести своего дѣла до конца, такъ какъ, повидимому, онъ слишкомъ заботился о своихъ личныхъ коммерческихъ интересахъ, и тѣмъ вызвалъ противъ себя сильное неудовольствіе со стороны остального нидерландскаго купечества, торговавшаго съ Москвою. У него были отняты полномочія; но переговоры съ московскимъ правительствомъ насчетъ торговли хлѣбомъ не прекратились, такъ какъ они отнюдь не были чьей-нибудь личной затѣей. Весь торговый міръ Голландіи заинтересовался этимъ дѣломъ, появились проекты, сулившіе отъ новаго предпріятія необыкновенные барыши — до 24 бочекъ золота въ годъ, сравнительно съ польской или прибалтійской торговлей, — и контръ-проекты, доказывавшіе, что перенесеніе нидерландской торговли съ Балтійскаго на Бѣлое море погубитъ голландскій флотъ. Наконецъ, въ 1630 году явилось въ Россію формальное посольство отъ генеральныхъ штатовъ для заключенія торговаго договора. Отчетъ этого посольства даетъ намъ понять о грандіозности нидерландскихъ замысловъ. Русскій хлѣбный рынокъ предполагалось эксплуатировать на обычныхъ для той эпохи колоніальныхъ началахъ: голландцы должны были получить монополію на вывозъ хлѣба изъ Россіи. Но этого мало: въ московскомъ государствѣ должны были появиться своего рода хлѣбныя плантаціи; нидерландскіе предприниматели должны были получить право пріѣзжать въ Россію и распахивать здѣсь „новинныя земли“, лежавшія впустѣ, которыхъ, по голландскому представленію, въ московскомъ государствѣ было чрезвычайно много. Кстати, на такихъ же началахъ предполагалось использовать и другое цѣнное сырье, имѣвшееся въ Россіи: напримѣръ, великолѣпный мачтовый лѣсъ, росшій въ изобиліи по берегамъ Двины и ея притоковъ. Выгоды московскаго государства, по голландскимъ проектамъ, должны были выразиться, главнымъ образомъ, въ пошлинахъ съ вывозимаго сырья; московскихъ дипломатовъ снова и снова манили грандіозными цифрами вывоза – указывая, напримѣръ, что одного хлѣба Нидерландамъ нужно, на первый же случай, не менѣе 200.000 четвертей. Но въ Москвѣ, очевидно, больше понимали условія тогдашней торговли, нежели это думали въ Нидерландахъ: въ Москвѣ тоже не прочь были сдѣлать хлѣбный торгъ монополіей, но монополіей царской. Непосредственное участіе государей восточной Европы въ торговлѣ хлѣбомъ уже имѣло крупный примѣръ: шведскій король былъ главнымъ конкурентомъ голландцевъ на Балтійскомъ морѣ. Въ

Правительница царевна Софья Алексѣевна.

Оригиналъ картины И. Е. Рѣпина *Правительница царевна Софья Алексѣевна, черезъ годъ (?!) послѣ заключенія ея въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, во время казни стрѣльцовъ и пытки ея прислуги въ 1698 году* (1879 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ (№ 761); эта картина на два года старше картины В. И. Сурикова *Утро стрѣлецкой казни* (1881 г.) и находится съ послѣдней въ извѣстной связи. Обѣ рисуютъ ужасы первыхъ шаговъ государственной работы Преобразователя. Суриковъ взялъ площадь и всенародную сцену, Рѣпинъ—угрюмую келью и низверженную "самодержицу», какъ она, царевна Софья, титулуется на гравюрѣ Тарасевича-Аѳанасьева. Величайшая трагедія Софьи производитъ несомнѣнное впечатлѣніе въ живописномъ воспроизведеніи Рѣпина, подчеркнувшаго страданіе *первой* русской женщины на политической сценѣ; впечатлѣніе принимаетъ мрачный оттѣнокъ, когда сквозь рѣшетку окна становятся замѣтными трупы повѣшенныхъ подъ окнами. Историко-живописная задача художника поставлена черезчуръ смѣло: путемъ выразительнаго изображенія чертъ лица царевны представить ея психологію въ безумный моментъ 1698 года. Задача въ историческомъ отношеніи крайне неблагодарная, хотя и весьма цѣнная для характеристики техническихъ пріемовъ художника, котораго далеко нельзя признать разборчивымъ въ выборѣ темъ для своихъ работъ, который такъ отличился блескомъ своей кисти въ произведеніяхъ, пожалуй, не имѣющихъ ровно ничего общаго съ свободой художественнаго творчества... Миновать этой картины въ нашей иллюстраціи *Русской Исторіи* было бы совершенно невозможно, ибо для нашей цѣли необходимо нѣсколько болѣе выразительно обрисовать кругъ представленій въ русскомъ искусствѣ объ исторической роли царевны Софьи. Въ одномъ случаѣ мы видимъ ея апоѳеозъ, въ другомъ—ея поведеніе въ рѣшительный моментъ дѣятельности (у Перова) и у Рѣпина—въ моментъ ея униженія и поруганія. Передъ нами жертва политическихъ страстей, о которой самъ врагъ когда-то сказалъ, что это «великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужеска ума исполненная дѣва». Признавая Софью богатыремъ, С. Соловьевъ въ ея характеристикѣ не находитъ сказать ничего лучшаго, какъ маленькую слащаваго типа проповѣдь на тему о личной морали Русская женщина, пишетъ онъ, пытается въ концѣ XVII вѣка выйти изъ терема на волю, но теремъ, что тюрьма, не могъ воспитать русской женщины для ея новаго положенія, «не укрѣпилъ ея нравственныхъ силъ». «Съ другой стороны, продолжаетъ онъ, общество не приготовилось еще къ ея принятію, не могло представить ей чисто нравственныхъ сдержекъ, какъ не представляло ихъ и для мужчины; примѣръ исторической женщины, освободившейся изъ терема, но не вынесшей изъ него нравственныхъ сдержекъ и не нашедшей ихъ въ обществѣ, представляетъ богатырь-царевна Софія Алексѣевна». «Самодержица» при двухъ царяхъ, своеобразная глава въ верховной троицѣ, Софья не могла не мечтать о коренномъ упроченіи своего политическаго положенія, которое долженъ былъ поколебать *второй* царь въ лицѣ Петра. Усобица должна была разыграться и она, дѣйствительно, разыгралась... Главные моменты усобицы происходили въ застѣнкахъ среди кровавой обстановки пытокъ и заканчивались публичной смертной казнью. Былъ пытанъ и казненъ Ѳ. Шакловитый, былъ разстриженъ, пытанъ и казненъ С. Медвѣдевъ, былъ сосланъ самъ князь В. В. Голицынъ. Огонь и желѣзо въ застѣнкахъ, сожженіе въ срубахъ, отсѣченіе головъ знаменовали наступленіе эпохи великихъ реформъ... Въ 1689 г. боярин князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ привезъ «самодержицѣ» приказъ Петра уйти въ монастырь: такъ царевна Софья должна была переселиться въ московскій Новодѣвичій монастырь. Въ 1698 г., когда Петръ жилъ за границей, Софья пробуетъ вернуть себѣ потерянное царство, но призванные ею стрѣльцы не подходили къ новой обстановкѣ, не могли справиться съ новыми явленіями... Петръ внезапно возвращается, заливаетъ Москву кровью и передъ окномъ кельи царевны Софьи вѣшаетъ стрѣльцовъ съ челобитными въ рукахъ; повѣшенные цѣлыхъ пять мѣсяцевъ висѣли тамъ на срубахъ... Софья была пострижена подъ именемъ Сусанны... Въ этотъ тяжкій моментъ послѣ казней и постриженія Софья изображена художникомъ... Жизнь богатыря, если слѣдовать терминологіи Соловьева, убита навсегда, навсегда потерянъ престолъ въ смыслѣ силы и власти и жить дальше нечѣмъ и не зачѣмъ...

В. Стор.

Москвѣ не прочь были послѣдовать этому примѣру. Но зачѣмъ же царь сталъ бы себя связывать обязательствомъ— торговать только съ голландцами? „Къ нашему великому государю и отцу его, великому государю святѣйшему патріарху, присылаютъ своихъ пословъ и посланниковъ великіе христіанскіе государи: король англійскій Карлъ, король датскій Христіанъ, король шведскій Густавъ Адольфъ и другіе государи, и пишутъ въ своихъ грамотахъ, что въ ихъ государствахъ неурожай хлѣба, и что для прокормленія ихъ подданныхъ не хватаетъ зерна", отвѣчали бояре и дьяки нидерландскимъ посламъ: такъ какъ же разрѣшить вывозъ хлѣба однимъ голландцамъ при такихъ условіяхъ? А затѣмъ обнаружилось, что въ Москвѣ и насчетъ хлѣбныхъ цѣнъ въ западной Европѣ кое-что понимаютъ — и за первую же пробную партію въ 23.000 четвертей московскій торговый агентъ, гость Надѣй Свѣтешниковъ, назначилъ такую цѣну, что надежды голландцевъ на дешевый русскій хлѣбъ моментально поблекли. Послы заявили, что по такой цѣнѣ они и у себя дома могутъ хлѣба достать. Свѣтешниковъ сбавилъ тогда, но очень немного: было совершенно ясно, что изъ 24 бочекъ золота, о которыхъ мечталъ голландскій прожектеръ, московскій государь намѣренъ оставить въ своей казнѣ никакъ не менѣе половины— если не все. Само собою разумѣется, что, расчитывая держать московскій хлѣбный рынокъ въ своихъ рукахъ, правительство Михаила Ѳедоровича не могло согласиться ни на какія голландскія „хлѣбныя плантаціи" въ Россіи. Голландскихъ торговцевъ и другихъ людей, отвѣтили посламъ, „допускать въ московское государство для земледѣлія невозможно, потому что, если голландскимъ торговымъ людямъ дозволить заниматься земледѣліемъ въ московскомъ государствѣ, русскимъ людямъ это будетъ стѣснительно, вызоветъ споры о землѣ и причинитъ убытокъ ихъ хлѣбной торговлѣ". Яснѣе нельзя было дать понять, что барыши отъ торговли хлѣбомъ предполагается оставить за „русскими людьми", т.-е. Надѣемъ Свѣтешниковымъ и его товарищами. Навстрѣчу западно-европейскому торговому капитализму поднялся русскій. Какъ всякій новичокъ въ подобномъ дѣлѣ, онъ оказался слишкомъ жаденъ — и собственно на хлѣбной торговлѣ прогадалъ: съ отказомъ отъ голландскихъ предложеній 1630—31 годовъ она вообще не наладилась, и до второй половины слѣдующаго столѣтія вывозъ хлѣба изъ Россіи остался случайнымъ, спорадическимъ явленіемъ. Но не слѣдуетъ думать, что русскій торговый капиталъ такъ и замеръ на подобныхъ

безсильныхъ потугахъ: въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ ему, дѣйствительно, удалось установить въ свою пользу монополіи, на которыя съ завистью смотрѣли въ западной Европѣ.

Во-первыхъ, хотя правильной торговли хлѣбомъ съ за границей не удалось завести, но та случайная, которая была, все же сдѣлалась царской монополіей. Одинъ изъ цитированныхъ нами выше иностранцевъ даетъ о послѣдней весьма точныя свѣдѣнія, а другой заднимъ числомъ подтверждаетъ его разсказъ. До 1653 года скупалось ежегодно царскими агентами до 200.000 четвертей; четверть ржи съ перевозкой до Архангельска обходилась не дороже рубля, а продавали ее не дешевле $2^1/_2$—$2^3/_4$ талеровъ; такъ какъ изъ талера, перечеканеннаго на московскомъ монетномъ дворѣ, выходило 64 серебряныхъ копейки, то чистая прибыль царской казны на проданномъ хлѣбѣ составляла отъ 60 до 75%. Чтобы дождаться высокихъ цѣнъ, хлѣбъ иногда выдерживали въ амбарахъ по нѣсколько лѣтъ,—какъ это вообще, мы видѣли, дѣлалось съ московскими товарами. Въ короткое время монополія дала, будто бы, болѣе милліона талеровъ (640 тысячъ рублей тогдашнихъ—отъ 9 до 10 милліоновъ на теперешнія деньги). Отъ нея однако же отказались, и къ тому времени, когда писалъ Кильбургеръ, ея уже не было: „Весь хлѣбъ теперь остается въ странѣ, такъ какъ его въ большомъ количествѣ потребляютъ винокуренные заводы“, говоритъ этотъ авторъ. Быстрый ростъ населенія во второй половинѣ XVII вѣка *) привелъ къ тому, что обычнаго количества водки не хватало, ее приходилось закупать за границей, на Украинѣ и въ Лифляндіи, чтобы царскіе кабаки могли удовлетворить спросъ; при такихъ условіяхъ выгоднѣе оказывалось перегонять хлѣбъ въ водку, нежели торговать имъ. Любопытно, что питейную монополію уже въ то время оправдывали интересами народной трезвости. „Великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ“, говорилъ Олеарій, повторяя, конечно, то, что ему самому разсказывало московское чиновничество, „который самъ былъ человѣкъ очень трезвый и врагъ пьянства, видя, что невозможно уничтожить совершенно этотъ порокъ, сдѣлалъ въ свое время нѣсколько распоряженій, чтобы его обуздать: было предписано закрыть кабаки и подъ строгимъ наказаніемъ запрещено продавать водку, медъ или другіе крѣпкіе напитки безъ царскаго позволенія, и въ другихъ

*) См. выше, томъ II, гл. XI, стр. 231.

мѣстахъ, кромѣ какъ въ привилегированныхъ трактирахъ, гдѣ продаютъ только шкаликами и штофами, и гдѣ нельзя пить". Чиновники увѣряли Олеарія, что результаты получились очень хорошіе, но этому противорѣчили улицы, усѣянныя пьяными: въ этомъ отношеніи монополія XVII вѣка ничѣмъ не отличалась отъ монополіи XIX—XX вв. Но онѣ имѣли сходство и въ другомъ отношеніи: доходъ казны отъ „привилегированныхъ трактировъ"—отъ царева кабака, другими словами,—былъ огромный; тотъ же Олеарій сообщаетъ, что такихъ „привилегированныхъ" заведеній было болѣе тысячи, при чемъ это отнюдь не были мелкія лавчонки: три новгородскихъ кабака отдавались на откупъ за 12.000 талеровъ—болѣе ста тысячъ теперешнихъ рублей. А это было еще въ серединѣ царствованія того самаго Михаила Ѳедоровича, который такъ заботился о народной трезвости, когда Россія только что оправлялась отъ Смуты. Коллинсъ, придворный врачъ царя Алексѣя, увѣряетъ, что были отдѣльные кабаки, сдававшіеся за десять и даже за двадцать тысячъ рублей тогдашнихъ (до 300 тысячъ нынѣшнихъ). Такъ что цифра кабацкихъ доходовъ, которую приводитъ Котошихинъ — 100.000 рублей въ годъ — является очень скромной и объясняется тѣмъ, что Котошихинъ, какъ онъ и самъ замѣчаетъ, принялъ въ расчетъ лишь тотъ районъ винной монополіи, который вѣдался въ „Новой четверти", а кабацкія деньги собирали и Большой Дворецъ, и Хлѣбный приказъ и, вѣроятно, всякій другой приказъ въ тѣхъ городахъ, которыми онъ спеціально завѣдывалъ *).

Но водка далеко не была единственнымъ товаромъ, торговать которымъ составляло привилегію царской казны. Первые цари дома Романовыхъ монополизировали въ своихъ рукахъ, въ сущности, всѣ наиболѣе цѣнные предметы сбыта. „Царь — первый купецъ въ своемъ государствѣ", говоритъ долго прожившій въ Россіи Коллинсъ. Перечень царскихъ монополій даетъ намъ любопытную картину концентраціи русскаго вывоза, создавшей почву, на которой выросталъ туземный торговый капитализмъ, въ лицѣ Надѣя Свѣтешникова такъ обезкуражившій собиравшихся поживиться отъ московской дикости голландцевъ. Современныхъ читателей, убѣжденныхъ, что русская кухня стала проникать на Западъ только въ наши дни, чуть не одновременно съ русской литературой,

*) Въ 1630 году таможенныхъ и кабацкихъ денегъ вмѣстѣ поступало до 650 тысячъ рублей—до 10 милліоновъ теперешнихъ. Къ сожалѣнію, выдѣлить изъ общей суммы доходъ отъ винной монополіи невозможно.

немало удивятъ точныя сообщенія Кильбургера и де-Родеса о томъ выдающемся коммерческомъ значеніи, которое имѣла въ ихъ дни торговля икрой. По отношенію къ ней удалось достигнуть того, къ чему неудачно стремились нидерландскіе купцы относительно хлѣба: вывозъ икры за границу былъ очень рано концентрированъ въ рукахъ одной торговой компаніи, сначала голландско-итальянской, потомъ чисто голландской, повидимому, — хотя главнымъ потребителемъ русской икры была Италія и вообще католическія страны, нуждавшіяся въ постной пищѣ. Въ 1650-хъ годахъ вывозъ икры достигалъ уже 20.000 пудовъ ежегодно; къ 1670-мъ, когда писалъ Кильбургеръ, эта цифра осталась почти безъ перемѣны; царскіе агенты поставляли икру въ Архангельскъ по цѣнѣ, условленной на довольно продолжительный періодъ времени— съ голландцами, напримѣръ, былъ заключенъ контрактъ на 10 лѣтъ. Компанія платила въ 50-хъ годахъ по $1^1/_2$ рубля, а двадцать лѣтъ спустя по 3 рейхсталера (почти два рубля) за пудъ: общая стоимость вывоза составляла, такимъ образомъ, въ первомъ случаѣ около 30.000 рублей тогдашнихъ, во второмъ—около 40.000 (450—600 тысячъ рублей нынѣшнихъ). Вывозилась исключительно прессованная (паюсная) икра, такъ какъ зернистой не умѣли консервировать; впрочемъ, и паюсную приготовляли не очень хорошо, и она часто портилась: тогда гости, служившіе царскими коммерческими агентами, обязаны были брать ее себѣ, по рублю за 10 пудовъ. Ее продавали внутри Россіи, и она расходилась въ большомъ числѣ между „бѣдными людьми“; „впрочемъ, не даромъ“, оговаривается одинъ изъ иностранцевъ, сообщающій объ этой операціи—дабы предупредить подозрѣніе, будто царская казна хотя бы порченный продуктъ могла отдать кому-нибудь даромъ. На ряду съ икрой предметъ царской монополіи составлялъ рыбій клей, сбытъ котораго доходилъ до 300 пудовъ, цѣною отъ 7 до 15 рублей за пудъ, и лососина, ежегодный ловъ которой составлялъ болѣе 200 ластовъ (до 25.000 пудовъ)—за ней спеціально каждый годъ являлись два голландскихъ корабля. Рыбная ловля на нижней Волгѣ являлась настолько казеннымъ дѣломъ, что Олеарію и его спутникамъ рыбаки отказывались продавать рыбу, увѣряя, что ихъ постигнетъ за это жестокое наказаніе; впрочемъ, прибавляетъ Олеарій, они потомъ очень охотно снабдили насъ рыбой—за нѣсколько шкаликовъ водки.

Наиболѣе популярной изъ всѣхъ царскихъ монополій являлась мѣховая: самые цѣнные виды мѣховъ, напримѣръ, со-

больи, можно было найти только въ царской казнѣ, такъ же, какъ и паюсную икру. Де-Родесъ даетъ, по архангельскимъ таможеннымъ книгамъ, довольно подробныя свѣдѣнія о русскомъ мѣховомъ экспортѣ. Общую цѣнность его онъ опредѣляетъ приблизительно въ 100 тысячъ рублей—въ томъ числѣ на соболей приходилось 3/5: концентрація и здѣсь достигала полутора милліона рублей на теперешнія деньги. Но мѣха, этотъ старинный русскій продуктъ, на которомъ выросъ торговый капитализмъ Новгорода, начинали уже терять былое значеніе: цѣннаго пушного звѣря теперь можно было найти только въ Сибири; въ то же время начинаютъ попадаться свѣдѣнія о ввозѣ пушного товару въ Россію—такъ, изъ Франціи привозили въ Архангельскъ лисьи мѣха. Еще больше утратила значеніе другая старинная отрасль новгородской торговли—воскъ и медъ. Они почти цѣликомъ теперь потреблялись дома—воскъ, потому что во множествѣ шелъ на церковныя свѣчи, медъ, потому что его въ такомъ же множествѣ потребляла царская винная монополія. Оттого попытки монополизировать, захвативши даже „рыбій зубъ“ (моржовые клыки, находившіе себѣ очень хорошій сбытъ, какъ суррогатъ слоновой кости) и нефть, не имѣвшую тогда еще и тысячной доли своего теперешняго торговаго значенія,—и которую, однако, можно было добыть въ Москвѣ лишь въ царской казнѣ,—обошли эти традиціонные отдѣлы русскаго экспорта. Зато громадное значеніе получила монополизація товаровъ, шедшихъ, какъ и встарь, черезъ Россію транзитомъ съ востока—на первомъ мѣстѣ монополизація шелка.

„Торговля шелкомъ есть, безъ сомнѣнія, самая важная изъ всѣхъ, которыя ведутся въ Европѣ“, напоминаетъ своему читателю Олеарій, приступая къ разсказу о путешествіи голштинскаго посольства въ Московію и Персію. Поводомъ для самаго путешествія и послужило желаніе Фридриха, герцога шлезвигъ-голштинскаго и ольденбургскаго, который тогда и не подозрѣвалъ, что онъ будетъ однимъ изъ предковъ русскаго царствующаго дома, сдѣлаться для западной Европы такимъ же монополистомъ этого драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ товара, какимъ для восточной былъ русскій царь. Герцогъ Фридрихъ былъ не первый и не послѣдній на этомъ пути: никакая царевна въ сказкѣ не видала у себя больше жениховъ, чѣмъ видали московскіе бояре иностранцевъ, домогавшихся пропуска черезъ московскую землю въ Персію, главнѣйшій тогда экспортный рынокъ шелка сырца. Въ 1614 году

пріѣхалъ въ Россію англійскій агентъ Джонъ Меррикъ—извѣстный посредникъ въ мирныхъ переговорахъ Москвы со Швеціей, приведшихъ къ Столбовскому миру. Съ первыхъ же словъ онъ передалъ желаніе англійскаго короля, чтобы англійскимъ купцамъ былъ открытъ свободный путь по Волгѣ. Меррикъ былъ человѣкъ нужный, и англійская помощь необходима, какъ никогда: англичанъ старались отговорить ласково, внушали имъ, что „въ Персію и въ иныя восточныя государства англійскимъ гостямъ въ нынѣшнее время ходить страшно", что на Волгѣ „многіе воры воруютъ", и нашихъ многихъ торговыхъ людей пограбили, и „наши торговые люди теперь въ Персію не ходятъ". Меррикъ не унялся, и послѣ заключенія Столбовскаго мира возобновилъ разговоръ уже настоятельнѣе. На этотъ разъ ему отвѣтили откровеннѣе. „Наши русскіе торговые люди оскудѣли", сказали ему: „теперь они у Архангельска покупаютъ у англичанъ товары, сукна, возятъ ихъ на Астрахань и продаютъ тамъ Кизиль-Башамъ (персамъ), мѣняютъ на ихъ товары, отъ чего имъ прибыль и казнѣ прибыль; а станутъ англичане прямо ѣздить въ Персію, то они у Архангельска русскимъ людямъ продавать своихъ товаровъ не будутъ, повезутъ ихъ прямо въ Персію, и Кизиль-Баши со своими товарами въ Астрахань ѣздить не стануть,—будутъ торговать съ англичанами у себя". Въ 1629 году пріѣхалъ французскій посолъ, де-Гэ-Курмененъ—онъ тоже, между прочимъ, просилъ: „царское величество позволилъ бы французанамъ ѣздить въ Персію черезъ свое государство". Бояре отвѣтили, что французы могутъ покупать персидскіе товары у русскихъ купцовъ. Въ 1630 году явились знакомые намъ голландцы: они также толковали не объ одной хлѣбной торговлѣ—голландская монополія должна была распространиться и на персидскіе товары. Съ своимъ обычнымъ предразсудкомъ насчетъ московской дешевизны голландцы предлагали за персидскую монополію 15.000 рублей въ годъ. Бояре отвѣтили, что быть тому невозможно: англійскому королю (а ужъ какой другъ!) отказано по челобитью торговыхъ людей московскаго государства. Немного спустя пріѣхали датскіе послы—и тоже завели разговоръ, чтобы дана была дорога датскимъ купцамъ въ Персію. Имъ отвѣтили уже совсѣмъ лаконически, что въ шахову землю дороги никому давать не велѣно. Больше всего повезло, было, голштинцамъ: они за персидскую монополію, на 10 лѣтъ, обѣщались платить по 600.000 ефимковъ (до 5 милліоновъ рублей теперешнихъ) ежегодно. Очевидно, мнѣніе Олеарія,

что нѣтъ для Европы торговли важнѣе шелковой, вполнѣ раздѣлялось и его земляками. Цифра показалась въ Москвѣ внушительной, и согласіе было дано. Но тотчасъ же оказалось, что въ Голштиніи теорія сильнѣе практики, и что тамъ лучше умѣютъ считать, чѣмъ платить. Когда дѣло дошло до платежа, необходимыхъ капиталовъ у голштинцевъ не оказалось— и грандіозное предпріятіе весьма жалко кончилось дипломатической перебранкой между правительствомъ царя Михаила и герцогомъ Фридрихомъ. Благодаря сплошному водному пути отъ самой Персіи почти безъ перерыва до самаго Архангельска—сначала Каспійскимъ моремъ, потомъ Волгою, Сухоною и Сѣв. Двиной — транзитъ шелка черезъ Россію представлялъ громадныя выгоды сравнительно съ перевозкой его сухимъ путемъ. Въ то время какъ каждый тюкъ, перевезенный изъ Гиляна въ Ормузъ *) на спинѣ верблюда, обходился не меньше 35—40 рублей теперешнихъ, перевозка такого же тюка моремъ до Астрахани обходилась не дороже рубля тогдашняго, т.-е. 15 рублей теперешнихъ. Нѣтъ ничего мудренаго, что въ средѣ тогдашнихъ коммерсантовъ подъ впечатлѣніемъ подобныхъ цифръ зарождались проекты, ничуть не уступавшіе по грандіозности голландскому плану—превратить Россію XVII вѣка въ ту „житницу Европы“, какой она стала къ половинѣ XIX вѣка. Помимо дешевизны фрахта тутъ можно было спекулировать еще на политической враждѣ персидскаго шаха и турецкаго султана, между тѣмъ какъ московское государство старательно поддерживало съ Персіей самыя лучшія отношенія. Основываясь на всемъ этомъ, де-Родесъ предлагалъ боярину Милославскому, тестю царя Алексѣя, организовать компанію изъ крупнѣйшихъ европейскихъ коммерсантовъ, которая, пользуясь русской дорогой, захватила бы въ свои руки всю персидскую торговлю, не однимъ шелкомъ-сырцомъ, а кстати и добрую долю торговли съ Индіей и съ Китаемъ. За триста лѣтъ до Сибирской и, проектируемой теперь, иранской желѣзной дороги, рижскій купецъ покушался аннулировать результаты открытія Васко-де-Гамы, сдѣлавъ изъ Волги и Двины конкурентовъ великаго океанскаго пути на Дальній Востокъ. Къ его несчастію, у де-Родеса были только мечты, а не капиталы—а его собесѣдникъ, и съ нимъ все московское правительство, не принадлежали къ числу людей, способныхъ упустить синицу изъ рукъ ради журавля, который еще Богъ вѣсть когда прилетитъ. Въ Москвѣ

*) Гавань въ Персидскомъ заливѣ.

шли по линіи наименьшаго сопротивленія—и дѣлали самое простое, что, въ данномъ случаѣ, можно было сдѣлать: персіянъ не пускали дальше Астрахани, а европейцамъ не сдавали шелкъ ближе Архангельска, при чемъ держались правила запрашивать всегда какъ можно выше какъ за русскіе товары, шедшіе въ обмѣнъ на шелкъ въ Астрахани, такъ и за самый шелкъ, шедшій въ обмѣнъ на европейскіе фабрикаты или, еще лучше, на наличныя деньги—въ Архангельскѣ,— и съ однажды достигнутой цѣны никогда не спускать. Изъ товаровъ въ Персію шли: русское полотно, мѣдь и, въ особенности, соболя и другіе цѣнные мѣха. Мѣдь фактически стоила, съ провозомъ въ Персію, 120 талеровъ за „корабельный пудъ“ (берковецъ, т.-е. 10 пудовъ), но въ Астрахани царскіе г о с т и, которые одни имѣли право торговать ею съ персіянами, не уступали ее меньше, чѣмъ за 180 талеровъ берковецъ. Полотну красная цѣна была 4—5 талеровъ за кусокъ: персидскимъ торговцамъ продавали его за 8—10 рублей; даже расплачиваясь чистыми деньгами (дукатами), спускали ихъ по искусственно вздутому курсу, который былъ на 12% выше обычнаго европейскаго. Все это мо..ло было дѣлать потому, что въ Астрахани съ персами строго запрещено было торговать кому бы то ни было, кромѣ агентовъ правительственной монополіи, гостей. Персамъ оставалось на выборъ—или совсѣмъ не брать товаровъ, которые были имъ необходимы, или платить то, что назначаютъ московскіе гости. При такихъ условіяхъ пудъ шелку-сырцу обходился въ Архангельскѣ съ доставкой не дороже 30 рублей: а продавали его за 45 рублей. Прибыль царской монополіи составляла, такимъ образомъ, 50%. Оборотъ торговли былъ крайне медленный— шелковый караванъ приходилъ въ Архангельскъ разъ въ три года. Грузъ его составлялъ, обычно, до 9.000 пудовъ на сумму 40.500 рублей тогдашнихъ—болѣе 600.000 рублей теперешнихъ; сюда входилъ только шелкъ-сырецъ, такъ высоко цѣнившійся въ то время на западѣ, что во Франціи, напримѣръ, не было мѣста, гдѣ бы не пробовали разводить шелковицу; самъ король занимался этимъ въ Фонтенебло. Торговля шелковыми издѣліями, привозившимися изъ той же Персіи, а отчасти и съ болѣе далекаго Востока, была свободна—и до 1670-хъ годовъ въ Москвѣ проживало постоянно большое количество персидскихъ и даже индійскихъ торговцевъ. Не побѣдивъ мірового пути, открытаго португальцами, персидская торговля московскаго царя все же была, несомнѣнно, самымъ крупнымъ коммерческимъ предпріятіемъ московской

Россіи. Персидскій караванъ, который голштинское посольство догнало между Саратовомъ и Царицыномъ, состоялъ изъ 16 большихъ и 6 меньшихъ судовъ: а самые большіе волжскіе насады XVII вѣка поднимали до 1000 ластовъ, т.-е. до 2000 тоннъ груза, и имѣли до 400 человѣкъ экипажа (т.-е., собственно, бурлаковъ, которые тащили судно бечевой, когда не было вѣтра). Современныя волжскія баржи по части размѣровъ, вѣроятно, не очень опередили своихъ предшественницъ до-петровской эпохи. Нужно замѣтить, что вообще крупныя суда на Волгѣ обслуживали царскую монополію: два другихъ громадныхъ „насада", встрѣченныхъ Олеаріемъ, принадлежали одинъ царю, другой патріарху, и везли икру.

Мы еще не исчерпали всѣхъ царскихъ монополій, о которыхъ говорятъ современники: торговля ревенемъ, напримѣръ, тоже была сосредоточена въ казнѣ. Но сущность дѣла уже давно ясна читателю: концентрація въ однѣхъ рукахъ сотенъ тысячъ по тогдашнему, милліоновъ рублей по теперешнему, впервые повела къ образованію въ ремесленной Россіи, знавшей до тѣхъ поръ лишь мелкій торгъ, какъ и мелкое только производство,—торговаго капитала. Но мы очень ошиблись бы, если бы предположили, что капиталъ этотъ весь былъ въ рукахъ царя. Фактически имъ распоряжались гости, отъ царскаго имени ведшіе торговлю и съ востокомъ и съ западомъ. „Гости — царскіе коммерціи совѣтники и факторы, они неограниченно правятъ торговлей во всемъ государствѣ. Эта своекорыстная и вредная коллегія, довольно многолюдная, имѣетъ главу или старшину, и всѣ они занимаются торговлей (sind alle Kaufleute), въ числѣ ихъ есть и нѣсколько нѣмцевъ... Они разсѣяны по всему государству, и во всѣхъ мѣстахъ, по своему званію, пользуются привилегіей покупать первыми, хотя бы они дѣйствовали и не за царскій счетъ. Такъ какъ они одни, однако же, не въ состояніи справиться со столь широко раскинувшейся торговлей, то во всѣхъ большихъ городахъ у нихъ есть подставныя лица, въ лицѣ двухъ или трехъ изъ проживающихъ тамъ виднѣйшихъ купцовъ, которые въ качествѣ царскихъ факторовъ пользуются привилегіями гостей, хотя не носятъ этого имени, и ради своей частной корысти всюду причиняютъ различныя стѣсненія торговлѣ. Простые купцы замѣчаютъ и знаютъ это очень хорошо, говорятъ о гостяхъ плохо и можно опасаться, что, въ случаѣ возстанія, чернь всѣмъ гостямъ свернетъ шею. Они (гости) производятъ оцѣнку товаровъ въ царской казнѣ въ Москвѣ, распоряжаются ловлей

соболей и сборомъ соболиной десятины въ Сибири, точно такъ же, какъ и архангельскимъ караваномъ, и подаютъ царю совѣты и проекты по части учрежденія царскихъ монополій. День и ночь они стараются о томъ, чтобы совершенно подавить торговлю на Балтійскомъ морѣ и нигдѣ не допускать свободной торговли, чтобы тѣмъ прочнѣе было ихъ господство и тѣмъ легче они могли наполнять собственные кошельки". Къ этой характеристикѣ Кильбургера, которая хорошо передаетъ если не самые факты, то впечатлѣніе, которое эти факты производили на очень внимательнаго и очень освѣдомленнаго наблюдателя, превосходную иллюстрацію даетъ извѣстный псковскій эпизодъ. Въ Псковѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что мелкіе торговцы являются орудіемъ въ рукахъ заграничныхъ капиталистовъ, которые, ссужая ихъ деньгами, обращаютъ ихъ фактически въ своихъ комиссіонеровъ,—гости монополизировали всю, безъ исключенія, заграничную торговлю въ своихъ рукахъ, обративъ все второстепенное псковское купечество въ комиссіонеровъ ихъ, гостей. Ни одинъ изъ мѣстныхъ купцовъ второго разряда („маломочные") не имѣлъ болѣе права торговать за свой счетъ, всѣ они были приписаны „по свойству и по знакомству" къ крупнымъ псковскимъ капиталистамъ и, получая ссуды для своихъ операцій изъ земской избы, должны были доставлять всѣ закупленные товары туда же, къ „лучшимъ людямъ, у кого они будутъ въ запискѣ". А для удобства контроля вся торговля съ иностранцами была пріурочена хронологически къ двумъ ярмаркамъ (9-го января и 9-го мая), а топографически—къ тремъ гостинымъ дворамъ, двумъ для заграничныхъ и одному для русскихъ товаровъ: обмѣнъ товарами могъ производиться только въ это время и въ этихъ мѣстахъ. Какъ мѣра „покровительства" туземному торговому капиталу въ борьбѣ съ иноземнымъ, псковское постановленіе 1665 года является, для своего времени, чрезвычайно смѣлымъ шагомъ, свидѣтельствующимъ о большой сознательности его авторовъ: недаромъ оно связано съ именемъ отца русскаго меркантилизма, Ордина-Нащокина. Но оно же указываетъ и оборотную сторону дѣла: мы видимъ, какъ трудно было русскому капитализму держаться въ борьбѣ съ Западомъ естественнымъ путемъ, безъ подпорокъ.

Торговлѣ ремесленнаго типа — а такой оставалась, въ общемъ и цѣломъ, русская торговля XVII вѣка — самые пріемы капиталистическаго обмѣна внушали суевѣрный ужасъ. „Да нѣмцы же, живя въ Москвѣ и городахъ, ѣздятъ черезъ

Новгородъ и Псковъ въ свою землю на годъ по пяти, шести и десяти разъ съ вѣстями, что дѣлается въ московскомъ государствѣ, почемъ какіе товары покупаютъ", плакались московскіе торговые люди въ своей челобитной 1646 года: „и которые товары въ Москвѣ дорого покупаютъ, тѣ они станутъ готовить, и все дѣлаютъ по частымъ своимъ вѣстямъ и по грамоткамъ, сговорясь за одно". И тутъ же обиженные такимъ дьявольскимъ ухищреніемъ, какъ почта, русскіе люди приводятъ необычайно выразительный примѣръ своей безпомощности передъ коварными иноземцами: понадѣявшись на высокую цѣну шелка-сырца въ прошлыхъ годахъ, русскіе торговцы скупили весь запасъ шелку изъ царской казны, въ расчетѣ выгодно перепродать его „нѣмцамъ". Но на европейскомъ рынкѣ тѣмъ временемъ цѣны на шелкъ упали—и „нѣмцы" не только не купили ни одного тюка по цѣнѣ, которая казалась русскимъ „справедливой", но еще насмѣялись надъ ними. „Милосердый государь", взывали обиженные русскіе коммерсанты: „помилуй насъ, холопей и сиротъ твоихъ, всего государства торговыхъ людей: воззри на насъ бѣдныхъ и не дай намъ, природнымъ своимъ государевымъ холопамъ и сиротамъ, отъ иновѣрцевъ быть въ вѣчной нищетѣ и скудости, не вели искони вѣчныхъ нашихъ промыслишковъ у насъ бѣдныхъ отнять".

Какую коммерческую роль уже въ то время играла почта, видно изъ разсужденій и проектовъ де-Родеса, писавшаго меньше, чѣмъ черезъ 10 лѣтъ послѣ цитированной нами сейчасъ челобитной. Успѣшную конкуренцію голландцевъ со шведами онъ приписываетъ, главнымъ образомъ, тому обстоятельству, что голландская корреспонденція черезъ Ригу скорѣе доходила до Москвы, нежели шведская черезъ Нарву. Онъ совѣтуетъ, поэтому, совершенно запретить пересылку писемъ прямымъ путемъ изъ Риги въ Москву черезъ Псковъ и сдѣлать Нарву центральнымъ почтамтомъ для всего балтійскаго побережья—тогда вся корреспонденція, идущая съ запада на Москву Балтійскимъ моремъ, будетъ въ одинаковыхъ условіяхъ. Но русскіе правительственные круги и стоявшіе близко къ нимъ коммерсанты и въ этомъ пунктѣ были достаточно европейцами и почтовой монополіи шведамъ не уступили. Въ 1663 году въ московскомъ государствѣ появляется своя заграничная почта, сданная въ эксплуатацію одному частному предпринимателю, Іоганну фонъ-Шведенъ. Она отправлялась регулярно каждый вторникъ на Новгородъ, Псковъ и Ригу, а возвращалась обратно каждый четвергъ.

Нарвская линія, напротивъ, была совершенно заброшена—шведы потерпѣли тутъ полное пораженіе. Письмо отъ Москвы до Риги шло не меньше 9—10, дней, и франкировка его обходилась, на нашъ современный взглядъ, невѣроятно дорого: 1 золотникъ стоилъ до Новгорода 6, до Пскова 8 и до Риги 10 копеекъ (90, 1 р. 20 и 1 р. 50 к. на теперешнія деньги). Другая заграничная линія шла на Вильну и Кенигсбергъ: письма въ Германію выигрывали, если ихъ отправляли этимъ путемъ, два дня. До Берлина письмо шло 21 день и стоило по 25 к. (3 р. 75 коп.) за золотникъ. Приходившія изъ-за границы письма доставлялись сначала въ Посольскій Приказъ и здѣсь съ совершенной откровенностью вскрывались и прочитывались подъячими, дабы правительство раньше всѣхъ знало заграничныя новости: понятіе „тайны частной корреспонденціи“ было совершенно чуждо тогда не только московскимъ людямъ, но и ихъ иноземнымъ учителямъ—покрайней мѣрѣ, Кильбургеръ сообщаетъ объ этой обязательной перлюстраціи, какъ о самомъ нормальномъ фактѣ. Для широкихъ массъ зато сама почта и долго потомъ продолжала оставаться фактомъ, глубоко ненормальнымъ. „Да пожаловали они, прорубили изъ нашего государства во всѣ свои земли диру, что всѣ наши государственныя и промышленныя дѣла ясно зрятъ“, жаловался Посошковъ еще около 1701 года. „Дира же есть сія: здѣлали почту, а что въ ней великому государю прибыли, про то Богъ вѣсть, а колько гибели отъ той почты во все царство чинитца, того и исчислить невозможно. Что въ нашемъ государствѣ ни здѣлается, то во всѣ земли разнесетца; одни иноземцы отъ нее богатятся, а русскіе люди нищаютъ. И почты ради иноземцы торгуютъ издѣваючись, а русскіе люди жилы изъ себя изрываючи“. Понятно, что Посошковъ совѣтовалъ „ту диру загородить накрѣпко“ и почту „буде мочно—оставить вовсе“, и даже частнымъ лицамъ запретить возить съ собою письма. При всей отсталости взглядовъ Посошкова (для даннаго пункта его интересно сравнить съ другимъ прожектеромъ петровскаго времени, Ѳедоромъ Салтыковымъ, который совѣтовалъ, напротивъ, вдобавокъ къ иногородней завести еще и городскую почту, съ самымъ дешевымъ тарифомъ), одной отсталостью этой черты не объяснишь. Какъ всякое орудіе торговой конкуренціи, почта еще больше усиливала сильнаго и ослабляла слабаго; а такъ какъ заграничный капиталъ былъ всегда гораздо сильнѣе русскаго, то выгоды отъ усовершенствованныхъ сношеній доставались именно ему. Въ

1670-хъ годахъ Кильбургеръ могъ сообщить своему читателю удивительный фактъ: что вся архангельская торговля находится въ рукахъ нѣсколькихъ голландцевъ, гамбургцевъ и бременцевъ, которые держатъ въ Москвѣ постоянныхъ приказчиковъ и факторовъ — русскіе же въ Архангельскъ не ѣздятъ. Онъ перечисляетъ при этомъ поименно цѣлый рядъ нѣмецкихъ купцовъ, которые спеціализировались на торговлѣ между Архангельскомъ и Москвою и никогда сами не выѣзжали за границу. Мало того, иностранцы, по его словамъ, проникли и въ коллегію гостей, и притомъ не только въ качествѣ заграничныхъ царскихъ агентовъ, какъ Клинкъ Бернгардтъ и Фагелеръ въ Амстердамѣ, но и въ самой Москвѣ — какъ Томасъ Келлерманъ.

Для характеристики заграничной торговли остается прибавить, что не только вывозъ, но и ввозъ пріобрѣлъ уже въ XVII вѣкѣ массовой характеръ. Давно прошло то время, когда въ Россію ввозились изъ-за границы только предметы роскоши, какъ это было при Грозномъ, и отчасти даже въ началѣ XVII вѣка, когда въ спискѣ привозимыхъ товаровъ мы находимъ позолоченныя аллебарды, аптекарскія снадобья, органы, клавикорды и другіе музыкальные инструменты, карминъ, нитки, жемчугъ, дорогую посуду, зеркала, люстры и т. п. Списки товаровъ, привезенныхъ въ 1670-хъ годахъ, даютъ такія, напримѣръ, цифры: селедокъ привезено черезъ Архангельскъ въ 1671 году 2477 тоннъ, въ 1672-мъ — 1251 тонна; иголокъ въ первомъ году 683.000, во второмъ 545.000 штукъ; краски всякаго рода 5 тоннъ, и кромѣ того, 809 боченковъ индиго; бумаги 28.454 стопы. Особенно характеренъ для развивавшейся русской индустріи ввозъ желѣза и желѣзныхъ издѣлій, при чемъ нужно имѣть въ виду, что въ то время, какъ увидимъ дальше, были желѣзо-дѣлательные заводы и въ самомъ московскомъ государствѣ, уже съ очень крупнымъ производствомъ. Тѣмъ не менѣе, не считая желѣзныхъ издѣлій, въ 1671 году черезъ Архангельскъ было провезено 1957 полосъ шведскаго желѣза: такой спросъ на этотъ матеріалъ существовалъ въ русскихъ мастерскихъ за 20 лѣтъ до Петра.

Торговый капитализмъ XVII вѣка имѣлъ громадное вліяніе и на внѣшнюю, и на внутреннюю политику московскаго правительства. До завоеванія Малороссіи и отчасти даже до Петра, объектомъ первой былъ югъ, — колонизація южной окраины, теперь безраздѣльно доставшаяся въ московскія руки, дала непосредственный поводъ и къ походамъ въ Крымъ

кн. В. В. Голицына, и къ Азовскимъ походамъ Петра. Перемѣна въ оріентировкѣ этой политики, связанная съ Сѣверной войной, была вызвана, главнымъ образомъ, интересами русской внѣшней торговли. Уже де-Родесъ указывалъ, въ 1650-хъ годахъ, что традиціонное направленіе этой послѣдней, на Архангельскъ, по крайней мѣрѣ, вдвое понижаетъ барыши капиталистовъ, такъ какъ, по климатическимъ условіямъ, торговый капиталъ на Бѣломъ морѣ успѣваетъ обернуться только одинъ разъ (онъ совершалъ этотъ оборотъ въ пять мѣсяцевъ), а на Балтійскомъ два или даже три раза (если считать судоходную кампанію Риги или Либавы въ 9 мѣсяцевъ, а оборотъ при максимальной скорости въ 3 мѣсяца). Де-Родесъ формально работалъ въ пользу Швеціи, но, по существу, едва ли не въ пользу своего родного города Риги, торговля которой росла во второй половинѣ XVII вѣка чрезвычайно замѣтно. Вывозъ льна съ 1669 по 1686 годъ увеличился вдвое (съ 67.570 до 137.550 пудовъ), конопли слишкомъ втрое (съ 187.260 до 654.510 п., въ 1699 г. — 816.440 пуд.), все прочее въ такой же пропорціи. Территоріей, питавшей рижскую торговлю, были: во-первыхъ, Литва, во-вторыхъ, сосѣднія области московскаго государства. Экономически городъ, очевидно, тѣснѣе былъ связанъ съ ними, нежели со своимъ юридическимъ „отечествомъ“, Швеціей, которой онъ тогда принадлежалъ. Въ такомъ же положеніи былъ и второй, послѣ Риги, остзейскій портъ—Ревель. Шведское правительство, вообще одно изъ лучшихъ бюрократическихъ правительствъ тогдашней Европы, отлично сознавало это, какъ свидѣтельствуетъ одинъ любопытный указъ королевы Христины (3 іюня 1648 г.). Имъ русская торговля въ Ревелѣ ставилась въ исключительно благопріятныя условія, а съ другой стороны, дѣлались всѣ усилія привлечь сюда въ возможно большемъ количествѣ заграничныхъ купцовъ, чрезвычайно облегчивъ имъ доступъ въ среду ревельскаго гражданства, а, стало быть, и ко всѣмъ торговымъ привилегіямъ, какими обильно пользовалось мѣстное населеніе по сравненію съ иноземными *). Вскорѣ послѣ Кардисскаго мира (1661 года) шведское правительство добилось „свободной торговли“ между русскими и шведскими подданными. Нѣсколько ранѣе, когда русскіе, подъ вліяніемъ голландцевъ, всячески, между прочимъ и литературнымъ путемъ, посред-

*) „Здѣсь обычай“, записалъ кн. Ф. А. Куракинъ о Гамбургѣ въ 1708 году, „когда торговой пріѣдетъ въ который городъ, въ которомъ онъ не записанъ гражданиномъ, не можетъ торговать ни грунтовымъ торгомъ, ни мелкимъ“.

ствомъ карикатуръ и памфлетовъ, конкурировавшихъ съ англичанами, отняли у послѣднихъ ихъ привилегію, и англійская факторія въ Архангельскѣ закрылась, Швеція пыталась перевести англійскій торгъ къ себѣ въ Нарву. Но всѣ эти хлопоты, какъ можно видѣть уже изъ приведенныхъ примѣровъ, больше шли на пользу Швеціи, какъ политическаго цѣлаго, нежели ея остзейскихъ подданныхъ. Щедро даря бюргерскія привилегіи въ остзейскихъ городахъ иностранцамъ, шведскіе короли были очень скупы на тѣ привилегіи, которыми пользовались шведскіе купцы. Мы видѣли, какую роль въ тогдашней торговлѣ играли зундскія пошлины, которыя собирала въ свою пользу Данія со всѣхъ входящихъ въ Балтійское море и выходящихъ изъ него кораблей. Шведы добились ихъ отмѣны, но только для себя: рижане и ревельцы продолжали ихъ платить. Во вторую половину XVII вѣка сталъ быстро расти лифляндскій хлѣбный вывозъ (съ 2.380 „лофовъ“ въ 1669 году, до 6.991 въ 1686-мъ и 14.939 въ 1695-мъ). Но Карлъ XI поспѣшилъ обложить его высокими вывозными пошлинами, чтобы создать преимущество для Швеціи, которая тоже нуждалась въ привозномъ хлѣбѣ. Въ то же самое время, когда это было имъ выгодно, шведы очень хлопотали о „свободной торговлѣ“. Въ половинѣ столѣтія крупные рижскіе торговцы вздумали образовать компанію, которая должна была монополизировать въ своихъ рукахъ всѣ коммерческія сношенія съ заграницей (упоминавшіяся выше псковскія мѣропріятія 1665 года едва ли не были подражаніемъ этому рижскому проекту). Но шведское правительство, въ лицѣ мѣстнаго губернатора Бенгта Оксенширны, рѣшительно воспротивилось этому, опираясь на „маломочныхъ“ рижскихъ купцовъ, которымъ затѣя капиталистовъ, естественно, не могла нравиться. Съ полнымъ нарушеніемъ правъ городского совѣта, гдѣ командовалъ крупный капиталъ, Оксенширна наложилъ запретительныя вывозныя пошлины до тѣхъ поръ, пока не будетъ возстановлена „свободная торговля“. Въ результатѣ, всякая торговля остановилась вовсе. Война съ Даніей и опасеніе, что датчане используютъ этотъ конфликтъ, вынудили стокгольмское правительство отступиться отъ рѣшительныхъ шаговъ своего рижскаго представителя; но къ тому времени компанія была уже разорена и должна была ликвидировать какъ разъ въ тотъ моментъ, когда ея представители одержали побѣду въ Стокгольмѣ *).

*) Для всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ см. Richter, „Geschichte der deutschen Ostseeprovinzen“, Riga, 1858. B. II, 2 Teil, passim.

Естественному тяготѣнію остзейскихъ портовъ на востокъ соотвѣтствовало такое же естественное отталкиваніе ихъ со стороны ихъ скандинавскаго сюзерена. Когда Петръ началъ великую Сѣверную войну походомъ на Нарву, воскрешая этимъ операціонную линію Грознаго, когда онъ, идя по слѣдамъ царя Алексѣя, осаждалъ Ригу, онъ являлся, въ сущности, освободителемъ плѣненнаго шведскимъ засильемъ остзейскаго торговаго капитала. Рига должна была стать русскимъ портомъ, такъ какъ русская торговля уже выросла изъ Архангельска; съ другой стороны, Ригѣ нужно было освободиться отъ шведскихъ путъ, такъ какъ иначе ее убилъ бы Кенигсбергъ, который годъ отъ году отбивалъ у Риги ея кліентовъ, пользуясь тѣмъ, что кенигсбергскія пошлины были въ нѣсколько разъ ниже шведскихъ. Собственно на Петербургъ Петръ былъ отброшенъ, послѣ того какъ ему не удалось завладѣть Нарвой, а его союзники, саксонцы, потерпѣли пораженіе подъ Ригой. А разъ выяснившіяся стратегическія удобства передового поста на Невѣ должны были обезпечить ему первенство и позже, когда дѣла пошли удачнѣе. Съ коммерческой же точки зрѣнія, Петербургъ и долго послѣ не могъ конкурировать естественнымъ путемъ не только съ Ригой, но даже съ Архангельскомъ. Пришлось и для того, и для другого порта создать цѣлый рядъ ограниченій—запретить ввозить въ Ригу и въ Архангельскъ цѣлый рядъ товаровъ, торговлю которыми долженъ былъ монополизировать Петербургъ. Зато русское правительство всячески старалось облегчить Ригѣ конкуренцію съ Кенигсбергомъ, при чемъ изъ одного относящагося сюда документа мы узнаемъ, что такъ заботившіеся о „свободной торговлѣ“ шведы отдали въ 1690 году всю мануфактурную торговлю Риги на откупъ четыремъ человѣкамъ—тогда какъ остальное купечество могло торговать мануфактурой только во время ярмарки (съ 20 іюня по 10 августа) *). Какъ видимъ, то, что обыкновенно выставляется, какъ ближайшая причина перехода остзейскихъ провинцій—главнаго объекта Сѣверной войны—на русскую сторону, знаменитая „редукція“, отобраніе у лифляндскаго дворянства захваченныхъ имъ въ прошлые годы коронныхъ имѣній, занимаетъ въ числѣ причинъ, обусловившихъ войну, далеко не первое мѣсто. Поскольку рѣчь идетъ о завоеваніи Россіей восточнаго побережья Балтики, „редукція“ не играла

*) См. докладъ рижскаго оберъ-инспектора Данненштерна, Сборникъ Русск. Историч. Общества, т. XI, стр. 459.

Петръ—отецъ отечества.

Петръ—отецъ отечества снятъ съ гравюры за подписью Amiconi—pinx. Wagner—sculp. Объяснительная надпись подъ гравюрой гласитъ:

Petrus Magnus Russorum Imperator
Pater Patriae.
Ex prototypo in aedibus Principis A. Cantemir I. M.
S. Plenipot-Ministri M. Brit-Regem a
Appresso I. Wagner *) in Merc. Venetia.

Для впечатлѣнія о старыхъ представленіяхъ объ исторической роли Петра гравюра имѣетъ очень большую цѣну; она даетъ апоѳеозъ Петра, и ея сюжетъ возникъ въ моментъ послѣ заключенія Ништадтскаго мира, послѣ того какъ Правительствующій Сенатъ поднесъ Петру наименованіе *Великаго*, прозвище *Отца Отечества* и титулъ *Императора Всероссійскаго*, превративъ такимъ образомъ «великія государства россійского царствія» во *Всероссійскую Имперію*. Съ тѣхъ поръ рѣзко измѣнились взгляды на роль историческихъ лицъ вообще и на историческое значеніе петровской эпохи въ частности: безмѣрное восхищеніе смѣнилось критикой, а этическая оцѣнка—обрисовкой смѣны явленій, установленіемъ ихъ связи въ непрерывности историческаго процесса. Московское государство не кажется уже такой старой, а Петровская имперія—такой новой исторической обстановкой. Петръ не кажется теперь создавшимъ все изъ ничего, и теперь нѣтъ поводовъ ломать перья для того, чтобы однимъ его проклинать, а другимъ благословлять. Намъ уже не чудится теперь Петръ колоссомъ, который заложилъ фундаментъ для извѣстной пропасти между интеллигенціей и народомъ. А какъ еще недавно Петръ изображался чудомъ XVIII вѣка. С. М. Соловьевъ, завершая свое повѣствованіе о времени Петра, говоритъ о протестахъ, которые раздавались противъ дѣятельности послѣдняго во второй половинѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. «Начали укорять Петра,—пишетъ Соловьевъ,—что онъ и для своего времени дѣйствовалъ неправильно, незаконно, измѣнялъ старое лучшее на новое худшее». Болтинъ былъ на сторонѣ рѣзкой оцѣнки дѣятельности Преобразователя; Голиковъ обнаружилъ стараніе постоянно оправдывать во всемъ своего героя. Для одного изъ направленій XIX вѣка «Петръ явился страшнымъ деспотомъ, который, руководясь своимъ произволомъ, своимъ личнымъ взглядомъ, заставилъ насильно часть своего народа, высшіе слои общества, перемѣнить древніе прадѣдовскіе нравы и обычаи на новые, чуждые, тогда какъ низшіе слои народонаселенія сослужили передъ отечествомъ великую, святую службу, оставшись вѣрны старинѣ». Соловьевъ говоритъ, что ни тотъ, ни другой протестъ не могутъ быть приняты въ наукѣ; такъ говоритъ Соловьевъ не потому, чтобы онъ принципіально отвергалъ возможность такихъ протестовъ, а потому, что въ данномъ случаѣ они казались ему невѣрными. Соловьевъ произноситъ далѣе фразу, которая ясно говоритъ о томъ, что исторія Россіи принесена у него въ жертву біографіи Петра. «Изображая дѣятельность человѣческую съ необходимою въ ней темною стороною, историкъ имѣетъ право изображать дѣятельность Петра, какъ дѣятельность великаго человѣка, послужившаго болѣе другихъ для своего народа и для человѣчества», пишетъ Соловьевъ, прибавляя, что Петра «мы имѣемъ полное право назвать величайшимъ историческимъ дѣятелемъ, ибо никто не можетъ имѣть бо́льшаго значенія въ исторіи цивилизаціи», и что «мы должны придти въ изумленіе передъ нравственными и физическими силами Преобразователя». Какой царитъ здѣсь сумбуръ въ воззрѣніяхъ, можно усмотрѣть изъ того, что здѣсь же проскальзываетъ и такая фраза: «никогда ни одинъ народъ не совершилъ такого подвига, какой былъ совершенъ русскимъ народомъ въ первую четверть XVIII вѣка». Давая въ гравюрѣ образчикъ стараго апоѳеоза Петра, сложившагося на почвѣ XVIII вѣка, въ выдержкахъ изъ Соловьева мы приводимъ прекрасный примѣръ косности историческихъ взглядовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ примѣръ стараго апоѳеоза на новый манеръ личности того же Петра въ XIX вѣкѣ.

В. Стор.

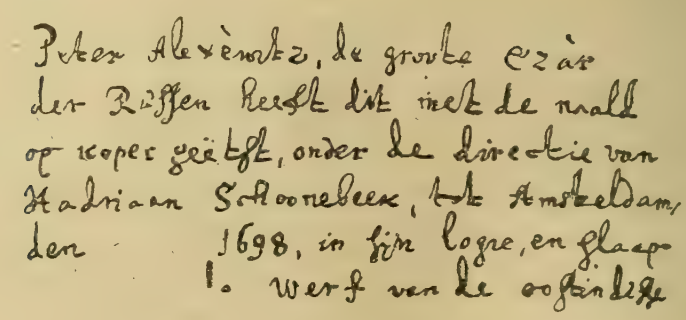
---

*) Іосифъ Вагнеръ (1706—1780 гг.), ученикъ Amigoni; помимо Петра I въ сопровожденіи Минервы ему принадлежатъ портреты Анны и Елизаветы. (см. Brayan's dictionary of painters and engravers. London 1910).

даже никакой роли. Остзейское дворянство смотрѣло не на востокъ, а на югъ, желало присоединенія не къ московскому государству, а къ Польшѣ. Лидеръ дворянской оппозиціи Паткуль былъ очень испуганъ, когда увидалъ, что фронтъ русскаго наступленія поворачивается на западъ, къ Нарвѣ: онъ бы предпочелъ видѣть Петра въ Финляндіи. Съ другой стороны, рижское бюргерство не чувствовало, повидимому, ни малѣйшаго желанія переходить изъ шведскаго подданства въ польское, и въ 1700 году отъ войскъ короля Августа городъ защищалъ не столько малолюдный шведскій гарнизонъ, сколько вооруженные граждане, за что лифляндское дворянство, въ договорѣ съ тѣмъ же польскимъ королемъ, проектировало лишить рижскихъ бюргеровъ ихъ исконныхъ привилегій и передать управленіе городомъ окрестнымъ помѣщикамъ. Союзъ остзейскихъ бароновъ съ русскимъ правительствомъ датируется отъ гораздо болѣе поздняго времени—когда взяла верхъ дворянская реакція, временно уступившая при Петрѣ союзу торговаго капитала съ новой феодальной знатью.

Торговыми интересами на Балтійскомъ морѣ опредѣляется и та комбинація державъ, при которой началась Сѣверная война и которая держалась, съ перерывами, до ея конца. Союзъ Россіи съ Польшей, именно, на этой почвѣ былъ столь же естественнымъ, какъ тяготѣніе Риги къ московскому государству: обѣимъ державамъ для ихъ экспорта нужно было „свободное“ Балтійское море, т.-е. уничтоженіе шведской монополіи. Данія была въ этомъ съ ними солидарна, хотя бы, прежде всего, во имя зундскихъ пошлинъ, которыхъ она не могла заставить платить шведовъ, не говоря уже о старинной конкуренціи двухъ скандинавскихъ народовъ на Балтикѣ. Наоборотъ, голландцы, именно отъ этихъ зундскихъ пошлинъ убѣжавшіе на Бѣлое море, должны были отнестись къ русско-польскому предпріятію весьма несочувственно. Взаимныя отношенія Петра и Нидерландской республики во время Сѣверной войны и по ея поводу могутъ служить наплучшей иллюстраціей того, какъ всяческія „культурныя“ вліянія пасуютъ передъ экономическими въ случаѣ столкновенія. Казалось бы, что́ могло быть сильнѣе голландскаго вліянія на „саардамскаго плотника“, даже въ своей подписи рабски копировавшаго ту страну, которая въ его глазахъ была олицетвореніемъ европейской цивилизаціи? А между тѣмъ, начиная войну, онъ зналъ, что его друзья смотрятъ на это болѣе, чѣмъ холодно. Даже обѣщаніе вдвое понизить таможенныя пошлины, сравнительно съ Архангельскомъ, не

заставило ледъ растаять. „Нынѣшняя война ваша со шведами Штатамъ очень непріятна“, писалъ изъ Гаги Петру его тамошній представитель, Матвѣевъ: „и всей Голландіи весьма непотребна, потому что намѣреніе ваше—взять у шведа на Балтійскомъ морѣ пристань“. А когда въ Гагу пришло извѣстіе о пораженіи русскихъ подъ Нарвою, оно произвело тамъ „несказанную радость“. Друзья Петра, вмѣстѣ съ англичанами, не останавливались даже передъ тѣмъ, чтобы разорвать союзъ Петра съ Польшей—наладивъ отдѣльный миръ короля Августа съ Карломъ XII. На Данію тоже оказывалось давленіе въ томъ же направленіи. При чемъ всѣ заманчивыя обѣщанія Петра насчетъ тѣхъ коммерческихъ выгодъ, которыя сулитъ балтійская торговля, сравнительно съ бѣломорской, благодаря болѣе быстрому обороту капитала (старый аргументъ де-Родеса) на англичанъ совершенно не дѣйствовали. Голландцы же формально заявили русскому представителю, что они „по старымъ договорамъ обязаны во всемъ помогать Швеціи“. Нужны были, съ одной стороны, полтавская побѣда, съ другой—видимое упроченіе русскихъ на берегахъ Финскаго залива для того, чтобы въ Лондонѣ и въ Гагѣ рѣшили нѣсколько измѣнить свое отношеніе къ внѣшней политикѣ Петра.



2. Меркантилизмъ.

Въ основѣ этой политики лежалъ, такимъ образомъ, меркантилизмъ. О Петрѣ, какъ одномъ изъ представителей этого, именно, теченія экономической политики его времени, принято говорить уже давно *). Меркантилизмомъ, какъ извѣстно, называется такое направленіе этой политики, которое, исходя изъ отождествленія богатства съ деньгами или вообще съ драгоцѣнными металлами, видитъ въ торговлѣ, приносящей въ страну драгоцѣнные металлы, источникъ народнаго богатства. Первые зачатки меркантилизма въ западной Европѣ относятся къ концу среднихъ вѣковъ (XIII—XV), а его расцвѣтъ—къ эпохѣ Людовика XIV. Но его теорія не стояла все время на одномъ мѣстѣ, и въ то время, какъ ранній меркантилизмъ опирался исключительно на торговлю цѣннымъ сырьемъ, особенно колоніальнымъ, къ XVII вѣкѣ стали сознавать всю выгодность сбыта фабрикатовъ, особенно, когда въ фабрикаты перерабатывалось мѣстное сырье, котораго не

*) См., между прочимъ, статью Штиды (Stieda) въ Russische Revue 1874, № IV, „Peter der Grosse, als Mercantilist“, весьма сухой, но очень добросовѣстный сводъ, или, вѣрнѣе, каталогъ фактовъ, характеризующихъ эту сторону петровской реформы.

было или котораго мало было у другихъ. Эта вторая стадія меркантилизма, связанная съ именемъ Кольбера — почему иногда это направленіе и называютъ спеціально кольбертизмомъ—и характеризующаяся покровительствомъ туземной обрабатывающей промышленности, дожила, какъ всѣмъ извѣстно, до нашего времени и составляетъ интегральную часть государственной мудрости, проповѣдуемой всѣми консервативными партіями. Петровской Россіи были уже знакомы обѣ стадіи. Первая нашла себѣ юридическое выраженіе уже въ 1667 году, въ знаменитомъ Новоторговомъ Уставѣ, изданномъ по почину Ордина-Нащокина,—вѣроятнаго вдохновителя извѣстной намъ псковской реформы. Уставъ начинается съ характерно-меркантилистскаго заявленія. „Во всѣхъ окрестныхъ государствахъ свободные и прибыльные торги считаются между первыми государственными дѣлами; остерегаютъ торги съ великимъ береженіемъ и въ вольности держатъ для сбора пошлинъ и всенародныхъ пожитковъ мірскихъ". Фразы о „свободѣ" и „вольности" насъ не должны смущать—рѣчь тутъ идетъ не о „свободѣ торговли" въ томъ смыслѣ, какой придалъ этому термину XVIII вѣкъ, а объ отмѣнѣ всякаго рода феодальныхъ стѣсненій и поборовъ узкофискальнаго характера, стѣснявшихъ обмѣнъ ради непосредственной грошевой выгоды царскаго, а раньше княжескаго, казначейства. Множество мелкихъ поборовъ, оставшихся отъ удѣльнаго времени (мыты, сотое, тридцатое, свальное, складки, повороты, статейное, мостовое, гостинное и т. д.), были уничтожены Новоторговымъ Уставомъ и замѣнены однообразной таможенной пошлиной, которая имѣла въ виду не столько непосредственную прибыль казны, сколько созданіе выгоднаго для московскаго государства торговаго баланса: была повышена пошлина съ иностранныхъ винъ, зато совсѣмъ безпошлинно можно было привозить драгоцѣнные металлы. А предметы роскоши, „узорочныя вещи" были вовсе запрещены къ привозу безъ особаго разрѣшенія. „Въ порубежныхъ городахъ головамъ (таможеннымъ) и цѣловальникамъ у иноземцевъ разспрашивать и пересматривать въ сундукахъ, ларцахъ и ящикахъ жемчугу и каменья неотложно, чтобы узорочныя вещи въ утайкѣ не были; отъ покупки такихъ вещей надобно беречься, какъ и въ другихъ государствахъ берегутъ серебро, а излишнія такія вещи покупать запрещаютъ, не позволяютъ носить ихъ простымъ нечиновнымъ людямъ, чтобы оттого не бѣднѣли; также низкихъ чиновъ люди чтобъ не носили шелку и сукна. Надобно удерживать

такихъ людей отъ покупки такихъ вещей накладною пошлиною большою и заповѣдью безъ пощады: берегутъ того во всѣхъ государствахъ и отъ напраснаго убожества своихъ людей охраняютъ". Нѣтъ надобности говорить, что заботы о томъ, чтобы „нечиновные люди не бѣднѣли", представляютъ собою такое же чиновничье лицемѣріе, какъ и оправданіе казенныхъ кабаковъ интересами народной трезвости. По существу же, тенденціи Новоторговаго Устава не представляютъ собою ничего новаго: во Франціи еще въ концѣ XIII вѣка, въ заботахъ о томъ, чтобы „нечиновные люди не бѣднѣли", запрещено было лицамъ, имѣвшимъ менѣе 6.000 ливровъ годового дохода, пріобрѣтать золотую и серебряную посуду, заказывать болѣе, нежели 4 платья въ годъ и т. п. Въ Германіи бархатъ могли носить только рыцари, золотыя украшенія на шляпѣ тоже составляли дворянскую привилегію: и еще въ 1699 году служанка, осмѣлившаяся надѣть платье со шлейфомъ или отдѣланное кружевами, рисковала попасть съ бала въ участокъ. Въ литературѣ у насъ выразителемъ взглядовъ этого ранняго меркантилизма является Посошковъ, писавшій при Петрѣ, отчасти даже въ концѣ царствованія, но характерный, въ сущности, для второй половины XVII вѣка. По мнѣнію Посошкова, „не худо бы расположить, чтобы всякій чинъ свое бы опредѣленіе имѣлъ: посадскіе люди все купечество собственное платье носили, чтобы оно ничѣмъ ни военному, ни приказному согласно не было. А то нынѣ никоими дѣлами по платью не можно познать, кто какого чина есть, посадскій или приказный или дворянинъ или холопъ чей, и не токмо съ военными людьми, но и съ царедворцемъ распознать не можно". Дальше идетъ проектъ обмундированія всѣхъ разрядовъ посадскаго населенія, гдѣ предусматривается не только матеріалъ, изъ котораго сдѣлана одежда, но и ея фасонъ и окраска. У первой статьи купецкаго чина кафтаны должны были быть „ниже подвязки, чтобы оно было служиваго платья длиннѣе, а церковнаго чина покороче, а штаны бы имѣли суконныя и трипповыя, а камчатныхъ и парчевыхъ отнюдь бы не было у нихъ, а на ногахъ имѣли бы сапоги, а башмаковъ тотъ чинъ отнюдь не носилъ же бы". Тогда какъ „нижняя статья... тѣ бы носили сукна русскія крашеныя лазоревыя и иными цвѣтами, хотя валеныя, хотя не валеныя, только бы были крашеныя, а не крашеные носили бы работные люди и крестьяне" *). Параллельно съ этимъ идутъ со-

*) См. А. Брикнера „Посошковъ, какъ экономистъ", стр. 124—5.

вѣты запретить ввозъ шелковыхъ носовыхъ платковъ и иностранныхъ винъ: „буде кто хочетъ прохладиться, то можетъ и русскими питьи забавиться“. Подобно русскимъ купцамъ, державшимъ у себя шелкъ по пяти лѣтъ въ наивной увѣренности, что иностранцамъ все равно достать его негдѣ, и они только изъ упрямства не хотятъ платить москвичамъ „справедливой“ цѣны, Посошковъ тоже былъ твердо убѣжденъ, что русскіе безъ иностранныхъ товаровъ могутъ прожить, „а они безъ нашихъ товаровъ и десяти лѣтъ прожить не могутъ“. И то, что однажды случилось въ Архангельскѣ, онъ готовъ обратить въ систему, которую онъ, съ обычной конкретностью своей фантазіи, разрабатываетъ во всѣхъ деталяхъ. „Пока иноземцы по наложенной цѣнѣ товаровъ нашихъ пріймать не будутъ, до того времени отнюдь нималаго числа такихъ товаровъ на иноземческіе торги не возили бы“; и товаровъ, привезенныхъ изъ-за границы, не позволять складывать въ русскихъ портахъ—не захотѣлъ покупать русскаго товару, вези и свой обратно. А на будущій годъ накинуть „на рубль по гривнѣ или по четыре алтына“—„какъ бы купечеству въ томъ слично было и деньги бы въ томъ товарѣ даромъ не прогуляли“. „И такъ колико годовъ ни проволочатъ они упрямствомъ своимъ, то на каждый годъ по толико и тѣ накладки на всякій рубль налагать, не уступая ни малымъ чѣмъ, чтобъ въ купечествѣ деньги въ тѣхъ залежалыхъ товарахъ не даромъ лежали, но проценты бы на всякой годъ умножились. И аще въ тѣхъ процентахъ товарамъ нашимъ (цѣна) возвысится, что коему прежняя цѣна была рубль, а въ упорствѣ иноземскомъ возвысится въ два рубля, то такову цѣну впредь за упрямство ихъ держать, не уступая ни малымъ чѣмъ“.

Рядомъ съ этимъ глубокимъ убѣжденіемъ автора „Скудости и богатства“, что барышъ въ торговлѣ опредѣляется тѣмъ, кто кого переупрямитъ, можно поставить только его теорію денегъ—столь же вполнѣ средневѣковую, какъ и его теорія обмѣна. Посошкова очень возмущало, что иноземцы осмѣливаются устанавливать курсъ на русскія деньги: „деньги нашего великаго государя цѣнятъ, до чего было имъ ни малаго дѣла не надлежало“. „А нашъ великій императоръ самъ собою владѣетъ, и въ своемъ государствѣ аще и копѣйку повелитъ за гривну имать, то такъ и можетъ правиться“. На этотъ разъ нашъ авторъ отсталъ не только отъ европейскихъ взглядовъ на дѣло, но и отъ русской дѣйствительности: опытъ назвать копейку гривенникомъ былъ уже сдѣланъ

въ Россіи приблизительно за три четверти столѣтія до того, какъ была написана книга „о скудости и богатствѣ“. Такъ какъ этотъ опытъ весьма характеренъ для ранняго меркантилизма, то мѣсто упомянуть о немъ, именно, здѣсь. Одновременная война съ Польшей и Швеціей поставила небогатую золотомъ и серебромъ казну царя Алексѣя въ очень затруднительное положеніе: надо имѣть въ виду, что въ московскомъ государствѣ не было ни золотыхъ розсыпей, ни серебряныхъ рудниковъ, такъ что заграничная торговля была единственнымъ источникомъ драгоцѣнныхъ металловъ. Сначала прибѣгли къ обычной не только у насъ, но и въ западной Европѣ, и не только въ то время, но и гораздо позже, до Петра включительно, порчѣ приходившей съ запада полноцѣнной монеты: изъ „ефимка“, принимавшагося у иностранныхъ купцовъ по искусственно пониженному курсу (40—42 копейки вмѣсто полтинника) чеканили 63—64 серебряныхъ копейки. Затѣмъ перестали себя затруднять даже перечеканкой и просто клали на „ефимки“ особые штемпеля, повышавшіе ихъ номинальную цѣну на 25%. Относительный успѣхъ этихъ мѣръ, не затрагивавшихъ широкой массы, для которой копейка (равнявшаяся 15—17 нынѣшнимъ) была наиболѣе обычной монетой, навелъ довольно естественно на соблазнъ: выпустить деньги совершенно искусственной цѣнности, опредѣленной исключительно „царской печатью“. Такъ появились въ обращеніи мѣдные полтинники и рубли съ принудительнымъ курсомъ. Ихъ совершенно напрасно сравнивали иногда новѣйшіе историки съ ассигнаціями: послѣднія всегда могли быть размѣнены на золото или серебро, хотя бы и не рубль за рубль, а „мѣдные рубли“ царя Алексѣя мѣнять или выкупать вовсе не предполагалось. Это были „искусственныя деньги“ въ полномъ смыслѣ этого слова—металлическое выраженіе той идеи, что царь можетъ и копейку велѣть за гривенникъ считать. Но предѣлы царской власти неожиданно оказались ограниченными—и на московскомъ рынкѣ разразился самый непріятный и затрагивавшій самые широкіе круги кризисъ: крестьяне перестали возить въ городъ сѣно, дрова и съѣстные припасы, за которые имъ платили мѣдью, вмѣсто привычнаго серебра (нужно имѣть въ виду, что и копейка была тогда серебряная). Цѣны на всѣ предметы первой необходимости сразу поднялись вдвое. Такъ какъ недовольство охватило и служилыхъ людей, то правительству пришлось пойти на уступку: были снова выпущены серебряныя копейки—другими словами, казна поступилась своей моно-

полѣй на серебро, которую она хотѣла было ввести—и онѣ стали обмѣниваться на мѣдныя, копейка за копейку. Это успокоило массу, и она понемногу привыкла къ новой, мѣдной копейкѣ, разъ было очевидно, что та ничѣмъ не отличается отъ серебряной, по своей покупной силѣ. Мѣдныя копейки стали теперь, дѣйствительно, чѣмъ-то въ родѣ ассигнацій. Но для правительства это была лишь временная мѣра, которою оно разсчитывало пріучить народныя массы къ нововведенію. Едва мѣдная копейка вошла въ обычай, какъ ее стали чеканить въ огромномъ количествѣ, совершенно не соображаясь съ возможностью размѣна. По отзывамъ современниковъ (наиболѣе полный разсказъ о монетной авантюрѣ тѣхъ дней оставилъ намъ Котошихинъ) сюда примѣшались и злоупотребленія: московскіе гости, пользуясь своей близостью къ государственнымъ финансамъ, стали чеканить на царскомъ монетномъ дворѣ мѣдныя деньги за свой частный счетъ, наживая при этомъ всю разницу, какая была въ цѣнѣ между серебромъ и мѣдью. Какъ бы то ни было, количество мѣдныхъ денегъ въ обращеніи настолько увеличилось, что курсъ ихъ постепенно упалъ до 17 рублей мѣдныхъ за 1 серебряный. Кризисъ повторился, но уже въ удесятеренныхъ размѣрахъ, при чемъ теперь правительство не могло такъ легко изъ него выпутаться, такъ какъ не имѣло никакой возможности выпустить серебряныхъ денегъ, хотя бы приблизительно, въ такомъ количествѣ, чтобы можно было мѣнять на нихъ мѣдныя. Тогда-то произошелъ тотъ знаменитый бунтъ, когда толпа пришедшихъ въ Коломенское гилевщиковъ держала царя Алексѣя „за пуговицы“. Очевидно, кто-то уже и въ тѣ времена пытался объяснить волненія „иноземнымъ подкупомъ“, потому что Котошихинъ находитъ необходимымъ подчеркнуть, что среди бунтовщиковъ не было ни одного изъ многочисленныхъ въ Москвѣ иностранцевъ. Зато онъ даетъ опредѣленную соціальную физіономію бунта: „были въ смятеніи люди торговые и ихъ дѣти, и рейтары *), и хлѣбники, и мясники, и пирожники, и деревенскіе и гулящіе, и боярскіе люди“,—бунтовали мелкіе торговцы, ремесленники и рабочіе (какъ увидимъ ниже, категорія наемныхъ рабочихъ не была такъ незнакома московской Руси, какъ часто думаютъ). А направлено было возстаніе, на ряду съ администраціей, противъ крупнаго капитала: однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ

*) Т.-е. мелкіе служилые, подобно стрѣльцамъ, занимавшіеся мелкой торговлей и ремесломъ.

Царица Евдокія Ѳедоровна Лопухина.

Оригиналъ портрета, изображающаго, какъ можно съ большою увѣренностью предполагать, жену Петра Перваго царицу Евдокію находится во Владимирской Губернской Ученой Архивной Комиссіи. Оригиналъ писанъ масляными красками на полотнѣ, натянутомъ на деревянный подрамникъ, и вставленъ въ позднѣйшую золоченую раму за стекломъ. Портретъ сохранился сравнительно хорошо и представляетъ набѣленую и нарумяненую молодую женщину съ большими глазами, рѣзко очерченными бровями и характернымъ чувственнымъ ртомъ. Петръ Первый велъ и умѣлъ вести борьбу не только со шведами, но и съ женщинами. Жертвами этой борьбы были сестра Софья, вышедшая изъ узкихъ рамокъ древнерусской жизни, и жена Авдотья, тянувшая, какъ казалось, въ родную старину и не хотѣвшая примириться съ бѣгствомъ отъ нея молодого царя. Петра женили на дочери окольничьяго Лопухина 29 января 1689 г., когда онъ былъ еще 16-тилѣтнимъ юношей. Лопухины и Нарышкины не могли поладить другъ съ другомъ, и первые скоро попали въ опалу. Живо и легко попала въ опалу и сама царица. Въ сентябрѣ 1698 г. она была уже сослана въ суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь, а въ іюнѣ 1699 г. насильно пострижена. Русская боярышня стараго стиля легко проигрывала въ глазахъ Петра сравнительно съ цивилизованной въ манерахъ и обращеніи съ мужчинами популярной красавицей Нѣмецкой слободы Анной Монсъ. Старому русскому терему не подъ силу было бороться съ живымъ и веселымъ шинкомъ Нѣмецкой слободы. Царица Авдотья не была безотвѣтной и послушной рабой во всемъ разнузданнаго Петра; она принадлежала къ типу упрямицъ, докучая Петру до своей ссылки, отказывалась добровольно постричься, а насильно постриженная старалась жить царицей и свѣтской женщиной. Сынъ Алексѣй былъ, конечно, отъ нея отобранъ отцомъ, который при малѣйшемъ противодѣйствіи или только при подозрѣніи такового не зналъ себѣ удержу и съ успѣхомъ могъ бы выдержать экзаменъ на жестокость у царя Ивана IV, съ которымъ у него приключилось удивительное сходство въ отношеніи къ сыну. Царевичъ Алексѣй также погибъ отъ тяжелой руки агентовъ Петра, какъ царевичъ Иванъ отъ невмѣняемаго бѣшенства Ивана IV. Живя въ монастырѣ, царица упорно не забывала въ себѣ женщины и скоро сошлась съ маіоромъ Глѣбовымъ, который недолго находился подъ обаяніемъ царицы, бросилъ ее, уѣхавъ изъ Суздаля, и расплатился за свою мимолетную привязанность цѣною жизни. Узнавъ объ этой связи Степана Глѣбова съ его бывшей женой, Петръ приказалъ посадить его на колъ; игуменія монастыря и одна изъ его старицъ, мирволившія царицѣ, были избиты кнутомъ и посажены въ тюрьму. Подвиги Преобразователя по данному дѣлу закончились ссылкой царицы подъ крѣпкій караулъ въ Ладожскій монастырь, откуда ее извлекла возведенная гвардіей на престолъ Екатерина I только для того, чтобы засадить упрямую царицу въ Шлиссельбургскую крѣпость... Ее спасла скорая смерть Екатерины I. Внукъ царицы, Петръ II, согласно выраженному ею желанію, немедленно перевелъ ее въ московскій Новодѣвичій монастырь, гдѣ она и умерла 27 августа 1731 г., продолжая все время неукоснительно звать себя царицею и будучи официально инокиней Еленою. С. М. Соловьевъ писалъ по поводу этого перевода въ Москву: «Петръ и сестра его, по чужимъ внушеніямъ и сами по себѣ, должны были чувствовать неловкость въ присутствіи ославленной бабушки, репутацію которой нельзя было возстановить обобраніемъ петровыхъ манифестовъ о ея похожденіяхъ». Свиданіе бабушки и внука въ Москвѣ въ февралѣ 1728 г. не было, по замѣчанію С. Соловьева, родственно-жаркимъ, но изъ журналовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта видно, что на содержаніе царицы назначалось 60.000 рублей въ годъ и кромѣ того волость въ 2000 руб. Для инокини Елены и даже для царицы Евдокіи это содержаніе въ началѣ второй четверти XVIII вѣка далеко не представляется ничтожнымъ. 18 января 1730 г. умеръ Петръ II, и утромъ слѣдующаго дня въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ было сдѣлано одинокое предложеніе посадить на престолъ царицу Авдотью. О кандидатурѣ монахини Елены говорятъ иностранные наблюдатели. По мнѣнію С. Соловьева это значитъ, что «много людей произносили имя Лопухиной, и понятно почему: многіе,

застигнутые врасплохъ страшнымъ событіемъ, не зная, на комъ остановиться, хотѣли поскорѣе занять праздное мѣсто лицомъ, не могшимъ долго на немъ оставаться, но дававшимъ время пообдумать, приготовиться». Эпизодъ съ кандидатурой на престолъ «ея величества государыни, царицы и великіе княгини Евдокіи Ѳеодоровны», какъ сказано въ одномъ документѣ, не совсѣмъ ясенъ, но замѣчаніе С. Соловьева, что у нея не могло быть сильной партіи, надо признать основательнымъ: вступить на престолъ безъ воли и помощи гвардіи для нея было невозможно, а посредника между нею и гвардіей, какимъ въ свое время былъ Меншиковъ для Екатерины I, у нея не было. Упрямой Лопухиной оставалось умирать царицей безъ престола и можетъ быть съ неотвязной мечтой о послѣднемъ, какъ въ свое время жить съ мечтой о Степанѣ Глѣбовѣ...

Слѣдственное дѣло о Лопухиной, которое велось по указу Петра, даетъ не мало драгоцѣнныхъ бытовыхъ чертъ, вскрывающихъ обстановку тогдашней эпохи. Разнообразные «слуги и другіе духовнаго и мірского чина люди распросами показали», что царица «была пострижена въ монахиняхъ, имя ей дано было Елена, — и по недолгомъ времени по постриженіи оное монашеское платье она, бывшая царица, скинула, а носила мірское, а слуги о томъ, что была ль пострижена, не вѣдали, только де слухъ такой обносился, что была пострижена; а кушала де она съ первыхъ лѣтъ все рыбное, а потомъ кушала временно и мясное кушанье, и когда того мясного кушанья поѣстъ, и въ тѣ времена занемогала, и лежала по недѣлѣ и больше; къ ней же бывшей царицѣ, какъ была больна, пріѣзжалъ зимнимъ временемъ братъ ея Авраамъ Лопухинъ съ вечера, въ ночныхъ часахъ, и поутру рано той же ночи и поѣхалъ». Показанія разныхъ лицъ подробно разсказываютъ, какъ жила царица, кто приходилъ къ ней на поклонъ, какіе кто привозилъ подарки и куда она ѣздила. Озорной и жестокій сыскъ петровской эпохи проникалъ во все, подбиралъ все, что было нужно, и теперь очень трудно было бы во всѣхъ случаяхъ точно отобрать дѣйствительное отъ подтасованнаго или высказаннаго съ испуга, подъ страхомъ пытки и т. д. Показанія разсказываютъ о письмахъ, которыя разсылала Лопухина разнымъ лицамъ, у кого она была воспріемницей и т. п. «Къ ней же бывшей царицѣ, читаемъ въ томъ же документѣ, —прихаживали на поклонъ суздальскіе земскіе и таможенные и кабацкіе бурмистры, и принашивали калачи, рыбу, медъ сотовой, и отъ овощей, также и ренское и церковное... и по приказу бывшей царицы поднашивали имъ вино, а иногда жаловала ихъ на погребъ; а на томъ погребѣ подчивали ихъ бурмистровъ виномъ же, и пивомъ, и медомъ дворецкій Никита Клепиковъ и дневальные слуги, и оные бурмистры, сходя съ того погреба, по приказу старицъ и дневальныхъ слугъ передъ хоромами ея бывшей царицы кланялись, по трижды въ землю, а передъ нею бывшею царицею тѣ бурмистры никогда не бывали, и лица ея не видывали; и тѣ подносы поднашивали и на поклонъ хаживали, и ея бывшую царицу царицею называли спроста, а не въ какую силу и смотря на другихъ». Въ другомъ мѣстѣ слѣдственнаго дѣла есть также указаніе, что при отъѣздахъ царицы изъ монастыря «игуменъ съ монахами выходили изъ своихъ келій и провожали ее за монастырь и сзади кареты кланялись ей по трижды въ землю..., а провожали ее спроста, а не въ такую силу, чтобъ ее почитать сущею царицею». Крупные представители духовенства присылывали царицѣ «свѣжую всякую рыбу», «стерляди»; другія лица присылывали огурцы, вишни, пряничныя коврижки. И если слѣдственное дѣло раскрывало передъ Петромъ житейскій обиходъ царицы, то нетрудно было усмотрѣть, что этотъ обиходъ былъ именно такимъ, какимъ онъ только и могъ быть... Посаженіе на колъ, битье кнутомъ, тюрьма, ссылка и крѣпкій караулъ были отвѣтомъ на упрямыя черты отставленной царицы, не смогшей затмить ни Монсъ, ни Скавронской.

В. Стор.

Царица Евдокія Ѳеодоровна Лопухина.

эпизодовъ является разгромъ двора одного изъ гостей, Шорина—крупнѣйшаго изъ царскихъ факторовъ того времени. Расправа „тишайшаго“ царя съ бунтовщиками стоитъ того, чтобы ее отмѣтить: началось съ того, что безоружную толпу, пришедшую въ Коломенское, въ простотѣ души, „поговорить“ съ Алексѣемъ Михайловичемъ, „начали бить и сѣчь и ловить, а имъ было противиться не умѣть, потому что въ рукахъ у нихъ не было ничего ни у кого, начали бѣгать и топиться въ Москву-рѣку, и потопилося ихъ въ рѣкѣ больше 100 человѣкъ, а пересѣчено и переловлено больше 7.000 человѣкъ, а иные разбѣжались. И того же дня около того села повѣсили со 150 человѣкъ, а достальнымъ всѣмъ былъ указъ, пытали и жгли, и по сыску за вину отсѣкали руки и ноги и у рукъ пальцы, а иныхъ били кнутьемъ, и клали на лицѣ на правой сторонѣ признаки, разжегши желѣзо накрасно, а поставлено на томъ желѣзѣ „буки“, то-есть бунтовщикъ, чтобы былъ до вѣку признатенъ; и чиня имъ наказаніе разослали всѣхъ въ дальніе города, въ Казань, и въ Астрахань, и на Терки, и въ Сибирь, на вѣчное житье и послѣ по сказкамъ ихъ, гдѣ кто жилъ, и чей кто ни былъ, и женъ ихъ и дѣтей потому жъ за ними разослали; а инымъ пущимъ ворамъ того жъ дня, въ ночи, учиненъ указъ, завязавъ руки назадъ, посадя въ большіе суда, потопили въ Москвѣ-рѣкѣ“. Всего за возстаніе было казнено, по словамъ Котошихина, болѣе 7.000 человѣкъ, а сослано болѣе 15.000. „А тѣ всѣ, которые казнены и потоплены и разосланы, не всѣ были воры“, прибавляетъ онъ: „прямыхъ воровъ больше не было, что съ 200 человѣкъ; и тѣ невинные люди пошли за тѣми ворами смотрѣть, что они будутъ у царя въ своемъ дѣлѣ учинять, а ворамъ на такое множество людей надежно было говорить и чинить что хотѣли, и оттого всѣ погинули, виноватый и правый“. Прибавьте къ этому выразительному повѣствованію не менѣе выразительный разсказъ Коллинса о томъ „капитанѣ“, котораго тишайшій царь собственноручно уложилъ на мѣстѣ желѣзнымъ посохомъ—не хуже Грознаго!—за то, что несчастный не во-время сунулся къ нему съ челобитной и напугалъ царя: и вамъ сразу станутъ понятны и стрѣлецкій розыскъ Петра, такъ же мало говорящій о его личной, исключительной жестокости, какъ казни Ивана Васильевича о патологическомъ состояніи послѣдняго, и та атмосфера, которою окруженъ былъ московскій дворъ XVII вѣка, гдѣ однимъ изъ тягчайшихъ преступленій было появиться во дворцѣ, или хотя бы передъ дворцомъ, съ оружіемъ въ рукахъ. Впечатлѣнія

Смуты, съ ея убитыми и низвергнутыми царями, забывались не такъ легко, а восемнадцатому вѣку суждено было многое освѣжить въ памяти.

„Мѣдные рубли“ были самымъ эффектнымъ эпизодомъ ранней поры русскаго меркантилизма, когда онъ не мѣтилъ дальше того, чтобы все золото и серебро, какое возможно, собрать въ казенные сундуки. Европа была слишкомъ близко, и европейскія вліянія слишкомъ сильны. Уже столь типичные московскіе люди, какъ Посошковъ, начинали понимать, что одной „твердостью“ въ обращеніи съ иностранцами (твердости по отношенію къ своимъ не приходилось учить, какъ мы сейчасъ видѣли) страны не обогатишь; а что богатая казна возможна только въ богатой странѣ, это опять-таки понималъ и Посошковъ. „Все, что есть въ народѣ богатства—богатство царственное, подобно и оскуденіе народное, оскуденіе царственное“, записалъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—правда, по совершенно случайному поводу, вспомнивъ, какъ сгноили въ царской казнѣ чью-то конфискованную соболью шубу. А что народное богатство извлекается не изъ однихъ торговыхъ барышей это представлялось ему тоже довольно ясно: и у Посошкова мы находимъ уже вполнѣ опредѣленный переходъ къ промышленному меркантилизму кольберовскаго типа. По обыкновенію, наивное національное самодовольство перваго русскаго экономиста (Крижанича не приходится считать „русскимъ“ экономистомъ—и вообще историческое значеніе его писаній весьма проблематично: что Петръ дѣлалъ часто „именно то самое“, на что указывалъ ученый сербъ, ровно ничего не доказываетъ, разъ этотъ сербъ говорилъ то же самое, что и всѣ иностранцы его времени) придаетъ его кольбертизму смѣшноватый оттѣнокъ. Онъ все радъ бы дѣлать дома—до „робячьихъ игрушекъ“ и очковъ включительно, не покупая ничего подобнаго у иноземцевъ „ни на полцѣны“, и, по обыкновенію же налегая на волевой моментъ, увѣренъ, что коли хорошенько приняться за дѣло, такъ стеклянной посудой, напримѣръ, „всѣ ихъ государства наполнить можемъ“. Мѣры, которыя онъ предлагаетъ для поднятія русской промышленности—мелочной контроль надъ доброкачественностью каждой отдѣльной вещи, штрафовка „неисправныхъ“ мастеровъ и т. п.—чисто средневѣковыя. Но когда онъ мотивируетъ устройство суконныхъ заводовъ въ Россіи тѣмъ, что тогда „тѣ деньги у насъ въ Россіи будутъ“, онъ идетъ въ ногу съ современными ему европейскими меркантилистами, быть можетъ, и прямо кое-что у нихъ заимствуя, со-слуху, изъ разсказовъ

бывавшихъ за границей русскихъ. Въ подлинникѣ русскіе офиціальные круги познакомились съ болѣе современными экономическими теченіями изъ проектовъ голштинца Любераса, бывшаго при Петрѣ вице-президентомъ берг- и мануфактуръ-коллегій. Въ одной изъ своихъ записокъ, представленныхъ Петру, этотъ образованный нѣмецкій чиновникъ начинаетъ, въ сущности, съ жестокой критики московскихъ порядковъ, не называя только московскаго государства по имени. „Извѣстно", говоритъ онъ, „что въ нѣкоторыхъ странахъ, несмотря на то, что ведется большая торговля, подданные мало получаютъ отъ нея пользы. Бываетъ это тогда, когда жители продаютъ свои продукты въ сыромъ видѣ; въ этомъ случаѣ подданные другихъ странъ обрабатываютъ сырье и получаютъ большую прибыль, тогда какъ первые обладатели имѣютъ скудное пропитаніе... Или же тогда, когда государь, либо за свой собственный счетъ возьметъ извѣстную торговлю, либо дозволитъ другимъ людямъ монопольную торговлю за ежегодное вознагражденіе; отъ этого, по видимости, и вначалѣ казна можетъ нѣсколько выиграть, но въ дѣйствительности, наибольшую выгоду извлекаетъ руководитель предпріятія, общая же торговля, которая тогда только и процвѣтаетъ, когда ведется свободно частными предпринимателями, съ помощью ихъ кредита и ихъ индивидуальныхъ усилій, испытываетъ великій вредъ для своего правильнаго теченія..." *). „Знакомство съ прошлымъ и настоящимъ временемъ дѣлаетъ безспорнымъ и яснымъ, какъ день, что послѣ благословенія Божія существуетъ два главныхъ пути, пренебреженіе или вниманіе къ которымъ обусловливаетъ какъ погибель и порабощеніе странъ, такъ и ихъ процвѣтаніе и ростъ: именно—мореплаваніе и промышленность..." Какъ на примѣръ, Люберасъ указываетъ русскому царю на его собственную страну, „превосходные и необходимые продукты которой до сихъ поръ зависятъ отъ чужеземнаго вывоза и уравновѣшиваются обмѣномъ на иностранные товары, частью вовсе ненужные, такъ какъ ваше величество имѣете возможность завести собственныя подобныя мануфактуры".

Люберасъ не могъ указать, какія, именно, мануфактуры нужно завести въ Россіи, такъ какъ, по его словамъ, природныя особенности (specialia) русскаго государства не были

*) Милюковъ. „Госуд. хозяйство Россіи и реформа Петра В.", стр. 528; мы пропустили 2 й пунктъ, трактующій о торговомъ балансѣ вообще.

ему извѣстны. За это взялся другой прожектеръ, уже природный русскій, котораго Петръ посылалъ строить корабли въ Англію, гдѣ его при жизни едва не арестовали по требованію англійскихъ кредиторовъ русскаго правительства, а послѣ смерти искали, чтобы арестовать по царскому приказу: этого многострадальнаго человѣка звали Ѳедоромъ Салтыковымъ,—онъ былъ правнукъ знаменитаго въ исторіи Смуты Михаила Глѣбовича Салтыкова и родственникъ царской семьи черезъ царицу Прасковью Ѳедоровну, жену брата Петра, слабоумнаго Ивана Алексѣевича. Въ своихъ „изъявленіяхъ прибыточныхъ государству“, написанныхъ въ 1714 году, Салтыковъ, рядомъ съ вереницей самыхъ разнообразныхъ проектовъ—о присоединеніи къ Россіи Лифляндіи, о написаніи исторіи Петра Великаго, о воспитаніи сиротъ обоего пола, о городской почтѣ и т. д.—набрасываетъ цѣлый планъ созданія къ Россіи „заводовъ“: шелковыхъ парчей, суконныхъ, бумажныхъ, стеклянныхъ, игольныхъ, булавочныхъ и бѣлаго желѣза и смоляныхъ. Впервые издавшій проекты Салтыкова изслѣдователь обращаетъ по этому поводу вниманіе своихъ читателей на то, что къ 1714-му году правительство могло извлечь изъ „пропозицій и изъявленій“ очень немного фактически новаго. „О производствѣ шелковыхъ тканей, стекла, писчей бумаги Петръ началъ заботиться съ 1709 — 10 гг.“ пишетъ онъ. „Въ 1709 г. Петръ отдалъ англичанину Вильяму Лейду существовавшіе въ Москвѣ стеклянные заводы съ обязательствомъ расширить производство и выучить русскихъ мастеровъ усовершенствованному способу производства стекла. Въ 1712 г. по приказанію правительства вывезены были изъза границы „припасы къ стеклянному дѣлу“. Одинъ молодой человѣкъ, нѣкто Короткинъ, отправленъ былъ Петромъ въ Голландію для изученія писчебумажнаго мастерства, и по возвращеніи въ Россію въ 1710 г. получилъ приказаніе построить около Москвы бумажную мельницу и фабрику на „голландскій манеръ“; нѣсколько молодыхъ людей было отдано ему въ ученики, вслѣдъ затѣмъ графъ Апраксинъ, по приказанію Петра (1712 г.), устроилъ бумажную мельницу въ Красномъ Селѣ. Первая шелковая фабрика устроена, до проектовъ Салтыкова, въ 1714 г.“ *). Къ этому можно только прибавить, что всѣ эти „начинанія“ Петра сами по себѣ не представляли собою ровно ничего новаго. Стеклянные заво-

*) П. Павловъ-Сильванскій. „Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго“, стр. 39—40.

ды существовали ужъ въ московскомъ государствѣ въ третьей четверти XVII вѣка. Первую бумажную мельницу построили едва ли еще не при Иванѣ Грозномъ; другую начали строить по приказанію патріарха Никона, но не достроили, а къ 70-мъ годамъ того же столѣтія были въ ходу уже двѣ бумажныхъ мельницы—одна царская, другая частная, принадлежавшая вдовѣ знакомаго намъ откупщика заграничной почты, фонъ-Шведена. Послѣдняя работала на „голландскій манеръ"—и сохранились ея издѣлія, съ водяными знаками, имитировавшими знаменитую тогда иностранную марку, голову шута (Narrenkapp papier) *). Первая суконная фабрика была основана тѣмъ же Іоганномъ фонъ-Шведеномъ въ 1650 году; первые желѣзодѣлательные заводы появились еще нѣсколько раньше: и если первая игольная мануфактура возникла въ Россіи только черезъ три года послѣ представленія Салтыковымъ своихъ проектовъ, то это, конечно, вовсе не значитъ, что она, безъ совѣтовъ этого прожектера, не появилась бы вовсе. Теорія кольбертизма и у насъ, какъ всюду, возникла на почвѣ практики и, стало быть, послѣ нея; но теорія была попыткой систематизировать практику. Мы видѣли, что московская вывозная торговля представляла собою въ концѣ XVII вѣка систему довольно правильно и прочно организованныхъ монополій. Теперь такую же систему стремится принять и крупная промышленность.

Въ началѣ вѣка промышленное производство въ московскомъ государствѣ носило, какъ и торговля, ремесленный характеръ. Впервые характеръ крупнаго коммерческаго предпріятія приняла царская торговля. Царскія же, дворцовыя промышленныя заведенія были въ числѣ первыхъ образчиковъ крупной индустріи въ Россіи. За царемъ, въ дѣлѣ созданія торговаго капитализма въ московскомъ государствѣ, шли иностранцы: они же являются и первыми у насъ, кромѣ царя, заводчиками и фабрикантами. Причемъ, какъ и иностранные купцы, иноземные промышленные предприниматели дѣйствовали постоянно подъ покровительствомъ царской власти и въ тѣсномъ союзѣ съ нею. На двухъ образчикахъ мы можемъ очень хорошо видѣть, какъ развивались царскія мануфактуры изъ отраслей дворцоваго хозяйства. Въ подмосковномъ дворцовомъ селѣ Измайловѣ съ давнихъ поръ существовало стеклянное производство для домашнихъ дворцо-

*) См. у г. Лихачева „Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ московскомъ государствѣ".

выхъ нуждъ. По мѣрѣ разрастанія царскаго дворца, и стеклянной посуды нужно было больше—въ 1668 году въ Измайловѣ мы находимъ уже стеклянный заводъ, съ русскими мастерами. Но и придворные вкусы дѣлались тоньше, грубое стеклянное литье своихъ мастеровъ уже не удовлетворяло: всего два года спустя на заводъ были выписаны венеціанцы, одинъ изъ которыхъ, нѣкто Mignot (въ русскихъ документахъ Міотъ или Маетъ) оказался особенно заслуживающимъ своей репутаціи, и работа измайловскаго завода даже иностранцами признавалась „довольно изящной“. По прежнему заводъ обслуживалъ и дворцовыя надобности: въ расходныхъ книгахъ измайловскаго дворца за 1677 годъ значится, напримѣръ, что царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ 14 іюня было подано 25 стакановъ высокихъ да 25 плоскихъ и разная другая стеклянная посуда. Но въ то же самое время мы находимъ въ Москвѣ, на Большомъ Гостиномъ дворѣ „шалашъ“, „а въ немъ государскихъ продажныхъ сосудовъ“ столько-то. Иностранцы же разсказываютъ объ измайловскомъ стекляномъ заводѣ просто, какъ о мануфактурѣ, принадлежащей царю, рядомъ съ другой такой же мануфактурой, принадлежавшей нѣкоему Коэту или Коже (Kojet), получившему въ 1634 году отъ царя привилегію на 15 лѣтъ. Разница была лишь въ томъ, что заводъ Коэта производилъ только грубое стекло, оконное и бутылочное. Любопытно, что конкурентами его являлись не иностранцы—черезъ Архангельскъ привозилось очень мало бутылокъ,—а украинскіе заводчики, наводнявшіе Москву по зимнему пути своимъ стекломъ. Тѣмъ не менѣе, и сбытъ коэтовскаго завода былъ довольно крупный—бутылокъ продавалось ежегодно отъ 80 до 90 тысячъ штукъ. Что царская мануфактура тоже шла успѣшно, доказывается появленіемъ филіальнаго отдѣленія измайловскаго завода, въ селѣ Воскресенскомъ, Черноголовской волости. Совершенно аналогичную картину даетъ намъ развитіе желѣзодѣлательнаго, въ частности, оружейнаго производства. Царскіе оружейники, при Оружейной палатѣ въ Москвѣ, существовали издавна. Они продолжали работать и при царѣ Алексѣѣ—въ 1673 году ими былъ изготовленъ цѣлый рядъ образчиковъ такъ называемаго „роскошнаго“ оружія (Prunkwaffen), отъ пушекъ до луковъ и колчановъ включительно, По словамъ Кильбургера, московскіе оружейники того времени только этимъ и славились, и образчики ихъ мастерства въ этомъ родѣ попадали даже за границу. Настоящее же, дѣловое, такъ сказать, оружіе, наоборотъ, выписывалось изъ-за границы, такъ какъ наши ма-

стера больше заботились о тонкостяхъ внѣшней отдѣлки, объ изяществѣ золотой насѣчки и т. д., нежели о томъ, чтобы изъ ихъ ружей и пистолетовъ можно было стрѣлять. Возможно, что такъ это было и на самомъ дѣлѣ, хотя нельзя не отмѣтить любопытную подробность: въ числѣ изготовленныхъ для царя въ 1673 году образчиковъ было довольно много оружія нарѣзного, т.-е. того типа, которому въ XIX вѣкѣ суждено было сдѣлаться универсальнымъ, и который всегда предпочитался по мѣткости и силѣ боя и не входилъ въ общее употребленіе только изъ-за трудности заряжанія. Какъ бы то ни было, оружія и вообще желѣзнаго товару не хватало уже давно — и такъ какъ спросъ на него росъ быстро, то, параллельно съ расширеніемъ размѣровъ дворцоваго производства, были выдвинуты привилегированные частные предприниматели, изъ иностранцевъ. Въ 1632 г. голландецъ Виніусъ получилъ царскую привилегію на устройство желѣзодѣлательнаго завода, съ обезпеченіемъ ему казенныхъ заказовъ на пушки, ядра и другія желѣзныя издѣлія — и съ правомъ вывозить остатокъ за границу; это было, такимъ образомъ, форменное соглашеніе заграничнаго предпринимателя съ русскимъ правительствомъ. Виніусъ разорился, но это не было крушеніемъ самого предпріятія: оно перешло только въ другія руки. Новый хозяинъ, датчанинъ Марселисъ, еще владѣлъ заводомъ „какъ полной наслѣдственной собственностью“ (erblich und eigen), когда писалъ Кильбургеръ; онъ только что сталъ тогда единоличнымъ собственникомъ, выкупивъ $^3/_4$ предпріятія у своего зятя, Томаса Келлермана; за эти $^3/_4$ Марселисъ заплатилъ 20.000 рублей (300.000 теперешнихъ), — значитъ все предпріятіе цѣнилось въ 400.000 нашихъ рублей. Движущей силой была водяная (Виніусъ и хлопоталъ о разрѣшеніи построить „мельничные заводы“), и вокругъ завода, помѣщавшагося между Серпуховымъ и Тулою, были, какъ до днесь около уральскихъ заводовъ, огромные пруды. Руда была очень хорошая и добывалась настолько легко, что не давали себѣ труда выкачивать воду изъ шахтъ, а просто, когда много набиралось воды, начинали копать въ другомъ мѣстѣ. Съ нашимъ обычнымъ представленіемъ о первыхъ русскихъ заводахъ, какъ обслуживавшихъ исключительно „государственныя“ потребности, намъ кажется, что тамъ должны были дѣлать исключительно пушки, ружья, ядра, сабли, панцыри и т. д. Но современникъ, спеціально интересовавшійся русской промышленностью, увѣряетъ, что марселисовскія пушки были очень плохи, хотя

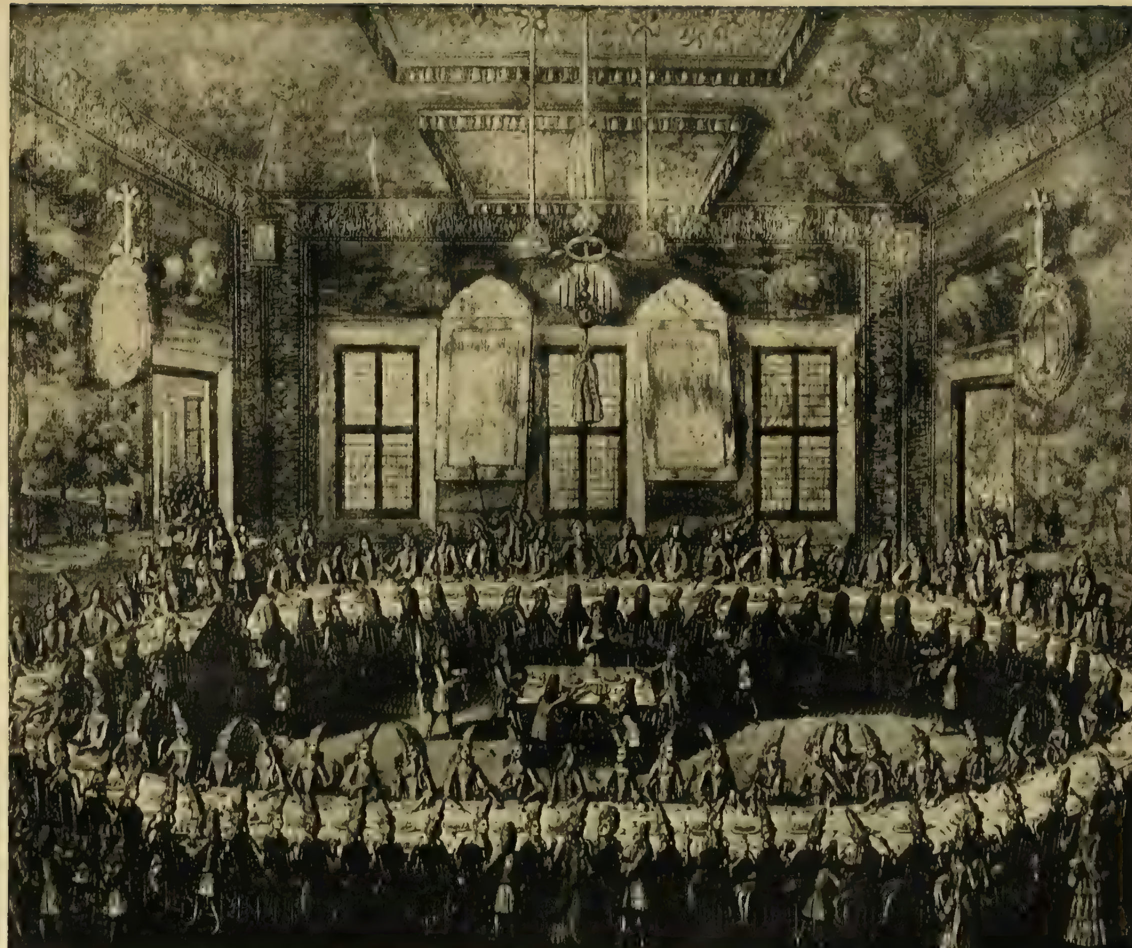
ихъ пытались вывозить даже за границу, въ Голландію (мы помнимъ, что это было предусмотрѣно контрактомъ); на опытахъ онѣ всѣ полопались. Это сообщеніе подтверждается и жалобами московскаго правительства на своего контрагента: по словамъ московскихъ дипломатовъ, обличавшихъ иностранныхъ предпринимателей передъ голландскими штатами въ разныхъ недочетахъ, тульскій заводъ ставилъ въ казну пушки „многимъ нѣмецкаго дѣла хуже“. Что касается ручного оружія, то и у Марселиса, какъ въ царской оружейной палатѣ, дѣлали только „роскошное“, а дѣловое по прежнему выписывалось изъ Голландіи, гдѣ московское правительство заказывало по 20—30 тысячъ мушкетныхъ стволовъ. Еще петровская пѣхота была вооружена въ 1700 году льежскими и мастрихтскими ружьями. Сабельныхъ клинковъ „дѣлали (въ 1673 году) немного и они совсѣмъ плохи“. А относительно панцырей мы узнаемъ пикантную подробность изъ тяжбы между заводчиками, Виніусомъ съ одной стороны, Марселисомъ и Акемой — съ другой: первый обвинялъ, между прочимъ, послѣднихъ, что у нихъ на заводахъ латъ вовсе не дѣлаютъ (вопреки контракту о поставкѣ оружія), а тѣ на это отвѣчали, что они держали латнаго мастера нѣсколько лѣтъ, „но такъ какъ отъ царскаго величества ему работы никакой не было, то его и отпустили назадъ за границу“. Надо прибавить, что на заводѣ второго изъ отвѣтчиковъ, Акемы, оружія и вовсе не дѣлали — это былъ совсѣмъ „штатскій“ заводъ.

Чѣмъ же занимались эти заводы, основанные, какъ насъ увѣряли, исключительно для удовлетворенія „государственныхъ“ потребностей? А тѣмъ же, чѣмъ и современныя намъ фабрики: обслуживали внутренній рынокъ. Заводъ Марселиса изготовлялъ полосовое и кровельное желѣзо, желѣзныя двери и ставни, литыя чугунныя плиты для пороговъ и тому подобныя вещи, находившія себѣ все большій и большій сбытъ, благодаря все большему и большему распространенію каменной стройки. Заводъ Акемы изготовлялъ, кромѣ того, судовые якоря — косвенное указаніе на то, какъ широко распространено было рѣчное судоходство, особенно же славился своимъ полосовымъ желѣзомъ, „прекраснымъ, гибкимъ и упругимъ, такъ что каждую полосу легко было согнуть въ кругъ“. Царскій желѣзный заводъ, стоявшій около Клина, изготовлялъ совершенно такого же рода товары. Въ 1677 году царскаго желѣза записано на приходъ, съ остаткомъ отъ предыдущаго года, 1664 пуда связнаго (т.-е. желѣзныхъ связей для каменныхъ построекъ), 633 пуда полосового, 3 бочки „бѣлаго“ желѣза,

Свадебный пиръ Петра Романова и Екатерины Скавронской.

Передъ нами снимокъ съ гравюры А. Ѳ. Зубова, послѣдній листъ работы котораго намъ извѣстенъ отъ 1741 г.; подъ нею подпись: «Изображеніе брака его царского величества Петра Перваго самодержца всероссійскаго и протчая, и протчая, и протчая, которой отправленъ всанктѣпитербурхе февраля дня 1712 году». Гравюра, какъ современная событію, очень цѣнна, при чемъ обращаетъ на себя вниманіе, что число мѣсяца не оттиснуто и для него только оставлено мѣсто. На заднемъ планѣ у средняго окна лицомъ на зрителя изображенъ новобрачный Петръ съ поднятой рукой, на переднемъ планѣ—Екатерина, повернувшаяся къ зрителю лицомъ; маршаломъ изображенъ князь А. Д. Меншиковъ, который стоитъ недалеко отъ Петра. «Изображеніе» очень мелкой работы и производитъ эффектное впечатлѣніе; судя по тому, что число мѣсяца не обозначено, можно предположить, что оригиналъ былъ исполненъ по заказу еще до самаго событія. Въ 1699 г. Петръ окончательно разорвалъ съ царицей Авдотьей, превративъ ее въ инокиню Елену, а въ 1703 г. — съ красоткой Нѣмецкой слободы Анной Монсъ, попавшей въ тюрьму; въ томъ же или въ слѣдующемъ году взошла звѣзда Екатерины Скавронской, попавшей въ плѣнъ при взятіи Маріенбурга и изъ субретки пастора Глюка превратившейся въ русскую императрицу. Скавронская попала во дворъ царевны Натальи и въ октябрѣ 1705 г. уже была саматретья; 30 апрѣля 1711 г. ее уже титулуютъ «всемилостивѣйшая государыня царица» даже въ близкой къ ней семьѣ Меншиковыхъ; 19 февраля 1712 г. она становится не только любезнѣйшей, но и формальной женой Петра; 7 мая 1724 г. Екатерина, по выраженію нѣкоторыхъ историковъ, «съ великимъ торжествомъ» была коронована въ Москвѣ: полгода спустя послѣ этого событія казнили смертью ея любимца Виллима Монса, почти черезъ девять мѣсяцевъ, 28 января 1725 г., окончилъ свою жизнь и ея мужъ, получившій прозвище Преобразователя. Біографія Скавронской — вполнѣ въ стилѣ XVIII столѣтія; во вкусѣ XVIII вѣка совершилось и ея вступленіе на россійскій престолъ, который достался ей волею Меншикова и поддержкою гвардейскихъ полковъ. Если *старые* не сумѣли и не смогли спасти «самодержицы» Софьи Алексѣевны Романовой, то *новые* гвардейскіе полки были мощны возвести на престолъ Екатерину Скавронскую по смерти Петра, по поводу которой сдержанный С. Соловьевъ ядовито замѣтилъ, что дѣло В. Монса «не могло содѣйствовать его выздоровленію». Политическая практика гвардейскихъ полковъ въ 1725 г. должна была многое опредѣлить собою въ дальнѣйшемъ и пройти разныя фазы до времени заговора графа П. А. Палена въ 1800 — 1801 гг. Императрица не могла быть хоть сколько-нибудь самостоятельной, должна была лавировать и наблюдать борьбу, происходившую въ гнѣздѣ петровскихъ птенцовъ. Вотъ что говоритъ о Екатеринѣ С. Соловьевъ, мнѣніе котораго въ данномъ случаѣ интересно не съ научной его стороны, а со стороны прежней манеры исторической живописи: «знаменитая ливонская плѣнница принадлежала къ числу тѣхъ людей, которые кажутся способными къ правленію, пока не принимаютъ правленія; при Петрѣ она свѣтила не собственнымъ свѣтомъ, но заимствованнымъ отъ великаго человѣка, котораго она была спутницею; у нея доставало умѣнья держать себя на извѣстной высотѣ, обнаруживать вниманіе и сочувствіе къ происходившему около нея движенію; она была посвящена во всѣ тайны личныхъ отношеній окружающихъ людей; ея положеніе, страхъ за будущее держали ея умственныя и нравственныя силы въ постоянномъ и сильномъ напряженіи. Но вьющееся растеніе достигало высоты, благодаря только тому великану лѣсовъ, около котораго обвивалось; великанъ сраженъ — и слабое растеніе разостлалось по землѣ; Екатерина сохранила знаніе лицъ и отношеній между ними, сохранила привычку пробираться между этими отношеніями, но у нея не было ни должнаго вниманія къ дѣламъ, особенно внутреннимъ, и ихъ подробностямъ, ни способности почина и направленія». Но въ ночь на 28 января 1725 г. разсуждали совсѣмъ иначе и совсѣмъ не на ту тему!

В. Стор.



Изображенiе брака его Царского Величества Петра Перваго Самодержца Всероссiйскаго, …
… Которои Бывшии в Санктпитербурхе февраля … дня 1712 го
1. Его Величество. 2. Ея Величество 3. фамилiя ихъ Величествъ … Министерскiе Принцыпалные дамы. 4. Министры … 5. Россiйскiе Министры Адмиралъ Генералы и прочiе … 6. Маршалъ его Сiятлость Князь Меншиковъ. 7. Господа шаферы. 8. … и прочiе.

2480 гвоздей прибойныхъ, 40.100 гвоздей двоетесныхъ и т. д. Восемь лѣтъ спустя связнаго желѣза въ запасѣ было 1901 пудъ, полосового 1447 пуд. 35 фунт. У насъ нѣтъ данныхъ, по которымъ можно было бы опредѣлить, предназначались ли эти „запасы“, какъ стеклянные, и на продажу, или исключительно для дворцовыхъ надобностей. Можно только замѣтить, что если царскій заводъ производилъ, между прочимъ, и гвозди, то это явно указываетъ на не вполнѣ коммерческій характеръ предпріятія, такъ какъ фабричные гвозди въ то время не могли конкурировать съ кустарными, которые хотя и были очень плохи, но за то дешевы внѣ всякаго сравненія. О томъ же плохомъ коммерческомъ расчетѣ свидѣтельствуетъ и мѣстоположеніе царскаго завода, поблизости котораго имѣлась только плохая болотная руда. Но, плохой предприниматель, дворцовое вѣдомство не преслѣдовало въ этой области иныхъ цѣлей, чѣмъ другіе,—мотивы, руководившіе имъ, были чисто экономическіе и отнюдь не политическіе. Отчасти его предпріятія развивались, какъ мы видѣли, на почвѣ огромнаго вотчиннаго хозяйства: его отдѣльныя отрасли были такъ громадны, что не трудно было придать имъ характеръ крупной индустріи. Но бывали случаи, гдѣ царь выступалъ предпринимателемъ въ чистомъ видѣ—безъ всякаго отношенія къ дворцовому хозяйству. Коллинсъ разсказываетъ объ огромной канатной мануфактурѣ, устроенной царемъ Алексѣемъ для того, чтобы дать заработокъ нищимъ, которые были туда собраны, будто бы, „со всей имперіи“,—при чемъ, работая въ царскомъ предпріятіи, нищіе окупали все свое содержаніе, такъ что царю оно ничего не стоило. Ободренный этимъ опытомъ, который такъ живо напоминаетъ заботы Михаила Ѳедоровича о народной трезвости, царь Алексѣй сталъ „каждый день устраивать все новыя и новыя мануфактуры“ съ работниками такого же типа, которымъ ихъ скудная плата выдавалась, притомъ, натурой—тогда какъ деньги, „которыя доставляютъ ему (царю) кабаки, такимъ путемъ сберегались“. Къ числу обычныхъ предразсудковъ относительно до-петровской и петровской промышленности принадлежитъ и мнѣніе, что такой способъ обезпечивать предпріятія рабочими руками былъ господствующимъ. На этомъ основаніи историкъ русской фабрики отказалъ этой промышленности въ названіи „капиталистической“: для капиталистическаго производства „не хватало въ Россіи самаго главнаго—класса свободныхъ рабочихъ“. Были ли у насъ свободные рабочіе въ XVII—XVIII вѣкахъ вообще и на то-

гдашнихъ фабрикахъ въ частности? На винокуренномъ заводѣ Посошкова, недалеко отъ Боровичей, Новгородской губерніи, работали „наемники“, безъ которыхъ, по словамъ племянника Посошкова, управлявшаго заводомъ, никакъ нельзя было управить заводской работы. Изъ письма того же племянника видно, кромѣ того, что и крестьяне самого Посошкова ходили на работу въ отходъ: двое изъ нихъ „денегъ рублевъ съ полдесятка принесли“. На желѣзныхъ заводахъ не только мастера-нѣмцы, но и подмастерья, и носильщики, уже безъ всякаго сомнѣнія, русскіе, получали денежную плату. Въ контрактѣ съ Марселисомъ прямо было оговорено: нанимать всякихъ людей по добротѣ, а не въ неволю. Крѣпостные крестьяне, приписанные къ заводамъ, исполняли больше подсобную работу, но и то не даромъ, не совсѣмъ, какъ барщину: крестьяне, доставлявшіе золу на стеклянные заводы, получали по 12 коп. съ тонны.

3. Промышленная политика Петра.

Такимъ образомъ, въ Россіи конца XVII вѣка были налицо необходимыя условія для развитія крупнаго производства: были капиталы—хотя, отчасти, и иностранные,—былъ внутренній рынокъ, были свободныя рабочія руки. Всего этого слишкомъ достаточно, чтобы не сравнивать петровскихъ фабрикъ съ искуственно-выгнанными тепличными растеніями. И, однако же, крахъ петровской крупной промышленности—такой же несомнѣнный фактъ, какъ и все вышеприведенное. Основанныя при Петрѣ мануфактуры лопнули одна за другой, и едва десятая часть ихъ довлачила свое существованіе до второй половины XVIII вѣка. Присматриваясь ближе къ этому первому въ русской исторіи промышленному кризису, мы, однако, видимъ, что и онъ былъ, какъ нельзя болѣе, естественнымъ—и объясняется именно тѣмъ, чѣмъ объясняли часто въ прежнее время возникновеніе крупной промышленности при Петрѣ. Совершенно ошибочно мнѣніе, будто политическія условія форсировали развитіе русскаго капитализма XVII—XVIII вѣковъ; но что политическая оболочка дворян-

скаго государства помѣшала этому капитализму развиться, это вполнѣ вѣрно. Самодержавіе Петра и здѣсь, какъ въ другихъ областяхъ, создать ничего не сумѣло—но разрушило многое: исторія петровскихъ мануфактуръ въ этомъ отношеніи даетъ полную параллель къ картинѣ того административнаго разгрома, которую такъ хорошо изобразилъ въ своей книгѣ г. Милюковъ.

„Купечества у вашего величества весьма мало и можно сказать, что уже нѣтъ“, писалъ Петру въ 1715 году одинъ неизвѣстный русскій, „обрѣтавшійся въ Голландіи“. Онъ объяснялъ дѣло конкуренціей „высокихъ персонъ“: мы сейчасъ увидимъ, въ какой связи это стоитъ съ общими политическими условіями. Но помимо конкуренціи, самый способъ воздѣйствія Петра на промышленность былъ таковъ, что долженъ былъ распугивать, а не привлекать капиталы. Уже въ московскую эпоху промышленность была достаточно стѣснена монополіями и привилегіями: но и тѣ, и другія стѣсняли приложеніе капитала, такъ сказать, отрицательно,—указывая ему, чего онъ не можетъ дѣлать. Петръ попытался учить капиталъ, что онъ долженъ дѣлать, и куда ему слѣдуетъ идти, и выполнялъ свою работу съ энергіей и натискомъ, которыя всегда были ему свойственны, и съ наивностью, которая можетъ поспорить даже съ методами Посошкова, ставившаго размѣръ торговой прибыли въ зависимость отъ твердости характера торгующаго. Распоряженія въ духѣ Посошкова—и въ духѣ средневѣковаго меркантилизма вообще,—о томъ, напримѣръ, чтобы люди боярскіе (т.-е. крѣпостные) носили только русскія сукна, а заморскихъ не смѣли носить, въ случаѣ же, если суконъ не хватитъ, шили бы платье изъ „каразеи“, или о томъ, чтобы никто не смѣлъ носить платье съ позументами „ибо англичане богатѣе насъ, а позументовъ не носятъ“, были еще самой мягкой и наиболѣе косвенной формой петровскаго воздѣйствія на развитіе индустріи. Онъ могъ дѣйствовать гораздо прямѣе и проще. Указъ сенату (января 1712 года) предписывалъ: „заводы размножать не въ одномъ мѣстѣ, такъ чтобы въ пять лѣтъ не покупать мундира заморскаго, и заведеніе дать торговымъ людямъ, собравъ компанію, буде волею не похотятъ, хотя въ неволю, а за заводъ деньги брать погодно съ легкостью, дабы ласковѣй имъ въ томъ дѣлѣ промышлять было“. Мы много слышали о крѣпостныхъ рабочихъ при Петрѣ; но о крѣпостныхъ предпринимателяхъ приходится слышать гораздо рѣже, а этотъ типъ несравненно любопытнѣе. Въ 1715 году

до Петра дошло, что русскую юфть не хвалятъ за границей, такъ какъ она скоро портится отъ сырости, благодаря русскому способу выдѣлки. Немедленно было предписано дѣлать юфть по-новому, для чего разосланы по всей имперіи мастера: „сему обученію дается срокъ два года, послѣ чего если кто будетъ дѣлать юфти по прежнему, тотъ будетъ сосланъ въ каторгу и лишенъ всего имѣнія“. Къ какимъ результатамъ приводило такое отеческое попеченіе, показываетъ извѣстная судьба сѣверно-русскаго холстоткачества. Какъ мы знаемъ, русскій холстъ и русское полотно въ большомъ количествѣ шло за границу. Иностранные купцы какъ-то пожаловались царю, что русскіе посылаютъ къ нимъ очень узкое полотно, которое невыгодно въ употребленіи, и потому цѣнится гораздо дешевле широкаго. Петръ немедленно строжайше запретилъ ткать узкіе полотна и холсты; но въ избахъ русскихъ кустарей негдѣ было поставить широкія берда, и кустарное холстоткачество совсѣмъ завяло, при чемъ разорилось и много купцовъ, промышлявшихъ сбытомъ этого товара. Такіе же результаты имѣло запрещеніе псковичамъ торговать льномъ и продуктами изъ льна съ Ригой, имѣвшее цѣлью поощрить торговлю петербургскаго порта. Что весь этотъ походъ на кустарное ткачество имѣлъ въ виду поддержать крупныя полотняныя мануфактуры, заводившіяся въ то же время, (одна изъ нихъ принадлежала императрицѣ), это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Но у Петра не было терпѣнія дождаться, пока капиталы сами начнуть притекать къ этому дѣлу, и онъ пробовалъ вогнать капиталъ въ полотняныя мануфактуры дубиной. Въ результатѣ, на мѣсто десятковъ тысячъ разоренныхъ ткачей получилась одна полотняная мануфактура Тамеса, гдѣ, правда, изготовляли товаръ, по отзыву иностранцевъ, не хуже заграничнаго, но которая могла сводить концы съ концами только благодаря тому, что въ видѣ подкрѣпленія къ ней было приписано цѣлое большое село (Кохма) съ 641 крестьянскимъ дворомъ. Фабрика, которую приходилось содержать трудомъ крѣпостныхъ крестьянъ, во всякомъ случаѣ не была уже капиталистическимъ предпріятіемъ. Передъ иностранными путешественниками ею щеголяли, какъ разсадникомъ русскихъ мастеровъ, но не видно, чтобы они потомъ находили приложеніе своему искусству. Петръ, однако, этимъ мало смущался и былъ убѣжденъ, что путемъ административныхъ распоряженій можно не только собрать капиталы „хотя бы неволею“, но и выполнить недостатокъ отсутствующаго въ Россіи сырья. Онъ запретилъ

употреблять въ канцеляріяхъ бумагу иначе, какъ русскаго производства: но оказалось, что развитіе этого послѣдняго тормозилось отсутствіемъ на русскомъ рынкѣ тряпья. Тогда изданъ былъ слѣдующій указъ: „понеже бумажная мельница, которая строится по указу Его Ц. В. за Галернымъ дворомъ, приходитъ уже въ строеніи къ окончанію, а на дѣланіе бумаги матеріаловъ никакихъ нѣтъ: для того Е. Ц. В. указалъ въ Санктпетербургѣ публиковать указомъ, дабы всякихъ чиновъ люди, кто имѣетъ у себя изношенныя тонкія полотна, такожъ хотя и не гораздо тонкія, что называются ивановскія полотна и прочія тому подобныя, и такія безтряпицы приносили и объявляли въ канцеляріи полицеймейстерскихъ дѣлъ, за которыя по опредѣленію заплочены имъ будутъ деньги изъ кабинета Е. Ц. В.“.

Въ серьезности подобныхъ мѣръ Петръ былъ глубоко убѣжденъ и объяснялъ неудачу ихъ тѣмъ, что „не крѣпко смотрятъ и исполняютъ указы“. Подобно Посошкову, и онъ былъ убѣжденъ, кромѣ того, въ злокозненности иностранцевъ, которые „фабрикамъ нашимъ сильно завидуютъ и всѣми способами стараются ихъ уничтожить подкупами“. Въ дубину же, какъ орудіе экономическаго развитія, онъ вѣровалъ твердо. „Не все ль неволею сдѣлано“? спрашивалъ онъ своего воображаемаго оппонента въ указѣ 1723 года, по обыкновенію изъ тона законодателя переходя въ тонъ публициста: „и уже за многое благодареніе слышится, отчего уже плодъ произошелъ. Такъ и въ мануфактурныхъ дѣлахъ не предложеніемъ однимъ дѣлать, но и принуждать, и вспомогать наставленіемъ, машинами и всякими способами; и яко добрымъ экономамъ быть, принужденіемъ отчасти; напримѣръ, предлагается: гдѣ валяютъ полсти тонкія, тамъ принудить шляпы дѣлать (дать мастеровъ), такъ чтобъ невольно было ему полстей продавать, ежели положенной части шляпъ притомъ не будетъ; гдѣ дѣлаютъ юфть, тамъ кожи на лосинное дѣло и прочее, что изъ кожъ; а когда уже заведется, тогда можно и безъ надсмотрителей быть“. Но „быть безъ надсмотрителей“ это значило все же остаться подъ надзоромъ, только не центральной власти, а „бургомистровъ того города“, гдѣ заведена мануфактура. Наиболѣе европейской мѣрой въ этомъ каталогѣ принужденій былъ таможенный протекціонизмъ: „которыя фабрики и мануфактуры у насъ уже заведены то, надлежитъ на привозныя такія вещи накладывать пошлину на всѣ, кромѣ суконъ“. Во исполненіе этого пожеланія указа 1723 года, тарифомъ,

изданнымъ въ слѣдующемъ году, большая часть привозимыхъ изъ-за границы фабрикатовъ была обложена пошлиной въ 50—75% своей цѣны. Какъ долженъ былъ отразиться этотъ тарифъ на внутреннемъ рынкѣ, видно изъ того, что въ число высокопошлинныхъ товаровъ попало желѣзо, уже за пятьдесятъ лѣтъ ставшее предметомъ массоваго потребленія. А насколько раціонально вырабатывались тарифы, объ этомъ свидѣтельствуетъ любопытное прошеніе шелковыхъ фабрикантовъ, въ интересахъ которыхъ шелковыя ткани тоже были обложены запретительными пошлинами. Они просили вновь разрѣшить ввозъ шелковой парчи, на томъ основаніи, что ихъ собственная мануфактура „не можетъ вскорѣ въ такое состояніе придти, чтобъ могла удовольствовать парчами все государство“; они считали болѣе выгоднымъ для себя получить въ руки контроль надъ торговлей заграничными шелковыми товарами, „чтобъ мы, по своему усмотрѣнію, могли ввозъ однѣхъ парчей позволять, а другихъ запрещать“. Капиталъ, загнанный дубиной въ промышленность, опять просился въ торговлю...

Подъ этимъ прошеніемъ стоятъ подписи трехъ изъ числа крупнѣйшихъ персонъ Петрова двора—адмирала Апраксина, вице-канцлера Шафирова и Петра Толстого. Ихъ предпріятіе, по размѣрамъ затраченнаго капитала, было едва ли не самымъ большимъ въ петровское время: въ него было вложено до милліона рублей на наши деньги, въ томъ числѣ третью часть дала казна, не считая того, что она снабдила „компанію“ постройками, матеріалами (мы помнимъ, что торговля шелкомъ-сырцомъ составляла царскую монополію) и т. д. И все это покровительство излилось на такую отрасль производства, которая для внутренняго рынка имѣла минимальное значеніе, а въ связи съ средневѣково-меркантилистскими мѣрами Петра противъ распространенія роскоши въ массахъ не должно бы имѣть его вовсе. А между тѣмъ, шелковыя фабрики при Петрѣ росли, какъ грибы: въ одной Москвѣ ихъ было пять, и кто только ни бросался на это выгодное дѣло! Тутъ мы встрѣчаемъ и министровъ, какъ упомянувшіеся нами выше, и придворныхъ истопниковъ (Милютинъ), и ямщиковъ (Сухановъ), и заѣзжихъ армянъ. Въ связи съ уже знакомымъ намъ положеніемъ Россіи во всемірной торговлѣ шелкомъ въ тѣ времена, увлеченіе идей сбывать на Западъ, вмѣсто сырого шелка, шелковыя издѣлія было вполнѣ понятно. Не даромъ Ѳедоръ Салтыковъ шелковымъ мануфактурамъ посвятилъ особую главу своихъ „Изъявле-

ній прибыточныхъ": „которые заводы будутъ приносить въ государствѣ немалыя прибыли", писалъ онъ: „россійскій народъ такія же чувства имѣетъ, какъ прочіе народы и разсужденіе, только ихъ довлѣетъ къ такимъ дѣламъ управить". Но попытка конкурировать съ Ліономъ или Утрехтомъ была дѣтской затѣей для государства, гдѣ промышленность только еще зарождалась. Староста московскаго суровскаго ряда официально заявлялъ, что шелковыя ткани отечественнаго издѣлія „противъ заморскихъ работою не придутъ, а цѣною продаются изъ фабрикъ выше заморскихъ"; и отъ лица всѣхъ суровскихъ торговцевъ староста просилъ о свободномъ ввозѣ заграничныхъ шелковыхъ матерій. Все предпріятіе было типичной авантюрой и скоро лопнуло, а между тѣмъ на него тратились крупныя казенныя деньги, и отвлекались капиталы отъ другихъ мануфактуръ. Иначе, но такъ же нездорово, проявлялъ себя меркантилизмъ Петра въ желѣзодѣлательной промышленности: на желѣзо были наложены почти запретительныя пошлины, а въ то же время казенные тульскіе заводы были всецѣло поглощены (съ 1715 г.) изготовленіемъ оружія, котораго такъ много требовала реформированная Петромъ армія. Обслуживаніе же народнаго потребленія всецѣло было въ рукахъ привилегированныхъ предпринимателей-монополистовъ, въ родѣ знаменитаго Демидова или царскаго родственника Александра Львовича Нарышкина. Казнѣ было выгоднѣе и въ политическомъ, и въ финансовомъ отношеніяхъ имѣть свои ружья и свои пушки, нежели зависѣть въ этомъ отношеніи отъ Голландіи. Но для развитія крупной желѣзодѣлательной индустріи въ Россіи едва ли не благопріятнѣе были тѣ времена, когда Марселись лилъ плохія пушки и хорошія сковороды.

Интенсивное и принудительное развитіе русскихъ мануфактуръ при Петрѣ имѣло, наконецъ, и третье послѣдствіе, давно отмѣченное въ литературѣ: отъ Петра ведетъ свое начало крѣпостная фабрика. Выгоды вольнаго труда на мануфактурѣ сознавали тогда столь же хорошо, какъ и въ предшедствующую эпоху: Тамесъ по контракту былъ обязанъ, какъ въ свое время Виніусъ и Марселисъ, „въ мастеровые ученики и работники нанимать свободныхъ, а не крѣпостныхъ, съ платежомъ за труды ихъ достойной платы". Но когда приходилось пустить въ ходъ сразу сотню предпріятій, между которыми были и очень крупныя (у Тамеса былъ 841 рабочій, на московской суконной мануфактурѣ Щеголина 730, на другой, казанской суконной же, Микляева, 742, на

Царь Иванъ V.

Царь Иванъ Алексѣевичъ снятъ съ гравюры за подписью Ph. Mattarnovy *) sc. Этотъ totius Russiae autocrator выступаетъ на нѣкоторое времени изъ полной неизвѣстности какъ безмолвный соправитель Преобразователя; его на мгновеніе вспоминаютъ, когда Верховный Тайный Совѣтъ выдвинулъ кандидатуру на русскій престолъ его дочери Анны, обставивъ ее знаменитыми *пунктами*. То былъ старшій изъ двухъ братьевъ, оставшихся по смерти царя Ѳедора въ апрѣлѣ 1682 г.; онъ усвоилъ себѣ всѣ стороны плохой наслѣдственности: царь Алексѣй, его отецъ, умеръ, едва достигнувъ 47 лѣтъ; царица Марья Ильинична Милославская, его мать, также умерла далеко не старой; три старшихъ брата умерли дѣтьми, а Ѳедоръ—всего 20-ти лѣтъ. Самъ царь Иванъ V умеръ 29 января 1696 года на 30-мъ году жизни. Больной и глупый, какимъ аттестовалъ его еще С. М. Соловьевъ, онъ не могъ въ 1682 г. защищать своихъ правъ на московскій престолъ и, если сдѣлался царемъ *номинально* въ томъ же году, то этимъ всецѣло былъ обязанъ дворцовой смутѣ и связанному съ нею движенію московскихъ стрѣльцовъ. Никакого участія ни въ правительствѣ царевны Софьи, ни въ правительствѣ Петра Иванъ V не принималъ и не могъ принять. Царь Иванъ V невольно играетъ одну только роль,—роль драгоцѣнной игрушки въ рукахъ дворцовой интриги. Въ 1682 г. стрѣльцы, возбужденные нехорошими слухами объ Иванѣ, лѣзутъ по приставной лѣстницѣ въ дворцовыя хоромы, чтобы убѣдиться, не изводитъ ли его кто изъ бояръ-измѣнниковъ. Въ 1689 г. царица Софья открыто говоритъ стрѣльцамъ, что Лопухины и Нарышкины хотятъ извести царя Ивана, ищутъ ея головы и головы царя Ивана. Тогда же Ѳедоръ Шакловитый, сторонникъ царицы Софьи (на современной гравюрѣ Тарасевича былъ изображенъ въ видѣ святого мученика Ѳедора Стратилата), писалъ сказку ко всѣмъ чинамъ Московскаго государства и говорилъ въ ней, что теперь Нарышкины ее и брата ея, царя Ивана, безчестятъ, къ рукѣ не ходятъ, а комнату царя Ивана забросали полѣньями, изломали его вѣнецъ. Слѣдуетъ новый переворотъ, свергнута Софья, царитъ Петръ, имя царя Ивана лишь продолжаютъ писать первымъ въ офиціальныхъ бумагахъ. Перваго царя офиціальной бумаги не знаютъ и не трогаютъ, и онъ доживаетъ свои печальные дни, какъ яркая улика всей безплодности формальнаго титула и мертвечины офиціальнаго канцеляризма. Лучшимъ обозначеніемъ его характера, воли и значенія служитъ фактъ, что, какъ царь, Иванъ V состоялъ при Софьѣ, а когда послѣднюю свергли, его не тронулъ Петръ, не меньше отца чуткій къ престижу своей власти. Во всякомъ случаѣ съ именемъ царя Ивана V связано первое начало серіи дворцовыхъ переворотовъ, разыгравшихся вовсю уже въ XVIII столѣтіи. Иванъ V былъ женатъ на Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Салтыковой. Царица Прасковья—не безызвѣстное лицо въ нашей исторической литературѣ, описавшей ея звѣрство и грубость... Даже сдержанный С. Соловьевъ нашелъ необходимымъ разсказать о ночномъ появленіи въ 1722 году царицы Прасковьи въ Тайной Канцеляріи: она отнимаетъ у караульныхъ содержавшагося тамъ дворцоваго стряпчаго Деревнина, бьетъ его, а ея свита жжетъ Деревнина свѣчами, обливаетъ голову и лицо его крѣпкой водкой,—и несчастная жертва царицына гнѣва сгорѣла бъ до тла, если бы караульные не бросились гасить пламя на несчастномъ узникѣ...

В. Стор.

---

*) Граверъ на мѣди (1716—1742 гг.), ученикъ Вортманна. Портретъ былъ сработанъ по заказу Академіи Наукъ для поднесенія императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, его дочери.

ІОАННЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ЦАРЬ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ
CZAAR IOANN
ALEXE WITZ
Iohius Russiae Autocrator

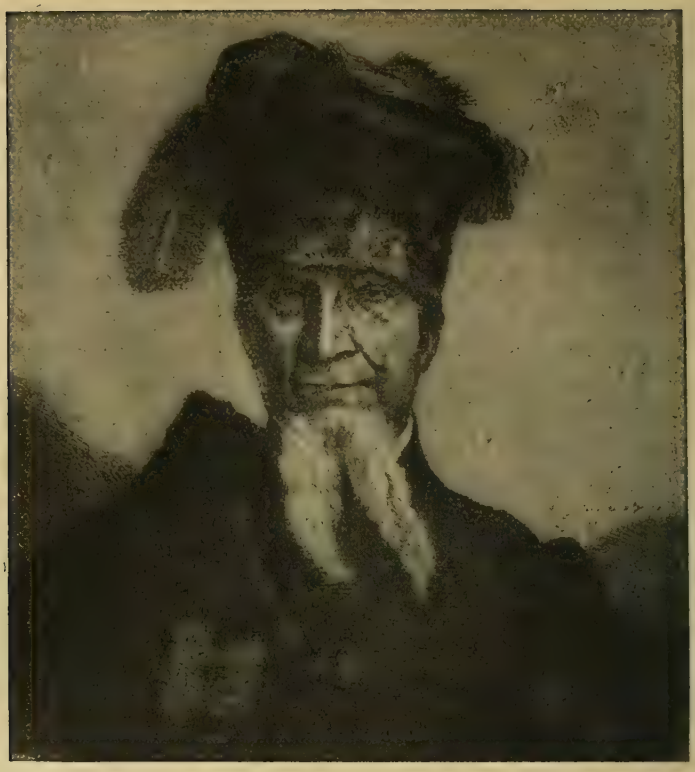
Сестрорѣцкомъ оружейномъ заводѣ 682 человѣка, на московской казенной парусной фабрикѣ 1162 и т. д.), имѣвшагося небольшого количества вольныхъ рабочихъ не могло хватить. А съ другой стороны, монополистъ - предприниматель и не очень былъ заинтересованъ въ качествѣ своихъ произведеній: все равно, кромѣ него, купить было не у кого. Отсюда естественно было стремленіе замѣнить вольный трудъ суррогатами—и правительство охотно шло этому стремленію навстрѣчу. „Указомъ 10 февраля 1719 г. предписано было отослать на полотняныя фабрики Андрея Турчанинова съ товарищами „для пряжи льну бабъ и дѣвокъ, которыя, будучи на Москвѣ изъ приказовъ, также и изъ другихъ губерній, по дѣламъ за вины свои наказаны". Указомъ 1721 г. эта мѣра сдѣлана общей: женщины, виновныя въ разныхъ проступкахъ, отсылались, по усмотрѣнію Мануфактуръ—и Бергъ-коллегіи, для работы на компанейскихъ фабрикахъ на нѣкоторый срокъ или даже пожизненно" *). Указъ 18 января 1721 года, позволившій купцамъ покупать къ фабрикамъ и заводамъ населенныя деревни, окончательно узаконилъ это положеніе вещей. Но если фабрикантъ могъ вести теперь дѣло руками своихъ крѣпостныхъ людей, кто же мѣшалъ владѣльцу крѣпостныхъ завести фабрику? Мѣра Петра мало принесла пользы русскому промышленному капитализму, но она была однимъ изъ предвѣстниковъ, довольно далекихъ еще, капитализма крѣпостническаго, помѣщичьяго. При одинаковой формѣ, одинаковомъ, стало быть, качествѣ труда помѣщичья фабрика имѣла всѣ шансы побѣдить купеческую: такъ и случилось въ теченіе XVIII вѣка. Слишкомъ натянувъ струну, петровскій меркантилизмъ оборвалъ ее вовсе. Но мы очень ошиблись бы, приписавъ этотъ исходъ индивидуальной ошибкѣ „Преобразователя". Даже способъ проведенія имъ промышленнаго меркантилизма въ русскую жизнь не былъ его личной особенностью: мы видѣли, что Посошковъ, типичный представитель средней русской буржуазіи этого времени, такъ же много придавалъ значенія „волевому импульсу" и такъ же мало считался съ объективными условіями, какъ и самъ Петръ. Выросшій на царскихъ монополіяхъ, окруженный условіями ремесленнаго производства, русскій торговый капитализмъ очень плохо приспособлялся къ тому широкому полю дѣйствія, на которомъ онъ очутился въ началѣ XVIII столѣтія, не столько выйдя туда по доброй волѣ.

*) См. у г. Туганъ-Барановскаго, цит. соч., 22.

сколько вытолкнутый напоромъ западно-европейскаго капитала. Этому послѣднему и досталась львиная доля всѣхъ барышей: въ то время какъ въ XVII столѣтіи максимальное число кораблей въ единственномъ тогда русскомъ портѣ, Архангельскѣ, не превышало сотни, въ годъ смерти Петра въ Петербургѣ было 242 иностранныхъ судна, да кромѣ того, въ Нарвѣ 170, въ Ригѣ, которая тоже стала теперь русскимъ портомъ, 386, въ Ревелѣ 44, въ Выборгѣ 72, — запустѣлъ только самъ Архангельскъ, куда пришло всего 12 судовъ изъ за границы: съ 1718 года торговля черезъ этотъ портъ была обставлена, въ интересахъ Петербурга, такими затрудненіями, что иностранцы стали его избѣгать. Въ общемъ же, по числу кораблей русская отпускная торговля выросла за полстолѣтія, со временъ Кильбургера, разъ въ 8—10. А русскаго купечества въ это время было „весьма мало, и можно сказать, что уже вовсе не было—ибо всѣ торги отняты отъ купцовъ и торгуютъ оными товары высокія персоны и ихъ люди и крестьяне“. Этотъ отзывъ неизвѣстнаго прожектера „обрѣтавшагося въ Голландіи“, вполнѣ подтвердили, косвенно, и сами „высокія персоны“ очень скоро послѣ смерти Петра. Въ 1727 году въ комиссіи о коммерціи при Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ Меншиковъ, Макаровъ и Остерманъ подали „мнѣніе“, гдѣ соглашались, что „купечество въ россійскомъ государствѣ едва ли не вовсе разорено“, и что нужно „немедленно учредить комиссію изъ добрыхъ и совѣстныхъ людей, чтобы оное купечество разсмотрѣть и искать сію государственную такъ потребную жилу изъ корени и съ фундамента излѣчить“. Въ качествѣ лѣкарства предлагалось отчасти взять назадъ нѣкоторыя насильственныя мѣры Петра, ибо „купечество воли требуетъ“, отчасти возвратиться къ московской практикѣ, отворивъ снова Архангельскъ. Но, главное, рекомендовалось пересмотрѣть промышленныя предпріятія петровской эпохи, разсудивъ о фабрикахъ и мануфактурахъ, „которыя изъ оныхъ къ пользѣ государственной, а которые къ тягости“, и предупредить на будущее время излишнее размноженіе такихъ „тягостныхъ“ предпріятій, запретивъ купечеству „впредь деревни покупать“. „А помѣщикамъ самимъ торговать“, дипломатично прибавляло „мнѣніе“: „но паче повелѣть имъ крестьянамъ своимъ въ промыслахъ и въ размноженіи всякихъ деревенскихъ заводовъ сильное вспоможеніе учинить“. Давъ нѣкоторыя подачки буржуазіи, торгъ знатными персонами черезъ своихъ людей предлагалось,

такимъ образомъ, увѣковѣчить. Такъ, рядомъ съ иностранными капиталистами, передъ нами появляется другая соціальная группа, пожавшая плоды „преобразованій“: то была новая феодальная знать, подъ именемъ „верховныхъ господъ“ начавшая править Россіей на другой же день по смерти Петра.

Lubo przez oſtre barzo trudne drogi;
Bo przez ſkopuły Dnieprowe odnogi;
Iednak ſzczęśliwie Powſtbod w zwyciężtw trond,
Spiewaiąc ſobie weſołe Kanzona,
Przebywa, kiedy ſita nie zmierzona
Lwow SZEREMETOW, prowadźiſie ono.
Hekto.



4. Разложеніе феодальной администраціи.

Изученіе экономической основы петровской реформы привело насъ къ выводу, на первый взглядъ заключающему въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Исходной точкой реформы былъ торговый капитализмъ, ея движущей силой—интересы буржуазіи, а ея результаты пошли на пользу тѣхъ, кого мы назвали „новой феодальной знатью“, современники называли „верховными господами“, или „верховниками“, а послѣдующія поколѣнія стали называть „фаворитами“, „временщиками“, „случайными людьми“ и т. д. Въ этой соціальной группѣ намъ иногда попадаются имена, напоминающія если не объ „избранной радѣ“, то о смутномъ времени. И тѣмъ не менѣе было бы очень ошибочно считать „верховныхъ господъ“ пережиткомъ стараго боярства; съ нимъ они не имѣли ничего общаго. Зато у нихъ чрезвычайно много чертъ, сближающихъ ихъ съ тѣмъ кругомъ явленій, которыя мы только что изучали. Русскій капитализмъ родился изъ царскихъ монополій; царскій дворецъ съ его многоразличными службами и „мастерскими палатами“ былъ отцомъ до-петровской ману-

фактуры. Царь былъ первымъ торговцемъ и первымъ промышленникомъ въ своемъ государствѣ. Новый правящій классъ былъ царскимъ дворомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Челядь перваго капиталиста въ странѣ становится крупной соціальной силой. Въ этой челяди стоятъ рядомъ потомки Рюрика и Гедимина, сыновья придворныхъ конюховъ и придворные пѣвчіе,—но здѣсь никому нѣтъ дѣла до родословныхъ, въ буквальное исполненіе словъ Васьки Грязного здѣсь „государь, какъ Богъ, и малаго великимъ творитъ“. Отъ царской милости зависитъ вся судьба „вельможи“; мѣстническихъ счетовъ болѣе нѣтъ, и голосъ „общественнаго мнѣнія“, котораго нельзя было не слыхать во время смуты и даже лѣтъ пятьдесятъ спустя, ничего не значитъ. Всѣ отношенія принимаютъ, благодаря этому, остро-личную форму, но форма не должна насъ обманывать; буржуазный индивидуализмъ въ самыхъ дикихъ и варварскихъ формахъ былъ естественнымъ явленіемъ въ этотъ героическій періодъ первоначальнаго накопленія. Управлялъ, однако, все же классъ, а лица были лишь его орудіемъ; если царь дѣлалъ все, что хотѣлъ, со своею челядью, то и челядь дѣлала царемъ того, кого она хотѣла. Присмотрѣвшись къ этой челяди, мы видимъ, что экономическая основа ея вліянія была та же, что и у ея господина: тотъ былъ первымъ, самымъ колоссальнымъ вотчинникомъ—и вмѣстѣ купцомъ и предпринимателемъ. Эти были тоже крупные вотчинники, и тоже купцы и предприниматели, только поменьше. Настоящая буржуазія и при тѣхъ, и при другихъ играла роль служебной силы. Ей бросали объѣдки, а если кому не доставалось больше объѣдковъ, такъ это были представители той Европы, безъ которой не могли обойтись вельможные капиталисты, потому что, не нужно этого забывать, самый расцвѣтъ русскаго торговаго капитализма былъ немыслимъ безъ толчка, даннаго съ Запада. Отсюда и западничество правящаго класса XVIII вѣка, столь же грубое и наивное, какъ его индивидуализмъ; отсюда же и то, что націонализмъ у насъ въ тѣ времена былъ тѣсно связанъ съ развитіемъ чисто туземнаго, аграрнаго капитализма—и съ дворянской реакціей противъ „припадочныхъ людей“.

Основной тенденціи эпохи отвѣчали и ея учрежденія. Петровская администрація долго казалась рѣзкой противоположностью своей предшественницы, потомъ открыли рядъ незамѣтныхъ переходовъ между ними, а потомъ пришлось признать что старыя формы были окончательно разгромлены

когда явились новыя. На самомъ дѣлѣ, каждый изъ этихъ трехъ взглядовъ заключаетъ въ себѣ долю истины. Эволюція учрежденій XVII — XVIII вѣковъ началась съ формъ, чрезвычайно близкихъ къ феодализму XVI столѣтія. Поскольку центромъ работы являлось царское хозяйство, для принципіальной перемѣны здѣсь и не было мѣста, но поскольку само это хозяйство, приспособляясь къ европейскому торговому капитализму, переходило на новые рельсы, оно покидало почву традиціи, обычая, который лежитъ въ основѣ всякаго феодализма. Мѣнялся не духъ учрежденій, а ихъ техника. Все, что было данью обычаю и что составляло все же нѣкоторую сдержку, нѣкоторое подобіе гарантіи, быстро отпало: остался феодальный произволъ въ его чистомъ видѣ, но направленный къ новымъ цѣлямъ. Это былъ первый случай приспособленія феодализма къ капитализму въ Россіи; онъ кончился неудачей, и это было грознымъ предзнаменованіемъ для подобныхъ попытокъ въ будущемъ, но попытки продолжали повторяться каждый разъ, когда западному капитализму нужна была Россія—нужна какъ рынокъ, какъ объектъ ростовщической эксплуатаціи, просто какъ боевая сила. У насъ вошло въ обычай повторять, что въ Россіи „государство“ въ XVIII—XIX вѣкахъ шло „впереди общества“. Да, конечно, технически оно было всегда гораздо прогрессивнѣе общества, ибо къ услугамъ его техники былъ международный капиталъ, для котораго поддержка русскаго „государства“, правильнѣе, русскаго феодализма, сдѣлалась своего рода профессіей. Петровская реформа представляетъ собою первый опытъ прививки русскому феодализму западной техники, тѣмъ любопытнѣе слѣдить за этими первыми шагами. Но прежде чѣмъ перейти къ нимъ, надо нѣсколько вернуться назадъ и посмотрѣть, что представляло изъ себя „государство“ въ началѣ описываемой нами эволюціи *).

Характеризуя послѣднюю, мы остановились на мѣстномъ самоуправленіи—наиболѣе типичномъ показателѣ „соотношенія силъ“, сложившагося на другой день Смуты. Областныя учрежденія были главной ареной классовой борьбы. Центральная администрація была гораздо болѣе однородна въ классовомъ отношеніи — буржуазія проникала въ центральныя учрежденія очень рѣдко, и то, потерявъ свою непосредственно классовую физіономію. Кузьма Мининъ, какъ

*) Послѣдующія страницы представляютъ собою непосредственное продолженіе гл. XI-й, т. II, стр. 255.

раньше Ѳедоръ Андроновъ, долженъ былъ превратиться въ „служилаго“, чтобы засѣдать въ царскомъ совѣтѣ, и изъ посадскаго земскаго старосты сталъ „думнымъ дворяниномъ“. Но число такихъ nobilis было ничтожно въ московскомъ государствѣ XVII вѣка,—гораздо ничтожнѣе, чѣмъ, напримѣръ, во Франціи въ эту же эпоху*). Демократію московской государевой думы составляли „худородные“ помѣщики да дьяки—два элемента, которые въ это время, какъ мы видѣли, весьма склонны были перемѣшиваться. Въ періодъ петровскаго подъема волна этой демократіи сразу смыла послѣдніе остатки старой знати—и въ боярскихъ спискахъ послѣднихъ лѣтъ Думы запестрили имена людей, не только что не носившихъ думныхъ чиновъ, какъ знаменитый Ромодановскій, и въ думѣ оставшійся только стольникомъ, а и просто „людей“, въ родѣ не менѣе знаменитаго „прибыльщика“ Алексѣя Курбатова, бывшаго холопа Шереметева. „Великая розруха“ Московскаго государства въ началѣ вѣка подготовила издалека такой его конецъ, но онъ пришелъ скорѣе слишкомъ поздно, чѣмъ слишкомъ рано. Мѣстничество не даромъ дожило до 1682 года,—и при первыхъ двухъ царяхъ новой династіи составъ центральныхъ учрежденій носилъ болѣе архаическій характеръ, чѣмъ можно было ожидать. Вліяніе стараго боярства, какъ соціальной группы, на дѣла было ничтожно уже въ 1610 году: а еще въ 1668 году она давала почти половину всего состава Думы (28 изъ 62 бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ)—и, какъ свидѣтельствуетъ Котошихинъ, исключительно потому, что „великой породѣ“ все еще отдавалось преимущество передъ „ученостью“ и личными заслугами. Прочность старыхъ предразсудковъ, можетъ быть, еще выразительнѣе выступаетъ въ томъ, что говоритъ тотъ же Котошихинъ по поводу іерархическаго положенія царскихъ родственниковъ. „А которые бояре царю свойственники по царицѣ, и они въ думѣ и у царя за столомъ не бываютъ, потому что имъ подъ иными боярами сидѣть стыдно, а выше не умѣть, что породою не высоки“: изъ дальнѣйшаго видно, что и въ товарищи къ такимъ „не высокимъ породою“ царскимъ свойственникамъ нельзя было посадить мало-мальски родовитаго человѣка. Не только милость царя, но и родство съ царемъ не могли прибавить человѣку „отечества“: зато не только царская милость, а и простая географическая близость къ источ-

*) „Гости“, добиравшіеся до думныхъ чиновъ, встрѣчаются, однако, не только въ бурные дни первой четверти XVII вѣка, а и въ болѣе спокойное позднѣйшее время. Такими были, напримѣръ, Кирилловы. См. „Боярская Дума“, изд. 3-ье, стр. 397.

нику власти давали ему дѣйствительное вліяніе на дѣла. Антиномія феодальнаго общества, гдѣ король не могъ посадить маркиза ниже графа, но гдѣ и графъ, и маркизъ одинаково низко кланялись королевскому камердинеру, цѣликомъ воспроизводилась московскимъ придворнымъ обществомъ временъ царя Алексѣя. По разсказу Котошихина, всего выше въ фактической, а не показной, для параду, іерархіи московскихъ чиновъ стояли постельничій и спальники. Первый стлалъ царю постель и спалъ съ нимъ въ одномъ покоѣ—и въ то же время хранилъ у себя печать „для скорыхъ и тайныхъ“ царскихъ дѣлъ, т.-е. стоялъ ближе всѣхъ къ тому внѣ-думскому законодательству, путемъ „именныхъ указовъ“, которому суждено было вытѣснить устарѣвшую механику боярской думы. А вторые одѣвали и обували царя утромъ, раздѣвали и разували его вечеромъ—и за то попадали въ самые первые ряды царскихъ думцевъ. Пожалованные въ бояре или въ окольничіе (сообразно съ ихъ „отечествомъ“—это строго соблюдалось!), они носили званіе „ближнихъ“ или „комнатныхъ“ бояръ и окольничихъ, имѣли громадную привилегію безпрепятственнаго входа въ царскій кабинетъ („комнату“), куда другіе думцы могли попадать толко, когда ихъ позовутъ, и инсценировали думское засѣданіе въ тѣхъ случаяхъ, когда царю была нужна санкція думы, а дѣлиться своею мыслью со всѣми ея членами онъ не хотѣлъ. „А какъ царю лучится о чемъ мыслити тайно“, пишетъ тотъ же Котошихинъ: „и въ той думѣ бываютъ тѣ бояре и окольничіе и ближніе, которые пожалованы изъ спальниковъ, или которымъ приказано бываетъ приходити; а иные бояре и окольничіе, и думные люди въ тое палату въ думу и ни для какихъ-нибудь дѣлъ не ходятъ“.

Феодальнымъ отношеніямъ и порядкамъ соотвѣтствовали и феодальныя учрежденія. Намъ до сихъ поръ не приходилось касаться механизма московскаго центральнаго управленія именно потому, что вотчина потомковъ Калиты ничѣмъ существенно не отличалась, въ способѣ своего управленія, отъ другихъ вотчинъ—кромѣ только той разницы, какую могли внести размѣры этого, совсѣмъ необычайнаго, „имѣнія“. Не даромъ названіе московскаго министерства, „Приказа“, происходитъ отъ одного корня съ нашимъ „приказчикъ“: министры московскаго царя, по происхожденію и характеру своей власти, ничѣмъ и не отличались отъ приказчиковъ любой частной вотчины. И это не единственный образчикъ выразительности московской административной терми-

Сраженіе при Нарвѣ.

Оригиналъ картины Н. А. Зауэрвейда *Сраженіе при Нарвѣ* (Петръ I усмиряетъ ожесточенныхъ солдатъ въ 1704 году) находится въ московской картинной галлереѣ Румянцовскаго музея (№ 464). Въ каталогѣ галлереи любезно сообщается, что «за эту картину (академическая программа) въ 1859 году авторъ получилъ золотую медаль и званіе класснаго художника». Н. А. Зауэрвейдъ—сынъ Ал. Ив. Зауэрвейда (1783—1844 гг.), профессора баталической живописи въ Академіи Художествъ. Ал. Зауэрвейдъ (въ галлереѣ Румянцовскаго музея имѣются двѣ его картины «Военная сцена» и «Ахметка, карликъ императора Николая I»), происхожденіемъ изъ Курляндіи, былъ вызванъ въ Россію изъ Дрездена императоромъ Александромъ I въ 1814 г. и посаженъ въ Академію насаждать среди ея русскихъ учениковъ техническіе пріемы баталической живописи, каковая предполагалась въ свое время весьма знатной особой, призванной воспитывать въ наивныхъ душахъ перлы фальшиваго патріотизма. Зауэрвейдъ пришелся къ двору въ С.-Петербургѣ и сталъ любимцемъ императора Николая I, чѣмъ можетъ быть и объясняется то обстоятельство, что мы наслаждаемся теперь въ Румянцовскомъ музеѣ изображеніемъ Ахметки. Баталическая живопись—олицетворенная ложь въ искусствѣ, въ свое время находившаяся подъ непосредственнымъ и любовнымъ покровительствомъ дворовъ и гордыхъ повелителей. Баталическіе вкусы не совсѣмъ исчезли даже въ настоящее время, но ихъ чахлое выраженіе не можетъ уже обращать на себя сколько-нибудь серьезное вниманіе. Отвратительныя явленія войны, если допустимо изображать, то развѣ только въ стилѣ покойнаго Верещагина, стремившагося вытащить наружу всю грязь и гнусность подобнаго явленія. Преступность баталической живописи заключается въ ея противообщественности, въ ея манерѣ не только скрыть, но прежде всего покрыть блескомъ и розовымъ свѣтомъ именно то, что было позоромъ человѣчества... Въ нашей иллюстраціи *Русской Исторіи* мы принципіально избѣгаемъ батальныхъ сценъ и предлагаемъ снимокъ съ картины Н. Зауэрвейда († 1866 г.) лишь какъ отдаленное напоминаніе объ этомъ родѣ живописной техники и нашихъ академическихъ программъ.

Нарва была взята псковичами у нѣмцевъ въ 1342 г.; въ 1558 г. царь Иванъ IV отвоевалъ ее у Ливонскаго ордена; въ 1581 г. Иванъ IV потерялъ Нарву, оставивъ въ наслѣдство Петру I и завоеваніе Нарвы у шведовъ и общее разрѣшеніе вопроса о прорубленіи окна въ Европу. Петръ, такъ походившій множествомъ своихъ подвиговъ на Ивана IV, пошелъ по дорожкѣ, проторенной послѣднимъ, и 23 сентября 1700 года въ самомъ началѣ Сѣверной войны стоялъ подъ Нарвой. 17 ноября того же года Б. П. Шереметевъ привезъ подъ Нарву извѣстіе, что идетъ на выручку Нарвы шведскій король Карлъ XII, и Петръ немедленно уѣхалъ изъ лагеря, оставивъ 40000-ую русскую армію для борьбы съ 10 тысячами шведовъ. Русская армія, которою командовалъ герцогъ фонъ Круи, была разбита, и 21 ноября Карлъ XII торжественно вступилъ въ Нарву, приведя съ собою десять плѣнныхъ русскихъ генераловъ; вся русская артиллерія досталась шведамъ. За границей извѣстіе о пораженіи петровской арміи не осталось незамѣченнымъ. Была выбита въ насмѣшку надъ Петромъ I медаль, пародировавшая исторію апостола Петра. На одной сторонѣ медали былъ изображенъ царь Петръ, грѣющійся при огнѣ своихъ пушекъ, изъ которыхъ летятъ бомбы на Нарву, при чемъ значилась подпись: «бѣ же Петръ стоя и грѣяся». На другой сторонѣ были изображены русскіе въ моментъ бѣгства изъ-подъ Нарвы съ Петромъ во главѣ; съ Петра валится царская шапка, шпага брошена, царь вытираетъ платкомъ слезы, а надпись при этомъ гласитъ: «изшедъ вонъ, плакася горько». С. Соловьевъ подчеркиваетъ, что шведы нашли въ русскомъ лагерѣ массу водки и «перепились такъ, что сдѣлались неспособными сторожить плѣнныхъ, *и если бы* русскіе воспользовались этимъ, то исходъ Нарвской битвы могъ бы быть иной».

Эта цитата одинъ изъ образчиковъ старыхъ пріемовъ историческаго изслѣдованія, не стѣснявшагося въ средствахъ.

Такова была первая встрѣча 40 тысячъ русскихъ съ 10 тысячами шведовъ въ XVIII в.

Черезъ четыре года русское войско вновь стояло подъ Нарвой и подъ начальствомъ фельдмаршала Огильви въ присутствіи Петра 9 августа 1704 года пошло на приступъ. Несмотря на упорное сопротивленіе шведскаго гарнизона, читаемъ у Соловьева, русскіе ворвались въ городъ и произвели въ немъ *страшную рѣзню*, безъ пощады женщинамъ и дѣтямъ; чрезъ два часа послѣ штурма въѣхалъ въ Нарву самъ Петръ съ Огильви, и велѣлъ прекратить грабежъ, при чемъ, говорятъ, закололъ шпагою одного солдата, не хотѣвшаго слушаться приказанія, и потомъ, показывая свою окровавленную шпагу нарвскимъ жителямъ, говорилъ: «не бойтеся! это не шведская, а русская кровь». Этотъ историческій анекдотъ и послужилъ канвой для академической программы, по которой была написана Зауэрвейдомъ его картина. Всегда опасно рисовать картины на заданныя темы, и художникъ постарался изобразить Петра Перваго Великимъ, и, дѣйствительно, на картинѣ Петръ такъ великъ, что хотѣлось бы рекомендовать ея творцу: «побольше чувства мѣры».

В. Стор.

нологіи: въ концѣ XVI вѣка департаменты тогдашняго министерства финансовъ, „Большого прихода“, назывались, очень характерно, по именамъ дьяковъ, которые ими завѣдывали—„четверть Дружины Петелина“, „четверть Андрея Щелкалова“, „четверть Василья Щелкалова“. Позже эти четверти получили географическія названія—мы встрѣчаемъ Устюжскую, Володимерскую, Галицкую четь; но характеръ личнаго „приказа“ остался за ихъ дальнѣйшими подраздѣленіями, „повытьями“, до конца XVII вѣка; еще въ 1683 году мы встрѣчаемъ „повытье Ивана Волкова“, „повытье Максима Алексѣева“, „повытье Василія Протопопова“. При этомъ и между „четями“, и между „повытьями“ города и уѣзды были разбросаны въ самомъ причудливомъ безпорядкѣ: такъ, въ повытьѣ Василія Протопопова вѣдались и далекія Тотьма съ Чарондой, и Бѣжецкій верхъ, въ нынѣшней Тверской губерніи, и подмосковные Клинъ, Вязьма, Руза и Звенигородъ. Въ Галицкой чети, кромѣ Галича, состояли Кашира, Коломна, Бѣлевъ и Кашинъ. Называть такое дѣленіе „территоріальнымъ“ можно, какъ видимъ, только съ большой оговоркой: ни одно изъ этихъ министерствъ или департаментовъ не вѣдало опредѣленной сплошной территоріи; зато не было ни одного вовсе безъ территоріи: даже въ Посольскомъ приказѣ, вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ, по-нашему, было нѣсколько городовъ, и притомъ вовсе не пограничныхъ, а такихъ, отъ которыхъ хоть цѣлый годъ скачи, ни до какого иностраннаго государства не доскачешь,—въ родѣ Елатьмы или Касимова. Въ спискѣ московскихъ приказовъ временъ царя Алексѣя, и даже позднѣе, учрежденія государственнаго характера и различные отдѣлы частнаго царскаго хозяйства перепутываются не менѣе пестро, чѣмъ города въ тогдашнемъ министерствѣ финансовъ—при чемъ тѣ и другія функціи сплошь и рядомъ осуществляются однимъ и тѣмъ же учрежденіемъ. Былъ приказъ „Большой Казны“, около 1680 года стянувшій къ себѣ приблизительно половину всѣхъ государственныхъ доходовъ—настоящее министерство финансовъ: но его отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ приказомъ „Казеннымъ“, который завѣдывалъ царскимъ гардеробомъ—а въ то же время вѣдалъ и нѣкоторыхъ торговыхъ посадскихъ людей. Приказъ „Золотого и серебрянаго дѣла“, собственно, занимался царской посудой, золотой и серебряной—но еще при Петрѣ въ его же компетенцію входили и нѣкоторые кавалерійскіе полки „иноземнаго строя“—драгуны, рейтары и копейщики. Иногда эта комбинація различныхъ функцій въ

одномъ и томъ же учрежденіи ставитъ историка государственнаго права передъ настоящей загадкой. Почему, напримѣръ, конюшенный приказъ завѣдывалъ сборомъ съ бань? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: когда-то поручили оба эти дѣла одному и тому же приказчику, потому ли что это былъ ловкій человѣкъ, который могъ со многимъ сразу управиться—или потому, что хотѣли увеличить доходы царскаго конюшаго, персоны очень важной въ московскомъ государствѣ, какъ и соотвѣтствующій ему „коннетабль“ въ средневѣковомъ французскомъ королевствѣ. Для интересующей насъ политической реставраціи характерно, что эта черта—смѣшеніе государева хозяйства и государственнаго управленія—одинаково свойственна какъ старымъ приказамъ, унаслѣдованнымъ государствомъ Романовыхъ отъ времени еще до-смутнаго, такъ и центральнымъ учрежденіямъ, возникавшимъ вновь въ XVII вѣкѣ. Какъ типичный образчикъ нарождающагося бюрократическаго строя приводятъ обыкновенно „приказъ тайныхъ дѣлъ“, возникшій при царѣ Алексѣѣ. „Тайна“ этого приказа, собственно, заключалась въ томъ, что туда „бояре и думные люди не ходили и дѣлъ не вѣдали“. Но зато самъ приказъ вѣдалъ и думныхъ людей: сидѣвшіе въ немъ чиновники, „подьячіе“, посылались вмѣстѣ съ думными людьми, назначенными въ посольства, въ полковые воеводы и т. д. „И тѣ подьячіе надъ послами и надъ воеводами надсматриваютъ и царю, пріѣхавъ, сказываютъ; и которые послы или воеводы, вѣдая въ дѣлахъ неисправленье свое, страшатся царскаго гнѣва,—и они тѣхъ подьячихъ дарятъ и почитаютъ выше ихъ мѣры, чтобъ они, будучи при царѣ, ихъ пословъ выхваляли, а худымъ не поносили. А устроенъ тотъ приказъ при нынѣшнемъ царѣ (Алексѣѣ) для того, чтобъ его царская мысль и дѣла исполнялися всѣ по его хотѣнію, а бояре бы и думные люди о томъ ни о чемъ не вѣдали“. Мы уже говорили, что власть подьячихъ тайнаго приказа Котошихинъ, по всей вѣроятности, преувеличилъ: однако самая идея—поставить думныхъ людей подъ контроль недумныхъ—была, несомнѣнно, новой идеей, что нисколько не мѣшало новому приказу завѣдывать, между прочимъ, и царской соколиной охотой. Но наиболѣе типичнымъ пережиткомъ феодальной администраціи XVII вѣка былъ приказъ Большого Дворца. Вѣдомство царскаго двора, по теперешней терминологіи, онъ до самаго конца столѣтія оставался крупнѣйшимъ финансовымъ учрежденіемъ государства послѣ „Большой Казны“ и собиралъ цѣлый рядъ чисто-государственныхъ налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ: таможенныя

и кабацкія деньги, стрѣлецкую подать, ямскія и полоняничныя; а рядомъ съ этимъ онъ же собиралъ и оброкъ съ дворцовыхъ селъ и волостей.

Въ ряду „переживаній“ феодализма, которыми наполнено Московское государство XVII вѣка, нельзя обойти одного, резюмирующаго всѣ остальныя. Рѣчь идетъ объ учрежденіи, получившемъ громкую и не совсѣмъ заслуженную, хотя вполнѣ понятную, извѣстность въ новѣйшее время,—о Земскомъ соборѣ. Въ наши дни совершенно утратилась та острота, которая отличала вопросъ о Земскихъ соборахъ древней Руси до революціи 1905 года. Сейчасъ едва ли кому придетъ охота волноваться по поводу того, было ли это нѣчто въ родѣ конституціонныхъ собраній Западной Европы, или же это былъ далекій прообразъ чиновничьихъ комиссій дней Александра III—была ли это палата народныхъ представителей или же „совѣщаніе правительства со своими собственными агентами“. Ни та, ни другая модернизація московскаго „совѣта всей земли“ теперь, вѣроятно, не нашла бы защитниковъ. Историки правильно угадывали, что это было нѣчто своеобразное, не укладывающееся въ шаблоны новѣйшаго, буржуазнаго государственнаго права—но они напрасно видѣли въ земскихъ соборахъ своеобразіе національное. То была особенность, свойственная не какой-нибудь странѣ, а всѣмъ странамъ въ извѣстную эпоху. И мѣстной особенностью русскихъ собраній этого рода было развѣ то, что у насъ они, притомъ въ самой грубой, рудиментарной формѣ, дожили до такой стадіи соціальнаго развитія, на которой въ Западной Европѣ мы ихъ или не встрѣчаемъ вовсе, или же они принимаютъ тамъ болѣе современную форму. Всякій средневѣковый государь дѣйствовалъ постоянно съ совѣта своихъ крупныхъ вассаловъ, духовныхъ и свѣтскихъ, а въ болѣе важныхъ случаяхъ—съ совѣта всѣхъ вассаловъ, которые приглашались, конечно, не поголовно, а въ лицѣ наиболѣе вліятельныхъ и авторитетныхъ изъ нихъ. Въ московскомъ великомъ княжествѣ намъ извѣстно, по крайней мѣрѣ, одно такое собраніе, предшествовавшее походу Ивана III на Новгородъ въ 1471 году: Иванъ Васильевичъ совѣщался тогда не только съ епископами, князьями, боярами и воеводами, но и со „всѣми воями“. Подъ послѣдними, какъ совершенно справедливо догадываются историки, нельзя разумѣть никого другого, кромѣ мелкаго вассалитета—„дѣтей боярскихъ“. Новостью, которая отличала первый Земскій соборъ въ настоящемъ смыслѣ (знакомый намъ соборъ 1566 года) отъ этого собранія, было, пожалуй, только

участіе въ немъ представителей буржуазіи, гостей и купцовъ. Само собою разумѣется, что нормы „народнаго представительства“, равно какъ и термины „совѣщательный“ или „рѣшающій голосъ“ къ подобнаго рода „думѣ“ сюзерена со своими вассалами совершенно не приложимы. Вассалы не народъ, даже въ томъ, суженномъ, смыслѣ, какой имѣетъ слово „народъ“ и „народный представитель“ въ странахъ, гдѣ нѣтъ всеобщаго избирательнаго права. Это, дѣйствительно, „орудія“ сюзерена, т.-е. нѣчто такое, безъ чего этотъ послѣдній лишенъ всякой возможности дѣйствовать; тутъ нельзя говорить о „рѣшающемъ“ или „не рѣшающемъ“ голосѣ. Современная государственная власть физически вполнѣ можетъ дѣйствовать безъ согласія народнаго представительства: всѣ ея дѣйствія станутъ отъ этого неправомѣрными, но ихъ матеріальный эффектъ въ подобныхъ случаяхъ бываетъ даже сильнѣе нормальнаго, ибо силою, обыкновенно, стараются восполнить недостатокъ права. Средневѣковый государь вовсе не обязанъ былъ слушаться своихъ вассаловъ—юридически его волеизъявленія было вполнѣ достаточно, чтобы сдѣланный имъ шагъ былъ законнымъ. Но онъ былъ лишенъ физической возможности предпринять нѣчто такое, чего не пожелали бы исполнить его вассалы. Всякій человѣкъ „въ правѣ“ связать себѣ ноги, но, связавъ себѣ ноги, нельзя двигаться, почему ни одинъ человѣкъ въ здравомъ умѣ и не попробуетъ осуществлять такое свое непререкаемое право. Читатель догадывается, когда долженъ былъ наступить конецъ средневѣковымъ „государственнымъ чинамъ“: это должно было случиться въ ту минуту, когда сюзеренъ пересталъ зависѣть отъ натуральныхъ повинностей своихъ вассаловъ,—когда онъ получилъ въ руки силу, позволявшую ему *покупать* услуги, вмѣсто того, чтобы ихъ *выпрашивать*. Вотъ отчего окончательное торжество денежнаго хозяйства было всегда критическимъ моментомъ для „правъ и вольностей“ феодальнаго дворянства. Реальная власть переходитъ тогда въ тѣ же руки, въ чьихъ были деньги — въ руки торговой буржуазіи, а ей средневѣковые чины, съ ихъ преобладаніемъ поземельнаго дворянства, вовсе не были нужны и интересны. Только тамъ, гдѣ землевладѣніе сдѣлалось буржуазнымъ, или гдѣ буржуазія не имѣла никакого значенія, средневѣковыя учрежденія сохранились, принимая новую форму: первый случай имѣлъ мѣсто въ Англіи, второй въ Польшѣ. Въ Россіи и во Франціи дѣло шло инымъ, можно бы сказать, болѣе нормальнымъ путемъ: и тамъ и тутъ ростъ торговаго капитала и его вліянія

на дѣла совпадаетъ съ ростомъ абсолютной монархіи и упадкомъ тѣхъ формъ „политической свободы“, которыя были тѣсно связаны съ натуральнымъ хозяйствомъ.

Оживленіе Земскихъ соборовъ въ первой половинѣ XVII вѣка было, такимъ образомъ, чрезвычайно тѣсно связано съ тою экономической и политической реставраціей, которою мы отмѣчена эта эпоха. Въ то время, какъ предыдущее столѣтіе знаетъ только два, самое большее четыре собора (если принимать существованіе собора 1549 года и считать соборомъ то, что происходило въ Москвѣ въ 1584-мъ, при воцареніи Ѳедора Ивановича) на протяженіи полувѣка, за сорокъ лѣтъ, съ 1612 по 1653 годъ, намъ извѣстно десять соборовъ—при чемъ не будетъ ничего удивительнаго, если со временемъ станутъ извѣстны еще новые,—и въ теченіе 9 лѣтъ, съ 1613 по 1622 г., соборъ функціонировалъ ежегодно. Но это матеріальное усиленіе учрежденія не сопровождалось его эволюціей отъ первобытныхъ формъ къ болѣе современнымъ. Первый—и, повидимому, единственный—этапъ этой эволюціи относится къ концу предыдущаго вѣка. На соборѣ 1598 года, выбиравшемъ на царство Бориса Ѳедоровича Годунова, кромѣ обычныхъ крупныхъ и мелкихъ служилыхъ и посадскихъ людей, попавшихъ туда по ихъ „служебному положенію,“—какъ выражаются обыкновенно наши историки (правильнѣе было бы сказать „по ихъ общественному вліянію“, потому что всѣ эти „головы“ и „выборные“ попали на командирскія мѣста, именно, по той причинѣ, что они принадлежали къ „сливкамъ“ мѣстнаго помѣщичьяго общества, и въ еще большей степени то же вѣрно относительно представителей буржуазіи, „гостей“),—кромѣ этихъ членовъ „по положенію“, были и настоящіе „представители“, если не „народа“, то хотя бы одного дворянства. Ихъ было на 267 членовъ собора около 40 человѣкъ, по подсчету проф. Ключевскаго. Но даже и въ позднѣйшихъ случаяхъ это представительство не сомкнулось въ классовыя группы, подобныя отдѣльнымъ États средневѣковой Западной Европы. На соборѣ 1642 года—извѣстномъ намъ лучше всѣхъ другихъ—вотируютъ отдѣльно семь служилыхъ группъ, кромѣ бояръ: 1) стольники, 2) дворяне московскіе, 3) головы и сотники московскихъ стрѣльцовъ, 4) „Володимірцы-дворяне и дѣти боярскія, которые на Москвѣ“, 5) дворяне и дѣти боярскія Нижняго-Новгорода, и Муромцы, и Лушане, „которые здѣсь на Москвѣ“; 6) „дворяне и дѣти боярскія разныхъ городовъ: Суздаль, Юрьевъ-Польскій, Переславль Залѣсскій, Бѣлая, Кострома, Смоленскъ, Галичъ,

Арзамасъ, Великій Новгородъ, Ржевъ, Зубцовъ, Торопецъ, Ростовъ, Пошехонцы, Новоторжцы, Гороховецъ", 7) дворяне и дѣти боярскія разныхъ другихъ городовъ: Мещеряне, Коломничи, Рязанцы, Туляне и проч. То же было и съ „третьимъ сословіемъ": гости, гостиной и суконной сотни торговые люди совѣщались и голосовали отдѣльно отъ сотскихъ и старостъ черныхъ сотенъ и слободъ. Представительство „четвертаго сословія", крестьянства, отличалось еще болѣе случайнымъ характеромъ. Крестьянство не слилось съ „третьимъ чиномъ", какъ во Франціи—и не выдѣлилось въ особую корпорацію, какъ въ Скандинавскихъ государствахъ. Но оно не было и систематически устранено, какъ на польскомъ сеймѣ. Крестьяне—разумѣется, не крѣпостные, за которыхъ отвѣчали ихъ господа, а „черные" или дворцовые,—появляются на соборахъ, но необычайно спорадически. На соборѣ 1682 года были выборные отъ дворцовыхъ селъ, которыхъ раньше мы никогда не встрѣчаемъ. А выборные отъ чернаго крестьянства должны были участвовать въ соборѣ 1613 года—фактъ, который долго оспаривался, оспаривается иногда и до сихъ поръ, но который можетъ быть подтвержденъ документально. Сохранилась грамота, приглашающая угличанъ прислать „уѣздныхъ крестьянъ десять человѣкъ", чтобы имъ, вмѣстѣ съ выборными отъ посада, „вольно было во всѣхъ углечанъ всякихъ людей мѣсто о государственномъ и о земскомъ дѣлѣ говорить безъ всякаго страхованія". Подписей крестьянскихъ уполномоченныхъ на избирательной грамотѣ Михаила Ѳеодоровича, однако же, нѣтъ; значитъ ли это, что крестьянскіе выборные почему-либо на соборъ не попали, или же они сплошь были безграмотные — подписи дворянъ, игуменовъ и протопоповъ „во всѣхъ уѣздныхъ людей мѣсто" довольно часты въ грамотѣ—сказать трудно. Какъ не умѣло организоваться представительства отъ отдѣльныхъ соціальныхъ группъ, такъ не умѣло выработаться и самое понятіе „представительство". Вообще говоря, на соборахъ XVII вѣка присутствуютъ уполномоченные отъ различныхъ разрядовъ населенія. Можно бы думать, что воля эта послѣдняго опредѣляла, кто пойдетъ въ Москву говорить отъ его имени. Но кое-какіе образчики будничной практики соборныхъ выборовъ заставляютъ очень въ этомъ сомнѣваться. Въ Ельцѣ, въ 1648 году, по государевой грамотѣ велѣно было выбрать изъ дѣтей боярскихъ двухъ человѣкъ: но они были выбраны на дѣлѣ не мѣстной дворянской корпораціей, а воеводою. Елецкіе помѣщики били за это на воеводу челомъ. но. страннымъ

образомъ, не за то, что онъ узурпировалъ ихъ права, а за то, что онъ выбралъ людей плохихъ, „ушниковъ“—занимавшихся доносами на свою братію. Выходитъ, что если бы воеводскій выборъ былъ удачнѣе и добросовѣстнѣе, то ельчане съ нимъ и не стали бы спорить. На соборѣ 1642 года среди довольно многочисленныхъ и довольно пестрыхъ группъ служилыхъ людей мы находимъ неожиданно двухъ отдѣльныхъ дворянъ, Никиту Беклемишева да Тимоѳея Желябужскаго. Ихъ мнѣніе стоитъ въ одной линіи съ другими—но они никого не представляли, кромѣ самихъ себя. Такимъ образомъ, представительство по общественному полномочію и представительство по личному праву, раздѣлившіяся въ Англіи еще въ XIII вѣкѣ, у насъ не различались и въ серединѣ XVII.

Столь же неопредѣленна была и компетенція соборовъ, если подходить къ нимъ съ нашей точки зрѣнія. Съ одной стороны, начиная съ Бориса Годунова (а можетъ быть, и съ Ѳеодора Ивановича) до Петра всѣ русскіе цари были выборные, и выбиралъ ихъ соборъ. Признаніе царя „всей землей“ считалось капитальнѣйшимъ условіемъ законности царской власти съ точки зрѣнія русскаго государственнаго права XVII столѣтія. Возстанія противъ Шуйскаго тѣмъ и мотивировались, что онъ „поставленъ царемъ“ „безъ вѣдома всея земли“. Невозможность организовать всеземскіе выборы съ самаго начала была крупнымъ минусомъ въ кандидатурѣ Владислава. При избраніи Михаила Ѳеодоровича старались соблюсти всѣ необходимыя условія возможно полнѣе—и въ его избирательной грамотѣ писалось, что „всѣ православные хрестьяне всего московскаго государства отъ мала и до велика и до сущихъ младенецъ, яко едиными усты вопіяху и взываху, глаголюще: что быти на . . . . всѣхъ государствахъ Россійскаго царствія . . . блаженныя памяти царя Ѳедора Ивановича сродичу, благоцвѣтущія отрасли отъ благочестиваго корени родившусю Михаилу Ѳедоровичу Романову-Юрьеву“. Какъ извѣстно, избирательная грамота подписывалась еще и долго спустя послѣ собора—такъ какъ старались собрать возможно болѣе подписей: всѣ вассалы, безъ исключенія, должны были признать новаго сюзерена—чтобы никто не могъ послѣдняго упрекнуть, какъ упрекали Шуйскаго, что онъ „самовѣнечникъ“. Казалось бы, въ рукахъ Земскаго собора была „верховная учредительная власть“: чего же больше? И однако же, съ одной стороны, московскіе люди XVII вѣка такой своей прерогативой очень мало дорожатъ.

Въ 1636 году галицкій воевода Щетининъ изъ силъ выбивался, чтобы организовать выборы въ Земскій соборъ по Галицкому уѣзду,—но какъ ни старался, болѣе двадцати помѣщиковъ набрать не могъ, и выборныхъ отъ этихъ двадцати пришлось послать за весь уѣздъ. Къ составу „верховнаго учредительнаго собранія“ (правда, что въ 1636 году царя выбирать не приходилось) населеніе относилось со злостнымъ, можно сказать, индифферентизмомъ: большинство галицкихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, пишетъ воевода, „выбору не даютъ, ослушаютца“. Съ другой стороны, московское правительство нисколько не стѣснялось игнорировать требованія „народныхъ представителей“. На соборъ 1648—1649 гг., утвердившій „Уложеніе“, выборные привезли много челобитныхъ. Иныя изъ нихъ были уважены, другія же правившіе страною бояре объявили „прихотями“—и никто не думалъ принимать ихъ во вниманіе. Но и то, и другое станетъ намъ довольно хорошо понятно, если мы вспомнимъ, что сюзеренъ не былъ обязанъ спрашиваться своихъ вассаловъ во всѣхъ случаяхъ жизни. Тамъ, гдѣ его требованія не выходили за кругъ обычнаго, онъ могъ ихъ предъявлять категорически—и его нельзя было ослушаться: разъ признавъ государя, его вассалитетъ тѣмъ самымъ однажды навсегда обязывался исполнять всѣ его нормальныя распоряженія. Рѣчь о согласіи вассаловъ заходила только тогда, когда требованія выходили изъ нормы, носили чрезвычайный характеръ. Тутъ приходилось уже не требовать, а просить, и, иногда, слезно. Когда въ 1634 году истощенной казнѣ Михаила Ѳедоровича понадобились средства для борьбы съ Польшей, и торговый капиталъ былъ обложенъ экстреннымъ сборомъ, „пятой деньгой“ (20% податью), а помѣщики должны были согласиться на нѣчто въ родѣ принудительнаго займа („запросныя деньги“), то царская рѣчь на соборѣ выражалась такъ: „а то ваше нынѣшнее прямое даяніе пріятно будетъ самому Содѣтелю Богу. А государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи то ваше вспоможенье учинитъ памятно и николи незабытно, и впередъ учнетъ жаловать своимъ государскимъ жалованьемъ во всякихъ мѣрахъ“. Земскій соборъ всегда былъ синонимомъ экстреннаго запроса: при такомъ его характерѣ ему мудрено было сдѣлаться популярнымъ.

Великій полководецъ.

Оригиналъ картины Юрія Рѣпина подъ заголовкомъ *Der grosse Heerführer* былъ выставленъ на такъ называемой Sommerausstellung der Münchner Secession 1910 года и воспроизведенъ для настоящаго изданія со спеціальной фотографіи Брукмана. Выставленная въ началѣ XX вѣка картина съ успѣхомъ можетъ посоперничать съ плохими аппетитами первой половины XIX вѣка; не лишено интереса сопоставить ее съ картиной Зауэрвейда, изобразившей по академической программѣ Петра при взятіи Нарвы. Замыселъ художника не совсѣмъ ясенъ, достаточно узокъ, мало любопытенъ въ историческомъ отношеніи. Надо думать, что этотъ чистенькій, вылощенный, загорѣвшій Петръ изображенъ послѣ Полтавской баталіи, когда онъ не успѣлъ еще окунуться въ дебри Прутскаго похода и совсѣмъ забылъ про первый Азовъ и первую Нарву. Вторую Нарву онъ, правда, получилъ, но второй Азовъ принесъ въ жертву оплошности Прутскаго похода, объ опасности котораго онъ могъ сообразить и по роли Полтавской баталіи для судьбы Карла XII, и по неуспѣхамъ друга своей дорогой сестры Софьи князя Василія Голицына.

На картинѣ, какъ и полагалось старыми академическими программами, доминируетъ надъ всѣмъ прекрасная лошадь, выносящая на себѣ всадника съ героическимъ взмахомъ шляпой. Лицо «великаго полководца» скорѣе страшно, чѣмъ вдохновенно, и самъ художникъ на ряду съ своей публикой не совсѣмъ понимаютъ нынѣ, что надо прежде всего подразумѣвать подъ «великимъ полководцемъ» и чего искать въ изображеніи послѣдняго.. Полтавская баталія была выиграна Петромъ, а Карлъ XII бѣжалъ на югъ; историки и публицисты написали по этому поводу не мало краснорѣчивыхъ строкъ и напустили не мало туману въ интересахъ взвинчиванія общественнаго мнѣнія и такъ называемаго патріотизма... Что же сдѣлалъ «великій полководецъ»? Не лучше ли здѣсь вспомнить тираду безмѣрно превознесеннаго за свою этико-философическую доктрину Льва Толстого: «Давая и принимая Бородинское сраженіе, писалъ Толстой, Кутузовъ и Наполеонъ поступили непроизвольно и безсмысленно. А историки подъ совершившіеся факты уже потомъ подвели хитросплетенныя доказательства предвидѣнія и геніальности полководцевъ, которые изъ всѣхъ непроизвольныхъ орудій міровыхъ событій были самыми рабскими и непроизвольными дѣятелями. Многіе историки говорятъ, что Бородинское сраженіе не выиграно французами, потому что у Наполеона былъ насморкъ, что ежели бы у него не было насморка, распоряженія его до и во время сраженія были бы еще геніальнѣе, и Россія бы погибла, и обликъ міра измѣнился бы. Для историковъ, признающихъ то, что Россія образовалась по волѣ одного человѣка — Петра Великаго, и Франція изъ республики сложилась въ имперію, и французскія войска пошли въ Россію по волѣ одного человѣка—Наполеона, такое разсужденіе, что Россія осталась могущественна потому, что у Наполеона былъ большой насморкъ 26-го числа, такое разсужденіе историковъ неизбѣжно-послѣдовательно». Въ литературѣ далеко еще не перевелись *такіе* историки, какъ въ искусствѣ также далеко еще на перевелись *такіе* художники: вотъ почему непонятная раздача титуловъ въ словѣ и въ краскахъ все еще продолжается.

Подъ Полтавой Петръ не простудился и не схватилъ насморка; подъ Полтавой Карлъ XII былъ черезчуръ любопытенъ и преждевременно получилъ рану въ ногу: вотъ отчего, по увѣреніямъ историковъ и рабски идущихъ за ними художниковъ, Петръ — великій полководецъ, а Карлъ XII — авантюристъ. Ну, а если бы у Петра, какъ у Наполеона, не во-время случился насморкъ, тогда что? Художникъ объ этомъ не подумалъ и надвинулъ на зрителя громадную фигуру всадника на конѣ... вотъ онъ, который создалъ Россію. А гдѣ же народъ? Этотъ народъ всегда въ тѣни у *такихъ* художниковъ, какъ и у *такихъ* историковъ... *Народъ безмолвствуетъ!*

В. Стор.

ГЛАВА XIV.

Петровская реформа.

5. Новый административный механизмъ.

Непосредственное управленіе дворянской Россіей было въ тѣхъ же рукахъ, въ чьихъ была и политическая власть: вассалы московскаго государя, военные землевладѣльцы, собирали налоги, судили, устанавливали полицейскій порядокъ въ семнадцатомъ вѣкѣ, какъ и столѣтіемъ раньше, — какъ и двумя столѣтіями позже, въ сущности, если брать соціальный смыслъ явленія, а не его юридическую оболочку. На этомъ однообразномъ фонѣ дворянскаго режима конецъ XVII и начало XVIII вѣка даютъ, однако, очень рѣзкое пятно. Перемѣщеніе экономическаго центра тяжести не могло пройти безслѣдно и для распредѣленія власти между общественными группами: весна торговаго капитализма принесла съ собою нѣчто совершенно необычное для московской Россіи — буржуазную администрацію.

Тотъ фактъ, что на самомъ рубежѣ двухъ столѣтій, въ 1699 году, дворянскій воевода, за службу и раны посаженный на свое мѣсто, чтобы „покормиться досыта“, долженъ былъ уступить это мѣсто посадскому бурмистру, не то „отвѣтственному финансовому агенту правительства“, не то—на послѣднее онъ былъ больше похожъ—приказчику на отчетѣ,—

этотъ фактъ описанъ нашими историками давно. Но, съ ихъ обычной вѣрой въ чудодѣйственную силу государства, они за него не запнулись: почему же бы государственной власти и не отдать мѣстнаго управленія въ руки купцовъ, если это было для нея удобнѣе? Вѣдь, еще Иванъ Васильевичъ Грозный хвастался, что онъ изъ камней можетъ создать чадъ Авраама, а сдѣлать изъ торговаго человѣка судью и администратора во много разъ легче. Но если мы вспомнимъ, какой гигантской ломкой сопровождался переходъ управленія изъ рукъ бояръ, т.-е. представителей крупнаго землевладѣнія, въ руки дворянъ — представителей землевладѣнія средняго, намъ будетъ понятно, какимъ прыжкомъ было перемѣщеніе власти, хотя бы только на мѣстахъ, въ руки людей, вовсе не принадлежавшихъ къ землевладѣльческому классу. Революціонный, катастрофическій характеръ петровскихъ преобразованій ничѣмъ, быть можетъ, не иллюстрируется болѣе ярко, чѣмъ этой замѣной, которую вошло въ обычай объяснять скромными соображеніями государственнаго удобства. Лишить власти одинъ классъ и передать ее другому для того только, чтобы „надежнѣе урегулировать финансовую отвѣтственность“ (какъ объясняетъ реформу 1699 года г. Милюковъ)—этого ни одно государство въ мірѣ не дѣлало, потому что ни одно и не могло бы сдѣлать. Правда, и петровской Россіи удалось это ненадолго: меньше чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ дворянское государство взяло свое. Но для того, чтобы хотя попытаться это сдѣлать, нужно было совсѣмъ особое сочетаніе силъ: нуженъ былъ тотъ союзъ буржуазіи съ верхушками землевладѣльческаго класса, о которомъ мы говорили выше. Когда новая феодальная знать использовала до конца своего буржуазнаго союзника, послѣдній долженъ былъ снова вернуться въ прежнее политическое ничтожество. Но сейчасъ же обнаружилось, что безъ этой скромной поддержки сами „верховные господа“ устоять совершенно не въ состояніи: очутившись лицомъ къ лицу съ отодвинутымъ было на задній планъ дворянствомъ, они быстро должны были сдать позицію этому послѣднему,—и дворяне снова укрѣпились въ сѣдлѣ, на этотъ разъ уже почти на два столѣтія.

Союзъ буржуазіи и „верховниковъ“ (такъ рано приходится уже употреблять этотъ терминъ, обычно связываемый съ событіями 1730 года) гораздо старше даже и Петра. Къ одному и тому же 1681 году относятся два проекта, порознь довольно странные—одинъ изъ нихъ извѣстенъ очень давно, другой впервые изложенъ подробно, если не ошибаемся, проф.

Ключевскимъ, но, съ уже знакомой намъ „государственной“ точки зрѣнія; и тотъ, и другой оставались на положеніи „интересныхъ случаевъ“, неизвѣстно откуда взявшихся и что означавшихъ. Одинъ изъ нихъ имѣлъ въ виду централизовать сборъ косвенныхъ налоговъ по всему московскому государству въ рукахъ капиталистовъ города Москвы. Московскіе гости и торговые люди гостинной и суконной сотенъ должны были поставить таможенныхъ и кабацкихъ головъ на всю Россію. Нѣтъ надобности говорить, что наши историки-юристы сейчасъ же принялись жалѣть бѣдныхъ гостей, на которыхъ взваливали такое трудное дѣло—и самый проектъ объяснили „недостаткомъ правительственныхъ распоряженій“. Но гости, отказываясь отъ предлагаемой чести, мотивировали свой отказъ не трудностью дѣла, а тѣмъ, что они не знаютъ въ провинціи людей, на которыхъ они могли бы положиться: мы поймемъ смыслъ этого отвѣта, если припомнимъ, какъ, по описанію Кильбургера, провинціальное купечество относилось къ привилегированнымъ царскимъ факторамъ. Что гостямъ собираются „свернуть шею“, объ этомъ знали, разумѣется, не одни заѣзжіе иноземцы — лучше всего это знали, конечно, сами гости. Говоря, что они не знаютъ, кому вѣрить на мѣстахъ, они, собственно, признавались, что на мѣстахъ имъ не вѣрятъ. Возможная вещь, что ихъ смущала и неопредѣленность отношеній къ мѣстной дворянской администраціи. Въ связи или не въ связи съ этимъ, но въ то же самое время, былъ выдвинутъ проектъ преобразованія послѣдней. „Предполагалось раздѣлить государство на нѣсколько намѣстничествъ и разсажать по нимъ наличныхъ представителей московской знати со значеніемъ дѣйствительныхъ и притомъ несмѣняемыхъ намѣстниковъ“ *). Проектированныя намѣстничества должны были совпасть съ отдѣльными „царствами“, входившими въ общій составъ московской державы—Сибирскимъ, Казанскимъ и такъ далѣе, такъ что это были бы „не мелкіе уѣзды, на какіе дѣлилось московское государство, а цѣлыя историческія области“. Проектъ провалился на этотъ разъ не вслѣдствіе несогласія тѣхъ, на кого собирались возложить такія трудныя функціи, а по совсѣмъ другой причинѣ: противъ него возстала хранительница традиціи, церковь, въ лицѣ патріарха Іоакима. Уже одно это должно намъ показать, что рѣчь шла не о возстановленіи боярскаго правленія, а о чемъ-то совершенно новомъ и для Москвы не-

*) Ключевскій. „Боярская Дума“, 2-е изд., стр. 495.

обычномъ. Двадцать лѣтъ спустя, когда голосъ патріарха ничего болѣе не значилъ, это новое и необычное вылилось въ два учрежденія, самыми названіями своими отрицавшія московскую традицію: то были ратуша и губерніи.

Проектъ 1681 г. потерпѣлъ неудачу, поскольку онъ былъ смѣлой попыткой концентрировать сборъ налоговъ въ рукахъ представителей крупнаго торговаго капитала. Вообще же мертвой буквой онъ не остался: начиная съ 80-хъ годовъ, воеводы и приказные люди систематически устраняются отъ финансоваго управленія; не только косвенные налоги отнимаются у нихъ, но къ нимъ не попадаютъ больше и вновь вводимые прямые: такова была участь новой стрѣлецкой подати, окладъ которой былъ установленъ гостями. Первый изъ дошедшихъ до насъ указовъ о ратушѣ (1 марта 1698 г.) ставитъ реформу въ непосредственную связь съ ранѣе заведенными порядками. „Указали мы,—говорится здѣсь,—по прежнимъ отца нашего и брата нашего (т.-е. царей Алексѣя и Ѳедора) и по нашимъ указамъ, каковы состоялись въ прошлыхъ годѣхъ, тѣхъ городовъ съ посадовъ и уѣздовъ стрѣлецкія и оброчныя деньги и иные всякіе денежные доходы сбирать самимъ тѣхъ городовъ земскимъ старостамъ и волостнымъ судейкамъ и цѣловальникамъ въ земскихъ избахъ мимо воеводъ и приказныхъ людей... потому что и въ прошлыхъ годѣхъ того сбору имъ воеводамъ вѣдать не велѣно жъ, для того, что по ихъ воеводскимъ прихотямъ были многіе съ посадскихъ людей и съ уѣздныхъ крестьянъ ненадобные сборы...“ Послѣднія цитированныя слова не оставляютъ никакого сомнѣнія, что дѣло шло отнюдь не о „финансовыхъ удобствахъ“ только, а объ отнятіи власти у одной соціальной группы и передачѣ ее другой. Такъ это и поняли обѣ стороны—и дворянская администрація, и посадскіе. Въ Вяткѣ, напримѣръ, посадскіе не только перестали что бы то ни было платить воеводѣ и давать ему кормъ, но не хотѣли и продавать ему съѣстныхъ припасовъ по обычной цѣнѣ, весьма неделикатно давая понять своему вчерашнему начальству, что ему пора убираться изъ города. Съ другой стороны, и воеводы отвѣтили на это коллективной отставкой и попытками обструкціи: вновь назначенные отказывались ѣхать къ своимъ мѣстамъ, а старые уклонялись отъ всякихъ дѣлъ и заводили длинную переписку съ московскими приказами насчетъ того, что же теперь имъ дѣлать и „у чего быть“? Какъ и можно было ожидать, посадская бѣднота въ очень многихъ случаяхъ оказывалась на одной сторонѣ съ воеводами. Перейти подъ

власть столь мало популярныхъ гостей ей отнюдь не улыбалось—и цѣлый рядъ провинціальныхъ городовъ попробовали уклониться отъ нововведенія (по подсчету г. Милюкова, 33 изъ 70). Правительству пришлось пойти на уступки: въ пользу посадскихъ уступили тѣмъ, что понизили первоначально намѣченную сумму налоговъ. Воеводы и приказные люди сохранили въ своемъ завѣдываніи тѣ мѣстности, гдѣ преобладало крѣпостное право—должны были „вѣдать во всякихъ дѣлахъ всякихъ служилыхъ людей и уѣздныхъ помѣщиковъ, вотчинниковыхъ и монастырскихъ крестьянъ“. Иными словами, дворянская Россія осталась при дворянской администраціи, буржуазная удержалась только въ городахъ, а деревня попала въ ея вѣдѣніе лишь тамъ, гдѣ не было помѣщиковъ: за „бурмистрами“ остался весь сѣверъ московскаго государства. Это голландское названіе было, кажется, единственнымъ, что во всей реформѣ принадлежало лично Петру: онъ тогда только что вернулся изъ своего путешествія въ Голландію.

Самая главная черта проекта 1681 года была воспроизведена въ указахъ 1699—1700 гг. полностью: управленіе буржуазной Россіей было сосредоточено въ рукахъ московскаго купечества, которое на этотъ разъ, повидимому, не нашло возраженій противъ налагавшейся на него „тяжести“. Московскіе „бурмистры“ должны были вѣдать бурмистровъ всѣхъ другихъ городовъ, и московская „ратуша“ служить средоточіемъ всѣхъ сборовъ, основанныхъ на новой системѣ. Въ рукахъ уполномоченныхъ московской буржуазіи оказалась почти пятая часть всего тогдашняго бюджета, а если присчитать къ этому всѣ промышленныя предпріятія царской казны, фактически управлявшіяся той же буржуазіей, то и гораздо больше. Система монополій никогда еще не достигала такого развитія, какъ въ первые годы XVIII столѣтія. Продажа водки и не переставала быть исключительной привилегіей казны: кабацкіе доходы составляли главную часть бюджета ратуши. Съ 1705 года царской монополіей стала также и соль, дававшая ежегодно отъ 300 до 400 тысячъ рублей (тогдашнихъ: теперешнихъ 3—$3^1/_2$ милліона). Нѣсколько позже казенными товарами стали деготь, мѣлъ, рыбій жиръ, сало и щетина. „Здѣшній дворъ,—писалъ въ 1706 году англійскій посланникъ своему двору,—совсѣмъ превратился въ купеческій: не довольствуясь монополіей на лучшіе товары собственной страны, напримѣръ, смолу, поташъ, ревень, клей и т. п. (которые покупаются по низкой цѣнѣ и перепродаются съ

большимъ барышомъ англичанамъ и голландцамъ, такъ какъ никому торговать ими, кромѣ казны, не позволяется), они захватываютъ теперь иностранную торговлю: все, что имъ нужно, покупаютъ за границей черезъ частныхъ купцовъ, которымъ платятъ только за комиссію, а барышъ принадлежитъ казнѣ, которая принимаетъ на себя и рискъ". Русскіе товары точно такъ же продавались непосредственно за границей, для чего царскіе „гости" отправлялись даже въ Амстердамъ, облеченные новымъ званіемъ „оберъ-комиссаровъ". Нѣтъ надобности говорить, что и они, какъ гости стараго времени, торговали не только за царя, но и за себя лично, не стараясь особенно тщательно отдѣлить одно отъ другого. Какимъ вліяніемъ пользовалось тогда купечество въ финансовомъ управленіи, можно судить по предоставленному—въ 1703 году—ратушѣ праву: контролировать распредѣленіе тѣхъ суммъ, которыя прошли черезъ ратушу. Благодаря этому, весь финансовый аппаратъ петровской арміи оказался подъ надзоромъ бурмистровъ: они раздавали жалованье на мѣстахъ и провѣряли употребленіе выданнаго военнымъ начальствомъ. Дворянинъ „съ эполетою" долженъ былъ послушно представлять отчетъ „купчишкѣ": такъ далека была петровская эпоха отъ нравовъ, изображавшихся впослѣдствіи Гоголемъ!

Однако же, и для петровской эпохи такое положеніе вещей было слишкомъ оригинальнымъ, чтобы оно могло длиться долго. Какъ ни вліятельна была буржуазія—больше иноземная, чѣмъ туземная—экономически, политическая власть была не въ ея рукахъ. У ратуши съ ея буржуазной централизаціей давно былъ готовъ соперникъ, отъ имени котораго и въ пользу котораго работала, въ сущности, и буржуазія. Проектъ „намѣстничествъ" 1681 года такъ же мало упалъ съ неба, какъ и проектъ всероссійской „бурмистерской палаты". Уже въ 50-хъ годахъ XVII вѣка на окраинахъ московскаго государства мы встрѣчаемъ начальниковъ съ чрезвычайными полномочіями, и всегда изъ крупной знати, близкой къ царскому двору. Таковъ былъ кн. Репнинъ, правившій сначала въ Смоленскѣ, потомъ въ Новгородѣ; когда онъ уѣзжалъ на время въ Москву, команду принималъ его сынъ—точно дѣло шло о настоящемъ удѣльномъ княжествѣ. Таковъ былъ въ Бѣлгородѣ кн. Ромодановскій и въ Казани знаменитый Бор. Алекс. Голицынъ, который, по словамъ современника, „правилъ весь низъ (все Поволжье) такъ абсолютно, какъ бы былъ государемъ". Какъ и полагается феодаламъ, то были, прежде всего, военные начальники—командующіе войсками того или иного

округа, по теперешней терминологіи: но, по феодальному же обычаю, военное начальство было начальствомъ вообще. Бѣлгородскій воевода вѣдалъ приписанные къ Бѣлгороду города не только въ военномъ, но и въ финансовомъ, и въ судебномъ отношеніяхъ: „службою и судомъ и денежными и хлѣбными всякими доходы“. Въ 1670 году нѣсколько городовъ смоленскаго округа были переданы въ новгородскій „разрядъ“ (какъ именовались тогда эти округа) „со всею службою и со всякими тѣхъ городовъ доходы, и судомъ и расправою, и помѣстными и вотчинными дѣлами“. Иностранцу, смотрѣвшему на московскіе порядки, такъ сказать, съ птичьяго полета, и отъ котораго поэтому подробности московской административной техники не могли закрыть сущности дѣла, установившіеся къ концу XVII вѣка порядки казались формальнымъ „раздѣленіемъ Руси“. „Во всѣхъ областяхъ, на которыя раздѣлена была имперія, пишетъ англійскій морякъ Перри, пріѣхавшій въ Россію въ 1698 году,—они (важные, знатные господа, которые были любимцами царя и принадлежали обыкновенно къ именитѣйшимъ родамъ Россіи) дѣйствовали, какъ подчиненные царю владѣтельные князья, имѣющіе право пользоваться царскимъ именемъ, чтобы придавать большую силу издаваемымъ ими приказаніямъ; можно сказать, что въ ихъ рукахъ находилась жизнь людей и ихъ имущество. Для разсмотрѣнія дѣлъ и приведенія въ исполненіе ихъ приказаній каждый изъ этихъ господъ или князей имѣлъ присутственное мѣсто, или палату, въ Москвѣ, гдѣ эти знатные господа большей частью имѣли мѣсто жительства; туда подавали просьбы изъ всѣхъ меньшихъ городовъ, находящихся въ каждой изъ этихъ областей. Въ этомъ присутствіи вмѣсто судей засѣдали дьяки или канцлеръ; обязанность ихъ заключалась въ томъ, чтобы выслушивать и рѣшать дѣла, подписывать приказы, относящіеся до казначейства, военныхъ или гражданскихъ дѣлъ, и отъ времени до времени отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ тому изъ господъ, подъ начальствомъ котораго они дѣйствовали; вышеозначенные господа рѣдко сами приходили въ палаты, чтобы выслушивать дѣло. Дьяки представляли имъ вопросъ въ той формѣ и въ томъ свѣтѣ, какъ желали, и въ случаѣ неудовольствія въ это время не существовало возможности подать прошеніе ни въ какое высшее мѣсто. Каждому изъ этихъ господъ предоставлено было право назначать и посылать правителей во всѣ большіе и малые города, посредствомъ которыхъ каждая область подраздѣлялась на меньшіе округа...

Собранныя (воеводами) суммы высылались въ главный приказъ или въ собственную канцелярію каждаго изъ этихъ бояръ, жившихъ въ Москвѣ, гдѣ производился расчетъ сборовъ, сдѣланныхъ въ каждой области, смотря по тому, какъ для нихъ было выгоднѣе—съ приложеніемъ отчета о томъ, что было истрачено на разные вымышленные случаи, относящіеся до служебныхъ необходимостей и пользы каждой области; остатокъ денегъ высылали въ канцелярію главнаго казначейства".

„Устройство ратуши было со стороны Петра серьезной попыткой противодѣйствовать" этому растаскиванію государства „важными знатными господами": если символическую фигуру Петра мы замѣнимъ торговымъ капиталомъ, какъ разъ къ началу Сѣверной войны ставшимъ въ центрѣ всѣхъ дѣлъ, эта оцѣнка г. Милюкова будетъ вполнѣ правильной. Въ моментъ своего наивысшаго подъема торговая буржуазія оттѣснила на задній планъ петровскихъ сатраповъ, и они не рѣшились даже серьезно ей сопротивляться (о кое-какомъ противодѣйствіи бояръ учрежденію ратуши говоритъ тотъ же Перри). Но уже очень скоро „важные знатные господа, которые были любимцами царя", взяли свое. Въ 1707 или 1708 годахъ всѣ города, кромѣ тѣхъ, которые были ближе 100 верстъ къ Москвѣ, были „расписаны" между пограничными центрами: Кіевомъ, Смоленскомъ, Азовомъ, Казанью, Архангельскомъ и С.-Петербургомъ *). Какимъ принципомъ руководились при „расписываніи" городовъ, на этотъ счетъ хорошо освѣдомленный современникъ, Татищевъ, говоритъ вполнѣ опредѣленно. „Губернаторы" старались захватить возможно больше возможно болѣе доходныхъ городовъ: такъ, напримѣръ, Меншиковъ „приписалъ" къ Петербургу Ярославль „для богатаго купечества"; какъ наиболѣе близкое къ Петру лицо, онъ два города своей губерніи, Ямбургъ и Копорье, получилъ прямо въ личную собственность. Въ томъ же качествѣ перваго человѣка по царѣ Меншиковъ сталъ получать города еще раньше оффиціальнаго „расписыванія" ихъ по губерніямъ: уже въ 1706 г. Петръ сдѣлалъ распоряженіе „Новгородъ, Великіе Луки и прочіе принадлежащіе къ нимъ города по росписи г. Меншикова отослать совсѣмъ къ его губернаціи". Но и прочіе „губернаторы" были изъ ближайшихъ къ царю людей: Азовская и Казанская губерніи были въ рукахъ братьевъ Апрак-

*) Въ точности годъ учрежденія губерній неизвѣстенъ—образчикъ того, какъ еще мало изучена даже внѣшняя исторія „эпохи преобразованій". См. г. Милюкова, стр. 366, прим. 1-ое.

синыхъ, одинъ изъ которыхъ, „адмиралтеецъ“ Ѳедоръ Матвѣевичъ, послѣ Меншикова былъ къ Петру ближе, чѣмъ кто бы то ни было; Кіевская была отдана ставшему впослѣдствіи столь знаменитымъ вождю „верховниковъ“ 1730 года, кн. Дм. Мих. Голицыну, котораго Петръ особенно уважалъ; въ Смоленскѣ сидѣлъ царскій родственникъ Салтыковъ. Мы очень ошиблись бы, если бы это сосредоточеніе власти на мѣстахъ въ рукахъ довѣренныхъ людей царя объяснили соображеніями цѣлесообразности: желаніемъ лучше знать мѣстныя дѣла, непосредственнѣе на нихъ воздѣйствовать и т. п. Этого уже потому не могло быть, что быть близко къ царю и быть близко къ своей губерніи невозможно было одновременно. Губернаторы, по большей части, находились тамъ же, гдѣ былъ центръ власти, и во время Сѣверной войны „приключались быть въ арміи“. Болѣе другихъ осѣдлымъ въ своей губерніи былъ кн. Д. М. Голицынъ; а вмѣсто Меншикова въ „Ингерманландіи“ управлялъ „ландрихтеръ“ Корсаковъ, вмѣсто Ѳ. Апраксина въ Азовской губерніи—Кикинъ, вмѣсто Петра Апраксина въ Казани — вице-губернаторъ Кудрявцевъ; сибирскій губернаторъ кн. Гагаринъ, котораго Петръ впослѣдствіи долженъ былъ повѣсить за невообразимый грабежъ, большею частью пребывалъ въ Москвѣ. То управленіе черезъ „дьяковъ и канцлеровъ“, о которомъ говорилъ Перри, продолжалось, такимъ образомъ, и послѣ новаго раздѣла страны между „знатными господами“. Все, чего отъ нихъ требовалъ Петръ, это—чтобы они дѣлились съ центральной властью своими доходами: возстановляя денежныя подати средневѣковаго вассала средневѣковому сюзерену губернаторы подносили царю „подарки“. Они бывали большіе—до 70.000 рублей сразу—и маленькіе, исчислявшіеся десятками рублей; регулярные, изъ года въ годъ, и чрезвычайные—по какому-нибудь особенному случаю: такъ, по случаю свадьбы Петра съ Екатериной губернаторы должны были прислать по 50 рублей съ каждаго города. Больше всѣхъ утѣшалъ Петра своими „подарками“ казанскій губернаторъ, Петръ Апраксинъ, за три года переславшій царю 120.000 рублей отъ своего усердія (на современныя намъ деньги нѣсколько болѣе милліона); зато при немъ „учинилось впустѣ“ въ Казанской губерніи 33.215 дворовъ инородцевъ, платившихъ ясакъ, и оттого вскорѣ оказалось „не только запросныхъ (чрезвычайныхъ), но и табельныхъ (обыкновенныхъ) сборовъ сбирать невозможно — за умноженіемъ въ дворовомъ числѣ многой пустоты“. Дм. Мих. Голицынъ собралъ за свое упра-

вленіе Кіевской губерніей „излишнихъ денежныхъ сборовъ“ 500.000 рублей (четыре съ половиной милліона)—„и отъ тѣхъ тягостей и отъ излишнихъ сборовъ въ Кіевской губерніи учинилась пустота“. А еще Голицынъ считался лучшимъ губернаторомъ!

„Знатные господа“ въ свое время сопротивлялись устройству ратуши. Какъ отнеслась сконцентрированная въ ратушѣ буржуазія къ учрежденію губерній? Попытки сопротивленія были и здѣсь. Оберъ-инспекторъ ратуши, знаменитый Курбатовъ, горячо протестовалъ противъ „растаскиванія“ и старался найти наиболѣе чувствительный пунктъ у царя, указывая на возможное, при новыхъ порядкахъ, уменьшеніе доходовъ. „Ежели не растащена будетъ собранная тобою, государемъ единымъ, ратуша“, писалъ онъ Петру, „и мнѣ бѣдному препятія, какъ уже и есть мнѣ, не будетъ, учиню при помощи Божіей для святыя войны, ея же ради я призванъ, многое собраніе“. Не будетъ ратуши, и воевать не на что будетъ, грозился Курбатовъ: „ей-ей во единособранномъ правленіи всегда лучше бываетъ“, тогда какъ „немногая бываетъ и будетъ польза въ разномъ правленіи“. Петру трудно было на это отвѣтить. Будущій (и какъ скоро!) создатель бюрократическаго режима въ Россіи то цѣплялся за бюрократизмъ ратуши, иронически напоминая о десяткахъ расписокъ, которыя приходилось брать каждому плательщику, то приводилъ избитый мотивъ о томъ, какъ трудно управлять заочно. Мотивъ, не годный уже потому, что именно губернаторы, какъ мы видѣли, по большей части правили заочно, хотя правда, что расписками и вообще отчетностью они себя не утруждали. Возраженія Курбатова только нѣсколько затянули дѣло. И единственной уступкой буржуазіи было то, что представитель и защитникъ ея интересовъ, Курбатовъ, сдѣлался начальникомъ Архангельской губерніи, наиболѣе буржуазной изъ всѣхъ. Торговый капиталъ и феодальная знать размежевались, такимъ образомъ, территоріально, при чемъ въ руки второй досталось девять десятыхъ, а въ рукахъ перваго осталась одна десятая всей территоріи и всей власти *).

Но раздѣлъ не могъ быть совершенно чистымъ. Во-первыхъ, Петръ, говоря словами г. Милюкова, „мало-по-малу создалъ себѣ... особую сферу непосредственной государственно-хозяйственной дѣятельности, взявъ въ свое личное распоря-

*) Для большей части приводимыхъ выше фактовъ см. Милюкова, „Государственное хозяйство“, гл. II и V—VII.

женіе эксплоатацію (большей частью съ помощью „прибыльщиковъ“) цѣлаго ряда регалій“. То-есть, какъ и въ XVII вѣкѣ, выше крупнѣйшихъ хозяйствъ частныхъ вотчинниковъ оставалось хозяйство царское. А затѣмъ оставались городъ и область вокругъ него, не поддававшіеся территоріальному размежеванію, потому что они одновременно являлись средоточіемъ и новой феодальной знати, и крупнѣйшей буржуазіи. То была Москва съ ближайшими къ ней уѣздами. Такъ какъ географически она совпадала и съ центромъ царскаго хозяйства, то не было ничего естественнѣе сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ власти надъ „Московской губерніей“ и завѣдыванія царскими предпріятіями. И не путай насъ ассоціаціи, навѣянныя положеніемъ вещей гораздо болѣе позднимъ, чѣмъ 1711 г., не будь мы, кромѣ того, подъ гипнозомъ именъ, мы давно бы нашли правильное мѣсто въ исторіи русскихъ учрежденій петровскому сенату. Это „невиданное и неслыханное“, по мнѣнію старыхъ историковъ-юристовъ, созданіе Петра прежде всего было собраніемъ отвѣтственныхъ царскихъ приказчиковъ. Достаточно внимательно перечитать извѣстные „пункты“ 2 марта 1711 года, которыми уѣзжавшій въ прутскій походъ царь опредѣлялъ дѣятельность только что созданнаго имъ „правительствующаго“ центра, чтобы эта, именно, картина встала передъ нами со всею опредѣленностью. Всѣхъ „пунктовъ“ 9,—вотъ пять послѣднихъ: „векселя исправить и держать въ одномъ мѣстѣ; товары, которые на откупахъ или по канцеляріямъ и губерніямъ, осмотрѣть и освидѣтельствовать; о соли—стараться отдать на откупъ и попещися прибыли у оной; торгъ китайской, сдѣлавъ компанію добрую, отдать; персидской торгъ умножить и армянъ какъ возможно приласкать и облегчить, въ чемъ пристойно, дабы тѣмъ подать охоту для большаго ихъ пріѣзду“. Кильбургеровская „коллегія гостей“ ничего иного въ свое время и не дѣлала. Что въ этой коллегіи теперь, рядомъ съ „прибыльщикомъ“ и бывшимъ холопомъ Васильемъ Ершовымъ, который сталъ „управителемъ“ Московской губерніи, мы видимъ большое число недавнихъ бояръ,—правда, не изъ перваго сорта,—это только лишній разъ показываетъ, какъ перемѣшались всѣ понятія съ перестановкой экономическаго центра тяжести. Функціи же тѣхъ бояръ, которые попали въ сенаторы, какъ нельзя лучше соотвѣтствовали ихъ новой роли. Изъ членовъ сената первоначальнаго состава Самаринъ былъ генералъ-кригсъцалмейстеромъ, т.-е. главнымъ казначеемъ арміи, Опухтинъ завѣдывалъ серебрянымъ рядомъ, Купецкой палатой и денеж-

ными дворами, кн. Гр. Волконскій—тульскими оружейными заводами и т. д. Ни одинъ изъ „верховныхъ господъ“, въ родѣ Меншикова и Апраксина, въ сенатъ не пошелъ, и они писали ему „указомъ“, а право сената давать имъ указы было очень сомнительно. Нужно прибавить,—и въ этомъ второй характеристическій признакъ новаго учрежденія, что вообще его права за предѣлами Московской губерніи рисовались ему самому и его агентамъ въ нѣкоторомъ туманѣ. Уже то, что Московская губернія, одна изъ всѣхъ, была упомянута въ томъ самомъ указѣ, которымъ учреждался сенатъ (22 февраля 1711 г.), указываетъ на какую-то ихъ спеціальную связь. Любопытная переписка сената съ его первымъ „оберъ-фискаломъ“ (мы сейчасъ увидимъ значеніе этой должности) окончательно убѣждаетъ въ томъ, что связь эту нельзя считать случайной. Оберъ-фискалъ прямо спрашивалъ, „для одной ли онъ Московской губерніи назначенъ или для всѣхъ?“ Со склонностью всѣхъ учрежденій въ мірѣ расширять свою компетенцію, сенатъ отвѣтилъ, что оберъ-фискалъ долженъ „смотрѣть во всѣхъ губерніяхъ“. Но самъ спрашивавшій, повидимому, былъ твердо убѣжденъ въ противоположномъ отвѣтѣ, ибо въ одномъ изъ пунктовъ своего доклада онъ проситъ, чтобы „изъ приказовъ и изъ городовъ Московской губерніи дѣла прислать къ нему немедленно...“, и чтобы о его назначеніи сдѣлать извѣстнымъ „на Москвѣ въ приказахъ, въ слободахъ, и въ городахъ, и въ уѣздахъ Московской губерніи“. Сенатъ положилъ резолюцію „послать великаго государя указы въ Московскую и въ другія губерніи“, опять подчеркивая этимъ свое повсемѣстное значеніе. Но на губернаторовъ это очень мало дѣйствовало, и изъ цѣлаго ряда указовъ Петра мы узнаемъ, что на приказанія сената губернаторы не обращали никакого вниманія, несмотря на грозное заявленіе указа 5 марта: „опредѣлили управительный сенатъ, которому всякъ и ихъ указамъ да будетъ послушенъ такъ, какъ намъ самому, подъ жестокимъ наказаніемъ или и смертью, по винѣ смотря“. Эти слова создателя сената произвели впечатлѣніе больше, повидимому, на позднѣйшихъ историковъ, нежели на тѣхъ, кого они ближайшимъ образомъ имѣли въ виду. Губернаторы и послѣ неоднократно доводили Петра до угрозъ поступить съ ними „какъ ворамъ достоитъ“ и, что называется, ухомъ не вели, прекрасно понимая, что „отъ слова не сдѣлается“. Историки же, обративъ больше всего вниманія на названіе и на первый пунктъ петровской инструкціи („судъ

имѣть нелицемѣрный“ и т. д.) заговорили о неслыханномъ и невиданномъ учрежденіи, заимствованномъ будто бы изъ Швеціи. Между тѣмъ, какъ разъ со шведскимъ, аристократическимъ и не на словахъ, а на дѣлѣ „правительствующимъ“ сенатомъ, сенатъ Петра Великаго ничего общаго не имѣлъ, кромѣ имени.

Снабженіе царскихъ приказчиковъ широкими судебными и административными полномочіями само по себѣ никого, конечно, не удивило бы въ началѣ XVIII вѣка, когда и въ концѣ его царскому камердинеру ничего не стоило превратиться въ перваго министра. Противъ сената могла бы явиться оппозиція лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ, подобно Ратушѣ, получилъ соціальное значеніе—сталъ орудіемъ буржуазіи въ борьбѣ за власть съ дворянствомъ. Но буржуазный центръ, какимъ была Ратуша, ко времени появленія сената былъ уже окончательно разбитъ—„верховные господа“ „растащили“ по своимъ губерніямъ все, что удалось собрать купеческой администраціи. Реформа самого сената понадобилась лишь тогда, когда и въ это учрежденіе попали „верховные господа“, первоначально въ немъ не представленные и мало имъ интересовавшіеся. Но еще раньше этого заключительнаго аккорда петровскихъ преобразованій, поскольку они касались администраціи, лютую ненависть средняго и мелкаго служилаго люда снискало одно орудіе сенатскаго управленія, имѣвшее два основныхъ признака: во-первыхъ, оно было, дѣйствительно, заимствовано съ запада не по одному названію, а во-вторыхъ, хотя и косвенно, оно оставляло въ рукахъ не-дворянъ крупную долю вліянія на дѣла. То были фискалы. Съ этимъ именемъ у всякаго связывается столь опредѣленная ассоціація, выдвигающая на первый планъ идею тайнаго сыска и шпіонажа, что разсмотрѣть дѣйствительный смыслъ этого учрежденія не такъ легко. Беря его, однако же, такъ, какъ оно изображено въ современныхъ документахъ, особенно въ инструкціи 17 марта 1714 года, дающей фискальству окончательную отдѣлку, нетрудно видѣть, что въ воображеніи Петра носилось, въ довольно туманномъ образѣ, нѣчто въ родѣ современной прокуратуры. Фискалъ—представитель публичнаго интереса, охраняющій „дѣла народныя“ отъ покушеній со стороны частныхъ лицъ. Оттого, въ сферу его вѣдѣнія входятъ не только „взятки или кража казны“, но и всѣ дѣла „иже не имѣютъ челобитчиковъ о себѣ“, въ которыя никакое частное лицо не имѣетъ поводовъ вступаться. Убьютъ ли проѣзжаго, останется ли выморочное иму-

щество—о разслѣдованіи въ первомъ случаѣ, объ охранѣ безпризорнаго имѣнія во второмъ—долженъ заботиться фискалъ. Публичный интересъ, какъ таковой, въ Московской Руси не имѣлъ своей охраны—наиболѣе близко подходящіе по типу къ фискаламъ губные головы охраняли интересы не общества въ его цѣломъ, а только мѣстнаго населенія, органами котораго они и являлись. Но эти функціи фискаловъ, навѣянныя знакомствомъ съ европейскими порядками, уже при Петрѣ отпали отъ нихъ или отступили на второй планъ, какъ скоро появилась прокуратура со своимъ собственнымъ именемъ. Въ воображеніи современниковъ и въ памяти потомства гораздо ярче отпечатлѣлась другая задача фискаловъ, сближавшая ихъ со знаменитыми „прибыльщиками“, изъ среды которыхъ и вышли нѣкоторые изъ нихъ—отыскиваніе прибытка царской казнѣ, притомъ очень оригинальнымъ способомъ: не путемъ изобрѣтенія новыхъ источниковъ дохода, а путемъ устраненія расходовъ, происходящихъ отъ злоупотребленій и казнокрадства. При чемъ, впрочемъ, и старый, прибыльщицкій, способъ увеличенія казенныхъ доходовъ не совершенно исчезъ изъ фискальской практики: знаменитый Нестеровъ въ своемъ „доношеніи“ перечисляетъ въ ряду своихъ заслугъ не одно раскрытіе злоупотребленій, а и свой проектъ—основать купеческую компанію, которая бы защищала интересы туземнаго купечества отъ конкурренціи иностранцевъ. Но это лишь одинъ изъ пунктовъ „доношенія“, притомъ послѣдній, въ остальныхъ рѣчь идетъ объ изобличеніи или предупрежденіи кражъ то изъ царскихъ предпріятій,—напримѣръ, бархата, который поручили продавать одному агенту, то изъ государственной казны, съ монетнаго двора, напримѣръ, при чемъ не видно, чтобы слугѣ Петра Великаго было доступно то невѣсомое различіе государева и государственнаго при режимѣ абсолютной монархіи, которое съ такою тонкостью проводили впослѣдствіи наши историки-юристы. И покража царскаго бархата, и взятки, которыя бралъ дворцовый судья Савеловъ, за всѣмъ этимъ одинаково гнался, съ неутомимостью ищейки, царскій фискалъ, стремясь обратить эту охоту за расхитителями казны въ наслѣдственную профессію. „Ихъ общая дворянская компанія“,—жалуется Нестеровъ на своихъ товарищей,—„а я, рабъ твой, межъ ими замѣшался одинъ съ сыномъ моимъ, котораго обучаю фискальству и за подъячаго имѣю...“ И изъ этого же мѣста „доношенія“ мы узнаемъ, кстати, что только одинъ этотъ не-дворянскій фискалъ и относился къ своему дѣлу серьезно, прочіе же, „дворянская компанія“,

„отбывая службы и посылокъ, живутъ сами, яко сущіе тунеядцы, при своихъ деревняхъ, и имѣютъ тщаніе о своихъ, а не о фискальствѣ“. Пусть бывшій барскій холопъ (до своего „прибыльщичества“, которое послужило ему ступенью къ фискальству, Нестеровъ былъ крѣпостнымъ, какъ и Курбатовъ) и поклеветалъ немного при этомъ случаѣ на своихъ бывшихъ господъ, но сами петровскіе указы свидѣтельствуютъ, что на дворянъ, какъ на оберегателей царскихъ доходовъ, царь не разсчитывалъ. Фискальство сразу же было сдѣлано доступнымъ и для буржуазіи. „Выбрать оберъ-фискала, человѣка умнаго и добраго, изъ какого чина ни есть“, читаемъ мы въ первомъ же распоряженіи Петра, детально касающемся новой должности (указъ 5 марта 1711 г.; въ указѣ 2 марта фискалы только упомянуты). Согласно съ этимъ требованіемъ—брать, не стѣсняясь чинами,—перваго оберъ-фискала взяли изъ дьяковъ преображенскаго приказа, петровскаго департамента полиціи. Чиновные люди, впрочемъ, сейчасъ же повели противъ своего нечиновнаго надзирателя весьма успѣшную обструкцію, и назначенный въ апрѣлѣ 1711 г. новый оберъ-фискалъ еще въ августѣ не имѣлъ ни подчиненныхъ, ни канцеляріи, ни даже помѣщенія. Но Петръ, или, вѣрнѣе, не потерявшіе еще на него вліянія буржуазные круги вели свою линію, и даже указъ 17 марта 1714 г. требуетъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, двое изъ состоявшихъ при сенатѣ фискаловъ были изъ купечества, „которые бы могли купеческое состояніе тайно вѣдать“, дипломатически прибавляетъ указъ; точно такъ же и въ губерніяхъ часть фискальскихъ мѣстъ обязательно предоставлялась буржуазіи. И дѣйствительно, въ одномъ изъ позднѣйшихъ сенатскихъ указовъ мы читаемъ, что городовые фискалы должны быть „за выборомъ провинціалъ-фискаловъ и всѣхъ того города куцецкихъ людей“. А самъ о себѣ одинъ изъ такихъ фискаловъ съ товарищами пишетъ: „выбраны мы на Устюгѣ мірскими людьми въ фискалы...“

Фактически Нестеровъ былъ послѣднимъ оберъ-фискаломъ не изъ дворянъ: его мѣсто занялъ уже дворянинъ, гвардейскій полковникъ Мякининъ. Но когда буржуазія впервые явилась въ видѣ охранителя публичнаго интереса и контролера дворянской администраціи, это должно было вызвать у чиновныхъ людей взрывъ ярости, которую трудно описать, и нѣкоторое понятіе о которой могутъ дать лишь подлинныя слова оратора, впитавшаго въ себя всю дворянскую злобу противъ новаго учрежденія. Въ знаменитой великопостно-

проповѣди Стефана Яворскаго (1712 года) звучатъ прямо революціонныя ноты. „Законъ Господень непороченъ, а законы человѣческіе бываютъ порочны. А какой же то законъ, напримѣръ: поставити надзирателя надъ судомъ и дати ему волю, кого хочетъ обличити, да обличитъ, кого хочетъ обезчестить, да обезчеститъ; поклепъ сложить на ближняго судью, вольно то ему. Не тако подобаетъ сему быти: искалъ онъ моей головы, поклепъ на меня сложилъ, а не довелъ—пусть положитъ свою голову; сѣть мнѣ скрылъ, пусть самъ ввязнетъ въ узкую; ровъ мнѣ ископалъ, пусть самъ впадетъ въ онь, сынъ погибельный, чужою бо мѣрою мѣрите. А то какова слова ему не говорити, запинаетъ за безчестье!“ И эта своеобразная теорія—уголовной отвѣтственности прокурора въ случаѣ оправданія подсудимаго—не осталась пустымъ звукомъ: тотъ же, цитированный уже нами, указъ 17 марта устанавливаетъ для фискаловъ „штрафъ легкой“ за ошибки безъ намѣренія и уголовное взысканіе, равное тому, какому подлежало обличаемое фискаломъ лицо, въ случаѣ доказаннаго злого умысла со стороны фискала. Но это значило превратить фискальскій сыскъ въ своего рода дуэль между изыскателями злоупотребленій и „злоупотребителями“: либо ты меня, либо я тебя. А герои, фанатики своего фискальскаго долга, въ родѣ Нестерова, и здѣсь были такою же рѣдкостью, какъ и вездѣ. Этотъ пунктъ указа 17 марта 1714 года былъ крупной побѣдой дворянства надъ буржуазіей—началомъ конца буржуазной администраціи вообще.

Погибая, она, однако, если вѣрить нѣкоторымъ, очень авторитетнымъ, показаніямъ, помогла нанести старой дворянской администраціи еще одинъ ударъ. Фокеродтъ, писавшій всего черезъ 12 лѣтъ по смерти Петра,—слѣдовательно, почти современникъ, многое, во всякомъ случаѣ, слышавшій отъ современниковъ,—считаетъ фискальскіе доносы Нестерова исходной точкой крупнѣйшей административной реформы Петра—введенія коллегій. Онъ изображаетъ дѣло такъ: первыя 30 лѣтъ своей жизни Петръ „мало или вовсе не заботился“ о внутреннемъ управленіи государствомъ, всецѣло поглощенный заботами о преобразованіи арміи и созданіи флота. Въ этомъ направленіи толкала царя не одна внѣшняя политика, какъ привыкли мы думать: Петръ сознавалъ, говоритъ Фокеродтъ, „какое значеніе имѣетъ постоянная армія для самодержавной власти“. Мы увидимъ скоро, что въ этомъ, мимоходомъ брошенномъ, замѣчаніи прусскій дипломатъ „коротко, ясно и по обыкновенію умно“ (характеристика, которую даетъ

Букварь Каріона Истомина.

Передъ нами снимки съ перваго и съ одного изъ послѣднихъ листовъ *букваря* Каріона Истомина, напечатаннаго въ Москвѣ, въ мартѣ 1692 г. Въ 1682 г. Истоминъ подалъ царевнѣ Софьѣ вирши, въ которыхъ рекомендовалъ ей осуществить мысль объ устройствѣ въ Москвѣ духовной академіи:

Умоли убо самодержцевъ сущихъ,
Да государи они то изволятъ,
Обще господа о томъ да помолятъ,
Наукамъ велятъ быти совершеннымъ
И учителемъ людемъ извѣщеннымъ.

Ближайшимъ предшественникомъ букваря К. Истомина былъ букварь Симеона Полоцкаго, который прельщалъ учащихся такимъ вступленіемъ:

Отроче юный, отъ дѣтства учися
Письмена знати и разумъ потщися;
Не возлѣнися трудовъ положити,
Имать бо польза многа быти.
Аще ся видитъ досадно стужати,
Но сладко плоды трудовъ собирати.

На рубежѣ XVII и XVIII столѣтій вопросъ о школѣ и учебныхъ пособіяхъ стоялъ остро и нелицемѣрно интересовалъ правительство и многихъ лицъ, такъ или иначе съ нимъ сносившихся, и въ этомъ отношеніи рубежъ XIX и XX столѣтій представляетъ собою полную противоположность: тогда добивались наилучшей по силѣ разумѣнія постановки школьнаго ученія, позднѣе поставили задачей школы воспитывать безграмотность, тупоуміе и холопство. Правда, тогда учениковъ били и драли, позднѣе перестали бить, но стали доводить до отчаянія издѣвательствомъ и создавать такой психическій кризисъ, при которомъ ничего не оставалось иного, какъ вѣшаться или стрѣляться. Старый букварь страшно тяжелъ и падокъ на нравоученіе. Нравоученіе всегда было тяжкой страницей въ исторіи педагогическихъ пріемовъ; оно происходило изъ ложнаго пониманія вещей, при которомъ полагали, что человѣкъ воспитывается отвлеченной проповѣдью, а между тѣмъ въ дѣйствительности его воспитываетъ вся бытовая обстановка эпохи. Учится мальчикъ написанію и произношенію буквы *пси* и тутъ же совершенно неожиданно и неизвѣстно для чего читаетъ

Въ добродѣтельныхъ вещехъ искусися
Отъ случаевъ злыхъ въ молитвѣ крѣпися,
Богъ же благая готовъ есть давати
Молящыяся скорбей изимати.

Первая страница букваря, интересная по своимъ гравернымъ украшеніямъ и заставкѣ, даетъ ясное представленіе о его содержаніи и происхожденіи. Передъ Христомъ, сидящимъ на тронѣ съ раскрытымъ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ и благословляющей правой рукой, дефилируютъ юнцы со свитками въ рукахъ, на которыхъ написаны наименованія наукъ: теологія, астрономія, риторика, философія, грамматика и геометрія. Какъ видимъ, изъ средневѣковаго trivium'а сюда вошли грамматика и риторика, но опущена діалектика. Букварь долженъ былъ привлекать учащихся иллюстраціями; каждый листъ книги, посвященный одной изъ буквъ алфавита, непремѣнно начинался картинкой, сопровождавшейся начертаніями буквъ и словеснымъ разъясненіемъ.—О научныхъ познаніяхъ начала XVIII вѣка въ Россіи можно ознакомиться по первому тому книги П. Пекарскаго *Наука и литература въ Россіи при Петрѣ* и второй части книги П. Н. Милюкова *Очерки по исторіи русской культуры.*

В. Стор.

Всетворцу Бгу / Буди честь и слава.
Онъ бо людем всѣмъ / в дѣла вся управа.
Писменъ когда ли / Кто хощетъ учися,
Бгу моляся / за дѣло имися.

Еллински Грамматa,
Славенски писма та,
Здѣ ся образуютъ.
Званство ей сказуютъ.

Како пишутся / Тыя скорописно,
добрѣ уставомъ / Зри всякъ очвисно.
Писмена сложны / дадутъ речение,
из оныхъ слово / Во все учение.

Иеромонахъ / Смнни є Каріѡнъ.
Желающь в вышнь весѣм, успѣти градъ сіѡнъ.
Пріяти разумъ / в букварѣ успѣшный,
посемъ в нѣбе вѣкъ, в сладости утѣшный.

Мироздания зрчѳ лѣта, ѿ воплощения же Бга слова, ахчв. мца марта.
в царствующемъ градѣ Москвѣ.

Ѱ ѱ ѱї П S ſ

Ви́дъ пи́смено ѱи , си́цевъ показ́ютъ ,
гре́ческихъ и́менъ , в҃ сло́зѣ ѡ҃браз́ютъ .
Слава́не пи́шутъ , и́ гре́ки то҃ в҃ счетѣ ,
с҃бира́й с҃чита́й всѧ҃ , по́лзыв҃ твое́мъ лѣ҃тѣ .
Душа́ съ пло́тїю , вса́ко разлу́чится ,
и́ па́ки и́мать , на вѣ́къ е҃дини́тся .
Въ добродѣ́телныхъ , ве́щехъ и҃скусѝся ,
ѿ слу́чаевъ Злыхъ , в҃ моли́твѣ крѣпи́ся .
Бг҃ъ же блага́я , гото́въ е҃́сть дава́ти ,
моля́щымся , скорбе́й и҃зима́ти .

Фокеродту г. Милюковъ) намѣтилъ одну изъ кардинальныхъ линій петровской политики. Не будемъ пока отвлекаться отъ нашей очередной темы — административной реформы. Итакъ, не занимаясь первыя тридцать лѣтъ своего царствованія вопросами внутренней администраціи, Петръ впервые обратилъ на нее вниманіе, когда хаосъ въ этой области достигъ крайнихъ предѣловъ, при чемъ ближайшимъ образомъ открыла глаза царю, по увѣренію Фокеродта, записка, составленная и поданная въ 1714 году Нестеровымъ, который за нее, именно, и былъ сдѣланъ оберъ-фискаломъ. Тѣмъ временемъ Петръ могъ убѣдиться, что преобразованіе арміи и флота по европейскимъ образцамъ дало прекрасные результаты: ему, военному инструктору и корабельному инженеру, прежде всего другого, естественно могла прійти въ голову мысль, что, примѣнивъ тѣ же пріемы въ области гражданскаго управленія, легко и это послѣднее сдѣлать столь же образцовымъ, какъ балтійскій флотъ или преображенскіе гренадеры. А такъ какъ ближайшимъ образцомъ для подражанія въ военно-морскомъ дѣлѣ была Швеція, то опять естественно было и за образчиками администраціи обратиться туда же. И вотъ онъ посылаетъ въ Швецію—съ которой тогда еще шла война—довѣреннаго человѣка, „сыплетъ деньгами“ („Geld auf Geld gab“), чтобы достать, выкрасть, такъ сказать, уставы и регламенты шведскихъ административныхъ учрежденій, какъ выкрадываютъ планъ крѣпости или модель корабля. А когда этотъ своеобразный шпіонъ вернулся со своей добычей въ Россію, добытые документы поспѣшно переводятся на русскій языкъ, и въ Россіи создается рядъ административныхъ органовъ, представляющихъ собою точную копію шведскихъ. При чемъ, такъ какъ въ военномъ и морскомъ дѣлѣ видную роль сыграли приглашенные изъ-за границы инструкторы, ихъ поспѣшили найти и теперь: на службу во вновь учрежденныя коллегіи было приглашено большое количество иностранцевъ, въ особенности нѣмцевъ. Скоро, однако же, обнаружилось, что собственно шведскую технику приглашенные знаютъ плохо, а главное, что для хорошаго управленія одной техники мало. Притомъ же новыя центральныя учрежденія оказались островомъ въ морѣ старой приказной Руси, ибо провинціальная администрація осталась въ прежнемъ видѣ. Все это и заставило Петра повременить съ дальнѣйшимъ развитіемъ новыхъ учрежденій и даже многое прямо взять назадъ. Коллегіи сохранили прежнія имена, но ихъ порядки во многомъ вернулись къ

прежнему, московскому типу, а въ то же время Петръ энергично принялся за передѣлку мѣстнаго управленія.

Въ эту очень упрощенную и даже наивную схему новѣйшія изслѣдованія внесли массу новыхъ штриховъ, лишившихъ набросанную Фокеродтомъ картину ея классической ясности. Мы знаемъ теперь, что введеніе коллегій не было такой дѣтски простой операціей, какъ изображено у него; что въ распоряженіи Петра были не одни донесенія его лазутчика, а цѣлый рядъ обстоятельныхъ проектовъ, шедшихъ съ разныхъ сторонъ; что коллегіи не были введены внезапно, какъ бы приказомъ по арміи—что отъ первой мысли о коллегіяхъ до реализаціи этой мысли прошло нѣсколько лѣтъ; что, наконецъ, приглашенные изъ-за границы гражданскіе инструкторы были не хуже военныхъ, и между ними мы встрѣчаемъ такихъ людей, какъ Люберасъ и Фикъ, административными идеями которыхъ тогдашніе политическіе круги питались и долго послѣ коллежской реформы. Но, усложнивъ картину, исправивъ ея грубые контуры, новѣйшія изслѣдованія не такъ полно упразднили Фокеродта, какъ можетъ показаться. Исходной точкой реформы и теперь приходится считать административный хаосъ, достигшій, дѣйствительно, своего апогея къ 1714-му году, и въ раскрытіи котораго Петру, дѣйствительно, очень должна была помочь его буржуазная администрація въ лицѣ фискаловъ. А единственнымъ прочнымъ результатомъ ея, какъ особенно подчеркиваетъ Фокеродтъ, было введеніе въ русское казенное управленіе тѣхъ пріемовъ строгой отчетности, „которые существуютъ въ коммерческихъ заведеніяхъ“. Торговый капитализмъ, въ качествѣ обличителя, стоитъ въ началѣ реформы,—въ качествѣ наставника, замыкаетъ ее; и для того, чтобы причислить коллегіи, несмотря на ихъ наемно-бюрократическій составъ, къ той же „буржуазной администраціи“, не нужно даже указывать на то, какое мѣсто въ ихъ системѣ отведено интересамъ капитализма и капиталистовъ. Коллегіи были высшими органами центральнаго управленія, соотвѣтствовавшими теперешнимъ министерствамъ; но въ то время, какъ теперь и торговля и промышленность довольствуются однимъ министерствомъ (а недавно довольствовались однимъ департаментомъ одного министерства), при Петрѣ не только существовали особыя коллегіи для торговли и промышленности, но была сдѣлана попытка создать особое „министерство фабрикъ“—мануфактуръ-коллегію—отдѣльно отъ министерства горныхъ заводовъ—бергъ-коллегіи. Если прибавить къ этому, что финан-

самъ и отчетности было отведено цѣлыхъ три центральныхъ учрежденія—каммеръ-, штатсъ- и ревизіонъ-коллегіи (столько же, сколько всей внѣшней политикѣ вмѣстѣ взятой—иностранная, военная и адмиралтействъ-коллегіи), при полномъ отсутствіи центральныхъ органовъ не только для народнаго просвѣщенія, но даже и для полиціи—въ числѣ коллегій не было соотвѣтствующей нашему министерству внутреннихъ дѣлъ—сравненіе съ „торговымъ домомъ“ совсѣмъ не покажется намъ натянутымъ. И, можетъ быть, нѣтъ ничего характернѣе для коллежской реформы, что началась она, именно, съ заботъ о торговлѣ. Впервые коллегія является подъ перомъ Петра въ указѣ 16 января 1712 г., гдѣ говорится: „учинить коллегіумъ для торговаго дѣла и оправленія, чтобъ оную въ лучшее состояніе привести, къ чему надобно одинъ или два человѣка иноземцевъ (которыхъ надобно удовольствовать, дабы правду и ревность въ томъ показали) съ присягою, дабы лучшій порядокъ устроить, ибо безъ пререкословія есть, что ихъ торги несравненно лучше есть нашихъ“. Для этой первой русской коллегіи представитель Петра въ Гаагѣ долженъ былъ спеціально отыскивать обанкротившихся голландскихъ купцовъ, такъ какъ предполагалось, что тѣ, „кому въ ихъ отечествѣ какая несправедливость учинена“, во-первыхъ, охотнѣе пойдутъ на иноземную службу, а во-вторыхъ, ревностнѣе будутъ служить своему новому государю, не имѣя интереса таить отъ него секреты ихъ отечественной коммерціи. На дѣлѣ, впрочемъ, этой оригинальнѣйшей въ мірѣ коллегіи банкротовъ не удалось осуществиться, и коммерцъ-коллегія была организована по шведскому образцу, при участіи все тѣхъ же Фика и Любераса.

Что Петръ шелъ къ коллегіямъ отъ флота и арміи, въ этомъ опять-таки не приходится, повидимому, поправлять Фокеродта: для доказательства ему достаточно было бы сослаться на знаменитый указъ, предписывавшій регламенты всѣхъ коллегій составить по образцу—адмиралтейской. Что хорошо на кораблѣ, то не можетъ быть нигдѣ дурно... Но эта субъективная сторона коллежской реформы не мѣшаетъ ей объективно быть орудіемъ того же торговаго капитала, которому служила и вся петровская реформа вообще. Для интересовъ этого капитала коллегіи пришли, однако же, въ послѣдній часъ—слишкомъ поздно, чтобы буржуазія могла ими воспользоваться. Мы сейчасъ увидимъ, что, въ противоположность Ратушѣ, которая была въ купеческихъ рукахъ цѣлый рядъ лѣтъ, коллегіи не были въ нихъ ни минуты,

и что „верховнымъ господамъ“, именно, потому и не пришлось „растаскивать“ новыя учрежденія, что они сразу стали въ нихъ хозяевами. Но это была уже практика: чрезвычайно важно, что и въ теоріи коллежская реформа заключала въ себѣ крупную уступку общественному мнѣнію того самаго дворянства, съ которымъ такъ безцеремонно было поступлено въ 1699 году. Вводя новыя учрежденія, Петръ сознательно, какъ мы видѣли, руководился техническими соображеніями, а безсознательно служилъ интересамъ той экономической силы, которая гнала Россію въ Европу, не справляясь ни съ чьими субъективными планами и намѣреніями. Но когда онъ начинаетъ мотивировать реформу передъ своими подданными, мы слышимъ ноты, совершенно неожиданныя, дающія рѣзкій диссонансъ со всѣмъ, что мы привыкли представлять себѣ, когда мы думаемъ о Петрѣ-реформаторѣ. Фанатическій поклонникъ дубинки, увѣренный, что все дѣло въ томъ, чтобы хорошо приказать и наблюсти за тѣмъ, чтобы приказаніе было выполнено, вдругъ начинаетъ заботиться: что скажутъ о немъ его подданные? Для чего вводятся коллегіи? „Дабы не клеветали непокоривыи человѣцы, что се или оное силою паче и по прихотямъ своимъ, нежели судомъ и истиною заповѣдуетъ монархъ“, отвѣчаетъ Петръ устами Ѳеофана Прокоповича. Тридцать лѣтъ человѣкъ былъ убѣжденъ, что силой все можно сдѣлать,—и теперь онъ хлопочетъ, какъ бы его не попрекнули, что онъ дѣйствуетъ при помощи насилія. И, увлекшись своей аргументаціей, секретарь Петра—такимъ, конечно, и былъ Прокоповичъ, когда онъ писалъ это предисловіе къ Духовному Регламенту—доходитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ до критики личной власти вообще и до восхваленія политической свободы. „Извѣстнѣе взыскуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ...“ А главное: „Коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію: не тако бо, яко же единоличный правитель, гнѣва сильныхъ боится“. Но что стало бы съ $^{9}/_{10}$ петровскихъ указовъ безъ страха передъ „гнѣвомъ сильнаго“? Интереснѣе же всего, что это были не одни слова. Организуя юстицъ-коллегію, Петръ вспомнилъ, что она „касается до всего государства“, и что могутъ быть „нареканія—что выбрали кого по какой страсти“; поэтому предписано было членовъ ея выбрать, во-первыхъ, „всѣми офицеры, которые здѣсь“, а во-вторыхъ, „изъ дворянъ отобрать лучшихъ человѣкъ сто и имъ также“ выбрать трехъ членовъ юстицъ-коллегіи. Когда потомъ, въ 1730 году, шляхетство заговорило

о „баллотированіи“ всѣми дворянами членовъ сената, у него, собственно, былъ превосходный готовый прецедентъ: не меньше же сенатъ „касался до всего государства“, чѣмъ юстицъ-коллегія?

Но это были пока только уступки въ пользу дворянства—и не со стороны буржуазіи, нужно сказать: кому принадлежала власть въ новыхъ учрежденіяхъ, достаточно показываетъ списокъ коллежскихъ президентовъ. Во главѣ военной коллегіи сталъ Меншиковъ, адмиралтейской — Апраксинъ, иностранной—Головкинъ, каммеръ-коллегіи—кн. Дм. Мих. Голицынъ, коммерцъ-коллегіи—Петръ Толстой; если сюда присоединить наиболѣе вліятельныхъ сенаторовъ, Мусина-Пушкина, ставшаго президентомъ штатсъ-коллегіи, и кн. Якова Долгорукаго, занявшаго то же мѣсто въ ревизіонъ-коллегіи, то списокъ „верховныхъ господъ“, какихъ можно было найти около 1718 года, и списокъ новыхъ министровъ совпадутъ почти вполнѣ. Исключеніе составитъ только президентъ бергъ- и мануфактуръ-коллегіи, знаменитый Брюсъ: и это исключеніе не менѣе характерно, нежели въ свое время была оставшаяся въ рукахъ Курбатова Архангельская губернія. Еще оставался уголокъ, тогда территоріальный, теперь организаціонный, гдѣ „верховные господа“ не рѣшались распоряжаться непосредственно. Но Брюсъ былъ человѣкъ болѣе покладистый, нежели Курбатовъ, и съ нимъ было еще легче ладить. Отъ назначенія его членомъ „тайнаго совѣта“ онъ прямо отказался, мотивируя отказъ тѣмъ, что онъ иностранецъ. И одинъ указъ Петра курьезно проговаривается, почему, собственно, министерство фабрикъ и заводовъ досталось этому скромному человѣку: отбирая въ 1722 году коллегіи у старыхъ президентовъ, императоръ замѣчаетъ, что надлежало бы перемѣну распространить и на бергъ-коллегію—„да заобычнаго не знаю“. Брюсъ былъ не политическій человѣкъ, а просто хорошій техникъ—найти ему замѣстителя было нелегко, а въ то же время онъ никому не мѣшалъ. И его присутствіе въ числѣ коллежскихъ президентовъ нисколько не портило общей картины владычества надъ Россіей „верховныхъ господъ“ черезъ коллегіи, какъ раньше распоряжались они же въ качествѣ губернаторовъ.

„Растаскиваніе“ народнаго достоянія должно было продолжаться безпрепятственно и теперь, только въ иной формѣ. Извѣстное дѣло Шафирова вскрываетъ передъ нами уголокъ коллежскаго хозяйства въ первые же годы послѣ реформы. Введеніе отчетности было, какъ мы знаемъ, одной изъ самыхъ

сильныхъ сторонъ этой послѣдней. Но достаточно было стоять во главѣ коллегіи „свѣтлѣйшему князю“, чтобы она была наглухо забронирована отъ всякаго контроля. Меншиковъ неукоснительно требовалъ своему вѣдомству все, что причиталось по окладу на всю армію, а на требованія „дать подлинному приходу и расходу вѣдѣніе“ отвѣчалъ презрительнымъ молчаніемъ. Между тѣмъ, армія никогда не достигала комплекта, и въ распоряженіи ея главнаго командира каждый годъ оставались крупные излишки. Но за попытку проникнуть въ секретъ ихъ употребленія Шафировъ едва не поплатился головой. Съ его ссылкой изъ состава „верховныхъ господъ“ выбылъ послѣдній человѣкъ, и по своему происхожденію—Шафировъ былъ изъ еврейской купеческой семьи—и по связямъ всего ближе стоявшій къ буржуазіи. Феодальный характеръ верховнаго управленія сталъ чище, чѣмъ когда бы то ни было, а различіе между „старой“ знатью, въ лицѣ Голицыныхъ и Долгорукихъ, и „новой“, въ лицѣ Меншиковыхъ и Толстыхъ, никогда не было настолько велико, чтобы создать почву для политической перегруппировки. Но при такихъ условіяхъ новыя учрежденія должны были очень скоро притти къ банкротству, не вслѣдствіе техническихъ причинъ, какъ казалось Фокеродту,—неумѣлости наскоро набранныхъ нѣмецкихъ чиновниковъ и неприспособленности центральнаго управленія къ мѣстному,—а по причинамъ чисто соціальнымъ. Сознаніе этого банкротства и привело къ послѣдней—хронологически—реформѣ Петра: преобразованію сената и коллегій въ 1722 году. Офиціально перемѣна была, разумѣется, мотивирована соображеніями государственной пользы: указъ 12 января 1722 года начинаетъ съ изображенія того, какъ трудна задача сената и сенаторовъ,—„понеже правленіе сего государства, яко нераспоряженнаго передъ симъ, непрестанныхъ трудовъ въ сенатѣ требуетъ“,—и какъ невозможно быть президентомъ коллегіи и сенаторомъ въ одно и то же время. Прямой выводъ отсюда, казалось бы, слѣдующій, былъ тотъ, что президентовъ надо уволить отъ „трудовъ“ въ сенатѣ: такъ и было поступлено съ Меншиковымъ, Головкинымъ и Брюсомъ. Они были уволены отъ обязанности ходить въ сенатъ въ обычное время и остались полными хозяевами у себя дома, каждый въ своей коллегіи. Но по отношенію къ Голицыну, Толстому, Пушкину и Матвѣеву (президенту юстицъ-коллегіи) довольно неожиданно было сдѣлано прямо противоположное: ихъ „уволили“ отъ начальства въ коллегіяхъ и оставили имъ мѣста въ се-

натѣ. Другими словами, у нихъ отняли реальную единоличную власть, принадлежавшую каждому изъ нихъ (едва ли нужно объяснять читателю, что „коллегіальность“ петровскихъ учрежденій была такой же пустой формой, какъ и коллегіальность современныхъ намъ бюрократическихъ „присутствій“), и оставили за ними по одному голосу въ учрежденіи, гдѣ сообща обсуждались важнѣйшіе государственные вопросы. Смыслъ этой мѣры былъ, конечно, тотъ же, что, напримѣръ, въ позднѣйшее время смыслъ назначенія членомъ государственнаго совѣта какого-нибудь министра: это была почетная отставка. Современники, близко наблюдавшіе за ходомъ событій,—въ родѣ иностранныхъ дипломатовъ,—никогда и не были настолько наивны, чтобы, подобно новѣйшимъ историкамъ, принимать за чистую монету мотивировку указа. „Царь отставилъ отъ должности почти всѣхъ президентовъ коллегій или совѣтовъ“, сообщаетъ объ этомъ фактѣ своему правительству французскій посланникъ Кампредонъ. „Всѣ эти господа—сенаторы—и отнынѣ они будутъ просто засѣдать въ сенатѣ, передъ которымъ прежде поддерживали свои мнѣнія“.

Была ли эта временная опала почти всѣхъ „верховныхъ господъ“ результатомъ случайныхъ злоупотребленій, случайно открытыхъ императоромъ и вызвавшихъ его гнѣвъ, или же въ переворотѣ 1722 года мы должны искать извѣстной принципіальной подкладки, какъ и въ реформѣ 1718-го? Нѣкоторыя хронологическія совпаденія показываютъ намъ, гдѣ, повидимому, всего ближе можно найти ключъ къ загадкѣ. 1721—22 годы отмѣчены, во-первыхъ, рядомъ мѣръ, касавшихся положенія дворянства. Крупнѣйшими изъ нихъ были учрежденіе должности герольдмейстера, „кто бъ дворянъ вѣдалъ“, и изданіе табели о рангахъ. Эту послѣднюю принято разсматривать въ нашей исторіографіи, какъ мѣру демократическую, какъ своего рода завершеніе реформы 1682 г., уничтожившей мѣстничество: „порода“ была окончательно поставлена ниже „заслуги“. Но не надо забывать, что въ промежуткѣ русское служилое сословіе пережило эпоху полнаго смѣшенія чиновъ, когда вчерашніе боярскіе холопы сегодня становились губернаторами и министрами,—если и безъ этихъ титуловъ, то съ соотвѣтствующей властью. Въ инструкціи же герольдмейстеру опредѣленно проводится та мысль, что впредь не только военное офицерство, но и гражданское чиновничество должно рекрутироваться изъ дворянскихъ дѣтей, которыя въ этихъ видахъ и должны обучаться „экономіи и гражданству“. Въ „табели“ же, хотя и подчер-

кивается неважность „породы“ для карьеры служилаго человѣка (потомки служителей русскаго происхожденія или иностранцевъ, первыхъ 8 ранговъ, причисляются къ лучшему старшему дворянству, „хотя бы и низкой породы были“), дѣлается еще одна уступка военнымъ, которые всегда были изъ дворянъ, сравнительно со штатскими, среди которыхъ буржуазные элементы были гораздо сильнѣе представлены. Именно, вновь произведенные въ гражданскіе чины не сразу сравниваются съ соотвѣтствующими, по табели, военными чинами, а лишь по выслугѣ извѣстнаго количества лѣтъ. „Понеже сіе въ рангахъ будетъ оскорбительно воинскимъ людямъ, которые во многія лѣта и какою жестокою службою оное получили, а увидятъ безъ заслуги себѣ равнаго или выше“. Это вниманіе къ чисто-дворянской точкѣ зрѣнія на „заслугу“ еще подчеркивается припиской къ табели,—припиской, на первый взглядъ довольно странной, но понятной, если мы взглянемъ на нее, какъ на одинъ изъ зародышей будущей „Жалованной грамоты дворянству“. Приписка снимаетъ безчестье съ тѣхъ дворянъ, которые были подъ слѣдствіемъ и подвергались пыткѣ, но по суду были потомъ оправданы. Присоединивъ ко всему этому заботу о дворянскихъ гербахъ, проявленную сенатомъ, именно, въ моментъ обсужденія табели, мы получимъ общую картину, весьма далекую отъ всякихъ „демократическихъ реформъ“; и ее нисколько не портитъ поношеніе „породы“, потому что породойто, со старо-московской точки зрѣнія, дворянство XVII вѣка и не могло похвастаться. Ему нужно было не признаніе его аристократизма,—въ этомъ смыслѣ все было покончено еще въ дни Смуты,—а признаніе его права на власть, а на первый случай даже просто отобраніе въ его пользу у буржуазіи доходныхъ должностей. Этому послѣднему и отвѣчала одна маленькая, весьма мало замѣтная, реформа, относящаяся къ тому же 1722 году. Въ 1718 году, одновременно со введеніемъ коллегій, было возстановлено централизованное городское управленіе, разрушившееся съ паденіемъ Ратуши: были устроены городовые магистраты, подчиненные Главному магистрату въ Петербургѣ. Очень характерно, что возстановленіе было неполное: въ вѣдѣніе магистратовъ попало не все буржуазное, неслужилое и некрѣпостное населеніе, которое вѣдалось послѣ 1699 года бурмистрами, а только горожане, купцы и промышленники въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Но еще болѣе характерно, что и у магистратовъ въ 1722 году была отобрана одна изъ главныхъ функцій

Потѣшные Петра I въ кружалѣ.

Оригиналъ картины А. П. Рябушкина *Потѣшные Петра I въ кружалѣ* (1892 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ (№ 744). На картинѣ мало воздуха и свѣта, давитъ потолокъ, взоръ зрителя главнымъ образомъ притягивается къ длинной трубкѣ, изъ которой затягивается наиболѣе характерный съ бритымъ подбородкомъ петровскій потѣшный, сидящій въ новенькомъ головномъ уборѣ. При Петрѣ получили большое значеніе потѣшные конюхи, изъ нихъ преимущественно формировались потѣшные полки Преображенскій и Семеновскій; сыномъ придворнаго конюха и капрала Преображенскаго полка былъ, какъ извѣстно, всемогущій временщикъ Алексашка Меншиковъ. Люди съ бородами и въ длинныхъ мужицкихъ армякахъ съ удивленіемъ вглядываются въ этихъ своихъ «православныхъ», опоганенныхъ табачищемъ и подобіемъ антихристова образа. Атмосфера, въ которой, съ одной стороны, будетъ подготовляться протестъ противъ насильственныхъ эксцессовъ петровской реформы, а съ другой—образованіе извѣстной пропасти между арміей и народомъ,—вся налицо. Картина Рябушкина пытается набросать одну изъ очень рѣзкихъ черточекъ культурной и соціальной эпопеи рубежа XVII и XVIII вѣковъ. Характерна вообще эта манера кисти Рябушкина—живописать старую Русь путемъ массовыхъ сценъ обычнаго житейскаго склада въ противоположность Сурикову, который беретъ для своего изображенія сильно драматическіе моменты.

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ".

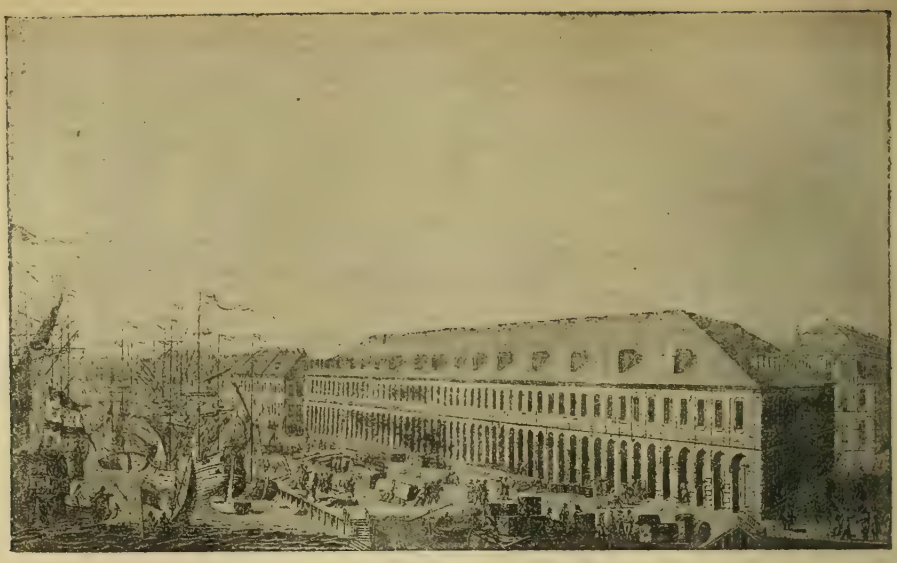
Изд. Т-ва „МІРЪ".

прежней бурмистерской палаты—сборъ косвенныхъ налоговъ: указами 11 и 13 апрѣля этого года велѣно было пошлинные, кабацкіе, соляные и другіе всякіе сборы передать отставнымъ военнымъ, по назначенію военной коллегіи: а „раскольники и бородачи“ при этихъ военныхъ людяхъ должны были играть исполнительную роль „цѣловальниковъ“. Косвенно петровскій указъ этимъ, конечно, устанавливаетъ, что на сборъ косвенныхъ налоговъ въ началѣ 18 вѣка смотрѣли не какъ на повинность, а какъ на привилегію: теперь эта привилегія была отнята у буржуазіи и передана служилымъ людямъ, которые, нужно сказать, на практикѣ мало ею воспользовались, найдя это буржуазное занятіе, очевидно, не по своимъ вкусамъ и привычкамъ. Черезъ три года только четвертая часть пошлинныхъ сборщиковъ была изъ отставныхъ военныхъ—остальныя мѣста были по прежнему за купцами, потому что ихъ некѣмъ было замѣнить.

1722 годъ обозначаетъ, такимъ образомъ, новый сдвигъ въ сторону служилой массы — новый успѣхъ дворянской реакціи. Нѣтъ надобности оговаривать, что такова была объективная сторона событій; субъективно Петръ оставался болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, на старой колеѣ, въ этомъ самомъ году начавъ кампанію, нисколько не менѣе „буржуазную“ по своимъ задачамъ, нежели борьба за Балтійское море, и, конечно, болѣе сознательно буржуазную. То былъ персидскій походъ. Позже мы нѣсколько детальнѣе коснемся этого достойнаго финала эры торговаго капитализма—„начала конца“ и для личной біографіи Петра. Но не приходится отрицать, что ко времени персидскаго похода Петръ былъ сознательнѣе не только въ области внѣшней политики. Не отдавая себѣ отчета въ соціальной подкладкѣ творившагося вокругъ него, онъ ясно видѣлъ одно: что на ту группу людей, съ которою онъ привыкъ дѣлать дѣло, положиться нельзя; что ея интересы какимъ-то роковымъ образомъ расходятся съ интересами этого дѣла; что они—не помощники, а тормозы, если не сознательные враги его начинаній; что передъ нимъ борется возрожденный реставраціей XVII вѣка феодализмъ съ привитыми извнѣ новыми экономическими формами; что, конечно, туземное приспособитъ къ себѣ занесенное съ запада, а не наоборотъ; что вся его попытка, въ цѣломъ, заранѣе осуждена на неудачу: такъ онъ, конечно, самъ никогда не формулировалъ бы положенія. Но онъ чувствовалъ жгучую потребность не спускать ни на минуту глазъ съ подозрительныхъ и ненадеж-

ныхъ людей, которыхъ судьба сдѣлала его ближайшими слугами и совѣтниками. А между тѣмъ, потребности все того же дѣла заставляли его уѣхать за двѣ тысячи верстъ. И вотъ—чрезвычайно характерное различіе—уѣзжая въ 1711 г., онъ создаетъ органъ управленія — сенатъ; уѣзжая въ 1722 году, онъ оставляетъ за собою органъ надзора — генералъ-прокуратуру. Исторія сдѣлала впослѣдствіи изъ генералъ-прокурора своего рода визиря, министра для всѣхъ дѣлъ, или, если угодно, царскаго главнаго бурмистра. Но Петръ имѣлъ для него въ виду совсѣмъ не это. Его генералъ-прокуроръ, какъ его рисуетъ инструкція 27 апрѣля 1722 года, ничѣмъ не управляетъ: онъ только слѣдитъ, слѣдитъ неукоснительно за лукавыми и лѣнивыми рабами, носящими званіе сенаторовъ и тайныхъ совѣтниковъ. И чтобы они не проводили времени праздно, работали „истинно, ревностно и порядочно“, и чтобы они не забывали правилъ, сочиненныхъ для нихъ Петромъ, дѣйствовали „по регламентамъ и указамъ“, и притомъ не для видимости только,—„не на столѣ только дѣла вершились, но самымъ дѣйствомъ по указамъ исполнялись“,—и, особенно, чтобы не воровали и не взяточничали: „дабы сенатъ въ своемъ званіи праведно и нелицемѣрно поступалъ“. Въ лицѣ генералъ-прокурора Петръ надѣялся имѣть телескопъ, при помощи котораго онъ изъ Астрахани и Дербента могъ бы услѣдить каждый грошъ, попавшій изъ казеннаго сундука въ карманъ „господъ сената“. Онъ такъ и опредѣляетъ новую должность: „око наше“—и грозитъ этому живому телескопу самой жестокой участью, если онъ будетъ функціонировать плохо. Не даромъ эта должность и была поручена человѣку, сравнительно молодому и не выдѣлявшемуся особенно изъ рядовъ государственныхъ дѣятелей, но зато лично необычайно тѣсно связанному съ царемъ: то былъ П. И. Ягужинскій, за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ занявшій при Петрѣ, повидимому, то же положеніе, которое ранѣе занималъ, по общему убѣжденію, Меншиковъ. За границей, во Франціи, Петръ не разставался съ нимъ ни на минуту и все время не спускалъ съ него глазъ, какъ Грозный съ Басманова... Но для роли всеобщаго ревизора молодой царскій любимецъ, кажется, былъ слишкомъ слабъ. Вернувшись изъ Персіи, Петръ рѣшилъ взять дѣло надзора непосредственно въ свои руки. Въ одной изъ ближайшихъ къ царской спальнѣ комнатъ дворца, разсказываетъ Фокеродтъ, былъ поселенъ новый оберъ-фискалъ, полковникъ Мякининъ, и начальникъ всего сыска сдѣлался главнымъ и

постояннымъ совѣтникомъ императора. Въ долгихъ бесѣдахъ съ нимъ Петръ настаивалъ на одномъ: истребить до корня всѣ злоупотребленія. Жизнь всѣхъ висѣла на волоскѣ — до Меншикова и Екатерины включительно. Но отъ этого плана всеобщаго истребленія слишкомъ пахло безуміемъ, чтобы онъ могъ дать какіе-нибудь практическіе результаты. Онъ показываетъ только, что къ этому времени не одно физическое здоровье Петра было окончательно надорвано, и что катастрофа 28 января 1725 года пришла совершенно во-время.



6. Новое общество.

Завоеваніе феодальной Россіи торговымъ капиталомъ, какимъ бы временнымъ и непрочнымъ оно ни было, должно было сопровождаться крупными измѣненіями въ бытѣ русскаго общества. На всемъ протяженіи своей тысячелѣтней исторіи съ этой стороны послѣднее не переживало, вѣроятно, болѣе рѣзкой, по внѣшности, перемѣны. Она особенно поразитъ насъ, если мы взглянемъ на это общество сверху. На самомъ верху пирамиды, тамъ, гдѣ еще такъ недавно высилось нѣчто въ родѣ живой иконы, въ строгомъ византійскомъ стилѣ, медленно и важно выступавшей передъ глазами благоговѣвшей толпы,—выступавшей лишь на минуту, чтобы тотчасъ же вновь скрыться въ темной глубинѣ теремовъ,—теперь виднѣлась нервная, подвижная до суетливости фигура въ рабочей курткѣ, вѣчно на людяхъ, вѣчно на улицѣ, при чемъ нельзя было разобрать, гдѣ же кончалась улица, и начинался царскій дворецъ. Ибо и тамъ и тутъ было одинаково безчинно, шумно и пьяно,—и тамъ и тутъ была одинаково пестрая и безцеремонная толпа, гдѣ царскаго министра въ золоченомъ кафтанѣ и андреевской лентѣ толкалъ локтемъ голландскій матросъ, явившійся сюда прямо съ корабля, или нѣмецкій лавочникъ, пришедшій прямо изъ-за прилавка. Чѣмъ дальше отъ дворца, правда, тѣмъ перемѣна чувствовалась

меньше. Уже служилый человѣкъ, довольно охотно надѣвъ на себя нѣмецкій костюмъ и нѣсколько менѣе охотно сбривъ бороду, сидя въ учрежденной по заморскому образцу коллегіи, не прочь былъ по старинѣ помѣстничаться со своимъ сосѣдомъ, дома же держалъ у себя все по старому чину, и если пускалъ къ себѣ иной день улицу, то лишь съ великою неохотой и по строгому царскому указу. Ниже служилыхъ шла плотная масса „раскольниковъ и бородачей", которыхъ перемѣна не коснулась даже и внѣшнимъ образомъ, и которые еще на полтора столѣтія, до романовъ Печерскаго и комедій Островскаго, сохранили свой „бытъ" во всей его неприкосновенности. И ужъ совсѣмъ никакой перемѣны нельзя было замѣтить въ многомилліонной мужицкой массѣ: прежнее крѣпостное ярмо ея ничуть не облегчилось отъ новыхъ порядковъ, а новая, капиталистическая, барщина, съ ея утонченными способами эксплуатаціи, была еще далеко впереди. Употребляя старо-французскіе термины, „дворъ" измѣнился сильнѣе, чѣмъ „городъ", а деревня совсѣмъ не измѣнилась. Но „дворъ" былъ центромъ совершившагося экономическаго переворота—мы видѣли значеніе царскаго хозяйства въ дѣлѣ образованія торговаго капитала; „городъ" былъ театромъ этого переворота: и если теперь, конечно, мы не станемъ говорить о „петровской культурѣ", какъ о какой-то новой эрѣ для всего русскаго народа—чередъ его „европеизаціи" наступилъ лишь во второй половинѣ XIX вѣка,—то все же задача: прослѣдить вліяніе перемѣны въ народномъ хозяйствѣ вплоть до „быта" и „нравовъ",—остается не лишенной интереса. Тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ здѣсь послѣдовательность явленій, не составляющую національной особенности русскаго народа. Сходство того, что происходило въ Россіи начала XVIII вѣка, съ тѣмъ, что знакомо западно-европейской исторіи XVI—иногда фотографическое. И это фотографическое сходство не менѣе поучительно, нежели тотъ, всѣмъ привычный, фактъ, что городъ, возникающій въ началѣ XX вѣка гдѣ-нибудь въ глуши южной Африки, какъ двѣ капли воды будетъ похожъ на городъ, который одновременно строятъ въ Канадѣ или даже на европейскихъ „концессіяхъ" Китая. Утомительное однообразіе буржуазной культуры нашего времени на добрую долю объясняется громадной ролью, какую играетъ въ современной жизни техника, одинаковая подъ всѣми широтами и долготами. Общество начала XVIII вѣка было еще почти столь же примитивно въ этомъ отношеніи, какъ и его предшественники на два столѣтія раньше. Стоитъ почитать

переписку французскихъ чиновниковъ придворнаго и дипломатическаго вѣдомствъ, рѣшавшихъ въ 1717 году трудную задачу: какъ имъ переправить изъ Кале въ Парижъ русскаго царя съ его свитой—десятка четыре народу, не больше чѣмъ на пару вагоновъ теперешняго экспресса. А тогда люди не знали ни днемъ, ни ночью покоя отъ мысли: гдѣ достать столько экипажей, чтобы помѣстить въ нихъ такую толпу? И смогли выйти изъ затрудненія только, сдѣлавъ перевозку знатныхъ путешественниковъ натуральной повинностью мѣстнаго крестьянства. Общество, такъ еще мало умѣвшее бороться съ природой, должно было гораздо болѣе нашего зависѣть отъ времени и пространства. Тѣмъ удивительнѣе смотрѣть, какъ русскіе современники Петра до мелочей воспроизводятъ отдаленный отъ нихъ на два столѣтія и большинству изъ нихъ совершенно незнакомый итальянскій и фландрскій „ренессансъ“.

Возьмемъ классическую характеристику этого послѣдняго, сдѣланную въ свое время Тэномъ. „Живописные праздники, которые давались во всѣхъ городахъ, торжественные въѣзды, маскарады, кавалькады составляли главное удовольствіе народа и государей... Когда читаешь хроники и мемуары, видишь, что итальянцы хотѣли сдѣлать жизнь роскошнымъ празднествомъ. Всѣ другія заботы имъ казались глупостью“. Мы не должны смущаться этимъ общимъ опредѣленіемъ—„итальянцы“: въ приведенныхъ авторомъ примѣрахъ мелькаютъ имена Галеаццо Сфорцы, герцога миланскаго, кардинала Пьетро Ріаріо, Лаврентія Медичи, папы Александра VI или Льва X. Итальянцы, стремившіеся превратить свою жизнь въ роскошный праздникъ, это опять-таки „дворъ“ и отчасти „городъ“: итальянское крестьянство жило и тогда такъ же, какъ двѣсти лѣтъ раньше и какъ двѣсти лѣтъ спустя. Приглядитесь къ подробностямъ этого „роскошнаго праздника“. У папы Льва X былъ шутъ, монахъ Маріано, „страшный обжора, который могъ проглотить сразу варенаго или жаренаго голубя и могъ съѣсть за одинъ присѣстъ сорокъ яицъ и двадцать цыплятъ“. Папу очень забавляла картина, гдѣ Маріано былъ изображенъ, окруженный всячески издѣвавшимися надъ нимъ чертями. Въ присутствіи папы представляютъ комедію, одинъ сюжетъ которой—любезно объясненный предварительно публикѣ папскимъ нунціемъ—заставилъ покраснѣть присутствовавшихъ французскихъ дипломатовъ. А можно себѣ представить, насколько цѣломудренны были эти современники Франсуа I-го, „тѣшащагося короля“ (le roi qui

s'amuse)! Когда публика расходилась послѣ этого спектакля, была такая давка и толкотня, что счастливъ былъ тотъ, кому только „чуть-чуть“ не сломали ногу. А наканунѣ папа смотрѣлъ турниръ между двумя кавалькадами—одна была одѣта въ костюмы мавровъ, другая—въ испанскіе. Дрались „только“ палками, „что было очень красиво видѣть и безопасно“. Но на другой день былъ бой быковъ, ужъ не столь безопасный: во время него было убито три человѣка и двѣ лошади. Потомъ опять была комедія, на этотъ разъ не понравившаяся папѣ: автора ея, въ наказаніе, завернули въ одѣяло и подбросили кверху съ такимъ расчетомъ, чтобы онъ ударился животомъ о подмостки сцены *).

Возьмемъ теперь записки какого-нибудь современника петровской реформы, имѣвшаго случай наблюдать Россію „сверху“: хотя бы извѣстный дневникъ Берхгольца. Вамъ покажется, что русскіе, подобно итальянцамъ XVI вѣка, рѣшили всю свою жизнь превратить въ сплошной праздникъ и считаютъ все остальное глупостью. Съ раута въ лѣтнемъ саду мы попадаемъ на балъ во дворцѣ, съ бала на спускъ новаго корабля, что стоитъ десяти баловъ, со спуска корабля на маскарадъ по случаю Ништадскаго мира. Неправильно сказать „на маскарадъ“, ибо ихъ было нѣсколько, и каждый длился по нѣскольку дней. Густая пелена виннаго угара виситъ надъ всей этой чрезвычайно обстоятельной и многорѣчивой одиссеей голштинскаго двора въ Петербургѣ, разсказанной Берхгольцемъ: и не безъ вздоха облегченія сообщаетъ онъ иногда (такъ рѣдко!), что „сегодня разрѣшено было пить столько, сколько хочешь“. Ибо обыкновенно пить было обязательно, сколько хочетъ царь... Лаврентій Великолѣпный, тщетно пытавшійся достать слона для одной изъ своихъ процессій, могъ бы позавидовать Петру, къ услугамъ котораго былъ цѣлый звѣринецъ. И ужъ, навѣрное, никакому итальянскому князю не удалось бы устроить такого маскарада, который подарила Петру русская зима, когда цѣлый флотъ двигался по улицамъ Москвы на саняхъ. Экипажъ самого царя представлялъ точную копію—въ миніатюрѣ—только что спущеннаго недавно величайшаго корабля русскаго флота, „Миротворца“ (онъ, конечно, назывался по-голландски—Fridemaker). На немъ было нѣсколько мальчиковъ-юнгъ, продѣлывавшихъ всѣ морскія эволюціи, „какъ самые лучшіе и опытнѣйшіе боцмана“. По командѣ Петра, они ставили паруса, какъ требовало направленіе вѣтра, „что оказывало хо-

*) „Philosophie de l'art“, I, 175.

рошую помощь 15 лошадямъ, которыя тащили корабль". Онъ былъ вооруженъ 8 или 10 настоящими пушками, изъ которыхъ Петръ салютовалъ время отъ времени, а ему отвѣчалъ съ другого такого же „корабля" валахскій господарь, ѣхавшій въ концѣ поѣзда. Всего было около 60 саней—25 дамскихъ и 36 мужскихъ, при чемъ самыя маленькія везли 6 лошадей. А передъ этимъ „серьезнымъ" или „настоящимъ" маскарадомъ шла еще шутовская процессія „князь-папы" съ его кардиналами и божествомъ морской стихіи—Нептуномъ. „Императоръ, по всему судя, забавлялся истинно по-царски". Сколько стоило это удовольствіе государю, который любилъ говорить, что „копейка рубль бережетъ", не нужно спрашивать. То была притомъ не первая забава такого рода на протяженіи очень короткаго времени: всего за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, все по случаю того же Ништадскаго мира, былъ роскошный маскарадъ въ Петербургѣ, длившійся тоже нѣсколько дней и происходившій поперемѣнно то на сушѣ, то на Невѣ. Въ этомъ маскарадѣ участвовало до тысячи масокъ. Дамы были одѣты пастушками, нимфами, арапками, монахинями, арлекинами, скарамушами, а впереди ихъ шла императрица со всѣми фрейлинами и статсдамами, въ костюмахъ голландскихъ крестьянокъ. Мужчины шли въ костюмахъ французскихъ винодѣловъ, гамбургскихъ бургомистровъ, римскихъ воиновъ, турокъ, индѣйцевъ, испанцевъ, персіанъ, китайцевъ, епископовъ, прелатовъ, канониковъ, аббатовъ, капуциновъ, доминиканцевъ, іезуитовъ, министровъ въ шелковыхъ мантіяхъ и огромныхъ парикахъ, венеціанскихъ нобилей, корабельныхъ плотниковъ, рудокоповъ и, наконецъ, русскихъ бояръ, въ высокихъ собольихъ шапкахъ и длинныхъ парчевыхъ одѣяніяхъ, „также и съ длинными бородами, и ѣхали на живыхъ ручныхъ медвѣдяхъ". А за ними, замыкая шествіе, вертѣлся въ огромномъ бѣличьемъ колесѣ царскій шутъ, „очень натурально изображавшій медвѣдя", шелъ индійскій браминъ, увѣшанный раковинами, въ шляпѣ съ широчайшими полями, и краснокожіе, покрытые разноцвѣтными перьями. Два часа двигалось это шествіе передъ глазами отъ мала до велика собравшихся на сенатскую площадь петербуржцевъ, а впереди него неутомимо колотилъ въ барабанъ самъ царь, одѣтый то голландскимъ боцманомъ, то французскимъ крестьяниномъ, но не разстававшійся со своимъ шумнымъ инструментомъ ни при какомъ костюмѣ.

Берхгольцъ много разъ повторяетъ, что все въ процессіи было очень „натурально". Тѣ способы, какими Петръ подго-

товлялъ эту „натуральность“, весьма живо напоминаютъ намъ шутки Льва X съ его братомъ Маріано. Въ числѣ другихъ масокъ шелъ, напримѣръ, Бахусъ „въ тигровой шкурѣ, обвѣшанный гроздьями винограда“. „Онъ очень натурально представлялъ Бахуса: это былъ необыкновенно толстый, низенькій человѣкъ, съ очень полнымъ лицомъ, его цѣлыхъ три дня передъ тѣмъ непрерывно поили, не давая ему ни минуты спать“. Тутъ здоровье бѣднаго Бахуса было принесено въ жертву какъ-никакъ „искусству“. Но Петръ любилъ шутить на чужой кожѣ и просто ради самой шутки, безъ всякихъ дальнихъ расчетовъ. Во время рѣчной части маскарада его знаменитаго „князя-папу“ везли черезъ Неву на особаго рода машинѣ, состоявшей изъ плота, на который поставленъ былъ котелъ, наполненный пивомъ: посреди котла въ огромной деревянной чашкѣ, плавалъ несчастный „всешутѣйшій патріархъ“, а сзади, на бочкахъ, плыли, ни живы, ни мертвы, его не менѣе несчастные кардиналы. Когда „машина“ подошла къ берегу, и ея пассажировъ нужно было высаживать, тѣ, кому царь поручилъ эту операцію, по спеціальному приказу, опрокинули чашку съ княземъ-папой, и тотъ принялъ пивную ванну. Мы уже очень недалеко отъ того автора комедіи, котораго, по папскому приказу, подбрасывали на сценѣ, какъ мячикъ. Сейчасъ мы будемъ къ нему еще ближе. На обѣдѣ у канцлера Головкина „царь забавлялся надъ кухмистеромъ царицы, подававшимъ на столъ: когда онъ поставилъ передъ царемъ блюдо съ кушаньемъ, тотъ схватилъ его за голову и сдѣлалъ ему рожки надъ головой“. Это былъ деликатный намекъ на то, что жена кухмистера была когда-то ему невѣрна, каковое обстоятельство Петръ въ свое время ознаменовалъ тѣмъ, что велѣлъ повѣсить надъ дверями кухмистерова жилища пару оленьихъ роговъ. Объектъ царскихъ шутокъ относился къ нимъ не очень терпѣливо, и царскіе денщики должны были во все время крѣпко держать его сзади, чтобы онъ не вырвался. Онъ отбивался, и уже совсѣмъ не въ шутку: одинъ разъ схватилъ царя за пальцы такъ, что чуть не сломалъ. Подобныя сцены происходили постоянно у Петра съ этимъ человѣкомъ, какъ объяснили Берхгольцу: но, тѣмъ не менѣе, Петръ, всякій разъ какъ его видѣлъ, принимался его дразнить. За двадцать лѣтъ раньше Корбъ былъ свидѣтелемъ сцены въ томъ же родѣ, но еще болѣе выразительной. Дѣло было на „роскошно устроенномъ пирѣ“, притомъ въ гостяхъ у цесарскаго посла. Въ числѣ приглашенной вмѣстѣ съ царемъ знати былъ бояринъ Голо-

винъ, который „питалъ врожденное отвращеніе къ салату и употребленію уксуса; царь велѣлъ полковнику Чамберсъ возможно крѣпче сжать боярина, и самъ сталъ насильно запихивать ему въ ротъ и носъ салатъ и наливать уксусъ до тѣхъ поръ, пока Головинъ сильно закашлялся и изъ носа у него хлынула кровь".

Глава христіанской церкви въ XVI вѣкѣ находилъ удовольствіе смотрѣть на „шутки чертей" съ фра Маріано и на представленіе комедіи, одинъ сюжетъ которой заставлялъ краснѣть соотечественниковъ Раблэ. Главѣ всемірнаго православнаго царства въ началѣ XVIII в. доставляло особенное наслажденіе издѣваться надъ церковными обрядами. Мимоходомъ мы уже упомянули „князя-папу", конечно, знакомаго читателю хотя по имени. Выступленіе его съ его коллегіей кардиналовъ представляло собою самый диковинный (sonderbarste) нумеръ маскарада, описаннаго Берхгольцемъ. Коллегія состояла изъ „величайшихъ и распутнѣйшихъ пьяницъ всей Россіи, но притомъ все людей хорошаго происхожденія". Мы не будемъ повторять наивныхъ объясненій этого „обряда", которыя повторяетъ Берхгольцъ со словъ петровскихъ придворныхъ: что это была, будто бы, не то сатира на пьянство (воплощеніемъ этой сатиры съ удобствомъ могъ служить самъ царскій дворъ того времени), не то издѣвательство надъ католической церковью, до которой Петру не было никакого дѣла. Свидѣтельство человѣка, который былъ очевидцемъ основанія „всешутѣйшей коллегіи", не оставляетъ никакихъ сомнѣній, что католицизмъ тутъ ни при чемъ. „Теперь ненадобно сего забыть и описать, коимъ образомъ потѣшной былъ патріархъ учиненъ", начинаетъ свое описаніе петровой потѣхи кн. Куракинъ въ своей „Гисторіи о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ". И хотя онъ старается ослабить впечатлѣніе своихъ читателей кое-какими оговорками, что „одѣяніе было подѣлано нѣкоторымъ образомъ шуточное, а не такъ власное, какъ на прикладъ патріарху"; но и онъ не могъ умолчать, что „вмѣсто Евангелія была сдѣлана книга, въ которой нѣсколько стклянокъ съ водкою", и что окарикатуреніе торжественнаго шествія патріарха на осляти въ вербное воскресенье было одною изъ главныхъ потѣхъ; въ этотъ день „патріарха" возили на верблюдѣ „въ садъ набережной къ погребу фряжскому". А другой очевидецъ, Корбъ, оставилъ намъ еще болѣе наглядное описаніе одной изъ церемоній. 21 февраля 1699 года „патріархъ" освящалъ лефортовскій дворецъ; при этомъ были воспроизведены всѣ по-

дробности церковнаго обряда, куреніе ладаномъ (вмѣсто ладана, курили табакомъ) и т. под., а вмѣсто креста, при освященіи служили двѣ трубки, положенныя поперекъ одна на другую. Это послѣднее обстоятельство чрезвычайно сильно поразило воображеніе набожнаго католика: „кто повѣритъ“, заканчиваетъ свой разсказъ Корбъ, „что составленный такимъ образомъ крестъ, драгоцѣннѣйшій символъ нашего искупленія, являлся предметомъ посмѣшища?“ Но тѣ, кто ближе былъ знакомъ съ дѣломъ, повѣрили бы и не этому. Надругательства надъ евангеліемъ и крестомъ были самой невинной еще частью „шутошнаго“ ритуала. Какъ въ свое время очевидецъ не рѣшился передать содержаніе представлявшейся на папскомъ театрѣ комедіи, а только далъ понять, какое впечатлѣніе произвела она на зрителей, такъ князь Куракинъ не рѣшается подробно описывать, въ чемъ состояла церемонія поставленія „патріарха“. „Въ терминахъ такихъ“, кратко говоритъ онъ: „о которыхъ запотребно находимъ не распространять, но кратко скажемъ къ пьянству, и къ блуду, и къ всякимъ дебошамъ“. А въ описаніи царскихъ потѣхъ нашъ авторъ является большимъ реалистомъ и тутъ же приводитъ образчики такихъ „шутокъ“ Петра, которыя въ наше время удобнѣе не цитировать. Можно себѣ представить, о чемъ даже и онъ находилъ нужнымъ молчать? *)

Были ли это просто цинизмъ и грубость, какъ объяснилъ петровскую „юмористику“ здравомыслящій нѣмецъ Фокеродтъ? У настоящаго ренессанса шутки надъ монахами переходили въ серьезное отрицаніе церковной традиціи. Надъ священными вещами смѣялись потому, что онѣ, въ глубинѣ души, уже перестали считаться священными. Когда папы почувствовали это, они перестали шутить съ огнемъ, и монаховъ-шутовъ при папскомъ дворѣ смѣнили іезуиты. Но гуманизмъ не ограничивался папскимъ дворомъ, и внѣ этого послѣдняго оставалось достаточно мѣста, гдѣ торжествовало „свѣтское настроеніе“, дававшее себя знать уже не однѣми шутками. Была ли доступна эта серьезная сторона религіознаго вольнодумства самому Петру? Современники рисуютъ его въ этой области человѣкомъ старыхъ привычекъ, не пропускавшимъ церковныхъ службъ, любившимъ подпѣвать пѣвчимъ на клиросѣ и никогда не входившимъ въ церковь въ нѣмецкомъ парикѣ. Это былъ единственный случай, когда царь самъ

*) См. „Архивъ кн. Ф. А. Куракина“, I, стр. 74. О церемоніи избранія князя-папы кое-что сообщаетъ Фокеродтъ, къ которому мы и отсылаемъ читателя. См. также М. Семевскаго „Петръ В., какъ юмористъ“.

отступалъ отъ заведенной имъ западной моды. Но когда дѣло заходило не о безобидныхъ уступкахъ обычаю, когда этотъ обычай сталкивался съ тѣмъ, что было практически нужно, Петръ оказывался болѣе свободнымъ мыслителемъ, чѣмъ можно было ожидать отъ человѣка такихъ консервативныхъ привычекъ. Во время кампаніи 1714 года петровское интендантство нашло весьма благочестивымъ дѣломъ кормить солдатъ въ петровскій постъ постной пищей. Присмотрѣвшись къ результатамъ этого благочестія, Петръ написалъ его виновнику, Кикину: „Святое ваше распоряженіе — на пять недѣль снятковъ ржавыхъ и воду — солдаты двѣ недѣли употребляли, отчего безъ невелика 1000 человѣкъ заболѣло и службы лишилось, отчего принужденъ я законъ вашъ оставить и давать масло и мясо... Правда, когда бы шведовъ такъ кормить, дѣло бъ изрядно было, а нашимъ я не вотчимъ“. Къ раскольникамъ, изображавшимъ антихриста и его воинство въ мундирахъ петровской гвардіи, Петръ не имѣлъ основаній относиться особенно благосклонно. Но расколъ былъ силенъ среди купечества, и съ этимъ не могъ не считаться царь, который даже изъ-за границы готовъ былъ выписывать обанкротившихся купцовъ. Узнавъ, что купцы-старовѣры „честны и прилежны“, Петръ высказалъ сентенцію, можетъ быть, и пріукрашенную его позднѣйшимъ историкомъ, но едва ли сочиненную этимъ послѣднимъ: „если они подлинно таковы, то по мнѣ пусть вѣруютъ, чему хотятъ, и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то, конечно, не пособитъ ни огонь, ни мечъ; а мучениками за глупость быть — ни они той чести не достойны, ни государство пользы имѣть не будетъ“. Выгорѣцкимъ раскольникамъ формально было позволено служить по старымъ книгамъ, подъ условіемъ работы на Повѣнецкихъ заводахъ: это былъ едва ли не первый случай въ Россіи религіозной терпимости по отношенію не къ „инославному“ исповѣданію, а возникшей внутри православія „сектѣ“. Заявленіе извѣстнаго указа 1702 года о нежеланіи царя „совѣсти человѣческой приневоливать“ не было, такимъ образомъ, голой фразой, и мы имѣемъ образчикъ терпимаго, по тогдашнимъ нравамъ, по крайней мѣрѣ, отношенія Петра и его правительства уже къ форменнымъ „вольнодумцамъ“. Московскій лѣкарь Тверитиновъ говорилъ громко — и не только говорилъ, но и писалъ, и писанія свои читать давалъ — такія, напримѣръ, вещи: „икона только вапь и доска безъ силы чудотворенія; если бросить ее въ огонь, она сгоритъ и не сохранитъ себя“; „неподобно поклоняться кресту, какъ без-

душному древу, не имѣющему никакой силы"; „монашеское дѣвство не по разуму святыхъ писаній держится". Духовныя власти, съ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, Стефаномъ Яворскимъ, во главѣ, конечно, привлекли за это смѣлаго лѣкаря къ отвѣту. Но въ результатѣ слѣдствія онъ не только не былъ сожженъ, какъ, несомнѣнно, случилось бы съ нимъ пятьюдесятью годами раньше, но получилъ даже свидѣтельство о своемъ православіи, послѣ формальнаго покаянія, правда. А его духовнымъ обвинителямъ пришлось наслушаться въ сенатѣ, гдѣ разбиралось дѣло Тверитинова, весьма непріятныхъ для нихъ вещей. „Черничишка—плутъ!" кричали сенаторы монаху, обличавшему лѣкаря: „ты за склянницу вина душу свою продалъ". А самого митрополита Стефана изъ одного сенатскаго засѣданія прямо выгнали, на томъ основаніи, что онъ не сенаторъ, и ему на судѣ (надъ еретикомъ, замѣтимъ это) не мѣсто *). Насчетъ монашества и самъ императоръ, подъ конецъ жизни, высказывалъ мнѣнія, которыя Яворскому, если бы онъ былъ живъ, вѣроятно, очень бы не понравились. Если не происхожденіе, то распространеніе монашества онъ склоненъ былъ объяснять „ханжествомъ" греческихъ императоровъ, „а наипаче ихъ женъ", и тѣмъ, что, пользуясь этимъ ханжествомъ, къ нимъ „нѣкоторые плуты подошли". „Сія гангрена и у насъ было зѣло распространяться начала подъ защищеніемъ единовластниковъ церковныхъ, но еще Господь Богъ прежнихъ владѣтелей такъ благодати своей не лишилъ, какъ греческихъ" **).

Разрывъ съ традиціей въ книжкѣ, въ литературѣ, долженъ былъ, конечно, сказаться еще сильнѣе, чѣмъ въ жизненной практикѣ. Реализмъ и свѣтское настроеніе русской повѣсти XVII вѣка давно отмѣтили спеціалисты—на наблюденіяхъ этого рода основана упоминавшаяся уже характеристика Тихонравова. Средневѣковый писатель, какъ и средневѣковый художникъ, зналъ только схемы, а не живыхъ людей—для него важны были примѣры добродѣтельнаго житія, а не человѣческія личности. Интересъ къ личности, индивидуализмъ, составляетъ одну изъ характернѣйшихъ чертъ и искусства, и литературы „Возрожденія". Наша художественная литература XVII—XVIII вѣковъ была сплошь переводной и подражательной—болѣе подлинное настроеніе русскаго общества можно найти въ историческихъ рабо-

*) См. Тихонравовъ, „Московскіе вольнодумцы начала XVIII вѣка и Стефанъ Яворскій"—во II томѣ „Сочиненій".

**) См. Соловьева, изд. Общ. Пользы, кн. IV, стр. 810 и сл.

тахъ той поры. Уже историки Смуты, писавшіе въ первой половинѣ XVII столѣтія—Псевдо-Палицынъ, Катыревъ-Ростовскій, особенно авторъ соотвѣтствующихъ главъ въ такъ называемомъ „хронографѣ 2о-й редакціи“, интересуются своими героями не какъ отвлеченными моральными образцами, а во всей ихъ исторической конкретности. Кн. Катыревъ-Ростовскій первый захотѣлъ собрать данныя о наружности русскихъ государей, начиная съ Грознаго—и попытался дать характеристики каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Гораздо выше его стоитъ въ этомъ отношеніи хронографъ 1617 года. Его Годуновъ, Названый Димитрій, Гермогенъ —почти живые люди. У Димитрія вы можете уловить его порывистость и нетерпѣливый тонъ въ спорахъ („а что то соборы, соборы? мощно быти и осмому и девятому собору“), его говорливость и живые умственные интересы („реченіемъ же многословесенъ и ко книжному писанію борзострителенъ“). И чтобы выдержать классическій типъ „еретика и разстриги“, автору—въ глубинѣ души, весьма, вѣроятно, смущенному, что у него выходитъ не то и не такъ, какъ надо—приходится не жалѣть ругательствъ, совершенно не вяжущихся съ тѣми фактами, которые онъ же самъ приводитъ. На патріархѣ Гермогенѣ онъ не выдержалъ и, вмѣсто стереотипнаго образа „страдальца за правду“, далъ портретъ, правда, превосходно объясняющій судьбу Гермогена, но который могъ бы скандализировать и не XVII вѣкъ. „Не сладкогласивъ“, „нравомъ грубъ“, „ко злымъ же и благимъ не быстроразпрозрителенъ, но къ льстивымъ паче и лукавымъ прилежа“, „слуховѣрствователенъ“—такія реальныя черты въ физіономіи почти угодника Божія настолько смутили одного изъ позднѣйшихъ редакторовъ хронографа, что онъ нашелъ нужнымъ сопроводить характеристику пространнымъ опроверженіемъ, гдѣ доказывалъ, что „неправо се списатель вся глаголаше о святѣмъ семъ мужѣ о Ермогенѣ“. Но, къ счастію, не уничтожилъ самой характеристики.

Реализмъ Котошихина слишкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы о немъ нужно было распространяться. Съ интересующей насъ точки зрѣнія, онъ любопытенъ, между прочимъ, тѣмъ, что первый пытается объяснить историческія перемѣны, какъ результатъ л и ч н о й дѣятельности. Возникновеніе московскаго государства для него—дѣло личной завоевательной политики Ивана Грознаго; если съ царя Алексѣя не взяли записи, ограничивающей его власть, это результатъ его личнаго характера—„разумѣли его гораздо тихимъ“. У крупнѣйшаго

историка петровской эпохи, кн. Б. И. Куракина, мы встрѣчаемъ тотъ же пріемъ, въ размѣрахъ, несравненно болѣе грандіозныхъ. Въ „Гисторіи царя Петра Алексѣевича“ мы уже среди полнаго „возрожденія“,—какъ и на маскарадахъ Петра. Къ писаніямъ кн. Куракина необыкновенно идетъ такая случайная мелочь, какъ любовь автора къ итальянскимъ цитатамъ. Когда вы читаете его, образъ великаго итальянскаго историка неотразимо встаетъ передъ вами: и, можетъ быть, ничѣмъ нельзя лучше измѣрить сравнительную глубину подлиннаго ренессанса и его отдаленной и безсознательной русской копіи, какъ сравнивъ Исторію Флоренціи Макіавелли съ куракинской „Гисторіей“. Тамъ, съ захватывающимъ драматизмомъ, при всей кажущейся сухости и сдержанности, описывается, какъ флорентинскій народъ добылъ себѣ свободу—и потерялъ ее. Здѣсь такъ же трезво, сжато и мѣтко рисуются передъ нами разные „случайные люди“, интригами захватывавшіе власть и благодаря интригамъ другихъ терявшіе ее. Тамъ огромный амфитеатръ, который былъ бы, пожалуй, впору и древнему Риму: здѣсь крошечная домашняя сцена. И благодаря ея узкимъ размѣрамъ, благодаря ничтожному числу дѣйствующихъ лицъ, индивидуалистическая точка зрѣнія подходила ко всей обстановкѣ еще лучше. У Макіавелли за лицами слишкомъ хорошо видны партіи и, еще глубже, классы: недаромъ онъ сталъ однимъ изъ предшественниковъ современнаго „экономическяго матеріализма“. Нѣтъ историка, который былъ бы дальше отъ идеализаціи дѣйствительности, болѣе „матеріалистомъ“ въ своемъ міропониманіи, чѣмъ кн. Куракинъ; но „экономизму“ у него нечѣмъ поживиться. Онъ не знаетъ другихъ мотивовъ, кромѣ эгоистическихъ, другихъ источниковъ общественныхъ перемѣнъ, кромѣ личной воли. Нужно ли ему объяснить стрѣлецкій бунтъ: это, конечно, интриги царевны Софьи. А потомъ она же, „учиня по своему желанію все черезъ тотъ бунтъ, начала трудиться, дабы оный угасить и покой возставить, и на кого ни есть сіе взвалить“: и вотъ вамъ простое объясненіе „Хованщины“ *). Но такъ какъ Софья Алексѣевна была „принцесса ума великаго“, то „никогда такого мудраго правленія въ Россійскомъ государствѣ не было“. И экономическое, и культурное развитіе московскаго государства въ концѣ XVII вѣка объясняется, именно, этимъ и ничѣмъ другимъ. „Все государство пришло во время ея правленія, черезъ семь лѣтъ, въ цвѣтъ великаго

*) См. о ней „Русская Исторія“, т. II, стр. 284 и сл.

богатства. Такъ же умножилась коммерція и всякія ремесла; и науки почали быть возставлять латинскаго и греческаго языку". Петръ любилъ иностранцевъ: это опять личное вліяніе князя Бориса Алексѣевича Голицына. „Оной есть первымъ, которой началъ съ офицерами и купцами-иностранцами обходиться. И по той своей склонности къ иноземцамъ оныхъ привелъ въ откровенность ко двору и царское величество привелъ къ нимъ въ милость". Стали носить нѣмецкое платье— Куракинъ опять умѣетъ закрѣпить эту перемѣну собственнымъ именемъ. „Былъ одинъ англичанинъ торговой Андрей Креветъ, который всякія вещи его величеству закупалъ, изъза моря выписывалъ и допущенъ былъ ко двору. И отъ онаго первое перенято носить шляпочки аглинскія, какъ сары (sir) носятъ, и камзолъ, и кортики съ портупеями". Казалось бы, что можетъ быть менѣе индивидуально, чѣмъ пьянство и развратъ? Но Куракинъ и тутъ не затрудняется найти виноватаго. „Въ то время названной Францъ Яковлевичъ Лефортъ пришелъ въ крайную милость и конфиденцію интригъ амурныхъ. Помянутой Лефортъ былъ человѣкъ забавной и роскошной или назвать дебошанъ французской. И непрестанно давалъ у себя въ домѣ обѣды, супе и балы. И тутъ въ его домѣ первое начало учинилось, что его царское величество началъ съ дамами иноземскими обходиться и амуръ началъ первой быть къ одной дочери купеческой, названной Анна Ивановна Монсова. Правда, дѣвица была изрядная и умная. Тутъ же въ домѣ (Лефорта) началось дебошество, пьянство такъ великое, что невозможно описать, что по три дня запершись въ томъ домѣ бывали пьяны, и что многимъ случалось оттого умирать. И оттого времени и по сіе число и донынѣ пьянство продолжается, и между великими домами въ моду пришло". И не приходитъ въ голову Куракину, что не отъ Лефорта же выучились старый „князь-кесарь", Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій, который былъ „пьянъ по вся дни", или „невоздержной къ питію" царскій дядя, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ.

Но индивидуализмъ эпохи преобразованій нашелъ себѣ выраженіе не только въ литературѣ, — а и въ правѣ: въ двухъ законахъ, которые оба, правда, относятся, пожалуй, болѣе тоже къ литературѣ, ибо оба остались мертвою буквой. Это—законъ 1714 г. о майоратѣ и указъ о престолонаслѣдіи 1722 года. Обѣ мѣры, несомнѣнно, стояли во внутренней связи,—такъ какъ петровскій „майоратъ", какъ извѣстно, вовсе не обозначалъ наслѣдованія всего имущества стар-

Петръ допрашиваетъ царевича Алексѣя Петровича въ Петергофѣ.

Оригиналъ картины Н. Н. Ге *Петръ допрашиваетъ царевича Алексѣя Петровича въ Петергофѣ* (1871 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ, въ Москвѣ (№ 637). Съ этой картины самимъ художникомъ была сдѣлана копія, которая находится въ Петербургѣ, въ Музеѣ Александра III (№ 115). Ге—художникъ своеобразный и интересный, отдавшій массу вниманія и труда изображеніямъ разныхъ моментовъ евангельской эпопеи; ему, между прочимъ, принадлежатъ двѣ извѣстныя картины на тему *Распятіе*, удалившіяся въ своей концепціи отъ традиціонно-узкихъ формъ обрисовки внѣ признаковъ художественной свободы. Картина Ге, посвященная допросу царевича Алексѣя Петромъ, болѣе чѣмъ извѣстна, но миновать ее въ настоящей иллюстраціи русской исторіи нельзя, и всякій упрекъ въ этомъ отношеніи критики былъ бы простымъ обнаруженіемъ малосодержательнаго буквоѣдства; снимокъ съ этой картины, какъ и снимки съ нѣкоторыхъ другихъ общеизвѣстныхъ картинъ, мы помѣщаемъ вполнѣ сознательно и не ощущаемъ никакой робости передъ извѣстной критикой, не идущей далѣе шаблонныхъ возгласовъ о необходимости занимательной новизны во что бы то ни стало... Картина задается цѣлями психологическаго эффекта, цѣль эта достигается при необычайной простотѣ внѣшней обстановки,—здѣсь нѣтъ никакихъ кричащихъ аксессуаровъ, кровавыхъ ужасовъ, безумныхъ вспышекъ, и тѣмъ не менѣе отъ сцены вѣетъ смертью, зрители чувствуютъ, что столкновеніе должно кончиться искупительной смертью, что этимъ двумъ людямъ тѣсно на свѣтѣ, что одинъ изъ нихъ долженъ погибнуть,—и даже довольно ясно, кто именно. Все это сквозитъ въ выразительныхъ позахъ сидящаго отца и стоящаго передъ нимъ сына. Смѣсь безконечнаго самодовольства отъ сознанія своей каменной силы, презрѣнія и ненависти къ жалкому отпрыску Лопухиной и той злобы, которой чужды мягкіе тона примиренія,—все это сквозитъ во взорѣ отца отечества ярко и рѣзко. Безпомощная и жалкая, тупо-равнодушная, но вмѣстѣ упрямая поза царевича съ безсильно приподнятой чуть-чуть лѣвой ногой и безнадежно опершейся на столъ рукой не говоритъ о его прямой и безумной отвагѣ, и его опущенныя вѣки скрываютъ содержаніе его чувства, которое нельзя выдать и трудно скрыть... Онъ одинокъ, этотъ царевичъ, въ своемъ непріятномъ положеніи... его сподвижники—одна мечта, а его другъ, Афросинья Ѳедорова, его идеалъ, добытый, по словамъ голландскаго резидента Деби, «обнаженнымъ ножомъ», не только наболтала, но завоевала снисхожденіе его, царевича, злѣйшаго врага... «Когда, раздается нервно-злой голосъ отца, ты слышалъ, будто бунтъ въ Мекленбургіи въ войскѣ, радовался и говорилъ: *Богъ не такъ дѣлаетъ, какъ отецъ мой хочетъ*,—а когда радовался, то, чаю, не безъ намѣренія было,—ежели бъ впрямь то было, то, чаю, и присталъ бъ къ онымъ бунтовщикамъ и при мнѣ». Убитымъ и тихимъ голосомъ, внушающимъ одну ненависть, царевичъ говорилъ, вспоминая свою заграничную жизнь съ наболтавшей теперь на него женщиной, вспоминая дни своего неожиданнаго униженія и притворнаго раскаянія въ Москвѣ: «Когда бъ дѣйствительно такъ было, бунтъ въ Мекленбургіи, и прислали бы по меня, то бы я съ ними поѣхалъ; а безъ присылки поѣхалъ ли, или нѣтъ, прямо не имѣлъ намѣренія; а паче и опасался безъ присылки ѣхать. А чаялъ быть присылкѣ по смерти вашей, для того, что писано, что хотѣли тебя убить, и чтобъ живого тебя отлучили, не чаялъ. А хотя бы и при живомъ при-

слали, когда бъ они сильны были, то могъ бы и поѣхать». «Все было сказано», справедливо замѣчаетъ по поводу этихъ словъ С. Соловьевъ. Царь не могъ не придти въ ярость и позднѣе сказалъ Петру Толстому: «Когда бъ не монахиня, не монахъ и не Кикинъ, Алексѣй не дерзнулъ бы на такое неслыханное зло. Ой бородачи! многому злу корень—*старцы и попы*; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачомъ, а я съ тысячами». Въ отвѣтъ на это, какъ извѣстно, Толстой посовѣтовалъ «старцамъ обрѣзать перья и поубавить пуха». Нѣсколько позднѣе такъ называемые судьи прекрасно впитали въ себя эту ярость взбѣшеннаго Преобразователя и обезсмертили ее въ своемъ витіевато и грязновато-холопски написанномъ приговорѣ. Назвавъ себя «*рабами*», они написали: «Итакъ, по... правамъ... не токмо за такое уже черезъ письмо и дѣйствительные происки противъ отца и государя, но хотя бъ токмо противъ государя своего, за одно помышленіе бунтовное, убивственное, или подысканіе къ государствованію, казнь смертную безъ всякой пощады опредѣляютъ, коль же паче сіе сверхъ бунтовнаго, мало прикладное въ свѣтѣ, богомерзкое, двойное, родителей убивственное намѣреніе, а именно въ началѣ на государя своего, яко отца отечествія, и по естеству на родителя своего милостивѣйшаго,—таковую *смертную казнь* заслужилъ». Былъ ли приведенъ въ исполненіе этотъ приговоръ судей-рабовъ, подвергнувшихъ его «въ самодержавную власть, волю и милосердое разсмотрѣніе его царскаго величества, всемилостивѣйшаго монарха»? Выразительной кистью художника Ге отвѣтъ написанъ на лицѣ Отца Отечества и словеснаго воспроизведенія не требуетъ... Мы знаемъ, что изъ этой обстановки европейски обставленной комнаты царевичъ ушелъ «подъ караулъ Трубецкаго раската гарнизона» и 30 іюня 1718 года уже покоился въ стѣнахъ Петропавловскаго собора.

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ“.

Изд. Т-ва „МІРЪ“.

шимъ сыномъ, а наслѣдованіе его однимъ изъ сыновей, по выбору отца, съ устраненіемъ остальныхъ. Въ этомъ правѣ отца распорядиться имуществомъ по своему усмотрѣнію и заключалась, по мнѣнію Петра и его совѣтниковъ, вся суть института. Одна дошедшая до насъ записка, информировавшая Петра насчетъ англійскихъ порядковъ, утверждаетъ, что „по общему закону аглинской земли, отцы могутъ отлучить и отнять отъ своихъ дѣтей всѣ земли, которыя имъ не суть опредѣлены чрезъ духовную или инако, и могутъ они отдать все токмо одному сыну, а другимъ ничего, еже содерживаетъ дѣтей въ должности и послушаніи". Манифестъ 1722 года только воспроизводитъ это,—нѣтъ надобности говорить, совершенно ошибочное, мнѣніе объ „общемъ законѣ аглинской земли", когда онъ говоритъ: „дабы всегда сіе было въ волѣ правительствующаго государя, кому оной хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнитъ, дабы дѣти и потомки не впали въ такую злость, какъ выше писано, имѣя сію узду на себѣ". Совпаденіе настолько буквальное, что не нужно даже тутъ же имѣющейся ссылки на законъ 1714 года, чтобы видѣть связь: и тамъ, и тутъ для Петра важно было расширить предѣлъ отцовской власти, стѣснявшейся и въ томъ, и въ другомъ случаѣ дѣйствовавшими въ Россіи обычаями. Какъ вотчиной, такъ и царскимъ престоломъ въ московскомъ государствѣ нельзя было распоряжаться по личному усмотрѣнію. Выбирая на престолъ Михаила Ѳедоровича, выбрали, въ сущности, семью Романовыхъ, и старшій членъ семьи, такъ сказать, автоматически становился государемъ по смерти отца. Эта автоматичность казалась Петру „недобрымъ, старымъ обычаемъ",—хотя, именно, она и лежала въ основѣ англійскаго майората, который онъ цѣнилъ за то, чего въ немъ не было—и онъ семейное достояніе, какимъ была въ Россіи земля,—стремился превратить въ личное, какимъ было движимое имущество, товаръ и деньги. Въ этомъ проникновеніи буржуазныхъ взглядовъ въ сферу наслѣдованія земель и престолонаслѣдія, въ самую гущу феодальнаго права, такъ сказать, огромный культурный интересъ обоихъ неудавшихся законовъ. И заимствованіе было не совсѣмъ безсознательное: подготовляя указъ 1714 года, требовали отъ русскихъ агентовъ за границей свѣдѣній о „наслѣдствахъ и раздѣлѣ оныхъ" не только „знатнѣйшихъ, графскихъ, шляхетскихъ", но и „купецкихъ фамилій" *).

*) См. Н. Павловъ-Сильванскій: „Проекты" etc., стр. 51.

„Индивидуализмъ“ петровской эпохи такъ же мало долженъ насъ, однако жъ, обманывать, какъ и индивидуализмъ итальянскаго Возрожденія. Литература — ей все дозволено идеализировать—можетъ, конечно, представлять героевъ послѣдняго не только смѣлыми и красивыми, но и утонченными и изящными, глубокомысленными и образованными даже на взглядъ читателя XX столѣтія. Историкъ такого права не имѣетъ, и ему приходится констатировать, что удовольствія этого времени были крайне грубы, какъ мы это уже видѣли, что философія гуманистовъ была смѣсью самыхъ наивныхъ предразсудковъ, завѣщанныхъ средними вѣками, съ наскоро подхваченными и непереваренными обрывками античной мудрости,—и что самыя блестящія синьоры, покровительницы гуманизма, иногда не умѣли писать. Насчетъ интеллектуальной высоты петровской культуры, къ счастію, даже и предразсудковъ не существуетъ,—и къ академіи наукъ тѣхъ дней принято относиться даже съ большимъ, можетъ быть, скептицизмомъ, чѣмъ она того заслуживаетъ. Научные интересы самого Петра—если о нихъ можно говорить—не шли дальше собиранія „монстровъ“ и „опытовъ“, въ родѣ попытки создать породу высокихъ людей, поженивъ добытую откуда-то царемъ „чрезмѣрно высокую“ финку съ показывавшимся въ балаганахъ за деньги французскимъ великаномъ. И ремесло цырюльника, въ тѣ простыя времена замѣнявшаго и дантиста, и фельдшера, вовсе не казалось преобразователю Россіи ниже его достоинства: послѣ катанья на яхтѣ и работы съ топоромъ или за токарнымъ станкомъ ничто, кажется, не доставляло Петру такого удовольствія, какъ рвать зубы. Такъ какъ его паціентамъ это доставляло, повидимому, удовольствіе не столь сильное, то на царскихъ денщиковъ ложилась деликатная обязанность отыскивать царю случаи для упражненія въ зубоврачебномъ искусствѣ. Берхгольцъ разсказываетъ, съ какимъ трудомъ ему удалось спасти его собственные зубы, когда онъ имѣлъ неосторожность пожаловаться въ присутствіи одного изъ этихъ своеобразныхъ соглядатаевъ на зубную боль. Насчетъ званія паціентовъ царь совсѣмъ не былъ разборчивъ,—и его медицинскихъ визитовъ, въ качествѣ дантиста, удостоивались не только его придворные или иноземные купцы, но даже прислуга этихъ послѣднихъ. Не менѣе, чѣмъ рвать зубы, любилъ онъ выпускать воду у страдавшихъ водянкой. Окружавшая Петра среда была еще примитивнѣе въ этомъ отношеніи. Петръ, хотя до конца жизни писалъ, даже со старо-русской точки зрѣнія, ужасающе безграмот-

но, все же любилъ читать и читалъ не только по-русски. Онъ внимательно слѣдилъ за голландскими газетами того времени, отмѣчая въ нихъ то, что его интересовало, выписывалъ изъ-за границы и книги. Два первыхъ послѣ него лица въ государствѣ, Екатерина и Меншиковъ, едва ли не были вовсе безграмотными; современники, по крайней мѣрѣ, весьма твердо стоятъ на томъ, что послѣдній въ искусствѣ письма не пошелъ дальше умѣнья вывести свою фамилію; а о первой сохранилась легенда, что впослѣдствіи, когда она стала самодержавной императрицей, указы подписывала за нее ея дочь, цесаревна Елизавета. Повторяемъ, образованность петровскаго общества врядъ ли кто и станетъ преувеличивать; но мы съ трудомъ представляемъ себѣ простоту нравовъ эпохи. Званія министровъ, фельдмаршаловъ и „кавалеровъ“ невольно гипнотизируютъ насъ,—и мы склонны видѣть въ петровскомъ дворѣ что-то все-таки „европейское“, хотя бы и на тогдашній ладъ. Тогдашніе европейцы, даже сами еще не очень далеко ушедшіе по части внѣшней культурности, какъ нѣмцы, должны были легко освободиться отъ этой иллюзіи. Вотъ, напримѣръ, сценка, которую мы передадимъ словами все того же словоохотливаго голштинскаго камеръ-юнкера, который такъ любилъ описывать петровскіе маскарады. Былъ пиръ у князя Ромодановскаго, гдѣ собралась „вся русская знать“. Царь уже уѣхалъ, когда у „князя-кесаря“ и одного изъ его гостей, не менѣе знаменитаго князя Долгорукаго, затѣялась ссора: одинъ припомнилъ другому какую-то старую обиду,—и Долгорукій отказался выпить, что подносилъ ему Ромодановскій. „Тогда оба эти старика, обмѣнявшись многочисленными отвратительнѣйшими ругательствами, вцѣпились другъ другу въ волосы и добрыхъ полчаса колотили другъ друга кулаками, при чемъ никто изъ присутствовавшихъ въ это не вмѣшивался и не пытался ихъ разнять. Князь Ромодановскій, который былъ очень пьянъ, оказался побѣжденнымъ: тогда онъ призвалъ караульныхъ солдатъ и, хозяинъ въ своемъ собственномъ домѣ, приказалъ арестовать Долгорукаго. Когда послѣдняго освободили, онъ отказался идти изъ-подъ ареста и требовалъ, будто бы, у императора сатисфакціи. Но дѣло, конечно, такъ и замретъ, потому что подобныя кулачныя расправы въ пьяномъ видѣ здѣсь случаются слишкомъ часто, и о нихъ даже и не говорятъ“. Дѣйствительно, картину вцѣпившихся другъ другу въ волосы царскихъ министровъ мы и еще разъ встрѣчаемъ на страницахъ дневника Берхгольца; на этотъ разъ

дѣло происходило въ присутствіи голштинскаго герцога, который, понимая обычай страны, отвернулся и сдѣлалъ видъ, что онъ ничего не замѣчаетъ. А у Корба мы находимъ почти такую же сцену между Ромодановскимъ и Апраксинымъ, будущимъ петровскимъ генералъ-адмираломъ; только послѣдній, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ своихъ заграничныхъ знакомствъ, должно быть, поступилъ болѣе „по-европейски“— обнажилъ шпагу, чѣмъ страшно напугалъ Ромодановскаго, привыкшаго къ тому, что дѣло кулаками и оканчивается.

Когда мы присутствуемъ потомъ при столь патріархальныхъ сценахъ, какъ пріемъ царевной Прасковьей иностранныхъ посѣтителей въ одной рубашкѣ — при чемъ, пока „принцесса“ протягивала для цѣлованія свою руку, другой рукой она прикрывала свою наготу наскоро взятой у одной изъ придворныхъ дамъ мантильей—или при домашнемъ спектаклѣ у той же царевны и ея сестры, мекленбургской герцогини Екатерины Ивановны, гдѣ вдругъ обнаружилось, что исполнитель главной роли, какого-то короля, только что получилъ 200 ударовъ батогами, а затѣмъ сряду, какъ ни въ чемъ не бывало, удостоился чести играть не передъ, а вмѣстѣ съ ихъ высочествами — все это на насъ уже мало дѣйствуетъ. Знаменитая „дубина Петра Великаго“ начинаетъ рисоваться намъ въ ея реальной обстановкѣ. Съ людьми настолько „простыми“ и не Петръ не сталъ бы церемониться. И современники отмѣчали только тѣ случаи, когда дубина касалась ужъ очень замѣтныхъ людей, или когда послѣдствія ея примѣненія неожиданно оказывались трагическими. Когда царь нечаянно отправилъ на тотъ свѣтъ солдата, укравшаго кусокъ мѣди съ пожара, объ этомъ заговорили въ городѣ,—и случай поразилъ иностранцевъ, саксонскаго резидента Лефорта, напримѣръ, который намъ его и передаетъ. Но едва ли правильно онъ изъ этого дѣлаетъ заключеніе, что Петръ „не отличался гуманнымъ характеромъ“. Это—правда, конечно, но данный случай еще отнюдь не выходилъ изъ ряду. Или приближенный царскій холопъ, токарь Нартовъ, не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи вспомнить, какъ при немъ дубинка гуляла по спинѣ Меншикова либо другихъ именитыхъ персонъ. „Я часто видалъ“, будетъ онъ разсказывать потомъ, „какъ государь за вины знатныхъ чиновъ людей здѣсь (въ токарной) дубиною подчивалъ, какъ они послѣ сего съ веселымъ видомъ въ другія комнаты выходили и со стороны государевой, чтобы посторонніе сего не примѣтили, въ тотъ же день къ столу

удостоиваемы были". Да еще, пожалуй, какой-нибудь наивный провинціалъ, въ родѣ новгородскаго бургомистра Сыренскаго, познакомившись съ придворнымъ бытомъ, могъ обмолвиться сентенціей: „кто съ Христомъ водился, тѣ безъ головы стали, а кто съ царемъ поводится, тѣ безъ головы и безъ спины будутъ". Но сами члены петровскаго двора, и самъ Петръ считали, что дубина—самый мягкій видъ наказанія, даже не наказаніе, а, такъ сказать, напоминаніе о возможности быть наказаннымъ. „Теперь въ послѣдній разъ дубина", говорилъ царь Меншикову послѣ одной „тайной" сцены изъ описанныхъ Нартовымъ: „ей, впредь, Александра, берегись!"

У этой грубости, если къ ней присмотрѣться, были свои характеристическія черты. Вотъ одна изъ сценъ, какія можно было видѣть на праздникахъ въ Лѣтнемъ саду. „Вскорѣ послѣ пришло нѣсколько злыхъ апостоловъ, внушавшихъ почти всѣмъ страхъ и трепетъ; я имѣю въ виду шесть или около того гвардейскихъ гренадеровъ, которые, по-двое, несли на носилкахъ большую лохань съ самымъ простымъ хлѣбнымъ виномъ, издававшимъ столь сильный запахъ, что многіе его чувствовали, когда гренадеры находились еще въ другой аллеѣ, болѣе, чѣмъ за сто шаговъ отъ нихъ. Когда я увидѣлъ, что сразу много народу убѣжало, какъ будто увидѣли чорта, я спросилъ стоявшаго рядомъ со мной пріятеля: что съ этими людьми случилось, почему они исчезли такъ поспѣшно? А тотъ ужъ схватилъ меня за руку, показалъ мнѣ на вошедшихъ молодцовъ, которыхъ я было сначала не замѣтилъ, и мы пустились бѣжать со всѣхъ ногъ,—что было очень благоразумно, такъ какъ я вскорѣ затѣмъ встрѣтилъ нѣсколькихъ, которые горько жаловались на свою бѣду, не будучи въ состояніи прогнать изъ своего горла вкуса водки. И такъ какъ меня уже предупреждали, что множество шпіоновъ должны были наблюдать за тѣмъ, всѣ ли получили горькую чашу, то я не довѣрялъ ни одному человѣку, но притворялся еще болѣе потерпѣвшимъ, чѣмъ тѣ. Но одна безсовѣстная шельма легко сумѣла провѣрить, пилъ я или нѣтъ, попросивъ меня дохнуть. Я отвѣтилъ, что это безполезно, такъ какъ я уже выполоскалъ ротъ водою, на что онъ возразилъ, чтобы я ему такого не разсказывалъ—онъ знаетъ, что тутъ ничто не можетъ помочь, хоть возьми въ ротъ корицы или гвоздики, все равно не меньше 24 часовъ будетъ вонять водкой изо рта, а отъ вкуса не отдѣлаешься и еще болѣе долгое время; и что я это долженъ бы тоже испробовать на себѣ, чтобы имѣть возможность какъ слѣ-

дуетъ разсказывать о здѣшнихъ праздникахъ. Я съ благодарностью отказался, указывая на то, что я совершенно не могу пить водки,—но все это было бы тщетно, если бы то не былъ мой добрый другъ, прикинувшійся фискаломъ, чтобы меня подразнить. Но если кто попадетъ въ когти къ настоящему, ему не помогутъ ни просьбы, ни слезы—нужно будетъ подчиниться, хотя на голову становись. Такъ какъ отъ этой обязанности не освобождаются даже самыя нѣжныя дамы, потому что и сама царица иногда пьетъ вмѣстѣ съ другими. За лоханью съ водкой всюду слѣдовали майоры гвардіи, чтобы принудить пить тѣхъ, кто не слушался простыхъ гренадеровъ. Нужно было пить изъ чашки, которую подаетъ одинъ изъ рядовыхъ—въ нее входитъ добрый пивной стаканъ, но не для всѣхъ ее наливаютъ одинаково полно—здоровье царя: они это называютъ „за здоровье нашего полковника“, но это одно и то же. Когда я потомъ разспрашивалъ, почему, именно, (для этого) раздаютъ такой скверный продуктъ, какъ эта водка, мнѣ отвѣчали, что дѣлается это отчасти потому, что русскіе больше любятъ простое хлѣбное вино, чѣмъ всѣ данцигскія и французскія водки въ мірѣ. Другая же причина—любовь къ гвардіи, которой царь не знаетъ ужъ какъ польстить (nicht gnugsam zu schmeicheln wisse),—ибо онъ часто говоритъ, что среди его гвардейцевъ нѣтъ ни одного, которому бы онъ свободно и безъ опасности не могъ довѣрить свою жизнь“ *).

Гвардія составляла неизмѣнный фонъ всѣхъ празднествъ. Рядомъ съ Лѣтнимъ садомъ, гдѣ веселился дворъ, на Царицыномъ лугу постоянно можно было видѣть ея темно-зеленыя каре, пестрѣвшія красными воротниками преображенцевъ и синими семеновцевъ. И среди нихъ нерѣдко виднѣлась высокая фигура самого царя, подчующаго водкой своихъ солдатъ, раньше чѣмъ они пойдутъ подчевать своимъ напиткомъ министровъ и камергеровъ. Къ этимъ гостямъ Царицына луга Петръ былъ куда внимательнѣе, нежели къ гостямъ Лѣтняго сада. Тѣ должны были смирно подчиняться царской прихоти—пить, когда царь прикажетъ, танцовать, когда онъ этого хочетъ. Сколько разъ бывали случаи, что Петръ отлучался съ раута отдохнуть (онъ всегда спалъ среди дня), либо по какому-нибудь дѣлу: но онъ хотѣлъ, вернувшись, найти веселье въ полномъ разгарѣ, и ко всѣмъ выходамъ Лѣтняго сада ста-

*) Берхгольцъ, въ Büschings Magazin XIX, s. 44 ff. Это единственное изданіе „Дневника“, которое намъ было доступно,—русскаго перевода подъ руками мы не имѣли.

вились гвардейскіе часовые, никого не выпускавшіе ни подъ какимъ предлогомъ. Разъ, во время такого бала подъ арестомъ, полилъ дождь какъ изъ ведра; крытыхъ галлерей было слишкомъ мало, чтобы вмѣстить всѣхъ гостей, и большая часть изъ нихъ вымокли до нитки. Но въ то время какъ въ Лѣтнемъ саду всѣ должны были дожидаться царя и безъ его повелѣнія балъ не смѣлъ кончиться, на Царицыномъ лугу царь долженъ былъ терпѣливо ждать, пока кончится вся военная церемонія. Въ свои именины, 29-го іюня 1721 года, Петръ былъ чѣмъ-то очень разстроенъ; онъ трясъ головой и дергалъ плечами, что было у него всегда признакомъ сильнаго волненія; на придворныхъ, собравшихся его поздравить, еле взглянулъ и прямо прошелъ къ гвардейскому каре. Однако, и тутъ онъ не могъ оставаться долго—прослушавъ первый салютъ, онъ хотѣлъ уйти. Но гвардія должна была повторить салютъ три раза; Меншиковъ догналъ уходившаго царя и напомнилъ ему объ этомъ; Петръ вернулся и достоялъ до конца салюта. Естественно, что послѣ этого голштинскій придворный не безъ самодовольства разсказываетъ, какъ эта гордая гвардія отдавала честь его государю, заботливо прибавляя, что большей чести отъ нея не удостоивается и самъ русскій царь: гренадерскіе офицеры и ему только дѣлали „подъ козырекъ“, но не обнажали шпаги, какъ было въ обычаѣ передъ высочайшими особами. И тутъ для преображенцевъ „ихъ полковникъ“ шелъ впереди императора всероссійскаго.

Въ нашей исторической литературѣ прочно укоренилась характеристика Петра Великаго, какъ „царя-мастерового“. Дѣйствительно, царь на корабельной верфи, съ топоромъ или рубанкомъ въ рукахъ, — картина болѣе рѣдкая и потому болѣе эффектная, нежели царь на плацпарадѣ. Но если не гнаться за эффектами, придется признать, что солдатомъ Петръ сталъ гораздо ранѣе, нежели „мастеровымъ“, и что барабанную науку онъ изучалъ въ свое время не съ меньшимъ рвеніемъ, нежели впослѣдствіи ремесло корабельнаго плотника. При чемъ послѣднее вовсе не вытѣснило изъ его головы перваго. Тотчасъ по своемъ возвращеніи изъ перваго заграничнаго путешествія, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ саардамской верфи, Петръ раньше, чѣмъ повидалъ царицу и царевича, успѣвъ заѣхать только въ нѣмецкую слободу, отправляется смотрѣть свои войска. „Какъ только онъ убѣдился, насколько далеки эти полчища отъ настоящихъ воиновъ, онъ показывалъ имъ различные жесты и движенія на самомъ себѣ, уча наклоненіемъ собственнаго тѣла, какую тѣ-

лесную выправку должны стараться имѣть эти безпорядочныя массы“ (Корбъ).

А барабанъ оставался его любимымъ инструментомъ до конца жизни, какъ мы знаемъ. Всѣ его удовольствія носили рѣзко выраженный военный характеръ—отъ всѣхъ нихъ „пахло порохомъ“. Доказывая (въ 1710 году), что у царя достаточно средствъ для продолженія шведской войны, австрійскій резидентъ Плейеръ приводитъ такое соображеніе: „ужъ два года не работаетъ ни одна пороховая мельница, потому что имѣется еще въ полной готовности большой запасъ пороха, несмотря на то, что при обученіи рекрутовъ, какъ только они научатся обращаться съ ружьями, происходитъ непрерывная сильная стрѣльба; а когда царь, или наслѣдникъ, или кн. Меншиковъ въ Москвѣ или въ деревнѣ, за всякимъ почти обѣдомъ, при каждомъ тостѣ за чье-нибудь здоровье, во время бала и танцевъ, въ дни именинъ или рожденія, или по случаю самой хотя бы ничтожной побѣды безпрерывно стрѣляютъ изъ ружей“. Описанія роскошныхъ петровскихъ фейерверковъ—на каждомъ шагу въ современныхъ мемуарахъ; ими восхищались, заднимъ числомъ, люди, хорошо знавшіе Европу, какъ князь Куракинъ. Пируетъ ли царь у Лефорта, спускаетъ ли корабль, идетъ ли маскарадъ по улицѣ Москвы—мы слышимъ непрерывную пушечную пальбу. На новогоднемъ празднествѣ 1699 года „залпъ изъ двадцати пяти пушекъ отмѣчалъ всякій торжественный заздравный тостъ“. Одинъ изъ иностранныхъ дипломатовъ видѣлъ въ этой тратѣ пороха на воздухъ серьезную статью расхода, порядкомъ обременявшую государственный бюджетъ. А когда Петръ развеселится, въ немъ гораздо сильнѣе сказывался буйный солдатъ (пьяный ландскхнехтъ, если угодно: мы вѣдь такъ недалеко еще отъ тридцатилѣтней войны), нежели подгулявшій мастеровой. Въ трезвомъ видѣ орудуя дубинкой, во хмелю Петръ легко брался за шпагу. На одномъ пиру у Лефорта, подъ конецъ обѣда, разгнѣвавшись на воеводу Шеина, „царь распалился такъ, что, нанося обнаженнымъ мечомъ безъ разбору удары, привелъ въ ужасъ всѣхъ собесѣдниковъ: князь Ромодановскій получилъ легкую рану въ палецъ, другую въ голову; у Никиты Моисеевича (Зотова, „всешутѣйшаго патріарха“), при движеніи меча наотмашь, была повреждена рука; гораздо болѣе гибельный ударъ готовился воеводѣ, который, несомнѣнно, упалъ бы отъ царской десницы, обливаясь собственной кровью, но генералъ Лефортъ (которому почти одному это позволялось), обнявъ царя, отвелъ его руку отъ удара. Царь, однако, пришелъ въ силь-

Царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Снимокъ сдѣланъ съ гравюры первой половины XVIII вѣка; внизу гравюры подписано:

Алексѣй Петровичь
царевичь всероссійскій
Alexius Petri Filius
Princeps haereditarius totius Russiae

S. P. Lüdden pinxit. *C. A. Wortmann Acad. Sc. sculp.*

Царевичъ представленъ во вкусѣ XVIII столѣтія. Это — настоящій русскій принцъ и по своимъ вкусамъ, и по своему происхожденію,—внукъ царя Алексѣя и Натальи Нарышкиной, сынъ желѣзнаго Петра и упрямой Лопухиной. Петръ женился на Лопухиной 29 января 1689 года; Алексѣй родился 19 февраля 1690 г.; на восьмомъ году онъ былъ лишенъ матери, сосланной въ монастырь, и отправленъ на воспитаніе къ теткѣ Натальѣ Алексѣевнѣ. Вѣроятно, этотъ переворотъ не остался безъ вліянія на складъ его психики; ссылка матери и постоянное отсутствіе отца не могли привлечь его симпатій къ послѣднему, и это тѣмъ болѣе, что сынъ былъ скорѣе въ мать, чѣмъ въ отца. Если сопоставить портреты матери и сына, то нельзя не замѣтить даже черты внѣшняго сходства: глаза, губы, характерный носъ и весь складъ лица удивительно напоминаютъ Лопухину... Царевна Наталья не была расположена къ Лопухиной, она «намутила на царицу»; когда мать увезли, царевичъ ея хватился и «сталъ тосковать и плакать»; говорятъ, нѣмцевъ онъ не любилъ, на одномъ нѣмцѣ платье сжегъ и его самого опалилъ. Быть можетъ, до него доходила болтовня московскихъ женщинъ, которыя, по словамъ С. Соловьева, говорили: «Государь съ молодыхъ лѣтъ бараны любилъ, и нынѣ руку ту натвердилъ надъ стрѣльцами. Котораго дня государь и князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій крови изопьютъ, того дня въ тѣ часы они веселы, а котораго дня не изопьютъ,—и того дня имъ хлѣбъ не ѣстся». Эти слова были записаны офиціальными сыщиками Преображенскаго приказа. Атмосфера, среди которой росъ Алексѣй, не была благопріятна. Въ 1701 г. къ царевичу былъ приставленъ нѣмецъ Нейгебауеръ, воспитанникъ Лейпцигскаго университета, человѣкъ невоздержный на языкъ, бранившій окружавшихъ царевича собаками, варварами, мужиками и свиньями. 23 мая 1702 г. изъ-за обглоданной царевичемъ куриной ножки произошелъ за столомъ цѣлый скандалъ; изъ-за внѣшностей перепалки видно, что Нейгебауеръ внушалъ одни понятія, а Алексѣй Ив. Нарышкинъ—другія. Такъ было, пожалуй, въ пустякахъ, но такъ же и въ серьезныхъ дѣлахъ. Петръ отставилъ Нейгебауера отъ службы и велѣлъ ему безъ отпуска убираться, куда хочетъ. Нейгебауеръ опубликовалъ въ Германіи въ 1704 г. брошюру, въ которой описалъ русскіе нравы: царь ругался непристойными словами и плевалъ въ лицо офицерамъ,—пощечины, палки и кнутъ—любимые спутники житейскаго обихода въ военной средѣ. Нейгебауеръ, разсказываетъ С. Соловьевъ, обѣщалъ издать подробное описаніе нравовъ русскаго народа, его обмановъ, идолопоклонства, наглости, рабства, жестокости, неблагодарности, ненависти къ иностранцамъ, неспособности, лѣни, волшебства, невѣрности, изумительно-невѣроятныхъ продѣлокъ царскаго любимца Меншикова. Разсерженный нѣмецъ хваталъ черезъ край, но суть его рѣчей соотвѣтствовала тогдашней русской цивилизаціи, и царь назвалъ бывшаго воспитателя своего сына архишельмой. Вспыльчиваго Нейгебауера смѣнилъ болѣе покладистый баронъ Гюйссенъ, который пробылъ при царевичѣ до начала 1705 г. Въ воспитаніе Петръ вмѣшивался постоянно, и это вмѣшательство, бурное и рѣзкое, должно было обезпечить военные вкусы царевича:

ходи въ походы и мечись изъ угла въ уголъ. Съ своими деспотическими замашками и презрѣніемъ къ индивидуальной личности Петръ не могъ облегчить нескладнаго положенія сына въ смутную пору неистовой реформы. Петръ долженъ былъ создать въ сынѣ врага: онъ разметалъ материну родню и силой заставлялъ сына имѣть вкусы, характеръ и аппетиты отца. Дѣти никогда не прощаютъ грубаго насилія отцовъ, и система воспитательнаго насилія всегда приготовляетъ яму для тѣхъ, кто ее примѣняетъ. У Алексѣя создался свой особый міръ понятій и представленій, чуждый пониманію Петра; имѣть этотъ особый міръ въ своемъ сознаніи было преступленіемъ въ глазахъ Петра; сломить этого особаго міра онъ не могъ и въ его возможности было только одно: отправить въ могилу непослушнаго ad maiorem patriae gloriam. Трагедія Петръ и Алексѣй еще не изучена достаточно полно, она представляетъ цѣнный матеріалъ для психологической исторіи борьбы отцовъ и дѣтей, и не даромъ процессу Алексѣя Романова С. Соловьевъ посвятилъ всю вторую главу XVII тома «Исторія Россіи», начавъ ее разсужденіями въ интересахъ подготовки оправданія Петра. Говорится даже, что «прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ I *едва не* казнилъ сына, знаменитаго впослѣдствіи Фридриха II». Мы не пойдемъ за Соловьевымъ, и онъ отдавалъ дань моменту, когда историческое изслѣдованіе въ Россіи едва начинало становиться на ноги, когда о Великомъ надо было говорить только великое, не доживъ до времени, когда становится необходимымъ терминъ *великій* замѣнять цифровой отмѣткой *первый*. Покуда царевичъ учился въ 1710 г. въ Дрезденѣ профондиметріи и стереометріи, ему подыскали невѣсту въ лицѣ принцессы Софіи-Шарлотты Бланкенбургской. Такъ, *впервые* рѣшался вопросъ о бракѣ русскаго наслѣдника престола съ нѣмкой, получавшей право остаться при своемъ евангелическо-лютеранскомъ исповѣданіи. 14 октября 1711 г. въ Торгау состоялась эта свадьба, послужившая прецедентомъ для онѣмеченія русскаго двора. На женатомъ сынѣ продолжалъ лежать отцовскій гнетъ: сынъ не выносилъ его присутствія и не обожалъ своей супруги, которую С. Соловьевъ пренаивно попрекаетъ тѣмъ, что она не захотѣла быть русской. 12 іюня 1714 г. у Алексѣя родилась дочь Наталья, въ 1715 г. 12 октября родился сынъ Петръ, а 22 октября того же года нѣмецкая принцесса, разсердившая Соловьева, умерла. Въ томъ же октябрѣ у Алексѣя родился не только сынъ, но и братъ, названный тоже Петромъ. Положеніе царевича поколебалось; оно скоро бѣжитъ заграницу съ Афросиньей Ѳедоровой и слагаетъ свою голову въ борьбѣ съ отцомъ, какъ уже указано въ объясненіяхъ къ картинамъ Ге и Шеръ.

В. Стор.

ное негодованіе отъ того, что нашлось лицо, дерзнувшее помѣшать послѣдствіямъ его вполнѣ справедливаго гнѣва, тотчасъ обернулся и поразилъ неумѣстно вмѣшавшагося тяжелымъ ударомъ въ спину; поправить дѣло могло одно только лицо, занимающее первое мѣсто среди москвитянъ по привязанности къ нему царя. Говорятъ, что этотъ человѣкъ вознесенъ до верха всѣмъ завиднаго могущества изъ низшей среди людей участи. Онъ успѣлъ такъ смягчить царское сердце, что тотъ удержался отъ убійства, ограничившись одними угрозами. Эту жестокую бурю смѣнила пріятная и ясная погода". Этотъ благодѣтельный чародѣй, котораго Корбъ не называетъ, былъ Меншиковъ: цитированное нами мѣсто—одно изъ тѣхъ, на которыхъ основано извѣстное уже намъ представленіе о характерѣ отношеній между Петромъ и его „Алексашкой".

Была ли эта любовь къ военщинѣ и солдатскія замашки только дѣломъ личной склонности, или Петръ сознательно шелъ въ этомъ направленіи? Не надо забывать, что въ тѣ времена еще не было на свѣтѣ „великаго Фридриха", который „сдѣлалъ всѣхъ королей капралами"; солдатская наука тогда еще не была королевской наукой по преимуществу. Изъ предшествующихъ русскихъ царей ни одинъ, кромѣ Названнаго Димитрія, не былъ любителемъ военнаго дѣла. Извѣстную роль тутъ должно было сыграть дѣтство Петра, прошедшее подъ впечатлѣніемъ только что закончившихся долголѣтнихъ войнъ царя Алексѣя: у прежнихъ царевичей едва ли было столько военныхъ игрушекъ. Борьба за Малороссію и война со шведами должны были сильно расшевелить задремавшіе послѣ Смуты милитарные инстинкты московскаго высшаго общества. Но помимо инстинктовъ, современники или очень близкіе потомки усматривали въ милитаризмѣ Петра серьезную политическую сторону—не ту притомъ, какая выдвигается обыкновенно. Мы уже упоминали мимоходомъ о замѣчаніи Фокеродта, какъ Петръ „достаточно убѣдился изъ опыта, какую сильную опору монархической власти представляетъ регулярная армія", и какъ, именно благодаря этому, онъ „въ особенности и со всѣмъ усердіемъ предался улучшенію своихъ войскъ". Вліянію военныхъ потребностей въ тѣсномъ смыслѣ Фокеродтъ отводитъ лишь второе мѣсто. Какъ извѣстно, старый предразсудокъ, будто Петръ былъ создателемъ регулярной арміи въ Россіи, давно пора бросить: первые полки „иноземнаго строя" появляются у насъ еще при Михаилѣ, а въ малолѣтство Петра они, вмѣстѣ со стрѣльцами,

которые тоже были ближе къ постоянному войску, нежели къ феодальному ополченію, составляли уже подавляющее большинство русской арміи*). Правда, это было плохое регулярное войско: вѣроятно, въ родѣ турецкихъ или персидскихъ солдатъ первой половины XIX столѣтія. Тѣмъ не менѣе, солдатскую науку Петръ нашелъ въ Россіи уже готовой, и петровская гвардія, съ военно-технической точки зрѣнія, была еще меньше „открытіемъ", чѣмъ „дѣдушка русскаго флота" съ точки зрѣнія морской техники. Но ея задача и не была военно-технической. Присмотритесь къ ходу ея постепеннаго развитія, какъ онъ отчетливо выступаетъ въ „Гисторіи" Куракина. Сначала было 300 „потѣшныхъ"; эти завелись случайно, дѣйствительно для потѣхи—едва ли тутъ былъ серьезный расчетъ. Но въ столкновеніи съ Софьей потѣшные оказываются не шуточной силой, на которую можно опереться—вѣдь и противники считаютъ своихъ приверженцевъ среди стрѣльцовъ тоже только сотнями. И вотъ, „по возвращеніи изъ Троицкаго походу 7197 (1689) году", т.-е. послѣ своего бѣгства изъ Преображенскаго къ Троицѣ и расправы съ Софьей, Голицынымъ и Шакловитымъ, Петръ „началъ набирать свои два полка, Преображенской и Семеновской, формально". Для семнадцатилѣтняго царя это были по прежнему, игрушки, но для партіи Нарышкиныхъ и для Бориса Алексѣевича Голицына, фактическаго автора coup d'Etat 1689 года, это была серьезная военно-полицейская сила, которую можно было противопоставить, въ случаѣ надобности, ненадежнымъ стрѣльцамъ. Десять лѣтъ спустя гвардіи и пришлось сыграть именно эту роль. Преображенцы и семеновцы съ самаго начала были нужны противъ внутренняго врага: противъ внѣшняго ихъ двинули уже позднѣе.

Это происхожденіе гвардіи объясняетъ намъ и ея значеніе при Петрѣ. Гвардейскіе офицеры играли роль, очень близкую къ жандармскимъ офицерамъ временъ Николая Павловича. Всѣ болѣе или менѣе интимныя разслѣдованія о казнокрадствѣ и иныхъ злоупотребленіяхъ ближайшихъ къ Петру лицъ производились при ихъ участіи. Такъ, фискальскіе доносы на кн. Я. Ѳ. Долгорукаго (того самаго, что мы видѣли въ такомъ горячемъ бою съ кн. Ромодановскимъ) разбирала комиссія, состоявшая изъ майора Дмитріева-Мамонова, капитана Лихарева, капитанъ-поручика Пашкова и поручика

*) Цифры см. у г. Милюкова, стр. 52. Въ походѣ 1681 г. на 16 приблизительно тысячъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, московскихъ и городовыхъ, приходилось 30 тысячъ конницы и 60 тысячъ пѣхоты иноземнаго строя, кромѣ 22 тысячъ стрѣльцовъ

Бахметева. Передъ учрежденіемъ генералъ-прокуратуры Петръ думалъ изъ гвардейскихъ штабъ-офицеровъ создать органъ для надзора надъ всѣмъ сенатомъ. Гвардейскіе маіоры должны были присутствовать въ засѣданіяхъ сената и слѣдить за тѣмъ, чтобы сенаторы вели дѣла какъ слѣдуетъ; увидя же что-нибудь „противное сему“, могли виновнаго арестовать и отвести въ крѣпость (Петропавловская крѣпость уже тогда, по словамъ Фокеродта, играла роль, не столько военную—она никого и ничего не обороняла,—сколько полицейскую: была „своего рода Бастиліей“). Не мудрено, что члены сената „вставали со своихъ мѣстъ передъ поручикомъ и относились къ нему съ подобострастіемъ“, какъ съ удивленіемъ сообщалъ французскій агентъ Лави, не безъ основанія находившій, что „достоинство имперіи“ отъ того „унижено“. Но подобострастіе сенаторовъ передъ поручиками было ничѣмъ сравнительно съ положеніемъ, въ какое была поставлена относительно послѣднихъ провинціальная администрація. Гвардейскіе офицеры, посылавшіеся въ губернію, въ случаѣ неисполненія ихъ требованій имѣли право „какъ губернаторовъ, такъ и вице-губернаторовъ и прочихъ подчиненныхъ сковать за ноги и на шею положить цѣпи и по то время ихъ не освобождать, пока они изготовятъ“ требуемые гвардейцами отчеты. Позже такое же право было предоставлено не только офицерамъ, но и унтеръ-офицерамъ. Какую картину представляла подъ унтеръ-офицерскимъ игомъ Москва (не какой-нибудь медвѣжій уголъ!), весьма живо рисуетъ одно письмо извѣстнаго петровскаго дипломата гр. Матвѣева. „Присланный изъ камеръ-коллегіи унтеръ-офицеръ, именемъ Пустошкинъ“, разсказываетъ онъ, „жестокую передрягу учинилъ и всю канцелярію опустошилъ, и всѣмъ здѣшнимъ правителямъ, кромѣ военной коллегіи и юстиціи, не только ноги, но и шею смирилъ цѣпями. Между которыми здѣшній вице-губернаторъ господинъ Воейковъ токмо отвѣтствовалъ тому нарочно присланному, что онъ послушенъ на цѣпь идтить, однако жъ, чтобы прежде сказана была ему вина, чего тотъ Пустошкинъ учинить не дерзнулъ безъ указу военной коллегіи. Однако жъ, онъ, вице-губернаторъ, отъ него, Пустошкина, равно въ той губернской канцеляріи при такой же тѣснотѣ содержится, какъ и прочіе.... Я, тѣхъ узниковъ по должности христіанской посѣщая, воистину съ плачемъ видѣлъ въ губернской канцеляріи здѣшней, что множество дѣтей и женщинъ, и честныхъ особъ, сидящихъ въ нихъ, и токи слезъ, превосходящіе галерныхъ (каторжныхъ) прямыхъ дворовъ“.

Это было въ Москвѣ, и главнымъ обиженнымъ являлся вице-губернаторъ и бригадиръ, нашедшій себѣ заступника въ лицѣ близкаго къ царю человѣка, недавняго посланника при дворѣ одной изъ великихъ державъ, какой тогда была Голландія, почти что одного изъ „верховныхъ господъ“. Что терпѣли въ глухой провинціи, можно судить по жалобѣ вятскаго камерира на тамошняго „солдата“, Нетесева. Этотъ Нетесевъ, разсказываетъ камериръ, „приходитъ въ канцелярію пьяный не въ указанные часы... ночью во второмъ и въ третьемъ часахъ и караульныхъ капраловъ и часовыхъ солдатъ бьетъ палкою, а намъ, не объявляя вины и безъ всякой причины, держитъ насъ подъ арестомъ по часту, а другимъ временемъ и скованныхъ и, забравъ вятскихъ обывателей, какъ посадскихъ, такъ и уѣздныхъ лучшихъ людей, которые бывали въ прошлыхъ годѣхъ у таможенныхъ и питейныхъ сборовъ бурмистрами, головами и ларешными, держитъ подъ земскою конторою за карауломъ и скованныхъ, гдѣ прежъ сего держаны были тоже и разбойники, и беретъ взятки“. „Этотъ солдатъ“, прибавляетъ изслѣдователь, у котораго мы заимствуемъ эти разсказы, „доходилъ до какого-то опьянѣнія властью, которое, кажется, совпадало у него съ опьянѣніемъ водкой. Многократно говорилъ похвальныя рѣчи, что де онъ, „пришедъ въ канцелярію, камерира и его секретаря, сковавъ, замучитъ въ желѣзахъ до смерти; а если де они въ желѣза сами не скуются, и тѣми желѣзами будетъ ихъ бить и головы испроломаетъ“. Жену секретаря онъ грозился шпагою изрубить на мелкія части и исполнить это свое намѣреніе поклялся, приложившись къ образу Спасителя при свидѣтеляхъ“ *).

Буржуазное сверху, петровское общество продолжало оставаться военнымъ въ своей сердцевинѣ. Упоминаніе о „солдатахъ“ можетъ внушить читателю иллюзію, будто рѣчь идетъ о чемъ-то новомъ, о какой-то военной демократіи. Ничуть не бывало: „князья и простые дворяне“ составляли ядро петровской гвардіи. Этотъ фактъ сразу бросался въ глаза иностраннымъ наблюдателямъ, и они старались по-своему его объяснить. „Онъ ласковъ со всѣми“,—говоритъ французскій дипломатъ Кампредонъ, а преимущественно съ солдатами, большую часть которыхъ составляютъ дѣти князей и бояръ, служащіе ему какъ бы залогомъ вѣрности своихъ отцовъ“. Дворянство уже при Петрѣ, такимъ образомъ, на-

*) М. Богословскій: „Областная реформа Петра В.“, Москва, 1902 г., стр. 311—321.

чало вырабатывать себѣ тотъ центральный органъ, который помогъ ему захватить снова власть въ свои руки въ теченіе слѣдующихъ царствованій. Тонкая буржуазная оболочка такъ же мало измѣнила дворянскую природу московскаго государства, какъ нѣмецкій кафтанъ природу московскаго человѣка. Когда Петръ умеръ, между дворянствомъ и властью стояла только лишенная соціальной опоры въ массахъ группа „верховныхъ господъ“—штабъ безъ арміи, потому что новой буржуазной арміи она не смогла себѣ создать, а старое служилое сословіе въ преображенскомъ мундирѣ только и ждало удобной минуты, чтобы „головы разбить боярамъ“...

7. Агонія буржуазной политики.

Служебной силѣ удалось сдѣлаться силой политической очень скоро: Петръ не успѣлъ закрыть глаза, какъ гвардія была уже хозяйкой положенія, и не только въ императорскомъ дворцѣ. Безъ ея согласія нельзя было занять русскаго престола. Гвардейцы пропускали на мѣсто „своего полковника“ только того, кого они хотѣли.

Набѣгъ торговаго капитализма на Россію обошелся ей очень дорого—и не только въ смыслѣ затратъ людьми и деньгами. Безъ такихъ затратъ не обходится никогда „активная политика“, и въ этомъ спеціально отношеніи Россія 1725 г. ничѣмъ существенно не отличалась отъ Франціи—въ моментъ смерти Людовика XIV, отъ Пруссіи—по окончаніи семилѣтней войны, или даже отъ Англіи при концѣ ея борьбы съ Наполеономъ. Населеніе было разорено и разбѣгалось, притомъ съ довольно давняго уже времени. Уже къ 1710 году убыль населенія, сравнительно съ послѣдней до-петровской переписью, составляла, по наблюденіямъ г. Милюкова, мѣстами 40%. Какъ бы ни мало были надежны цифры тогдашней статистики (переписи 1710 г. не довѣряли уже современники), общее впечатлѣніе онѣ даютъ достаточно опредѣленное, особенно тамъ, гдѣ ихъ сопровождаютъ словесные комментаріи. Объ Архангелогородской губерніи офиціальный документъ замѣчаетъ, что „убылые дворы и въ нихъ люди явились для того: взяты въ рекруты, въ солдаты, въ плотники,

въ С.-Петербургъ въ работники, въ переведенцы, въ кузнецы". Изъ 5356 дворовъ, „убывшихъ" въ Пошехонье, отъ рекрутчины и казенныхъ работъ запустѣлъ 1551, а отъ побѣговъ 1366 *). Иностранцамъ казалось, что центральныя области государства совершенно обезлюдѣли, благодаря сѣверной войнѣ, и хотя это мнѣніе нуждается въ такой же оговоркѣ, какъ и утвержденіе тѣхъ же иностранцевъ, будто подмосковный суглинокъ принадлежитъ къ „лучшимъ землямъ въ Европѣ", въ этомъ суммарномъ впечатлѣніи не все было фантазіей. Одинъ документъ 1726 года, подъ которымъ стоятъ подписи „верховныхъ господъ" почти въ полномъ составѣ, безъ спора принимаетъ къ свѣдѣнію такіе „резоны" неплательщиковъ подушной подати: „что де послѣ переписи многіе крестьяне, которые могли работою своею доставать деньги, померли и въ рекруты взяты и разбѣжались... а которые нынѣ работою могутъ получать деньги на государственную подать, такихъ осталось малое число". Не спорили „верховные господа" и противъ ссылокъ на упадокъ крестьянскаго хозяйства: „къ тому же де уже нѣсколько лѣтъ хлѣбные недороды, и во многихъ мѣстахъ крестьяне зѣло мало сѣютъ хлѣба, а которые и сѣютъ, и тѣ на государственныя подати принуждены бываютъ и въ землѣ хлѣбъ продавать, и отъ того ищутъ случая бѣжать въ дальнія мѣста, гдѣ бы ихъ сыскать было невозможно". Но уже въ этой второй цитатѣ мы имѣемъ объясненіе крестьянскаго разоренія не отъ политическихъ причинъ: и по понятнымъ соображеніямъ казенная бумага молчитъ о причинахъ соціальныхъ, которыя, однако, хорошо были видны иностранцамъ, отводившимъ въ дѣлѣ опустошенія центральной Россіи „жестокому обращенію господъ" одинаковое мѣсто съ сѣверной войной. Банкротство петровской системы заключалось не въ томъ, что „цѣною разоренія страны Россія была возведена въ рангъ европейской державы", а въ томъ, что, несмотря на разореніе страны, и эта цѣль не была достигнута. Иностранцы, состоявшіе на русской службѣ, оцѣнивали могущество петровской имперіи далеко не такъ высоко, какъ иностранцы, смотрѣвшіе издали, и какъ позднѣйшіе историки. Минихъ въ интимномъ разговорѣ съ прусскимъ посланникомъ Мардефельдомъ не скрывалъ отъ него, что русскія войска находятся въ весьма плачевномъ состояніи: офицеры никуда не годятся, между солдатами много необученныхъ рекрутъ, кавалерійскихъ лошадей вовсе нѣтъ—

*) См. г. Милюковъ, назв. сочин., стр. 247—249.

словомъ, появись вторично противникъ въ родѣ Карла XII, онъ съ 25.000 человѣкъ могъ бы справиться со всей „московитской“ арміей. А это говорилось всего черезъ два года послѣ такъ блестяще отпразднованнаго Ништадтскаго мира! Не лучше былъ флотъ, въ которомъ куда-нибудь годились только галеры—очень практичныя для мелкой войны въ финскихъ шхерахъ, но не для открытаго моря. Корабли строились, для скорости, изъ сырого лѣса и чрезвычайно быстро гнили въ прѣсныхъ водахъ кронштадтской гавани. Это была одна изъ главныхъ причинъ попытки Петра перенести стоянку своего флота въ Рогервикъ (позже „Балтійскій портъ“ около Ревеля), расположенный вблизи открытаго моря, гдѣ вода была соленая. Но петровскіе инженеры не умѣли справиться съ крупной волной, и каждая сильная буря, разметавъ все построенное ими, возвращала дѣло къ исходной точкѣ—такъ что постройка Рогервика стала синонимомъ египетской работы. Личный составъ флота былъ не лучше его матеріальной части. Въ своихъ „гардемаринахъ“, учившихся за границей, Петръ скоро разочаровался, и въ концѣ царствованія за границу болѣе уже не посылали. А о положеніи матросовъ хорошее представленіе даетъ донесеніе одного иностраннаго дипломата своему правительству, относящееся какъ разъ ко времени великолѣпныхъ маскарадовъ, которыми праздновалась побѣда надъ шведами. „Въ видахъ предупрежденія безпорядковъ и охраненія спокойствія количество стражи въ здѣшней резиденціи удвоено. Мнѣ говорили, что причина множества предосторожностей, принимаемыхъ по этому случаю, заключается въ томъ, что весьма значительное число матросовъ, которымъ не заплачено жалованье, несмотря на отданное царемъ передъ отъѣздомъ приказаніе расплатиться съ ними, не имѣя куска хлѣба, составили заговоръ: собраться толпою и грабить дома жителей здѣшней резиденціи“.

А въ то же время Россія была наканунѣ новой войны. Тотъ же торговый капитализмъ, который заставилъ Петра биться двадцать лѣтъ за Балтійское море, теперь гналъ его на Каспійское. Ништадтскій миръ еще не былъ заключенъ, а у Петра была уже готова новая подробная карта этого моря, за которую французская академія избрала царя своимъ членомъ. Составившіе карту офицеры привезли, по словамъ иностранныхъ дипломатовъ, важное извѣстіе: что тѣ мѣста, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточено производство шелка, находятся около самой границы царскихъ владѣній. „Здѣсь всѣ льстятъ себя надеждой, что, такъ какъ у персіянъ нѣтъ ни

Отреченіе царевича Алексѣя.

Оригиналъ картины Антонины Шеръ *Отреченіе царевича Алексѣя* находится въ Румянцовскомъ музеѣ, въ Москвѣ (№ 641); картина эта мало извѣстна и сама по себѣ какого-нибудь большого художественнаго интереса не представляетъ; она болѣе характерна для обрисовки такъ называемыхъ историческихъ темъ, которыя встрѣчаются въ русской живописи. Картину г-жи Шеръ мы предпочли картинѣ Ѳ. Е. Бурова (1843—1896) *Посѣщеніе Іоанна Антоновича Петромъ III въ Шлиссельбургской крѣпости* (подъ № 82 въ Петербургскомъ Музеѣ Александрѣ III), какъ болѣе извѣстной и вмѣстѣ ради болѣе полной характеристики впечатлѣній, произведенныхъ Петровскою эпохой... Послѣ ряда заграничныхъ впечатлѣній царевичъ Алексѣй 31 января 1718 года былъ уже въ Москвѣ, куда привезли его неволей и обманомъ исполнительные агенты Петра. «Іуда Петръ Толстой (предокъ знаменитаго Льва Толстого), говорилъ тогда Ив. Нарышкинъ, обманулъ царевича, выманилъ». Повѣривъ обманнымъ словамъ, царевичъ Алексѣй не зналъ, что ждетъ его въ отечествѣ. 3 февраля того же года онъ вынужденъ былъ отречься отъ престола, признать наслѣдникомъ брата Петра Петровича и, подписавъ клятвенное обѣщаніе, съ 14 іюня 1718 г. превратиться въ колодника, которому уже не было суждено выбраться изъ крѣпостныхъ стѣнъ и потрясающихъ условій заключенія... Въ скорѣйшемъ разрѣшеніи трагедіи царевича Алексѣя, если опираться на С. М. Соловьева, сыграла роль Афросинья Ѳедорова, его другъ и бывшая крѣпостная Никифора Вяземскаго... Царевичъ рвался къ ней, ждалъ ея скорѣйшаго пріѣзда изъ-за границы, и этотъ пріѣздъ ея въ половинѣ апрѣля 1718 г. былъ для него роковымъ. Голландскій резидентъ Деби лѣтомъ 1718 г. писалъ о ней въ своемъ донесеніи: «Метреса царевича случай подала на открытіе наивящихъ тайностей. Она есть низкой породы изъ Финляндіи, плѣнная и къ блуду съ принцемъ Алексѣемъ обнаженнымъ ножомъ и угроженіемъ смерти принужденная особа». Сообщая затѣмъ предположеніе, что она была повѣнчана съ царевичемъ, Деби пишетъ: «Когда помянутая метреса отъ царя совершенное прощеніе получила, нѣкоторыя драгоцѣнныя вещи оной назадъ отданы, и ей при томъ сказано было, что, когда она замужъ выйдетъ, то предбудущему ея мужу хорошее приданое изъ казны выдано будетъ; она на это отвѣтствовала: «Къ первому блуду я принуждена была, и послѣ того принца никто при моемъ боку лежать не будетъ». Хотя она чрезъ глубочайшую покорность и объявленіе того, что она вѣдаетъ, себя при сихъ опасныхъ временахъ ищетъ въ полученную милость отъ царя утвердить, однакожъ чрезъ изустное свое объявленіе много тягости, какъ несчастливому принцу, такъ и участникамъ его причинила...». Деби передаетъ слухи, слухи чаще всего бываютъ невѣрными, но они цѣнны для характеристики самаго существа той обстановки, среди которой замирала жизнь сына Авдотьи Лопухиной и противника реформы. Отставленный отъ наслѣдства и отказавшійся отъ престола Алексѣй Петровичъ Романовъ былъ подвергнутъ пыткѣ: 19 іюня дано было 25 ударовъ; 25 іюня 1718 г. вновь пытали—дано было 15 ударовъ; 26 іюня 1718 г. опять «учиненъ былъ застѣнокъ» въ гарнизонѣ и при томъ очень торжественно и людно: были царь Петръ, Яковъ Долгорукій, Гаврило Головкинъ, Ѳедоръ Апраксинъ, Иванъ Мусинъ—Пушкинъ, Тихонъ Стрѣшневъ, Петръ Шафировъ и ген. Бутурлинъ... То былъ такъ называемый финальный застѣнокъ, послѣ котораго, «будучи подъ карауломъ въ Трубецкомъ раскатѣ въ гарнизонѣ, царевичъ Алексѣй Петровичъ преставился» и 30 іюня похороненъ въ Пет-

ропавловскомъ соборѣ. Слухамъ не было конца, и одинъ другого разнообразнѣе... Одни говорили, какъ передаетъ С. М. Соловьевъ, что «государь царевича своими руками забилъ кнутомъ до смерти», другіе, что онъ «сыну своему царевичу своими руками голову отсѣкъ», третьи, наконецъ, шептали, что царевичъ былъ запытанъ... Проще происходило дѣло въ XVI вѣкѣ, но извѣстные результаты и въ XVI, и въ XVIII в. были одинаковыми. Рѣпинъ изобразилъ самый фактъ, Ге и Шеръ подходятъ къ факту лишь намеками, косвенно: у Рѣпина бездыханный трупъ, безумно лобзаемый полупомѣшаннымъ отъ горя отцомъ, умѣвшимъ вспылить и громко-открыто стонать отъ своего преступленія; у Ге и Шеръ выступаютъ въ жалкой позѣ не совсѣмъ понятный и непріятный сынъ и величественный, сознательно жестокій отецъ, стоящій въ сторонѣ, но безусловный авторъ печальнаго финала... Старые историки очень любятъ въ подобныхъ случаяхъ подчеркивать идею попечительныхъ заботъ о благѣ государства, особливо въ отношеніи Петра Перваго; они ошибаются и впадаютъ въ невольную тенденцію: дѣло обстоитъ гораздо проще и стоитъ въ непосредственной связи съ бытовыми очертаніями эпохи, съ состояніемъ ея цивилизаціи. Каковы же были нравы этой эпохи реформъ, когда въ населеніи говорили, что царь «сыну своему царевичу своими руками голову отсѣкъ» (какъ будто это повтореніе подвиговъ Преобразователя въ стрѣлецкомъ дѣлѣ)!

В. Стор.

одного морского судна, можно будетъ большую часть шелковой торговли привлечь сюда и извлекать изъ этого большой доходъ", писалъ прусскому королю его посланникъ. Открылъ эту Америку только прусскій дипломатъ: при русскомъ дворѣ не могли, конечно, забыть „величайшей торговли въ Европѣ", на которую въ XVII вѣкѣ было столько охотниковъ. Персидскій походъ Петра былъ необходимымъ дополненіемъ къ насаждавшимся имъ шелковымъ мануфактурамъ. Годъ спустя объ этомъ говорили уже вполнѣ опредѣленно. „Царь хочетъ имѣть для безопасности своей торговли портъ и крѣпость по ту сторону Каспійскаго моря и желаетъ, чтобы шелки, которые посылались обыкновенно въ Европу черезъ Смирну, шли отнынѣ на Астрахань и Петербургъ", писалъ весною 1722 г. другой дипломатъ, который скоро потомъ услыхалъ подобное же объясненіе изъ устъ самого Петра—только царь говорилъ, разумѣется, не о захватѣ шелковой торговли русскими, а о „свободѣ" этой торговли. Едва кончились военныя дѣйствія противъ шведовъ, какъ участвовавшія въ нихъ войска начали стягиваться къ Москвѣ, а оттуда далѣе — къ берегамъ Дона и Волги. На этой послѣдней быстро выросъ военный и транспортный флотъ, для котораго 5000 матросовъ было перевезено изъ Кронштадта черезъ Москву въ Нижній. Въ предлогѣ для войны, какъ водится, не оказалось недостатка. Въ Шемахѣ ограбили царскихъ гостей, не то на пятьдесятъ тысячъ, не то на пятьсотъ: позже говорили уже о трехъ милліонахъ. Притомъ царскій гость былъ такъ близокъ къ правительственному чиновнику, что нельзя было не усмотрѣть здѣсь прямого неуваженія къ достоинству русскаго государя. Правда, ограбившіе были мятежниками и противъ своего государя, персидскаго шаха: но тѣмъ меньше долженъ былъ сердиться послѣдній на появленіе русскихъ войскъ въ его владѣніяхъ. Для него же, въ концѣ концовъ, возстановляли порядокъ—онъ долженъ былъ это оцѣнить, и при русскомъ дворѣ надѣялись даже, что шахъ, можетъ быть, даромъ, изъ одной благодарности, предоставитъ шелковую монополію Россіи. Всѣ эти радужныя надежды, однако, скоро должны были поблекнуть. Если не само персидское правительство (въ это время было и нелегко его найти, такъ какъ за шахскій престолъ боролось нѣсколько претендентовъ), то его вассалы на берегахъ Каспійскаго моря, въ союзѣ съ горцами Дагестана, оказали русскимъ отчаянное сопротивленіе. Каспійскій флотъ вышелъ не лучше балтійскаго и по большей части погибъ отъ бурь. Бороться съ климатомъ оказа-

лось еще труднѣе, чѣмъ съ бурями и непріятелемъ, болѣзни и конскій падежъ свирѣпствовали въ русскомъ лагерѣ, и, отправившись въ походъ весною 1722 года, въ январѣ слѣдующаго Петръ уже возвращался въ Москву, оставивъ на мѣстѣ своихъ, весьма скромныхъ, завоеваній „15.000 лошадей, болѣе 4000 человѣкъ регулярнаго войска, не считая гораздо большаго числа казаковъ и милліона рублей“ *). Но непосредственныя потери были еще ничто сравнительно съ тѣмъ, что грозило въ будущемъ. Конкурентка Россіи въ области шелковой торговли, Турція, поняла каспійскую экспедицію Петра, какъ прямую угрозу себѣ: одна война тянула за собою другую, и притомъ несравненно болѣе опасную. Прутскаго похода не могли забыть ни царь, ни его министры; ожиданіе турецкой войны отравило послѣдніе мѣсяцы жизни Петра, а когда онъ умеръ, начавшіе править отъ его имени „верховные господа“ не могли говорить о ней безъ тоски и скорби. Персидскія завоеванія представляли собою одну изъ самыхъ непріятныхъ частей Петрова наслѣдства, отъ которой не знали, какъ избавиться, и не чаяли, чтобы это когда-нибудь удалось. „Войско, которое наряжено регулярное, надлежитъ въ Персію послать“, меланхолически писалъ годъ спустя послѣ смерти „преобразователя“ его канцлеръ, графъ Головкинъ: „для того, что авось либо они могутъ что будущимъ лѣтомъ какіе протрессы учинить, и увидя то и силу нашу турки и персіане инаково съ нами поступать станутъ“. Но другой изъ „верховныхъ господъ“, Толстой, находилъ, что „регулярныхъ войскъ прибавить туда сверхъ опредѣленнаго числа не токмо трудно, но кажется и невозможно“, и всю надежду возлагалъ на какого-то „грузинскаго принца“, о которомъ „просятъ тамошніе армяне“... „Когда принцъ грузинскій въ тѣ страны прибудетъ, то можетъ быть тамошнихъ христіанъ къ нему не малое число соберутся, понеже его тамъ любятъ“, мечталъ Толстой, выдавая этимъ „можетъ быть“ всю глубину отчаянія русской дипломатіи. Персидскій походъ не былъ такой позорной неудачей, какъ прутскій, но это было, во всякомъ случаѣ, лопнувшее предпріятіе, и его жалкіе результаты не въ меньшей степени объясняютъ намъ настроеніе Петра въ послѣдній годъ его жизни, чѣмъ та пустота, въ которой почувствовалъ себя императоръ послѣ безплодной борьбы съ „растаскивавшими“ Россію верховниками. Быть можетъ даже, что и эта пустота стала ему замѣтной благодаря

*) Кампредонъ, Сб. Р. Ист. Общ., т. 49, стр. 281.

внѣшней неудачѣ, когда уже и тріумфальными шествіями нельзя было закрасить дѣла и увѣрить себя, что все идетъ какъ слѣдуетъ. „Могу, какъ мнѣ кажется, увѣрить В. В.“, писалъ Кампредонъ Людовику XV въ апрѣлѣ 1723 г., „что какъ бы русскіе ни храбрились и какой бы твердостью ни пускали пыль въ глаза, они не въ силахъ выдержать войну противъ турокъ ни со стороны Персіи, ни со стороны Азова. Русскіе финансы плохи, и голодъ даетъ себя чувствовать весьма сильно. Кавалерія безъ лошадей, ибо онѣ погибли всѣ въ послѣднюю кампанію, а войскамъ за 17 мѣсяцевъ не плачено жалованье, чего въ прошлую войну не случалось ни разу“. Невѣроятный, на первый взглядъ, фактъ неплатежа жалованья войску вполнѣ подтверждается и русскими документами: 13 февраля 1724 года сенатъ доносилъ государю, что „многіе офицеры, а паче иноземцы, а также и русскіе безпомѣстные и малопомѣстные отъ невыдачи имъ на прошлый годъ жалованья пришли въ такую скудость, что и экипажъ свой проѣли“. Къ концу царствованія даже тѣ, изъ-за кого голодала вся страна, были сами голодны... На склонныхъ къ пессимизму людей, какимъ былъ, напримѣръ, саксонскій посланникъ Лефортъ, Петръ производилъ въ это время впечатлѣніе человѣка, который на все махнулъ рукою и запилъ съ горя. „Я не могу понять положенія этого государства“, писалъ Лефортъ за шесть мѣсяцевъ до смерти императора: „царь шестой день не выходитъ изъ комнаты и очень нездоровъ отъ кутежа, происходившаго по случаю закладки церкви, которую окрестили 3.000 бутылокъ вина... Ужъ близко маскарады, и здѣсь ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ объ удовольствіяхъ, тогда какъ народъ плачетъ... Не платятъ ни войскамъ, ни флоту, ни коллегіямъ, ни кому бы то ни было; всѣ ужасно ропщутъ“ *).

Смерть преобразователя была достойнымъ финаломъ этого пира во время чумы. Петръ умеръ, какъ извѣстно, отъ послѣдствій сифилиса, полученнаго имъ, по всей вѣроятности, въ Голландіи и плохо вылѣченнаго тогдашними врачами. При гомерическомъ пьянствѣ петровскаго двора и лучшіе врачи, впрочемъ, едва ли сумѣли бы помочь. Смерть пришла совершенно неожиданно для царя—хотя посторонніе наблюдатели давно уже готовились къ катастрофѣ—и настроеніе, которое онъ при этомъ обнаружилъ, весьма способно поколе-

*) Сб. Р. Ист. Общ. III, стр. 382.

бать легенду о „желѣзныхъ людяхъ“. „Въ теченіе болѣзни онъ сильно упалъ духомъ, страшно боялся смерти (le tout crainte de la mort), но въ то же время выказывалъ искреннее раскаяніе“, пишетъ въ своей подробной реляціи о послѣднихъ дняхъ Петра французскій посланникъ. „По его нарочитому повелѣнію освободили всѣхъ заключенныхъ за долги, большую часть коихъ онъ приказалъ выплатить изъ своихъ личныхъ средствъ. Прочихъ заключенныхъ и всѣхъ каторжниковъ, кромѣ убійцъ и государственныхъ преступниковъ (!), онъ также приказалъ освободить; повелѣлъ молиться о себѣ во всѣхъ церквахъ различныхъ религій и причащался три раза въ теченіе одной недѣли“. Онъ хворалъ достаточно долго, чтобы успѣть составить завѣщаніе, которое логически вытекало изъ имъ же изданнаго закона о престолонаслѣдіи. Но боязнь смерти была такъ велика, что у него не хватало духу за это взяться, а у окружающихъ—напомнить ему объ этомъ. Спохватились, когда Петръ былъ уже почти въ агоніи, но въ каракуляхъ, выведенныхъ дрожащей рукой, смогли разобрать только два слова: „отдайте все...“ Кому—осталось неизвѣстнымъ, Согласно комментировавшей законъ о престолонаслѣдіи „Правдѣ воли монаршей“ Ѳеофана Прокоповича, „народъ“ долженъ былъ теперь „угадывать“ волю умершаго государя. Проще говоря, на другой же день по смерти перваго императора россійскій престолъ сталъ избирательнымъ. Ни въ теоріи, ни на практикѣ тутъ не было такъ много новаго, какъ можетъ показаться намъ. Первые цари дома Романовыхъ обыкновенно „обирались“ на царство земскимъ соборомъ—по крайней мѣрѣ, формальность избранія была соблюдена и при восшествіи на престолъ Петра. Когда „св. Синодъ и высокоправительствующій сенатъ и генералитетъ согласно приказали“ русскому народу повиноваться вдовѣ умершаго, императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, это была не столько новая форма, сколько просто новыя слова для обозначенія собранія, въ сущности, такого же состава, какъ и выбиравшее въ 1682 году самого Петра, которое состояло изъ „освященнаго собора“, „боярской думы“ да „московскихъ чиновъ“. Новизна заключалась въ томъ, что раньше, начиная съ Алексѣя, избраніе было, дѣйствительно, только формой, потому что наслѣдникъ всѣмъ былъ извѣстенъ и находился налицо, теперь же, хотя въ наслѣдникѣ тоже не было недостатка, въ обходъ его избрали лицо, никакихъ правъ на престолъ не имѣвшее. И выбрали притомъ не тѣ, кто могъ это сдѣлать по традиціи, и отъ чьего лица былъ написанъ

цитированный нами манифестъ, а опять-таки люди, формальнымъ правомъ выбора не располагавшіе. „Сенатъ, синодъ и генералитетъ“ писали подъ диктовку гвардіи, которая въ этотъ моментъ всеобщаго недовольства являлась самой недовольной и наиболѣе опасной силой.

Иностранные дипломаты весьма согласно въ главныхъ чертахъ передаютъ событія, происходившія во дворцѣ въ ночь съ 27 на 28 января 1725 года *). Когда гвардейскіе офицеры простились со своимъ полковникомъ, уже терявшимъ сознаніе, старшіе изъ нихъ — согласно однимъ извѣстіямъ по собственному почину, согласно другой версіи предводимые „рейхсъ-маршаломъ“, княземъ Меншиковымъ — направились къ Екатеринѣ и „принесли“ ей „присягу въ вѣрности“. Что это не была вѣрноподданническая присяга, ясно изъ того, что Петръ былъ еще живъ въ ту минуту: „присяга“, очевидно, заключалась въ обѣщаніи гвардейцевъ не выдавать свою полковницу. Заручившись такимъ обѣщаніемъ, послѣдняя, какъ сейчасъ же обнаружилось, поступила вполнѣ цѣлесообразно: ибо даже послѣ немедленно, конечно, согласившагося въ придворной средѣ визита преображенцевъ къ Екатеринѣ находились смѣлые люди, утверждавшіе, что законнымъ наслѣдникомъ является сынъ казненнаго царевича Алексѣя **) и внукъ перваго императора, будущій Петръ II; и между этими людьми было большинство „верховныхъ господъ“. Только Меншиковъ, Толстой и генералъ-адмиралъ Апраксинъ были рѣшительно противъ этой кандидатуры: и если позицію Толстого легко объяснить его мрачной ролью въ дѣлѣ Алексѣя Петровича, то поведеніе главы сухопутной арміи и главнаго начальника русскаго флота едва ли можно свести только къ личнымъ мотивамъ. Ихъ толкало въ опредѣленномъ направленіи общественное мнѣніе тѣхъ группъ, во главѣ которыхъ они стояли. Чего ждала отъ Екатерины армія, совершенно ясно становится, какъ скоро мы узнаемъ обѣщанія, данныя ею въ обмѣнъ на „присягу въ вѣрности“ гвардейцевъ. „Императрица объявила съ самаго начала, что жалованье имъ заплатитъ изъ собственной казны“. Мало того, она „имѣла предусмотрительность заранѣе послать въ крѣпость деньги для уплаты жалованья гарнизону, который не

*) Сходство донесеній прусскаго посланника Мардефельда и французскаго Кампредона такъ велико, что въ ихъ основѣ лежитъ, очевидно, о д и н ъ разсказъ.

**) Что Алексѣй былъ казненъ—тайно, въ казематѣ—это теперь, послѣ опубликованія разсказа Румянцева, бывшаго однимъ изъ палачей, можно считать установленнымъ внѣ спора. См. „Русская Старина“ 1905 г.

получалъ его уже шестнадцать мѣсяцевъ, подобно прочимъ войскамъ... Чтобы еще болѣе расположить ихъ къ себѣ, царица распорядилась раздачею всѣмъ полкамъ денегъ не въ счетъ жалованья; солдатамъ же, занятымъ на различныхъ работахъ, приказано было прекратить работы и отправиться къ мѣстамъ своей стоянки, будто бы молиться Богу за государя" *).

Ловкость, съ которой повела себя Екатерина на этомъ своеобразномъ аукціонѣ, въ первую минуту привела въ необыкновенный восторгъ иностранныхъ наблюдателей и внушила имъ чрезвычайно преувеличенное представленіе о способностяхъ новой государыни. Ее „по всей справедливости можно назвать сѣверной Семирамидой и изумительнымъ примѣромъ дивнаго счастья", писалъ по поводу событія 28 января Кампредонъ. „Безъ знатнаго происхожденія, безъ всякой поддержки, кромѣ личныхъ своихъ достоинствъ, не умѣя даже ни читать, ни писать, она въ теченіе долгихъ лѣтъ пользовалась любовью и довѣріемъ величайшаго монарха, человѣка, наименѣе изъ всѣхъ смертныхъ поддававшагося чьему-либо прочному вліянію, а послѣ его смерти сумѣла сдѣлаться самодержавной государыней, къ общему восторгу всѣхъ и безъ малѣйшей тѣни, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ— чьего-либо противодѣйствія ея счастію". Противодѣйствовать было бы очень рискованно, когда князь Меншиковъ прямо угрожалъ убить всякаго, кто осмѣлится противиться провозглашенію Екатерины царствующей императрицей, и „то же самое говорили и гвардейскіе офицеры, съ намѣреніемъ помѣщенные въ углу дворцовой залы", гдѣ совѣщались синодъ, сенатъ и генералитетъ. Личная же роль государыни и самимъ восторгавшимся стала казаться менѣе значительной, когда они присмотрѣлись къ ея управленію поближе. Изъ всѣхъ функцій Петра его вдовѣ всего больше подошли, какъ это ни странно, полковничьи. Тутъ она старалась замѣнить покойнаго императора съ чрезвычайной энергіей и не безъ успѣха. Когда ея дочь, Анна Петровна, вѣнчалась съ герцогомъ голштинскимъ (помолвлены они были еще при жизни Петра), Екатерина не была на свадьбѣ по случаю траура; но и трауръ не помѣшалъ ей явиться на военную часть торжества. Она пѣшкомъ обошла ряды гвардейцевъ, выстроенныхъ, по обыкновенію, на царицыномъ лугу, пила, конечно, водку за ихъ здоровье и раздавала имъ жареную говядину. Сол-

*) Кампредонъ, Сб. Р. И. Об., т. LII, стр. 441 и сл.

даты „привѣтствовали ее восторженными кликами, бросая шапки вверхъ“. И подобныхъ военныхъ сценъ мы встрѣтимъ не одну у современниковъ. Но мало-по-малу послѣдніе начали находить, что этой стороной своей задачи императрица увлекается черезчуръ. Уже спустя полгода послѣ воцаренія Екатерины такъ восторгавшійся ею Кампредонъ началъ находить, что „и уваженіе, и преимущества, заслуженныя ея великими дарованіями“, императрица можетъ утратить благодаря своимъ „развлеченіямъ“. „Развлеченія эти заключаются въ почти ежедневныхъ, продолжающихся всю ночь и добрую часть дня попойкахъ въ саду съ лицами, которыя, по обязанностямъ службы, должны всегда находиться при дворѣ“. Екатерина рѣдко ложилась ранѣе 4 часовъ утра, и состояніе хроническаго виннаго угара, въ которомъ она находилась, исключало всякую возможность съ ея стороны занятія „государственными дѣлами“. Дѣловые иностранцы, которымъ приходилось наблюдать близко Петра во время его заграничныхъ поѣздокъ, и насчетъ работоспособности самого преобразователя въ этой области были невысокаго мнѣнія. Приставленный къ Петру во время его путешествія въ Парижъ французскій чиновникъ никакъ не могъ понять, когда же русскій царь занимается политикой, и пришелъ, наконецъ, къ заключенію, что политическіе вопросы разрѣшаются у русскихъ, вѣроятно, во время обѣда, за бутылкой вина. Въ сущности, эти дѣла рѣшались „верховными господами“ совершенно самостоятельно: Петръ, если дѣло не касалось арміи и флота, вмѣшивался въ нихъ лишь спорадически, главнымъ образомъ въ тѣ минуты, когда машина уже очень начинала скрипѣть и, видимо, грозила вовсе остановиться. Отъ Екатерины ждать даже такого спорадическаго вмѣшательства было бы безсмыслицей. Необходимость фактическаго государя рядомъ съ номинальнымъ сознавалась знающими императрицу людьми, повидимому, уже въ самый моментъ ея воцаренія: уже тогда шли какіе-то глухіе толки о какомъ-то „особенномъ совѣтѣ, облеченномъ нѣкоторою властью“, который помѣшалъ бы Екатеринѣ быть „вполнѣ самодержавной“. Въ ту минуту, однако, за нею стояли армія и флотъ, Меншиковъ и Апраксинъ—разговоры о „совѣтѣ“ не были никѣмъ энергично поддержаны. Но самодержавіе Петра дало слишкомъ отрицательные результаты, чтобы съ простымъ продолженіемъ его легко мирились, особенно, когда официальный его носитель явно неспособенъ былъ поддерживать даже внѣшній декорумъ. Оппозиція—и вовсе не во имя возврата къ старинѣ,

какъ обыкновенно себѣ представляютъ, а напротивъ, во имя „европеизаціи“ и политическихъ формъ,—слабо тлѣвшая при Петрѣ, въ царствованіе Екатерины I вспыхнула довольно яркимъ пламенемъ. Если при жизни преобразователя дѣло не шло дальше дерзкихъ рѣчей, въ родѣ заявленія одного флотскаго капитана, что царь, собственно, не имѣетъ права распоряжаться, не спросясь земскаго собора, его преемницѣ пришлось имѣть дѣло гораздо больше, чѣмъ съ простыми разговорами. Во время военныхъ салютовъ, на которые въ присутствіи императрицы были такъ же щедры, какъ и при покойномъ императорѣ, начали свистѣть пули, „нечаянно“ вложенныя въ ружья, падали раненые и убитые, притомъ, какъ на грѣхъ, въ двухъ шагахъ отъ Екатерины. Въ застѣнкахъ постоянно кого-нибудь пытали,—то гвардейскихъ солдатъ, то какихъ-то „двухъ знатныхъ дамъ, привезенныхъ изъ Москвы въ кандалахъ“, то брата гувернера великаго князя. Ромодановскій, сынъ князя-кесаря, унаслѣдовавшій отъ отца должность начальника тайной политической полиціи, разсказывалъ своимъ пріятелямъ, что онъ болѣе не въ состояніи выносить ужасовъ, которые ему приходится видѣть. Нельзя было безусловно положиться даже на свою главную опору—войско. Помимо отдѣльныхъ офицеровъ и солдатъ, подъ подозрѣніе подпали цѣлыя арміи, въ родѣ малороссійской, командиръ которой, очень популярный среди своихъ подчиненныхъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, считался однимъ изъ самыхъ ненадежныхъ. Въ февралѣ 1726 года пришлось перемѣнить гарнизонъ въ Петропавловской крѣпости. Надо было примирить съ собой хотя часть недовольныхъ и постараться ослабить недовольство другой части. Въ такой обстановкѣ возникаетъ учрежденіе, значеніе котораго до сихъ поръ мало понятно русскимъ историкамъ, хотя современники поняли его отлично и сразу—Верховный Тайный Совѣтъ.

Судьба Верховнаго Тайнаго Совѣта въ нашей исторіографіи лишній разъ показываетъ, какъ рискованно перенесеніе новѣйшихъ правовыхъ нормъ на отношенія, весьма далекія отъ буржуазнаго государства XIX—XX вѣка. Споря о „юридической природѣ“ этого страннаго учрежденія, созданнаго номинально для того, чтобы развязать руки носительницѣ верховной власти, а фактически связавшаго эту носительницу по рукамъ и по ногамъ, наши изслѣдователи чрезвычайно мало интересовались его политическимъ и соціальнымъ смысломъ. Въ результатѣ, принято говорить о „попыткѣ огра-

Санктъ-Петербургъ.

Оригиналъ гравюры *Санктъ-Петербургъ* представляетъ собою работу извѣстнаго русскаго гравера Алексѣя Зубова и относится къ 1727 г. Гравюра интересна и какъ образчикъ гравернаго искусства первой четверти XVIII столѣтія, и по цѣлому ряду бытовыхъ подробностей, и, наконецъ, по тому, что было создано трудами петровской эпохи и усиліями самого Преобразователя на берегахъ Финскаго залива. Какъ всѣ видовыя гравюры стараго времени, гравюра *Санктъ-Петербургъ* нѣсколько грѣшитъ въ своихъ построеніяхъ противъ дѣйствительности, тѣмъ не менѣе смотрится съ большимъ интересомъ и при внимательномъ изученіи представляется исторически цѣнной. Чрезвычайное обиліе судовъ на гравюрѣ выразительно подчеркиваетъ характерныя черты момента и смыслъ первой четверти вѣка, прожитаго *Питербурхомъ*. Гравюра не отдаетъ рѣзкимъ духомъ древней московской Руси, кавалеры и дамы на набережной, а равно ихъ позы отдаютъ запахомъ XVIII столѣтія, переворотъ представляется внѣ всякихъ сомнѣній, но одной внѣшностью увлекаться не слѣдуетъ; необходимо твердо держать въ памяти тѣ жертвы, которыя принесла русская нація людьми, трудомъ и капиталомъ для того, чтобы Алексѣй Зубовъ могъ подарить насъ такимъ апоѳеозомъ результата усилій желѣзнаго Петра на неприглядныхъ берегахъ Финскаго залива,—этого окна въ западную Европу, котораго домогался и о которомъ мечталъ еще жестокій Иванъ XVI столѣтія. Эти два тираническихъ лица своеобразно-дружно вплели свои имена въ ходъ русской исторіи, и нація, ихъ выдвинувшая, недаромъ помнитъ ихъ больше всѣхъ другихъ.

В. Стор.

SANKTZ PETERBURTZ

ничить самодержавіе въ 1730 году", тогда какъ оно было уже ограничено въ февралѣ 1726 г., о „верховникахъ", какъ о нѣкоторомъ новомъ явленіи, свойственномъ царствованіямъ Екатерины I и Петра II, тогда какъ, въ дѣйствительности, членами Верховнаго Совѣта стали именно тѣ, кто управлялъ государствомъ при Петрѣ I. Смотрѣвшіе со стороны иностранцы, по обыкновенію, видѣли лучше, чѣмъ позднѣйшіе туземные историки. Неоднократно цитированный нами Кампредонъ очень опредѣленно намѣчаетъ и тѣ мотивы, которые сознательно клались въ основу возникавшаго учрежденія его организаторами, и то объективное значеніе, которое это учрежденіе должно было получить независимо отъ чьихъ бы то ни было мотивовъ. Самодержавіе гвардіи, олицетворяемой Меншиковымъ, начало, наконецъ, надоѣдать наверху такъ же сильно, какъ вызывало оно броженіе внизу. Сама гвардія должна была остаться весьма мало удовлетворенной меншиковскимъ режимомъ: изъ одного документа, относящагося къ марту 1726 года, мы узнаемъ, что еще тогда, годъ съ лишнимъ спустя послѣ вступленія на престолъ Екатерины, гвардія не получила „хлѣбной дачи" даже за послѣднюю треть 1724 г., „отчего тѣ полки (преображенскій и семеновскій) претерпѣваютъ нужду". Для того, чтобы достигнуть такого результата, не стоило „головы разбивать боярамъ", какъ съ готовностью предлагали гвардейскіе офицеры въ ночь съ 27 на 28 января 1725 г. Но и та, въ чье удовольствіе дѣлалось это предложеніе насчетъ боярскихъ головъ, должна была чувствовать себя удовлетворенной не болѣе гвардейцевъ. Разсматривая политику съ семейной точки зрѣнія, Екатерина очень близко принимала къ сердцу голштинскіе интересы своего зятя. Она находила вполнѣ естественнымъ, если не начать войну, то, по крайней мѣрѣ, угрожать войной Даніи за некорректность этой послѣдней къ ея маленькому голштинскому сосѣду. А герцогъ-зять, конечно, какъ нельзя болѣе былъ бы радъ получить въ свое полное распоряженіе, въ придачу къ очень умѣренному количеству голштинскихъ штыковъ, совершенно неумѣренное количество русскихъ. Но со стороны Меншикова — къ его, на этотъ разъ, чести, не видно было никакого сочувствія къ подобнымъ проектамъ. Наконецъ, прочіе „верховные господа", какъ мы видѣли, съ самаго начала были не только противъ Меншикова съ Толстымъ и Апраксинымъ, но и противъ самой Екатерины. Мало-по-малу они должны были, однако же, убѣдиться въ относительной безобидности послѣдней. Помимо того, что ей „некогда" было вмѣшиваться въ

государственныя дѣла, все болѣе и болѣе очевиднѣе становилось, что ея царствованіе не можетъ быть продолжительно. По распространенному въ тогдашнихъ придворныхъ и дипломатическихъ кругахъ мнѣнію, болѣзнь Петра была передана и императрицѣ. При отсутствіи всякаго подобія профилактики въ то время, это вполнѣ правдоподобно: отъ Петра случалось заражаться и его денщикамъ. „Получаемыя со всѣхъ сторонъ извѣстія утверждаютъ положительно, что царица жить не можетъ, ибо кровь у нея совершенно заражена“, писалъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ своему агенту въ Петербургѣ слишкомъ за полгода до смерти Екатерины. При дворѣ этой послѣдней дѣло, конечно, должны были знать еще лучше, чѣмъ въ Версалѣ—то, что не удалось 28 января, оказывалось только отложеннымъ, а отнюдь не потеряннымъ. Нужно было готовиться къ новому бою на томъ же полѣ и заранѣе укрѣпить свои позиціи. Когда герцогъ голштинскій выдвинулъ, въ своихъ личныхъ расчетахъ, проектъ ограниченія власти, фактически, Меншикова, Головкинъ и Голицынъ пошли на это съ полной готовностью, справедливо разсуждая, что пустившій глубокіе корни въ русскую почву Алексашка безконечно опаснѣе маленькаго и недалекаго нѣмецкаго принца, котораго ничего не стоило и прогнать, когда онъ будетъ использованъ. Такъ, именно, и изображаетъ дѣло упоминавшійся нами иностранный дипломатъ: хлопоты „герцога голштинскаго и его министра“ онъ ставитъ какъ исходную точку описываемаго имъ „важнаго событія“, а „усиленіе власти русскихъ вельможъ“ ему кажется неизбѣжнымъ дальнѣйшимъ его послѣдствіемъ. Онъ заканчиваетъ свою реляцію о новомъ учрежденіи такими словами: „легко впрочемъ видѣть, что онъ (Совѣтъ) представляетъ собою первый шагъ къ перемѣнѣ формы правленія; что московиты хотятъ его сдѣлать менѣе деспотическимъ, нежели оно было, и что многихъ удержало только малолѣтство великаго князя,—что заставляло ихъ, за отсутствіемъ главы, способнаго ихъ поддержать, взять всю отвѣтственность за событія на себя. Теперь, когда наступитъ благопріятный случай, они этому риску не подвергнутся болѣе, такъ какъ постараются, безъ сомнѣнія, утвердить свое вліяніе и незамѣтно ограничить самодержавную власть, заставляя ее жаловать такія привилегіи, которыя создадутъ возможность учредить и поддержать правленіе, подобное англійскому“.

Ссылка на „наиболѣе разумныхъ людей“, которые держатся того же мнѣнія, показываетъ, что Кампредонъ не столько самъ до него додумался, сколько былъ на него наведенъ раз-

говорами самихъ русскихъ „вельможъ“. „Пункты“, предъявленные императрицѣ Аннѣ въ 1730 году, уже опредѣленно предчувствовались въ февралѣ 1726 г. Извѣстное „мнѣніе не въ указъ“, дающее конституцію Верховнаго Тайнаго Совѣта, ставитъ дѣло, въ сущности, болѣе обще и просто, нежели эти знаменитые „пункты“. Вмѣсто того, чтобы перечислить казусы, въ которыхъ императрица не можетъ дѣйствовать самостоятельно, „мнѣніе“ даетъ положеніе, обобщающее всѣ возможные случаи: „никакимъ указамъ прежде не выходить, пока оные въ тайномъ совѣтѣ совершенно не состоялись“. Екатеринѣ, то-есть герцогу голштинскому, это, однако же, показалось слишкомъ сильно. Зависѣть отъ русскаго большинства совѣта онъ не пожелалъ, и обязательное согласіе всего совѣта на распоряженія государыни было замѣнено обязательнымъ контрасигнированіемъ императорскихъ указовъ однимъ или, въ важныхъ случаяхъ, двумя его членами. Найти себѣ компаньона герцогъ, очевидно, считалъ болѣе легкимъ дѣломъ, нежели переубѣдить всѣхъ „верховниковъ“. Но имъ удалось одержать все же принципіальцую побѣду и въ этомъ пунктѣ. Указы должны были выходить съ формулой: „данъ въ Нашемъ Верховномъ тайномъ совѣтѣ“, равно какъ и всякаго рода „рапорты, доношенія или представленія“ должны были надписываться: „къ поданію въ Верховномъ тайномъ совѣтѣ“. Въ глазахъ подданныхъ власть, такимъ образомъ, была уже заключена въ весьма прочный футляръ, и общество должно было мало-по-малу привыкнуть къ тому, что государь не управляетъ непосредственно, и что его распоряженіе имѣетъ силу только тогда, когда оно облечено въ извѣстную конституціонную форму.

Съ самаго начала, однако же, было совершенно ясно, что эта форма сама по себѣ никого удовлетворить не можетъ, и что тѣ, кого Ромодановскому приходилось пытать въ застѣнкахъ, всего меньше могли помириться на формальномъ равенствѣ между „верховными господами“. Меншиковъ потому, кажется, и согласился безъ большого спору на образованіе совѣта, что гораздо больше цѣнилъ сущность власти, нежели ея парадные атрибуты: въ качествѣ отступного онъ потребовалъ себѣ полной автономіи у себя дома—въ военной коллегіи, гдѣ раньше ему докучалъ сенатъ своими попытками ревизіи и контроля. Но, именно потому, что дѣло не очень мѣнялось сравнительно съ предшествующей эпохой, *такой* перемѣны обществу было мало. Чтобы пріучить его къ аристократической конституціи на англійскій ладъ, нужно было до-

казать ея практическую пользу. Иначе, ея „англійская“ форма могла только ее скомпрометировать. Что совѣту придется отстаивать свое существованіе, это „верховники“ *) должны были почувствовать съ перваго же, можно сказать, дня. 9-го февраля совѣтъ офиціально возникъ, и объ этомъ былъ посланъ указъ въ сенатъ: сенатъ указа не принялъ и черезъ своего экзекутора въ самой обидной формѣ „подбросилъ“ его, что называется, въ канцелярію новаго учрежденія. Это былъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда даже въ сухой канцелярской перепискѣ чувствуется трепетъ драмы,—если угодно, впрочемъ, скорѣе комедіи: ибо моментъ, когда секретарь совѣта, дѣйствительный статскій совѣтникъ Степановъ, всовывалъ указъ за пазуху сенатскому экзекутору, несомнѣнно, принадлежитъ къ этому послѣднему жанру. Ближайшая къ верховникамъ по своему офиціальному положенію общественная группа, петровскій „генералитетъ“, явно не желалъ признавать „англійской“ конституціи, дѣлавшей нѣсколько человѣкъ, еще вчера сидѣвшихъ въ ея средѣ, ея господами. Къ сенату были примѣнены крутыя мѣры: онъ былъ лишенъ титула „правительствующаго“ и остался только „высокимъ“; что гораздо важнѣе и характернѣе, сенатъ былъ лишенъ самостоятельной военной силы: подъ предлогомъ экономіи (это былъ тогда универсальный предлогъ), была упразднена „сенатская рота“, а при сенатѣ оставлено 10 человѣкъ курьеровъ; наконецъ, совершенно „по-англійски“, назначили рядъ новыхъ сенаторовъ, какъ въ Англіи назначаютъ новыхъ пэровъ для укрощенія непослушной верхней палаты, притомъ совершенно не стѣсняясь чинами, „ранга генералъ-маіора и ниже дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ двѣма рангами“, такъ что посланный на ревизію сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Матвѣевъ, не зналъ, какъ ему, не унижая себя, рапортовать столь демократизованному учрежденію. Въ офиціальной перепискѣ сенатъ мало-по-малу былъ сравненъ съ „прочими коллегіями“, и за какую-нибудь неисправность у сенаторовъ удерживали жалованье, точно у мелкой канцелярской сошки. Словомъ, Совѣтъ отвелъ душу въ полное свое удовольствіе. Но столкновеніе съ сенатомъ было только симптомомъ общаго положенія. Ни „верховники“, ни „генералитетъ“ не представляли непосредственно никакого обществен-

*) Членами совѣта были назначены: Меншиковъ, Апраксинъ, Головкинъ, Толстой, Дмитрій Голицынъ; къ нимъ немного позже присоединился Остерманъ. Герцогъ голштинскій замѣнялъ Екатерину. Ягужинскій, присутствовавшій на первыхъ засѣданіяхъ, скоро выбылъ и сдѣлался заклятымъ врагомъ верховниковъ.

наго класса: значеніе верховнаго тайнаго совѣта и его судьба станутъ намъ ясны только, когда мы вскроемъ классовую подкладку его политики. Тогда мы увидимъ, что режимъ „верховниковъ“ былъ финаломъ петровской реформы. Въ управленіе Россіей Дмитрія Голицына—ибо фактически онъ былъ главой тайнаго совѣта въ двухлѣтній промежутокъ между ссылкой Меншикова и смертью Петра II-го—волна буржуазной политики дала свой послѣдній всплескъ. Съ момента паденія верховниковъ начинается ничѣмъ ужъ непрерываемый отливъ, и своими конституціонными проектами Голицынъ самъ засвидѣтельствовалъ паденіе той системы, которой ему суждено было стать послѣднимъ представителемъ.

О буржуазной политикѣ верховнаго тайнаго совѣта можно говорить уже очень рано—еще въ меншиковскій періодъ его существованія. Уже 20-го декабря 1726 г., по представленію Меншикова, Остермана и Макарова, рѣшено было организовать комиссію, „которой разсмотрѣть генерально все купечество государства россійскаго, какимъ образомъ оное къ пользѣ государственной лучше и порядочнѣе исправлено быть можетъ“. А въ видѣ задатка къ великимъ и богатымъ милостямъ, которыя имѣли излиться на купечество отъ этой комиссіи, императрица, по докладу тѣхъ же лицъ, „указать соизволила: для распространенія купечества къ городу Архангельскому съ будущаго 1727 году торговать всѣмъ позволить невозбранно“. Мѣра была подробно мотивирована въ „мнѣніи“, поданномъ въ сенатъ камеръ- и коммерцъ-коллегіями и главнымъ магистратомъ. Это „мнѣніе“ *)—одинъ изъ самыхъ толковыхъ документовъ русскаго меркантилизма начала XVIII вѣка. Въ немъ весьма обстоятельно доказывается, что петровская дубина въ области экономики ни къ чему, кромѣ лишнихъ непроизводительныхъ расходовъ, не приводила и, сталобыть, ничѣмъ, кромѣ задержки въ накопленіи капиталовъ, не служила. „Коммерціи надлежитъ быть во всякой вольности; которые купцы къ которому порту и за рубежъ торговать имѣютъ способность, въ томъ имъ запрещать не надлежитъ“: кому выгодно возить въ Петербургъ, тотъ и впредь свои товары туда повезетъ, и если ужъ можно создать въ пользу столицы какое-нибудь искусственное преимущество, то развѣ понизивъ тамошнія вывозныя пошлины сравнительно съ „городомъ“ (какъ весьма характерно именуется въ документѣ Архангельскъ — для допетровской буржуазіи го-

*) Оно напечатано въ Сборн. Русск. Истор. Об-ва, т. LVI, стр. 545—549.

родъ по преимуществу). Запрещать же возить товары въ „городъ“, какъ это дѣлалъ Петръ, есть сущая нелѣпость. Официальный документъ, само собою разумѣется, не выражается такъ опредѣленно: но мысль его именно эта. Стоитъ отмѣтить одну его деталь: въ числѣ товаровъ, которые пойдутъ въ Архангельскъ, „мнѣніе“ имѣетъ въ виду и хлѣбъ. „За такой отпускной хлѣбъ изъ чужихъ краевъ входилъ великой капиталъ въ россійское государство отъ самой крестьянской работы“: съ запрещеніемъ хлѣбнаго вывоза Петромъ, этого „капитала“ лишились „крестьяне, которые въ поморскихъ нѣкоторыхъ городахъ и на Вяткѣ большею частью продавая хлѣбъ подати оплачивали“. Такъ рано появляется предчувствіе аграрнаго капитализма, и притомъ—что всего характернѣе—въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было крѣпостного права. Превращаясь въ фабрику для производства хлѣба на вывозъ, помѣщичьи имѣнія второй половины XVIII вѣка только шли по слѣдамъ „черносошнаго“, государственнаго крестьянства.

Отмѣна привилегій Петербурга въ дѣлѣ заграничнаго отпуска была, едва ли это нужно прибавлять, съ экономической точки зрѣнія, прогрессивной, а не реакціонной мѣрой, тѣмъ болѣе, что, какъ мы знаемъ, Петербургъ выдвинулся изъ-за военныхъ, а отнюдь не коммерческихъ соображеній. Для меншиковскаго режима характерно, что и въ дѣлѣ „увольненія коммерціи“ сыграли роль мотивы внѣшней политики: герцогъ голштинскій былъ очень радъ лишить своего датскаго противника зундскихъ пошлинъ, а возможная война съ Даніей вообще ставила подъ вопросъ балтійскую торговлю. Безъ этихъ привходящихъ условій мы едва ли бы имѣли поводъ говорить о буржуазныхъ тенденціяхъ верховниковъ уже въ этотъ періодъ. Центръ вниманія меншиковской политики былъ совершенно въ другомъ мѣстѣ, и настоящую ея оцѣнку мы получаемъ, лишь познакомившись съ рядомъ мѣръ верховнаго совѣта, касавшихся подушной подати. Это финансовое нововведеніе Петра, какъ извѣстно, отмѣчало собою не столько переворотъ въ финансовой техникѣ, сколько чрезвычайную интенсификацію податного гнета. То, что теперь подать раскладывали на души, мужского пола, вмѣсто дворовъ, какъ это было раньше, было бы очень характерно для петровскаго индивидуализма, если бы деньги и собирали съ „души“, если бы налогъ, другими словами, сталъ личнымъ. Но этого вовсе не было: подать по прежнему налагалась гуртомъ на цѣлую деревню, а въ ней разверстывалась по числу налич-

ныхъ хозяйствъ: и лишь размѣры ея опредѣлялись количествомъ находившихся въ этой деревнѣ „ртовъ“ мужского пола, не исключая дряхлыхъ стариковъ и грудныхъ младенцевъ. Такая манера счета упрощала дѣло до крайности: никакихъ споровъ, въ родѣ происходившихъ раньше, при подворной переписи—что считать дворомъ, что нѣтъ—быть не могло; не могло быть спора и о числѣ работниковъ, относительной силѣ „тяголъ“ и тому подобномъ, ибо платилъ всякій мужчина, былъ онъ работникомъ или нѣтъ, безразлично. Психологическаго объясненія реформы приходится искать, такимъ образомъ, не въ области буржуазнаго хозяйства, а среди того круга отношеній, который къ Петру былъ гораздо ближе—въ арміи. Все мужское населеніе страны было раздѣлено на солдатъ служащихъ и солдатъ платящихъ, при чемъ, по мысли Петра, вторые должны были непосредственно содержать первыхъ. Для этого сборъ подушныхъ въ каждой губерніи былъ сосредоточенъ въ рукахъ военнаго начальства, отъ каждаго полка въ опредѣленной мѣстности дѣйствовала „команда“ съ офицеромъ во главѣ, взыскивавшая подать съ чисто военной быстротой и прямолинейностью. Эти военныя особенности новой финансовой системы населеніе почувствовало всего больнѣе. Когда верховный тайный совѣтъ, подъ вліяніемъ тѣхъ соображеній, съ образчиками которыхъ читатель уже познакомился въ началѣ этой главы, рѣшилъ провести „облегченіе крестьянства въ платежѣ подушныхъ денегъ“, онъ началъ съ выведенія изъ деревни военныхъ сборщиковъ. „Которые штабъ- и оберъ-офицеры и рядовые на вѣчныхъ квартирахъ у сбору подушныхъ денегъ и на экзекуціяхъ у разныхъ сборовъ, тѣмъ... ѣхать къ своимъ командамъ немедленно“, говоритъ журналъ верховнаго совѣта отъ 1 февраля 1727 г. Офиціально сборъ перешелъ изъ рукъ военнаго въ руки штатскаго начальства: отъ „штабъ- и оберъ-офицеровъ“ къ воеводамъ, которые при Петрѣ утратили послѣдніе слѣды своего былого значенія, сохранивъ лишь чисто этимологическую связь съ военнымъ дѣломъ. Но воевода не могъ замѣнить военнаго сборщика, который ѣздилъ по провинціи и непосредственно „правилъ“ подушныя съ крестьянъ: въ этомъ то и заключались тягости прежней системы. Въ рукахъ штатскаго начальства могло остаться лишь общее завѣдываніе дѣломъ: въ чьи руки фактически перешли функціи „штабъ- и оберъ-офицеровъ“, совершенно опредѣленно говоритъ указъ 22 февраля того же года, резюмирующій всѣ намѣченныя верховнымъ совѣтомъ „милости“. Пообѣщавъ, что особая ко-

миссія, разсмотрѣвъ вопросъ о подушной подати, уменьшитъ ея размѣры, указъ продолжаетъ: „какъ оная комиссія разсмотритъ, почему съ крестьянъ подати брать положено будетъ, тогда ту положенную на нихъ подать сами помѣщики, а въ небытность ихъ прикащики и старосты и выборные платить принуждены будутъ“. Одно изъ важнѣйшихъ правъ землевладѣльца, то право, которое такъ помогло ему закрѣпить за собою крестьянъ, ставъ благодаря финансовой реформѣ Петра фикціей, вновь становилось реальностью. Помѣщикъ, на котораго двадцать лѣтъ смотрѣли, какъ на пушечное мясо, вновь становился „финансовымъ агентомъ правительства“, какъ деликатно и изысканно выражается новѣйшая исторіографія; правильнѣе было бы сказать: вновь становился государемъ въ миніатюрѣ, ибо за тѣмъ, какъ этотъ „агентъ“ собираетъ подать со своихъ крестьянъ, никакого контроля и быть не могло, пока существовало крѣпостное право. Петру, разумѣется, и въ голову никогда не приходило обрѣзывать полномочія дворянства въ этомъ отношеніи: теоретически власть дворянства на мѣстахъ въ его царствованіе даже увеличилась, какъ это мы увидимъ ниже. Но какъ могъ бы осуществить эти теоретическія права помѣщикъ, изъ-за „активной политики“ служившій „безъ съѣзду“ до полной дряхлости, многіе годы не видя своихъ родныхъ мѣстъ? Отставка при Петрѣ допускалась только въ случаѣ полной неспособности продолжать службу. „Безъ съѣзду“ служили всѣ отъ самаго высшаго до низшаго. 70-лѣтній старикъ фельдмаршалъ Б. П. Шереметевъ нѣсколько разъ просилъ государя отпустить его въ Москву для устройства дѣлъ и не удостоивался даже отвѣта. Тогда онъ пишетъ жалобное письмо секретарю. Петра, Макарову: „просилъ я его царскаго величества о милосердіи, чтобъ меня пожаловалъ, отпустилъ въ Москву въ деревни мои для управленія... крайняя моя нужда: сколько лѣтъ не знаю, что въ домишкѣ моемъ, какъ поводится, и въ деревняхъ; чтобы я могъ осмотрѣть и управить: ежели еще Богъ продлитъ вѣку моего, гдѣ жить до смерти моей и по мнѣ женѣ моей и дѣтямъ... А ежели бы мнѣ нынѣ прямо итить въ Питербурхъ, я не имѣю себѣ пристанища: хоромишки мои, которыя были мазанки, и о тѣхъ пишутъ мнѣ, что сѣли, жить въ нихъ никоими мѣрами нельзя... Покорно васъ, моего государя, прошу: подай мнѣ руку помощи, чтобы по желанію моему его царское величество меня пожаловалъ“. Послѣ долгихъ просьбъ Шереметеву разрѣшили, наконецъ, отпускъ, но не въ Москву, а въ Петербургъ, гдѣ, именно

Апоѳеозъ князя А. Д. Меншикова.

Апоѳеозъ князя А. Д. Меншикова—снимокъ съ современной ему гравюры, представляющей высокій интересъ для характеристики русской интеллигентской культуры первой половины XVIII столѣтія. Композиція гравюры сложна, витіевата и полна самаго грубаго славословія. Все содержаніе уложено внутрь овальнаго вѣнка изъ дубовыхъ и лавровыхъ листьевъ, на которомъ помѣщена надпись: «*Icaия 28: вѣнецъ надежды сплетенныіи славою оставшимъ людемъ*». Вверху—ослѣпительный божественный свѣтъ, выступающій изъ раздравшихся облаковъ и среди цѣлаго сонма небесныхъ силъ; въ центрѣ свѣта — треугольникъ съ надписью Θεὸς (т.-е. Богъ), съ правой стороны (отъ зрителя) треугольника изъ небольшой дымки указующая мечомъ на уготованный престолъ божественная рука съ подписью: *за подвиг покой*, на облакѣ фигура Александра Невскаго; съ лѣвой стороны — такая же рука, протягивающая вѣнокъ съ миртами, при чемъ находящаяся здѣсь подпись *за вѣру, вѣрность і побѣду* тянется до фигуры апостола Петра на облакѣ. Непосредственно подъ облаками изображеніе царя Петра въ лаврахъ, поддерживаемое ангелами съ трубами, трубящими славу; въ каждомъ изъ угловъ вѣнка и облаковъ ангельскіе лики: изъ устъ лѣваго (отъ зрителя) несутся слова: *вознесохъ избраннаго, псал. готовъ къ войнѣ*; подъ надписью одноглавый орелъ въ коронѣ мечетъ молніи; изъ устъ праваго—слова: *помощь на сильнаго*; тутъ же паритъ двуглавый орелъ въ коронахъ, мечетъ молніи и сбиваетъ одною стрѣлой корону съ помѣщеннаго внизу льва, а другой стрѣлой поражаетъ его въ спину; между стрѣлами написано: *горе вѣнцу оукоризненному*; внизу вѣнка, противъ льва, стоитъ нѣсколько кавалеровъ на колѣняхъ, покорно передающихъ свои мечи. На вѣнкѣ, въ которомъ заключается изображеніе Петра I,—ленты съ латинскими надписями: а) *Sic virtus colitur sicque perennis erit*; б) *Haece est digna tuis bellator laurea gestis.*

Въ центрѣ вѣнка на возвышенномъ постаментѣ непосредственно подъ изображеніемъ Петра стоитъ величественная, надутоторжественная фигура Меншикова, онъ гордо выставилъ впередъ правую ногу и попираетъ ею лежащіе на полу мечи, знамена и копья,—вѣрность и справедливость украшаютъ его голову вѣнкомъ, а по сторонамъ женскія фигуры, стоя на ступеняхъ его пути, держатъ медальоны съ надписями: генералъ-фельдмаршалъ,—генеральный губернаторъ,—римскій князь,—россійскій князь,—царственный министръ, — кавалеръ. По ступенямъ постамента читается латинская надпись: *Ardua per preceps gloria vadit iter.*

Таковъ апоѳеозъ славнаго временщика XVIII столѣтія, когда-то сына потѣшнаго конюха и капрала преображенскаго полка, апоѳеозъ, полный цѣлаго ряда аллегорій и своеобразной идеи о славѣ, исходящей черезъ самого Господа Бога при посредствѣ святыхъ на земного царя, въ свою очередь покрывающаго собой смертнаго подданнаго и выводящаго его по стезямъ вѣрности къ престолу небесной славы. Художникъ XVIII столѣтія, прихвостень знати и власти, изощрялъ свое остроуміе на придумываніе шикарныхъ аллегорій, отъ которыхъ въ наше время вѣетъ невыразимою скукой, но для историческаго изученія эти аллегоріи цѣнны, вскрывая намъ психологію той или другой эпохи (срв. одну изъ заставокъ въ третьемъ томѣ, дающую мотивъ апоѳеоза самого Петра).

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ"

Изд. Т-ва „МІРЪ".

было „жить никоими мѣрами нельзя“. Если такъ строго Петръ держалъ генералъ-фельдмаршала, легко себѣ представить, какова была служба простыхъ нечиновныхъ людей. Мало того, что служба была тяжела—для тогдашняго дворянина, съ его привычками, она казалась еще и унизительной. Въ московскую эпоху онъ являлся на службу съ отрядомъ своихъ вооруженныхъ холоповъ, которыми и командовалъ; если онъ подчинялся старшему командиру, то это всегда былъ свой братъ-дворянинъ. Петровскій уставъ запрещалъ производить въ офицеры и давать команду тому, кто раньше не служилъ рядовымъ и „солдатскаго дѣла съ фундаменту не знаетъ“. Вновь поверстанный въ службу дворянинъ долженъ былъ тянуть лямку наравнѣ со своими же крѣпостными, а иной разъ попадалъ и подъ начальство къ своему крѣпостному, за отличіе произведенному въ унтеръ-офицеры. Для того, чтобы подняться выше, мало было одной службы—нужно было еще учиться. А неисполненіе или плохое исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей наказывалось самымъ строгимъ образомъ: петровскія фразы о „жестокомъ истязаніи за неисправленіе“ нужно понимать вполнѣ буквально. Въ этомъ отношеніи особенно характерны записки одного служилаго человѣка того времени, Желябужскаго, настоящій мартирологъ служилаго сословія. Тамъ мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ такія записи: въ 1696 г. полковникъ Мокшеевъ битъ кнутомъ за то, что отпустилъ раскольника; въ 1699-мъ Дивовъ и Колычевъ биты плетьми за то, что Колычевъ взялъ съ Дивова 20 р. денегъ да бочку вина, чтобъ Дивову не быть въ Воронежѣ у корабельнаго дѣла. Въ 1704 г. въ Преображенскомъ битъ плетьми князь Алексѣй Барятинскій за то, что приводилъ людей къ смотру и утаилъ, а Родіонъ Зерново Вельяминовъ битъ батогами за то, что не записался въ срокъ. Неявка въ службу наказывалась, по закону 1714 г., конфискаціей всего имущества, по закону 1722 г.—„политической смертью“. На лица не смотрѣли и взыскивали неукоснительно и за малое, и за крупное нарушеніе уставовъ. Въ томъ же 1704 г. по дневнику Желябужскаго, воевода Наумовъ „битъ батогами нещадно за то, что у него борода и усъ не выбриты“.

Вотъ почему въ тѣсной связи съ „милостью“ крестьянамъ, которой, можетъ быть, крестьяне и не были болѣе всѣхъ обрадованы, стоитъ обѣщаніе милости дворянамъ,—безъ всякаго сомнѣнія оцѣненной ими по достоинству: „когда коньюнктуры допустятъ, то двѣ части офицеровъ и урядниковъ и

рядовыхъ, которые изъ шляхетства, въ домы отпускать, чтобы они деревни свои осмотрѣть и въ надлежащій порядокъ привесть могли". Ихъ должность въ это время должны были исполнять иноземцы и безпомѣстные. Эту мысль—перевести военно-служащее дворянство на льготу—иностранные дипломаты совершенно опредѣленно приписываютъ Меншикову. Главный начальникъ военной силы и тутъ, можетъ быть, помимо своего сознанія, являлся представителемъ интересовъ военнаго сословія.

Паденіе Меншикова было, такимъ образомъ, не совсѣмъ только придворнымъ переворотомъ, мало интереснымъ для историка. Закулисная исторія этого паденія и до сихъ поръ не очень ясна. Трудно понять перемѣну въ отношеніяхъ къ „рейхсъ-маршалу" гвардіи, а въ этой перемѣнѣ вся суть дѣла: будь преображенцы на его сторонѣ, онъ въ полчаса покончилъ бы со своими новыми противниками, какъ покончилъ раньше съ заговоромъ Девьера. Тутъ приходится позавидовать историкамъ-индивидуалистамъ: для нихъ то, что Меншиковъ „раздразнилъ" маленькаго Петра II нѣсколькими безтактностями да „возбудилъ зависть вельможъ" своимъ проектомъ породниться съ царской династіей, служитъ совершенно достаточнымъ объясненіемъ. Хорошо видно одно: что „Алексашка" былъ совершенно не въ уровень съ той задачей, какая выпала ему на долю, и не ему было тягаться на политической аренѣ съ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ. Чрезвычайно типичный представитель „первоначальнаго накопленія", Меншиковъ соединялъ въ своемъ лицѣ властнаго феодала съ крупнымъ предпринимателемъ,—и, кажется, второй часто бралъ верхъ. Въ документахъ того времени мы то и дѣло встрѣчаемъ „свѣтлѣйшаго князя" то продающимъ смольчугъ, то перечеканивающимъ въ монету свое старое серебро, съ огромной для себя выгодой; у него было нѣсколько фабрикъ, онъ былъ откупщикомъ рыбныхъ ловель на Бѣломъ морѣ—въ то же время онъ былъ окруженъ своего рода дворомъ (бумаги, касающіяся его ссылки упоминаютъ о „не-подлыхъ", т.-е. не крѣпостныхъ, людяхъ Меншикова) и имѣлъ своихъ собственныхъ солдатъ, видимо, внушавшихъ нѣкоторыя опасенія тѣмъ, кто сослалъ князя. Но не видно, чтобы эти солдаты или какіе-нибудь солдаты и офицеры вообще шевельнулись въ пользу сосланнаго. Армія, кажется, слишкомъ хорошо сознавала, что ея генералиссимусъ больше всего заботился о наполненіи своего кармана. А такъ какъ среди его противниковъ не было недостатка въ популярныхъ

генералахъ, въ родѣ Мих. Мих. Голицына или Вас. Влад. Долгорукаго, то было довольно естественно, что военно-служилое шляхетство рѣшило занять выжидательную позицію и посмотрѣть, что начнутъ дѣлать „верховники“, избавившись окончательно отъ фактическаго самодержца. Ибо съ исчезновеніемъ Меншикова въ Россіи должна была установиться формальная олигархія: русскій престолъ къ этому времени былъ занятъ лишь номинально. Давно предсказывавшаяся смерть Екатерины I не очень заставила себя ждать; смѣнившій ее въ маѣ 1727 года Петръ Алексѣевичъ, давнишній, еще съ 1725 года, кандидатъ большинства верховниковъ, имѣлъ, по словамъ англійскаго дипломата Рондо, одну господствующую страсть—охоту („о нѣкоторыхъ другихъ его страстяхъ упоминать неудобно“, прибавляетъ осторожный дипломатъ). Что этотъ тринадцатилѣтній мальчикъ, которому съ виду можно было дать всѣ восемнадцать, физически очень рано созрѣлъ, давало лишній способъ управлять имъ—черезъ женщинъ. На этомъ пути у верховниковъ—или ихъ дочерей—былъ только одинъ конкурентъ: цесаревна Елизавета Петровна, изъ всѣхъ окружавшихъ нравившаяся молоденькому императору (ея родному племяннику) всѣхъ больше. Но они скоро могли успокоиться: Елизавета того времени (ей самой было только что восемнадцать), не говоря о другихъ страстяхъ, преобладающую имѣла одну—страсть къ нарядамъ. Политика была ей совершенно чужда, и въ самый критическій моментъ она не нашла ничего лучше, какъ отправиться къ своей политической соперницѣ жаловаться на то, что придворный кухмистеръ не отпускаетъ ея поварамъ перца и соли. Меншиковъ первый попытался приставить къ Петру Алексѣевичу жену, которая бы блюла интересы своей фамиліи; но онъ взялся за это такъ грубо, а княжна Меншикова была такъ мало интересна, что попытка совершенно не удалась и, кажется, даже ускорила катастрофу, отъ которой надѣялись себя застраховать этимъ способомъ. Долгорукимъ почти удалось то, на чемъ оборвался Меншиковъ—и поперекъ дороги ихъ планамъ стала уже чистая случайность: Петръ умеръ отъ оспы наканунѣ того дня, на который была назначена его свадьба съ княжной Екатериной Долгорукой. На этомъ попытки верховниковъ обезпечить себя „семейнымъ“ способомъ должны были прекратиться—пришлось перейти къ болѣе общественнымъ способамъ дѣйствія. Тутъ успѣхъ всецѣло зависѣлъ отъ того, какъ отнесется къ режиму верховнаго тайнаго совѣта дворянское общество. А это отношеніе, въ свой чередъ, опре-

дѣлялось двухлѣтней практикой верховниковъ за время номинальнаго царствованія Петра II.

Фактическимъ главою совѣта въ это время былъ, какъ мы уже упоминали, кн. Дмитрій Голицынъ, бывшій кіевскій губернаторъ, позже президентъ камеръ-коллегіи, одинъ изъ виднѣйшихъ „верховныхъ господъ“ петровскаго времени. Современники считали его главою „старо-русской партіи“; новѣйшіе изслѣдователи, поправляя эту ошибку, стали подчеркивать образованность Дмитрія Михайловича на новый западный ладъ и его европейскія знакомства. Что Голицынъ не былъ главою „старо-русской партіи“, это, конечно, вѣрно: такой партіи вовсе не существовало. Но характерно, что онъ одинъ изъ ближайшихъ помощниковъ Петра не любилъ иностранныхъ языковъ, хотя и могъ на нихъ объясняться, и его знаменитая библіотека въ селѣ Архангельскомъ, подъ Москвою, была переполнена рукописными переводами европейскихъ юристовъ и публицистовъ сдѣланными спеціально для него. Характерно также и то, что въ ту пору, когда онъ пользовался наибольшимъ вліяніемъ, была сдѣлана явная попытка перенести столицу обратно въ Москву. Петръ II тутъ прожилъ большую часть царствованія и здѣсь умеръ. За это время сюда переѣхали всѣ центральныя учрежденія и между прочимъ монетный дворъ, что казалось иностранцамъ признакомъ особой прочности совершившейся перемѣны; подъ страхомъ строжайшаго наказанія запрещено было даже говорить объ обратномъ переѣздѣ двора на берега Невы. Нельзя не видѣть здѣсь дальнѣйшаго поступательнаго шага той политики, которая вновь „отворила“ для торговли Архангельскъ. То буржуазное теченіе, которое въ верховномъ совѣтѣ представлялъ кн. Голицынъ, тѣснѣе примыкало къ меркантилизму до-петровскому, чѣмъ петровскому, что, однако, вовсе не дѣлало его реакціоннымъ: ибо послѣ краха петровскихъ предпріятій было слишкомъ очевидно, что естественное развитіе тѣхъ зачатковъ капитализма, какіе существовали въ XVII вѣкѣ, дало бы больше, нежели всѣ попытки вогнать русскую буржуазію дубиной въ капиталистическій рай. „Увольненіе коммерціи“ сдѣлалось лозунгомъ экономической политики верховнаго совѣта въ царствованіе Петра II. Рядъ „фритредерскихъ“ мѣръ начался указомъ 26 мая 1727 г., отмѣнившимъ крупнѣйшую изъ казенныхъ монополій—соляную; изданный въ томъ же году тарифъ понизилъ—вдвое—таможенную пошлину на цѣлый рядъ иностранныхъ товаровъ. Но настоящій потокъ „буржуазнаго“ законодательства начинается со ссыл-

кой Мешикова. Съ сентября 1727 года протоколы и журналы верховнаго тайнаго совѣта пріобрѣтаютъ чрезвычайно своеобразную окраску: можно подумать, что мы находимся въ государствѣ, гдѣ торговля—душа всего и гдѣ всѣмъ правятъ купцы и заводчики. 16 сентября (ровно черезъ недѣлю послѣ ссылки Меншикова) разрѣшено свободное устройство горныхъ заводовъ въ Сибири, безъ разрѣшенія бергъ-коллегіи. Въ тотъ же день „возстановлена“ торговля съ Хивой и Бухарой, прервавшаяся послѣ неудачныхъ экспедицій Петра. Въ тотъ же день изданъ указъ о вольной продажѣ табаку—исчезла другая изъ крупныхъ казенныхъ монополій. 27 сентября, вслѣдъ за монополіями, начинается упраздненіе казенныхъ фабрикъ—екатерингофская полотняная мануфактура отдается въ вольное содержаніе. Въ тотъ же день объявлено вольнымъ добываніе слюды. 20 октября отмѣнены пошлины съ „купеческихъ людей и ихъ работниковъ“, ѣдущихъ въ Сибирь и возвращающихся оттуда, и велѣно даромъ выдавать имъ паспорта. 30 декабря изданъ соляной уставъ, практически осуществившій отмѣну соляной монополіи, принципіально состоявшуюся еще въ маѣ. 18 марта слѣдующаго года отмѣнена поташная монополія. 9 августа отмѣнены послѣднія стѣсненія, прикрѣплявшія вывозъ къ петербургскому порту: разрѣшено вывозить товары изъ Псковской и Великолуцкой провинцій къ нарвскому и ревельскому портамъ. Въ тотъ же день отмѣнена введенная Петромъ регламентація въ постройкѣ торговыхъ судовъ и отсрочено взысканіе съ купцовъ таможенныхъ пошлинъ, должныхъ ими за прошлый годъ, а также и просроченнаго акциза за иностранныя вина. 16 мая 1729 г. изданъ вексельный уставъ и въ тотъ же день указъ о безпошлинной постройкѣ кораблей изъ русскаго матеріала и русскими предпринимателями, хотя бы и для продажи иностранцамъ. Мы перечислили только мѣры болѣе общаго характера—тѣ же журналы и протоколы пестрятъ частными льготами и подачками русскимъ фабрикантамъ: въ тотъ же знаменательный день 16 сентября 1727 г. былъ предоставленъ рядъ льготъ бумажному фабриканту Соленикову. 9 августа 1728 г. отсрочено взысканіе ссуды, выданной „полотняной фабрики директору“ Ивану Тамесу, и постановлено выдать на четыре года безъ процентовъ 5.000 рублей Затрапезнымъ; купцамъ, пострадавшимъ отъ пожара въ петербургскомъ портѣ, выдавалась казенная ссуда на поправку, и даже купцы, утаившіе отъ пошлины иностранные товары, удостоивались милости: имъ обѣщано было прощеніе, если они въ опредѣ-

ленный срокъ объявятъ утаенные товары. За все царствованіе Петра I на всероссійское купечество не излилось больше благодати, чѣмъ за коротенькое царствованіе его внука!

Новѣйшій изслѣдователь защищаетъ политическіе проекты Голицына отъ упрека въ „своекорыстно-личномъ“ характерѣ ихъ: они не имѣли, по мнѣнію этого изслѣдователя, даже характера „своекорыстно-сословнаго“. Мы въ свое время увидимъ, насколько приложима эта похвала къ плодамъ политическаго творчества князя Дмитрія Михайловича, которое притомъ не было безусловно личнымъ: извѣстные намъ проекты, несомнѣнно, представляютъ результатъ компромисса между различными теченіями, существовавшими въ средѣ верховниковъ,— которыя ближе намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстны. Но комплиментъ вполнѣ приложимъ къ вдохновлявшейся имъ экономической политикѣ верховнаго тайнаго совѣта 1727—1729 гг. Она не была „своекорыстно-сословной“: верховники служили не интересамъ своей маленькой группы, а интересамъ все того же торговаго—и лишь отчасти промышленнаго—капитализма, который раньше сдѣлалъ своимъ орудіемъ „преобразователя Россіи“, и служили ему лучше и толковѣе, чѣмъ послѣдній. Когда-нибудь болѣе близкое знакомство съ экономическими документами эпохи позволитъ отвѣтить на вопросъ, чѣмъ была вызвана эта „вторая молодость“ петровской реформы. Пока намъ приходится установить только наличность самаго факта. Но политическія послѣдствія его можно учесть уже и теперь. Буржуазія и въ это время, какъ раньше, не представляла собою господствующей внутри Россіи политической силы. Хозяйкой положенія при дворѣ была гвардія, т.-е. дворянство, вооруженное и организованное. Насколько отвѣчала политика Голицына его интересамъ? Кое-что, конечно, и дворянство извлекало изъ „фритредерства“ верховниковъ: оттого, что подешевѣла соль, всѣмъ стало лучше, въ томъ числѣ и дворянству. Отъ пониженія цѣнъ на табакъ и иностранные товары „шляхетство“ тоже могло только выиграть. Особенно популярнымъ въ дворянскихъ кругахъ должно было оказаться возвращеніе двора въ Москву. Служившіе въ гвардіи помѣщики все нужное продолжали получать изъ своихъ деревень, расположенныхъ преимущественно въ центральныхъ губерніяхъ: одно дѣло было везти оттуда холстъ или живность за 50—100 верстъ, другое дѣло за 600. Даже для тѣхъ, кто большую часть покупалъ, разница была чувствительна: иностранные дипломаты поражались тѣмъ, насколько въ Москвѣ все было дешевле сравнительно съ Петербургомъ, особенно въ первое

время, пока пребываніе двора не вздуло цѣнъ. Но всѣ эти выгоды голицынской политики упразднялись однимъ минусомъ, который логически вытекалъ изъ ея „буржуазнаго“ и фритредерскаго характера. Упраздненныя верховнымъ совѣтомъ пошлины и монополіи составляли видную часть казеннаго дохода: пополнить образовавшуюся брешь нельзя было иначе, какъ обратившись къ прямымъ налогамъ. Проведенныя въ меншиковскій періодъ льготы относительно подушной подати уже съ первыхъ мѣсяцевъ новаго царствованія начинаютъ чувствоваться новымъ правительствомъ, какъ стѣсненіе. Меншиковъ еще номинально сидѣлъ въ совѣтѣ, когда 31 августа 1727 года былъ изданъ указъ, повелѣвавшій, „чтобы въ содержаніи арміи и гарнизоновъ не было въ деньгахъ недостатка, того ради недоплатныя на прошедшую январьскую треть, также и на будущую сентябрьскую подушныя деньги по прежнему положенію сбирать немедленно“. Всего любопытнѣе было, что этотъ указъ вновь возстановлялъ военныя команды для сбора недоимокъ, разсматривавшіяся въ предыдущій періодъ, какъ главное зло: въ помощь губернаторамъ и воеводамъ предписывалось „отъ каждаго полка по одному оберъ-офицеру и съ ними солдатъ... которымъ въ сборѣ подушныхъ денегъ земскимъ коммиссарамъ вспомогать, и въ отправленіи рапортовъ ихъ понуждать“. Отъ только что вновь обрѣтеннаго помѣщиками права — самостоятельно собирать въ своихъ деревняхъ подати—осталось скоро только весьма непріятное наслѣдство: личная отвѣтственность барина за недоимку своихъ крестьянъ. Указъ 21 марта 1729 года требовалъ, чтобы воеводы „по силѣ своей инструкціи“ посылали въ недоимочныя деревни нарочныхъ „и взяли въ городъ править малопомѣстныхъ, у кого нѣтъ прикащиковъ и старостъ, на самихъ помѣщикахъ“... Исключеніе допускалось лишь для „знатныхъ людей“: за тѣхъ отвѣчали ихъ управители.

Къ моменту смерти Петра II участь верховниковъ могла считаться рѣшенной: оттого развязка и могла послѣдовать съ такою быстротой. Всѣ условія, которыя въ 1725 году помѣшали имъ завладѣть властью, были налицо въ январѣ 1730-го, чтобы отнять у нихъ эту власть. Тогда дворянство было озлоблено тѣмъ, что его интересы отодвигались на второй планъ ради буржуазіи: теперь было то же самое. И такъ какъ элементарному уму тогдашняго дворянина западническая буржуазія представлялась въ образѣ „нѣмцевъ“, какъ современному южно-русскому мѣщанину или крестьянину она

рисуется въ образѣ еврея, то для настроенія шляхетскихъ круговъ нельзя себѣ представить ничего выразительнѣе нѣмецкаго погрома, устроеннаго гвардіей еще въ маѣ 1729 года— чуть не за годъ до паденія голицынскаго режима. Вспыхнулъ пожаръ въ Нѣмецкой слободѣ, и, доносилъ французскій резидентъ, „какъ только огонь былъ замѣченъ, туда сбѣжались всѣ солдаты царской гвардіи съ топорами въ рукахъ; этимъ орудіемъ обыкновенно пользуются, чтобы сносить въ подобныхъ случаяхъ сосѣдніе дома и прекращать такимъ образомъ распространеніе пожара. Но эти солдаты, ничуть не стараясь тушить огонь, какъ бѣшеные бросились на угрожаемые пожаромъ дома слободы, ударами топоровъ разрушили стѣны, потомъ разбили сундуки, шкафы и погреба и разграбили все, что тамъ было; хозяевамъ же, которые хотѣли воспротивиться ихъ буйству, они безнаказанно грозили размозжить головы топорами. И самое гнусное при этомъ случаѣ было то, что все происходило на глазахъ всѣхъ офицеровъ этихъ самыхъ войскъ, не смѣвшихъ или, вѣрнѣе, не желавшихъ остановить безчинства, потому что слышно было, какъ иные вели такого рода рѣчи: „пусть побьютъ этихъ нѣмцевъ“. Однимъ словомъ, это былъ грабежъ не менѣе ужасный, чѣмъ если бы цѣлый легіонъ варваровъ ворвался въ непріятельскую страну. Можно было видѣть, какъ они отрѣзывали даже веревки у колодцевъ, чтобы помѣшать таскать воду. Что можетъ быть сказано сильнѣе, чтобы обрисовать дикій характеръ этого народа? И могутъ еще разговаривать о томъ, что они готовы измѣнить свои нравы и убѣжденія!“

Дѣйствительно, посмотрѣвъ на эту сцену (не позабудемъ, что большинство гвардейскихъ солдатъ того времени были дворяне), трудно вообразить ея героевъ обсуждающими проекты россійской конституціи. Попытки перенести въ 1730 годъ идеологію „лѣвыхъ земцевъ“ конца XIX столѣтія психологически, какъ нельзя болѣе, понятны, конечно; но какимъ бы солиднымъ „научнымъ аппаратомъ“ онѣ не обставлялись, отъ исторической истины онѣ должны были остаться весьма далеко. Къ ней гораздо ближе былъ тотъ трезвый и спокойный англичанинъ, который доносилъ своему правительству: „я видѣлъ нѣсколько проектовъ, представленныхъ въ верховный совѣтъ, но всѣ они кажутся плохо переваренными... Привыкнувъ слѣпо повиноваться волѣ самодержавнаго монарха, всѣ эти дворяне не имѣютъ яснаго представленія объ ограниченномъ правленіи“. Какъ ни прискорбно присоединяться къ „реакціонному“ мнѣнію противъ „либеральнаго“,

Меньшиковъ въ Березовѣ.

Оригиналъ картины В. И. Сурикова *Меньшиковъ въ Березовѣ* (1883 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ (№ 738). Фельдмаршалъ, князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, сынъ потѣшнаго конюха и капрала Преображенскаго полка, въ просторѣчіи Алексашка, живой и остроумный человѣкъ, талантливый дѣлецъ, мастеръ на всѣ руки, первоклассный воръ и знаменитый нахалъ, питомецъ фавора и вѣрный холопъ власти достигъ въ эпоху преобразовательной работы Петра I такихъ ступеней могущества и силы, какія только доступны смертному въ деспотическомъ государствѣ. XVIII вѣкъ знаетъ для такихъ людей спеціальный терминъ *временщикъ*. Временщикъ этотъ отличался качествомъ, очень рѣдкимъ тогда въ Россіи,—внѣшней опрятностью, и этой внѣшней опрятности рѣшительно и сильно противорѣчила неопрятность нравственная и способность ни передъ чѣмъ не останавливаться. Меншиковъ въ данномъ случаѣ былъ вѣрнымъ сыномъ своего времени, и бѣда, если бъ люди нашего времени стали бросать на его память ядовитыя стрѣлы... Меншиковъ умеръ въ 1729 г., но онъ еще живъ среди насъ, онъ не умеръ, а только постарѣлъ и захудалъ и воплощается въ людяхъ, у которыхъ нѣтъ и тѣни его дарованій, зато есть уйма безстыдства. Меншикова на его славномъ пути физически били; царь Петръ кормилъ его оплеухами и однажды такъ сильно далъ по зубамъ, что у фаворита потекла кровь изъ носу... Если такъ поступали съ нимъ, то какъ же долженъ былъ поступать съ низшими онъ самъ, князь и фельдмаршалъ?!. Историки пишутъ о немъ, что онъ былъ высокаго роста, хорошо сложенъ, худощавъ, съ пріятными чертами лица, съ очень живыми глазами, любилъ великолѣпно одѣваться, отличался большой проницательностью, необыкновенной ясностью рѣчи, искусствомъ выбирать людей и владѣть благоволеніемъ самодержца, вмѣстѣ съ которымъ онъ преисправно собственной рукой рубилъ головы стрѣльцамъ. Историки говорятъ про него и нехорошія слова (особенно съ методологической точки зрѣнія), что, проживи Петръ нѣсколько дольше, быть бы Алексашкѣ безъ головы. Какъ бы то ни было, но Меншиковъ столь же вѣрный сподвижникъ Петра, какъ Потемкинъ Екатерины II. И даже по смерти Петра, руководимый, конечно, и своими личными цѣлями, онъ посадилъ на русскій престолъ Екатерину Скавронскую-Романову и тѣмъ положилъ начало дворцовой роли петербургской гвардіи, сдѣлавшейся рѣшительницей судебъ русскаго престола. По смерти Екатерины... Меншиковъ сумѣлъ оріентироваться въ положеніи вещей. Еще при жизни Екатерины I было рѣшено женить царевича Петра Алексѣевича на одной изъ дочерей временщика. Дальше итти было некуда: внучка придворнаго конюха должна была стать русской императрицей. Въ сущности, это уже не такъ странно, какъ многимъ казалось съ перваго взгляда. А кѣмъ была русская императрица, царствовавшая по волѣ петербургской гвардіи подъ именемъ Екатерины I? Меншиковъ упрочилъ на престолѣ одиннадцатилѣтняго Петра II, но этимъ фактомъ заканчиваются и его политическіе успѣхи и его политическая дѣятельность. Императоръ былъ перевезенъ въ домъ Меншикова; 13 мая 1727 г. онъ былъ сдѣланъ генералиссимусомъ; 25 мая было совершено торжественное обрученіе императора съ свѣтлѣйшей княжной Марьей Александровной Меншиковой; ее стали поминать въ церквахъ великою княжной и нареченной невѣстой Петра Алексѣевича; на ея содержаніе назначено было 34 тысячи рублей въ годъ; къ императору былъ приставленъ умный наставникъ въ лицѣ А. И. Остермана; самъ Меншиковъ стремится къ сближенію и къ дружбѣ съ русской знатью, содѣйствуя восхожденію звѣзды князей Долгорукихъ. Меншиковъ вздумалъ обучить мальчика-императора наукамъ: послѣдній не оказался охотникомъ учиться, любилъ погулять, порыскать на охотѣ, сразу вступить въ обладаніе широкой жизнью вѣнценосца malgré lui.

На пути обычныхъ житейскихъ мелочей, формирующихъ психологическія впечатлѣнія молодого человѣка, разгоралась борьба временщика съ капризами императора, а княжна Марья не сумѣла обольстить послѣдняго... 8 сентября 1727 г. Меншиковъ получилъ указъ о домашнемъ арестѣ, Меншиковъ упалъ въ обморокъ, но пережилъ ударъ; 10 сентября Меншикову уже было приказано выѣхать изъ Петербурга, а княжна Марья отставлена изъ невѣстъ императора. Петербургъ былъ въ восторгѣ отъ высылки Меншикова, императоръ безъ помѣхи пустился въ веселую жизнь, подписавъ 9 апрѣля 1728 г. указъ о ссылкѣ Меншикова съ семействомъ въ Сибирь, въ Березовъ, и затѣмъ создавъ для всѣхъ современниковъ матеріалъ для безконечныхъ жалобъ на печальное состояніе арміи и флота. Среди потѣхъ и псовыхъ охотъ состоялось 30 ноября 1729 г. новое обрученіе императора съ княжной Екатериной Алексѣевной Долгорукой; императоръ попалъ въ новую кабалу, въ кабалу къ Долгорукимъ. Стоило ли избавляться тогда отъ Меншикова, который умиралъ теперь въ Березовѣ и позднѣе яркой кистью Сурикова былъ перенесенъ на полотно, чтобы заставить новыхъ русскихъ людей восчувствовать всю бренность земного величія и ужасъ паденія? Среди лютаго сибирскаго мороза, въ убогой обстановкѣ, въ аксессуарахъ религіознаго пыла сидитъ среди своихъ дѣтей опустившійся и упавшій старикъ, ощущая душевную боль и физическія муки. Герой, передъ которымъ все пресмыкалось, герой, битый сувереномъ по щекамъ и по зубамъ, мечтатель о престолѣ для дочери, человѣкъ, глубоко запускавшій руку въ общественный сундукъ, сидитъ въ безнадежной позѣ и безконечныхъ воспоминаніяхъ о былomъ. Въ октябрѣ 1729 г. князь А. Д. Меншиковъ умеръ. Въ 1731 году князь Александръ и княжна Марья Меншиковы были вызваны въ Москву и явились къ императрицѣ Аннѣ: сынъ былъ пожалованъ въ поручики Преображенскаго полка, а дочь—въ камеръ-фрейлины. Ни Марья Меншикова, ни Екатерина Долгорукая въ императрицы не попали. Меншикова самого, какъ видимъ, обезсмертила не только русская судьба, но и русское искусство.

В. Стор.

но приходится признать, что проф. Загоскинъ, утверждавшій, что шляхетство нисколько не интересовалось содержаніемъ подписывавшихся ими проектовъ, былъ ближе къ истинѣ, чѣмъ его противники, старавшіеся дать фактамъ „иное объясненіе“. Когда сами авторы проектовъ, записные литераторы, въ родѣ историка Татищева, видимо не умѣли отличить конституціонную монархію отъ абсолютной *), чего же тутъ требовать отъ бравыхъ капитановъ и поручиковъ, „подмахивавшихъ“ то ту, то другую бумажку, въ зависимости отъ того, кто ее подсовывалъ? Мы не будемъ поэтому обременять читателя детальнымъ анализомъ „плохо переваренныхъ“ проектовъ: этому анализу мѣсто въ спеціальной работѣ по исторіи русской публицистики XVIII вѣка, а не въ общемъ историческомъ курсѣ. Для насъ и тутъ интересны лишь классовыя тенденціи, которыя должны были сказаться въ проектахъ, даже помимо воли ихъ авторовъ, и какъ бы смутно ни было политическое міросозерцаніе этихъ послѣднихъ.

Наиболѣе близкимъ къ реальной русской дѣйствительности былъ тотъ проектъ, который первымъ возникъ въ головахъ верховниковъ, ошеломленныхъ неожиданнымъ исчезновеніемъ символической фигуры, игравшей столь незамѣнимую роль во всѣхъ ихъ комбинаціяхъ. Верховный совѣтъ былъ совѣтомъ при императорѣ, а онъ умеръ; отъ чьего же имени теперь говорить и дѣйствовать? Если судить по намекамъ нѣкоторыхъ изъ иностранныхъ дипломатовъ на какую-то „республику безъ главы“ (république sans chefs), было кѣмъ-то высказано мнѣніе, что совѣтъ можетъ править отъ своего собственнаго имени. Насколько мысль была неудачна, можно судить по тому, что, именно, такъ старались изобразить потомъ намѣренія верховниковъ ихъ самые лютые враги, въ родѣ Ѳеофана Прокоповича. Члены совѣта и сами, конечно, прекрасно понимали это, и о „республиканскомъ“ проектѣ говорить поэтому вовсе не приходится. Первая реальная мысль была гораздо проще. Разъ императора нѣтъ, надо его выдумать, надо немедленно найти новое лицо, которое могло бы стать такимъ же живымъ символомъ, какимъ былъ Петръ II, и притомъ столь же удобнымъ. Малолѣтство или, во всякомъ случаѣ, крайняя молодость номинальнаго носителя власти являлась тутъ весьма капитальнымъ качествомъ;

*) См. на этотъ счетъ любопытное признаніе самого г. Милюкова въ его статьѣ „Верховники и шляхетство“. „Изъ исторіи русской интеллигенціи“, стр. 28.

а еще надежнѣе, если несовершеннолѣтній государь будетъ взятъ изъ „своей семьи“. Мальчикъ-императоръ умеръ: отчего не посадить императрицу-дѣвочку? Обрученной невѣстѣ Петра II было 17 лѣтъ—по возрасту она очень подходила. Права ея были, такъ сказать, одною только ступенью ниже правъ Екатерины I: та была обвѣнчана, эта только обручена, но зато та была Богъ вѣсть какого происхожденія, а эта—русская княжна Рюриковой крови. Для большаго подкрѣпленія ея правъ ея родственники не постѣснялись даже распустить слухъ, что она беременна отъ покойнаго императора: фактъ, по тогдашнимъ временамъ не столь уже скандальный, если вспомнить, что обѣ дочери Екатерины I считались большинствомъ рожденными внѣ брака, что не мѣшало имъ быть принцессами и цесаревнами не хуже другихъ. Но Екатеринѣ I доставили престолъ не ея права, а гвардейскіе штыки: могла ли разсчитывать на ихъ содѣйствіе княжна Долгорукая? Ея родственники, какъ практическіе люди, съ этого и начали, разсуждая, кто изъ нихъ въ какомъ гвардейскомъ полку подполковникъ, а кто майоръ. Особенно близкими къ кандидаткѣ оказывались, повидимому, преображенцы, съ заряженными ружьями окружавшіе обрученныхъ въ день помолвки: такое распоряженіе отдалъ ихъ начальникъ, братъ государыни-невѣсты и фаворитъ императора, Иванъ Долгорукій. Будь этотъ послѣдній человѣкомъ закала Григорія Орлова, мы, несомнѣнно, имѣли бы въ исторіи хотя попытку интронизаціи княжны Екатерины и, быть можетъ, не неудачную. Но добродушный кутила-мученикъ, князь Иванъ не пошелъ дальше сочиненія подложнаго завѣщанія Петра II, да и то оставилъ въ своемъ карманѣ. А дѣеспособный въ данномъ смыслѣ членъ семьи, фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ, и на помолвку-то своей племянницы съ государемъ смотрѣлъ весьма косо, содѣйствовать же ея возведенію на престолъ отказался самымъ рѣшительнымъ образомъ. Еще меньше можно было ожидать содѣйствія основанію династіи Долгорукихъ со стороны верховниковъ другихъ фамилій, особенно Голицыныхъ, которые къ вліянію Долгорукихъ всегда относились весьма ревниво, а изъ нихъ Дмитрій Михайловичъ былъ фактическимъ президентомъ совѣта, съ военнымъ же вліяніемъ его младшаго брата, фельдмаршала, считались уже въ дни Меншикова. Съ перваго же шага, такимъ образомъ, „замыслы верховниковъ“ тормозились въ ихъ собственной средѣ; это не сулило „замысламъ“ ничего добраго. Съ проваломъ попытки обладить дѣло „семейнымъ“ путемъ—наиболѣе примитивно-феодальнымъ

способомъ—приходилось искать путей болѣе сложныхъ. Повидимому, руководясь какими-то личными расчетами, кн. Василій Лукичъ Долгорукій выдвинулъ кандидатуру племянницы Петра I, герцогини курляндской Анны Ивановны, имѣвшей на россійскій престолъ развѣ чуть-чуть больше правъ, чѣмъ княжна Екатерина Долгорукая *). Кандидатура прошла легко—Анна была всѣмъ чужая. Но это была уже не дѣвочка, отъ нея можно было ожидать самостоятельныхъ выступленій (позже она оправдала такія ожиданія въ максимальномъ размѣрѣ), а главное, у нея въ Митавѣ былъ свой дворъ, готовое гнѣздо конкурентовъ для тѣхъ, кто теперь управлялъ Россіей. Кажется, опасенія со стороны этого курляндскаго двора и послужили исходной точкой знаменитыхъ „кондицій“, которыя мы не станемъ излагать здѣсь подробно, потому что читатели найдутъ ихъ полностью воспроизведенными въ приложеніяхъ къ настоящей „Исторіи“. Недаромъ изъ всѣхъ пунктовъ „кондицій“ наибольшее вниманіе вызвалъ тотъ, который запрещалъ Аннѣ держать при своемъ дворѣ придворныхъ чиновъ изъ иноземцевъ. Онъ обсуждался два раза, и слишкомъ обнаженную редакцію первоначальнаго проекта замѣнили потомъ болѣе запутанной и „приличной“: „въ придворные чины, какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ, безъ совѣту верховнаго тайнаго совѣта не производить“. Сразу возстановлять противъ себя курляндскихъ друзей Анны Ивановны, очевидно, не хотѣли: въ разговорахъ въ обществѣ уже опредѣленно называли по имени Бирона. Во всемъ остальномъ кондиціи, представляющія собою, какъ доказалъ шведскій историкъ Іерне, простую выборку изъ соотвѣтствующихъ шведскихъ документовъ *), вполнѣ оправдывали отзывъ Ѳеофана Прокоповича: что верховники „не думали вводить народнаго владѣтельства, но всю владѣнія крайнюю силу осьмичисленному своему совѣту учреждали“. Кондиціи вездѣ говорятъ о правахъ совѣта, систематически опуская сословія, всюду фигурирующія рядомъ съ совѣтомъ въ ихъ шведскомъ образцѣ. Дѣло шло вовсе не о какомъ-нибудь новомъ ограниченіи самодержавія, а просто о закрѣпленіи за наличнымъ составомъ верховнаго тайнаго совѣта того положенія, которое онъ фактически занималъ при покойномъ императорѣ.

Но юридическое закрѣпленіе существующаго имѣло не

*) Офиціально, первымъ заговорилъ объ Аннѣ Дм. Голицынъ. Но роль В. Л. Долгорукова ясна изъ всей совокупности фактовъ не считая того что о ней вполнѣ опредѣленно упоминаетъ кн. Щербатовъ, слышавшій разсказы современниковъ.

**) Сличеніе текстовъ см. у г. Милюкова, назв. статья, стр. 8—11.

просто формальное значеніе. О томъ, какъ управляется Россія, до тѣхъ поръ знали очень немногіе; для массы имя государя покрывало все: теперь эта масса должна была узнать, что управляютъ, въ сущности, Голицыны и Долгорукіе съ братіей. При всеобщемъ довольствѣ режимомъ верховнаго совѣта, быть можетъ, такое неосторожное снятіе покрова съ тайны и прошло бы даромъ. Но когда люди недовольны, подобныя открытія даютъ ихъ недовольству чрезвычайно удобное оправданіе. „Ни гражданскіе, ни военные чины не получаютъ жалованья“, писалъ саксонскій посланникъ Лефортъ за два мѣсяца до смерти Петра II. „Мало полковъ, которымъ были бы должны меньше чѣмъ за годъ, что же касается генералитета и гражданскихъ чиновниковъ, то они не получали жалованья по десяти и по восьми лѣтъ. Что сталось съ деньгами? я не знаю“. Шляхетство хорошо это знало: деньги раскрали верховники. Еще совѣтъ не палъ, какъ учрежденіе, а уже двухъ Долгорукихъ судили за лихоимство и грабежъ казны. Но если остальные надѣялись откупиться ихъ головами, они жестоко ошибались. Когда, пишетъ тотъ же дипломатъ, „фельдмаршалъ Долгорукій предложилъ Преображенскому полку присягнуть царицѣ и верховному тайному совѣту, они отвѣчали, что переломаютъ ему ноги, если онъ еще разъ явится къ нимъ съ подобнымъ предложеніемъ. Это заставило измѣнить форму присяги“. Быть можетъ, люди, не знавшіе другихъ средствъ, какъ „переломать ноги“ или „разбить голову“, сами по себѣ, непосредственно, и не такъ были еще опасны столь опытнымъ политикамъ, какъ князь Дмитрій Голицынъ или Василій Лукичъ Долгорукій. Но къ ихъ услугамъ сейчасъ же нашлись люди, политически не менѣе искусившіеся, нежели сами верховники. То были отчасти даже члены верховнаго совѣта, но составлявшіе въ немъ незамѣтное меньшинство, какъ Головкинъ, бывшій канцлеръ Петра I. Отчасти люди, считавшіе за собой всѣ права стать такими членами, но къ ихъ удивленію и ярости оставшіеся за бортомъ. Ихъ типомъ былъ бывшій петровскій генералъ-прокуроръ Ягужинскій. Еще за годъ до смерти Петра II эти люди составляли „очень страшную“ (très formidable) партію, готовившуюся вступить въ бой съ Голицынымъ и Долгорукими. Могла ли эта „очень страшная“ партія пропустить такой моментъ, какъ теперь, когда верховники вынуждены были балансировать надъ пропастью? Ягужинскій въ самый моментъ составленія кондицій сдѣлалъ попытку столковаться съ ними. Онъ былъ грубо отстраненъ и отвѣтилъ на это,ославъ

Аннѣ письмо, раскрывшее ей глаза на дѣйствительное положеніе дѣлъ. Послѣ этого его сколько угодно можно было арестовывать и сажать „за караулъ“: ударъ былъ нанесенъ и пришелся мѣтко. А за Ягужинскимъ стояла плотная шеренга петровскихъ „генераловъ“, каждый изъ которыхъ что-нибудь имѣлъ противъ верховниковъ. Умнѣйшій изъ послѣднихъ, Дмитрій Голицынъ, очень скоро долженъ былъ увидѣть, что ему и его товарищамъ ничего не остается, кромѣ почетной капитуляціи; да вопросъ былъ: примутъ ли еще и ее?

Капитуляція, которую придумалъ князь Дмитрій Михайловичъ, нашла чрезвычайно своеобразную форму: она показываетъ, насколько выше былъ онъ средняго уровня „верховныхъ господъ“ того времени. Голицынъ рѣшилъ спасти верховный тайный совѣтъ, откупившись отъ дворянства—конституціей. Принимая во вниманіе средній политическій уровень тогдашнихъ дворянъ, здѣсь было не безъ демагогіи, конечно: возможно, что Голицынъ даже сознательно разсчитывалъ имѣть въ шляхетскихъ низахъ послушную „голосующую скотину“, которую въ критическую минуту можно направить противъ настоящаго конкурента верховниковъ, „генералитета“. Какъ бы то ни было, самая мысль о такомъ „европейскомъ“ способѣ борьбы со своими политическими противниками въ странѣ, гдѣ и долго послѣ дворцовый заговоръ, опиравшійся на гвардейскіе штыки, былъ единственнымъ и универсальнымъ средствомъ,—такая мысль не могла придти въ рядовую голову *). Наиболѣе ранній очеркъ голицынской конституціи даютъ опять-таки англійскія донесенія,—уже отъ 2 февраля, всего черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Петра II, когда Анна не только еще не успѣла пріѣхать въ Москву, но и о ея согласіи на кондиціи было извѣстно всего два-три дня. Очевидно, что верховники не находили возможнымъ терять ни минуты: лишній признакъ, какъ остро сознавалось ими ихъ критическое положеніе.

*) Вотъ какую характеристику даетъ вождю верховниковъ англичанинъ Рондо,—какъ мы уже упоминали, одинъ изъ самыхъ трезвыхъ и толковыхъ иностранныхъ наблюдателей событій февраля—марта 1730 г.: „Кн. Д. М. Голицынъ, старшій братъ Михаила Михайловича (о которомъ передъ тѣмъ говорилось), тайный совѣтникъ, губернаторъ кіевскій—человѣкъ необыкновенныхъ природныхъ дарованій, развитыхъ работой и опытомъ. Это человѣкъ духа дѣятельнаго, глубоко предусмотрительный, проницательный, разума основательнаго, превосходящій всѣхъ знаніемъ русскихъ законовъ и мужественнымъ краснорѣчіемъ; онъ обладаетъ характеромъ живымъ-предпріимчивымъ; исполненъ честолюбія и хитрости, замѣчательно умѣренъ въ привычкахъ, но высокомѣренъ, жестокъ и неумолимъ. Духовенство и простой народъ глубоко почитаютъ князя, а низшее дворянство скорѣе его боится, чѣмъ любитъ. Короче, нѣтъ въ Россіи человѣка болѣе способнаго, да и болѣе склоннаго поднять опасный мятежъ и руководить имъ“ (Сб. Р. И. О., т. LXVI, стр. 158 и сл.).

Англійскій резидентъ очень отчетливо передаетъ сущность проекта. Нетрудно уловить двѣ основныя его мысли: во-первыхъ, расширить кругъ лицъ, непосредственно участвующихъ въ управленіи, доведя составъ верховнаго совѣта до 12 человѣкъ (ихъ было 8)—этимъ должны были быть удовлетворены вожди оппозиціи—и поставивъ рядомъ съ нимъ, въ качествѣ своеобразной „нижней палаты“, сенатъ изъ 36 членовъ, „разсматривающій дѣла до внесенія ихъ въ Тайный Совѣтъ“. Здѣсь должны были найти приложеніе своему честолюбію всѣ мало-мальски выдающіеся „генералы“. Но Голицынъ вовсе не предполагалъ утопить верховниковъ въ этомъ генеральскомъ морѣ: у нихъ оставалось два якоря спасенія въ лицѣ очень многолюдныхъ собраній, одного въ 200 человѣкъ „мелкаго дворянства“, другого—буржуазнаго, гдѣ должны были участвовать и купцы. Ни то, ни другое не должны были непосредственно участвовать въ управленіи, но они могли вмѣшаться въ случаѣ „нарушенія права“ и „притѣсненія народа“. Иными словами, меньшинство верховниковъ имѣло въ этихъ собраніяхъ—для Голицына не нужно подчеркивать, особенно важно было буржуазное—готовую точку опоры для борьбы съ большинствомъ, которое неизбѣжно должно было составиться изъ ихъ противниковъ.

Противники были не такъ просты, чтобы не замѣтить ловушки. Ту часть голицынской конституціи, которая давала имъ участіе во власти, они адоптировали очень быстро и безъ спора. Въ проектѣ Татищева, который „генералитетъ“ противопоставилъ голицынскому, имѣются обѣ палаты чиновнаго состава подъ именемъ „вышняго“ и „нижняго“ правительства; онѣ еще многолюднѣе голицынскихъ—21 и 100 человѣкъ,—такъ что личное вліяніе верховниковъ должно было сказываться въ нихъ еще слабѣе. Но о палатахъ низшаго шляхетства и купечества „генеральскій“ проектъ молчалъ; онъ надѣялся купить шляхетство инымъ способомъ, менѣе убыточнымъ: вмѣсто того, чтобъ навязывать ему политическія права, къ которымъ у него не было еще большого стремленія, „генералитетъ“ обѣщалъ удовлетворить насущныя нужды мелкихъ помѣщиковъ, о которыхъ шляхетство давно и безплодно вопіяло,—сокращеніе срока военной службы (не болѣе 20 лѣтъ) и освобожденіе отъ службы въ нижнихъ чинахъ. Когда шляхетство получило возможность высказаться, оно не нашло присоединить сюда ничего, кромѣ требованія, чтобы жалованье выдавали аккуратно: дворянская и купеческая палаты такъ и остались особенностью проекта самихъ верхов-

никовъ. Дворянство не принимало политическаго подарка Голицына, но оно выразило ему совершенно опредѣленно соціальное недовѣріе, потребовавъ, чтобы вновь назначенные члены верховнаго совѣта баллотировались всѣмъ шляхетствомъ. Средніе и мелкіе помѣщики устали отъ режима новой феодальной знати и желали имѣть свое правительство,—съ тѣмъ, конечно, чтобы, разъ оно выбрано, предоставить ему дѣлать, что угодно. Никакихъ формъ постояннаго воздѣйствія шляхетства на государственныя дѣла дворянскіе проекты не предусматривали. Даже подъ челобитной, проводившей личную татищевскую мысль, чтобы „новая форма правленія“ была обсуждена своего рода дворянскимъ учредительнымъ собраніемъ, подписалось очень немного народу: эти скромные люди готовы были всю политику цѣликомъ предоставить своему начальству.

Такова была обстановка, когда пріѣхала въ Москву Анна, и произошло „возстановленіе самодержавія“. Фактически дѣло должно было свестись къ замѣнѣ верховниковъ вождями „генералитета“: кондиціи отпали сами собой, такъ какъ это были искусственныя подпорки, нужныя „зяблому дереву“ верховныхъ господъ, но не настоящимъ хозяевамъ положенія. Нельзя отрицать, что Анна лично обнаружила большой талантъ приспособленія, очень облегчившій игру ея союзниковъ. Ея первая же встрѣча съ преображенцами кончилась тѣмъ, что весь батальонъ бросился къ ея ногамъ „съ криками и слезами радости“, при чемъ, въ прямое нарушеніе кондицій, она тутъ же объявила себя шефомъ полка. „Затѣмъ она призвала въ свои покои отрядъ кавалергардовъ, объявила себя начальникомъ и этого эскадрона и каждому собственноручно поднесла стаканъ вина“ (Лефортъ). Добрые гвардейскіе солдаты, за время царствованія малолѣтняго императора совсѣмъ было отвыкшіе отъ петровскихъ нравовъ, думали видѣть передъ собой воскресшую матушку Екатерину... Все это, конечно, дѣлаетъ психологически понятной сцену, разыгравшуюся въ стѣнахъ кремлевскаго дворца 25 февраля 1730 года, когда гвардейскіе офицеры бросались къ ногамъ Анны, обѣщаясь истребить всѣхъ ея злодѣевъ—но не мѣняетъ политическаго результата дѣла. Онъ вылился въ замѣну упраздненнаго верховнаго совѣта опять „правительствующимъ“ сенатомъ, какъ было при Петрѣ, а въ составъ этого воскресшаго учрежденія вошли всѣ тѣ, кого верховники ревниво не пускали въ свою среду: и фельдмаршалъ Трубецкой, и князь Черкасскій, и гвардейскіе генералы Мамоновъ и Юсуповъ, а во главѣ дру-

гихъ, разумѣется, Павелъ Ивановичъ Ягужинскій. Получило свою часть и измѣнившее собратіямъ меньшинство верховниковъ: канцлеръ Головкинъ, предусмотрительно захватившій съ собою 25 февраля во дворецъ кондиціи, которыя Анна тутъ же разорвала, былъ на первомъ мѣстѣ среди вновь назначенныхъ сенаторовъ. Но, по крайней мѣрѣ, номинально и на первое время не рѣшились исключить изъ ихъ числа и крамольниковъ: Дмитрій Голицынъ и Василій Лукичъ Долгорукій тоже были назначены сенаторами. Месть послѣдовала для Долгорукихъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а для Голицына даже нѣсколько лѣтъ спустя. Потерявъ политическую власть, „верховные господа“ не сразу перестали быть соціальной силой. А станутъ ли таковой ихъ преемники, это зависѣло отъ политическаго курса, какой возьметъ новое учрежденіе. И тутъ шляхетство скоро должно было убѣдиться, что до полнаго удовлетворенія его интересовъ ему осталось ждать еще довольно долго.

„Кондиціи“ императрицы Анны.

Оригиналъ «кондицій» или «пунктовъ» императрицы Анны Ивановны (см. 232-ую стр. третьяго тома настоящаго изданія) находится въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и хранится въ разорванномъ видѣ; «чья-то заботливая археологическая рука, какъ выразился одинъ русскій историкъ, только булавочкой скрѣпила разорванныя части». Исторія разрыва этой хартіи, всегда практически поучительная, не разъ была разсказана въ русской исторической литературѣ. По словамъ В. О. Ключевскаго, «дѣло 1730 г. было *седьмой* попыткой болѣе или менѣе прикрытаго сдѣлочнаго вымоганія свободы правительственнымъ кружкомъ и *четвертымъ* опытомъ открытаго, формальнаго ограниченія власти». Подписанный Анною въ Митавѣ 28 января 1730 г. *актъ* гласитъ слѣдующее:

«Понеже по воле всемогущаго Бога і по общему желанию всеросійского народа мы по преставленіи всепресветлѣйшаго державнѣйшаго великого государя Петра втораго, императора и самодержца всеросійского, нашего любезнѣйшаго государя племянника, императорскій всеросійскій престолъ восприяли и, слѣдуя божественному закону, правительство свое такимъ образомъ вести намерена и желаю, дабы оное вначалѣ (?) къ прославлению божеского имяни и къ благополучию всего нашего государства и всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ служить могло.

Того ради чрезъ сіе наикрѣпчайше обѣщаемся, что I) наиглавнейшео мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о содержаніи, но и о крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православныя нашия вѣры греческого ісповѣдания.

II) Такожде по принятіи короны російской въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника ни при себѣ, ни по себѣ никого не определять.

III) Еще обѣщаемся, что понеже цѣлость и благополучие всякого государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже учрежденный верховный тайный совѣтъ въ восми персонахъ всегда содержать и безъ оного верховного тайного совѣта согласна

1) ни съ кемъ войны не вчинать,

2) миру не заключать,

3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податми не отягощать,

4) въ знатные чины какъ встатцкие, такъ и въ военные сухопутныя и морския выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не определять, и гвардіи и протчимъ войскамъ быть подъ веденіемъ верховного тайного совѣта,

5) у шляхетства живота, и імѣния і чести безъ суда не отъимать,

6) вотчины и деревни не жаловать,

7) въ придворныя чины какъ рускихъ, такъ и іноземцовъ безъ совѣту верховного тайного совѣту не производить,

8) государственныя доходы въ росходъ не употреблять и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотменной своей милости содержать.

А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны россійской.

По сему обѣщаю вся безъ всякою изъятія содержать.

Анна *).

Интересъ этого акта не столько историческій, сколько психологическій; онъ оказался страшнымъ для большинства; когда пришло извѣстіе, что «пункты» подписаны Анной, то знатная публика превратилась въ «бѣдныхъ осликовъ». Рабъ болѣе не умѣлъ дышать свѣжимъ воздухомъ хотя бы призрачной свободы, онъ былъ запуганъ и не смѣлъ ни радоваться, ни протестовать. Соловьевъ справедливо ссылается при этомъ на остроумное описаніе момента Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. «Никого, почитай, писалъ послѣдній, кромѣ верховныхъ, не было, кто бы, таковая слушавъ, не содрогнулся, и сами тіи, которые всегда великой отъ сего собранія пользы надѣялись, опустили уши, какъ *бѣдные ослики*; шептанія нѣкая во множествѣ ономъ прошумливали, а съ негодованіемъ откликнуться никто не посмѣлъ». Пріѣхавъ въ Москву ограниченной монархиней, Анна, напоминавшая своимъ характеромъ царицу Прасковью, не потерялась, «бѣдныхъ осликовъ» обуздала и немедленно превратилась въ самодержицу, отмѣнивъ 25 февраля 1730 г. въ стѣнахъ московскаго кремлевскаго дворца торжественно данное ею мѣсяцъ тому назадъ слово... «и тѣ пункты ея величество при всемъ народѣ изволила, принявъ, разодрать». Авторъ и вдохновитель «пунктовъ», оперевшійся на шведскіе источники, князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ, выразительно оттѣнилъ эту отправку русской конституціи въ архивъ, сказавъ приблизительно такъ: «Пиръ былъ готовъ, но званные оказались недостойными его; я знаю, что паду жертвой неудачи этого дѣла; такъ и быть, пострадаю за отечество, мнѣ ужъ и безъ того остается немного жить; но тѣ, кто заставляетъ меня плакать, будутъ плакать больше моего». И на самомъ дѣлѣ ужасы старинной тираніи превзошли потомъ сами себя, они выразились въ формахъ, какихъ теоретически на могло бы представить себѣ самое воспаленное воображеніе.

*) Слова курсивомъ и подпись сдѣланы рукою императрицы Анны.

Понеже по воле всемогущаго Бга и по общему
желанию всероссийскаго народа, Мы по пре-
ставлении всепресветлейшаго держа-
внейшаго великаго Гдря Петра втораго
Императора и самодержца всероссийскаго
нашего любезнейшаго Гдря племянника
Императорский всероссийский престол
восприняли, и следуя божественному
закону правителство свое таким
образом вести намерена и желаю,
дабы оное вначале к прославлению бо-
жескаго имени и к благополучию всего нашего
гдрства и всех верных наших подда-
нных служить могло. Того ради
чрез сие наикрепчайше обещаемся, что
наиглавнейшее мое попечение и старание
будет не токмо о содержании, но и о
крайнем и всевозможном распростра-
нении православныя нашея веры греческа-
го исповедания, такожде по приня-
тии короны российской в супружество
во всю мою жизнь не вступать, и наслед-
ника ни при себе, ни по себе никого не
определять. Еще обещаемся, что
понеже целость и благополучие всякаго
гдрства от благих советов состоит,
того ради мы ныне уже учрежденный
верховный тайный совет в осми пер-
сонах

всегда содержать, и безъ оного Верховного
тайного совѣта согласия: 1. Ни с кѣмъ
войны не всчинать, 2. Миру не заклю-
чать, 3. Вѣрныхъ нашихъ подданныхъ
никакими новыми податми не отяго-
щать, 4. В знатные чины, какъ в ста-
тские, такъ и военные, сухопутные
и морские, выше полковничья ранга
не жаловать, ниже к знатнымъ дѣламъ
никого не опредѣлять, и гвардии
и протчимъ войскамъ быть под вѣде-
ниемъ Верховного тайного совѣта.
5. У шляхетства живота имѣния и чести
безъ суда не отнимать, 6. Вотчины
и деревни не жаловать, 7. В придво-
рныя чины какъ руских, такъ и ино-
земцовъ безъ совѣту Верховного тайного
совѣту не производить, 8. Государствен-
ныя доходы в росходъ не употреблять,
и всѣхъ вѣрныхъ своих подданныхъ в неотмѣ-
нной своей милости содержать; а буде
чего по сему обѣщанию не исполню и не до-
держу, то лишена буду короны российской.
всё безъ вся-
своей посему обещаюсь
кого изъятия содержать

Анна

„Кондиціи" имп. Анны Іоанновны (продолженіе).

Приложенія.

I.

Русская жизнь XVI вѣка по Стоглаву.

Ѣянія собора 1551 года или такъ называемый *Стоглавъ* представляетъ собою въ высокой степени цѣнный первоисточникъ для ознакомленія съ древне-русскимъ бытомъ; въ своемъ содержаніи онъ захватываетъ разнообразныя стороны этого послѣдняго и даетъ картины, поражающія современнаго читателя. Этотъ памятникъ такъ изобразителенъ и такъ живъ, такъ доступенъ для популярнаго чтенія, что довольно трудно взять изъ него тѣ или другія выдержки; онъ выглядываетъ какимъ-то обвинительнымъ актомъ противъ древней Руси и на смерть поражаетъ тѣхъ, кто такъ любитъ идеализировать прошлое, представлять «сѣдую старину» въ божественныхъ формахъ и призывать къ сохраненію унаслѣдованнаго отъ предковъ. Стоглавъ—превосходное обличеніе этихъ фанатиковъ древности, тупыхъ

апологетовъ угасшихъ формъ быта. Дальнѣйшія выдержки изъ Стоглава довольно широко охватываютъ его содержаніе и могутъ дать надлежащее представленіе о самомъ памятникѣ, сыгравшемъ роль въ исторіи раскола. Этой послѣднею ролью объясняется, почему выдержки [1]) изъ текста *Стоглава* попадаютъ въ шестой выпускъ *Русской Исторіи* и въ родственное ему общество. Безъ внимательнаго изученія *Стоглава* не поддается пониманію идеологія стараго раскола старообрядства.

Текстъ *Стоглава* начинается словами:

Глава первая.

Въ лѣто 7059-ое мѣсяца февраля въ 23 день быша сіи вопроси и отвѣты мнози о различныхъ церковныхъ чинѣхъ,..... и о трегубой аллилуіи, и о монастырскихъ чинѣхъ . . . . . .

Глава четвертая.

. . . . . .

Царь глаголетъ къ собору.—Отецъ мой Макарій, митрополитъ всеа Русіи, и архіепископы, и епископы и весь освященный соборъ! Въ предъидущее лѣто билъ есми вамъ челомъ и съ бояры своими о своемъ согрѣшеніи, а бояре также, и вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили. А язъ по вашему прощенію и благословенію бояръ своихъ въ прежнихъ во всѣхъ винахъ пожаловалъ и простилъ, да имъ же заповѣдалъ со всѣми хрестьяны царствія своего въ прежнихъ во всякихъ дѣлехъ помиритися на срокъ, и бояре мои всѣ приказные люди и кормленщики со всѣми землями помирилися во всякихъ дѣлехъ. Да благословилися есми у васъ тогдыже судебникъ исправити по старинѣ и утвердити, чтобы судъ былъ праведенъ и всякіе дѣла непоколебимо во вѣки. И по вашему благословенію судебникъ исправилъ и великіе заповѣди написалъ, чтобы то было прямо и бережно и судъ бы былъ праведенъ и безпосулно во всякихъ дѣлехъ. Да устроилъ по всѣмъ землямъ моего государства старосты, и цѣловальники, и сотскіе, и пятидесятскіе по всѣмъ градомъ и по пригородомъ и по волостемъ и по погостомъ и у дѣтей боярскихъ, и уставные грамоты списалъ. Се и судебникъ передъ вами и уставные грамоты прочтите и разсудите, чтобы было наше дѣло по Бозѣ въ родъ и родъ неподвижимо по вашему благословенію. Аще достойно сіе дѣло, на святомъ соборѣ утвердивъ и вѣчное благословеніе получивъ, и подписати на судебникѣ и на уставной грамотѣ, которой въ казнѣ быти, да съ нами соборнѣ, попрося у Бога помощи, во всякихъ нужахъ посовѣтуйте и разсудите и умножите и утвердите по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и по прежнимъ закономъ прародителей нашихъ, чтобы всякое дѣло и всякіе обычаи строилися по Бозѣ въ нашемъ царствіи и при вашемъ святительскомъ пастырствѣ, а при нашей державѣ. А которые обычаи въ прежніе времена послѣ отца нашего великого князя Василія Ивановича всеа Русіи и до сего настоящаго времени поизшаталися, или въ самовластіи учинено по своимъ волямъ, или предніе законы, которые порушены, или

[1]) По второму казанскому изданію: *Стоглавъ*. Казань. 1887.

ослабно дѣло небрегомо Божіихъ заповѣдей, что творилося. И о всякихъ земскихъ строеніихъ и о нашихъ душахъ заблужденіи—о всемъ о семъ довольно себѣ духовнѣ посовѣтуйте и на среди собора сие намъ возвѣстите, и мы вашего святительскаго совѣта и дѣла требуемъ и совѣтовати съ вами желаемъ о Бозѣ утверждати нестройное во благо. А что наши нужи или которые земскіе нестроенія, и мы вамъ о семъ возвѣщаемъ, и вы, разсудя по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, утверждайте во общемъ согласіи вкупѣ. А язъ вамъ, отцемъ своимъ, и съ братіею и съ своими бояры челомъ бью.

Глава пятая.

О тридесяти седми царскихъ вопросѣхъ и о церковномъ строеніи.

Вопросъ 1.—Отецъ мой Макарей, митрополитъ всеа Русіи, и всѣ архіепископы и епископы возрите во свои домы поручены вамъ отъ Бога святительства пастырства вашего о святыхъ божіихъ церквахъ и о честныхъ иконахъ и о всякомъ церковномъ строеніи, чтобы по святымъ церквамъ звонили и пѣли по божественному уставу и по священнымъ правиломъ. И нынѣ бо видимъ и слышимъ, кромѣ божественнаго устава, многія церковныя чины не сполна совершаются, не по священнымъ правиломъ и не по уставу. И вы бы, о всѣхъ тѣхъ церковныхъ чинѣхъ разсудивъ, и указъ учинили по божественному уставу и по священнымъ правиломъ сполна, и о всякомъ священническомъ и иноческомъ и о всякомъ причту церковномъ. И уставили бы есте старосты поповскіе надо всѣми священники бреженія ради церковнаго и прочія чины по правиломъ. Вамъ бо поручено есть, что то пасти церкви Божіи и церковныхъ чиновниковъ уставляти и поучати, да и мы отъ нихъ спасеніе получимъ, видя ихъ благочиніе и духовное поученіе. Аще вашимъ святительскимъ нерадѣніемъ сіе небрегомо будетъ, и зря на нихъ и мы погибнемъ, заблудившеся праваго пути господня, на комъ того Богъ взыщетъ и кто о томъ изтязанъ будетъ въ день страшнаго суда, егда пріидетъ праведный судія въ славѣ своей судити живымъ и мертвымъ, и святителемъ и царемъ и княземъ, и богату и убогу воздастъ комуждо по дѣломъ, что намъ преже отвѣщати на праведномъ судѣ Божіи. Се азъ и дѣти наю и прочая.

О антимисѣхъ вопросъ 2.—Продажу чинятъ великую, а правила святыхъ отецъ запрещаютъ святая продавати, и о томъ достоитъ законъ уложити на соборѣ по божественнымъ правиломъ.

О святыхъ и честныхъ иконахъ вопросъ 3.—А святыя и честныя иконы по божественнымъ правиломъ по образу и по подобію и по всякому существу образъ Божій написати и пречистыя Богородицы и всякого святого угодникъ Божіихъ, и о семъ свидѣтельство въ божественномъ писаніи у васъ есть, и о семъ великое попеченіе достоитъ имѣти, чтобы иконописцы были во всякомъ чювствіи и въ добродѣтелехъ живуще и учениковъ бы учили по существу совершенно образы Божіи писати.

О знаменахъ вѣнечныхъ вопросъ 4.—Знамена вѣнечные также безъ указу продажа крестьянству чинится великая. Достоитъ симъ указъ учинити отроку и вдовцу и троеженцу.

О божественныхъ книгахъ вопросъ 5.—Божественныя книги писцы пишутъ съ неправленыхъ переводовъ, а написавъ не правятъ же, опись

къ описи прибываетъ, и недописи и точки непрямые. И по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ чтутъ, и поютъ, и учатся, и пишутъ съ нихъ,—что о семъ небреженіи и о великомъ нашемъ нерадѣніи отъ Бога будетъ по божественнымъ правиломъ.

О ученикахъ вопросъ 6.—А ученики учатся грамотѣ небрегомо, а божественное писаніе о томъ о всемъ свидѣтельствуетъ, а намъ, пастыремъ, о томъ небреженіи о всемъ отвѣтъ дати.

О святительскихъ судіяхъ вопросъ 7.—У васъ же убо святителей бояре и дьяки и тіуни и десятильники и недѣльщики судятъ и управу чинятъ неправо и волочятъ и продаютъ съ ябедники содного; а десятильники поповъ по селомъ продаютъ безъ милости, и дѣла оставливаютъ съ ябедники содного, и церкви отъ десятильниковъ и отъ ихъ великихъ продажъ стоятъ многіе пусты, безъ пѣнія, и поповъ нѣтъ. Достоитъ вамъ, святителемъ, велми о семъ порадѣти и запретити, чтобъ хрестьянству и всякому священническому и иноческому чину напрасныхъ продажъ не было, и отъ десятильниковъ тяжкихъ налогъ не было и нарядныхъ дѣлъ съ ябедники не было же. А жонки и дѣвки, съ судьями по зговору, на черницехъ и на попехъ и на мирянехъ силы ищутъ и соромоты, и то надобе обыскивати гораздо, чтобы внапраснѣ продажи и безчинія и бездѣльнаго не было.

О монастырехъ и иноцѣхъ вопросъ 8.—А въ монастырехъ чернецы и попы стригутся спасенія ради душа своя; нѣцыи же отъ нихъ стригутся покоя ради тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать, и по селомъ ѣздятъ прохладу для. О архимаритехъ и игуменехъ: а архимариты и игумены нѣкоторые также власти докупаются, да службы Божіи и трапезы и братства не знаетъ, покоитъ себя въ келіи и съ гостми, да племянниковъ своихъ вмѣщаютъ въ монастырь и доволятъ всѣмъ монастырскимъ; и по селомъ такоже; а монастыри тѣмъ пустошатъ, а старыхъ слугъ и вкладчиковъ изводятъ; а по келіямъ инде небрежно жонки и дѣвки приходятъ; а робята молодые по всѣмъ келіямъ живутъ невозбранно; и по селомъ и по миру всюдѣ ѣздятъ чернцы безъ зазору. Архимаритовъ и игуменовъ по монастыремъ посылаютъ, и монастырь имъ однимъ отписываютъ безъ соборныхъ старцовъ. А прикащики того небрегутъ же, и монастыри и села чинятъ пусты съ своими племянники; а священницы и братія бѣдные алчни и жадни и всячески непокойны всякими нуждами одержимы; весь покой монастырской и богатство и всякое изобиліе во властѣхъ, и съ роды и съ племянники и съ боляры и съ гостми и съ любимыми друзи истощили. Таколи подобаетъ быти по уставу общему братству вкупѣ пребывати, и такое безчиніе и небреженіе и всякое нерадѣніе о церкви Божіи и о монастырскомъ строеніи и о братствѣ: ино на комъ тотъ грѣхъ взыщется, отъ чего мирскимъ душамъ ползоватися и просвѣщатися и наказатися отъ всякихъ золъ, ино тамо не по Богѣ вся злая совершаются, ино отъ насъ отъ мирской чади чего добра чаяти, а у Бога кѣмъ милости просити о полезномъ намъ.

О нищепитательствѣ вопросъ 9.—Чернцы и черницы по миру волочатся, и живутъ въ миру, и не знаютъ, что словетъ монастырь; а проскурницы мирскіе черницы же; а чернцы у мирскихъ церквей въ попехъ живутъ. И о семъ соборовати по святыхъ правиломъ и разсужати, како тѣхъ препитати и въ покой въ монастырѣхъ устроити безгрѣшно, чтобы было миру не на соблазнъ, а душамъ ихъ не на погибель. А намъ за то нерадѣніе отъ Бога грѣха бы не было.

О полоненикехъ вопросъ 10.—И о семъ достоитъ попеченіе сотворити веліе. Плѣнныхъ привозятъ на окупъ изъ ордъ бояръ и боярынь и всякихъ людей, а иные сами выходятъ должни и беспомѣстны, и здѣся окупитися нѣчимъ, а никто не окупитъ. И тѣхъ полонениковъ, мужей и женъ, опять возятъ назадъ въ бесерменство, а и здѣся надъ ними поругаются всякими сквернами богомерзкими. Достоитъ о семъ уложити соборне, какъ тѣмъ окупъ чинити, а въ невѣрные не отпущати; а которые собою вышли, о тѣхъ устрой учинити же по достоянію, елико вмѣстимо, чтобы были въ покои и безъ слезъ.

О просвирницахъ вопросъ 11.—Еще иное безчиніе у проскурницъ горше сего. Боголюбцы даютъ проскурнямъ денги на проскуры о здравіи или за упокой, и она спроситъ имени о здравіи да надъ проскурою сама приговариваетъ, якоже арбуи въ чюди; а за упокой такоже мертвыхъ имянъ спрашиваетъ да надъ проскурою приговариваетъ, а тѣ проскуры попу даетъ, и попъ людемъ даетъ и къ себѣ относитъ, а на жертвенникѣ тѣхъ проскуръ о здравіи и за упокой не проскомисаетъ, и жертва къ Богу отъ нихъ не приносится; токмо одинъ агнецъ выимавъ да богородицыну да предтечеву и всѣхъ святыхъ, да о всякомъ епископствѣ православныхъ, да о благочестивомъ цари, да о всемъ православномъ хрестьянствѣ, да за упокой, а иныхъ мало выимаютъ.

О милостыни вопросъ 12.—Милостыня и кормъ годовой и хлѣбъ, и соль и денги, и одежа по богадѣльнымъ избамъ по всѣмъ городомъ даютъ изъ нашіе казны, а христолюбцы милостыню даютъ же, а вкупаются у прикащиковъ мужики съ женами мало больныхъ; а нищіе и клосные и гнилые и престарѣвшіися въ убожествѣ гладъ и мразъ, и зной и наготу, и всякую скорбь терпятъ, и не имѣютъ гдѣ главы подклонити, по миру скитаются, вездѣ ихъ гнушаются, отъ глада и отъ мраза въ недозорѣ умираютъ, и безъ покаянія и безъ причастія, никимъ небрегомы, на комъ тотъ грѣхъ взыщется,—и о тѣхъ что промыслити, православнымъ царемъ и княземъ и святителемъ достоитъ о нихъ промыслити.

О чернцехъ и о черницахъ, иже безчинствуютъ, вопросъ 13.—По миру скитаются чернцы и черницы, попы и миряне, жонки и строи со святыми иконами и на сооруженіе сбираютъ и на окупъ, и называются проданные, и милостыни просятъ по торгу и по улицамъ, и по селомъ и по дворомъ съ образы ходятъ. И о семъ соборовати, какъ впредь тому быти, и есть ли о томъ писаніе и не поругательно ли то святымъ образомъ. Иноземцы ся тому дивятъ.

О несудимыхъ грамотахъ вопросъ 14.—О судѣхъ архимаричихъ и игуменовъ и всякого священническаго и иноческаго чину, и о всѣхъ церковныхъ причетникѣхъ, и о монастырскихъ слугахъ, и о жаловалныхъ грамотахъ несудимыхъ монастырскихъ и церковныхъ—и въ нихъ пишетъ не судити владыкамъ игуменовъ и поповъ и чернцовъ и всякихъ причетниковъ церковныхъ и монастырскихъ. Коея ради вины сіе тако бысть и тако ли сему достоитъ быти.

О монастырехъ, иже пусты отъ небреженія, вопросъ 15.—Въ монастыри боголюбцы даютъ душамъ своимъ и родителемъ на поминокъ вотчины и села и прикупи, а иные вотчины и села собою прикупаютъ въ монастыри, а иные угодіе у меня припрашиваютъ, и поимали много по всѣмъ монастыремъ. А братьи во всѣхъ монастырехъ по старому, а инде и старою меньши, ѣсть и пить старого братье оскуднѣе; а строенія въ мо-

пастырехъ никотораго не прибыло и старое опустѣло. Гдѣ тѣ прибыли и кто тѣмъ корыстуется. Да тарханные и несудимые и лготные грамоты у нихъ же о торговляхъ безпошлинно; чернцы по селомъ живутъ да въ городѣ тяжутся о земляхъ. Достоитъ ли то. А села и имѣнья въ монастыри емлютъ, а по тѣхъ душахъ и по родителехъ ихъ по ихъ приказу и въ памяти не исправливаютъ. Кто о семъ истязанъ будетъ въ день страшнаго суда.

О церковныхъ и о монастырскихъ деняхъ вопросъ 16.—О церковной и о монастырской казнѣ еже въ росты даютъ: угодно ли се Богови и что о семъ глаголетъ божественное писаніе и миряномъ резоимство возбраняетъ, нежели церквамъ Божіимъ денги въ росты давати, а хлѣбъ въ наспы. Гдѣ то писано во святыхъ правилехъ, о семъ пишетъ церковное богатство — нищихъ богатство и прочимъ на потребу, якоже пишетъ.

О піянственномъ питіи вопросъ 17.—Во всѣхъ монастырехъ игуменомъ и чернцомъ и попомъ о піяномъ питіи, и о мирскихъ попехъ, и упиваніи безмѣрномъ: како мирянъ спасти и наказати отъ всякихъ золъ, а сами во всякомъ безчиніи, что заповѣдь чернцу во обѣщаніи, а попу въ поставленіи и въ хиротоніи. Бога ради о семъ доволно разсудите, чтобы въ пьянствѣ пастыри не погибли, а мы на нихъ зря такоже.

О вдовствующихъ попехъ вопросъ 18.—А о вдовыхъ попехъ соборъ былъ у всѣхъ владыкъ при дѣдѣ моемъ, что тому уложеніе. Нынѣ вдовыхъ поповъ два жеребья обѣдни не служатъ, а церковью и приходомъ владѣютъ и дѣтьми духовными, и родильницамъ молитвы даютъ, и дитяти имя нарицаютъ и крещаютъ ихъ, и вѣнчаютъ, и покаиваютъ, и умершихъ провожаютъ, и священническая дѣйствуютъ кромѣ божественныя литоргія. Нѣцыи же сами во всякомъ безчиніи и пьянствѣ всегда, и ихъ нестроеніе миру на соблазнъ. А отъ чего спастися по евангелію: вы есте соль земли; аще соль обуяетъ, чѣмъ осолится, и нашимъ душамъ отъ кого спастися. А во Новѣградѣ и во Псковѣ по маткинъ животъ и при Макаріи архіепископѣ никакоже вдовые попы и дьяконы у церквей не были на мало время, и нынѣ отъ чего то ослаблено. О семъ извѣстно разсудя утвердити по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, чтобы и вамъ и намъ и всему миру не на погибель душевную отъ Христа Бога нашего.

О выставкахъ и о новыхъ пустыняхъ вопросъ 19.—Старецъ на лѣсу келью поставитъ или церковь срубитъ, да пойдетъ по миру съ иконою просити на сооруженіе, а у меня земли и руги проситъ. А что собравъ, то пропьетъ, а въ пустынѣ не по Бозѣ совершаетъ, какъ прежніе пустыни о Бозѣ строили. Прежніе преподобные отцы вселялися въ пустыни, утаяся миру не тщеславія ради, и великія труды полагали руками своими, и отъ бѣсовъ многи бѣды подъяша. И видя ихъ Богъ добрые дѣла, посылаетъ гобину всякихъ плодовъ и братству умноженіе, и прославится отъ Бога и человѣкъ, царіе и князи и всякіе боголюбцы со всѣмъ усердіемъ доволятъ всѣми потребами душамъ своимъ на спасеніе; а по миру не скиталися на соблазнъ. А выставку церковь нынѣ поставилъ, а съ годъ побылъ, а се пуста безъ пѣнія стоитъ, или отъ десятильниковъ или ругою недоволенъ нѣчемъ прожити. И о семъ достоитъ довольно бесѣдовати, и было бы не мятежно, отъ Бога бы не въ грѣхъ, а людемъ не въ соблазнъ, а святителемъ и намъ не похвала же о такомъ нестроеніи.

Черный соборъ.

Оригиналъ картины С. Д. Милорадовича *Черный Соборъ — возстаніе Соловецкаго монастыря противъ новопечатныхъ книгъ 1666 года 4 октября* (1885 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ (№ 742) и подобно картинамъ В. Г. Перова *Никита Пустосвятъ* и В. И. Сурикова *Боярыня Морозова* имѣетъ въ виду изобразить одинъ изъ очень характерныхъ эпизодовъ исторіи раскола въ XVII вѣкѣ. Соловецкій монастырь на Бѣломъ морѣ — крайній пунктъ русской колонизаціи на далекомъ сѣверѣ; это — столько же святая обитель для спасенія человѣческихъ душъ, сколько одно изъ крупнѣйшихъ торгово-промышленныхъ предпріятій, снабжавшихъ московское государство солью. Торгово-промышленное хозяйство этого монастыря—одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ въ исторіи русскаго народнаго хозяйства. Монастырь этотъ жилъ нѣсколько особнякомъ въ виду своей отдаленности отъ центра; онъ являлся своеобразнымъ культурнымъ центромъ русскаго Сѣвера, царилъ здѣсь и хозяйственно, и духовно, держа въ своей духовно-хозяйственной кабалѣ массу населенія. Изстари существуя, свято храня преданія старины, монастырь не могъ поддаваться моднымъ вѣяніямъ „греческихъ“ образцовъ и твердо держался старой вѣры, которую унаслѣдовалъ отъ древнихъ угодниковъ. Хозяйственная мощь придавала этой старой вѣрѣ черты необычайной увѣренности въ своей правдѣ и въ кривдѣ московскихъ церковныхъ модниковъ. Тотъ самый Никонъ, который одно время такъ добивался кабацкой реформы, представляя царю Алексѣю соотвѣтственное челобитье (1651 г.), теперь, ставъ патріархомъ, проводилъ въ „греческомъ“ духѣ церковную реформу и пытался закрѣпить въ московской практикѣ элементы восточнаго папизма. Крутое физическое проведеніе церковной реформы, помимо общихъ соціальныхъ условій, прекрасно обезпечивало ей оппозицію на почвѣ не одного только фанатизма, но и явнаго разрыва съ офиціальной традиціей. И если митрополитъ новгородскій Никонъ былъ радикаленъ въ совѣтахъ по кабацкой реформѣ 1651 г., то позднѣе патріархъ московскій Никонъ былъ столь же радикаленъ въ своемъ разрывѣ съ двуперстіемъ, древней богослужебной книгой и съ офиціальной практикой, шедшей отъ Стоглаваго собора. Соловецкій монастырь грудью сталъ за „старую вѣру“; старцы создали крупное движеніе, извѣстное подъ именемъ соловецкаго бунта, описаннаго Семеномъ Денисовымъ въ „исторіи объ отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ“. Милорадовичъ и попытался изобразить этотъ *бунтъ* въ стадіи его первоначальнаго зарожденія на соборѣ соловецкихъ старцевъ. Недоразумѣнія изъ-за новопечатныхъ книгъ возникли въ Соловецкомъ монастырѣ еще въ 1657 г., когда черный соборъ рѣшительно высказался противъ того, чтобы „служить на ляцкихъ крыжахъ по новымъ служебникамъ“. Въ 1666 г. былъ созванъ въ Москвѣ церковный соборъ, на которомъ рѣшенъ былъ окончательно вопросъ о повсемѣстномъ употребленіи новопечатныхъ книгъ, но Соловецкій монастырь не поддавался новшествамъ. Осенью 1666 г. отправился въ монастырь для увѣщанія ярославскаго Спасскаго монастыря архимандритъ Сергій... Собрался *черный соборъ*, выступилъ на немъ съ своими увѣщаніями Сергій, начался страшный шумъ и вопль; монахъ Геронтій, вставъ на стулъ и показывая разсвирѣпѣвшей духовной толпѣ двуперстіе, сталъ читать житіе Евфросина и увѣщевать не прельщаться *московскою ересью*... Положеніе Сергія сразу сдѣлалось критическимъ и даже въ келейной бесѣдѣ съ Геронтіемъ ему пришлось выслушать такія приблизительно слова: „Прежде отъ Соловецкаго монастыря вся русская земля всякимъ благочестіемъ просвѣщалась, и ни подъ какимъ зазоромъ Соловецкій монастырь не бывалъ, яко столпъ, и утвержденіе, и свѣтило сіялъ. Вы теперь новой вѣрѣ отъ грековъ учитесь, а греческихъ архіереевъ самихъ къ намъ въ монастырь подъ началъ посылаютъ, мы ихъ самихъ учимъ, какъ креститься“. Миссія Сергія окончательно раздражила соловецкихъ старцевъ, и великое сѣверное торгово-промышленное братство рѣшило вступить въ открытую военную борьбу съ Москвой. Только 22 января 1676 г. Москвѣ удалось взять цитадель соловецкихъ старцевъ приступомъ и жестоко расплатиться съ своими противниками, изъ которыхъ многіе были разосланы, побиты, казнены. Любопытно при этомъ отмѣтить то направленское разслоеніе, которое равно удручало въ эту эпоху и офиціальную Москву, и областные Соловки...

В. Стор.

Изд. Т-ва „МІРЪ"

О попехъ и о дияконехъ, и о игуменехъ и о ставленикохъ вопросъ 20.— Доселѣ избирали священниковъ пли игуменовъ безпорочныхъ, ненапрасливыхъ, негнѣвливыхъ, непьяницы, неубійцы, нескверностяжательны, страннолюбцы и боголюбцы, цѣломудрени, преподобны, воздержательны отъ всякаго зла и отъ упиванія, добрѣ свѣдуща истинный законъ, яко довольни будутъ насъ научити о Бозѣ, и возрастомъ совершены, аще въ нихъ плодъ духовенъ будетъ, и миръ спасется отъ дѣлъ спасеныхъ и отъ полезнаго ученія. И о семъ достоитъ добрѣ порадѣти, и поразсудити и утвердити по божественному писанію: было бы отъ кого мирской чади страхъ и наказаніе и заповѣди Божія и грѣхомъ обличенія съ утвержеміемъ, знали бы священники совершенный истинный законъ, сами бы творили и дѣтей учили на спасеный путь.

О иже въ церквахъ стоятъ въ тафьяхъ и въ шапкахъ вопросъ 21.— Да по грѣхомъ безстрашіе вошло въ люди: въ церквахъ Божіихъ въ соборныхъ и приходныхъ стоятъ безъ страха и въ тафьяхъ и въ шапкахъ и съ посохи, якоже на торжищи пли на позорищи или на пиру пли яко въ корчемницы, и говоръ и ропотъ и всяко прекословіе и бесѣды и смрадные словеса, пѣнія божественнаго не слышатъ въ глумленіи. Церковь божія устроена на молитву приходити и на оставленіе грѣховъ, и Бога молити со страхомъ, мы же паче на гнѣвъ Бога подвизаемъ.

О попехъ и дияконехъ, иже въ церквахъ поютъ безчинно, вопросъ 22.— Да попы жъ по своимъ церквамъ поютъ безчинно вдвое и втрое, а миряне въ тѣжъ поры промежъ себя глумленіе и всякіе рѣчи говорятъ праздные. Ино обое погибельно, и пастыріе и овцы вкупѣ заблудиша и погибоша. А попы и церковные причетники въ церкви всегда пьяни и безъ страха стоятъ и бранятся, и всякіе рѣчи неподобные всегда изо устъ ихъ исходятъ, а миряне, зря на ихъ безчиніе, гибнутъ, такоже творятъ. Попы же въ церквахъ бьются и дерутся промежъ себя; а въ монастырехъ такое же безчиніе творится.

О попехъ и о дияконехъ, иже не облачаются въ церковь во священные ризы, вопросъ 23.—Да попы мирскіе заутреню и вечерню въ церкви безъ ризъ во единой патрахѣли поютъ, и у престола дѣйствуютъ, и въ царскіе двери всегда ходятъ; а дѣтей крестятъ такоже во единой патрахѣли безъ ризъ, и младенцевъ умершихъ такоже отпѣваютъ безъ ризъ и свадьбы вѣнчаютъ, и молебны и панихиды поютъ. О семъ достойно вельми побесѣдовати, и въ правилехъ и святыхъ книгахъ довольно обыскавъ утвердити, чтобы было не на погибель душамъ и Бога не прогнѣвати въ такомъ безстрашіи.

О церковныхъ пономарехъ и диякехъ вопросъ 24.—Да пономари и дьяки, двоеженцы и троеженцы, входятъ въ олтарь и ко святымъ касаются, а по правиломъ мирянину двоеженцу до уреченного времени въ церковь не входити, а троеженцу наипаче запрещено. Достоитъ о семъ запретити и утвердити, чтобы вдовцы и неженатые пономари не были, по разсуженію учите.

Иже брѣютъ главы и брады вопросъ 25.—Да по грѣхомъ слабость и небреженіе и нерадѣніе вниде въ миръ въ нынѣшнее время: наричаемся хрестьяне, а въ тридцать лѣтъ и старые главы брѣютъ и брады и усъ, и платье и одежи иновѣрныхъ земель носятъ. То почему познати хрестьянъ.

Иже хрестьяне рукою крестятся не по существу вопросъ 26.—Иже крестьяне рукою крестятся не по существу и крестное знаменіе не по

существу кладутъ на себе,—отцы духовные о семъ не радятъ и не поучаютъ.

Иже крестьяне кленутся и лаются вопросъ 27.—Кленутся имянемъ Божіимъ во лжу всякими клятвами и лаются безъ зазору всегда всякими укоризнами неподобными скаредными.

Вопросъ 28.—И богомерзкими рѣчьми, иже не подобаетъ хрестьяномъ, и во иновѣрцехъ такое безчиніе не творится,—какъ Богъ терпитъ нашему безстрашію.

О непокаяніи грѣхъ нашихъ вопросъ 29.—Да и о иныхъ тяжкихъ винахъ духовнѣ бесѣдовати довлѣетъ, за что гнѣвъ Божій приходитъ на землю сію и всякія казни праведнаго гнѣва Божія. Да еще не до конца прогнѣвася Господь, наказуетъ милостію, а ждетъ нашего покаянія и обращенія отъ всякихъ золъ, паче же отъ блуда любодѣйнаго и прелюбодѣйства и содомства, и неправедныхъ судій и гордости и зависти. Помыслимъ предняя, почто весь миръ Господь потопи, Ноя единаго соблюде, не блуда ли ради; а Содомъ и Гоморъ огнь пояде за что, единаго Лота праведнаго изведе, не отроческаго ли ради блуда; а Ниневій градъ великій погибе, котораго ради грѣха; и въ новомъ законѣ Царьградъ, за что Господь предалъ иноплеменникомъ и безбожнымъ туркомъ. А насъ чѣмъ Господь не наказа за грѣхи наши, нынѣ вся злая пострадахомъ отъ враговъ своихъ и отъ великаго Божія наказанія, и какіе грѣхи не сбышася въ насъ, и о семъ вельми надобе поболѣти и поскорбѣти и исправити вины грѣховныя, негли Господь милость свою послетъ на грѣшныя рабы своя: паче же запретити о любодѣйствѣ и прелюбодѣйствѣ и о зломъ содомскомъ блудѣ, неподкновенно утверждайте сіе.

О ружныхъ попѣхъ вопросъ 30.—Ружные попы по предѣломъ и по соборнымъ церквамъ ругу емлютъ, хлѣбъ годовой и деньги и пшеницу на проскуры и воскъ на свѣчи, а предѣльные попы свѣчи и прилѣпы и мѣсячные, да они же емлютъ и молебные денги и понахидные и праздничные изъ казны, и кутью на понахиды и канунъ и свѣчи и проскуры за зборы и столы праздничные и заупокойные; а только у своего храму на праздникъ обѣдню одинова въ годъ, а ни въ суботу за упокой, ни въ недѣлю за здравіе, ни во владычни праздники, ни великимъ святымъ, ни за упокой по родителехъ обѣдни не поютъ, ни понахиды, ни молебновъ, ни заутрени, ни часовъ, ни вечерни ничего не поютъ во своихъ предѣлехъ. О томъ разсудити кому та руга и милостыня въ ползу, отъ прежнихъ временъ тако ся творитъ. Да въ нынѣшнія лѣта временники причли къ соборомъ своихъ поповъ и ругу и милостыню изъ нашіе казны устроили—что о томъ учинити.

О ружныхъ церквахъ и о монастырехъ вопросъ 31.—Отецъ мой князь великій Василей Ивановичь всеа Русіи ѣздилъ по чюдотворнымъ мѣстомъ молитися и давалъ по многимъ монастыремъ богатымъ и убогимъ милостыню въ приказъ хлѣбъ и соль, и денги и воскъ на свѣчи и медъ на кутью, и пшеницу на проскуры; и послѣ того матушка не сполна же въ приказъ давала, и послѣ матушки до моего возраста многіе монастыри грамоты поимали по вся годы имати милостыню впрокъ въ ругу, а иные монастыри и церкви многіе приходные вновѣ въ тѣже времена грамоты поимали ругу имати изъ казны; а у тѣхъ монастырей села есть и иные доходы; а у приходныхъ церквей се приходъ улица; а у иныхъ села есть, да и огороды и сады и пожни и иные пошлины и лавки поземные, да и мою ругу въ тѣ времена устроили же себѣ изъ казны. И

о томъ какъ впредь быти. А убогихъ монастырей и неприходныхъ церквей достоитъ устроити по разсуженію.

О птицахъ и зайцехъ о удавленинѣ вопросъ 32.—Продаютъ въ торгу по всѣмъ градомъ и по всѣмъ землямъ моего государства всякіе птицы и зайцы давленину, а не колото живо и кровь не точена, и о семъ въ заповѣдехъ Божіихъ вельми возбраняетъ хрестьяномъ довленина ясти. Достоитъ о семъ законоположеніе разсудно утвердити, чтобы хрестьянскіе души давлениною не осквернялися.

О еже на вечерняхъ святыя славы не поютъ и на заутреняхъ славословія вопросъ 33.—Коея ради вины въ нашемъ царствѣ на Москвѣ и во всѣхъ московскихъ предѣлехъ въ соборныхъ церквахъ и въ приходныхъ, окромѣ монастырей, по воскреснымъ вечернямъ и по праздничнымъ и великимъ святымъ, егда выходъ бываетъ, святыя славы не поютъ, рѣчью говорятъ; а на заутрени въ недѣлю и въ праздники славословія не поютъ же, якоже и въ прочіи простые дни рѣчью говорятъ. А во уставѣ назначено нарочитымъ святымъ славословіе великое: то ему почесть.

О иже на литоргіяхъ Отца и Сына не поютъ вопросъ 34.—Да на божественной литоргіи Отца и Сына и святаго Духа, святую Троицу единосущную и нераздѣльную, всегда не поютъ, рѣчью говорятъ. А въ нашемъ царствѣ, какъ есми былъ въ Новѣгородѣ въ Великомъ, и во Псковѣ во святей Софѣи премудрости Божіи, и у живоначальной Троицы и во всѣхъ святыхъ Божіихъ церквахъ по воскреснымъ днемъ и по господскимъ праздникомъ и нарочитымъ святымъ на вечерни, когда выходъ святыя славы поютъ, и славословіе поютъ же на заутрени въ воскресныя дни и въ праздники, когда во уставѣ молвлено славословіе великое, а въ простые дни, говорятъ, Отца и Сына и святаго Духа на божественной литоргіи по вся дни поютъ. И о семъ, како достоитъ здѣсе быти, и вы соборне уложите.

О животворящемъ крестѣ вопросъ 35.—Да о животворящемъ крестѣ Господни, на церквахъ водружаютъ, назнаменати како достоитъ и лѣпо ему быти.

О иже не вносити въ олтарь пьянственнаго питія вопросъ 36.—О святыхъ Божіихъ церквахъ, о жертвенникѣ и о кутейникѣ—приносятъ боголюбцы ко святымъ Божіимъ церквамъ ладанъ и ѳиміянъ, и свещи и просвиры, то во святый жертвенникъ и во святый олтарь вносится по уставу; тѣже крестьяне приносятъ кутію и канунъ за здравіе и за упокой, и на великъ день пасху сыръ и яица и ряби печены, и во иные дни калачи и пироги и блины и короваи и всякіе овощи. Въ Новѣгородѣ и во Псковѣ на то устроенъ кутейникъ во всякой церкви, здѣ же убо та вся потребная вноситъ въ жертвенникъ и во святый олтарь, а правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ о семъ запрещаютъ. И впредь како сему достоитъ быти.

Иже иноки и инокини во единомъ монастырѣ живутъ вопросъ 37.—Въ нашемъ царствѣ на Москвѣ и во всѣхъ градѣхъ монастыри особные: живетъ въ немъ игуменъ да черница два или три и гдѣ како ся лучило; да тутъ же въ монастырѣ миряне съ женами и съ дѣтьми живутъ. А въ которомъ монастырѣ живутъ черницы, ино въ томъ монастырѣ такоже живутъ миряне и холостые и съ женами. Пригоже ли то такъ быти. А въ иномъ монастырѣ черницы и чернцы живутъ, а убогіе чернцы и черницы по миру скитаются и тѣмъ нигдѣ покою нѣтъ, ни въ которомъ монастырѣ не пріимутъ. А попы и дьяконы и дьяки и пономари

съ женами тутъ же съ черницами въ монастырѣ вмѣстѣ живутъ. По правиломъ святыхъ отецъ како достоитъ тому быти, тако бы на святомъ соборѣ и уложити во вѣки неподвижимо.

И о сихъ доздѣ царевы вопросы.

Глава шестая.

И о тѣхъ о всѣхъ царскихъ вопросѣхъ соборной отвѣтъ.

. . . . . .

. . . . . .

О дьяцѣхъ хотящихъ во дьяконы и въ попы [1]) ставитися. Глава 25.

О ставленикехъ хотящихъ во дьяконы и въ попы ставитися, а грамотѣ мало умѣютъ, и святителемъ ихъ поставити ино сопротивно священнымъ правиломъ, а не поставити ино святыя церкви безъ пѣнія будутъ, а православные хрестьяне учнутъ безъ покаянія умирати. И святителемъ избирати по священнымъ правиломъ въ попы ставити 30 лѣтъ, а въ діаконы 25 лѣтъ, а грамотѣ бы умѣли, чтобы могли церковь Божію содержати, и дѣтей своихъ духовныхъ православныхъ хрестьянъ управити могли по священнымъ правиломъ. Да о томъ ихъ святители истязуютъ съ великимъ запрещеніемъ, почему мало умѣютъ грамотѣ, и они отвѣтъ чинятъ, мы де учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а инде намъ учитися негдѣ, сколько отцы наши и мастеры умѣютъ, потому и насъ учатъ; а отцы ихъ и мастеры ихъ и сами потомужъ мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, а учитися имъ негдѣ. А прежде сего въ російскомъ царствіи на Москвѣ и въ Великомъ Новѣгородѣ и по инымъ городомъ многія училища бывали, грамотѣ и писати и пѣти и чести учили, и потому тогда грамотѣ и писати и пѣти и чести гораздыхъ много было. Но пѣвцы и четцы и добры писцы славны были по всей земли и доднесь.

О училищахъ книжныхъ по всѣмъ [2]) градомъ. Глава 26.

И мы о томъ по царскому совѣту соборне уложили въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градомъ тѣмъ же протопопомъ и старѣйшимъ священникомъ и со всѣми священники и дьяконы, кійждо во своемъ градѣ по благословенію своего святителя избрати добрыхъ духовныхъ священниковъ и дьяконовъ и дьяковъ женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцы страхъ Божій, могущихъ и иныхъ пользовати, и грамотѣ бы и чести и писати горазди. И у тѣхъ священниковъ, и у дьяконовъ, и у дьяковъ учинити въ домѣхъ училища, чтобы священницы и дьяконы и всѣ православные хрестьяне въ коемждо градѣ предавали имъ своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ и на ученіе книжнаго писма и церковнаго пѣтія псалтырнаго и чтенія налойнаго. И тѣ бы священники и дьяконы и дьяки избранные учили своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ и писати и пѣти и чести со всякимъ духовнымъ наказаніемъ. Наипаче же всего учениковъ бы своихъ брегли и хранили во всякой чистотѣ и блюли ихъ ото всякого растлѣнія, наипаче же отъ

---

[1]) Частью отвѣтъ на вопросъ 20-й. См. выше на стр. 9.

[2]) Отвѣтъ на вопросъ 6-й. См. выше на стр. 6.

сквернаго содомского грѣха и рукоблудія и ото всякія нечистоты, чтобы имъ вашимъ бреженіемъ и поученіемъ, пришедъ въ возрастъ, достойнымъ быти священническаго чину. Да учениковъ же бы есте своихъ во святыхъ церквахъ Божіихъ наказывали и учили страху Божію и всякому благочинію, псалмопѣнію и чтенію и пѣнію и канарханію по церковному чину. А учили бы есте своихъ учениковъ грамотѣ довольно, сколько сами умѣете, и силу бы имъ въ писаніи сказывали по данному вамъ отъ Бога таланту, ничтоже скрывающе, чтобы ученицы ваши всѣ книги учили, которые соборная святая церковь пріемлетъ, чтобы потомъ и впредь могли не токмо себе, но и протчихъ пользовати и учити страху Божію о всѣхъ полезныхъ. Также бы учили своихъ учениковъ чести и пѣти и писати, сколько сами онѣ умѣютъ, ничтоже скрывающе, но отъ Бога мзды ожидающе, а и здѣ отъ ихъ родителей дары и почести пріемлюще по ихъ достоинству.

О святыхъ иконахъ и о исправленіи[1]) книжномъ. Глава 27.

Да протопопомъ же и старѣйшимъ священникомъ и избраннымъ священникомъ со всѣми священники въ коемждо градѣ во всѣхъ святыхъ церквахъ дозирати святыхъ иконъ и священныхъ сосудовъ, и всякого церковного чину служебнаго, и на престолехъ святыхъ антимисовъ дозирати и священныхъ книгъ святыхъ евангелей и апостолъ и прочихъ святыхъ книгъ, ихже соборная церкви пріемлетъ. И которые будутъ святыя иконы состарѣлися, и имъ тѣ велѣти иконникомъ починивати, а которые будутъ мало олифены, и онѣ бъ тѣ иконы велѣли олифити. А которые будутъ святыя книги евангеліе и апостолы и псалтыри и прочая книги въ коейждо церкви обрящете неправлены и описливы, и вы бы тѣ всѣ святыя книги съ добрыхъ переводовъ справливали соборне, занеже священныя правила о томъ запрещаютъ и не повелѣваютъ неправленыхъ книгъ въ церковь вносити, ниже по нихъ пѣти.

О книжныхъ[2]) писцѣхъ. Глава 28.

Также которые писцы по городомъ книги пишутъ, и вы бы имъ велѣли писати съ добрыхъ переводовъ, да написавъ правили, потомъ же бы и продавали, а, не правивъ бы, книгъ не продавали. А которой писецъ, написавъ книгу, продастъ не справивъ, и вы бы тѣмъ возбраняли съ великимъ запрещеніемъ; а кто у него неисправлену книгу купитъ, и вы бы тѣмъ потому же возбраняли съ великимъ запрещеніемъ, чтобы впредь тако не творили. А впредь таковіи обличени будутъ продавецъ и купецъ, и вы бы у нихъ тѣ книги имали даромъ безо всякаго зазору, да исправивъ отдавали въ церкви, которые будутъ книгами скудны. Да видя таковая вашимъ бреженіемъ и прочіе страхъ пріимутъ. И вы бы о всѣхъ о тѣхъ предиреченныхъ церковныхъ чинѣхъ, и о честныхъ иконахъ, и о святыхъ книгахъ и о всемъ о томъ потщалися совершити и исправити елика ваша сила. И за то отъ Господа Бога велику мзду воспріимете, и отъ благочестиваго царя хвалу и честь, и отъ нашего смиренія соборное благословеніе, а ото всего народа благодареніе и

[1]) Отвѣтъ на 3-й вопросъ. См. выше на стр. 5.
[2]) Отвѣтъ на вопросъ 5-й. См. выше на стр. 5—6.

хваленіе за ваши священническія труды и подвиги. И аще сія со благодареніемъ и хотѣніемъ сердечнымъ исправити потщитеся, то съ радостію ожидайте сугубы мзды отъ Бога и царства небеснаго по реченному Христову словеси: добрый мой рабе благій и вѣрный, мале бысть вѣренъ, надъ многими тя поставлю, вниди въ радость Господа своего и прочее. И сія убо доздѣ священству вашему написахомъ.

. . . . . .

Далѣе въ главѣ 31 находится знаменитый отвѣтъ на приведенный выше на стр. 9—10 вопросъ (срв. ниже на стр. 21).

Такоже бы священныя протопопы, и священники, и дьяконы на себѣ воображали крестное знаменіе крестообразно и по чину, и благословляли бы протопопы и священники православныхъ крестьянъ крестообразно же, якоже предаша святіи отцы, такъ же бы и дѣтей своихъ и всѣхъ православныхъ крестьянъ поучали и наказывали, чтобы себя ограждали крестнымъ знаменіемъ по чину и знаменовалися крестообразно: правую бы руку, сіирѣчь десницу, уставливали ко крестному воображенію, большей палецъ да два нижніи перста воедино совокупивъ простеръ и мало нагнувъ. Тако благословити святителемъ и іереомъ, и на себя крестное знаменіе рукою возлагати *двема персты*, якоже предаша святіи отцы воображати крестное знаменіе: первое возлагати на чело, таже на лѣвое плечо, то-есть истинное воображеніе крестнаго знаменія, и потомъ покланятися душею и тѣломъ, умомъ и сердцемъ, и всѣмъ помышленіемъ . . . . . Такоже подобаетъ и всѣмъ православнымъ крестьяномъ руку уставляти и *двема персты* крестное знаменіе на лицѣ своемъ воображати и покланятися, якоже и преди рѣхомъ. Аще ли кто *двема персты* не благословляетъ, якоже и Христосъ, или не воображаетъ крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ,—святіи отцы рекоша . . . .

Вслѣдъ за отвѣтами «о таѳьяхъ безбожнаго Махмета» *и* «отъ священныхъ правилъ о постриженіи брадъ», *составляющими 39-ую и 40-ую главы, читается 41-ая глава.*

О тридесяти и дву царскихъ вопросехъ и соборные отвѣты по главамъ. На томъ же соборѣ царевы вопросы тридесять и два. Глава 41.

Вопросъ 1.—У святѣй Троицы пишутъ перекрестіе ови у среднего, а иные у всѣхъ трехъ, а въ старыхъ письмахъ и въ греческихъ подписываютъ святая Троица, а перекрестья не пишутъ ни у единаго; а нынѣ подписываютъ у среднего Ісусъ Христосъ да святая Троица. И о томъ разсудити отъ божественныхъ правилъ, како нынѣ то писати.

И о томъ отвѣтъ. Писати живописцемъ иконы съ древнихъ образовъ, какъ греческіе живописцы писали, и какъ писалъ Андрей Рублевъ, и прочіи пресловущіи живописцы, и подписывати святая Троица, а отъ своего замышленія ничтоже претворяти.

Вопросъ 2.—Иная убо творится въ простой чади въ миру. Дѣти родятся въ сорочкахъ, и тѣ сорочки приносятъ къ попомъ и велятъ ихъ класти на престолъ до шти недѣль.

И о томъ отвѣтъ. Впредь таковыя нечистоты и мерзости во святыя церкви не приносити и на престолѣ до шти недѣль не класти, понеже и родившая жена до четыредесяти дней, дондеже очистится, во святую

церковь не входитъ; аще ли который священникъ таковая дерзнетъ сотворити, и тому быти подъ запрещеніемъ священныхъ правилъ.

Вопросъ 3 —Да на освященіе церкви миряне приносятъ мыло и велятъ священникомъ на престолѣ держати до шти недѣль.

И о томъ отвѣтъ. Впредь священникомъ на освященіе церкви отъ мирянъ мыло не пріимати и на престолѣ до шти недѣль не держати; аще ли которой священникъ дерзнетъ таковая сотворити, и тому быти во отлученіи по священнымъ правиломъ.

Вопросъ 4.—О ставленикахъ о пошлинахъ уложити у всѣхъ бы владыкъ ровно имали, такоже отъ благословенныхъ, отъ отпускныхъ, отъ настольныхъ грамотъ, и отъ патрахѣльныхъ, и отъ уларныхъ. О пошлинахъ о семъ о томъ на соборѣ указъ учинити: вездѣ и всѣмъ бы было ровно.

И о томъ отвѣтъ. Митрополиту и архіепископомъ и епископомъ имати отъ ставленниковъ на весь соборъ за всѣ пошлины въ дьяконы поставити и въ попы совершити рубль московской да благословеная гривна, а въ одны дьяконы полтина да благословеная гривна; а готоваго дьякона въ попы совершити полтина же да благословеная гривна; а отъ настольныхъ грамотъ архимаричихъ и игуменскихъ по рублю; а отъ благословеныхъ и отъ отпускныхъ грамотъ по полтинѣ; а отъ патрахѣльныхъ и отъ уларныхъ грамотъ не имати ничего развѣе писчего алтына и печатнаго алтына же. Да митрополиту же и архіепископомъ и епископомъ дѣтей у себя и племянниковъ не держати, также и по всѣмъ честнымъ монастыремъ общимъ и особь сущимъ архимаритомъ и игуменомъ дѣтей своихъ и племянниковъ у себя въ монастырѣхъ не держати же.

Вопросъ 5.—Да о псковскомъ чюдотворцѣ Ефросинѣ, да о смолянскомъ чюдотворцѣ Аврамiѣ на соборѣ уложити, какъ имъ праздновати.

И о томъ отвѣтъ. Праздновати имъ какъ и прочимъ святымъ преподобнымъ отцемъ, пѣти на вечернѣ блаженъ мужъ и прочая служба по божественному уставу все сполна.

Вопросъ 6.—Святая вода крестити по правиломъ святыхъ отецъ единымъ крестомъ воздвизати въ три погруженія, нѣцыи же отъ невѣдѣнія или отъ неразумія совокупляютъ многія кресты и иконы съ мощми и тѣми крестятъ, и о томъ разсудити и утвердити по божественнымъ правиломъ.

И о томъ отвѣтъ. Крестити вода единымъ святымъ крестомъ въ три погруженіи, а прочіе святые кресты и святые иконы съ святыми мощми тута же на блюдѣ архидьяконъ или дьяконъ держитъ, и святитель или іерей погружаетъ святый крестъ да надъ мисою держитъ трижды, и потомъ кропитъ святою водою со всѣхъ крестовъ, и прочая вся совершаютъ по божественому уставу.

Вопросъ 7.—На иконахъ пишутъ: пріидѣте людіе трисоставному Божеству поклонимся, и въ исподнемъ ряду пишутъ цари и князи и святители и народи, которые живи суще—и о томъ поразсудити. Также пишутъ и пречистыя Богородица образъ въ дѣяніи, иже есть на Тихвинѣ, и цари и князи и народи предстоятъ молящеся, которыи живи суть,—и о томъ разсудити отъ святыхъ отецъ писаній, достоитъ ли писати живыхъ и мертвыхъ на святыхъ иконахъ молящихся.

И о томъ отвѣтъ. Отъ древнихъ святыхъ отецъ преданіе и отъ пресловущихъ живописцовъ греческихъ и русскихъ свидѣтельствуютъ

и на святыхъ иконахъ воображены и написаны, якоже и на воздвиженіе честнаго и животворящаго креста, не токмо царіе и святители и князи и прочіе народы многая множество всяческихъ чиновъ, такоже и на покровъ пресвятыя Богородица, егда видѣ святый Андрѣй Богородицу молящуся со всѣми святыми за весь миръ, безчисленная множества народа написано; такоже и на происхожденіе честнаго креста не токмо царіе и князи, но и множество безчисленно народа написани суть; на страшномъ же судѣ на иконахъ воображаютъ и пишутъ не токмо святыхъ, но и невѣрныхъ многіе и различные лики ото всѣхъ языкъ.

Вопросъ 8.—На святыхъ церквахъ ставятъ кресты по древнему закону. Нынѣ убо вдруженъ крестъ животворящій на соборной церкви пречистыя Богородица честнаго и славнаго ея успенія на новопозлащенномъ версѣ, якоже есть въ церквахъ воздвизальной крестъ, имже благословляютъ,—и о томъ разсудити и уложити на святомъ соборѣ, которымъ образомъ впредь ставити крестъ на церквахъ, и о тѣхъ крестѣхъ, которые стоятъ на церквахъ достоитъ поразсудити.

И о томъ отвѣтъ. Якоже искони на святыхъ церквахъ святые кресты водружены и поставлены, и доднесь такоже да пребываютъ неподвижимы; такоже и нынѣ убо водруженъ бысть и поставленъ святый крестъ благочестивымъ царемъ Іваномъ на соборной церкви пречистыя Богородицы на новопозлащенномъ версѣ, якоже есть воздвизальной крестъ, имже благословляютъ. И тако достоитъ на славу Богу и на умноженіе лѣтъ благочестивому царю Івану и на сохраненіе всего его російского царьствія, и таковыя святыя кресты на церквахъ и впредь да поставляются же. А что на многихъ церквахъ стоятъ святыя кресты, и на тѣхъ крестѣхъ придѣлаютъ кузнецы на всѣхъ концехъ иные меньшіе кресты по два и по три вмѣстѣ, и тѣ меньшіе кресты бурею и сильнымъ вѣтромъ почасту ламаетъ, и впредь бы кузнецы дѣлали кресты по чину и крестообразно по древнимъ образцомъ, якоже уставиша и предаша святіи апостоли и святіи отцы, а по концамъ бы надѣлывали крѣпости для по единому кресту со всяцѣмъ утвержденіемъ, а отъ своего бы замышленія ничтоже не претворяли кромѣ церковнаго преданія.

Вопросъ 9.—Во уставѣ написано въ суботу вечеръ, такоже и праздникомъ христовымъ и богородицынымъ и святыхъ нарочитыхъ, пѣти литѣя, а по вся дни за упокой пѣти литѣя послѣ заутрени и вечерни, а въ которой день славословіе великое поется, тогда оставляется литѣя заупокойная, и здѣ въ соборныхъ церквахъ того не поютъ.

И о томъ отвѣтъ. По божественному уставу во всѣхъ святыхъ соборныхъ церквахъ праздничные литѣи и повсядневные литѣи пѣти неотложно, за здравіе и за упокой поминати якоже уставъ повелѣваетъ.

Вопросъ 10.—Да въ уставѣ же писано пѣти по недѣлямъ отъ воздвиженьева дни честнаго креста до сырные недѣли, хвалите имя Господне и исповѣдайтеся Господеви, а третій псаломъ на рѣцѣ вавилонстѣй пѣти трижды въ году, въ недѣлю блуднаго и мясопустную и сыропустную—коея ради вины здѣся того не поютъ.

И о томъ отвѣтъ. По всѣмъ святымъ соборнымъ церквамъ пѣти всѣ три псалмы неотложно по божественному уставу.

Вопросъ 11.—Предтечеву часть выимаютъ малу, якоже изъ приносимыя просвиры, и кладутъ съ приношеніемъ вкупѣ. Достоитъ убо по уставу выимати предтечеву часть, якоже и пречистые часть, и класти на лѣвой

сторонѣ агнца противу пречистой части, а приношенье кладется на средѣ въ подножіи агнца.

И о томъ отвѣтъ. Достоитъ убо по уставу выимати предтечеву часть, якоже и пречистые часть, мало поменши и класти на лѣвой странѣ агнца противу пречистые части, а прочіи части приношеній кладутся на средѣ въ подножіе святаго агнца.

Вопросъ 12.—Въ Великомъ Новѣгородѣ во святѣй Ссфѣи въ соборной церкви, и внутри города, и по посаду по всѣмъ церквамъ и въ монастырѣхъ опослѣ проскомисанія и часовъ священникъ глаголетъ отпустъ въ царскихъ дверехъ велегласно, а здѣся въ соборной церкви и во всѣхъ церквахъ предъ обѣднею въ царскихъ дверехъ отпуста не глаголютъ—како тому достоитъ быти.

И о томъ отвѣтъ. По всѣмъ святымъ церквамъ послѣ часовъ отпустъ творити въ царскихъ дверехъ и, прощеніе получивъ, потомъ обѣдню начинаютъ и прочая вся совершаютъ по божественному уставу.

Вопросъ 13.—Въ дѣвичихъ монастырехъ черницамъ достоитъ ли отъ мирскихъ поповъ пріимати святыхъ таинъ, аще ли вскорѣ случится въ нощь или въ день, игумену отцу духовному далече сущу—какъ тому достоитъ быти.

И о томъ отвѣтъ. Достоитъ всякому священноиноческому и иноческому чину отъ мирскаго священника причаститися кромѣ покаянія, и о томъ свидѣтельствуютъ священная правила: аще который священноинокъ или инокъ или инокиня не пріемлетъ причастія отъ мирскаго священника, имущаго жену, таковый да будетъ проклятъ.

Вопросъ 14.—Въ Новѣгородѣ въ Великомъ попы и дьяконы и дьяки и пономари и проскурницы и притворяне уличане къ церкви пріимаютъ и на нихъ емлютъ денги великіе: на попѣ рублевъ пятнадцать, а на иномъ двадцать, а у иного тридцать, да съ тѣмъ идутъ ко владыкѣ всею улицею; а только владыка попа пришлетъ къ которой церкви, хотя грамотѣ гораздъ и чювственъ, а только многихъ денегъ уличаномъ не дастъ, и они его не пріимутъ.

И о томъ отвѣтъ. По всѣмъ святымъ церквамъ въ митрополіи и во архіепископьяхъ и въ епископьяхъ избираютъ прихожане священниковъ и дьяконовъ и дьяковъ искусныхъ, и грамотѣ гораздыхъ, и житіемъ непорочныхъ, и денегъ у нихъ отъ церкви и себѣ мзды не емлютъ ничего, и приводятъ ихъ и приходятъ съ ними ко святителю. И святитель, ихъ поучивъ и наказавъ, благословляетъ и не емлетъ съ нихъ ничего развѣе благословенные гривны; а отъ проскурницъ и отъ пономарей и сторожей попомъ и уличаномъ и прихожаномъ посуловъ не имати ничего, но Бога ради избирати священниковъ содного, чтобы были искусны и непорочны отъ всякого зазору неподобнаго.

Вопросъ 15.—Также и дворецкіе, и дьяки, и во Псковѣ намѣстникъ владычень ставятъ сами поповъ къ ружнымъ церквамъ и на нихъ и на всемъ причтѣ церковномъ великіе жъ денги емлютъ, а того не пытаютъ, которой грамотѣ гораздъ и чювственъ и достоинъ священническаго чину, только того и пытаютъ, кто имъ больши денегъ дастъ.

И о томъ отвѣтъ. Дворецкимъ, и намѣстникомъ, и дьякомъ избирати священниковъ и дьяконовъ къ ружнымъ церквамъ искусныхъ и грамотѣ гораздыхъ, а отъ того имъ денегъ и мзды не имати.

Вопросъ 16.—Въ мирскихъ свадбахъ играютъ глумотворцы и арганщики, и смѣхотворцы и гусельники и бѣсовскіе пѣсни поютъ, и какъ

къ церкви вѣнчатися поѣдутъ, священникъ со крестомъ ѣдетъ, а передъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рыщутъ, а священницы имъ о томъ не возбраняютъ, и священникомъ о томъ достоитъ запрещати.

И о томъ отвѣтъ. Къ вѣнчанію ко святымъ церквамъ скоморохомъ и глумцомъ предъ свадбою не ходити, и о томъ священникомъ такимъ запрещати съ великимъ запрещеніемъ, чтобы таковое безчиніе никогдаже не именовалося.

Вопросъ 17.—Да въ нашемъ же православіи тяжутся, нѣцыи же непрямо тяжутся и, поклепавъ, крестъ цѣлуютъ или образы святыхъ, и на полѣ бьются и кровь проливаютъ, и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ, кудесы бьютъ и во аристотелевы врата и въ рафли смотрятъ, и по звѣздамъ и по планитамъ глядаютъ и смотрятъ дней и часовъ, и тѣми дьявольскими дѣйствы миръ прельщаютъ и отъ Бога отлучаютъ. И на тѣ чарованія надѣяся, поклепца и ябедникъ не мирится и крестъ цѣлуетъ и на полѣ бьются и, поклепавъ, убиваютъ.

И о томъ отвѣтъ. Благочестивому царю въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градомъ своя царская заповѣдь учинити, чтобы таковыя волхвы и чародѣи и кудесники, и смотрящіи во рафли и во аристотелевы врата и по звѣздамъ и по планитамъ смотря дней и часовъ, и тѣми дьявольскими дѣйствы миръ прельщаютъ, и отъ Бога отлучаютъ, и прочая еллинская бѣсованія творятъ, и таковая вся богомерзкая прелесть и святыми отцы отречена бысть. И отнынѣ бы и впредь та ересь попрана бы была до конца въ твое христолюбивое царство. Аше ли кто впредь отъ православныхъ хрестьянъ учнетъ таковыми чародѣйствы въ народѣ, или по домомъ, или у поль прельщати и потомъ обличени будутъ, и таковымъ отъ царя въ великой опалѣ быти; а тѣмъ православнымъ хрестьяномъ, которые учнутъ отъ нихъ то еллинское и бѣсовское чарованіе пріимати, всячески отъ церкви отверженнымъ быти по священнымъ правиломъ.

Вопросъ 18.—Да во Псковѣ градѣ моются въ баняхъ мужи и жены и черницы и черницы въ одномъ мѣстѣ безъ зазору, достоитъ о томъ запретити, чтобы престали отъ того безчинія. А по правиломъ святыхъ отецъ не подобаетъ мытися мужу съ женою въ бани въ одномъ мѣстѣ.

И о томъ отвѣтъ. По священнымъ правиломъ не подобаетъ въ баняхъ мужемъ съ женами въ одномъ мѣстѣ мытися, такоже иноком и иноким возбраниша и запретиша въ баню ходити, аще ли внидутъ, да подъ запрещеніемъ будутъ священныхъ правилъ.

Вопросъ 19.—Да по дальнимъ странамъ ходятъ скоморохи, совокупяся ватагами многими до штидесяти и до семидесяти и до ста человѣкъ, и по деревнямъ у крестьянъ сильно ядятъ и піютъ и изъ клѣтей животы грабятъ, а по дорогамъ разбиваютъ.

И о томъ отвѣтъ. Благочестивому царю своя царская заповѣдь учинити, якоже самъ вѣсть, чтобы отъ нихъ впередь такова насильства и безчинія не было нигдѣже никогдаже.

Вопросъ 20.—Да дѣти боярскіе, и люди боярскіе, и всякіе бражники зернью играютъ и пропиваются, ни службы служатъ, ни промышляютъ, и отъ нихъ всякое зло чинится, крадутъ и разбиваютъ и души губятъ. И то бы зло искоренити.

И о томъ отвѣтъ. Благочестивому царю въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градомъ свою царскую заповѣдь учинити, чтобы

дѣти боярскіе, и люди боярскіе, и всякіе бражники зернью не играли и по корчмамъ не пили и прочего зла не творили, и жили бы покрестьянски, и были бы довольни своими оброки.

Вопросъ 21.—Да по погостомъ, и по селомъ, и по волостемъ ходятъ лживые пророки мужики и жонки, и дѣвки и старыя бабы, наги и босы, и волосы отрастивъ и распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являются святая пятница и святая Анастасія, и велятъ имъ заповѣдати хрестьяномъ каноны завѣчивати, они же заповѣдаютъ крестьяномъ въ среду и въ пятницу ручнаго дѣла не дѣлати, и женамъ не прясти и платья не мыти, и каменья не разжигати, и иные заповѣдаютъ богомерзкіе дѣла творити кромѣ божественныхъ писаній, что тѣмъ нагимъ и босымъ и лживымъ пророкамъ путь, чтобы миру не соблажняли.

И о томъ отвѣтъ. Благочестивому царю здѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и по всѣмъ градомъ, и по волостемъ, и по погостомъ, и по селомъ велѣти своя царская заповѣдь учинити. И гдѣ таковые прелестники, нарицаемые лживые пророки, обрящутся и учнутъ смущати православныхъ крестьянъ всякими богомерзкими прельщеніи, отъ сновъ смущаеми и отъ бѣсовъ прельщаемы, учатъ и заповѣдываютъ въ среду и пятницу ручнаго дѣла не дѣлати, и женамъ не ткати, ни прясти и платья не мыти и каменья не разжигати, и иные заповѣдаютъ богомерзкіе дѣла творити, отъ бѣсовъ прельщаеми,—и такихъ бы прелестниковъ православные хрестьяне не слушали и изъ домовъ отъ себя изгоняли и отъ нихъ удалялися, понеже святіи апостоли и святіи отцы предаша и заповѣдаша и уставиша всѣмъ православнымъ крестьяномъ въ пять дній дѣлати, а въ суботу и въ недѣлю на молитву упражнятися и празновати; также заповѣдаша всѣмъ православнымъ хрестьяномъ чрезъ весь годъ въ среду и въ пятокъ не токмо поститися, но и тружатися во всякихъ подвизѣхъ, и дѣлати своима рукама. И заповѣдь учиниша по священнымъ правиломъ: аще кій епископъ, или презвитеръ, или дьяконъ, или всякъ причетникъ, или мірской человѣкъ въ четыредесятницу и чрезъ весь годъ въ среду и въ пятокъ не постится, таковый да отлучится. И того бы ради православные хрестьяне таковыхъ прелестниковъ однолично не слушали, а въ среду бы и въ пятокъ не токмо постилися и чисто жили, но и всякими дѣлы тружалися въ славу Божію по своей силѣ.

Вопросъ 22.—Злыя ереси кто знаетъ ихъ и держится рафли, шестокрылъ, вороногай, остромій, зодѣй, алманахъ, звѣздочетьи, аристотель, аристотелевы врата, и иные составы и мудрости еретическія и кобы бѣсовскіе, которые прелести отъ Бога отлучаютъ, и въ тѣ прелести вѣруючи многихъ людей отъ Бога отлучаютъ, и погибаютъ.

И о томъ отвѣтъ. Не токмо благочестивому царю въ царствующемъ градѣ Москвѣ, но и по всѣмъ градомъ царскую свою грозную заповѣдь учинити, да и всѣмъ святителемъ коемуждо во своемъ предѣлѣ по всѣмъ градомъ запретити и заповѣдати съ великимъ духовнымъ запрещеніемъ, чтобы православные хрестьяне такихъ богоотреченныхъ и святыми отцы седмью соборы отверженныхъ тѣхъ всѣхъ еретическихъ книгъ у себя не держали и не чли. А которые будутъ люди по сѣ мѣста тѣ еретическія и отреченныя книги у себя держали и чли, или иныхъ учили и прельщали, и тѣми отъ бѣсовъ прельщалися, и они бы о томъ каялися отцемъ своимъ духовнымъ и впредь бы у себя таковыхъ еретическихъ книгъ не держали и не чли. А которые люди отнынѣ и впредь

учнутъ таковая еретическія книги у себя держати и чести, или начнутъ иныхъ прельщати и учити, и потомъ обличени будутъ, и тѣмъ быти отъ благочестиваго царя въ великой опалѣ, а отъ святителей по священнымъ правиломъ въ конецъ во отлученіи.

Вопросъ 23.—Въ троицкую суботу по селомъ и по погостомъ сходятся мужи и жены на жальникахъ и плачутся по гробомъ съ великимъ кричаньемъ, и егда начнутъ играти скоморохи, гудци и перегудницы, оніже, отъ плача преставше, начнутъ скакати, и плясати, и въ долони бити, и пѣсни сотонинскіе пѣти на тѣхъ же жальникахъ обманщики и мошенники.

И о томъ отвѣтъ. Всѣмъ священникомъ по всѣмъ градомъ и по селомъ, чтобы дѣтей своихъ духовныхъ наказывали и поучали: въ кое время родителей своихъ поминаютъ, и они бы нищихъ поили и кормили по своей силѣ, а скоморохомъ и гудцомъ и всякимъ глумцомъ запрещали и возбраняли, чтобы въ тѣ времена, коли родителей поминаютъ, православныхъ хрестьянъ не смущали и не прельщали тѣми бѣсовскими своими играми.

Вопросъ 24.—Русали о Ивановѣ дни и въ навечеріи рождества Христова и крещенія сходятся мужи и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе, и на безчинный говоръ, и на бѣсовскіе пѣсни, и на плясаніе и на скаканіе и на богомерзкіе дѣла, и бываетъ отрокомъ осквернение и дѣвамъ растлѣніе. И егда мимо нощь ходитъ, тогда отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсни, и умываются водою, и егда начнутъ заутреню звонити, тогда отходятъ въ домы своя и падаютъ, аки мертвіи, отъ великого клопотанія.

И о томъ отвѣтъ. По царской заповѣди всѣмъ святителемъ коемуждо во своемъ предѣлѣ по всѣмъ градомъ и по селомъ разослати къ попомъ свои грамоты съ поученіемъ и съ великимъ запрещеніемъ, чтобы однолично о Іване дни и въ навечеріи рождества Христова и крещенія Христова мужи и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе, и на безчинный говоръ, и на бѣсовскіе пѣсни, и на плясаніе, и на скаканіе и на многая богомерзкая дѣла не сходилися, и таковыхъ бы древнихъ бѣсованій еллинскихъ не творили и въ конецъ престали, занеже святыми отцы тѣ всѣ еллинскіе прелести по священнымъ правиломъ отречены быша, и православнымъ хрестьяномъ не подобаетъ таковая творити, но божественныя праздники и святыхъ почитати и праздновати въ славу Божію.

Вопросъ 25.—А о велицѣ дни оклички на радуницы въюнецъ и всякое въ нихъ бѣсованіе.

И о томъ отвѣтъ. Чтобы о велицѣ дни оклички на радуницы не творили и скверными рѣчьми не упрекалися, и о томъ священникомъ дѣтемъ своимъ духовнымъ запрещати, чтобы впередъ таковая не творили.

Вопросъ 26.—А въ великій четвертокъ порану солому палятъ и кличютъ мертвыхъ, нѣкоторыи же невѣгласы попы въ великій четвергъ соль подъ престолъ кладутъ и до седмаго четверга по велицѣ дни тамъ держатъ, и ту соль даютъ на врачеваніе людемъ и скотомъ.

И о томъ отвѣтъ. Заповѣдати въ великій бы четвертокъ порану соломы не палили и мертвыхъ не кликали, и соли бы попы подъ престолъ въ великій четвергъ не клали и до седмаго бы четверга по велицѣ дни не держали, понеже такова прелесть еллинская и хула еретическая. И который попъ таковая сотворитъ, и тому быти по священнымъ правиломъ во отлученіи и въ конечномъ изверженіи.

Вопросъ 27.—Въ первый понедѣльникъ Петрова поста въ рощи ходятъ и в наливки бѣсовскіе потѣхи дѣяти.

И о томъ отвѣтъ. Чтобы православные хрестьяне въ понедѣльникъ Петрова поста въ рощи не ходили и в наливкахъ бы бѣсовскихъ потѣхъ не творили, и отъ того бы въ конецъ престали, понеже то все еллинское бѣсованіе и прелесть бѣсовская, и того ради православнымъ хрестьяномъ не подобаетъ таковая творити.

. . . . . .

. . . . . .

Далѣе слѣдуютъ 28—32 вопросы и отвѣты на темы обрядоваго характера и затѣмъ 42-я глава, имѣющая особенную цѣну для изученія исторіи древнѣйшаго раскола старообрядства (*срв. выше на стр. 14*).

Отвѣтъ о трегубѣй аллилуіи. Глава 42.

Что во Псковѣ и во псковской землѣ по многимъ монастыремъ и церквамъ, да и въ новогороцкой землѣ по многимъ же мѣстомъ до днесь говорили *трегубую аллилуію* кромѣ апостольскихъ и отеческихъ преданій. Извѣстно же увѣдѣхомъ отъ писателя житія преподобнаго отца нашего Ефросима псковскаго новаго чюдотворца, какъ его ради святыхъ молитвъ извѣсти и запрети пречистая Богородица о трегубой аллилуіи и повелѣ православнымъ хрестьяномъ говорити *сугубую аллилуію*, а третіе «слава тебѣ Боже», якоже святая соборная и апостольская церкви имѣя и предаде, а не трегубити аллилуіи, якоже преже сего во Псковѣ говорили и по многимъ мѣстомъ, а въ четвертое приговаривали «слава тебѣ Боже». Сія нѣсть православныхъ преданіе, но латынская ересь: не славятъ бо Троицу, но четверятъ, и святаго Духа глаголятъ отъ Отца и Сына исходяща, и тѣмъ раболѣпна святаго Духа творятъ. И того ради не подобаетъ святыя аллилуіи трегубити, но *дважды* глаголати аллилуіа, а въ третіи «слава тебѣ Боже», понеже бо по еврейски аллилуіа, а по нашему по-русски «слава тебѣ Боже».

Соборной отвѣтъ о живописцѣхъ и о честныхъ иконахъ. Глава 43.

Да во царствующемъ же градѣ Москвѣ и по всѣмъ градомъ по царскому совѣту митрополиту, и архіепископомъ, и епископомъ бречи о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ, паче же о святыхъ иконахъ и о живописцѣхъ, и о прочихъ чинѣхъ церковныхъ по священнымъ правиломъ, и какимъ подобаетъ живописцемъ быти и тщаніе имѣти о начертаніи плотскаго воображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и пречистые его матери и небесныхъ силъ и всѣхъ святыхъ, иже отъ вѣка Богови угодившихъ.

Подобаетъ быти живописцу смирену, кротку, благоговѣйну, непразнословцу, несмѣхотворцу, несварливу, независтливу, непьяницы, неграбежнику, неубіицы, наипаче же хранити чистоту душевную и тѣлесную со всяцѣмъ опасеніемъ,—не могущимъ же до конца тако пребыти по закону женитися и бракомъ сочетатися, и приходити ко отцемъ духовнымъ начасте и во всемъ извѣщатися, и по ихъ наказанію и ученію жити въ постѣ и въ молитвѣ и воздержаніи со смиренномудріемъ, кромѣ всякого зазора и безчинства, и съ превеликимъ тщаніемъ писати

образъ Господа нашего Ісуса Христа и пречистыя его Богоматери и святыхъ пророкъ и апостолъ, и священномучениковъ, и святыхъ мучениць, и преподобныхъ женъ, и святителей, и преподобныхъ отецъ по образу и по подобію, по существу смотря на образъ древнихъ живописцовъ и знаменовати съ добрыхъ образцовъ. И аще которые нынѣшніе мастеры живописцы, тако обѣщавшеся, учнутъ жити и всякія заповѣди творити и тщаніе о дѣлѣ Божіи имѣти—и царю такихъ живописцовъ жаловати, а святителемъ ихъ брести и почитати паче простыхъ человѣкъ.

Такоже тѣмъ живописцемъ пріимати учениковъ и ихъ разсматривати во всемъ и учити о всякомъ благочестіи и чистотѣ и приводити ко отцемъ духовнымъ; отцы же ихъ наказуютъ по преданному имъ уставу отъ святителей, како подобаетъ жити хрестьянину кромѣ всякаго зазора и безчинства. И тако отъ своихъ мастеровъ со вниманіемъ да учатся. И аще которому открыетъ Богъ таковое рукодѣліе, и приводитъ того мастеръ ко святителю; святитель же, разсмотрѣвъ, аще будетъ написанное отъ ученика по образу и по подобію и увѣсть извѣстно о житіи его, еже въ чистотѣ и во всякомъ благочестіи по заповѣдемъ живетъ кромѣ всякаго безчинства, абіе благословивъ, наказуетъ его и впредь благочестно жити и святаго онаго дѣла держатися со усердіемъ всяцѣмъ; и пріемлетъ отъ него ученикъ той честь, якоже и учитель его, паче простыхъ человѣкъ. По сихъ же святитель наказуетъ мастера, еже ему не поборати ни по братѣ, ни по сынѣ, ни по ближнихъ. Аще кому не дастъ Богъ таковаго рукодѣлія, учнетъ писати худо, или не по правильному завѣщанію жити, а онъ скажетъ его горазда и во всемъ достойна суща и показуетъ написаніе инаго, а не того, и святитель, обыскавъ, полагаетъ таковаго мастера подъ запрещеніемъ правильнымъ, яко да и прочіи страхъ пріимутъ и не дерзаютъ таковая творити. А ученику оному иконнаго дѣла отнюдь не касатися. И аще которому ученику открыетъ Богъ ученіе иконнаго писма и жити учнетъ по правильному завѣщанію, а мастеръ учнетъ похуляти его по зависти, дабы не пріялъ чести, якоже онъ пріятъ; святитель же, обыскавъ, полагаетъ таковаго мастера подъ запрещеніемъ правильнымъ; ученикъ же пріемлетъ вящшую часть. Аще кто отъ тѣхъ живописцовъ учнетъ талантъ сокрывати, еже ему Богъ далъ, и ученикомъ по существу того не отдастъ, таковый осужденъ будетъ отъ Бога съ сокрывшимъ талантъ въ муку вѣчную. Аще кто отъ самѣхъ тѣхъ мастеровъ живописцовъ или отъ ихъ учениковъ учнетъ жити не по правильному завѣщанію во пьянствѣ и нечистотѣ и во всякомъ безчинствѣ, и святителемъ таковыя въ запрещеніи полагати, а отъ дѣла иконнаго отнюдь отлучати и касатися того не велѣти, боящеся словеси реченнаго: проклятъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ.

А которые по се время писали иконы не учася, самовольствомъ и самоволкою, и не по образу, и тѣ иконы промѣняли дешево простымъ людемъ поселяномъ невѣждамъ, ино тѣмъ запрещеніе положити, чтобы училися у добрыхъ мастеровъ. И которому Богъ дастъ, учнетъ писати по образу и по подобію, и тотъ бы писалъ; а которому Богъ не дастъ, и имъ вконецъ отъ таковаго дѣла престати, да не Божіе имя таковаго ради писма похуляется; и аще которые не престанутъ отъ таковаго дѣла, таковіи царскою грозою накажутся и да судятся; и аще они учнутъ глаголати, мы тѣмъ живемъ и питаемся, и таковому ихъ реченію не внимати, понеже не знающе таковая вѣщаютъ и грѣха себѣ въ томъ

не ставятъ. Не всѣмъ человѣкомъ иконописцемъ быти; многа бо и различна рукодѣйства подарована быша отъ Бога, имиже человѣкомъ препитатися и живымъ быти и кромѣ иконнаго писма, а Божія образа во укоръ и въ поношеніе не давати.

Такоже архіепископомъ и епископомъ по всѣмъ градомъ и весемъ и по монастыремъ своихъ предѣлъ испытовати мастеровъ иконныхъ и ихъ писемъ самимъ смотрити, и избравше коійждо ихъ во своемъ предѣлѣ живописцовъ нарочитыхъ мастеровъ, да имъ приказывати надо всѣми иконописцы смотрити, чтобы въ нихъ худыхъ и безчинныхъ не было. А сами архіепископы и епископы смотрятъ надъ тѣми живописцы, которымъ приказано, и брегутъ таковаго дѣла накрѣпко; а живописцовъ онѣхъ брегутъ и почитаютъ паче простыхъ человѣкъ. А вельможамъ и простымъ человѣкомъ тѣхъ живописцовъ во всемъ почитати и честны имѣти за то честное иконное воображеніе.

Да и о томъ святителемъ великое попеченіе и бреженіе имѣти коемуждо во своей области, чтобы гораздые иконники и ихъ ученики писали съ древнихъ образцовъ, а отъ самосмышленія бы своими догадками Божества не описывали. Христосъ бо Богъ нашъ описанъ плотію, а Божествомъ не описанъ, якоже рече святый Іванъ Дамаскинъ, не описуйте Божества, не лжите слѣпіи, просто бо невидимо и незрительно есть, плоти же образъ вообразуя покланяюся и вѣрую и славлю рождьшую Господа дѣву. А иже отъ хитрыхъ и гораздыхъ мастеровъ живописцовъ укрыетъ который талантъ, что ему Богъ далъ, и иныхъ не научитъ и не укажетъ, да будетъ отъ Христа осужденъ съ скрывшимъ талантъ въ муку вѣчную. И того бо ради живописцы учите учениковъ безъ всякаго коварства, да не осуждены будете въ муку вѣчную.

. . . . . .

. . . . . .

О честныхъ святыхъ монастырехъ, и о томъ соборной отвѣтъ по священнымъ правиломъ. Глава 49.

О еже о святыхъ и честныхъ монастырехъ о общихъ и особь сущихъ вѣдати и бречи церковнаго чина и монастырскаго строенія духовнымъ настоятелемъ, и пастыремъ, и архимаритомъ, и игуменомъ, и строителемъ съ соборными старцы о всемъ по божественному уставу и священнымъ правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и по преданію святыхъ начальникъ, въ коемждо монастырѣ ничтоже претворяюще о всемъ по монастырскому чину, якоже уставиша и предаша святіи отцы, церковныя чины и монастырское строеніе по божественному уставу и по священнымъ правиломъ. Такоже имъ духовнымъ пастыремъ о всемъ о томъ съ Божіею помощію пещися и блюсти и хранити крѣпко, елика ихъ сила, наипачеже подвизатися имъ о своихъ духовныхъ дѣтехъ и о всемъ о Христѣ братствѣ и о всѣхъ служащихъ во святыхъ обителехъ тѣхъ, коемуждо духовному пастырю по Господни заповѣди, пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы, и паки рече, больши тоя любви никтоже имать, аще кто душу свою положитъ по братѣ своемъ. И сего ради духовнымъ пастыремъ веліе попеченіе и доброе потщеніе имѣти о своемъ чистомъ пребываніи и о своихъ единородныхъ и безсмертныхъ душахъ отвѣтъ дати во второе пришествіе Господа нашего Іисуса Христа. Такоже бы по всѣмъ монастыремъ священницы и діякони и соборные

старцы и все, еже о Христѣ, братство и всѣ служащіи и приходящіи подъ кровъ коеждо честныя обители настоятелей духовныхъ, архимаритовъ и игуменовъ и строителей честныхъ имѣли и чтили бы ихъ и слушали и повиновалися во всемъ о Бозѣ, яко присному своему отцу и учителю, безъ всякого прекословія по божественному апостолу: братіе повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покоряйтеся, тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще, да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе.

Такожде имъ духовнымъ пастыремъ блюсти себе и всѣхъ о Христѣ братство отъ всякого зазора неподобнаго, наипачеже отъ пьянственнаго питія воздержатися, и во пьянство бы не упивалися, и горячего вина по монастыремъ не курити и не пити, и хмельнаго питія пивъ и медовъ не держати имъ. И пити квасы житные и медвяные всякіе кождо по своимъ обиходомъ, а отъ винъ отъ фрязскихъ не возбраняются, нигдѣ бо нѣсть писано, что не пити вина, но токмо писано не пити вина въ пьянство. И аще гдѣ обрящутъ фрязскіе вина, то въ славу Божію испиваютъ, а не въ піянство. Такоже и по особнымъ монастыремъ, и по дѣвичимъ монастыремъ общимъ, и особь сущимъ пьянственнаго хмельнаго питія не держати, а держати имъ квасы всякія по своимъ обиходомъ. А по кельямъ бы архимариты, и игумены, и строители, и соборные старцы и вся братія молодыхъ ребятъ голоусовъ однолично не держали; а которому старцу невозможно будетъ безъ служащаго быти немощи ради или старости, и архимариты и игумены бы посылали къ тѣмъ старцомъ братію на службу единаго или два, или человѣка мирскаго въ совершенномъ возрасту, имущаго браду, а голоусыхъ бы робятъ отнюдь въ монастырехъ по кельямъ не держали и въ кѣльи бы приходити къ себѣ не велѣли.

Такоже архимариты, и игумены, и строители, и соборные старцы ѣли бы въ трапезѣ съ братіею вкупѣ, а по кельямъ бы не ѣли развѣ немощи и старости. А пища бы архимаритомъ, и игуменомъ, и строителемъ, и соборнымъ старцомъ съ братіею обща была, а иныхъ бы брашенъ на архимаритовъ и на игуменовъ и на строителевъ и на старцовъ соборныхъ особныхъ не было, развѣе немощи. А пища бы была въ трапезѣ всѣмъ равна. А которая братія въ старости и въ немощи, и они бы тѣхъ покоили по кѣльямъ: глаголетъ бо святый Исаакъ, небрегій болящаго не узритъ свѣта. А гостей бы архимариты, и игумены, и строители по своимъ кѣльямъ не кормили, а кормили бы въ трапезѣ или въ келарской. А посулу бы на слугахъ и на всѣхъ крестіянехъ не имали, а жаловали бы слугъ и крестіянъ, берегли безпосульно. А чернцомъ бы по городомъ, и по селомъ, и по деревнямъ изъ монастыря исходити не велѣли, развѣ великихъ нужныхъ монастырскихъ дѣлъ или своихъ ради нужныхъ дѣлъ по благословенію архимаричю или игуменскому. А чернцовъ бы въ посельскіе не посылали, а жили бы всѣ въ монастырѣ по своему иноческому обѣту, и молили бы Господа Бога по предиреченной заповѣди. А по которымъ монастыремъ доднесь горячіе вина курили и по кѣльямъ держали, и по тѣмъ бы монастыремъ впредь отнынѣ и въ прочіе лѣта однолично винъ не курили и хмельнаго питія не держали, и въ пьянство не упивалися, занеже въ пьянство питіе не токмо священническому и иноческому чину отречено бысть, но и простымъ самѣмъ Христомъ, якоже рече во святѣмъ евангеліи: да не отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и пьянствомъ и печальми житей-

Священномученикъ Аввакумъ.

Оригиналъ иконы «Священномученикъ Аввакумъ» находится въ московской библіотекѣ Никольскаго Единовѣрческаго монастыря, куда поступилъ изъ извѣстнаго собранія А. И. Хлудова (см. «Изборникъ народной газеты», изд. въ Москвѣ Ѳ. Е. Мельниковымъ, 1906 г. сентябрь). Съ указаннаго оригинала и былъ снятъ спеціальный фотографическій снимокъ для воспроизведенія въ нашей «Русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ». Содержаніе этой раскольнической иконы ясно изъ приводимой ниже легенды со словъ самого Аввакума. Историческая цѣнность изображенія очень высока: оно передаетъ начальную традицію, весьма характерную для изученія древнѣйшихъ чертъ русскаго раскола старообрядства. Сохранность изображенія далеко не первостепенная. Съ лѣвой стороны изображенія наверху надпись: «а҃нгли Гн҃и Мр҃ Ѳу҃ Іс҃ Хс҃» (т.-е. ангели Господни, Божія матерь, Ісусъ Христосъ); съ правой стороны также надпись: «Сщ҃енномч҃икъ Авъвакумъ» (т.-е. священномученикъ Аввакумъ). Въ лѣвой рукѣ Христосъ держитъ свитокъ съ надписью: «рабе мой! не бойся, азъ есмь», при чемъ далѣе возможно подразумѣвать слова «съ тобою». Самъ Аввакумъ также держитъ свитокъ, на которомъ имѣется надпись, начинающаяся словами: «Братія моя возлюбленная! наста здѣ...». Своего рода канонизація Аввакума состоялась въ сущности еще при его жизни и была узаконена въ расколѣ фактомъ его тяжкой казни, его мученичествомъ въ огнѣ. Н. Ѳ. Каптеревъ справедливо замѣчаетъ, что когда черезъ одиннадцать лѣтъ сибирской жизни Аввакумъ былъ возвращенъ въ Москву, то онъ явился сюда уже окруженный ореоломъ страдальца и мученика, съ прочно установившейся репутаціей мощнаго, непоколебимаго борца за поруганную и извращенную Никономъ правую вѣру, за старое истинное русское благочестіе...

Аввакумъ самъ чувствуетъ свою угодность предъ Богомъ, онъ предрекаетъ свою мученическую смерть и даже думаетъ и гадаетъ, къ лику какихъ именно святыхъ долженъ причислить его Богъ. Изъ писаній Аввакума читатели получали въ свое время рядъ впечатлѣній о тѣхъ многочисленныхъ знаменіяхъ, чудесахъ и откровеніяхъ, какія въ своей жизни совершалъ и получалъ протопопъ Аввакумъ. Аввакумъ видѣлъ въ себѣ новаго апостола въ старой Христовой вѣрѣ, когда посланіе къ какому-либо брату начиналъ словами: «Рабъ и посланникъ Ісусъ Христовъ волею Божіею, и узникъ о Господѣ, старой грѣшникъ, протопопъ Аввакумъ Петровъ, брату имереку, еще о Христѣ съ братіею, радоватися вамъ, другомъ моимъ, и здравствовати о Спасѣ, Бозѣ и Господѣ нашемъ Ісусъ Христѣ». Такимъ образомъ историческое наслѣдство въ видѣ иконы священномученика Аввакума не представляется сколько-нибудь неожиданнымъ; напротивъ, оно является совершенно естественнымъ, непосредственно исходящимъ изъ той обстановки, которая сложилась во второй половинѣ XVII вѣка и до послѣдняго времени не была подвергнута широкому и строго научному обслѣдованію. Иконѣ, несомнѣнно, покланялись, и самъ Аввакумъ училъ «о иконномъ писаніи», что иконамъ «подобаетъ поклонятися», если только написаны онѣ подобно. «Но не мню», говорилъ онъ, «новолюбцамъ правость чинить, святыя иконы писать. Видалъ я ихъ рукодѣль; не то испорчено, ино иное, похабствомъ вся чинятъ, и въ лицахъ бѣлость, а не румянство, и въ ризахъ скудость, а инде прибавлена небылица, власы простерты или у святителя или у преподобнаго, яко у нѣмчина, и у самаго Спаса косы и браду неподобно пишутъ, а благословляющая рука малакса, сирѣчь оттеня мизинецъ и подпись Іисусъ... И всякой иконѣ, написанной неподобно, кланятися не подобаетъ». Въ керженскихъ скитахъ почтеніе къ памяти Аввакума проявлялось въ особенно благоговѣйныхъ формахъ: раскольники писали иконы и покланялись имъ; сочиненія Аввакума, и въ томъ числѣ особенно его полемическія

письма къ дьякону Ѳедору, украшали богатыми бархатными переплетами, хранили въ церквахъ у образовъ и почитали ихъ почти какъ евангеліе *). Прежде чѣмъ привести легенду прилагаемой при семъ иконы, необходимо указать, что во II томѣ *Исторіи русской литературы*, изд. т-вомъ Міръ, на стр. 271 (по изд. 1908 г.) помѣщено не иконописное изображеніе протопопа Аввакума, но, къ сожалѣнію, къ нему не приложено легенды и ничего не говорится о немъ въ текстѣ А. К. Бороздина.

Икона передаетъ живописно легенду, созданную воображеніемъ самого Аввакума и изложенную имъ въ посланіи къ царю Алексѣю изъ Пустозерска. «Хвалитимися не подобаетъ, токмо о немощехъ моихъ, да вселится въ мя сила Христова, не толко того Божія присѣщенія, писалъ Аввакумъ,—егда мнѣ темныя твоя власти волосы и бороду остригли и, проклявше, за твоимъ карауломъ на Угрѣшѣ въ темницѣ держали,—о, горе мнѣ, не хочется говорить, да нужда влечетъ!—тогда нападе на мя печаль, и зѣло отяготихся отъ кручины и размышляхъ въ себѣ, что се быть, яко древле и еретиковъ такъ не ругали, якоже меня нынѣ,—волосы и бороду остригли, и прокляли, и въ темницѣ затворили: никоніаны пуще отца своего Никона надо мною бѣднымъ сотворили. И о томъ стужахъ Божеству, да явитъ ми, не туне ли мое бѣдное страданіе. И въ полунощи всенощное чтущу ми наизусть святое евангеліе утреннее, надъ ледникомъ на соломкѣ стоя, въ одной рубашкѣ и безъ пояса, въ день Вознесенія Господня: и бысть въ дусѣ весь, и ста близъ мене по правую руку ангелъ мой хранитель, улыскаяся и приклоняяся ко мнѣ и милъ ся дѣя. Мнѣ же чтущу святое евангеліе не скоро, ко ангелу радость имущу: а се потомъ изъ облака госпожа Богородица яви ми ся, потомъ и Христосъ съ силами многими, и рече мнѣ: не бойся, азъ есмь съ тобою (*срв. выше указаніе на подпись на иконѣ*). Мнѣ же къ тому прочетшу къ концу святое евангеліе и рекшу: Слава тебѣ, Господи! и падшу на землю и лежащу на многъ часъ. И егда отъиде слава Господня, востахъ и начахъ утренюю кончати. Бысть же ми радость неизреченная, ея же невозможно исповѣдати нынѣ». Характерно, что, сообщая о такомъ явленіи царю Алексѣю, авторъ проситъ не разсказывать этой тайны врагамъ-никоніанамъ, «глупы вѣть они дураки, плюютъ и на самого Бога нечестивыя глаголы». О самой фигурѣ Аввакума, которая безъ достаточной точности передана штрихомъ на VI стр. предисловія къ V тому «Матеріаловъ для исторіи раскола» (М. 1879), Н. Субботинъ пишетъ: «Нельзя, конечно, допустить, чтобы въ этомъ изображеніи Аввакума вѣрно передавались черты его лица; но едва ли можно отрицать, что иконописецъ, изображая Аввакума, руководствовался сохранившимся у раскольниковъ по преданію описаніемъ его наружности и въ общемъ передаетъ ее близко къ дѣйствительности. Аввакумъ представляется здѣсь высокаго роста, худощавымъ, но крѣпко сложеннымъ мужчиной, съ несокрушимымъ здоровьемъ, каковъ и былъ онъ въ дѣйствительности». Это замѣчаніе болѣе отвѣчаетъ даннымъ сочиненій Аввакума, нежели фигурѣ, изображенной на иконѣ, но нельзя не признать, что отзывъ объ Аввакумѣ принципіальнаго врага раскола цѣннѣе какой-либо характеристики объективнаго историка. А отзывъ этотъ — вотъ какой: «Между расколоучителями временъ патріарха Никона нельзя указать другого дѣятеля, который съ такой энергіей, съ такой страстной запальчивостью и, можно сказать, съ такой убѣжденностью защищалъ бы дѣло раскола противъ патріарха, противъ властей и соборовъ, такъ смѣло и открыто до послѣднихъ дней жизни проповѣдывалъ бы ученіе раскола и который имѣлъ бы столько учениковъ и почитателей, вообще пользовался такимъ вліяніемъ и уваженіемъ въ обществѣ современныхъ ему раскольниковъ, какъ протопопъ Аввакумъ. Не менѣе и даже, по нашему мнѣнію, еще болѣе Аввакумъ заслуживаетъ вниманіе, какъ раскольническій писатель. Въ его сочиненіяхъ содержится обильный матеріалъ для изученія не только его собственной личности, какъ замѣчательнѣйшаго дѣятеля замѣчательной эпохи въ исторіи раскола, но и самой этой эпохи. Множество историческихъ извѣстій и замѣтокъ, разсѣянныхъ по всѣмъ сочиненіямъ Аввакума, не исключая и собственно догматическихъ,—замѣтокъ, иногда высказанныхъ мимоходомъ, безъ особеннаго съ его стороны намѣренія, по надлежащей критической оцѣнкѣ ихъ, даютъ много новыхъ любопытныхъ фактовъ для исторіи

*) Среди сочиненій Аввакума есть особая статья „О иконномъ писаніи“.

раскола его времени и, что еще важнѣе, освѣщаютъ довольно ярко самый характеръ событій и лицъ. Особенно же самъ Аввакумъ выступаетъ въ нихъ живымъ, цѣльнымъ человѣкомъ со всѣхъ сторонъ своей дѣятельности,—и какъ участникъ важныхъ событій въ исторіи раскола его времени, въ своихъ связяхъ и столкновеніяхъ съ разными историческими лицами, и какъ учитель и законодатель раскола и, наконецъ, какъ замѣчательный народный проповѣдникъ своего времени, сохранившій для насъ въ рѣдкой полнотѣ и свѣжести живую народную рѣчь, несмотря на все своеобразіе и оригинальность своего языка».

Аввакумъ родился около 1620 г. у священника села Григорова, за рѣкой Кудмой, въ Княгининскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи и 23 лѣтъ отроду былъ самъ поставленъ въ священники; въ 1651 г. онъ былъ назначенъ протопопомъ въ Юрьевецъ-Повольскій, откуда въ томъ же году бѣжалъ въ Москву, гдѣ съ 1653 г. и начались его злоключенія въ виду столкновенія его съ новшествами патріарха Никона. Исторія его сибирской ссылки разсказана имъ самимъ и приведена въ приложеніяхъ къ третьему тому *Исторіи Россіи*. Съ подробностями жизни Аввакума прекрасно знакомитъ біографическій очеркъ В. А. Мякотина «Протопопъ Аввакумъ—его жизнь и дѣятельность» въ біографической библіотекѣ Ф. Павленкова. 1 апрѣля 1681 г., послѣ долгихъ лѣтъ тяжкаго заключенія въ земляной тюрьмѣ, Аввакума съ товарищами возвели на костеръ изъ дровъ на площади Пустозерска, и преданіе въ записи Мельникова говоритъ: «Собрался народъ и снялъ шапки... дрова подожгли,—замолчали всѣ. Аввакумъ сложилъ двуперстный крестъ и началъ говорить народу: «вотъ будете этимъ крестомъ молиться, во вѣкъ не погибнете, а оставите его,—городокъ вашъ погибнетъ, пескомъ занесетъ; а погибнетъ городокъ,—настанетъ и свѣту конецъ». Огонь охватилъ казнимыхъ, и одинъ изъ нихъ закричалъ,—Аввакумъ наклонился къ нему и сталъ увѣщевать... Такъ и сгорѣлъ».

В. Стор.

скими; такоже и божественный его апостолъ Павелъ отрече, не упивайтеся виномъ, въ немже нѣсть спасенія, но паче блудъ; и паки рече: пьяницы и блудницы царства небеснаго не наслѣдятъ; потомъ же великій Симеонъ Дивногорецъ, славный чюдотворецъ, отрече: похвала мнихомъ не пити вина, и въ старчествѣ речено бысть, аще мнихъ еси, то бѣгай отъ вина, аки отъ змія; такоже и великому святому Василію кесарійскому явися пречистая Богородица во снѣ, глаголя, аще хощеши другъ мой быти и во всемъ помощницу мя имѣти, то отрцыся вина и пьянственнаго питія; онъ же, возбнувъ, дивися заповѣди пречистыя Богородица и до кончины живота своего заповѣдь пречистыя Богородица соблюде, не піяше вина. И сія самъ Христосъ отрече, и пречистая Богородица, и божественніи апостоли, и святіи его піянственное питіе не токмо простымъ, но и святымъ его—коль же паче намъ, слабымъ суще, въ нынѣшнемъ послѣднемъ роду отъ таковыхъ удалятися и бѣгати, аки отъ змія, отъ упиванія [1]) въ пьянство.

Такоже и архимаритомъ и игуменомъ и строителемъ отнынѣ и впредь властей не докупатися и по мздѣ не ставитися, и дѣтей и племянниковъ у себя въ монастырѣ и по кѣльямъ не держати, и по селомъ племянниковъ и дѣтей не посылати, и старыхъ слугъ и вкладчиковъ изъ монастыря не изводити, а новыхъ слугъ въ монастырь пріимати, и жаловати вкладчиковъ и старыхъ слугъ и новыхъ съ соборными старцы по совѣту. А жонкамъ и дѣвкамъ по кѣльямъ не ходити и въ кѣльи ихъ не пускати. А у которыхъ поповъ, или у дьяконовъ, или у чернцовъ увидятъ или вымутъ жонку или дѣвку въ кѣліе, и тѣмъ попомъ и діякономъ изверженымъ быти отъ священства по священнымъ правиломъ, а простымъ чернцомъ отлученнымъ быти отъ всякія святыни по тѣмъ же священнымъ правиломъ. А робятомъ молодымъ по кѣліямъ не жити и по селомъ со архимариты и игумены и съ старцы не ѣздити; а архимаритомъ и игуменомъ и строителемъ въ объѣздъ не ѣздити; а чернцовъ въ посельскихъ не посылати, а посылати по селомъ и въ посельскіе слугъ добрыхъ. А будутъ каковы дѣла монастырскіе земскіе или хлѣба монастырскаго дозрѣти или управы для христіянскіе, и архимаритомъ и игуменомъ и строителемъ посылати старцовъ добрыхъ на время, а не въ посельскіе, а въ посельскіе однолично чернцовъ не посылати. А нѣчто будутъ каковы великіе дѣла нужные земскіе или управы для крестьянскіе, ея же не возмогутъ старцы управити, и духовнымъ пастыремъ, архимаритомъ и игуменомъ и строителемъ, по священнымъ правиломъ такихъ ради дѣлъ единощи въ годъ или дващи не возбраняется самѣмъ дозирати и управляти. Но паки вскорѣ въ мостырь да возвращаются. А въ объѣзды по селомъ никогда же не ѣздятъ, и пировъ и даровъ крестіяномъ творити на себя не повелѣваютъ.

А которые архимариты, и игумены, и строители власти докупятся, а святители, вѣдаючи, да ихъ по мздѣ поставятъ, и по священнымъ правиломъ тотъ святитель и съ тѣмъ архимаритомъ, или съ игуменомъ, или съ строителемъ оба извержени будутъ. А которые архимариты и игумены и строители тайно власти докупятся, да о томъ отъ святителя утаятъ,

---

[1]) 52-я глава опять посвящена той же темѣ: „Отвѣтъ о піянственномъ питіи. Собраніе отъ божественнаго писанія, яко не подобаетъ во обители питію быти, отъ него же піянство бываетъ“. См. еще главу 82-ю: „Отвѣтъ о томъ, что впредь чернцомъ и черницамъ въ одномъ монастырѣ не жити“.

и по поставленіи обличени будутъ, что власти докупалися, и святителемъ тѣхъ по священнымъ правиломъ и по поставленію извреци и въ заточеніе послати въ великіе монастыри, и давати ихъ добрымъ старцомъ подъ начало, дондеже исправятся, да и прочіи страхъ пріимутъ на таковая не дерзати. А монастыри и казну монастырскую и всякіе обиходы монастырскіе царя и великого князя дворецкимъ по всѣмъ монастыремъ вѣдати, и посылати считати, и отписывати, и отдавати по книгамъ архимаритомъ и игуменомъ и строителемъ съ соборными старцы въ коемждо монастырѣ, и тѣмъ архимаритомъ и игуменомъ и строителемъ въ коемждо монастырѣ съ тѣми своими соборными старцы о всемъ о томъ бречи Бога ради заедино, елика ихъ сила, чтобы церковной чинъ и монастырское строеніе шло все по чину и по преданію монастырскому по божественному уставу и по священнымъ правиломъ, ничтоже претворяюще.

О томъ же отъ царскаго написанія. Что робятъ молодыхъ по кѣліямъ не держати, такоже и жонкамъ и дѣвкамъ по кѣліямъ не ходити никоторыми дѣлы, кромѣ церковнаго моленія съ вѣрою прибѣгающимъ по обѣщанію съ мужемъ, или съ братомъ, или съ сыномъ помолитися и потомъ изъ церкви за монастырь исходятъ. А служебники бы были во всякихъ службахъ старцы, а слуги бы монастырскіе были женаты; а иные, какъ произволятъ сверстные, аще хранятъ чистоту тѣлесную, а жили бы поодаль монастыря, а черицы бы къ нимъ изъ монастыря въ домы не приходили никоторые ради потребы. А жонки, бы и молодые отроки, и дѣвки отнюдь никакоже никоторыми дѣлы въ монастырь не входили ни съ какимъ послуженіемъ, а входили бы слуги сверстные и женатые во время о всякихъ потребахъ и о всякихъ монастырскихъ службахъ, что имъ повелятъ и куды ихъ пошлютъ, и они потому творятъ.

А архимариты бы и игумены ни въ которомъ монастырѣ безъ соборныхъ старцовъ и безъ келаря и безъ казначея ничѣмъ не властвовалися, такоже бы и соборные старцы и келари и казначеи безъ архимаритовъ и безъ игуменовъ ничтоже не творили; а въ трапезѣ бы по вся дни вкупѣ сшедшися ѣли; а брашно бы и питіе всѣмъ равно; а лучатся гости, пно въ трапезѣ же столъ предоставляти, а въ келарской по великой нужи заѣзжаго ради великого человѣка князя или болярина почтити или какова отъ вельможъ. А братства держати по обиходу, какъ возможно чину монастырскому строитися. А по городомъ бы и по селомъ архимариты, и игумены, и старцы ни о чемъ бы не скиталися безъ царскаго велѣнія и безъ святительскаго, кромѣ великія нужи или праздничнаго ради пріѣзда съ священными водами. А о нужныхъ дѣлехъ пишутъ съ слугами къ святителю, и святитель къ намъ доноситъ.

И азъ повелѣваю сіе вскорѣ управляти, а о иныхъ потребахъ и о управахъ слуги приходятъ, кому тѣ монастыри приказаны будутъ, и азъ потому же велю управляти. А старцы бы жили всѣ въ монастырехъ по монастырскому чину, о всемъ по преданію святыхъ отецъ, и по правильному завѣщанію и по нашему наказу и по соборному уложенію, все бы было обще вкупѣ, якоже предаша и заповѣдаша святіи отцы. Да не побѣжаетъ страсть сребролюбія, и сластолюбія, и стяжанія никоегоже, и упражнялися бы вкупѣ всѣ на славословіе Божіе, и на всякое соборное согласіе, и на порученныя службы, и видя ихъ Господь добрая дѣла и о Бозѣ попеченіе и о спасеніи душа своея, и тѣхъ ради святыхъ молитвъ и добродѣтельнаго ради по Бозѣ житія подастъ и намъ богатую

свою милость, и вложитъ Господь страхъ въ душа наша, и направитъ насъ на путь миренъ. Аще убо сіе презрѣно будетъ отъ нѣкихъ безчинныхъ и непослушливыхъ, и тѣмъ отъ святителей о семъ быти въ великомъ запрещеніи и во отлученіи, а отъ насъ во изгнаніи будутъ и въ мирскомъ наказаніи. А творящимъ по сему преданію, якоже въ предиреченныхъ честныхъ обителехъ, велію отъ Бога милость получатъ и дерзновеніе имутъ о полезныхъ намъ молитися. Васъ же убо, о боголюбезніи святителіе и преподобніи отцы и все христоименитое стадо и съ своею братію, молю васъ и милъ ся дѣю и со слезами припадаю, помогайте намъ во своихъ святыхъ молитвахъ и великихъ подвизѣхъ къ Богу всегда. Да утвердитъ Господь православное сіе царство мирно и немятежно въ родъ и родъ во вѣки, и вашихъ ради святыхъ великихъ молитвъ, и намъ даровалъ бы Богъ оставленіе грѣхомъ и получити жизнь вѣчную. А язъ долженъ вашу всякую тяготу понести по разслабленію и бречи во всякихъ скорбехъ, елико ми Богъ поможетъ молитвами причистыя Богородица и всѣхъ святыхъ. Аминь.

. . . . . .

. . . . . .

Отвѣтъ о игрищахъ еллинскаго бѣсованія. Глава 92.

Еще же мнози отъ неразумія простая чадь православныхъ христіянъ во градѣхъ и въ селехъ творятъ еллинское бѣсованіе различныя игры и плесканіе противъ праздника рождества великаго Івана претечи въ нощи и на самый праздникъ въ весь день и нощь. Мужи и жены и дѣти, въ домѣхъ и по улицамъ обходя и по водамъ, глумы творятъ всякими игры, и всякими скомрашствы, и пѣсньми сатанинскими, и плясаніи и гусльми [1]) и иными многими виды и скаредными образованіи, еще же и пьянствомъ. Подобна же сему творятъ во днехъ и въ навечеріи рождества Христова, и въ навечеріи Василія великаго, и въ навечеріи богоявленія, а инде инымъ образомъ таковая неподобная дѣла творятъ. Въ троицкую суботу и заговѣвъ Петрова посту въ первый понедѣльникъ ходятъ по селомъ, и по погостомъ, и по рѣкамъ на игрища, тая же неподобная еллинская бѣсованія творятъ и тѣмъ Бога прогнѣваютъ. Вневѣдыи согрѣшаютъ простая чадь, никимже возбраняеми и обличаеми, ни запрещаеми, ни отъ священникъ наказуеми, ни отъ судей устрашаеми, таковая творятъ неподобная дѣла святыми отцы отреченная. Вмѣсто же сего бѣсованія отнынѣ и впредь подобаетъ крестіяномъ на таковая святыя и честныя праздники и посты къ церквамъ божіимъ на молитву упражнятися, и пѣсньми божественными услаждатися, и святаго почитанія божественнаго со вниманіемъ слушати, и на божественныхъ литоргіяхъ со страхомъ стояти, и потомъ брашномъ и питіемъ въ домехъ своихъ учреждатися вкупѣ о Бозѣ, ликовствующе со священническимъ чиномъ и со други своими, и маломощныхъ питающе, и веселящеся въ славу Божію, а не пьянствомъ, якоже и въ прочія господьскія праздники.

---

[1]) Протопопъ Аввакумъ, въ имъ самимъ написанномъ своемъ *Житіи*, писалъ: „Пріидоша въ село мое плясовые медвѣди съ бубнами и съ домрами, и я, грѣшникъ, по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ и хари и бубны изломалъ на полѣ единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отпялъ,—одного ушибъ и паки ожилъ, а другого отпустилъ въ поле“ (по изданію Н. С. Тихонравова. Спб. 1861, на стр. 16-й).

И того ради по священнымъ правиломъ и по заповѣди святыхъ отецъ отнынѣ и впредь всѣмъ православнымъ христіяномъ на таковая древняя еллинская бѣсованія не исходити ни во градехъ, ни по селомъ, ни по рѣкамъ; и о томъ благочестивому царю по всѣмъ градомъ и по селомъ своя царская заповѣдь учинити, чтобы православные христіяне на таковое бѣсованіе еллинское впредь не сходилися, и чтобы то еллинское бѣсованіе отнынѣ и впредь Божіею благодатію и въ твое христолюбивое царство попрано было до конца, и о томъ о всемъ еллинскомъ бѣсованіи и играніи свидѣтельство отъ священныхъ правилъ сице написахомъ. Святаго вселенскаго шестаго собора правило 50 и 51 запрещаетъ всякое играніе.

Толкъ. Пятьдесятное убо правило собора сего возбраняетъ играти всѣмъ и причетникомъ и мирскимъ человѣкомъ зернью, и шахматы, и тавлѣями, и влиріями, рекше костьми, и прочими таковыми играми. 51 правило всякое играніе возбраняетъ и отметаетъ и причетникомъ и простымъ людемъ, такоже и упиваніе въ пьянство. Не предаде Господь Богъ пити вина въ пьянство, но въ веселіе, иже въ печали сущимъ, и въ жестокихъ скорбехъ пребывающимъ, и многимъ попеченіемъ утомляющимся, или во многихъ болѣзнехъ на здравіе сущимъ, или на мало отдохновеніе въ великихъ недузехъ изнемогающимъ. Люто бо есть пьянство, сего ради отречено бысть. Не упивайтеся, рече бо, виномъ, въ немъ же есть блудъ, но и отъ корчемническаго дѣланія и служенія клирицы возбраняются по 9-му правилу тогоже святаго шестаго собора; праздность бо и пьянство и играніе всему злу начало есть и погубленіе веліе. Сего ради отрицаютъ вся божественная писанія и священныя правила всякое играніе, и зерни, и шахматы, и тавлѣи, и гусли, и смыки, и сопѣли, и всякое гудѣніе, и глумленіе, и позорище, и плясаніе: рече бо Господь, горе вамъ смѣющимся нынѣ, яко возрыдаете и восплачете; и святыхъ апостолъ правило 42 и 43 глаголетъ: епископъ или презвитеръ или діяконъ на игры упражняяйся и на пьянство, или да престанетъ или да извержется; такоже и поддіяконъ или чтецъ или пѣвецъ творяй, или да престанетъ или да извержется; такоже и простый человѣкъ. И новая заповѣдь глаголетъ: аще епископъ или презвитеръ или діяконъ или поддіяконъ и прочіи отъ причетникъ игры творяй, или пріобщаяся играніа творящимъ или присѣдя, или позоръ или ловъ зряй, отлучатся всякія священныя службы и пищи даянія своего лишаются, и уставляетжеся ему время нѣкое къ покаянію; аще достоинъ внутрь времени явится покаявся, паки приходитъ въ свой степень. Милости бо ради и человѣколюбія Божія сподобляется паки священническаго степени, въ немъ же аще кто бысть; аще ли же по времени покаянія въ таковая же возвращается и упражняется, совершенно изгоняется отъ причта. И паки въ новыхъ глаголетъ второе завѣщаніе перваго гранеси, на три лѣта тѣмъ отъ службы отлучитися и покаяніемъ очищатися, и тако восходити на священныя своя степени; сокращаетжеся тѣмъ и умаляется время покаянія милости ради Божія и человѣколюбія; аще во страсѣ Божіи пребудутъ, писано бо есть, страхомъ Господнимъ всякъ уклоняется отъ зла.

Отвѣтъ о томъ же еллинскомъ бѣсованіи и волхвованіи и чародѣяніи. Глава 93.

Правило 61 и 62 святаго шестаго собора святыхъ отецъ возбраняетъ къ волхвомъ ходити и запрещаетъ православнымъ христіяномъ погань-

скихъ и еллинскихъ обычаевъ, и игоръ и плясанія и плесканія и надъ делвами, сирѣчь надъ бочками и корчагами, квасъ призывающе и грохочюще, и прочихъ неподобныхъ дѣлъ творити.

И о всемъ о томъ толкъ 61 правило. Иже послѣдуютъ поганскимъ обычаемъ и къ волхвомъ или ко обавникомъ ходятъ, или въ домы своя тѣхъ призываютъ хотящіи увѣдати отъ нихъ нѣкая неизрѣченная, такоже и кормящеи и хранящеи медвѣди или иная нѣкая животная на глумленіе и на прелщеніе простѣйшихъ человѣкъ, и иже въ получаи вѣруютъ и въ родословіе, рекше въ рожданицы, и въ обоянія, и иже глаголются облаки гонящеи—таковая творящимъ повелѣ святый соборъ 6 лѣтъ запрещенія дати, якоже за 4 лѣта да стоятъ съ припадающими, друзіи же 2 лѣта да стоятъ съ вѣрными, и тако да сподобятся божественныхъ даровъ. Аще же неисправленіи пребудутъ и по запрещеніи еллинскихъ сихъ хитростей не останутся, отъ церкви всячески всюду да пзженутся. О волсвѣхъ же и о обавницахъ рѣша богоносніи отцы и церковніи учителіе, паче же инѣхъ Златоустый глаголетъ, яко волшествующеи и обавленіе творящеи аще и святыя Троица имя нарицаютъ, аще и святыя призываютъ, аще и знаменіе честнаго креста Христова творятъ, бѣгати подобаетъ отъ нихъ и отвращатися.

О томъ же еллинскомъ бѣсованіи тогоже правило 62. Каланты, и вота, и врумалія еллински и греческимъ языкомъ глаголется, еже есть первые дніе коегождо мѣсяца, наипаче же марта мѣсяца празднованіе веліе торжественно сотворяюще, и игранія многая содѣвашеся по еллинскому обычаю. Сеже соборъ всѣхъ сихъ и подобныхъ симъ игранія творящихъ отметаетъ и запрещаетъ; сице же и женская въ народехъ плясанія, яко срамна суща, и на смѣхъ и на блудъ вставляюща многихъ, такоже мужемъ и отрокомъ женскимъ одѣяніемъ не украшатися, ниже просто женская одѣянія носити, ни женамъ въ мужеская одѣянія облачитися, но комуждо подобная своя одѣянія имѣти и отъ сего познаватися; такоже неподобныхъ одѣяній и пѣсней плясцовъ и скомраховъ и всякого козлогласованія и баснословія пхъ не творити; егда же вино топчютъ, или егда вино въ сосуды преливаютъ, или иное кое питіе сливаютъ, гласованіе и вопль велій творятъ неразумніи по древнему обычаю еллинская прелести; еллинскаго бога Діониса пьянству учителя призываютъ, и гласящи великимъ гласомъ квасъ призываютъ, и вкусъ услажаютъ, и пьянство величаютъ. Се же святый соборъ сихъ всѣхъ не повелѣваетъ творити, неповинующихжеся запрещаетъ, пребывающихъ же въ томъ аще причетницы суть изметаетъ, аще мирстіи суть отлучаетъ.

Къ симъ же прочти и святыхъ апостолъ правило 42 и 43, и иже въ Лаодикіи собора правило 53 и 54 и собора, иже въ Трулле, правило 24 и 50 и 51, и иже въ Карфагенѣ собора правило 60 и 61, инде же 64 и 65 и 15 правило тогоже карфагенскаго собора глаголетъ, яко чада священническая позорища не творятъ, ниже созираютъ позорствованіе, се же и всѣмъ христіяномъ предано есть, яко, идѣже хуленіе бываетъ, не приходити. И новыя заповѣди Устиніяна царя послѣдующе священнымъ правиломъ въ 37 главизнѣ отрицаютъ играніе всякое и позорствованіе творити всѣмъ священнымъ епископомъ, и презвитеромъ, и діякономъ, и поддіякономъ, и четцомъ, и пѣвцомъ и прочимъ причетникомъ, и инокомъ прочимъ.

О томъ же еллинскомъ бѣсованіи правило 65 шестаго собора. Вжизаемыя огнища въ новыя мѣсяца отъ нѣкихъ предъ своими дѣла-

тельницами и предъ домомъ, яже и прескакати нѣціи по нѣкакому обычаю древнему, блудятъ, отселе престати повелѣваемъ. Иже убо таковое что сотворитъ, аще клирикъ будетъ, да извержется; аще же простецъ да отлучится. Писано бо есть въ четвертомъ царствѣ: созда Манасіе требникъ всему воинству небесному предъ двема дворы дому Господня и проведе чада своя по огню и волшествованіе и вражаше, и сотвори волшебницы и угадателей, и умножи сотворити злое предъ Господемъ, якоже прогнѣвати его.

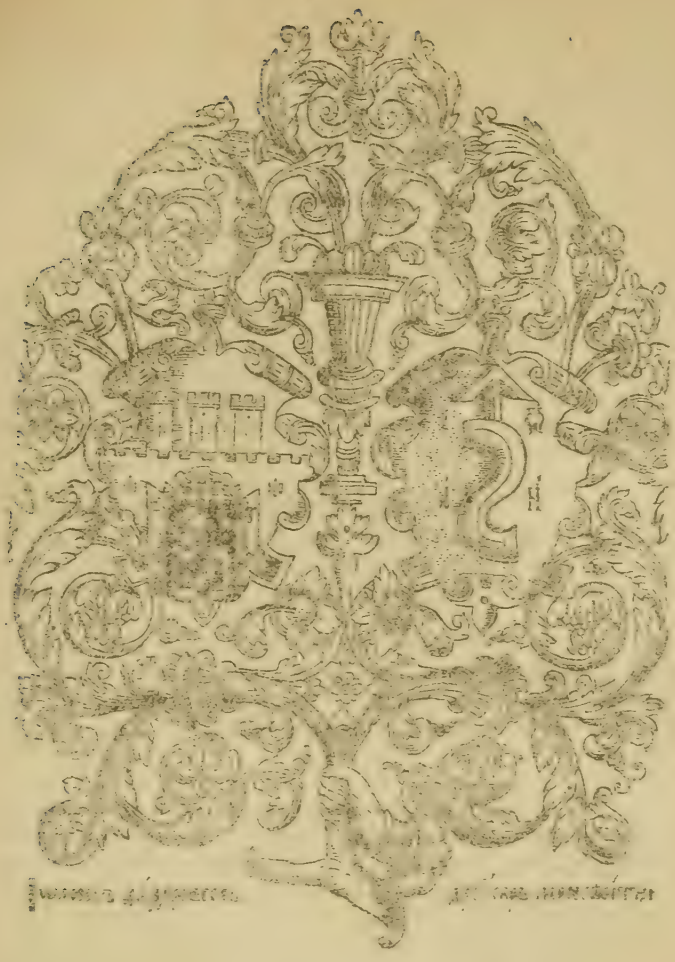
Толкъ. Нѣціи же предъ храмы своими, идѣже купятъ или продаютъ, или предъ враты домовъ своихъ пожаръ запаливъ, прескакаху по древнему нѣкакому обычаю, и се упражняюще отцы повелѣваютъ. Аще убо обрящется причетникъ таковое нѣчто творя, да извержется; мирскій же человѣкъ, да отлучится, ибо и Манасія царь сквозе пламень проведъ чада своя и волшествуя разгнѣви Бога. Толкованіе тому же. Сей святый соборъ многія обычая древняя возбрани и отмета, якоже глаголемыя каланды и иная многая отверже; такоже и сія, иже марта мѣсяца и въ прочія новыя мѣсяцы волхвованія сотворяющая, или въ великій четвертокъ трутъ полагаютъ въ древо, и то древо, иже имать во обоихъ концахъ, трутъ концы полагаютъ во два древа, и той огнь вжизаютъ во вратѣхъ или предъ враты домовъ своихъ, или предъ торговищи своими сюду и сюду. И тако сквозѣ огнь проходяще съ женами своими и съ чады своими по древнему обычаю волхвующе, якоже писано есть въ четвертомъ царствѣ о Манасіи цари, иже сквозѣ огнь проведе чада своя, вражаше и волхвуяше, и разгнѣви Бога. Всякое волхвованіе отречено есть отъ Бога, яко бѣсовское служеніе есть. Сего ради соборъ сей отнынѣ таковая творити не повелѣлъ есть и запрещаетъ причетникомъ изверженіемъ, простымъ же отлученіемъ.

. . . . . .

. . . . . .

Послѣдняя 100-я глава памятника [1]) *заключаетъ въ себѣ* «отвѣтъ бывшаго Іоасафа митрополита о царевѣ и великого князя и митрополичѣ присылкѣ соборной».

[1]) Для сравнительнаго ознакомленія съ тѣкстомъ „Стоглава“ имѣетъ значеніе изданіе Н. Субботина *Царьскія вопросы и соборныя отвѣты о многоразличныхъ церковныхъ чинехъ* („*Стоглавъ*“). М. 1890. Сдѣлано по списку Хлудовской библіотеки XVI вѣка церковно-славянскимъ шрифтомъ.



II.

Протопопъ „богатырь“ и „священномученикъ“ XVII вѣка.

Если, изучая происхожденіе русскаго раскола старообрядства, безъ *Стоглава* не понять развитія идеологіи послѣдняго, то безъ личности «протопопа-богатыря», какъ его называли въ литературѣ, или «священномученика», какъ его именовали въ расколѣ, остается въ туманѣ среда, породившая Аввакума и его сторонниковъ. Изученіе писаній протопопа Аввакума вскрываетъ намъ выразительно и ярко кругъ людей, которые вышли изъ «истинно» русскихъ нѣдръ двоеперстниковъ XVI вѣка. Аввакумъ не одинокъ въ XVII вѣкѣ, но на немъ, на немъ прежде всего, остановилась память сторонниковъ раскола XVII вѣка и антиникоміанцевъ. Не Аввакумъ создалъ расколъ и не Никонъ—реформу, но на нихъ рѣшительно останавливается историческій взоръ, пытающійся

проникнуть *въ тайну* безконечнаго антагонизма раскола и сухой офиціальной вѣры.

Изъ писаній Аввакума является наиболѣе популярнымъ его *житіе*, полное характерной русской рѣчи и драгоцѣнныхъ деталей, которыя тонко рисуютъ сознаніе древне-русскаго человѣка. Послѣдній полонъ вѣры и фанатизма и на этой почвѣ прежде всего умѣетъ создать тотъ лукавый міръ, въ которомъ все закрыто именемъ Христа Іисуса и вмѣстѣ все приспособлено къ элементарности отжившаго соціально-экономическаго уклада.

По [1]) благословенію отца моего старца Епифанія писано моею рукою грѣшною протопопа Аввакума и, аще что речено просто, и вы, Господа ради чтущіи и слышащіи, не позазрите просторѣчію нашему, понеже люблю свой русской природной языкъ, виршами филосовскими не обыкъ рѣчи красить, понеже не словесъ красныхъ Богъ слушаетъ, но дѣлъ нашихъ хощетъ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . Многострадальный юзникъ, темничной горемыка и нужетерпецъ, исповѣдникъ Христовъ священнопротопопъ Аввакумъ понужденъ бысть житіе свое написати отцемъ его духовнымъ инокомъ Епифаніемъ, да не забвенію будетъ предано дѣло Божіе. Аминь . . . .

. . . . . .

. . . . . Рожденіе же мое въ Нижегородскихъ предѣлехъ, за Кудмою рѣкою, въ селѣ Григоровѣ. Отецъ мой бысть священникъ Петръ, мати Марія, инока Марфа. Отецъ мой прилежаше житія хмельнова, мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаще мя страху Божію . . . . . .

. . . . . .

. . . . . *Далѣе Аввакумъ, описавъ свое пребываніе въ Москвѣ, и крутыя мѣры патріарха Никона, пишетъ*: Меня взяли отъ всенощнаго Борисъ Нелединской со стрѣльцами, человѣкъ со мною съ шестьдесятъ взяли: ихъ въ тюрьму отвели, а меня на патріарховѣ дворѣ на цепь посадили ночью. Егда же росвѣтало, въ день недѣльный, посадили меня на телѣгу, ростеня руки, и везли отъ патріархова двора до Андроньева монастыря. И тутъ на чепи кинули въ темную палатку; ушла вся въ землю. И сидѣлъ три дни, ни елъ, ни пилъ,—во тмѣ сѣдя, кланялся на чепи, не знаю—на востокъ, не знаю—на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ,—токмо мыши, и тараканы, и сверьчки кричатъ, и блохъ довольно. Таже во исходѣ третьихъ сутокъ захотѣлося есть мнѣ; послѣ вечерни ста передъ мною, не вѣмъ—человѣкъ, не вѣмъ ангелъ,—и по се время не знаю. Токмо въ потемкахъ сотворя молитву и взявъ меня за плечо съ чепью, къ лавкѣ привелъ, и посадилъ, и лошку въ руки далъ и хлѣбца немношко и штецъ далъ похлебать,—зѣло прикусны, хороши!—и реклъ мнѣ: полно, довлѣетъ ти ко укрѣпленію! И не стало его: двери

---

[1]) По изданію А. К. Бороздина въ приложеніяхъ къ его книгѣ *Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII вѣкѣ*. Спб. 1900 (по списку Казанской духовной академіи). Важенъ также и списокъ Хлудовской библіотеки, напечатанный Н. И. Субботинымъ въ V томѣ „Матеріаловъ для исторіи раскола". Изъ житія извлеченъ отрывокъ о пребываніи Аввакума въ Сибири. Въ № 1-омъ *Старообрядческаго Вѣстника* за 1907 г., изд. І. И. Хромовымъ въ Москвѣ, была воспроизведена картина Н. Ермолова „Протопопъ Аввакумъ въ ссылкѣ въ Дауріи".

не отворялись, а ево не стало. Чудно только человѣкъ, а что же! ангелу ино вездѣ не загорожено! на утро архимаритъ з братіею вывели меня, журять мнѣ, что патреарху не покорился. И я отъ писанія ево браню! Сняли большую чепь и малую наложили. Отдали черньцу подъ начало, велѣли въ церковь волочить. У церкви за волосы дерутъ и подъ бока толкаютъ, и за чепь торгаютъ, и въ глаза плюютъ. Богъ ихъ проститъ въ сій вѣкъ и въ будущій: не ихъ то дѣло, но діавольское.

Тутъ же въ церкви у нихъ былъ нашъ братъ подначальной исъ Хамовниковъ, пьянства ради преданъ бѣсомъ и гораздо бѣсился томимъ отъ бѣсовъ. Азъ же зжалихся грѣшный объ немъ, во обѣдню стоя на чепи Христа свѣта и пречистую Богородицу помолилъ, чтобъ ево избавили отъ бѣсовъ. Господь же ево бѣднова простилъ, бѣсовъ отгналъ. Онъ же цѣлоуменъ сталъ заплакавъ и ко мнѣ поклонился до земли; я ему заказалъ, чтобъ про меня не сказалъ никому; людіе же догадалися о семъ, учали звонить и молебенъ пѣть. Сидѣлъ я тутъ четыре недѣли.

Послѣ меня взяли Логина протопопа Муромскаго: въ соборной церкви при царѣ остригъ ево овчеобразный волкъ въ обѣдню, во время переноса. Егда снялъ у архидіякона со главы дискосъ и поставилъ на престолъ тѣло Христово, а съ чашею архимаритъ чюдовской Ѳерапонтъ внѣ олтаря при дверехъ царьскихъ стоялъ. Увы разсѣченія тѣлу и крови владыки Христа! Пуще жидовскаго дѣйства игрушка сія! Остригше, содрали съ Логина однорятку и кафтанъ. Онъ же разжегся ревностію божественнаго огня, Никона порицая, и черезъ порогъ олтарной въ глаза ему плевалъ, и распоясався, схватя съ себя рубашку, въ олтарь Никону [1]) въ глаза бросилъ. Чюдно! растопоряся рубашка покрыла дискосъ съ тѣломъ Христовымъ и престолъ. А въ то время и царица въ церкви была. На Логина же возложа чепь и поташа исъ церкви, били метлами и шелепами до Богоявленскаго монастыря. И тутъ кинули нагова въ полатку, и стрельцовъ на карауле накрѣпко учинили. Ему же Богъ въ ту нощь далъ новую шубу да шапку. И на утро Никону сказали. Онъ же разсмѣявся, говоритъ: знаю-су пустосвятовъ тѣхъ. И шапку у него отнялъ, а шубу ему оставилъ.

Посемъ паки меня изъ монастыря водили пѣшева на патріарховъ дворъ, по прежнему ростяня руки. И стязався много со мною, паки отвели такъ же. Таже въ Никитинъ день со кресты ходъ, а меня паки противъ крестовъ везли на телѣге и привезли къ соборной церкви стричь меня такъ же. И держали на порогѣ въ обѣдню долго. Государь сошелъ съ мѣста и приступя къ патреарху упросилъ у нево. Не стригше, отвели въ Приказъ Сибирской, отдали дьяку Третьяку Башмаку, что нынѣ съ нами стражетъ же за православную вѣру, старецъ Саватѣй,—сидитъ въ земляной тюрмѣ у Спаса на Новомъ. Спаси ево, Господи! и тогда мнѣ добро дѣлалъ.

Таже послали меня въ Сибирь въ ссылку з женою и дѣтьми. И колико дорогою было нужды, тово всево говорить много, развѣ малое помянуть. Протопопица родила младенца, больную въ телѣге и потащили!

---

[1]) О Никонѣ въ посланіи къ нѣкоему Іонѣ Аввакумъ говоритъ, что онъ, Никонъ, „шишъ антихристовъ, плутишко“. „Я Никона знаю, пишетъ Аввакумъ, недалеко отъ мене родины родился, родился между Мурашкина и Лыскова въ деревнѣ; отецъ у него черемисинъ, а мати русалка, Мина да Манька, а онъ Никитка колдунъ учинился, да бабъ блудить научился, да въ Желтоводіе съ книгою поводился, да выше, да выше да и къ чертямъ попалъ въ атаманы; а нынѣ, яко кинопсъ волхвуя, ужо пропадетъ скоро и память его съ шумомъ погибнетъ“ (стр. 23).

До Тоболска три тысящи верстъ, недѣль съ тринатцеть волокли телѣгами, и водою, и санми половину пути. Архіепископъ Семеонъ Сибирской (тогда добръ былъ, а нынѣ учинился отступникъ) устроилъ меня въ Тоболске къ мѣсту. Тутъ живучи у церкви великія бѣды постигоша мя. Пятью слова государевы сказывали на меня въ полтора года. И единъ нѣкто, двора архіепископля дьякъ, Иванъ Струна, толъ и душею моею (потрясъ) сице. Владыка съехалъ къ Москвѣ, а онъ безъ него наученіемъ бѣсовскимъ и кознями напалъ на меня. Церкви моея дьяка Антонія захотѣлъ мучить напрасно. Онъ же Антоній утече. у него и прибѣжалъ ко мнѣ въ церьковь. Иванъ же Струна, собрався съ людми во инъ день, прінде ко мнѣ въ церьковь, ухватилъ Антона на крылосѣ за бороду. А я въ то время затворилъ двери и замкнулъ: никово не пустилъ въ церьковь. Одинъ онъ, Струна, вертится, что бѣсъ, въ церковѣ. И я покиня вечерню, со Антономъ, посадя сво на полу, и за мятежъ церковной постегалъ ремнемъ нарочито-таки; а прочіи, человѣкъ з двадцеть, вси побѣгоша гонимы Духомъ. И покаяніе принявъ отъ Струны, къ себѣ отпустилъ ево паки. Сродницы же сво, попы и чернцы, весь градъ возмутили, како бы меня погубить. И въ полъношци привезли сани ко двору моему, ломилися вызбу, хотя меня, взявъ, въ воду свести. И Божіимъ страхомъ отгнани быша и вспять побѣгоша. Мучился я отъ нихъ, бѣгаючи съ мѣсецъ тайно: иное въ церквѣ ночую, иное уйду къ воеводѣ. Княгиня меня въ сундукъ посылала, я де, батюшко, надъ тобою сяду, какъ де придутъ тебя искать къ намъ; и воевода отъ нихъ мятежниковъ боялся, лишь плачетъ, на меня глядя. Я уже и въ тюрму просился—ино не пустятъ. Таково то время было. Провожалъ меня много Матѳей Ломковъ, иже и Митрофанъ въ чернцахъ именуемъ,—на Москвѣ у Павла митрополита ризничимъ былъ, какъ стригъ меня з дьякономъ Аѳанасьемъ. Тогда въ Сибири при мнѣ добръ былъ, а послѣ проглотилъ ево діяволъ, отступилъ же отъ вѣры.

Таже пріѣхалъ съ Москвы архіепископъ и мнѣ мало-мало легче стало. Правильною виною посадилъ ево, Струну, на цепь за сіе: человѣкъ нѣкій з дочерью кровосмѣшеніе сотворилъ, а онъ, Струна, взявъ съ мужика полтину, не наказавъ, отпустилъ. И владыка ево за сіе сковать приказалъ, и мое дѣло тутъ же помянувъ. Онъ же, Струна, ушелъ къ воеводамъ въ Приказъ и сказалъ слово и дѣло государево на меня. Отдали ево сыну боярскому лутчему Петру Бекѣтову, за приставъ. Увы, Петру погибель пришла! Подумавъ, архіепископъ, по правиламъ за вину кровосмѣшенія, сталъ Струну проклинать въ церковѣ. Петръ же Бекѣтовъ въ то время браня архіепископа и меня, изшедъ изъ церкви, взбѣсился, идучи ко двору и падъ издше, горкою смертію умре. Мы же со владыкой приказали ево среди улицы вергнути псомъ на снѣдѣніе, да же граждане оплачютъ ево согрѣшеніе. И сами три дня прилѣжнѣ Божеству стужали объ немъ, да же отпустится ему въ день вѣка отъ Господа. Жалѣя Струны, таковую пагубу пріялъ. И по трехъ днехъ тѣло его сами честнѣ погребли. Полно тово говорить, плачевнова дѣла.

Посемъ указъ пришелъ: велѣно меня исъ Тоболска на Лѣну вести за сіе, что браню отъ писанія и укоряю Никона еретика. Въ тоже время пришла съ Москвы грамотка ко мнѣ. Два брата, жили кои у царя вверху, умерли з женами и дѣтьми. И многіе друзья и сродники померли же въ моръ. Изліялъ Богъ фіялъ гнѣва ярости своея на всю русскую землю за расколъ церковный! Да не захотѣли образумица.

Говорилъ прежде мора Нероновъ царю и прорицалъ три пагубы: моръ, мечь, раздѣленіе. Вся сія збылось во дни наша, а апослѣ и самъ милой принужденъ тремя персты креститца. Таково то попущено дѣйствовати антихристову духу. По Господню реченію, ащѐ возможно ему прельстити и избранныя, и всякъ, мняйся стояти, да блюдется да ся не падетъ. Што тово много и говорить! того ради неослабно ища правды, всякъ молися Христу, а не дряхлою душею о вѣрѣ прилежи, такъ не покинетъ Богъ. Писанное внимай—се полагаю въ Сіонѣ камень претыканію и камень соблазну; вси бо не сходящіися съ нами о немъ претыкаются или соблажняются. Разумѣешь ли сіе, камень—Христосъ, а Сіонъ—церковь, а блазнящіися похотолюбцы и вси отступницы, временныхъ ради о вѣчномъ не брегутъ, просто молвить—діаволю волю творятъ, а о Христовѣ повелѣніи не радятъ. Но аще кто претknется—о камень сей сокрушится, а на немъ же камень падетъ—сотрыетъ его. Внимай-ко гораздно и слушай, что пророкъ говоритъ со апостоломъ: что жорновъ дурака въ муку перемелетъ, тогда узнаетъ всякъ высокосердечьный, какъ скакать по холмамъ, перестанетъ, сирѣчь отъ всѣхъ сихъ упразднится. Полно тово.

Паки стану говорить: какъ меня исъ Тобольска привезли на Лѣну, а егда въ Енисѣйскъ привезли—другой указъ пришелъ.

Велено въ Дауры вести, тысящь з двадцеть отъ Москвы и больши будетъ. Отдали меня Афонасію Пашкову: онъ туды воеводою посланъ, и грѣхъ ради моихъ суровъ и безчеловѣченъ человѣкъ, біетъ безпрестанно людей, и мучитъ, и жжетъ. И я много разговаривалъ ему, да и самъ въ руки попалъ. А съ Москвы отъ Никона ему приказано мучить меня. Поехали изъ Енисѣйска. Егда будемъ въ Тунгускѣ рѣкѣ, бурею дощеникъ мой въ воду загрузило: налился средѣ рѣки полонъ воды, и парусъ изорвало, одны палубы на верху, а то все въ воду ушло. Жена моя робятъ кое-какъ вытаскала на верхъ, а сама ходитъ простоволоса, въ забытіи ума, а я на небо глядя, кричю: Господи, спаси! Господи, помози! И Божіею волею прибило къ берегу насъ. Много о томъ говорить! На другомъ дощеникѣ двухъ человѣкъ сорвало и утонули въ водѣ. Оправяся, мы паки поехали впредь.

Егда пріехали на Шаманской порогъ, на встрѣчю намъ приплыли люди, а съ ними двѣ вдовы,—одна лѣтъ вь 60, а другая и болши. Пловутъ пострищися въ монастырь. А онъ, Пашковъ, сталъ ихъ ворочать и хочетъ замужъ отдать. И я ему сталъ говорить: по правиламъ не подобаетъ таковыхъ замужь давать. Онъ же, осердясь на меня, на другомъ порогѣ сталъ меня изъ дощеника выбивать: еретикъ-де ты, для тебя дощеникъ худо идетъ! поди-де по горамъ, а съ казаками не ходи.

Горе стало! Горы высокія, дебри непроходимыя; утесъ каменной, яко стѣна стоитъ и поглядѣть—заломя шапку. Въ горахъ тѣхъ обрѣтаются змеи великіе, въ нихъ же витаютъ гуси и утицы,—періе красное; тамо же вороны черные, а галки сѣрыя, измѣнены при русскихъ птицахъ имѣютъ періе. Тамо же орлы, и сокола и кречета и курята индійскія, и бабы, и лебеди, и иные дикіи,—многое множество,—птицы разные. На тѣхъ же горахъ гуляютъ звѣри дикіе: козы, и олени, и зубри, и лоси, и кабаны, волки и бараны дикіе: во очію нашу, а взять нельзя. На тѣ же горы Пашковъ выбивалъ меня со звѣрми витать. И азъ ему малое писанейце написалъ. Сице начало: человѣче, убойся Бога, сѣдящаго на херувимѣхъ и призирающаго въ бездны. Его же трепещутъ небо и земля со человѣки и вся тварь,—токмо ты единъ презираешь и не-

удобство къ нему показуешь. И прочая тамъ многонько писано. А се бѣгутъ человѣкъ съ пятьдесятъ, и взяли мой дощеникъ и помчали къ нему,—версты съ три отъ него стоялъ. Я казакомъ каши съ масломъ наварилъ, да кормлю ихъ и оны, бѣдные, ядятъ и дрожатъ, а иные плачутъ, глядя на меня, жалѣя по мнѣ. Егда дощеникъ привели, взяли меня палачи, привели предъ него. Онъ же и стоитъ и дрожитъ, шпагою подпершись. Началъ мнѣ говорить: попъ ли ты, али распопъ? И я отвѣщалъ: азъ есмь Аввакумъ протопопъ; что тебѣ дѣло до меня? Онъ же, рыкнувъ, аки дивій звѣрь и ударилъ меня по щокѣ и паки по другой, и въ голову еще; и збилъ меня съ ногъ, ухватилъ у слуги своего чеканъ и трижды по спинѣ лежачева зашибъ, и разболокши, по той же спинѣ семьдесятъ два удара кнутомъ. Палачъ біетъ, а я говорю: Господи Ісусе Христе, сыне Божій, помогай мнѣ. Да тожь говорю,—такъ ему горко, что не говорю: пощади! Ко всякому удару, Господи Ісусе Христе, сынъ Божій, помогай мнѣ. Да о срединѣ той вскричалъ я: полно бить тово! Такъ онъ велѣлъ перестать, и я промолвилъ ему: за что ты меня бьешь? Вѣдаешь ли? И онъ паки велѣлъ бить по бокамъ. Спустили. Я задрожалъ, да и упалъ. И онъ велѣлъ въ казенный дощеникъ оттащить. Сковали руки и ноги и кинули на беть.

Осень была: дождь на меня шелъ и въ побои и въ нощь. Какъ били, такъ не болно было съ молитвою тою, а лежа на умъ взбрело: за что ты, сыне Божій, попустилъ таково болно убить тово меня? Я веть за вдовы твои сталъ! Кто дастъ судію между мною и тобою? Когда воровалъ, и ты меня такъ не оскорблялъ, а нынѣ не вѣмъ, что согрѣшилъ! Бытто добрый человѣкъ! Другой фарисей, погибельный сынъ, съ гов...ною рожею праведникомъ себя наменилъ, да со владыкою, что Іевъ непорочной на судъ, да Іевъ хотя бъ и грѣшенъ, ино нельзя на него подивить: внѣ закона живый, писанія не разумѣлъ, въ варварской землѣ живя; аще и того же рода Авраамля, но поганова колѣна. Внимай: Исаакъ Авраамовичъ роди скверновa Исава, Исавъ роди Рагуила, Рагуилъ роди Зара, Зара же праведнаго Іева—вотъ смотри у ково Іеву добру научитца. Вси прадѣды идолопоклонники и блудники были, но отъ твари Бога уразумѣвъ, живъ праведный непорочно; и въ язвѣ лежа изнесе глаголъ отъ недоразумѣнія и простоты сердца: изведый мя изъ чрева матере моея, кто дастъ судію между мною и тобою, яко тако наказуеши мя; ни азъ презрѣхъ сироты и вдовицы, отъ острига овецъ моихъ плещи нищихъ одѣвахуся, и сниде Богъ къ нему и прочая. А я таковая же дерзнухъ отъ коего разума? родился въ церквѣ, на законѣ почиваю, писаніемъ ветхаго и новаго закона огражденъ, вождя себя помышляю быти слѣпымъ, а самъ ослѣпъ извнутри; какъ дощеникъ-отъ не погрязъ со мною!

Стало у меня въ тѣ поры кости те щемить, жилы те тянуть, и сердце зашлось, а и умирать сталъ. Воды мнѣ въ ротъ плеснули: такъ вздохнулъ, да покаялся передъ владыкою, да и опять перестало все болѣть. На утро кинули меня въ лотку и напредь повезли. Егда пріѣхали къ порогу Падуну Большому: рѣка о томъ мѣстѣ шириною съ версту. Три залавка гораздо круты: аще не воротами что попловетъ, ино въ щепы изломаетъ. Меня привезли подъ порогъ. Сверху дождь и снѣгъ. На плечахъ одно кафтанишко накинуто просто,—льетъ по спинѣ и по брюху вода. Нужно было гораздо. Изъ лотки вытащили, по каменью около порога тово тащили. Да ужъ тому не пеняю на Спасителя своего, но пророкомъ и апостоломъ утѣшаюся, въ себѣ говоря: сыне, не пренемогай

наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣй, отъ него обличаемъ. Его же любитъ Богъ, того наказуетъ. Біетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ. Аще наказаніе терпите, тогда яко сыномъ обрѣтается вамъ Богъ. Аще ли безъ наказанія пріобщаетеся ему, то выблядки, а не сынове есте.

Таже привезли въ Брацкой острогъ и кинули въ студеную тюрьму, соломки дали немношко. Сидѣлъ до Филиппова въ студеной башнѣ: тамъ зима въ тѣ поры живетъ, да Богъ грѣлъ и безъ платья всяко. Что собачка, на соломе лежу, на брюхе: на спине той нельзя было. Коли покормятъ, коли нѣтъ. Есть тово послѣ побой тѣхъ хочется, да да веть су не воля то есть: какъ пожалуютъ, дадутъ; да безчинники ругались надо мною: иногда одново хлѣбца дадутъ, а иногда ветчинки одное не вареной, иногда масла коровья безъ хлѣба же. Я таки что собака, такъ и емъ, не умывался веть, да помолитвую. Караульщики по пяти человѣкъ одоль стоятъ, щелка на стенѣ была, собачка ко мнѣ по вся дни приходила, да поглядитъ на меня; яко Лазаря во гною у вратѣхъ богатаго пси облизаху гной его, отраду ему чинили, такъ и я со своею собачкою разговаривалъ, а человѣцы далече скрестъ меня ходятъ и поглядѣть на тюрьму не смѣютъ. Мышей много у меня было, я ихъ скуфьею билъ, и батошка не дали; блохъ да вшей было много. Хотѣлъ на Пашкова кричать: прости! да сила Божія возбранила, велѣно терпѣть. Въ шестую недѣлю послѣ побой перевелъ меня въ теплую избу, и я тутъ съ аманатами и съ собаками зимовалъ скованъ, а жена з дѣтьми верстъ з двадцеть была сослана отъ меня. Баба ея Ксенья мучи браня зиму ту тамъ въ мѣстѣ пустомъ. Сынъ Иванъ еще не великъ былъ, прибрелъ ко мнѣ побывать послѣ Христова рожества, и Пашковъ велѣлъ кинуть въ студеную тюрьму, гдѣ я прежде сидѣлъ, да и опять велѣлъ къ матере протолкать, я ево и не видалъ; приволоксѣ, руки и ноги ознобилъ.

На весну паки поехали впредь; все разорено: запасъ, и одежда, и книги все растащено. На Байкаловѣ морѣ паки тонулъ, по рѣкѣ по Хилку заставилъ меня лямку тянуть, зѣло нуженъ ходъ ею былъ, и поѣсть неколи было, нежели стать; цѣлое лѣто бились противъ воды. Отъ тяготы водяныя въ осень у людей стали и у меня ноги пухнуть, и животъ посинѣлъ, а на другое лѣто и умирать стали отъ воды. Два лѣта бродилъ въ водѣ, а зимами волочился за волоки, чрезъ хрепты; на томъ же Хилке въ третье тонулъ: барку отъ берегу оторвало, людскіе стоятъ, а меня понесло; жена и дѣти остались на берегу, а меня самъ другъ съ кормщикомъ понесло, вода быстрая переворачиваетъ барку вверхъ дномъ и паки полубами, а я на ней ползаю и кричю: Владычице, помози, упованіе, не погрузи! Иное ноги въ водѣ, а иное выползу на верхъ; несло съ версту и болши, да переняли; все розмыло до крохи. Изъ воды вышедъ смеюсь, а люди-те охаютъ глядя на меня; платье-то по кустамъ развѣшаютъ; шубы шелковыя и кое-какія бездѣлицы той было много еще въ чемоданахъ, да въ сумахъ, съ тѣхъ поръ все перегнило, наги стали; а Пашковъ меня же хотѣлъ бить: ты-де надъ собою дѣлаешь на смѣхъ. И я су въ кустъ зашедъ, ко Богородицѣ припалъ: Владычице моя, пресвятая Богородице, уйми дурака тово, и такъ спина болитъ! Такъ Богородица свѣтъ и уняла—сталъ по мнѣ тужить.

Доехали до Ергеня озера, волокъ тутъ, стали волочитца, а у меня работниковъ отнялъ; инымъ нанятца не велитъ, а дѣти были маленьки, таскать не съ кѣмъ. Одинъ бѣдной протопопъ здѣлалъ нарту и зиму всю за волокъ бродилъ. У людей собаки въ подпряшкахъ, а у меня не

было; одинова лишо двухъ сыновъ, маленки еще были, Иванъ и Прокопей тащили со мною, что кобелки за волокъ нарту. Волокъ—верстъ со сто—насилу бѣдные и перебрели; а протопопица муку и младенца за плечами на себѣ тащила, а дочь Огрофена брела, да на нарту и взвалилась, и братья ея со мною по маленку тащили. И смѣхъ и горе, какъ помянутся дніе оны: робята-тѣ изнемогутъ и на снѣгъ повалятся, а мать по кусочку пряничка имъ дастъ и онѣ съѣдши опять лямку потянутъ; и кое-какъ перебилися волокъ, да подъ сосною и жить стали, что Авраамъ у дуба мамврійска. Не пустилъ насъ и въ засѣку Пашковъ, сперьва дондеже натѣшился, и мы недѣлю, другую мерзли подъ сосною съ робяты одны, кромѣ людей на бору, и потомъ въ засѣку пустилъ и указалъ мнѣ мѣсто. Такъ мы съ робяты огородились, балаганецъ здѣлавъ, огонь курили, и какъ до воды домаялись—весною на плотахъ поплыли на низъ по Ингодѣ рѣкѣ; отъ Тобольска четвертое лѣто. Лѣсъ гнали городовой и хоромной, есть стало нѣчева, люди стали мереть зъ голоду и отъ водяныя бродни, рѣка песчаная, засыпная, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большіе, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокіе, огонь, да встряска. Люди голодные, лицо станутъ бить, ано и умретъ, и безъ битья насилу человѣкъ дышитъ, съ весны по одному мѣшку солоду дано на десять человѣкъ на все лѣто, да петь работай, никуды на промыселъ не ходи; и вербы бѣдной въ кашу ущипать збродитъ—и за то палкою по лбу: не ходи мужикъ, умри на работѣ. Шестьсотъ человѣкъ было, всѣхъ такъ то перестроилъ. Охъ, времени тому, не знаю, какъ умъ у него изступилъ!

Однорятка московская жены моея не згнила, по русскому рублевъ въ полтретьятцеть, а по тамошнему и болши. Далъ намъ четыре мешка ржи за нея, а мы съ травою перебивались. На Нерче рѣкѣ всѣ люди з голоду померьли, осталось небольшое мѣсто. По степямъ скитаяся и по лѣсу, траву и кореніе копали, а мы съ ними же, а зимою сосну. Иное кобылятины Богъ дастъ, а иное отъ волковъ пораженныхъ звѣрей кости находили,—и что у волка осталось, то мы глодали, а пные и самыхъ озябшихъ волковъ и лисицъ ели. Два у меня сына въ тѣхъ умерли нуждахъ. Не велики были, да однако дѣтки, пускай ихъ, не гдѣ ся дѣнутъ, а, съ прочими скитающеся, наги и босы по горамъ и острому каменію травою и кореніемъ перебивались. И самъ я грѣшной причастенъ мясамъ кобыльимъ и мертвечьимъ по нуждѣ, но помогала намъ по Христѣ болярыня воеводская сноха Евдокѣя Кириловна, да жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна. Онѣ намъ отъ смерти, Христа ради, отраду давали тайно, чтобъ онъ не свѣдалъ,—иногда пришлютъ кусокъ мясца, иногда колобокъ, иногда мучьки и овсеца, колко сойдется,—четверть пудика и гривенку другую, а иногда полпудика и пудикъ передастъ, накопя, а иногда у куровъ корма нагребетъ.

И тое великіе нужды было годовъ съ шесть и болши, а въ иные годы Богъ отрадилъ, а онъ, Афонасій, навѣтуя, мнѣ безпрестанно смерть ищетъ. Въ той же нуждѣ прислалъ ко мнѣ двѣ вдовы—сѣнныя любимыя его были—Марія да Софья, одержимыя духомъ нечистымъ. Ворожа и колдуя много надъ ними, и видитъ, яко ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ,—зѣло жестоко ихъ бѣси мучатъ, кричатъ и біются,—призвавъ меня, и говоритъ поклоняся: пожалуй, возми ихъ ты и попекися объ нихъ, Бога моля: послушаетъ тебя Богъ. И я ему отвѣщалъ: Выше, реку, государь, мѣры прошеніе; но за молитвъ святыхъ отецъ на-

шихъ вся возможна суть Богу. Взялъ ихъ бѣдныхъ. Простите, Бога ради! Во искусѣ то на Руси бывало,—человѣка три, четыре бѣшеныхъ въ дому моемъ бывало приведшихъ, и, за молитвъ святыхъ отецъ, исхождаху отъ нихъ бѣси дѣйствомъ и повелѣніемъ Бога живаго и Господа нашего Іисуса Христа сына Божія — свѣта. Слезами и водой покроплю, и масломъ помажу, во имя Христово молебная пѣвше. И сила Божія отгоняше отъ человѣкъ бѣсы и здрави бываху, не по моему достоинству, но по вѣрѣ приходящихъ. Древле благодать дѣйствоваше ослом при Валаамѣ, и при Уліанѣ мученикѣ рысью, а при Сисиніи оленемъ: говорили человѣческимъ гласомъ. Богъ идеже хощетъ, побѣждается естества чинъ. Чти житіе Федора Едесскаго, тамъ обрящеши: и блудница мертваго воскресила. Въ Кормчей писано: не всѣхъ Духъ святый рукополагаетъ, но всѣми дѣйствуетъ, кромѣ еретика.

Таже привели ко мнѣ бабъ бѣшеныхъ. Я, по обычаю, самъ постился и имъ не давалъ ѣсть, молебствовалъ и масломъ мазалъ, и, како знаю, дѣйствовалъ. И бабы о Христѣ целоумны стали. Христосъ избавилъ ихъ бѣдныхъ отъ бѣсовъ. Я ихъ исповѣдалъ и причастилъ. Живутъ у меня и молятся Богу: любятъ меня и домой не идутъ. Свѣдалъ онъ, что мнѣ учинилися дочери духовныя, осердился на меня опять пущи и старова, хотѣлъ меня въ огнѣ жжещи: ты-де вывѣдывешь мои тайны. А ихъ домой взялъ. Онъ чаялъ Христосъ просто покинетъ, ано и старова пущи стали бѣситца. Заперъ ихъ въ пустую избу, ино никому приступу нѣтъ къ нимъ. Призвалъ къ нимъ чернова попа: и онѣ въ него полѣніемъ бросаютъ. Я дома плачю, а дѣлать не вѣдаю что. И приступить ко двору не смѣю: больно сердитъ на меня. Тайно послалъ къ нимъ воды святыя, велѣлъ ихъ умыти и напоить: і имъ, бѣднымъ, далъ Богъ лехче. Прибрели ко мнѣ сами тайно. И я ихъ помазалъ во имя Христово масломъ: такъ опять и стали, далъ Богъ, по старому здоровы и опять домой сошли. Да по ночамъ ко мнѣ прибѣгали Богу молитца. Ну-су, всякъ правовѣрный разсуди прежьде Христова суда, какъ было мнѣ ихъ причастить, не исповѣдавъ; а не причастивъ, бѣсовъ совершенно не отгонишь. Я инова оружія на бѣсовъ не имѣю, токмо крестъ Христовъ и священное масло, и вода святая, да коли сойдется, слезъ каплю, другую тутъ же прибавлю. А совершенно исцѣленіе бѣсному,—исповѣдаю и причащу тѣла Христова. Такъ даетъ Богъ и здравъ бываетъ. За што было за то гнѣватися! явно въ немъ бѣсъ дѣйствовалъ, навѣтуя ево спасенію, да уже Богъ ево проститъ.

Постригъ я его и поскимилъ; въ Москвѣ пріѣхавъ, царь мнѣ ево головою выдалъ—Богъ такъ изволилъ. Много о томъ Христу докуки было, да слава о немъ Богу; давалъ мнѣ на Москвѣ и денегъ много, да я не взялъ; мнѣ, реку, спасеніе твое тощно надобно, а не деньги; постригись реку, такъ и Богъ проститъ. Видитъ бѣду неминучюю, прислалъ ко мнѣ со слезами. Я къ нему на дворъ пришелъ, и онъ палъ предо мною, говоритъ: воленъ Богъ, да ты и со мною. Я, простя ево съ черньцами и чюдовскими, постригъ ево и поскимилъ, а Богъ ему же еще трудовъ прибавилъ, потому докуки моей объ немъ ко Христу было, чтобъ ево къ себѣ присвоилъ. Рука и нога у него уже отсохли въ Чюдовѣ, исъ кельи не исходитъ, да любо мнѣ сильно, чтобъ ево Богъ царьствію небесному сподобилъ; докучаю и нынѣ объ немъ, да и надѣюся на Христову милость, чаю помилуетъ насъ съ нимъ бѣдныхъ. Полно тово! стану паки говорить про Даурьское бытіе.

Таже съ Нерьчи рѣки назадъ возвратился къ Руси. Пять недѣль по льду голому ехали на нартахъ. Мнѣ подъ робятъ и подъ рухлишко далъ двѣ клячи; а самъ и протопопица брели пѣши, убивающеся о ледъ. Страна варварская; иноземцы немирные; отстать отъ лошадей не смѣемъ, а за лошадми итти не поспѣемъ, голодные и томные люди. Въ иную пору протопопица бѣдная брела, брела да и повалилась и встать не можетъ. А иной томной же тутъ же взвалился: оба карабкаются, а встать не смогутъ. Опосля на меня бѣдная пеняетъ: долго-ль, протопопъ, сего мученія будетъ? И я ей сказалъ: Марковна, до самыя до смерти. Она же противъ: добро, Петровичь, и мы еще побредемъ впредь.

Курочка у насъ была черненька, по два яичька на всякъ день приносила. Богъ такъ строилъ робяти на пищу. По грѣхомъ, въ то время везучи на нартѣ, удавили. Ни курочка, ништо—чюдо была, по два яичка на день давала. А не просто намъ и досталась. У боярыни куры всѣ занемогли, и переслѣпли, и пропадать стали. Она же, собравъ ихъ въ коробъ, прислала ко мнѣ, велѣла объ нихъ молитца. И я грѣшной молебенъ пѣлъ, и воду святилъ, и куры кропилъ, и въ лѣсъ сходя, корыто имъ здѣлалъ, и отослалъ паки. Богъ же, по вѣрѣ ея, исцелилъ ихъ. Отъ тово то племяни и наша курочка была.

Паки приволоклись на Иргень озеро. Боярыня прислала, пожаловала сковородку пшеницы и мы кутьи наелись. Кормилица моя была боярыня та Евдокѣя Кириловна, а и съ нею діяволъ ссорилъ, сице: сынъ у нея былъ Симеонъ, тамъ родился: я молитву давалъ и крестилъ. На всякъ день присылала ко благословенію ко мнѣ: я, крестомъ благословя, и водою покроплю; поцеловавъ его и паки отпущу. Дитя наше здраво и хорошо! Не прилучилося меня дома: занемогъ младенецъ. Смалодушничавъ, она, осердясь на меня, послала ребенка къ шептуну мужику. И я, свѣдавъ, осердился на нея, и межь нами пря велика стала быть. Младенецъ пуще занемогъ: рука и ноги засохли, что батошки. Въ зазоръ пришла; не знаетъ, дѣлать что, а Богъ пущи угнетаетъ. Робеночекъ на кончину пришелъ. Пѣстуны, приходя, плачутъ ко мнѣ; а я говорю: коли баба лиха, живи же себѣ одна! А ожидаю покаянія ея. Вижу, яко ожесточилъ дьяволъ сердце ея; припалъ ко Владыки, чтобъ образумилъ ея. Господь же, премилостивый Богъ, умягчилъ ниву сердца ея: прислала на утро Иванна сына своего со слезами прощенія просить. Онъ же кланяется, ходя около печи моея. А я на печи нагъ подъ берестомъ лежу; а протопопица въ печи; а дѣти кое-гдѣ перебиваются: прилучилось въ дождь; одежды не стало, а зимовье каплетъ,—всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: вели матери прощенія просить у Арефы колдуна. Потомъ и болнова принесли и положили предъ меня, плача и кланяяся. Азъ же, вставъ, добылъ въ грязи потрахѣль и масло священное нашелъ. Помоля Бога и покадя, помазалъ масломъ во имя Христово и крестомъ благословилъ. Младенецъ же и здравъ паки по старому сталъ,—съ рукою и съ ногою, маніемъ божественнымъ. Я, напоя водою, и къ матери послалъ. На утро прислала боярыня пироговъ да рыбы. И съ тѣхъ мѣстъ помирился. Выехавъ зъ Дауръ, умерла, миленькая, на Москвѣ: и я погребалъ ея въ Вознесенскомъ монастырѣ. Свѣдалъ про младенца Пашковъ и самъ (она сказала ему). Я къ нему пришелъ. И онъ поклонился низенько мнѣ, а самъ говоритъ: Господь тебѣ воздастъ! Спаси Богъ, что отечески творишъ,—не помнишъ нашева зла. И въ тотъ день пищи довольно прислалъ.

Боярыня Морозова.

Оригиналъ картины В. И. Сурикова *Боярыня Морозова* (около 1887 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ (№ 739). Картина эта пользуется очень большой популярностью, не разъ была издана и, несмотря на свою общеизвѣстность, должна была найти себѣ мѣсто въ настоящей иллюстраціи «Русской Исторіи». Пусть у В. Сурикова художественная критика находитъ не одинъ и не два техническихъ промаха, пусть порою грѣшитъ онъ нѣкоторой исторической вольностью, тѣмъ не менѣе и общій характеръ его историко-художественнаго творчества и въ частности культурная сила его «Боярыни Морозовой» привлекали и продолжаютъ привлекать вниманіе людей разныхъ историческихъ направленій, людей, глубоко несходныхъ другъ съ другомъ по своему міропониманію и по своимъ отношеніямъ къ прошлому... Картина производитъ могучее впечатлѣніе по обрисовкѣ окружающей Морозову толпы. Ѳедосья Прокофьевна Морозова, урожденная Соковнина,—дама высшаго московскаго общества XVII вѣка, очень богатая и очень замѣтная по своей благотворительной дѣятельности, близкая ко двору... и одна изъ самыхъ ревностныхъ, самыхъ убѣжденныхъ послѣдовательницъ протопопа Аввакума, а слѣдовательно, одинъ изъ мощныхъ столповъ начальной стадіи въ развитіи русскаго раскола старообрядства. Когда М. А. Ртищевъ какъ-то неодобрительно отозвался объ Аввакумѣ, Морозова горячо запротестовала: «Не тако, дядюшка, не тако, нѣсть право твое слово: сладкое горькимъ называеши. Аввакумъ истинный ученикъ Христовъ, понеже страждетъ нынѣ отъ васъ за законъ владыки своего, и сего ради хотящимъ Богу угодити довлѣетъ ученія его послушати». Помимо Ѳедосьи, вдовы извѣстнаго Глѣба Ивановича Морозова, послѣдовательницей Аввакума была также родная ея сестра, княгиня Авдотья Прокофьевна Урусова. Тономъ искренняго задушевнаго обожанія дышатъ письма Аввакума Морозовой: Аввакумъ и пожуритъ, и приласкаетъ, и пославословитъ. Эти письма, какъ и вообще писанія Аввакума, безцѣнный памятникъ древнерусской психологіи и древнерусскаго міровоззрѣнія. Были неописуемо тяжки страданія этихъ людей, высота ихъ подвиговъ была безмѣрна по сравненію съ нищетой ихъ религіозно-бытовой философіи.

По пріѣздѣ изъ Сибири Аввакумъ «у свѣта... Ѳедосьи Прокофьевны Морозовой, не выходя, жилъ во дворѣ». Царь Алексѣй, этотъ *тишайшій* царь, этотъ вдохновитель тяжкихъ пытокъ и каръ для людей «старой вѣры», не могъ вынести «лютости» Морозовой и «смиренности» Урусовой; сестеръ пытали у государя на Верху, сослали потомъ въ Боровскъ, посадили въ земляную тюрьму, содержаніемъ въ которой сестры одна за другой скоро были убиты. Такъ насаждалась въ Москвѣ правая вѣра. Этотъ отвозъ Морозовой въ Кремль на допросъ, на жестокую пытку и составляетъ сюжетъ картины В. Сурикова. Гнѣвно и люто исповѣдуетъ Морозова «всенародне» свою вѣру, высоко поднявъ два перста, — древнюю вѣру, ибо, что ни писать, а двоеперстіе въ XVI вѣкѣ официально было признано правильной формой крестнаго знаменія для русскаго человѣка, жившаго въ полномъ мирѣ съ государствомъ и съ официальной церковью; Морозовой вторитъ юродивый, а масса людей съ безумной тос-

кой, нескрываемымъ горемъ, страхомъ и отчаяніемъ смотрятъ на «святую», увозимую для *пытки* въ мѣсто московскихъ святынь и государевыхъ хоромъ. Есть на картинѣ и отпрыскъ офиціальной церкви (будемъ только помнить, что и ея противники сумѣли бы не хуже расправиться съ своими врагами). Когда и гдѣ художникъ ухитрился украсть изъ живой русской дѣйствительности это навожденіе? Откуда явился у него такой неисчерпаемый запасъ вдохновенія изобразить это классическое воплощеніе паскуднаго холопскаго смѣха, этого жалкаго надруганія надъ идеей Христовой вѣры? Разъ взглянувъ на такую фигуру, публично выставленную нынѣ на всемірный позоръ, не трудно представить себѣ, почему случилось неописуемо быстро это паденіе всякаго авторитета того общественнаго класса, которому позднѣе захотѣлось сыграть дутую общественную роль и пришлось дойти до благословенія погрома. Въ толпѣ—юродивые и нищіе, странники и постники; все это—необходимая принадлежность древнерусскаго быта. Юродствовать, странствовать, бродить, жить за чужой счетъ—это характерныя историческія черты, черты эпохи, когда не понимали самыхъ элементарныхъ задачъ общественности, когда жизнь ежеминутно выбивала людей изъ ихъ хозяйственной колеи, когда бояринъ и боярщина были притономъ для призрѣнія всякаго народа. «Нищій богатымъ питаетца, а богатый нищимъ спасаетца», говорили тогда. Безъ нищихъ и убогихъ не попадешь въ царствіе небесное; пролетаріатъ былъ тѣмъ несчастнымъ, но совершенно необходимымъ мясомъ, при помощи котораго сытый и толстый бояринъ могъ попасть въ узкія врата небеснаго царствія. Центральная фигура картины—сама героиня, сидящая въ широкихъ саняхъ-розвальняхъ, оставляющихъ полозьями глубокія колеи въ рыхломъ снѣгу. Присутствія такой массы снѣга давно уже не знаютъ московскія улицы. Жестокость цѣпей, впалыя щеки, огонь безумнаго фанатизма въ глазахъ—все это не можетъ привлекать зрителя въ наше время. Ни безсмысленность аскетизма, ни пристрастіе къ буквѣ или обряду, ни вдохновенно-религіозное изувѣрство не трогаютъ; все это не нужно намъ, и, по нынѣшнему говоря, болѣе чѣмъ не умно. Но во всякую эпоху идетъ борьба, въ формахъ и краскахъ ей свойственныхъ. Всякая эпоха создаетъ свои пріемы борьбы и ставитъ свои опредѣленныя задачи. Съ точки зрѣнія эпохи, и надлежитъ смотрѣть на работу каждой отдѣльной личности. Эпоха, выдвинувшая Аввакума и Морозову, многаго стоитъ, и пусть самъ Аввакумъ скажетъ, чѣмъ была для его времени Морозова; выразительнѣе, цѣльнѣе и ближе къ міровоззрѣнію XVII вѣка теперь не сказать «про свѣтъ нашъ Ѳедосьюшку».

«Сего ради и азъ, протопопъ и юзникъ о Господѣ, молю вы друговъ моихъ сердечныхъ, стойте прочее и не унывайте о житіи прежебывшемъ, читаемъ въ третьемъ посланіи къ Морозовой, вѣмъ, другъ мой милой Ѳеодосья Прокопьевна,—жена ты была боярская, Глѣба Ивановича Морозова, вдова честная, вверху чина царева, близъ царицы. Дома твоего тебѣ служащихъ было человѣкъ съ 300, у тебя жъ было крестьянъ 8000, имѣнія въ дому твоемъ на 200000 или на полтретьи было. У тебя жъ былъ всему сему наслѣдникъ сынъ, Иванъ Глѣбовичъ Морозовъ. Друговъ и сродниковъ въ Москвѣ множество много. Ѣздила къ нимъ на колесницѣ, еже есть въ коретѣ драгой, и устроеной мусіею и сребромъ, и аргамаки многи, 6 или 12, съ гремячими цѣпьми. За тобою же слугъ, рабовъ и рабынь 100 или 200, а иногда человѣкъ и триста оберегали честь твою и здоровье. Предъ ними же лѣпота лица твоего сіяла, яко древле во Израили святыя вдовы Іюдифы, побѣдившія навходоносорова князя Алоферна. И знаменита была въ Москвѣ предъ человѣки, яко древняя Деввора во Израили, Есфирь, жена царя Артаксеркса». Описавъ, какъ молится свѣтъ Ѳедосьюшка, Аввакумъ продолжаетъ: «Очи же твои молненосны, держастася отъ суеты міра, токмо на нищихъ и убогихъ призираютъ. Нозѣ же твои дивно ступаніе

имѣютъ: до полунощи со Анною домочадицею своею тайно бродишь по темницамъ и по богадѣльнямъ, милостыню отъ дому своего нося, денги и ризы, и потребная комуждо неимущему доволно, овому рубль, а иному десять, а индѣ 50 рублевъ, и мѣшокъ сотной. Напослѣдокъ же сына своего Ивана въ жертву принесе Богу, православія ради, еже есть скончался скоро отрокъ отъ великія печали, егда отступники съ тобою разлучили. Ты же ни мало отъ подвига уклонися, ни усумнѣся, но и паче простираться ко обличенію враговъ креста Христова и разорителей догматовъ святыя церкви. Они же тя, яко звѣріе дивіи, терзаху на пыткѣ, руцѣ твои и плоть рваху. И сестру твою, княгиню Урусову Евдокѣю Прокопьевну, также мучили на пыткѣ. И Марью Герасимовну, Акинфея Ивановича Данилова жену, съ вами же пытали и кнутомъ били. Приглашаху еретицѣ у пытки стоя: отверзатеся знаменія Христова и пять перстъ, отъ святыхъ преданныхъ, въ рукѣ не слагайте, но пріимите изволъ господаревъ (т.-е. царскій произволъ) — три перста, и запечатайте себя антихристомъ богомъ нашимъ, мы же къ вамъ милостиви будемъ. Вы же, троица святая, Ѳедосья и Евдокія и Марія, умрети изволиша Христа ради, не послушаша духа противнаго, въ муки ввержени быша, безчестіе, обнаженіе тѣлесемъ и раны пріяша, таже цѣпьми оковани быша и во юзилищахъ мучени много времени быша. Таже всѣхъ васъ и со иными страждущими Христа ради обще живыхъ въ землю вкопали, а иніи отцы и братія наша огню предани быша». И въ четвертомъ посланіи къ Морозовой Аввакумъ продолжаетъ перечислять ея подвиги: «Постящутися и молитву дѣющи неотложно, и власяницу подъ одѣяніемъ ношаше на срачицѣ, устроенна отъ скота власовъ бѣлыхъ, краткорукава. И нѣкогда печаловашеся о томъ, яко познала на тебѣ сноха твоя, Борисова жена Морозова, Анна Ильична; азъ же разсудилъ о томъ, яко не хотѣніемъ такъ сотворилось: Богъ проститъ! Ты же по правилѣ и чтеніи книжномъ разсуждая домочадцовъ и древенскія крестьянскія нужды, безъ покоя дни часу до девятаго и болши печашеся о исправленіи христіянскомъ: иныхъ жезломъ наказуя, а иныхъ любовію и милостію на дѣло Господне привлачая. Иногда же руцѣ твои пряслицѣ касахуся, и прядущу ти нити, и тѣми нитьми рубахъ нашивше своими руками, и по вышереченному со Анною Амосовною ввечеру, одѣвшися въ худыя рубы, по улицамъ и по стогнамъ града нищимъ, ходя, раздѣляше. А иныхъ въ дому своемъ гнойныхъ держаше,—Ѳеодота Стефановича и прочихъ, имъ своима рукама служаше, язвы гнойныя измываше и во уста ихъ пищу влагаше. Еще же юродивымъ Христа ради домъ твой отверстъ бяше, и нищимъ и сиротамъ невозбранно было въ ложницахъ твоихъ витати, и съ ними ядяше изъ единаго сосуда. И бывшу ти въ Верху у царицы, или у своихъ сестеръ, правило церковное и келейное никогда же остави: аще и зѣло утомисься, а праздно не покосниши». Аввакумъ хвалитъ Морозову дальше за то, что она неукоснительно обличала никоніанскую ересь, вездѣ являлась никоніанамъ, какъ левъ лисицамъ. Письмо было мелко написано: «мелко писано, бумажки нѣтъ», заканчиваетъ Аввакумъ, который однажды журилъ Морозову (въ первомъ письмѣ) такъ: «Да переставай ты медокъ попивать. Намъ иногда случается и воды въ честь, да живемъ же. Али ты насъ тѣмъ лучи, что боярыня?.. Единъ честенъ,—тотъ, кто ночью востаетъ на молитву, да медокъ перестанетъ, въ квасъ примѣшивая, пить. Еще ли, государыня, бранится? Мнѣ мнится, обленилася ты на ночную молитву: того ради тебѣ такъ говорю съ веселіемъ». Но и въ глазахъ самого Аввакума эти пятнышки на великой, съ его точки зрѣнія, личности Морозовой нисколько не колебали ни ея *вѣчной красоты,* ни его безмѣрной религіозной любви къ ней. Не всего ли лучше закончить наши замѣчанія о Морозовой любовносердечнымъ воззваніемъ къ ней Аввакума, долго не получавшаго одно время о ней извѣстій.

Вотъ что писалъ тогда Аввакумъ въ своемъ пятомъ письмѣ къ ней: «Свѣтъ моя! Еще ли ты дышишь? Другъ мой сердечной! Еще ли дышешь, или сожгли, или удавили тебя? Не вѣмъ и не слышу; не вѣдаю — жива, не вѣдаю — скончали! Чадо мое церковное, чадо мое драгое, Ѳедосья Прокопьевна! Провѣщай мнѣ старцу грѣшному единъ глаголъ: жива ли ты? Увы, Ѳедосья! увы, Евдокея! Два супруга неразпряженная, двѣ ластовицы сладко-глаголивыя, двѣ маслины и два свѣщника предъ Богомъ на земли стояще! Воистину подобни есте Еноху и Иліи, женскую немошь отложьше, мужескую мудрость воспріявше, діявола побѣдиша, и мучителей посрамиша, вопіюще и глаголюще: пріидите тѣлеса наша мечи ссѣците и огнемъ сожгите, мы бо радуяся идемъ къ жениху своему Христу... Подумаю, — да лише руками возмахну! Какъ такъ, государыня, изволили съ такія высокія степени ступить и въ безчестіе вринутися?.. Увы, чадо драгое! Увы, мой свѣте, утроба наша возлюбленная,—твой сынъ плотской, а мой духовной! Яко трава посѣчена бысть, яко лоза виноградная съ плодомъ къ землѣ преклонился и отыде въ вѣчныя блаженства со ангелы ликовствовати, и съ лики праведныхъ предстоитъ святѣй Троицы. Уже ктому не печется о суетной многострастной плоти, а тебѣ уже неково чотками стегать, и не на ково поглядѣть, какъ на лошадки поѣдетъ, и по головки неково погладить, —помнишь ли,—какъ бывало!.. И ты не больно о немъ кручинься: хорошо, право, Христосъ изволилъ».

В. Стор.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ".

Изд. Т-ва „МІРЪ".

А послѣ тово вскорѣ маленко не сталъ меня пытать. Послушай-ко за что! Отпускалъ онъ сына своего Еремѣя въ Мунгальское царство воевать,—казаковъ съ нимъ 72 человѣка, да тунгусовъ 20 человѣкъ. И заставилъ иноземца шаманить, сирѣчь гадать, удастся ли имъ походъ и з добычею ли будутъ домой? Волхвъ же той мужикъ, близъ моего зимовья, привелъ живова борана въ вечеръ и учалъ надъ нимъ волховать, отвертя голову прочь. И началъ скакать и плясать, и бѣсовъ призывать, крича много. О землю ударился и пѣна изо рта пошла. Бѣси ево давили, а онъ спрашивалъ ихъ: удастся ли походъ? И бѣси сказали: съ побѣдою великою и з богатствомъ болшимъ будете назадъ. Охъ, души моей! отъ горести погубилъ овцы своя, забылъ въ евангеліи писанное, егда Зеведевичи на поселянъ жестокихъ совѣтовали: Господи, аще хощеши, речевѣ, да огнь снидетъ съ небесе и потребитъ ихъ, яко же и Илія сотвори. Обращьжеся Ісусъ и рече имъ: не вѣста, коего духа еста вы: сынъ бо человѣческій не пріиде душъ человѣческихъ погубити, но спасти. И идоша въ ину весь. А я окаянной здѣлалъ не такъ. Во хлѣвинѣ своей съ воплемъ Бога молилъ, да не возвратится вспять ни единъ, да же не збудется пророчество діявольское. И много молился о томъ. И сказали ему, что я молюся такъ: и онъ лише излаялъ въ тѣ поры меня. Отпустилъ сына съ войскомъ. Поѣхали ночью по звѣздамъ. Жаль мнѣ ихъ стало! Видитъ душа моя, что имъ побитымъ быть: а самъ таки молю погибели на нихъ. Иные, приходя ко мнѣ, прощаются, а я говорю имъ: погибнете тамъ! Какъ поехали, такъ лошади подъ ними взоржали вдругъ, и коровы такъ взревѣли, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки завыли: ужасъ напалъ на всѣхъ. Еремѣй прислалъ ко мнѣ вѣсть: чтобъ, батюшко-государь, помолился за меня.

И мнѣ его сильно жаль: другъ мнѣ тайной былъ и страдалъ за меня. Какъ меня отецъ его кнутомъ билъ, сталъ разговаривать отцу: такъ кинулся со шпагой за нимъ. И какъ на другой порогъ пріехали на Падунъ, 40 дощениковъ всѣ въ ворота прошли безъ вреда, а его Афонасьевъ дощеникъ, снасть добрая была, и казаки всѣ шестьсотъ промышляли о немъ, а не могли взвести,—взяла вода силу,—паче же рещи, Богъ наказалъ. Стащило всѣхъ людей въ воду, а дощеникъ на камень бросила вода: черезъ ево льется, а въ нево нейдетъ. Чюдо, какъ Богъ безумныхъ тѣхъ учитъ! Боярыня въ дощеникѣ, а онъ самъ на берегу. Еремѣй сталъ ему говорить: за грѣхъ, батюшко, наказуетъ Богъ! напрасно ты протопопа тово кнутомъ тѣмъ избилъ: пора покаятца, государь! Онъ же рыкнулъ на него, яко звѣрь. И Еремѣй, отклонясь къ соснѣ, прижавъ руки стоя, Господи помилуй! говоритъ. Пашковъ, ухватя у малова колешчатую пищаль,—николи не лжетъ,—приложась на Еремѣя, спустилъ курокъ: осѣклася и не стрелила пищаль. Онъ же, поправя порохъ, опять спустилъ: и паки осѣклася и не стрелила пищаль. Онъ и въ третій разъ сотворилъ такъ же: не стрелила. И онъ и бросилъ на землю ея. Малой, поднявъ, на сторону спустилъ пищаль и выстрелила! А дощеникъ единаче на камени, подъ водою лежитъ. Потомъ Пашковъ сѣлъ на стулъ и шпагою подперся, задумался. А самъ плакать сталъ и, плакавъ, говорилъ: согрѣшилъ, окаянный,—пролилъ неповинную кровь! напрасно протопопа билъ: за то меня наказуетъ Богъ! Чюдно! По писанію: яко косенъ Богъ во гнѣвъ и скоръ на послушаніе. Дощеникъ самъ, покаянія ради, съ камени сплылъ и сталъ носомъ противъ воды. Потянули: а онъ и взбежалъ на тихое мѣсто. Тогда Пашковъ, сына своего призвавъ, промолвилъ ему: прости барьтѣ Еремѣй,—правду ты говоришь.

Онъ же приступя и поклонился отцу. А мнѣ сказывалъ дощеника ево кормщикъ, Григорьй Телной тутъ былъ. Зри, не страдалъ-ли Еремѣй ради меня? Паче же ради Христа, внимай.

Паки на первое возвратимся. Поехали на войну. Жаль мнѣ стало Еремѣя! Сталъ владыкѣ докучать, чтобъ ево пощадилъ. Ждали ихъ и не бывали на срокъ. А въ тѣ поры Пашковъ меня къ себѣ и на глаза не пускалъ! Во единъ отъ дней учредилъ застѣнокъ и огонь росклалъ—хочетъ меня пытать. Я, свѣдавъ, ко исходу души и молитвы проговорилъ: вѣдаю стряпанье ево—послѣ огня тово мало у него живутъ. А самъ жду по себя и, сидя, женѣ плачющей и дѣтямъ говорю: воля Господня да будетъ! Аще живемъ, Господеви живемъ; аще умираемъ, Господеви умираемъ. А се и бегутъ по меня два палача. Чюдно! Еремѣй самъ другъ дорошкою идетъ мимо избы моея. И ихъ вскликалъ и воротилъ. Пашковъ же, оставя застѣнокъ, къ сыну своему съ кручины, яко пьяной пришелъ. Таже Еремѣй со отцомъ своимъ, поклоняся, вся подробну расказалъ: какъ безъ остатку войско побили у него, и какъ его увелъ иноземецъ пустымъ мѣстомъ раненова отъ мунгальскихъ людей, и какъ по каменнымъ горамъ въ лесу седмь дней блудилъ, не ядше,—одну бѣлку сьелъ,—и какъ моимъ образомъ человѣкъ ему явился, во снѣ благословилъ, и путь указалъ, въ которую сторону итти. Онъ же, вскочя, обрадовался и выбрелъ на путь. Егда отцу разсказываетъ, а я въ то время пришелъ поклонился имъ. Пашковъ же, возведъ очи свои на меня, вздохня, говоритъ: такъ-то ты дѣлаешь! людей тѣхъ столько погубилъ! А Еремѣй мнѣ говоритъ: батюшко! поди, государь, домой! И я пошелъ.

Десять лѣтъ онъ меня мучилъ, или я ево—Богъ разберетъ. Перемѣна ему пришла, и мнѣ грамота пришла: велѣно ехать на Русь. Онъ поехалъ, а меня не взялъ съ собою, умышлялъ во умѣ, чаялъ, меня безъ него и не вынесетъ Богъ, а се и самъ я убоялся съ нимъ плыть на поѣздѣ; говорилъ—здѣсь де земля не взяла, на дороге де вода у меня приберетъ; съ среди моря бы велѣлъ съ судна пехнуть, а сказалъ бы, бытто самъ ввалился; того ради и самъ я съ нимъ не порадѣлъ, онъ въ дощеникахъ поплылъ съ людьми и съ ружьемъ, а я мѣсяцъ спустя послѣ ево набралъ старыхъ, и раненыхъ и больныхъ, кои тамъ негодны, человѣкъ з десятокъ, да я съ семьею—семнатцеть человѣкъ, въ лотку сѣдше, уповая на Христа и крестъ поставя на носу, поехали ничего не боясь; а во иную пору и боялись, человѣцы бо есмы, да гдѣ же стало дѣтца. Однако смерть бывало то и на Павла апостола; самъ о себѣ свидѣтельствуетъ сице: «внутрь убо страхъ, а внѣ убо боязнь», а въ иномъ мѣстѣ: «уже бо де не надѣяхомся и живи быти, но Господь избавилъ мя есть и избавляетъ». Такъ то и наша бѣдность: аще не Господь помогалъ бы, въ малѣ, вселися бо во адъ душа моя. И Давидъ глаголетъ: яко аще не бы Господь въ насъ, внегда востати человѣкомъ на ны, убо живы пожерли быша насъ, но Господь всяко избавилъ мя есть и до нынѣ избавляетъ, мотаюсь, яко плевелъ посредѣ пшеницы, посредѣ добрыхъ людей, а индѣ посреды волковъ, яко овечка, или посредѣ псовъ, яко заяцъ, всяко перебиваесься о Христѣ Ісусѣ; но грызутся еретики, что собаки, а безъ Божіи воли проглотити не могутъ; да воля Господня—что Богъ дастъ, то и будетъ. Безъ смерти и мы не будемъ; надобно бы что доброе то здѣлать, и съ чемъ бы появится предъ владыку, а то умремъ всяко.

Полно о семъ. Егда поехали изъ Дауръ, кормчію книгу прикащику далъ и онъ мнѣ мужика кормщика далъ. Прикашикъ же далъ мучьки гривенокъ съ тритцеть, да коровку, да овечекъ. Мясцо иссуша и пло-

вучи, тѣмъ лѣто питались. Стало пищи скудать, и мы з братьею Бога помолили. И Христосъ намъ далъ изубря, болшова звѣря,—тѣмъ и до Байкалова моря доплыли. У моря русскихъ людей наехали,—рыбу промышляютъ и соболи. Ради намъ миленькіе. Терентьюшко з братьею, упокоя насъ, всево надавали много. Лотку починя и парусъ скропавъ, пошли чрезъ море. Окинула насъ на морѣ погода, и мы гребми перегреблися: не больно широко о томъ мѣстѣ, или со сто, или съ восмьдесятъ верстъ. Чемъ къ берегу пристали, востала буря вѣтренная. Насилу и на берегу мѣсто обрѣли отъ волнъ восходящихъ. Около его горы высокія, утесы каменныя и зѣло высокія,—дватцеть тысящь верстъ и болши волочился, а не видалъ нигдѣ такихъ горъ! На верху ихъ палатки и повалуши, врата и столпы, и ограда—все богодѣланное. Чеснокъ на нихъ и лукъ ростетъ болши романовскаго и слатокъ добрѣ. Тамъ же ростутъ и конопли богорасленные, а въ дворахъ травы красны, и цвѣтны, и благовонны зѣло. Птицъ зѣло много,—гусей и лебедей; по морю, яко снѣгъ, плаваетъ. Рыба въ немъ—осетры и таймени, стерляди, омули, и сиги, и прочихъ родовъ много. И зѣло жирна гораздо—на сковородѣ жарить нельзя осетрины: все жиръ будетъ. Вода прѣсная, а нерпы и заиды великіе въ немъ—во акіанѣ, на Мезени живучи, такихъ не видалъ. А все то у Христа надѣлано человѣка ради, чтобъ упокоялся, хвалу Богу воздавалъ. А человѣкъ, суетѣ которой уподобится, дніе его, яко сѣнь, преходятъ; скачетъ, яко козелъ; раздувается, яко пузырь; гнѣвается, яко рысь; съесть хощетъ, яко змія; ржеть, зря на чюжую красоту, яко жребя; лукавствуетъ, яко бѣсъ; насыщаяся невоздержно, безъ правила спитъ, Бога не молитъ; покаяніе отлагаетъ на старость, и потомъ исчезаетъ и не вѣмъ, камо отходитъ: или во свѣтъ, или во тму,—день судный явитъ коегождо. Простите мя: азъ согрѣшилъ паче всѣхъ человѣкъ.

Таже въ русскіе грады приплыли. Въ Енисейске зимовалъ и, плывше лѣто, въ Тобольске зимовалъ. Грѣхъ ради нашихъ, война въ то время въ Сибири была и на Оби реке предо мною нашихъ человѣкъ з дватцеть иноземцы побили. А и я у нихъ былъ въ рукахъ. Подержавъ у берега, да и отпустили: Богъ изволилъ. Паки на Иртише скопомъ стоятъ иноземцы: ждутъ березовскихъ нашихъ побити. А я къ нимъ и привалилъ къ берегу. Онѣ меня и опступили. И я, исъ судна вышедъ, съ ними кланяяся, говорю: Христосъ съ нами уставися. Варвари же Христа ради умягчилися и ничево мнѣ зла не сотворили: Богъ тако изволилъ. Торговали со мною и отпустили меня мирно. Я, въ Тобольскъ пріехавъ, сказываю: и люди всѣ дивятся.

Потомъ и къ Москвѣ пріехалъ. Три года изъ Дауръ ехалъ, а туды пять лѣтъ волокся противъ воды на востокъ: все ехалъ промежду ордъ и жилищъ иноземскихъ. И взадъ и впредь едучи, по градамъ и по селамъ, въ пустыхъ мѣстахъ слово Божіе проповѣдалъ и не обинуяся обличалъ никоніянскую ересь, свидѣтельствуя истину и правую вѣру о Христѣ Ісусѣ. Егда же къ Москвѣ пріехалъ, государь велѣлъ поставить меня къ рукѣ и слова милостивыя были. Казалося, что въ правду говорено было: здорово ли де, протопопъ, живешь? Еще де велѣлъ Богъ видатца. И я сопротивъ того рекъ: молитвами святыхъ отецъ нашихъ еще живъ, грѣшникъ. Дай Господи, ты царь-государь, здравъ былъ на многа лѣта. И поцеловалъ руку, пожалъ въ рукахъ своихъ, да же бы и впредь меня помнилъ. Онъ же вздохнулъ и иное говорилъ кое-што. И велѣлъ меня поставить въ Кремлѣ на монастырское подворье. Въ походъ ходя мимо двора моего, благословляяся и кланяяся со мною, самъ о здоровье меня спрашивалъ часто. Въ иную пору миленькій и шапку уронилъ по-

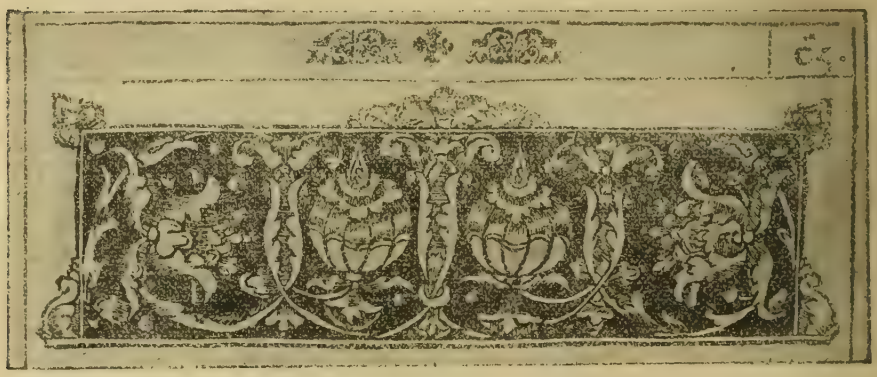
клоняся со мною. И давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ, и въ духовники звали, чтобъ я съ ними въ вѣрѣ соединился. Азъ же вся сія, Христа ради, вмѣнилъ яко уметы, понимая смерть, яко вся сія мимо идетъ.

А се мнѣ въ Тоболскѣ въ тонце снѣ страшно возвѣщено было. Ходилъ въ церковь болшую и смотрилъ въ олтарѣ у нихъ дѣйства, какъ просвиры вынимаютъ, что тараканы просвиру исщиплютъ. И я имъ говорилъ отъ писанія и ругался ихъ бездѣлью. А егда привыкъ ходить, такъ и говорить пересталъ,—что жаломъ ужалило: молчать было захотѣлъ. Въ царевнины имянины отъ заутрени пришедъ, взвалился. Такъ мнѣ сказано: «аль-де и ты по толикѣхъ бѣдахъ и напастѣхъ единяешься съ ними! Блюдися, да не полма растесанъ будешь». Я вскочилъ въ ужасѣ велицѣ и палъ предъ иконою. Говорю: Господи, не стану ходить, гдѣ по новому поютъ. Да и не пошелъ къ обѣдни къ той церквѣ. Къ инымъ ходилъ церквамъ, гдѣ православное пѣніе, и народы училъ, обличая ихъ злобѣсовное и прелестное мудрованіе!

Да я жь еще, егда былъ въ Даурахъ, на рыбной промыслъ къ дѣтямъ шелъ по лду, зимой по озеру бѣжалъ на базлукахъ: тамъ снѣгу не живетъ,—тамъ морозы велики и льды толсты,—близко человѣка намерзаютъ. Среди озера стало. Воды не знаю, гдѣ взять; отъ жажды итти не могу; озеро верстъ съ восмь; до людей далеко. Бреду потихоньку, а самъ, взирая на небо, говорю: Господи, источивый Израилю, въ пустыни жаждущему, воду, тогда и днесь. Ты же напой меня, ими же вѣси судбами. Простите Бога ради! затрещалъ ледъ, яко громъ, предо мною. На высоту стало кидать, и яко рѣка разступился сюду и сюду, и паки снидеся въ мѣсто, и бысть гора льду велика. А мнѣ оставилъ Богъ пролубку. И дондеже строеніе Божіе бысть, азъ на востокъ кланялся Богу и со слезами припалъ къ пролубке и напился воды [1]) до сыта. Потомъ и пролубка содвинулась. И я, воставши и поклоняся Господеви, паки побѣжалъ по льду, куда мнѣ надобе къ дѣтямъ. И мнѣ столько забывать много для прелести сего вѣка.

. . . . . .

. . . . . .



[1]) Аввакумъ вообще любитъ вспоминать о своихъ чудесахъ. Въ другихъ мѣстахъ *Житія*, онъ разсказываетъ, какъ, живучи въ Тобольскѣ, молитвою исцѣлилъ нѣкоего бѣсноватаго Федора (стр. 109) и дѣвицу Анну (стр. 110), а также на озерѣ „на безводномъ мѣстѣ“ рыбы наловилъ (стр 113—114).

III.

Челобитная суздальскаго соборнаго попа Никиты Пустосвята.

«Суздальскаго соборнаго попа Никиты Константинова Добрынина (Пустосвята) челобитная царю Алексѣю Михайловичу на книгу Скрижаль и на новоисправленныя книги» была написана въ 1665 году. Знакомство съ нею въ отрывкѣ послѣ Стоглава и Аввакумова житія представляется совершенно необходимымъ для цѣльности извѣстныхъ впечатлѣній о начальномъ періодѣ русскаго раскола старообрядства. Это — памятникъ весьма цѣнный. О расколѣ писали у насъ обыкновенно и пристрастно, и злостно, и бездоказательно; передъ многимъ ранѣе написаннымъ прихо-

дится краснѣть новымъ поколѣніямъ. Писатели офиціальной церковности не умѣли держать себя хоть сколько-нибудь съ достоинствомъ, часто лгали и бранились чуть ли не побольше тѣхъ, кого они изобличали во лжи, бранн и невѣрности. Какъ извѣстно, споръ о троеперстіи былъ проигранъ противораскольническимъ писателемъ съ трескомъ и навсегда. Однимъ изъ борцовъ противъ раскола былъ когда-то проф. Н. Субботинъ, издавшій девять томовъ «Матеріаловъ для исторіи раскола за первое время его существованія», но даже и онъ обязанъ былъ написать о Никитиной челобитной слѣдующее: «Распространенное мнѣніе о Никитиной челобитной, какъ безсодержательной и голословной, и о самомъ Никитѣ, какъ писателѣ невѣжественномъ, теперь при знакомствѣ съ подлиннымъ ея текстомъ должно быть оставлено. Челобитная Никиты не только не бѣдна содержаніемъ и не лишена доказательствъ, но отличается, напротивъ, обиліемъ собранныхъ *противъ церкви* обвиненій, и почти всѣ они подкрѣплены своего рода доказательствами, а доказательства наиболѣе важныхъ раскольническихъ обвиненій противъ церкви собраны и изложены даже съ немалымъ тщаніемъ и искусствомъ. Вообще, по начитанности, по находчивости, или изворотливости ума и по способности излагать свои мысли простымъ и яснымъ, но вмѣстѣ выразительнымъ и даже иногда сильнымъ языкомъ, Никита можетъ занять мѣсто на-ряду съ такими замѣчательными раскольническими писателями, какъ протопопъ Аввакумъ и дьяконъ Ѳедоръ». Субботинъ прибавляетъ также, что въ своей челобитной Никита въ отношеніи Никона «обнаружилъ немало сдержанности». Если такъ могъ высказаться о челобитной Никиты противораскольническій несдержанный офиціозъ, то легко себѣ представить, какое значеніе получаетъ челобитная Никиты, какъ памятникъ «истинно» русской религіозной мысли XVII столѣтія... Быть можетъ только нынѣшнему человѣку совершенно непонятно, какъ можно интересоваться и спорить изъ-за такихъ вопросовъ, у которыхъ нѣтъ никакого реальнаго содержанія, которыя являются плодомъ глупаго буквоѣдства, нелѣпой схоластики etc. Каждая изъ борющихся сторонъ въ достаточной мѣрѣ должна была обнаружить эти старыя свойства...

Челобитная начинается словами: Божіею милостію, въ Божіи смиреніи и въ Христовѣ кротости благочестивнѣ царствующему и благочестіемъ во вся концы поднебесныя боголѣпнѣ сіяющему, благовѣрному и христолюбивому, Богомъ избранному и Богомъ превознесенному, христолюбивому и равноапостольному, помазаннику Божію, великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, ..., богомолецъ твой, Суздаля города соборные церкви рождества пречистые Богородицы попъ Никита извѣщаетъ: Въ прошломъ, государь, во 164-мъ году повелѣніемъ Никона бывшаго патріарха напечатана въ царствующемъ твоемъ градѣ Москвѣ новая книга и имя ей наречено *Скрижали*..... многіе въ ней напечатаны еретическіе и богохульные слова... И я, богомолецъ твой, видя въ той новой книгѣ древнихъ еретиковъ останки богохульные и отмѣтные слова..... убояхся суда Божія, дерзнухъ къ тебѣ, великому государю, христіанскаго благочестія строителю, симъ простѣйшимъ и нехитрословнымъ писаніемъ возвѣстити и о всемъ вѣдомо учинити, яко да твоимъ, великаго государя, христолюбивымъ тщаніемъ и всѣхъ архіерей, и священническаго и иноческаго чина и всѣхъ христолюбивыхъ соборнѣйшимъ разсужденіемъ паки чиста явится церковная нива.

Плевельные же слова въ новыхъ никоновыхъ книгахъ сіи суть:. .
. . . . . .
(*далѣе идетъ подробнѣйшее обличеніе неправильностей книги*). . . . . .
. . . . . .

А печатано съ книгъ, иже греческія словутъ, а печатаютъ ихъ растлѣнно въ трехъ латинскихъ градѣхъ: въ Римѣ, и въ Парыжѣ и въ Венеціи.

А тѣ, государь, въ крещеніи міропомазательные приглашенія изложены отъ апостольскаго преданія святыми отцы издревле, отнележе православная вѣра просія и утвердися.

И тѣхъ же, государь, новыхъ книгъ, въ крещенской молитвѣ напечатаны *звѣзды Богу собесѣдницы*.

И въ той же молитвѣ напечатано моленіе, къ лицу, лукавому духу. И по сему явно познавается, что тѣ новые книги преведены не съ правыхъ книгъ.

Да по ево же никонову уложенію въ новыхъ ево книгахъ напечатано, христіяномъ крестнаго знаменія персты совокуплять не противъ святыхъ отецъ преданія: трема персты.

И то, государь, троеперстное знаменіе напечаталъ онъ отъ ѳормосовы ереси, проклятаго папы римскаго: той бо Ѳормосъ трема персты благословлялъ и по умертвіи онъ изъ гроба выкопанъ бысть, и тѣ три перста, ими же благословлялъ, отсѣкоша ему и тѣло его въ Тиверу рѣку ввергоша. И о томъ пространнѣе писано подъ сею извѣстною.

Еще же онъ, Никонъ, о томъ своемъ троеперстномъ знаменіи отъ той же своей книги обличается, еже въ ней напечаталъ, будто Мелетій патріархъ трема персты благослови люди. А въ той же книгѣ, послѣ того троеперстнаго крестнаго знаменія, напечаталъ иное о согбеніи перстъ слово, и велитъ въ немъ благословляти людей инако, сице:

И о томъ, государь, троеперстномъ знаменіи святыхъ отецъ обличительное писаніе, а о древнемъ знаменіи свидѣтельство пространно писано подъ сею извѣстною.

Да по ево жъ никонову велѣнію, въ Служебникахъ на агнцѣ Божіи вмѣсто креста Господня напечатанъ ляцкій крыжъ, сице:

И съ тѣмъ латынскимъ крыжомъ надъ таковымъ агнцемъ велѣлъ во всемъ твоемъ великомъ государствѣ литоргисать. И то онъ, Никонъ, напечаталъ противъ отпадшія вѣры римскихъ обычаевъ: понеже бо римляне на опрѣснокахъ таковой крыжъ воображаютъ и надъ нимъ служатъ. И о томъ святыхъ отецъ обличеніе писано подъ сею извѣстною.

. . . . . .
. . . . . .

Да въ той же, государь, никоновѣ книгѣ напечатано ево, Никона бывшаго патріарха, вопросъ ко иноземнымъ властемъ: къ Макарію патріарху антіохійскому, да къ Гаврилу патріарху сербскому, да къ Григорію митрополиту никейскому, да къ Гедеону митрополиту молдавскому, о сеже

како христіяномъ персты десницы имѣти, имиже воображати креста образъ. И въ томъ вопросѣ повелѣваетъ людемъ трема персты воображати крестное знаменіе, а которые христіяне въ преданномъ благочестіи утверженіи, иже знаменаются двѣма персты, а три персты долѣ равно имѣютъ, и тѣхъ истинныхъ поклонниковъ Христовыхъ напечатано еретиками и подражателми арменовъ, и отлученыхъ святыя Троицы, и прокляты. И къ тому неправедному проклятію тѣ иноземные власти и руки свои подписали. И послѣ того вопроса напечатано слово Дамаскина монаха, иподіякона, въ недѣлю третію поста: и въ томъ словѣ паки трема же персты знаменатися пишетъ.

А въ древнемъ, государь, божественномъ писаніи повелѣваетъ христіаномъ двѣма персты знаменоватися, а три перста долѣ равно имѣти, и о тѣхъ перстахъ учитъ все доброе вѣры таинство познавати: еже три перста сложити въ мѣсто (вмѣстѣ), великій и малый и третій, что подлѣ малаго, исповѣдуется тайна божественныхъ трехъ ипостасей, Отца и Сына и святаго Духа, единаго Бога въ трехъ лицѣхъ; два же перста, вышній и средній, вмѣстосложити и протянути, исповѣдается тайна самаго Господа нашего Ісуса Христа, иже есть совершенъ Богъ и совершенъ человѣкъ; той же средній великій перстъ мало преклонити, исповѣдуется тайна, еже есть сынъ Божій преклонь небеса и сниде на землю, и бысть человѣкъ нашего ради спасенія.

И блаженный Ѳеодоритъ пишетъ: Три персты равно имѣти вкупѣ, великій, иже глаголется палецъ, да два послѣднихъ, исповѣдуется тайна по образу тройческому: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ святый, не три Бози, но единъ Богъ въ Троицѣ, имены раздѣляется, а Божество едино суть. Отецъ не рожденъ, а Сынъ безначально рожденъ отъ Отца прежде всѣхъ вѣкъ, а не созданъ, а Духъ святый ни рожденъ, ни созданъ, но отъ Отца исходенъ. И тріе во единомъ Божествѣ, едина сила, едина честь, едино поклоненіе отъ всея твари, отъ ангелъ и отъ человѣкъ. Тако тѣмъ тремъ перстомъ указъ. А два перста, указательный да средній, въ мѣсто (вмѣстѣ?) сложити и простерти, средній же перстъ имѣти мало наклонно: то образуетъ два естества Христова, божество и человѣчество, Богъ по божеству, а человѣкъ по вочеловѣченію, во обоемъ совершенъ. Вышній же перстъ образуетъ Божество, а нижній человѣчество: понеже сшедъ отъ вышнихъ спасе нижнія. Согбеніе же перстомъ тѣмъ толкуется: преклонь бо небеса, сниде на землю нашего ради спасенія. Да тако святыми отцы узаконено есть креститися, и людей благословляти. И такова убо тайна въ сложеніи перстъ крестнаго знаменія.

И во Аѳонской горѣ обрѣтеся старописанная сербская книга, иже писана по Арсеніевъ приходъ Суханова за сто тридцать лѣтъ: и въ той книгѣ двѣма же персты написано знаменоватися.

И въ книгѣ польскіе печати, глаголемой о вѣрѣ, о крестномъ знаменіи напечатано сице: Знаменованіе честнаго креста все сполу доброй вѣры таинство учитъ насъ вызнавати таемне. Або вѣмъ злученіемъ трохъ палцовъ посполу, то-есть великого и малого и третего, што подлѣ малого, исповѣдуется таемница божественныхъ трохъ ипостасей, Отца и Сына и святаго Духа, единого Бога въ трохъ лицахъ. А протягненіемъ двохъ палцовъ, вышнего и середнего, показуется таемница, Бога Слова втѣленіе, и прочее въ ней пространно о томъ пишетъ.

Да въ книгѣ Грамматикѣ, иже печатана въ Вилнѣ, въ друкарни

Никита Пустосвятъ.

Оригиналъ картины В. Г. Перова «Никита Пустосвятъ (споръ раскольниковъ съ православными о догматахъ вѣры при царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ)» (1881 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ (№ 733); она была писана въ послѣдніе годы жизни художника, во время его тяжелаго болѣзненнаго состоянія. Поворотъ Перова въ сторону исторической живописи встрѣтилъ рѣшительное осужденіе со стороны художественной критики, въ лицѣ В. В. Стасова; по мнѣнію послѣдняго, историческая живопись не соотвѣтствовала ни свойствамъ таланта Перова, ни его опытности и привычкамъ. «Все тутъ,—продолжаетъ критикъ,—являлось либо слабымъ, либо неумѣлымъ; лишь немногія исключенія (какъ, напр., головы Никиты Пустосвята и раскольника съ образомъ) свидѣтельствовали все-таки о сильномъ талантѣ и мѣткомъ выборѣ типовъ съ живой натуры. Изувѣрство, желѣзное упорство, темнота мысли и огненный энтузіазмъ духа, вмѣстѣ съ постной изможденностью тѣла,—ярко нарисовались въ этихъ двухъ великолѣпныхъ головахъ и даже цѣлыхъ фигурахъ. Все остальное въ картинѣ было неудачно, иногда даже вполнѣ казенно и ординарно, напр., фигуры царевны Софьи, православнаго духовенства, иностранцевъ и даже большинства раскольниковъ. Во всякомъ случаѣ все это ничуть не исторично. Исторія не дается сплошь всякому, кто только вздумаетъ за нее приняться. Но именно къ ней-то вдругъ и обратился Перовъ, не имѣя къ тому никакого настоящаго дарованія». Перовъ, этотъ глубокій знатокъ и художественный изобразитель типовъ современнаго ему духовенства, повидимому, и сосредоточилъ все свое вниманіе на центральной фигурѣ всей картины, на Никитѣ Пустосвятѣ, представляющемъ собою одну изъ высокаго интереса фигуръ старой московской Руси. Время пренебрежительно-критическаго и ортодоксально-поучительнаго отношенія, иначе говоря, исключительно злостнаго и недостойнаго отношенія къ расколу, давно миновало, наступила пора строго научнаго, историческаго его изученія; опытъ рубежа 70-хъ и 80-хъ годовъ прошлаго вѣка изобразить одинъ изъ классическихъ эпизодовъ въ исторіи русскаго раскола не можетъ не быть общественно-интереснымъ. Пусть художнику не удалась Софья (не въ Софьѣ дѣло), пусть патріархъ Іоакимъ выглядываетъ и казенно и ординарно, тѣмъ не менѣе картина Перова, изображающая знаменитую сцену 5 іюля 1682 г. въ Грановитой палатѣ, представляется цѣнной. Герой этого дня великолѣпенъ въ изображеніи Перова: да, этотъ человѣкъ могъ прикрикнуть на патріарха: «мы пришли не о грамматикѣ съ тобою говорить, а о церковныхъ догматахъ»; этотъ человѣкъ могъ сбить съ ногъ холмогорскаго епископа Аѳанасія, крикнувъ: «что ты, нога, выше головы ставишься? Я не съ тобою говорю, а съ патріархомъ». Фигура Никиты полна мощи и силы, полна той внутренней глубины и безшабашной выразительности, которыхъ нѣтъ и въ поминѣ у офиціальныхъ противниковъ раскола; сжавъ въ одной рукѣ восьмиконечный крестъ, сложивъ въ кулакъ и оттопыривъ назадъ другую руку, Никита пронизываетъ молніеноснымъ взоромъ растерявшагося патріарха въ то время, какъ почти у его ногъ валяется сбитый имъ на землю епископъ. Вглядываясь во всю эту сцену и читая описаніе ея, хотя бы у С. Соловьева, невольно оцѣнишь роль Софьи, которая не только не испугалась въ это мятежное время присутствовать на опасномъ словопреніи въ Грановитой палатѣ, но и лучше всѣхъ епископовъ и патріарха сумѣла овладѣть моментомъ. Тутъ столкнулось не только старое и новое, но и двѣ силы, изъ которыхъ каждая могла погибнуть, но не уступить; здѣсь присутствовала впервые столь публично русская женщина, открывавшая общественную карьеру для старыхъ затворницъ, *сестра* того *брата*, который только и могъ взобраться на престолъ путемъ низверженія этой первой русской женщины съ общественнаго помоста въ монастырскую клѣтку, годную съ тѣхъ поръ только для тюрьмы, но не для жизни.

В. Ст.

братской, въ лѣто 7103 году: и въ ней напечатано двѣма же персты знаменоватися.

И въ книгѣ Максима Грека пишетъ двѣма же персты знаменоватися.

Да въ книгѣ Петра Дамаскина написано сице: Яко два убо перста и едина рука являютъ Христа во двою естеству и единомъ составѣ. И посему разумно есть, что двѣма же персты достоитъ знаменоватися.

А въ старыхъ московскіе печати Потребникахъ напечатано сице: Аще кто не крститъ двѣма персты, якоже Христосъ, да будетъ проклятъ.

А тѣ Потребники напечатаны съ древнихъ переводовъ, по повелѣнію великаго государя нашего, благовѣрнаго и Богомъ любимаго царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Руссіи самодержца, и отца его и богомольца, великаго господина, святѣйшаго Филарета патріарха московскаго и всея Русіи. И тое было клятвы не достоило преступать никому; но грѣхъ ради нашихъ забвеніемъ покры облакъ всѣхъ.

Да въ книгѣ Стоглавѣ написано: Аще кто двѣма персты не благословляетъ, якоже и Христосъ, или не воображаетъ двѣма персты крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ, святіи отцы рекоша.

А тотъ Стоглавъ писанъ по повелѣнію благовѣрнаго царя и великаго князя Іоанна Васильевича, всея Руссіи самодержца, и всего освященнаго собора въ лѣто 7059 году. И тое было клятвы не достоило же преступати.

Да въ книгѣ Соловецкаго монастыря, глаголемой въ Кормчей, письменой, о латинскихъ ересѣхъ, глава 37, ересь 16, и глава 49, и тамо пишетъ: Иже не крститъ двѣма персты, якоже и Христосъ, да будетъ проклятъ. А та книга писана въ лѣто 7000 двадесять седмаго году, при великомъ князѣ Василіѣ.

Да книга Спаскаго Евфиміева монастыря Соборникъ, и въ ней написано: Иже двѣма персты не знаменается, якъ и Христосъ, да есть проклятъ.

Да въ книгѣ Чудова монастыря, больнишнаго чернаго попа Антонія, написано: Аще кто двѣма персты не благословляетъ, якоже и Христосъ, или не воображаетъ двѣма персты крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ. А писана та книга при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всеа Россіи самодержцѣ.

Да книга харатейная Никольскаго монастыря съ Перервы чернова священника Евфимія, и въ ней написано: Иже не знаменуется двѣма персты, якоже и Христосъ, да есть проклятъ. А лѣтопись въ той книгѣ написана сице: Въ лѣто 6932-е списаны быша сія книги мѣсяца генваря въ 20 день, на память преподобнаго и богоноснаго отца нашего Евфимія Великаго при благовѣрномъ князѣ Данилѣ Борисовичѣ и преосвященномъ митрополитѣ Ѳотіи кіевскомъ и всея Русіи Іосиоу архимариту Печерскому рукою многогрѣшнаго Захара.

И мы, государь, о семъ въ велицѣй скорби и въ недоумѣніи [1]): понеже отъ многихъ книгъ древняго писанія, и отъ многихъ святителей, и отъ святыхъ великихъ князей и благочестивыхъ царей, проклятіе за то, иже двѣма персты не воображаетъ крестнаго знаменія.

---

[1]) Весьма характерное и цѣнное мѣсто въ челобитной Никиты, требующее очень вдумчиваго къ себѣ отношенія.

А нынѣ, государь, отъ нововводные книги Никона, бывшаго патріарха, злѣйшее проклятіе и отъ святыя Троицы отлученіе за то, иже трема персты не творитъ крестъ.

И о семъ ты, великій государь, наша христіянская главо, вели соборнѣйшимъ разсужденіемъ разсудить: чему намъ послѣдовать,—древнихъ ли святыхъ отецъ и великихъ государей, царей и великихъ князей, многимъ книгамъ и соборнѣйшимъ писаніямъ, или нынѣшней нововводной и многоложной никоніянской книгѣ, иже снискана отъ вѣдомаго вора и врага Христова, отъ жидовскаго обрѣзанца Арсенія чернца? О, великій государь, попекися добрѣ нашими душами! Вели о семъ разсудить, чтобъ намъ отъ тѣхъ проклятій душъ своихъ не погубить.

А что, государь, Дамаскина иподіякона напечатано слово въ третію недѣлю святого поста о согбеніи перстъ крестнаго знаменія, и то явно есть, что не отъ преданія святыхъ отецъ печатано. Понеже бо въ ту третію недѣлю поста бесѣда настоитъ о празднествѣ и поклоненіи честнаго креста Господня, якоже истое о семъ въ синаксарѣ пишетъ, а не о согбеніи перстъ, и въ тое третію недѣлю поста не къ лицу о томъ писать. Еще же, государь, о томъ Дамаскинѣ иподіаконѣ греческіе власти повѣдаша во Іерусалимѣ Арсенію Суханову, что онъ не въ давнихъ лѣтахъ былъ, и до того арсеніева прихода во Іерусалимъ за семьдесятъ лѣтъ, и не во святыхъ онъ, и тому ево писанію вѣрить не по чемъ.

А что, государь, въ той никоновѣ книгѣ во свидѣтельство напечатано мелетіево благословеніе, будто Мелетій патріархъ трема персты благословилъ люди: и та никонова книга отъ того мелетіева согбенія перстъ и благословенія людей зѣло явственнѣ обличается. Бывшу бо тому Мелетію во Антіохіи патріархомъ, и правила по закону имѣя, и въ лѣта его бысть соборъ аріяномъ съ вѣрными, и много глаголющимъ окаяннымъ аріяномъ о развращеніи православныя вѣры, паче же о самомъ божественномъ таинствѣ, и людемъ просящимъ у него скораго ученія: тогда же сей богословесный мужъ, Мелетій патріархъ, вставъ и по божественнѣй ему благодати хотя еретики устрашити и посрамити, и вся люди удивити, показа имъ три персты, и не бысть знаменія, потомъ же два совокупль и единъ пригнувъ, и благослови люди, и изыде отъ него огнь, яко молнія, и достохвальный онъ испусти гласъ: тріе убо ипостаси разумѣваемъ, о единомъ же существѣ бесѣдуемъ, и прочее.

И то, государь, разумно есть всѣмъ, что той Мелетій патріархъ благословилъ людей по чину, двѣма персты, а три долѣ имѣлъ, понеже бо у человѣчи руки не просто сотворены Богомъ пять перстъ, отъ нихже Мелетій патріархъ показа аріяномъ три перста, во образъ пресвятыя Троицы, не бысть же знаменія не докончанія ради, что не показалъ еще воплощенія Божія Слова, дву перстъ. И егда два перста совокупль, въ нихже образуется два естества Христова, и отъ тѣхъ единъ пригнувъ, являя преклоненіе небесъ и Слова Божія снитіе къ земнымъ, и благослови люди: и бысть знаменіе, потому что Троицѣ и воплощенію Сына Божія совершенно обое въ тѣхъ пяти перстахъ прообразова, а не трема персты.

А что, государь, въ той никоновѣ книгѣ то мелетіево согбеніе перстъ и благословеніе людей толкуетъ, будто Мелетій два перста совокупльши, и къ тѣмъ двумъ третій перстъ, зовомый палецъ, пригнулъ: и о томъ, государь, та никоніянская книга сама ся собою обличаетъ. Понеже бо

той перстъ палецъ низокъ, и къ тѣмъ двѣма перстамъ, ко указательному и къ великосреднему, не пригибается, но тѣ два перста къ тому пальцу приклонены напечатано, а тотъ палецъ прямо воображенъ стоитъ, сице:

Еще же, государь, и посему въ той никоновѣ книгѣ неистинство познавается, что толкуетъ въ ней мелетіево согбеніе перстъ, бутто Мелетій патріархъ благословилъ люди трема персты, сице: (якоже выше воображено).

И тѣмъ Мелетіевымъ согбеніемъ перстъ и благословеніемъ людей оправдяется.

А въ ней же, государь, послѣ того о благословеніи же иное слово Николая Малакса, навплійскаго протопопа, напечатано, и пишетъ въ немъ совокуплятп персты и благословляти людей инако, сице:

А не тремя персты.

И то, государь, въ томъ никоновомъ писаніи кая истина есть, что во единой книгѣ разно пишется? Въ первомъ словѣ напечатано, будто Мелетій патріархъ трема персты благослови люди, а въ другомъ словѣ благословляти людей инако напечатано. И то въ томъ никоновѣ писаній не явной ли расколъ? И будетъ бы, государь, Мелетій патріархъ трема персты благословилъ люди: и то бы добро въ постоянствѣ стояти, и людей бы трема же персты благословляти, а инова бы благословенія не печатати.

А что, государь, мы христіяне двѣма персты знаменуемся, и въ нихъ исповѣдуемъ два естества Христова, а три перста долѣ равно имѣемъ, и въ нихъ исповѣдаемъ три ипостаси святыя Троицы: и въ той никоновѣ книгѣ о тѣхъ дольнихъ трехъ перстахъ то святыхъ отецъ разсужденіе въ ложь полагаетъ, потому что тѣ три персты межъ собою равенства не имутъ.

И то, государь, напечатано въ ней отъ дѣтскаго смышленія, а не отъ мудрости: понеже бо у руки человѣчи и всѣ персты равеньства не имутъ, еже и въ ней коими персты знаменоватися напечатано, и по образу же тройческому они толкованы, и отъ тѣхъ перстовъ палецъ толстъ и низокъ, а указательный тонокъ и палца выше, а великосредній перстъ палца и указательнаго выше, и во всемъ межъ собою не имутъ же равенства.

Да въ томъ же, государь, словѣ о тѣхъ двухъ и трехъ перстахъ, имиже мы знаменуемся, зазираетъ намъ, что бутто мы въ тѣхъ въ двухъ и въ трехъ перстахъ раздѣляемъ Христа въ двѣ ипостаси, бутто мудрствуемъ съ Несторіемъ еретикомъ.

И мы, государь, въ тѣхъ двухъ и трехъ перстахъ исповѣдуемъ единаго Сына Божія, прежде всѣхъ вѣкъ отъ Отца рожденнаго, и тогоже, превеликія ради милости, въ послѣдняя лѣта отъ пречистыя дѣвы Маріи рождьшагося и плотію на крестѣ пострадаша; а съ Несторіемъ не мудрствуемъ. И отъ тѣхъ двухъ и трехъ перстовъ Сынъ Божій во двѣ ипостаси не раздѣляется, но святая Троица и воплощеніе Христово въ нихъ прообразуется.

Еще же мы и посему двѣма персты знаменуемся, что въ тѣхъ двухъ перстахъ Божія Сына два естества прообразуемъ: понеже бо единъ со-

ставъ, Сынъ Божій, плотію распятся, а Троица не бысть на крестѣ, и недостоитъ къ Божеству страстей прилагати.

Еще же, государь, о тѣхъ перстахъ, имиже знаменаемся, шлюся на старописанныя иконы греческаго и россійскаго писма, и соборныхъ церквей: новгородскіе, и владимірскіе и суздальскіе, и боголюбовскіе и прочихъ градовъ благочестивыя твоея державы на стѣнное иконное писмо, иже подписано за пятьсотъ лѣтъ и болши, въ томъ, что у тѣхъ иконъ благословящіе и знаменующіися руки двѣма персты воображены, а три долѣ равно имутъ.

Еще же, государь, и во Іерусалимѣ старецъ Арсеній Суановъ видѣлъ древняго писма икону всемилостиваго Спаса: и у той иконы благословящая рука двѣма же персты воображена, а не тако, еже въ той никоновѣ книгѣ знаменоватися повелѣваетъ и проклятіемъ всѣхъ поядаетъ.

Еще же, государь, и сего боимся тѣми трема персты крестное знаменіе воображати, что былъ въ Римѣ папа еретикъ, Ѳормосъ имя ему, и тотъ папа по умертвіи изъ гроба выкопанъ бысть и три персты, имиже благословлялъ, отсѣкоша, тѣло же его въ Тиверь рѣку ввергоша.

И намъ бы тѣмъ троеперстнымъ знаменіемъ не учинитися съ тѣмъ проклятымъ папою и съ его непотребнымъ стадомъ въ еретической части: понеже бо тотъ человѣкъ, егоже повеленіемъ нововводная та книга напечатана, по всѣхъ своихъ начинаній познанъ бысть, что онъ тое богоотметную римскую вѣру всю возлюбилъ, а Богомъ любимую непорочную во Христа вѣру россійскаго твоего государства всю возненавидѣлъ, и въ ней издревле отцепреданные христіянскіе обычаи до конца отринулъ, и якоже Петръ Гугнивый всю Италію возмутилъ, такоже и оный всею Россіею смутилъ.

А что, великій государь, палестинскіе власти и всѣ греки не точію крестное знаменіе исказили, но и самое свое главное спасеніе потеряли, еже въ крещеніи поримски обливаются и покропляются, а въ три погруженія не погружаются, и въ томъ, государь, шлюся не на инѣхъ на кого, но на самѣхъ тѣхъ всѣхъ грековъ. И твоему, государь, Богомъ утвержденному государству отъ тѣхъ грековъ коея истины искати?

. . . . . .

Да по ево же никонову велѣнію, въ всѣхъ церковнѣхъ книгахъ ангельская пѣснь возчетверена, еже напечатано трижды, а четвертое: *Слава тебѣ Боже* [1]).

И тое онъ аллилуію возчетверилъ, послѣдуючи отпадшему вѣры христіянскіе папѣ римскому и инымъ изсяклымъ вѣрамъ, и вѣдомому врагу, псковскому роспопѣ Іеву, зовому столпу философу, и ученику его Филиппу роздіякону. Той бо столпъ прежде бѣ священникъ, и егда умре у него жена, онъ же не убояся суда Божія, оженися второе. Умре же у него и та, онъ же оженися и третіе: и тако священство попра, и яко Іюда Искаріотскій сребролюбія ради изъ апостольска испаде лика, такоже и той столпъ, раченія ради женска, испаде священства. И потомъ начатъ во градѣ Псковѣ люди учити, и церковные и монастырскіе чины уставливати и всѣмъ законити, и тое *аллилуію* троити, и четвертое: *Слава тебѣ Боже* глаголати. Видѣвъ же преподобный Евѳросинъ отъ того роспопы въ церквахъ Божіихъ расколъ, и о томъ Богомъ на-

[1]) Отрывки изъ челобитной Никиты необходимо сопоставить съ напечатанными выше отрывками изъ *Стоглава*: въ памятникѣ XVI вѣка имѣемъ блестящее доказательство исконности на русской почвѣ мнѣній представителей раскола XVII вѣка.

ставляемь пойде въ царствующій градъ, отнюдуже вѣра просія, увѣдати истину. И дойте въ добрую пору, задолго лѣтъ до взятія богохранимаго того града отъ поганаго бусурманина турскаго. Патріархъ же Іосифъ честно святаго пріятъ, и благослови его дважды глаголати аллилуію и третіе: *Слава тебѣ Боже.* Таже преподобный и въ соборной церкви слыша дважды глаголему трисвятую аллилуію. Походивъ же и во области царствующаго града, изсмотривъ монастыри честныя, купно же и молчальники пустынныя извѣстовавъ, и отъ всѣхъ сихъ наказанъ бывъ дважды глаголати аллилуію. Патріархъ же благослови его иконою пречистыя Богородицы и вдаде ему и писаніе о аллилуіи, иже то писаніе и донынѣ на Москвѣ, въ патріаршей книгохранительницѣ.

Святый же пріиде во обитель свою, и устави дважды глаголати святую аллилуію, и третіе приглашать: Слава тебѣ Боже. Увидавъ же то Іевъ роспопа, и посла къ преподобному о той аллилуіи на истязаніе ученика своего Филиппа роздіякона, да священника нѣкоего. Преподобный же неточію не послуша ихъ, но и самаго того учителя ихъ мотыльнымъ столпомъ нарече, и отъ Божественнаго писанія препрѣ ихъ и суду Божію предаде. Они же тому роспопѣ учителю своему вся возвѣстиша, и какъ его мотыльнымъ столпомъ нарекъ. Той же Іевъ роспопа начатъ ходити по всему граду, яко проповѣдникъ, и по торжищамъ, возмущая народъ и преподобнаго еретикомъ нарицая. И за то его нечестіе послася ему отъ праведнаго гнѣва Божія месть, неисцѣлна казнь, и начатъ болѣти нечеловѣчески лютѣйшею болѣзнью, яко всѣму тѣлеси его червми воскипѣтися, и отъ нестерпимаго злосмрадія и лютыя вони, отъ точеніи червія и отъ лявины его мотылъ исхожденія, не можаше никтоже отъ человѣкъ ко одру его приближитися, на немже лежаше. И въ зломъ томъ мученіи и въ лютой горести два лѣта бысть. И тако нелѣпо изыде душа его и до гроба провождающіи его вси возгнушашася.

И нынѣ, государь, паки тогоже мотылнаго столпа прелесть прозябе, и паки аллилуію по папежски учали возчетверять. И преподобнаго Евѳросина въ царствующій градъ хожденіе и о аллилуіи писаніе ни во что же бысть. О, великій государь! вели о семъ разсужденіе учинить, кому намъ послѣдовать: угодникомъ Божіимъ, или тому вѣдомому врагу мотылному столпу, поправшему священство троеженствомъ?

Еще же, государь, о той ангельской пѣсни *аллилуіи* и Святые Горы инокъ Максимъ Грекъ въ своей книгѣ пишетъ сице (гл. 27): Преданіе апостольское и отеческое изначала пріяхомъ равнѣ списаннымъ преданнымъ намъ православнымъ догматомъ, блюсти апостольская и отческая написаная церковная преданія непретворна. *Уставы отческая преставляти нѣсть твердо,* глаголетъ Соломонъ премудрый. И блаженный Павелъ: *хвалю же васъ, братіе, яко держите моя преданія.* И паки той же: *тѣмъ же убо, братіе, стойте и держите преданія, имже научистеся или словомъ, или посланіемъ нашимъ.* Многимъ же сущимъ и различнымъ церковнымъ преданіемъ, едино же отъ нихъ есть древнее преданіе, еже дважды глаголати аллилуія, и по семъ приглашати: Слава тебѣ Боже, во псалмоглаголаніихъ. И таковому церковному обычаю первый блаженный Игнатій Богоносный ученъ бысть отъ самѣхъ безплотныхъ ангельскихъ силъ, егда явишася ему, по Божію всяко строенію, поюще божественные псалмы на два лика раздѣлени. Како убо нѣцыи смѣютъ претворити ангелы преданое сіе староцерковное преданіе, трижди глаголюще аллилуія, и четвертое приглашаютъ: Слава тебѣ Боже? Но негли оно рекутъ, яко въ божественнѣй Апокалипсіи сице есть писано святымъ Іоанномъ евангелистомъ?

Къ сему же ихъ противоположенію оно первѣе реку къ нимъ. Еда не вѣдяху ли явльшіися святіи ангелы блаженному Игнатію, еже во Апокалипси четверогубное, а не трегубное? Ей, всяко вѣдаху: тіи же бо и тогда сіе воспѣша на небесѣхъ сѣдящему на престолѣ Богу. Чесо убо ради сице предаша пѣти блаженному Игнатію, а не якоже во Апокалипси содержится? Но всяко не доумѣетеся ко отвѣту. Азъ же разрѣшу вамъ сицевое недоумѣніе. Разумѣйте убо прилежно, яко въ божественнѣй Апокалипси сего ради воспѣто бысть аллилуія, елма же три тамо чинове видятся возсылающе вышнему хвалу, о немже нечестивыхъ градъ Вавилонъ великій огнемъ опепели и до конца истребилъ. И первый чинъ поющихъ, иже глаголется гласъ велій на небеси народа глаголюшаго аллилуія, начало пѣнію сіе сотворь. Тожде же и конецъ. Еже и второе глаголется во Апокалипси аллилуія, а третіе аллилуія вторый чинъ поющихъ поетъ, сіи же суть 20 и 4 старцы и яже о владычнемъ престолѣ четыре четверообразна животна. А четвертое аллилуія третій чинъ поющихъ глаголетъ, иже именуется гласъ народа великаго, аки гласъ водъ многъ. И первый убо чинъ славословитъ вышняго, о немже отмщеніе сотворилъ есть рабомъ своимъ, избіеннымъ его ради, истребивъ до конца градъ нечестивыхъ. Вторый же чинъ, поклонившеся сѣдящему на престолѣ, запечатлѣетъ пѣніе перваго чина тѣмъ: Аминь, аллилуія. Третій же чинъ возглашаетъ четвертое аллилуія, о немже истребленнымъ бывшимъ нечестивымъ, воцарися Господь Богъ Вседержитель. Къ симъ же и оно примѣтите прилежно, яко тамо кійждо чинъ единою припѣваетъ аллилуія, а не дважды, ни трижды, зане единъ есть Богъ святая Троица. И якоже единымъ поклоненіемъ поклоняема бываетъ, сице и единою аллилуіею славословится. Но негли къ симъ речете, противящеся намъ и глаголюще: и ащѐ сія сице суть, чесо ради и вы не единою, но дважды возглашаете вышнему аллилуія, а третіе: Слава тебѣ Боже? Къ симъ оно, отвѣшающе, глаголемъ: зане якоже въ божественнѣй Апокалипси тріе чинове воспѣша на небесѣхъ поединому аллилуія, сице и въ сущей на земли апостольстѣй церкви тріе чинове суть: первый чинъ священниковъ, и отъ лица ихъ первое аллилуія; вторый чинъ преподобныхъ инокъ, и отъ лица ихъ второе аллилуія; третій же чинъ православныхъ мірянъ, и отъ лица ихъ припѣвается еже: Слава тебѣ Боже, еже есть сказательно сея аллилуіи. Что бо есть у насъ: Слава тебѣ Боже, то есть у еврей аллилуія.

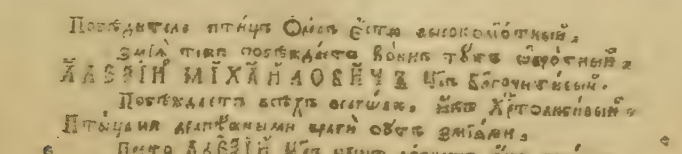
Къ симъ еще и оно глаголемъ къ вамъ, яко сіе сице глаголемъ соблюдающе прилежно преданный отъ самѣхъ святыхъ ангелъ обычай божественному Игнатію, егда явишася ему поюще божественныя псалмы, да не къ прочимъ нашимъ согрѣшеніемъ и аки презирателіе и преступницы отеческихъ преданій осудимся. Вы же что къ симъ противу отвѣшаете, или кое праведнопоказаніе творите, яко и благоугоднѣ и добрѣ мудрствуете о семъ и глаголете? Намъ твердѣ сіе вѣдомо есть, яко супротивъ отческихъ преданій и самѣхъ святыхъ писаній носитеся, и себѣ самѣхъ и иныхъ прельщаете. Но негли глаголете, яко въ ветхомъ Римѣ церковь сице держитъ и возглашаетъ. И аще сице глаголете, явственнѣ исповѣдуете себѣ самѣхъ причастниковъ сущихъ латынскія паче части, а не апостолы преданнаго неблазненаго благоразумія. Судите убо сами, аще полезно и спасительно есть вамъ, еже со зловѣрными латины пѣти святую Троицу, а не съ благовѣрно проповѣдающими слово евангелія истины четырми патріархи православными. Аще же римскаго папы сана стыдящеся сице возглашаете, еже аллилуія, время ужь вамъ, о предобріи

и прочимъ церковнымъ написнымъ обычаемъ соглашати. И по всей святѣй четыредесятницы, даже и во великія субботы молчати аллилуія, понеже и онъ молчитъ е. Такожде и живоносное Спасово Воскресеніе съ нимъ совершати въ 3-й часъ великія субботы, глаголати съ нимъ, не якоже мы глаголемъ: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ смертію на смерть наступивъ и сущимъ во гробѣхъ животъ дарова,. но глаголати, яко же папа поетъ: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, аллилуія трижды. Ниже въ кваснѣй просфорѣ, но во опрѣсноцѣхъ, яко же онъ, совершати священнотайную службу. Ниже проскомисаніе потребно мнѣти, понеже ни онъ нужно мнитъ, ниже ектенію, ниже прошенія и различныя мольбы, ниже выходъ съ евангеліемъ, ниже переносъ святыхъ даровъ отъ жертвенника во алтарь, но сія вся оставити аки излишна и папѣ непотребна. Ниже теплоту вливати въ священный потирь, понеже ни онъ вливаетъ, но трижды вдыхати въ потирь, якоже онъ. Ниже въ началѣ священнотайныя службы возглашати: *Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа,* но глаголати съ нимъ: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.* Ниже отпускъ творити, якоже пріяхомъ отъ божественныхъ отецъ, священнику глаголющу къ вѣрнымъ людямъ: *Христосъ истинный Богъ нашъ,* и прочая, но отпущати, якоже папа отпущаетъ, глаголя обращаяся къ людямъ: *Идите, свершися.* Минеи же, и октоихи, и канонове, и стихеры, и самогласны, и догматики, и тропари, и кондаки, всегодное украшеніе и наслажденіе духовное святыя апостольскія Божія церкви, отверзите прочее и непотребна мыслите: понеже и папа не требуетъ, ниже пріемлетъ ихъ. Аще же сія вся странна и безмѣстна, и слуху благовѣрному неудобь пріятна видятся намъ, да держимъ крѣпцѣ священная преданія блаженныхъ апостолъ и возсіявшихъ по всей вселеннѣй богодухновенныхъ отецъ нашихъ, повинующеся божественному Павлу глаголющу: *тьмже убо братіе стойте и держите преданія, имже научистеся или словомъ, или посланіемъ нашимъ.* И индѣ глаголетъ: *въ наученія странна и различна не прилагайтеся.* Да не прельщаемся убо саномъ папинымъ, ниже да внимаемъ отнюдь преухищренныхъ хитрословіемъ глаголемыхъ докторовъ, да не съ ними явимся хуляще въ самѣхъ главизнахъ правыхъ догматъ непорочныя вѣры христіанскія. И прочее въ томъ максимовѣ словѣ писано о томъ.

А что, государь, во многихъ градѣхъ и въ монастыряхъ въ книгохранительницахъ обрѣтаются въ книгахъ вписаны слова, зѣло преухитренны писаніемъ, и въ тѣхъ словахъ повелѣваетъ *аллилуію* трижды глаголати, а четвертое: *Слава тебѣ Боже:* и тѣ, государь, слова явѣ познаваются преждереченнаго Іева распопы, мотылнаго столпа, слогъ, потому что въ тѣхъ словахъ укоризненные слова обрѣтаются на Евѳросина преподобнаго. А будетъ бы тѣ слова, что въ книгохранительницахъ обрѣтаются, изстари святыми отцы писаны: и въ нихъ бы на преподобнаго Евѳросина укоризны не писалося.

. . . . . .

Въ бѣловомъ видѣ челобитная Никиты не закончена, и въ изданіи Н. Субботина къ ней приложены еще тексты шести черновыхъ свитковъ.



IV.

Соловецкая челобитная.

Памятникъ, извѣстный подъ такимъ ходячимъ названіемъ и не разъ привлекавшій къ себѣ вниманіе историческаго изслѣдователя на ряду съ тенденціознымъ полемистомъ, естественно заключаетъ собою кругъ немногихъ отрывковъ, иллюстрирующихъ въ третьемъ томѣ *Русской исторіи* древнѣйшую форму русскаго раскола старообрядства, идеологія котораго такъ долго затемнялась выходками и выпадами противораскольническихъ эксцессовъ. Древнѣйшій списокъ челобитной, съ котораго она напечатана Н. Субботинымъ, не имѣетъ никакого заглавія. Въ одномъ изъ списковъ XVIII в. библіотеки А. И. Хлудова заглавіе редактировано такъ: «Списокъ съ челобитные, которая посылана великому государю изъ Соловецкаго монастыря о старомъ пѣніи въ лѣто 7176 г. сентября въ 22 день (т.-е. въ 1667 году) съ старцемъ Кириломъ Соловецкія же обители отъ всего собора». Соловецкій монастырь съ самаго начала рѣшительно сталъ противъ новопечатныхъ книгъ и довелъ дѣло до вооруженнаго возстанія противъ московскаго правительства, принуждавшаго всѣхъ пѣть и молиться и силою, и по-своему. Въ 1658 г. состоялось очень опредѣленное по данному вопросу постановленіе чернаго собора Соловецкаго монастыря (срв. картину): «И въ Соловецкомъ моностырѣ архимандриту Иліѣ священницы и дьяконы въ трапезѣ на черномъ соборѣ сказали: въ обители, по преданію чудотворцовъ, преподобнаго Зосимы и митрополита Ѳилипа, какъ былъ игуменомъ въ Соловецкомъ моностырѣ, и какъ и прежніе игумены исстари служили, повыкли и мы божественныя литоргіи служить по старымъ служебникомъ, по которымъ мы исперва учились и привыкли, а нынѣ и по тѣмъ служебникомъ мы, старые священницы, очередей своихъ недѣлныхъ держати не сможемъ, а по новымъ служебникомъ для своей старости учитца не сможемъ же, да и некогда, которое и учено было, и того мало видимъ; а которые мы священницы и дьяконы маломочны и граматѣ ненавычны и къ ученію косны, по которымъ служебникомъ старымъ многія лѣта учились, а служили съ великою нуждою и Бога славили, а по новымъ книгамъ служебникомъ намъ, черпцомъ коснымъ и непереимчивымъ, сколько не учитца, а не навыкнуть, лутче будетъ зъ

братьею въ монастырскихъ трудахъ быти». Рѣшили новыя книги отвергнуть,—«и келарь, и казначей, и соборные старцы, и больничные и вся братія тутожъ въ трапезѣ всѣмъ чорнымъ соборомъ архимандриту Иліѣ сказали: будетъ священницы учнутъ служить по новымъ служебникомъ, и мы отъ нихъ и причащатца не хотимъ, а милости у Бога просимъ, чтобъ скончатца такожъ, якожъ и отцы наши во обители». Равнымъ образомъ было рѣшено въ случаѣ какой-либо «кручины» за то архимандриту или вообще какого-либо «жестокаго повелѣнія» отъ властей, то «стóять всѣмъ за одно» и архимандрита не выдавать. За восемь лѣтъ со времени такого постановленія сложилось у чернаго собора Соловецкаго монастыря опредѣленное ученіе, выраженіе котораго мы и встрѣчаемъ въ такъ называемой Соловецкой челобитной. Историческій интересъ этого памятника чрезвычайно высокъ, знакомство съ наиболѣе выразительными отрывками изъ него весьма цѣнно, и надо изумляться, что въ нашей исторической литературѣ этотъ памятникъ не использованъ до конечныхъ и наиболѣе категорическихъ выводовъ, изъ него вытекающихъ.

Соловецкая челобитная начинается такимъ вступленіемъ: Благовѣрному, и благочестивому, и въ Россіи пресвѣтло сіяющему, отъ небеснаго царя помазанному, въ царѣхъ всея вселенныя великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу. Бьютъ челомъ нищіе твои государевы богомольцы, Соловецкаго монастыря келарь Азарей и казначей Геронтей, и священницы и діаконы, и соборные черницы, и вся рядовая и больничная братія, и служки и трудники всѣ. По преданію, государь, Никона бывшаго патріарха и по новоизложеннымъ ево книгамъ проповѣдаютъ намъ нынѣ ево никоновы ученицы новую незнамую вѣру по своему плотцкому мудрованію, а не по апостольскому и святыхъ отецъ преданію, е(я)же вѣры неточію мы, но и прадѣды и отцы наши до настатія никонова патріаршества и до сего времени и слухомъ не слыхали; а въ коемъ православіи прародители твои государевы скончались и многія святыя отцы и чудотворцы наши Зосима и Саватій, и Германъ и Филиппъ митрополитъ угодили Богу, и ту истинную нашу православную вѣру они похулили, и весь церковный чинъ и уставъ нарушили, и книги всѣ перепечатали де на свой разумъ, богопротивно и развращенно. А что, государь, ихъ непотребство и развращеніе въ тѣхъ новыхъ книгахъ объявилось, и то ихъ книги сами мимо насъ обличаютъ ихъ въ лице. Якоже въ книгѣ, глаголемой въ Скрижали, листъ 466, Дамаскина(ъ) ипподіаконъ въ словѣ своемъ въ недѣлю третью святаго поста повелѣваетъ намъ православнымъ христіяномъ ходити по татарски безъ крестовъ, и пишетъ сице: кая рече,. польза, или кая добродѣтель есть носити кому крестъ на рамѣ своемъ. А святіи апостоли, государь, и святіи отцы крестъ намъ на себѣ носити похваляютъ, и сами носили и намъ носити повелѣваютъ. Якоже рече апостолъ: мнѣ же да не буди хвалитись токмо о крестѣ господни. *И паки: азъ бо язвы Господа Іисуса на тѣлѣ моемъ ношу, сирѣчь крестъ христовъ.* И пророкомъ Исаіемъ Господь Богъ вѣрнымъ своимъ обѣтова: и пріидутъ и узрятъ славу мою и оставлю на нихъ знаменіе. Таже и великій Аѳанасій въ толкованіи 59 псалма пишетъ: вѣрнымъ, рече, людемъ, иже нарицаются христіане, дано есть носити и имѣти крестъ христовъ. И Василій Великій глаго-

летъ, яко вѣнецъ царя нашего Христа крестъ на себѣ носити. А святый Ефремъ Сиринъ въ словѣ еже о страшномъ судѣ пишетъ, яко святіи крестъ на себѣ носили; и паки въ словѣ о покаяніи: сіе оружіе носи во дни и въ нощи, и ничегоже безъ него не твори. Святая же Макрина, сестра Великаго Василія, крестъ на себѣ носила, и свидѣтельствуетъ житіе ея. И святый великомученикъ Орестъ крестъ на себѣ носилъ же, и о семъ писано въ мученіи его. Такожде и въ житіи Иванна Милостиваго пишетъ, яко нѣкто бяше мірянинъ Захарія нищелюбивый, не имяше просящему у него на пути чесо дати, снемъ съ себе крестъ сребрянъ, даде нищему. И отселѣ явѣ, государь, яко въ прежнія лѣта въ грекахъ нѣточію иноцы, но и мірскія крестъ на себѣ носили; а нынѣ они не носятъ и намъ носити возбраняютъ. Такоже и вси святіи единомысленно крестъ христовъ правовѣрнымъ всегда носити на себѣ повелѣваютъ: понеже велія тайна въ семъ знаменіи святыя нераздѣлимыя Троицы, Отца и Сына и святаго Духа, прославляется, и симъ знаменіемъ благочестивіи вси отъ невѣрныхъ раздѣляемся. А той Дамаскинъ иподіаконъ, по діаволю наученію, написалъ въ греческой своей книгѣ на погибель душамъ нашимъ, велитъ ходити, аки татаромъ, безъ крестовъ,—и въ томъ ему судитъ Господь Богъ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

И самый истинный и животворящій крестъ Христовъ, отъ трехъ древъ, отъ певга и кедра и кипариса сотворенный, отставили, и возненавидѣли, и непотребна сотворили, и возлюбили крыжъ латынскія вѣры, и во всемъ почитаютъ ево паче истиннаго божественнаго креста Христова, отъ трехъ древъ сотвореннаго. А святіи пророцы о томъ тричастномъ крестѣ Христовѣ за много лѣтъ до Христова вочеловѣченія пророчествоваша, и яко отъ трехъ древъ сотворенну ему быти глаголюща (аша). Якоже велегласный пророкъ Исаія о немъ, во главѣ 60, свидѣтельствуетъ и пишетъ сице: Слава Ливанова къ тебѣ пріидетъ певгомъ и кедромъ и кипарисомъ прославити имя святое мое и прочая. Такоже и святый Иванъ Дамаскинъ о немъ хваляся вопіетъ: О треблаженное древо, на немже распятся Христосъ царь и Господь. И въ октаѣ, государь, 3-го гласу, въ среду и въ пятокъ, въ сѣдальнахъ на утрени пишетъ сице: На кипарисѣ и певгѣ и кедрѣ вознесся еси агнче Божій. Такоже и во многосложномъ своемъ посланіи Германъ патріархъ, листъ 2, пишетъ сице: Яко честный и животворящій крестъ, отъ трехъ древъ, кипариса и певга и кедра, въ тридневную смерть Господа Ісуса содѣланъ бысть.

И преподобный Григорій Синаитъ въ воскресномъ дневномъ канонѣ творенія своего, во многихъ мѣстѣхъ, воспоминаетъ точію о истинномъ, тричастномъ крестѣ Господни и пишетъ сице: Кресте трисоставне и свѣтне, кресте треблаженный, тріеобоюдный мечь, древо трелюбезно и знаменіе непостижимыя Троицы, крестъ трисоставный образъ. Такоже, государь, и вси святіи пишутъ и почитаютъ истинный тричастный крестъ Христовъ, а не крыжъ двоечастный, о немже никтоже отъ святыхъ воспомянулъ во единомъ словѣ, ежебы предпочтену ему быти паче истиннаго креста Господня. А и прародители твои, государевы, благовѣрные цари и великіе князи въ русской землѣ крыжомъ чести отнюдь не воздавали, иже и тѣмъ латинскія вѣры не почитали. Якоже во исторіи пишетъ, еже бы то (еже бысть) отъ созданія міра въ лѣто

6981, егда пріиде изъ Царя-града царевна Софія въ царствующій градъ Москву къ великому князю Ивану Васильевичу, а съ нею пришелъ изъ Рима отъ папы посолъ Антоній лагатосъ и несъ передъ собою крыжъ, великій же князь и преосвященный Филипъ митрополитъ московскій и всея Русіи, и весь освѣ(я)щенный соборъ и царскій синклитъ и всѣ московстіи народи съ тѣмъ крыжомъ ни близь царствующаго града Москвы пройти не пустили, сего ради, яко да не будетъ нами православными латынскі(а)я вѣры(а) почитаема, понеже бо писано есть, яко возлюбивъ и похваливъ чужую вѣру, той своей поругался есть. Такожде, государь, и вселенскій учитель Иванъ Златоустый въ воскресномъ толковомъ евангеліи, въ недѣлю 3 святаго поста, той латынскій крыжъ за истинный крестъ Христовъ не почитаетъ же, но образъ и сѣнь его быти нарицаетъ. И аще, государь, все божественное писаніе свидѣтельствуетъ намъ, яко той крыжъ образъ и сѣнь креста, а не самый истинный и животворящій крестъ Господень, токмо (то кая), государь, потреба нынѣ намъ, оставя истину, и паки тое законную сѣнь гонити и законная мудрствовати, еже крыжъ почитати, а истинный крестъ Христовъ презрати? И аще бы, по апостолу, первый законъ непороченъ былъ, не бы второму изыскалося мѣсто.

Да въ тѣхъ же, государь, новыхъ книгахъ напечатано по томуже дамаскинову преданію, велѣно намъ креститися щепотью, тремя персты, а яже мы изъ начала пріяхомъ по апостольскому и святыхъ отецъ преданію, и по свидѣтельству преподобнаго Петра Дамаскина, и святаго Ѳеодорита, и блаженнаго Максима Грека, и по соборному уложенію Макарія митрополита московскаго и всея Русіи и всѣ (всего) освященнаго собора, тѣ новые вѣры учители двѣма персты креститися намъ возбраняютъ, а не крестящихся щепотію проклинаютъ, и тѣмъ точію всуе себе труждаютъ и грѣхъ на свою главу собираютъ, понеже писано есть: аще святитель проклинаетъ не по дѣлу Божію, сирѣчь не по священнымъ правиломъ, не послѣдуетъ Божій судъ, а непокоряющіися имъ аще и проклятіи отъ нихъ, но отъ Бога великимъ хваламъ достойни суть.

А что при благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Иваннѣ Васильевичѣ всеа Русіи преосвященный Макарій митрополитъ, по апостольскому преданію, на освященномъ и богодухновенномъ своемъ соборѣ уложили и не крестящихся двѣма персты вѣчному проклятію предали, и они тому церковному уложенію и священному собору, паче же Христову и апостольскому преданію не повинуются, да и намъ также повиноватися не велятъ, и полагаютъ то соборное проклятіе ни за что, и тѣмъ своимъ неповиновеніемъ учинили себя подъ вѣчнымъ проклятіемъ, да и насъ нынѣ грѣшныхъ ведутъ съ собою подъ тоже проклятіе; а не повинующихся, государь, ихъ странному ученію и непріемлющихъ новые ихъ вѣры они, никоновы ученицы, мучатъ лютыми томленьми и ругаются всякимъ руганіемъ безчеловѣчнымъ. А святіи апостоли, государь, и святіи отцы въ прежнія лѣта такова ругательства и безчеловѣчія [1]) и надъ богоотступниками отнюдь не творили, но аще кто и впадетъ въ нѣкое прегрѣшеніе, и они исправляли таковыхъ духомъ кротости, и любовію, и терпѣніемъ, послѣдствуя кроткому пастырю своему и учителю Христу, понеже онъ, спаситель Христосъ Богъ нашъ,

---

[1]) Одно изъ очень цѣнныхъ мѣстъ въ челобитной для характеристики пріемовъ борьбы официальной церкви съ расколомъ (не проповѣдь и ученіе, а огонь и желѣзо).

начальникъ и совершитель нашея православныя христіанскія вѣры, самъ училъ пресвятыми своими усты божественнымъ и спасеннымъ заповѣдемъ не гордостію, и не мученіемъ, и не руганіемъ, якоже они творятъ, но самъ вся претерпѣ нашего ради спасенія. А нынѣшняго, государь, на концѣ послѣдняго вѣка новые вѣры проповѣдницы отнюдь нетерпѣливы, и немилосердны, и неблагоприступны, и горды; аще и едино слово явится имъ неугодно, и они хотятъ за то и душу съ тѣломъ разлучити и смерти предати. И воистину, государь, блаженъ той, егоже сподобитъ Господь отъ таковыхъ нынѣшнихъ учителей до смерти пострадати, и вѣруемъ Божественному писанію, яко тіи паче прежнихъ мучениковъ у Бога обрящутся. О семъ бо и мы молимъ человѣколюбіе Божіе, яко да и насъ грѣшныхъ сподобитъ отъ нихъ пострадати и поне малу отраду въ будущемъ вѣцѣ за своя согрѣшенія получити.

Да въ тѣхъ же, государь, новыхъ книгахъ напечатано, велѣно говорить аллилуія трижды, а въ четвертые Слава тебѣ Боже. И мы, богомольцы твои, троити та божественнàя аллилуія отнюдь не смѣемъ, бояся тогоже гнѣва Божія и пречистыя Богородицы, иже бысть явное наказаніе за утроеніе божественной аллилуіа иной вѣры попѣ (на Іовѣ распопѣ) псковскомъ и троеженцѣ, иже и мотыльный столпъ наречеся, егда онъ не послушалъ наказанія преподобнаго отца Евфросина псковскаго чудотворца, еже двоити божественнае аллилуія, якоже предаде ему Іосифъ Царя-града вселенскій патріархъ, и того ради своего непослушанія и суемудреннаго начинанія онъ, Іовъ, воспріялъ отъ Бога веліе отмщеніе, инымъ впредь на увѣреніе,—прежде будущаго мученія пораженъ бысть богопопущенною лютою язвою и неисцѣльнымъ недугомъ, кипѣлъ въ червяхъ и въ смрадѣ нсудобъстерпимомъ два года, и въ той лютой язвѣ и душу свою изверже; а иже троити божественнае аллилуіа возбраняющаго преподобнаго отца Евфросина псковскаго чудотворца за сіе богоугодное мудрованіе Господь Богъ прославилъ во святыхъ; а по представленіи его наипаче же намъ совершеннѣйше бысть извѣщеніе: сама владычица наша пресвятая Богородица въ явленіи своемъ со архангеломъ и съ преподобнымъ Евфросиномъ явися списателю житія его и повелѣ православнымъ христіаномъ божественнае аллилуіа глаголати дважды, а третіе приглашати: Слава Тебѣ Боже, а троящимъ изрече прещеніе страшно. Къ сему же, государь, и въ книгѣ глаголемой Стоглавъ, въ царскомъ и святительскомъ соборномъ уложеніи, написано, яко то латинская ересь, еже троити аллилуія, и пишетъ сице: яко соборная и апостольская церковь имѣя и предаде, еже дважды глаголати святая аллилуія, а не трегубити, понеже бо сія нѣсть православныхъ преданіе, но латынская ересь, не славятъ бо Троицу, но четверятъ, и Духа Святаго отъ Отца и отъ Сына исходяща глаголютъ, и тѣмъ раболѣпна Духа Святаго творятъ, и того ради не подобаетъ святыя аллилуіи трегубити, и (но) дважды глаголати: аллилуія, аллилуія, а въ третіе: Слава Тебѣ Боже. Такоже, государь, и блаженный Максимъ Грекъ въ книгѣ своей пишетъ и нарицаетъ латинскою ересію. Да они же, новые вѣры учители, въ молитвѣ Ісусовѣ сына Божія именовати намъ не велятъ, не вѣдомо для чего. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Такожъ... вкратцѣ рещи весь церковный чинъ и уставъ, что держитъ

церковь Божія, то все перемѣнили, и книги перепечатали не по преданію святыхъ отецъ, и всю православную христіянскую вѣру испревратили на свой разумъ. А указываютъ, государь, они на старые книги и говорятъ, что де въ греческихъ книгахъ такъ написано, и печатаютъ съ нихъ безъ расмотрѣнія и безъ свидѣтельства, аще что и доконца худо и непотребно, тому они не внимаютъ, точію бы имъ было противъ греческихъ книгъ. И тѣми, государь, греческими книгами они православную нашу христіянскую вѣру истребили дотолика, будто и слѣдъ православія въ твоемъ государствѣ, російскомъ царствіи до сего временине именовался, и учатъ насъ нынѣ новой вѣрѣ, якоже Мордву или Черемису, невѣдущихъ Бога (и) истинные христіанскіе православные вѣры. А мы, богомолцы и раби твои государевы, аще и многогрѣшни, но держимъ истинную православную христіянскую вѣру, самимъ Господемъ нашимъ Ісусъ Христомъ преданную, и святыми апостолы и святыми отцы, седми вселенскими соборы, утвержденную, непоколебиму и нерушиму, тоже преданіе, которое по се время держали прародители твои государевы, благовѣрныя цари и великія князи, и отецъ твой, великаго государя, благовѣрный государь нашъ, царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Росіи, въ нейже и чюдотворцы и начальники наши Зосима и Саватей, и Германъ и Филиппъ митрополитъ московскій и всея Росіи, и вси святіи отцы угодили Богу, и многіе чюдотворные иконы Господь Богъ въ чюдесѣхъ у насъ, въ русской землѣ, прославилъ, и нынѣ прославляетъ, и неизреченную свою милость отъ нихъ намъ подаетъ. А сверхъ, государь, того, сами они, вселенскіе патріархи, прежде бывшіи у насъ въ русской земли, Іеремій цареградцкій и Ѳеофанъ іерусалимскій и иные многіе палестинскіе власти о нашей православнѣй истиннѣй вѣрѣ свидѣтельствуютъ списаніемъ, якоже въ книгѣ Кормчей московской печати, листъ 15 и 26, пишетъ сице, что де у нихъ въ Царѣградѣ и во Іерусалимѣ конечное православной вѣрѣ греческаго закона отъ агарянъ насиліе и погубленіе, церквамъ Божіимъ запустѣніе и разореніе, не(но) точію единъ на всей вселеннѣй владыка и блюститель непорочныя вѣры христіянскія, самодержавный великій государь, царь благочестіемъ всѣхъ превыдетъ, и все благочество въ твое государство едино царство собрашася, и третій Римъ благочестія ради твое государство московское царство именоваша.

И аще бы, государь, наша православная христіянская вѣра неправа, то бы и милости и чудесъ отъ тѣхъ чюдотворныхъ иконъ не было, и прародителей твоихъ государевыхъ, благовѣрныхъ царей и великихъ князей, и преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ Господь Богъ во святыхъ чюдесы не бы прославилъ, и вселенскіе православные патріархи, наипаче же началнѣйшій и глава всѣмъ Іеремія цареградцкій, и Ѳеофанъ іерусалимскій и иные многіе палестинскіе власти не бы православныя нашіе христіанскіе вѣры похвалили. И аще, великій государь, толикія многія и безчисленныя свидѣтельства на нашу православную христіянскую вѣру, яко непоколебимо въ православныхъ догматѣхъ и въ церковныхъ исправленіихъ пребываетъ: то кая, государь, нужда намъ тое истинную православную вѣру, самимъ Господемъ Богомъ преданную, и святыми отцы утвержденную, и вселенскими верховнѣйшими патріархи похваленную, нынѣ покинути и держати новое преданіе и иную вѣру? Аще ли, государь, намъ нынѣ на конецъ послѣдняго вѣка учитися сызнова новой вѣрѣ ни (и) слушати ихъ непотребнаго ученія, его же страшно

и помыслити, еже духу нечистому молитися, и ходити по татарски безъ крестовъ, и безгрѣшнаго сына Божія именовати грѣшнымъ, и воскресеніе его и вочеловѣченіе не проповѣдывать, и креститися щепотью, и истинный крестъ отринути и крыжъ латынской почитати, и аллилуія четверити, и прочая ихъ небогоудная мудрствовати: то развѣ, государь, и креститися намъ будетъ сызнова, и святыхъ угодниковъ Божіихъ и чюдотворцевъ изъ церкве Божіи, по ихъ мудрованію, будетъ изринути вонъ, егоже не даждь намъ Боже ни слышати.

И аще, государь по ихъ, новыхъ учителей, хуленію держали мы по се время будто не истинную православную вѣру: но прародители твои, государевы, благовѣрные цари и великіе князи, и святіи отцы православніи. Аще ли, государь, они были православніи, то и мы явѣ яко православни. Аще ли, государь, они и мы православніи, то почто имъ у насъ православная христіянская вѣра отъимати и учити насъ новой вѣрѣ и странному ученію, которые сами ничего не знаютъ и конечнаго исправленія въ православной вѣрѣ требуютъ? Понеже, государь, очи ушію вѣрнѣйши суть и паче слуха видѣніе, всѣмъ намъ явно каково ихъ исправленіе, наипаче же самому тебѣ, великому государю, вѣдомо и извѣстно: ибо и самые ихъ лутчіе греческіе учители, егда пріѣзжаютъ въ рускую землю, и ни единъ лица своего перекрестити не умѣетъ и ходятъ безъ крестовъ. А у насъ, государь, невѣжи и поселяня имъ дивятся и говорятъ: что-де они, палестинскіе власти, пастыри и учители нарицаютца и выную землю учити пріѣзжаютъ, а сами и лику своего перекрестити не умѣютъ, то-де чему насъ поселянъ научити, и какова-де отъ нихъ научитися намъ въ православнѣй вѣрѣ исправленія. А божественное писаніе неистово крестящихся нарицаетъ отмѣтниками креста Христова и пишетъ сице: аще кто лѣностію, или невѣжествомъ не исправляетъ креста на лицѣ своемъ, той отмещется креста Христова и предаетца діяволу. Поистинѣ, великій государь, тѣ прежніе вселенскіе патріархи, Іеремія и Ѳеофанъ, писали они въ грекахъ не мимо дѣла, что православная вѣра у нихъ отъ насилія поганыхъ турковъ до конца иссякла. Влѣпоту убо, государь, пріѣзжаютъ (жать) въ твое государево благочестивое россійское царствіе, самимъ учитись православной христіянской вѣрѣ и благочестію навыкати, яко да доволни будутъ въ своей землѣ и иныхъ научити. Подобаетъ бо, государь, по божественному писанію, учителю прежде самому научитись, такожъ и иныхъ научити. По истинѣ, государь, тѣ нынѣшніе греческіе учители пріѣхали въ твое государство російское не вѣры исправлять, но злата и сребра и вещей собирати и міръ истощать [1]). А нынѣ, государь, видя вѣсно ихъ греческаго ученія въ православной нашей христіянствѣй вѣрѣ смятеніе и церквамъ Божіимъ неумиреніе и повсядневное примѣненіе, многіе иноземцы намъ посмѣхаютца и говорятъ, будто мы христіанскіе вѣры по сю пору не знали, а будетъ-де и знали, ино нынѣ заблудили, и о томъ что де ваша вѣра и нынѣ (книги) всѣ перемѣнены по новому, и съ прежними вашими книгами, кои при прежнихъ царехъ были, нынѣшніе книги ни въ чемъ ни сходятца. И намъ, государь, противъ ихъ ругателства отвѣту дать нечего, потому что они видятъ наше непостоянство, поносятъ насъ дѣломъ, не точію тѣмъ противимся, и отъ нихъ отходимъ, и говоримъ, что у насъ истинная

[1]) Опять въ высокой степени цѣнное мѣсто.

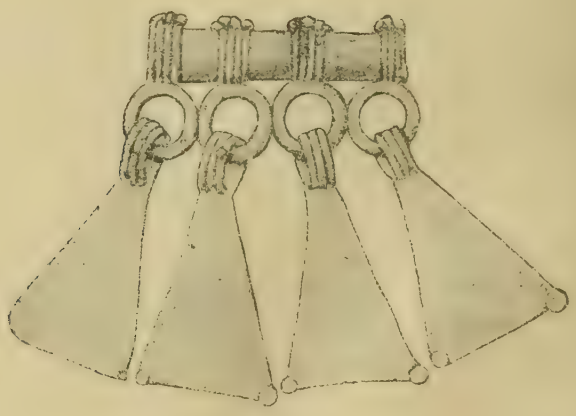
православная христіянская вѣра отъ крещенія рускія земли, прародителя твоего государева, благовѣрнаго и равно апостоломъ великаго князя Владимера лѣтъ съ семсотъ до никонова патріаршества, и до учениковъ ево, и до нынѣшнихъ греческихъ учителей стояла нерушима и непоколебима и твоему, великаго государя, россійскому царствію отъ иноплеменныхъ разоренія и церквамъ Божіимъ запустеніе(я) и еретическаго раздранія и книгамъ истребленіе(я), прародителей твоихъ государевыхъ и твоими, великаго государя, молитвами, не бывало, измѣнитца у насъ въ православной христіянской вѣрѣ было ничего (нечего).

А сверхъ тово, тое нашу православную христіянскую вѣру свидѣтельствовали вселенскіе патріархи и всѣ палестинскіе власти не въ одно время, и они до конца у насъ въ русской земли благочестивое истинное православіе похвалили, и писанію предали, и печатми царскими и руками своими то писаніе утвердивше, въ соборной и апостольской церкви положили, якоже въ прежде реченной книгѣ, глоголемой Кормчей, о семъ свидѣтельствуетъ, и хотяй сего подлинно увѣдати, самъ да смотритъ тамо. И понеже, государь, зависть не вѣсть предпочитати полезнаго и николиже оставляетъ познати истинны, тѣ греческіе учители и никоновы ученицы, завистію подвижими, тѣхъ вселенскихъ прежнихъ патріархъ богодухновенное на нашу истинную православную вѣру свидѣтелство положили нивочто. А имъ, государь, грекамъ православная христіянская вѣра, по се время изронить недивно: понеже живутъ толико множество лѣтъ посредѣ безбожныхъ и поганыхъ турковъ, во всякомъ озлобленіи и неволѣ, и православную вѣру держатъ дни своя окупаючи, и многіе монастыри и церкви Божіи у нихъ стали въ конечномъ раззореніи. А книги, государь, у нихъ грековъ, кои прежняго благочестиваго исправленія были, послѣ цареградскаго взятія отняли рымляне и перепечатали у себя, по своему латынскому обычаю, и тѣ имъ свои латынскіе книги роздали, а ихъ греческіе книги всѣ огнемъ сожгли. И о семъ свидѣтельствуетъ въ книгѣ своей блаженный Максимъ Грекъ. А у насъ благодатію Христовою по се время того не бывало. А которые, государь, старые книги у нихъ, грековъ, нынѣ еще есть, и тѣ книги отъ еретиковъ многіе испорчены, насѣяно въ нихъ много худыхъ плевелъ: понеже во время тѣхъ старыхъ книгъ въ грекахъ еретиковъ и богохулниковъ и иконоборцовъ было много. Да и намъ, государь, тѣ ихъ греческіе книги нынѣ стали всѣмъ явны, что они не исправны и отъ еретиковъ испорчены: понеже, государь, въ русскихъ нашихъ печатныхъ книгахъ до сего времени, покамѣста съ греческихъ книгъ не печатали, никоторые посылки и зазоры не было; а какъ почали печатать изъ греческихъ переводовъ, и въ тѣхъ новыхъ рускихъ печатныхъ книгахъ объявилось много худыхъ и богохулныхъ и непотребныхъ рѣчей, ихже вкратцѣ вмалѣ тебѣ, великому государю, въ сей челобитной выше сего изъявихомъ.

Милосердый, благочестивый, Богомъ избранный, великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ! молимъ твою, великаго государя, благочестивую державу и плачемся вси, со слезами милости просимъ, помилуй насъ, нищихъ богомолцовъ своихъ и сиротъ, не вели, государь, у насъ тѣмъ новымъ учителемъ и вселенскимъ патріархамъ истинную нашу православную христіянскую вѣру, самимъ Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и святыми его апостолы преданную, и седми вселенскими соборы, и твоими государевыми прародители утвержденную, измѣнити и порудить. чтобы

намъ Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа, царя царствующимъ и Господа господьствующимъ не прогнѣвить и во вѣки въ безконечное мученіе осужденнымъ не быть, и тою новою вѣрою прародителей твоихъ государевыхъ и святыхъ отецъ не посрамить, а иноземцомъ и хулникомъ нашея христіанскія православныя вѣры впредь дерзновенія не подать, и вели, государь, быти въ томъ же благочестіи и преданія(и), въ коемъ чюдотворцы и началники наши Зосима и Саватій, и Германъ, и Филиппъ митрополитъ московскій и всея Росіи, и вси святыя угодили Богу, и вси прародители твои государевы, и отецъ твой блаженныя памяти благочестивый и великій государь, царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всея Русіи, и дѣдъ твой, приснопамятный блаженный Филаретъ Никитичь, московскій и всея Русіи патріархъ, препроводиша дни своя, чтобъ намъ подъ запрещеніемъ и клятвою святыхъ отецъ не быть, и во вѣки душею и тѣломъ не погибнуть.

Аще ли твой, великаго государя, помазанника Божія и царя гнѣвъ на насъ грѣшныхъ изліетца, и православную нашу христіянскую непорочную вѣру тѣмъ новые вѣры проповѣдникомъ отнять у насъ попустити изволишь, и чюдотворцевъ нашихъ и прочихъ святыхъ отецъ преданіе измѣнить, и о семъ тебѣ, великому государю, прежде въ челобитной своей писали, и нынѣ тожде пишемъ: лучше намъ временною смертію умереть, нежели вѣчно погибнуть. Или аще, государь, огню и мукамъ насъ тѣ новые учители предадутъ, или на уды разсѣкуть: но убо измѣнить апостольскаго порсченнаго (и отеческаго) преданія не будемъ во вѣки. Великій государь царь, смилуйся пожалуй!



Заставки, концовки и буквы третьяго тома.

1. Образцы *заглавныхъ* буквъ — см. о нихъ въ объясненіяхъ перваго тома.

2. Заставка перваго раздѣла главы XIII-ой—изображеніе польскаго сейма съ гравюры, напечатанной въ Римѣ въ 1622 году и находящейся нынѣ въ собраніи Румянцовскаго Музея, въ Москвѣ.

Положеніе отдѣльныхъ лицъ и группъ, равно какъ происхожденіе гравюры, объясняются подписью, напечатанной внизу гравюры:

A. Sacra Regiae Maiestas.
B. Archiepis^{c}. Gnesnen. Primas Regni.
C. Archiepis^{c}. Leopolien.
D. Episcopi Senatores.
E. Palatini Castellani Senatores.
F. Magistratus et Officiales Regni et Magni Ducatus Lithuaniae Senatores.
G. Officiales Curiae Aulici et Secretarij *R. S. M*
H. Nobiles Regni et Magni Ducatus Lithuaniae.

Происхожденіе и дата гравюры обозначаются въ этой подписи такъ:

Jacobus Laurus f (ecit) 1622 Romae cum privilegio Summi Pontificis.

Сверху залъ украшенъ изображеніями гербовъ: Великой Польши, Малой Польши, Литвы, Руси, Пруссіи, Мазовіи, Самогитіи, Ливоніи, Подоліи, Помераніи, Краковіи (?), Волыни, Молдавіи, Валахіи, Силезіи и Северіи.

На оборотѣ гравюры, наклеенной на толстый картонъ, читается чернильная надпись по-польски: Sztych z roku 1622 wyobrażajacy nabyty u antykwarjusza w Londynie w. r. 1857 i ofiarowany Wilenskiemu Museum przez Doktora J. Titius'a.

3. Концовка перваго раздѣла XIII-ой главы—изображеніе на смертномъ одрѣ великаго князя литовскаго и короля польскаго Ягайла Ольгердовича (Владислава), женившагося въ 1386 году на Ядвигѣ, дочери короля венгерскаго Людовика и королевѣ польской (унія Литвы и Польши 1386 г.; пораженіе въ 1410 г. на границѣ Пруссіи и Польши Тевтонскаго ордена при деревняхъ Грюнвальдѣ и Танненбергѣ).

4. Заставка второго раздѣла XIII-ой главы—изображеніе епископа владимірскаго и брестскаго, позднѣе митрополита кіевскаго и галицкаго Ипатія Потѣя по грамотамъ польскаго короля Сигизмунда III отъ 26 сентября 1599 года и 8 апрѣля 1600 года, горячаго сторонника церковной уніи. И. Потѣй умеръ во Владимірѣ-Волынскомъ 18 іюня 1613 г. Русскіе историки стараго типа, особенно историки церкви, обыкновенно изображали дѣятельность Ипатія Потѣя крайне пристрастно и грубо тенденціозно, что надлежитъ не упускать изъ вида. М. Макарій въ X томѣ «Исторіи русской церкви» замѣчаетъ: «Для литовской церковной уніи Потѣй сдѣлалъ столько, сколько не сдѣлалъ никто изъ его това-

рищей: безъ него, безъ его усилій и трудовъ, она не утвердилась бы въ краѣ, не пустила бы въ немъ корней и, можетъ быть, на первыхъ же порахъ, мало-по-малу, прекратилась бы... Всѣ прочіе владыки, принявшіе унію вмѣстѣ съ Рогозою и Потѣемъ и въ началѣ, повидимому, ревновавшіе о ней, скоро какъ бы ее забыли, ничѣмъ не заявляя своей заботливости о ней... И, сколько извѣстно, самъ Потѣй, сдѣлавшись митрополитомъ, ни разу не обращался къ этимъ своимъ товарищамъ... Онъ предпочелъ безъ нихъ постоять за свою излюбленную унію всѣми своими силами и средствами, и дѣйствительно спасъ ее на первыхъ порахъ и утвердилъ въ литовскомъ краѣ. Спасъ и утвердилъ ее, во-первыхъ, тѣмъ, что въ продолженіе своего почти четырнадцатилѣтняго первосвятительскаго служенія велъ за нее непрерывную войну съ своими противниками неустанно и съ величайшею энергіей..., а, во-вторыхъ, тѣмъ, что приготовилъ себѣ новыхъ помощниковъ и сотрудниковъ въ родѣ Іосифа Велямина Рутскаго, Ильи Мороховскаго, Іосафата Кунцевича, которые впослѣдствіи упрочили и продолжили то, чему онъ положилъ начало. Нѣтъ достаточнаго основанія отрицать, что Ипатій Потѣй дѣйствовалъ на своемъ поприщѣ по убѣжденію искреннему» и глубоко страстному. Изображеніе м. Ипатія Потѣя взято съ гравюры изъ древней старопечатной книги; подъ изображеніемъ имѣется такая подпись:

Wizerunk prawdziwy Męża Bożego Hipacyusza Pocieia
Arcybiskupa Metropolity Kiyowskiego, Halickiego y całey
Rusi, Biskupa Włodzimierskiego y Brzeskiego.

5. Концовка второго раздѣла XIII-ой главы—изображеніе польской королевы Ядвиги, взятое съ родословнаго древа.

6. Заставка третьяго раздѣла XIII-ой главы—изображеніе Богородицы, снятое съ одной изъ Почаевскихъ досокъ.

7. Концовка третьяго раздѣла XIII-ой главы—гербъ князя Константина Константиновича Острожскаго, воеводы кіевскаго, маршалка земли волынской, старосты влодимірскаго и др.

8. Заставка перваго раздѣла главы XIV-ой—взята съ особаго листка, приложеннаго къ старой голландской брошюрѣ 1698 г. *Berigt bij de navolging der afdrus van eene Plaat door Peter der Groote czaar van Rusland te Amsterdam in 1698 geëtst.* По преданію гравюра собственноручно выжжена Петромъ I крѣпкой водкой подъ непосредственнымъ руководствомъ голландскаго мастера.

9. Концовка перваго раздѣла главы XIV-ой—подпись подъ гравюрой, упомянутой выше въ пунктѣ 8-мъ настоящихъ объясненій; передаетъ легенду этой гравюры, утверждая, что она сработана Петромъ Алексѣевичемъ, великимъ царемъ русскихъ, подъ руководствомъ Адріана Шонебека.

10. Заставка второго раздѣла главы XIV-й—образчикъ русской гравюры XVIII столѣтія; подпись, сдѣланная на ней, читается легко и потому нѣтъ нужды ее приводить здѣсь; снято съ оригинала изъ собранія Д. А. Ровинскаго.

11. Концовка второго раздѣла главы XIV-й—изображеніе малороссійскаго гетмана Мазепы; то же представляетъ собой и заставка четвертаго раздѣла той же главы.

12. Заставка и концовка третьяго раздѣла главы XIV-й представляютъ собою одну старую, петровскаго времени гравюру, разрѣзанную пополамъ; одна ея половина — лѣвая — взята для заставки, а другая—правая—для концовки.

13. Заставка четвертаго раздѣла главы XIV-ой—см. 8-ой пунктъ настоящихъ объясненій.

14. Заставка пятаго раздѣла главы XIV-ой—апоѳеозъ Петра I, работы гравера Алексѣя Зубова, послѣдній извѣстный листъ рѣзьбы котораго относится къ 1741 г.

15. Концовка пятаго раздѣла главы XIV-ой—герольдъ въ своемъ уборѣ, работы гравера Ивана Соколова изъ описанія коронованія императрицы Елизаветы 25 апрѣля 1742 г., изданнаго въ Петербургѣ въ 1744 г.

16. Заставка шестого раздѣла главы XIV-ой—видъ петербургской биржи, снимокъ съ гравюры первой половины XVIII столѣтія.

17. Концовка шестого раздѣла главы XIV-ой—снимокъ съ виньетки изъ изд. времени Екатерины Второй.

18. Заставка седьмого раздѣла главы XIV-ой—фасадъ придворной залы въ зимнемъ домѣ, что на Яузѣ, работы гравера Ивана Соколова изъ упомянутаго выше изданія.

19. Концовка седьмого раздѣла главы XIV-ой—снимокъ съ медали, выбитой въ честь графа Алексѣя Григорьевича Орлова.

20. Заставка перваго отдѣла приложеній—портретъ царя Ивана Грознаго, работы профессора Императорской Академіи Художествъ Николая Уткина въ 1832 г., изъ книги Н. Устрялова *Сказанія князя Курбскаго* (часть I. Спб. 1833). Портретъ, по словамъ Устрялова, точно скопированъ «безъ малѣйшей перемѣны въ очертаніи лица» (стр. XXVI) изъ рукописи времени царя Алексѣя (стр. 201), принадлежавшей когда-то графу А. И. Мусину-Пушкину, а затѣмъ попавшей въ Академію Художествъ.

21. Концовка перваго отдѣла приложеній—бронзовое украшеніе, представляющее короткій суставчатый цилиндрикъ съ тремя рубчатыми петлями, украшенными продолговатыми бутылеобразными привѣсками (изъ «Муромскаго могильника Владимирской губерніи»; собраніе графа А. С. Уварова).

22. Заставка второго отдѣла приложеній—знакъ печатника Ивана Ѳедорова, умершаго въ Львовѣ 5 декабря 1583 г. Ивану Ѳедорову воздвигнутъ въ Москвѣ памятникъ у Китайской стѣны противъ Рождественки.

23. Концовки второго отдѣла приложеній—съ гравюры на деревѣ изъ старопечатныхъ славянскихъ книгъ XVII вѣка; заставка четвертаго отдѣла приложеній—тоже.

24. Заставка и концовка третьяго раздѣла приложеній—съ гравюры на деревѣ, южно-русской печати; одно изображеніе раздѣлено на двѣ части: верхняя взята въ заставку, а нижняя въ концовку.

25. Заставка четвертаго отдѣла приложеній—см. 23-ій пунктъ настоящихъ объясненій.

26. Концовка четвертаго отдѣла приложеній—бронзовое украшеніе, состоящее изъ верхняго цилиндра, составленнаго изъ перевитой проволоки, имѣетъ четыре петли съ конусообразными привѣсами и съ длиннымъ приклепаннымъ (на задней сторонѣ) ушкомъ. На одномъ изъ подобныхъ экземпляровъ конусы выгибаются, украшаются конечными точками—чувствуется, по словамъ описанія древностей въ собраніи гр. А. С. Уварова, переходъ къ лапчатому украшенію (изъ «Муромскаго могильника Владимирской губерніи»).

В. Стор.

ОГЛАВЛЕНІЕ III ТОМА.

Стр.

ГЛАВА XIII.

Борьба за Малороссію.

1. Западная Русь XVI—XVII вв.

Внѣшняя политика дворянской Россіи . . . . . 1—6
Стратегическія условія 1
Колонизація 3
Борьба двухъ типовъ колонизаціи; идеологія борьбы 4
Юго-зап. Русь послѣ татарскаго разгрома 6
Литовско-русскій феодализмъ . . 7
Люблинская унія; ея соціальныя условія 10
Экономическій переворотъ XV—XVI столѣтій . . . . . 13—20
Замѣна натуральнаго оброка денежнымъ 13
Барщина 14
Уменьшеніе крестьянскаго надѣла 16
Судьба обезземеленныхъ 19
Вольная колонизація: романтическое представленіе о казачествѣ 20
Дѣйствительное соціальное значеніе казачества:
великорусскаго 21
украинскаго 23
Казацкая революція, какъ эпизодъ борьбы феодальной и буржуазной собственности 27

2. Казацкая революція.

Идеологическая оболочка казацкаго движенія и его организаціонный центръ 28

Стр.

Церковная унія . . . . . 28—34
Церковь и денежное хозяйство . 29
Церковь и буржуазія: братства . 31
Феодальная реакція въ церкви . 33
Связь казачества и буржуазіи . . 34
Запорожье 34
Экономическій конфликтъ: хлѣбная торговля и пиратство . . . 36
Политическій конфликтъ . . . . 37—43
Первые „рухи“ 38
Схема казацкаго возстанія . . . 41
Этапы наступленія Польши на Запорожье 42
Хмельниччина . . . . . 43—51
Условія, обострившія кризисъ: „ординація“ 1638 г. 44
Роль Крымской орды 44
Политическая обстановка: Богданъ и „чернь“ 46
Отношеніе казацкаго и крестьянскаго движенія, роль мѣщанъ . 47
Хмельницкій, какъ выразитель казацкаго движенія 48
казацко-мѣщанско-церковнаго 49
Разрывъ съ крестьянствомъ . . . 50

3. Украина подъ московскимъ владычествомъ.

Необходимость иностранной поддержки послѣ разрыва; колебанія между Швеціей и Москвой. 52
Альтернатива казацко-московскаго или московско-польскаго союзовъ 54
Хмельницкій и московское самодержавіе 56
Вліяніе успѣха на Хмельницкаго: „единовластецъ русскій“; борьба за политическую автономію 58

Стр.

Условія договора 1654 г.; соціальная реакція 59
Классовая борьба на Украинѣ и московскій захватъ . . . . . 61—69
Обрусѣніе Украины и интересы русскихъ помѣщиковъ 61
„Побилитація“ казацкой старшины 62
Москва и кіевская митрополія. . 63
Нарушенія автономіи 64
Московская демагогія, Самко и Брюховецкій 66
Андрусовское перемиріе 69
Соціальная реставрація . . . . . 69—75
Возрожденіе крупнаго землевладѣнія 69
Его экономическія условія . . . 70
Украинское дворянство половины XVIII в. 71
Монастырское землевладѣніе . . 72
Земельное ростовщичество . . . 72
Военный режимъ и феодализація. 73
Закрѣпощеніе казаковъ 74

ГЛАВА XIV.

Петровская реформа.

1. Торговый капитализмъ XVII вѣка.

Традиціонное представленіе о „европеизаціи Россіи“ 76
Параллелизмъ русскаго и западнаго культурнаго развитія XV—XVII вв. 77
Военно-финансовая схема реформы 78
Ея экономическая основа 79
Московская торговля XVII в.: ея некапиталистическій характеръ вначалѣ 79
Московское ремесло: его средневѣковыя особенности 80
Вторженіе европейскаго торговаго капитала . . . . . 82—101
Русско-нидерландская торговля . 83
Хлѣбный рынокъ въ началѣ XVII вѣка 85
Московское государство, какъ голландская „хлѣбная колонія“ . . 87
Голландскіе проекты и туземный торговый капиталъ 89
Концентрація капитала на почвѣ, главнымъ образомъ, заграничной торговли: царскія монополіи 90
Торговля шелкомъ и ея значеніе 93
Роль *гостей* 97

Стр.

Западные пріемы торговой конкуренціи: почта 98
Массовый характеръ заграничнаго ввоза 101
Вліяніе торговаго капитализма на *внѣшнюю политику*: Рига и Архангельскъ, коммерческіе интересы на Балтійскомъ морѣ и Сѣверная война 101
Балтійская торговля и комбинація державъ въ началѣ XVIII в. . . 105

2. Меркантилизмъ.

Старый и новый типы меркантилизма 107
Старый типъ въ Россіи: Новоторговый уставъ 108
Посошковъ 109
„Мѣдные рубли“ 110
Бунтъ по ихъ поводу и расправа съ бунтовщиками 112
Переходъ къ новому типу: Посошковъ 114
Люберасъ 115
Салтыковъ 116
Реальныя основы русскаго „кольбертизма“: до-петровскія фабрики 116
Дворцовыя мануфактуры 117
Заграничные предприниматели . . 119
Характеръ производства и сбыта . 120
Зачатки пролетаріата 121

3. Промышленная политика Петра.

Пріемы дворянскаго государства и экономическое развитіе: принужденіе, какъ основа экономической политики . . . . . 123—127
Регламентація производства . . . 124
Протекціонизмъ 126
Искусственное созданіе новыхъ отраслей производства: шелковыя мануфактуры 127
Недостатокъ свободныхъ рабочихъ рукъ и способы искусственной ихъ замѣны: примѣненіе арестантскаго труда 129
Крѣпостная фабрика 129
Банкротство петровскаго капитализма: мнѣніе комиссіи о коммерціи 1727 г. 130

4. Разложеніе феодальной администраціи.

Новая феодальная знать и торговый капитализмъ 132

Стр.

Устройство центральной администраціи въ XVII в. . . . . 134—138
Архаическія черты; мѣстничество 135
Значеніе личной близости къ царю 136
Приказы 136
Приказъ тайныхъ дѣлъ 138
Земскій соборъ . . . . . 139—144
Происхожденіе зем. собора изъ феодальныхъ отношеній 139
Экономическія причины его упадка 140
Земскіе соборы и политическая реставрація XVII в. 141
Архаическія черты московскихъ зем. соборовъ: составъ представительства 141
Неопредѣленность ихъ компетенціи 143
Земскій соборъ, какъ выраженіе экстреннаго запроса; вытекающая отсюда непопулярность зем. собора 144

5. Новый административный механизмъ.

Буржуазная администрація петровской Россіи . . . . . 145—150
Союзъ буржуазіи и феодальной знати; два проекта 1681 г. . . 146
Ратуша и ея связь съ предыдущими мѣрами 148
Происхожденіе губерній: военные округа XVII в., ихъ соціальное значеніе 150
Характеръ петровской губерніи . 152
Губерніи и ратуша: „растаскиваніе“ Россіи 154
Остатки централизаціи: *сенатъ*, какъ центръ царскаго хозяйства 154
Остатки буржуазной администраціи: фискалы, ихъ значеніе и судьба 157
Происхожденіе коллегій; разсказъ Фокеродта 160
Коллегіи и торговый капитализмъ 162
Коллегіи и дворянская реакція. . 164
Коллегіи и „верховные господа“ 165
Новые успѣхи дворянской реакціи; табель о рангахъ . . . 166
Послѣдняя вспышка буржуазныхъ тенденцій: реформа 1722 г. и генералъ-прокуратура 169

Стр.

6. Новое общество.

Торговый капитализмъ и *бытъ* русскаго общества; рѣзкость перемѣны; ея соціальные размѣры 172
Эпоха Петра и западно-европейское „Возрожденіе“; характеристика Тэна 173
Петровскія празднества 175
Характеръ шутокъ Петра 177
„Всепьянѣйшій соборъ“ 178
Болѣе серьезныя формы вольнодумства; отношеніе Петра къ посту и къ раскольникамъ; дѣло Тверитинова 179
Литературный индивидуализмъ петровской эпохи: его подготовка въ литературѣ Смуты . . 182
Котошихинъ. „Гисторія“ князя Куракина 183
Индивидуализмъ въ правѣ: указы о майоратѣ и о престолонаслѣдіи 184
Научные интересы эпохи; Петръ-дантистъ; Петръ-фельдшеръ . . 186
Безграмотство петровскаго двора. 187
Простота нравовъ; петровская дубинка 187
Характерные черты петровской грубости: солдатчина 189
Отношеніе Петра къ гвардіи. . . 190
Военный характеръ забавъ Петра; солдатскія замашки 191
Связь солдатчины съ режимомъ; мнѣніе Фокеродта 193
Происхожденіе гвардіи 194
Ея значеніе при Петрѣ: гвардейцы въ сенатѣ; гвардейская тиранія въ провинціи 195
Гвардія, какъ центръ дворянской реакціи. 196

7. Агонія буржуазной политики.

Итоги петровской политики: разореніе крестьянства 198
Состояніе войска и флота . . . 199
Персидскій походъ; его экономическое значеніе, его неудача 200
Настроеніе наканунѣ смерти Петра 203
Обстоятельства его смерти . . . 203
Русскій престолъ становится избирательнымъ 204
Какъ въ дѣйствительности происходили выборы: Екатерина I и гвардія 205
Характеръ царствованія Екатерины; нарастаніе оппозиціи . . 206

	Стр.
Верховный тайный совѣтъ: его происхожденіе	208
Его политическое значеніе	210
Оппозиція генералитета: верховный т. совѣтъ и сенатъ	211
Буржуазная политика верховнаго тайн. совѣта	213—222
„Вольность коммерціи“, отмѣна торговыхъ привилегій Петербурга	213
Вліяніе Меншикова и дворянства: мѣры относительно подушной подати	214
Облегченіе дворянской службы	216
Значеніе паденія Меншикова; „верховники“ и Петръ II	218
Экономическая политика Д. М. Голицына	220
Отношеніе къ ней дворянства: нѣмецкій погромъ 1729 г.	224
Смерть Петра II и кризисъ 1730 г.: императорскія кандидатуры	225
„Пункты“ и ихъ дѣйствительное значеніе	227
Отношеніе къ нимъ гвардіи	228
Конституціонные проекты „верховниковъ“ и „генералитета“	229
Пассивное поведеніе шляхетской массы	231
Анна и гвардія	231
Побѣда генералитета и „возстановленіе самодержавія“	231

ПРИЛОЖЕНІЯ.

	Стр.
I. Русская жизнь XVI вѣка по Стоглаву	3
II. Протопопъ „богатырь“ и „священномученикъ“ XVII вѣка	31
III. Челобитная суздальскаго соборнаго попа Никиты Пустосвята	45
IV. Соловецкая челобитная	56

ИЛЛЮСТРАЦІИ III ТОМА.

Съ объяснительнымъ текстомъ В. Н. Сторожева.

	Стр.
1. Смерть Іосафата Кунцевича. Съ картины Зиммлера. (Mattdruckkunst.)	8
2. Баторій передъ Псковомъ. Съ картины Я. Матейко. (Mattdruckkunst.)	24
3. Запорожцы. Съ картины И. Е. Рѣпина. (Duplex.)	40
4. Московскія женщины и дѣвушки въ церкви (XVII ст.). Съ картины А. П. Рябушкина. (Mattdruckkunst.)	56
5. Утро стрѣлецкой казни. Съ картины В. И. Сурикова. (Duplex.)	72
6. Самодержица Софья. Съ гравюры. (Mattdruckkunst.)	80
7. Правительница царевна Софья Алексѣевна. Съ картины И. Е. Рѣпина. (Mattdruckkunst.)	88
8. Петръ—отецъ отечества. Съ гравюры. (Mattdruckkunst.)	104
9. Царица Евдокія Ѳедоровна Лопухина. Съ портрета масляными красками. (Mattdruckkunst.)	112
10. Свадебный пиръ Петра Романова и Екатерины Скавронской. Съ гравюры. (Mattdruckkunst.)	120
11. Царь Иванъ V. Съ гравюры. (Mattdruckkunst.)	128
12. Сраженіе при Нарвѣ. Съ карт. Зауэрвейда. (Mattdruckkunst)	136
13. Великій полководецъ. Съ карт. Ю. Рѣпина. (Mattdruckkunst)	144
14. Изъ букваря Каріона Истомина.	160
15. Потѣшные Петра I въ кружалѣ. Съ картины Рябушкина. (Mattdruckkunst.)	168

	Стр.
16. Петръ допрашиваетъ царевича Алексѣя Петровича въ Петергофѣ. Съ картины Н. Н. Ге. (Mattdruckkunst.)	184
17. Царевичъ Алексѣй Петровичъ. (Mattdruckkunst.)	192
18. Отреченіе царевича Алексѣя. Съ картины Шера. (Mattdruckkunst.)	200
19. С.-Петербургъ 1727 г. (Mattdruckkunst.)	208
20. Апоѳеозъ кн. А. Д. Меншикова. (Mattdruckkunst.)	216
21. Меншиковъ въ Березовѣ. Съ картины В. И. Сурикова. (Mattdruckkunst.)	224
22. Кондиціи Верховнаго Тайнаго Совѣта	232
23. Черный Соборъ. С. Д. Милорадовича. (Mattruckkunst.)	8
24. Аввакумъ. (Mattdruckkunst.)	24
25. Боярыня Морозова. Съ картины В. И. Сурикова. (Mattdruckkunst.)	40
26. Никита Пустосвятъ. Съ картины В. Г. Перова. (Duplex.)	48

Заставки, концовки и буквы третьяго тома.

(См. стр. 65.)

Обложка работы И. Билибина.

Duke University Libraries
D036968672